БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ
В РОССИИ

БЕЛАЯ БОРЬБА НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга представляет собой десятый том серии, посвященной истории Белого движения в России и событиям на Северо-Западном фронте с осени 1918-го по начало 1920 года по воспоминаниям ее участников. Подробно освещается боевая деятельность таких известных в свое время военачальников, как Н.Н. Юденич, светлейший князь А.П. Ливен, А.П. Родзянко, А.Е. Вандам, граф А.П. Пален, П.В. Глазенап, К.И. Дыдоров, Б.С. Пермикин, С.И. Булак-Булахович, П.Р. Бермондт-Авалов и др. Большое внимание уделено сложным военно-политическим аспектам взаимоотношений белых армий с бывшими союзниками (англичанами и французами) и бывшими противниками (немцами), а также со стремившимися к самостоятельности странами Балтии. Показан трагизм положения русских армий в Эстонии, вынужденных после неудачного похода на Петроград расформироваться, превратиться в массу беженцев и угодить в эстонские лагеря принудительных лесных работ для «лиц без определенных занятий».

Книга снабжена обширными и впервые публикуемыми комментариями, содержащими несколько сот неизвестных биографических справок об авторах и героях очерков.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

- Белая борьба на Северо-Западе России
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ Раздел 1
    - ■ Светлейший князь А. Айвен1
      - ■
      - ■ Наступление в Курляндии
      - ■ Июль 1919 года
    - ■ К. Дыдоров45
      - ■
      - ■ Из письма полковника К.И. Дыдорова[1]
    - ■ Г. Цельмин47
      - ■
      - ■ Митава
      - ■ Сторожевое охранение на реке Курляндской Аа
      - ■ Кальнецем
      - ■ Наступление на Ригу
    - ■ А. Северин52

- Светлейший князъ А. Айвен
  - Дневник54
- Фон Зауэр58
- К. Дыдоров
- Барон Н. Будберг61
- К. Брац64
- Барон Н. Будберг
- Г. Галактионов75
- И. Коноплин77
- Н. Бережанский
  -
  - Корни и истоки
  - Роль Антанты
  - Попытки Антанты разрушить русско-германское сближение
  - Солдатский бунт в Митаве
  - Положение корпуса полковника Бермондта
  - Безуспешность попыток эвакуации Курляндии
  - Противодействие эвакуации
  - Западная добровольческая армия
  - Тревога латышей
  - Роль полковника Бермондта в организации западного правительства
  - Первые шаги западного правительства
  - Предлог для ухода из Курляндии
  - Ультиматум полковника Бермондта латышам
  - Начало военных действий
  - Оборона Риги
  - Трагедия генерала Юденича
  - Блокада Германии и осада Риги
  - Вмешательство английского флота
  - Неудачи под Икскюлем и Фридрихштадтом
  - Тревога на Литве
  - Страдания Риги
  - Неудачи под Либавой и развал армии
  - Катастрофический удар
  - Падение Митавы
  - Конец «бермондтиады»
  - Война Латвии с Германией
  - Личность полковника Бермондта
- Раздел 2

- А. Северин
- Барон Г. Кистер110
- А. Родзянко112
- И. Гессен
  -
  - Из доклада Карташева, Кузьмина-Караваева и Суворова
- М. Ярославцев182
- А. Тершельман185
- Светлейший князь А. Дивен
- А. Енш250
- Г. Тан252
- Павлов
- Г.Е. С-в258
- Д. Котомкин263
  -
  - Фронт
  - Наступление на Петроград
- Барон Н. Будберг
- Г. Цельмин
- В. Андреев267
- Фон Зауэр
- К. Дыдоров
- К. Ар-ский
- Б. Пермикин275
- А. Куприн277
  - Добрая осень
  - Красная армия
  - Смерть и радость
  - Яша
  - Тяжелая артиллерия
  - «Дома ль маменька твоя?»
  - Шведы
  - Широкие души
  - Разведчик Суворов
  - Хромой черт
  - Обрывки
  - Газета
  - Красные уши
  - Немного истории
  - Партизанский дух
  - Лунатики
  - Купол Святого Исаакия Далматского
  - Отступление

        - А. Юденич281
    - Комментарии
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5

Белая борьба на Северо-Западе России
Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д.и.н. Сергея Владимировича Волкова

Белое движение

Том 10

© С.В. Волков, состав, предисловие, комментарии, 2023
© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2023

Предисловие

Десятый том серии «Белое движение в России» посвящен Белой борьбе на Северо-Западном фронте с осени 1918-го по начало 1920 года.

Белая армия на северо-западе России действовала в очень сложной международно-правовой обстановке и сложилась из разных по происхождению формирований. Политическая ситуация в Прибалтике была весьма напряженной. В Латвии еще оставались немецкие войска, вызывавшие опасение Англии. Союзники покровительствовали самопровозглашенным прибалтийским государствам, относясь с большим подозрением как к Балтийскому ландесверу, так и к русским частям. Русское офицерство и добровольцы ввиду такой политики Англии не испытывали к ней симпатий, но большинство начальствующих лиц считали тем не менее, что в интересах борьбы с большевизмом не следует обострять отношений ни с Англией, ни с эстонским правительством, а ориентироваться на побежденную Германию в данный момент смысла не имеет. Генералу Н.Н. Юденичу пришлось согласиться на создание навязанного ему англичанами правительства, состоявшего частью из весьма левых элементов. Северо-Западной армии приходилось воевать в тяжелых материальных (при крайне скудном снабжении со стороны «союзников») и моральных (вследствие недоброжелательства эстонцев) условиях. Однако существовали и сторонники твердой ориентации на Германию, составившие под руководством П.Р. Бермондта-Авалова Русскую Западную армию.

Зародышем Северо-Западной армии послужил Особый Псковский добровольческий корпус, формировавшийся с сентября 1918 года в Пскове как часть Северной армии, создававшейся, как и Южная в Киеве, правыми русскими группировками и призванной быть с ней одним целым. Были сформированы Псковский, Островский и Режицкий полки по 500 человек, две батареи, отряды внешней и внутренней охраны, а также отряды полковников Неплюева, Афанасьева и Бибикова, поручика Данилова и Талабский отряд ротмистра Пермикина; в Пскове имелся также предназначенный для Южной армии 53-й Волынский полк.

В командование Северной армией с 21 октября (до ожидаемого прибытия графа Ф.А. Келлера) вступил генерал А.Е. Вандам (начальник штаба генерал-майор Б.С. Малявин); начальником 1-й стрелковой дивизии стал генерал-майор Никифоров, затем генерал-майор П.Н. Симанский. 2 ноября из

Красной армии перешел конный отряд ротмистра С.Н. Булак-Булаховича в два дивизиона и Чудская флотилия из трех судов капитана 2-го ранга Д.Д. Нелидова. С их прибытием численность корпуса достигла 3500 человек. С 22 ноября командующим стал полковник Г.Г. фон Неф (начальник штаба гвардии ротмистр В.Г. фон Розенберг). В конце ноября корпус насчитывал 4500 человек, 1500 из которых были офицерами (в Пскове находилось около 3000 человек, в т. ч. около 700 офицеров), и состоял из роты при штабе, трех полков по 700 штыков (см. выше), отряда С.Н. Булак-Булаховича (800 сабель), Талабского отряда (400 штыков), отряда капитана А.И. Микоши (250 штыков), отряда полковника А.И. Бибикова (150 сабель) и батареи.

После занятия Пскова большевиками корпус с боями отошел на территорию Эстонии (кроме отряда полковника Афанасьева, отошедшего к Либаве). Большое количество отступивших от Пскова офицеров прибыло в Ригу, где полковник А.П. Родзянко пытался безуспешно объединить под общим командованием Балтийский ландесвер и части Псковского корпуса. В Эстонии корпус («Отдельный корпус Северной армии»), состоявший из Восточного (ротмистр С.Н. Булак-Булахович, потом генерал-майор А.П. Родзянко) и Западного (полковники В.В. фон Валь, потом А.Ф. Дзерожинский и В.А. Ананьин) отрядов, возглавляли полковники А.И. Бибиков, затем В.В. фон Валь и А.Ф. Дзерожинский (начальник штаба полковник В.В. фон Валь, потом полковник К.А. фон Крузенштерн). Отношение к корпусу эстонского режима было крайне недоброжелательным и настороженным, по договору от 4 декабря 1918 года он не должен был превышать 3500 человек.

В Ревеле было приступлено к формированию Русской Дружины генерала В.А. Геннингса и отряда полковника К. Г. Бадендыка. Всех русских войск в Прибалтике к 15 февраля 1919 года насчитывалось 31 920 человек. В начале 1919 года корпус состоял из 1-й (Островский и Ревельский полки, конный отряд полковника А.И. Бибикова, партизанский отряд поручика А.Д. Данилова и офицерская рота подполковника В.А. Алексеева) и 2-й (Талабский, Волынский и Конный имени Булак-Булаховича полки, партизанский отряд С.Н. Булак-Булаховича и конная батарея) бригад. В мае корпус возглавил генерал-майор А.П. Родзянко (начальник штаба полковник В.В. Зейдлиц), а летом 1919 года он был преобразован в Северную (вскоре Северо-Западную) армию.

Пока в Пскове формировалась Северная армия, в Прибалтике также начали формироваться антибольшевистские части. Еще в конце октября 1918 года в Риге началось создание Балтийского ландесвера, в чем принимали участие ротмистр Светлейший

князь А.П. Ливен и капитан К.И. Дыдоров; 15 ноября было приступлено к формированию Рижского отряда охраны Балтийского края, в который входила и Русско-сводная рота (капитан Дыдоров). В ноябре в Риге было решено создать три отдельных батальона по национальному признаку, общее командование над которыми принял 20 ноября полковник А.П. Родзянко. Но это начинание не получило развития, и 24 декабря он приказал русским добровольцам перейти в Либаву. Во главе Либавского добровольческого отряда встал генерал П.Н. Симанский (начальник штаба ротмистр В.Г. фон Розенберг), отдавший 30 декабря приказ о его формировании, но уже 6 января 1919 года после получения известия о гибели в Киеве графа Келлера отряд был расформирован. В день ликвидации отряда князь Ливен приступил к формированию из оставшихся чинов русской роты при ландесвере.

Отряд, формировавшийся Светлейшим князем А.П. Ливеном из русских офицеров, сначала был известен как «Либавская добровольческая группа», или «Либавский добровольческий стрелковый отряд». В отряд вступила и часть офицерства Псковского корпуса, отрезанная при отступлении от него и попавшая в Либаву. Первоначально он насчитывал только 60 человек, почти все офицеры. Помощником князя Ливена был полковник В.Ф. Рар. 15 января формирование было закончено, и по соглашению с Балтийским ландесвером отряд временно вошел в его состав. К 9 февраля в отряде насчитывалось около 100 человек, из которых более половины офицеры. В конце февраля в отряд вошла бывшая ранее в составе ландесвера рота капитана К.И. Дыдорова. В начале марта Ливенский отряд насчитывал 250 человек, в дальнейшем он (эскадрон – 100 человек, пулеметная команда – 125 и рота – 250 штыков) вместе с частями Латвийской армии и Балтийского ландесвера сражался против красных войск в Курляндии. К июню он насчитывал 3500 человек: 3 полка, Стрелковый дивизион, артиллерия, 2 броневика и авиационный отряд.

Тогда же вместе с отрядами полковников П.Р. Бермондта (отряд имени графа Келлера) и Выргoлича он вошел дивизией в Западный корпус Северной армии. Летом 1919 года Ливенский отряд перебазировался в Эстляндию и вошел в состав Северо-Западной армии как 5-я («Ливенская») дивизия. Части Бермондта и Выргoлича остались в Латвии, образовав Русскую Западную армию. После совещания с представителем Юденича предполагалось, что она (включившая в себя оставшиеся немецкие войска и выросшая до 50 тысяч человек) будет наступать совместно с Северо-Западной армией, и 5 сентября

Бермондт-Авалов был назначен Юденичем командующим всеми русскими частями, сформированными в Курляндии и Литве. Однако Бермондт начал 8 октября наступление на Ригу против латышских националистов, а потерпев неудачу, отошел в Германию.

Северо-Западная армия с лета 1919 года состояла из корпусов (развернутых из прежних бригад) и дивизий. 1-й Стрелковый корпус состоял из 2-й (Островский, Уральский, Талабский и Семеновский полки и отряд поручика А.Д. Данилова) и 3-й (Волынский, Ревельский, Балтийский и Красногорский полки) дивизий и Конно-Егерского полка (бывший конный отряд полковника А.И. Бибикова). 2-й корпус был составлен из войск С.Н. Булак-Булаховича. В состав 1-й дивизии (отдельной) входили Георгиевский, Колыванский и Гдовский полки.

На начало октября 1919 года армия состояла из двух армейских корпусов, пяти пехотных дивизий, отдельной бригады и ряда отдельных полков и других частей (всего было 26 пехотных полков, 2 кавалерийских, 2 отдельных батальона и 1 отряд); полки в составе дивизий и бригады имели единую нумерацию и насчитывали от 200 до 1000 штыков каждый. В состав каждой дивизии входили также: отдельный легкий артиллерийский дивизион (по номеру дивизии), инженерная рота, перевязочный отряд и запасная рота или батальон, а также другие части. Вне дивизий существовали Конно-Егерский полк, ударный батальон Шувалова, отдельный батальон танков, 1-я авторота, 1-я автоброневая батарея, Шведский Балтийский легион, 1-й и 2-й запасные полки и 1-й и 2-й запасные артдивизионы.

Северо-Западная армия была невелика по численности. К маю корпус насчитывал 5,5 тысячи человек. В момент наивысшего своего подъема – к началу октябрьского наступления на Петроград – она насчитывала 17 800 штыков, 700 сабель, 57 орудий, *4* бронепоезда, 6 танков, 2 бронеавтомобиля и 6 самолетов. Общая ее численность едва достигала 50 тысяч человек. В общей сложности до 10 процентов армии составляли офицеры. Они, как правило, находились только на командных должностях (от 40 до 100 офицеров на полк). В начале декабря 1919 года офицеров и классных чинов насчитывалось (без сведений по некоторым частям) *ТЛТЬ* человека.

Верховное руководство армией принадлежало генералу от инфантерии Н.Н. Юденичу, который в июне 1919 года указом Верховного правителя России адмирала Колчака был назначен Главнокомандующим войсками Северо-Западного фронта. С февраля 1919 года южной группой Северного корпуса, а с июля и

всем корпусом и Северо-Западной армией командовал полковник А.П. Родзянко (произведенный в генералы), в конце ноября 1919 года его сменил генерал-лейтенант П.В. Глазенап, а в январе 1920 года – генерал-лейтенант граф А.П. Пален.

По договору Эстонии с большевиками Северо-Западная армия подлежала расформированию и превращалась в массу беженцев. Отношение эстонцев к Белому движению было враждебным, и они терпели Русскую армию Юденича лишь как неизбежное зло, пока им самим угрожали большевики. Северо-Западная армия избегла неприятностей эвакуации из портов под давлением противника, но зато оказалась в крайне тяжелом положении в Эстонии. От болезней вследствие тяжелейшего положения армии в Эстонии и отношения к ней эстонских властей умерли тысячи людей. В полках насчитывалось по 700–900 больных при 100–150 здоровых, количество больных, не помещенных в госпитали, достигало 10 тысяч, общее число заболевших составляло 14 тысяч. Более того, эстонское правительство объявило призыв на принудительные лесные работы 15 тысяч человек «лиц без определенных занятий» (то есть ровно столько, сколько было тогда работоспособных чинов армии), фактически установив, таким образом, институт рабства для русских офицеров и солдат; реально было отправлено на работы 5 тысяч человек.

Основная масса чинов армии вскоре рассеялась по всей Европе, однако летом 1920 года генерал-майор А.А. Бобошко вывез в Польшу несколько эшелонов военнослужащих Северо-Западной армии, где они вошли в состав 3-й Русской армии, подчиненной генералу Врангелю.

Содержание тома разбито на два раздела. В 1-м разделе публикуются материалы, освещающие действия Ливенского отряда до соединения с Северо-Западной армией, а также очерк, дающий общий обзор действий Русской Западной армии, во 2-м собраны воспоминания о формировании Северного корпуса и его действиях до лета 1919 года и об осеннем походе Северо-Западной армии на Петроград и последующем отходе на территорию Эстонии.

Как правило, все публикации приводятся полностью. Авторские примечания помещены в скобках в основной текст. Везде сохранялся стиль оригиналов, исправлялись только очевидные ошибки и опечатки. Возможны разночтения в фамилиях; правильное их написание – см. в комментариях.

Раздел 1

Светлейший князь А. Айвен[1]
Основание отряда[2]

Основание отряда относится к самому началу 1919 года, времени наивысшего напряжения борьбы белых с красными на территории бывшей Российской империи. В начале года Колчак хотя и отступил от Вятки и Перми, но твердо держался на Урале. Деникин подготовлял свое наступление с Юга и продвинулся до линии Киев – Курск— Царицын. На Севере генерал Миллер[3], поддержанный союзниками, медленно продвигался на соединение с Колчаком. На Западе боролись с большевиками поляки, литовцы, латыши с помощью германских оккупационных войск, и эстонцы – с помощью отошедшего в Эстонию из Пскова Северного корпуса. Финляндцы же уже в 1918 году под водительством Маннергейма[4] и при помощи германских войск генерала графа фон дер Гольца[5] очистили свою территорию от красных.

Начало борьбы с большевиками на территории бывшего Прибалтийского края относится к последним месяцам 1918 года. Край с февраля уже был оккупирован германскими войсками. По Брест-Литовскому мирному договору германцы закрепили за собою линию от Усть-Наровы, включая город Нарву, по Псковскому озеру, по реке Великой, включая города Псков, Остров, Двинск, и далее по линии, проходившей восточнее Минска. По тому же договору большевики, по исполнении ими некоторых возложенных на них мирным договором условий, должны были получить обратно города Псков, Остров и Двинск, а немцы – отойти к границам бывшей Лифляндекой и Эстляндской губерний. Ввиду предстоявшей эвакуации Псковской области, немцы, не доверявшие большевикам и в рядах армии открыто враждебные красным, разрешили образование на псковской территории добровольческого корпуса, которому обещана была денежная и материальная помощь снабжением и снаряжением. Так началось 12 октября формирование Северного корпуса, разросшегося с течением времени в Северо-Западную Добровольческую армию.

Германское военное командование хотя и заключило мир с большевиками, но, не сочувствуя им, благосклонно отнеслось к формированию небольшой русской армии, поставившей себе задачу охранить Псковскую область от вторжения большевиков после ухода германцев. К командованию этой армии предназначался генерал граф Келлер, впоследствии убитый в

январе 1919 года в Киеве. Но он в Псков не прибыл, и командование взял на себя генерал Вандам.

Германцы снабдили армию оружием и снаряжением и предполагали оставить при уходе еще и другое военное имущество, необходимое ей. Но формирование армии, точно так же, как и организация областного управления, не были окончены к моменту германской революции.

8 ноября началась германская революция, а вслед за ней и развал фронта германских войск, уже ранее развращенных братанием с красными товарищами. Солдаты стали самовольно покидать свои части и уходить домой. Большевики воспользовались этим моментом, сосредоточили большие силы в районе Торошино – Карамышево – Себеж и начали 25 ноября наступать на Псков. Германские части, которые имели задачу оборонять левый фланг позиции, а также поддерживать порядок в городе, начали без боя отступать по направлению к Изборску. Псковский добровольческий корпус, несмотря на свою численную слабость и на недостаток всего необходимого, храбро атаковал большевиков правым крылом, продвинулся и захватил броневой поезд и несколько броневиков. В это время замечен был охват левого фланга. В городе местные большевики, хорошо снабженные германскими солдатами, продававшими им казенное добро, оружие и амуницию, устроили восстание.

При такой обстановке русские части, конечно, держаться не могли, и им пришлось уличными боями пробить себе дорогу через город и под обстрелом неприятеля переправиться отчасти по мостам, отчасти на лодках через реку Великую на левый (западный) берег, бросив в Пскове все личное имущество свое и имущество своих частей. Большевики же ознаменовали свою победу многочисленными расстрелами в городе, начиная с владельцев гостиниц и кофеен, где бывали офицеры, и кончая рабочими тех мастерских и заводов, которые работали на армию. По официальным данным, опубликованным в местных большевистских газетах, число их жертв в первые же дни превосходило 300 убитых.

На запад же от Пскова длинными редкими колоннами растянулись отступавшие русские части, враждебно встречаемые большевистски настроенными местными жителями. Много отставших было перебито. В самом плачевном состоянии остатки армии достигли Валка, где полковнику Нефу[6] удалось их собрать и перейти на эстонскую территорию. Часть же штаба и масса офицеров докатились поездами прямо до Риги. Так как большевики, не встречая сопротивления, быстро подвигались и, оттеснив армию полковника Нефа на север, заняли Валк, то

находившиеся в Риге офицеры и чины штаба оказались отрезанными от своих частей и при дальнейшем наступлении на Ригу большевиков уехали по железной дороге отчасти в Либаву, отчасти прямо в Германию.

При весьма тяжелых условиях корпус отступил на Изборск и сосредоточился севернее Валка. Штаб же корпуса отрезан был от частей, так как большевики сразу заняли мосты через реку Великую. Переправа произведена была на лодках.

Во главе корпуса стоял полковник Неф, который всего за 4 дня боя принял на себя командование.

Состав корпуса в Пскове был следующий:

1) Штаб корпуса, состоявший всего из двух офицеров, начальника штаба и его адъютанта.

2) Рота, образованная из всех писарей корпуса.

3) Три стрелковых полка однобатальонного состава.

а) 1-й Псковский добровольческий стрелковый полк.

б) 2-й Островский добровольческий стрелковый полк.

в) 3-й Режицкий добровольческий стрелковый полк.

4) Партизанский отряд Балаховича[7].

5) Отряд капитана Микоши[8].

6) Талабский отряд.

7) Партизанский отряд полковника Бибикова[9].

8) Батарея в 4 орудия.

9) Полубатарея в 2 орудия отряда Балаховича.

10) 30 пулеметов.

Всего было 3000 человек, включая 500 офицеров.

Островский полк, отходивший на Валк, сделал набег на станцию, разгромил городской совет, занял город Руэн и, войдя в соприкосновение с красными, отходил на Ревель, неся заставы совместно с ново-сформированными эстонскими войсками и финскими добровольцами.

В середине декабря полковник Неф заключил договор с эстонским правительством и, сосредоточив свои части у Ревеля, помог отстоять этот город от большевиков.

В течение декабря положение в Риге делалось изо дня в день все более критическим. Германские войска категорически отказывались сражаться против русских товарищей, продавали им за бесценок все, что могли, и уступали им за известную мзду один город за другим.

В Риге всполошились, и жители принялись за организацию отрядов земской обороны, известных под общим названием Балтийского ландесвера. Наскоро формировались роты латышские, немецко-балтийские и русские. Из германских добровольцев, желавших поддержать дисциплину в

развалившейся германской армии, была сформирована так называемая Железная дивизия.

Одновременно в Риге собралось значительное количество русских офицеров, не желавших вернуться в отступившую на эстонскую территорию Псковскую армию, в том числе и начальник штаба ротмистр Розенберг[10].

Последний старался убедить полковника Нефа отступить через Ригу и избрать Курляндию и Митаву базой для дальнейших формирований. Преимуществом этой базы было бы получение пополнений из русских лагерей военнопленных в Германии, но, как выше было сказано, полковник Неф предпочел базироваться на Эстонию. Для связи в Ригу был командирован генерал-майор Родзянко[11], задача коего была – объединить под общим командованием Балтийский ландесвер[12] и остатки Псковской армии. Это ему в Риге не удалось, с одной стороны, благодаря противодействию германского командования, а с другой стороны – разногласию митинговавшего русского офицерства Северной армии.

С середины декабря генерал Родзянко и я выехали в Либаву для доклада английскому адмиралу Синклеру о положении и передали составленную нами докладную записку. Встреченные весьма любезно, мы не могли, однако, добиться обещания о поддержке нам и вернулись в Ригу.

Но тут, при общем развале, при явной растерянности германского высшего командования и при полной неподготовленности молодых добровольческих частей, задержать наступление большевиков восточнее Риги не удалось.

Высланные в Хинценберг небольшие части Балтийского ландесвера были окружены красными и едва избегли полного уничтожения.

В городе началась паника… Кто мог попасть в поезд, бежал в Германию или в Либаву. Одна из латышских рот в городе взбунтовалась и была окружена и разоружена другими частями, поддержанными артиллерийским огнем с английских военных судов, стоявших на реке Западной Двине. В обороне города флот, несмотря на неофициальное о том обещание адмирала, по приказанию из Лондона, не участвовал, но помог эвакуировать в Данию и Англию некоторое количество беженцев.

2 января 1919 года город был брошен на произвол судьбы, и начался режим большевиков, ознаменовавшийся чрезвычайно развитой террористической деятельностью.

Отступившие от Риги ландесверные и германские добровольческие части, а также 2 латышские роты и русская рота капитана Дыдорова[13] еще раз задержались в Митаве на линии

реки Курляндской Аа, но 8 января эвакуировали этот город, отступая при невероятно тяжелых условиях снабжения и снаряжения при сильных январских морозах до линии реки Виндавы, где и задержались.

Одновременно в тылу в Либаве происходило переформирование всех добровольческих частей и подготовка их к новому походу. Сюда же прибыло латвийское правительство с премьер-министром Ульманисом во главе. Ввиду того что германцы по условиям перемирия обязаны были эвакуировать Курляндию, организация всех добровольческих частей шла от имени и за счет молодого латвийского правительства. Однако, ввиду того обстоятельства, что у этого правительства не было никаких средств, Германия согласилась отпускать взаимообразно латвийскому правительству как денежные средства, так и обмундирование, снаряжение и вооружение. Германские добровольцы и весь командный состав считались на службе у Латвии. По особому соглашению между представителями Германской империи и временным правительством Латвии, заключенному еще в Риге 29 декабря 1918 года, «Временное правительство Латвии согласно признать по ходатайству о том все права гражданства в Латвии за всеми иностранцами, состоящими в армии и прослужившими не менее 4 недель в добровольческих частях, сражающихся за освобождение латвийской территории от большевиков». Соглашение это подписано с германской стороны Виннингом, а с латвийской – председателем Совета министров К. Ульманисом и министрами Р. Паэгле и Я. Залитом.

По этому соглашению германские добровольцы, приобретая права гражданства в Латвии, несомненно приобретали права на покупку земельных участков в пределах республики. (Впоследствии латвийское правительство Ульманиса отказалось от исполнения обязательств, взятых на себя соглашением, мотивируя свой отказ ссылкой на Версальский мир, по которому обязательства, данные кем-либо германцам или Германии, считаются недействительными и не имеющими силы. Такое отношение латвийского правительства к вопросу вызвало летом 1919 года сильное брожение среди германских добровольцев, желавших поселиться на земле в пределах Курляндии.)

Одновременно с переформированием ландесвера в январе 1919 года началось и формирование русского отряда, принявшего название «Либавский добровольческий стрелковый отряд», но более известного под названием Ливенского отряда. Поводом к формированию его было то обстоятельство, что в Либаве сосредоточилась масса русских офицеров-беженцев, не имевших

прямого отношения к Прибалтийскому краю, а потому не поступивших в ряды добровольческих формирований ландесвера.

Собрания русских офицеров, начавшиеся в Риге под председательством генерал-майора Родзянко, продолжались в Либаве под руководством полковника л. – гв. Конного полка графа Палена[14]. В офицерстве выяснились три течения. Одна группа, пессимистически настроенная, не верила в возможность успеха и только думала об устройстве личных дел и о переезде в более спокойную Германию. Другие стремились в Ревель на присоединение к Северному корпусу. Третья группа, во главе которой стал я, поставила себе целью организовать борьбу на местах. Я руководствовался при этом следующими соображениями.

Северный корпус базировался на Ревель и вполне зависел от возможности или невозможности получать пополнения и снабжения морем, а потому одновременно и от того, кто в данное время является хозяином моря. Мне пришлось несколько раз за это время с генералом Родзянко ездить к командующему английским флотом, сперва к адмиралу Синклеру, а затем сэру Коану. При адмиралах находились и представители английского Foreign Office (министерства иностранных дел). Если наши русские стремления и встречали полное понимание у английских моряков, то отношение дипломатических агентов было далеко не дружелюбное. Они определенно поставили себе целью ослабление русского влияния на побережье Балтийского моря.

Я не мог не прийти к убеждению, что помощь наших союзников Северо-Западной армии может быть лишь относительной, то есть лишь постольку поскольку эта русская армия будет способствовать очищению территории Эстонии от большевиков. Несмотря на это мое убеждение, я за все время моего пребывания в Либавском районе всемерно содействовал отправлению офицеров в Ревель.

Сообщение было лишь случайным, и пароходы, ходившие туда, были крайне плохого качества и ненадежны.

Второе соображение, побудившее меня выступить в пользу формирования русских частей в Либаве, – близость к Германии, где в это время находился неиссякаемый запас людей для пополнения любых частей, а именно не менее миллиона русских военнопленных. Большая часть их была заражена большевизмом, многие просто не желали воевать, но все же при таком количестве людей можно было всегда выбрать некоторый процент годных и надежных людей, в особенности среди офицерства. Правда, как мне пришлось убедиться на практике, даже офицеры, пробывшие некоторое время в плену, в первое время, благодаря

хроническому недоеданию и бездеятельности, не годились для энергичной, настойчивой работы. Лишь постепенно часть их входила в норму, часть же так и оставалась никуда не годной. Пополнения из Германии могли прибывать в Либавский район эшелонами, и своевременная доставка их зависела как от германского штаба, так и от союзнических офицеров контрольных комиссий.

Третье соображение – в Либавском районе было очень много оружия и военного снаряжения, подлежавшего по условиям перемирия выдаче союзникам или уничтожению. Я полагал, что все, как германцы, так и союзники, согласятся на том, что лучшего назначения для этого снаряжения не может быть, как употребить его в деле борьбы с большевиками.

Четвертое, и самое важное, соображение было чисто стратегическое: я считал, что направление наступления из Либавы через Ригу на линию Псков – Двинск из всех направлений имеет наибольшие шансы на успех.

Инструкции, полученные мною позже из штаба Северо-Западной армии, предписывали мне именно это направление для присоединения после взятия Риги к правому флангу Северо-Западной армии. Имея в своем тылу хорошую сеть железных дорог с базой в Либаве, я имел все шансы на успех не только для подчиненного мне отряда, переименованного затем в корпус, но успех в этом направлении мог быть и решающим при наступлении Северо-Западной армии на Петроград.

Я вполне сознавал, что, останавливаясь на этом направлении, я попадаю в чрезвычайно сложные политические условия. Либава лежит в Латвии, которая 18 ноября 1918 года объявила свою независимость и с небольшой площадью двух уездов представляла собою единственную территорию, на которую распространялась власть правительства Ульманиса. Германская армия являлась в это время еще оккупационной властью. Она не была эвакуирована из Курляндии с разрешения победоносных правительств держав Согласия, ввиду большевистской опасности для Западной Европы. Военные миссии этих держав, поддержанные флотом союзников, осуществляли фактический надзор за всеми событиями и движениями германцев. Ко всему этому, произошло в Либаве скопление русских противобольшевистских военных чинов и сформировались немецко-балтийские части, из которых одни держались явно германской ориентации, другие же не скрывали своих русских симпатий.

Сформировать при таких условиях русский добровольческий отряд было весьма трудно. Латыши, естественно, не доверяли

такой формации, которая боролась за восстановление России, германофильствующие балтийцы косились, союзники видели в русских германофилов, а германцы – антантофилов.

Ввиду таких затруднений, генерал Родзянко и граф Пален выбыли в Ревель, и я остался один в Либаве, но, поддержанный энергично группою русских офицеров-патриотов, продолжал проводить свою организацию.

Результатом этого явилась возможность издать 15 января первый приказ по вновь сформированному отряду.

Удалось это мне благодаря тому, что я нашел следующий выход из положения. Я лично со своим отрядом вошел в соглашение с Балтийским ландесвером. По этому соглашению Либавский добровольческий отряд, не входя в состав ландесвера, обязался временно подчиниться командиру ландесвера, за что получил полное снабжение, снаряжение, вооружение и довольствие. Соглашение это должно было длиться до того момента, когда отряду возможно будет идти на соединение с Северо-Западной армией, то есть по предположению вслед за взятием Риги.

Отряд был чисто русский, принципы его были те же, что и в Добровольческой армии, то есть борьба с большевиками для восстановления Великой России и для доведения ее до Учредительного собрания. В местную политику Прибалтийского края отряд не вмешивался и в случае недоразумения в этом крае обязался оставаться нейтральным. По отношению к Латвии я признавал ее политическую независимость.

Отношение между противобольшевистскими армиями и окраинными государствами должно было быть с самого начала основано на доброжелательности и доверии, являющимися единственным залогом совместной экономической работы в будущем. Самоопределившиеся народы должны были сознавать, что они в интересах своего дальнейшего экономического благосостояния целиком зависят от их отношения к России, в которой восстановлена законная власть. Это доверие противобольшевистские силы могли приобрести только в том случае, если права окраинных государств будут ими признаны и уважены. (Непризнание же независимости окраины было одной из главных причин неудачи русской борьбы с большевиками.)

Благодаря этой занятой мною принципиальной позиции, отношение мое во время пребывания моего отряда в пределах Латвии было всегда к правительству страны корректное, что правительством Латвии и народом было правильно оценено.

При таком создавшемся отношении отряд мог сохранить свой чисто русский национальный облик. На службу в отряд

принимались только офицеры русской службы и добровольцы русскоподданные, как раньше служившие в армии, так и не служившие вовсе. Служившие ранее в германской армии от приема в отряд были исключены.

Вступавшие в отряд поступали на действительную службу Российского государства и обязывались подчиняться всем уставам военной службы и законам Российского государства, изданным до 28 февраля 1917 года. Допущены были лишь те отклонения, которые были введены и в Добровольческой армии, а именно: вместо выражения «нижний чин» введено было выражение «доброволец», «стрелок» или наименование по роду оружия. Обращение к добровольцам было на «вы», обращение добровольцев к офицерам до полковника включительно было «господин поручик», «господин полковник», обращение же к генеральским чинам было «превосходительство», наконец, отдание чести со вставанием во фронт было отменено.

Срок службы добровольцев обуславливался сроком, введенным в Балтийском ландесвере, то есть первоначально по 1 июля, затем по 1 октября 1919 года. Для офицеров служба была по самому смыслу своему бессрочная. Денежное довольствие было приравнено к окладам, введенным в ландесвере, то есть для добровольца 6 германских марок в сутки, для офицера – по 11, а затем эти оклады были повышены для добровольцев до 11 марок, а для рядовых офицеров – до 18 марок. Офицеры на командных должностях получали соответствующие прибавки.

О сформировании отряда через Российскую миссию в Стокгольме был поставлен в известность генерал Деникин, которому отряд считал себя подчиненным, точно так же как и адмиралу Колчаку. Сообщения с внешним миром, с генералом Деникиным и с министром иностранных дел Сазоновым в Париже были очень затруднены, и большинство из моих телеграмм и донесений не дошло по назначению. Не желая никого в этом обвинять, я позволяю себе высказать обоснованное подозрение, что кто-то где-то был заинтересован, чтобы эти известия не доходили по назначению. Наконец, в июне пришло официальное извещение от адмирала Колчака, что я назначен командиром русских стрелковых частей в Курляндии с подчинением генералу Юденичу в Финляндии, как Главнокомандующему фронтом.

Отряд шел под национальным русским бело-сине-красным флагом и имел печать с российским гербом дореволюционного образца. Обмундирование в отряде было германское, но с русскими погонами и по мере возможности с русскими пуговицами. Фуражка имела голубой околышек с русской кокардой. На левом рукаве носилась угловая нашивка бело-сине-

красного цвета, а под ней четырехгранный белый крест.

Отряд никогда не выкидывал монархических лозунгов, но определенно верил, что разбитая, разграбленная и разодранная партийными распрями Россия в будущем не может быть возрождена иначе, как восстановлением сильной центральной власти, что отнюдь не должно означать возвращение к ошибкам царского режима вообще и по вопросу окраин в особенности. Отношение мое к вопросу так называемого белого террора было определенно отрицательное. Целью борьбы было восстановление в России порядка, а не уничтожение большевиков вообще. Самочинные расстрелы были, безусловно, запрещены, и все арестованные большевики передавались в военно-полевые суды, составленные из старших офицеров, исключительно по обвинению в определенном преступлении. Только лицо, совершившее преступление, независимо от принадлежности к партии подвергалось уголовному наказанию; при недоказанности преступления суд выносил оправдательный приговор, даже если обвиняемое лицо состояло на службе у большевиков. Благодаря этому многие красноармейцы переходили именно во вверенный мне отряд и за немногими исключениями оказывались вполне благонадежными.

Отношение к германским оккупационным силам было всегда корректное. Гауптман Вилюцкий в управлении оккупационной армии в Либаве сочувствовал русскому формированию. Командир ландесвера майор Флетчер и начальник его штаба граф Дона во всех вопросах оказывали отряду всякую возможную поддержку, и командующий граф фон дер Гольц определенно и убежденно сочувствовал делу восстановления России, конечно, не из симпатии к России, а как умный человек, понимавший опасность большевизма для Германии. Совместная работа с германцами в борьбе с большевиками установила между бывшими врагами самые лучшие отношения, что, однако, отнюдь не следует понимать в том смысле, что я попал в германофильское течение. Я определенно заявлял германцам, союзникам и русским, что я не германофил, но и не антантофил, а лишь русский патриот, который принимает помощь от кого угодно, если она идет в пользу русского дела.

Благодаря этой позиции между мною и союзными военными миссиями установились и поддерживались самые лучшие отношения. Я многим обязан симпатии начальника американской миссии полковника Варрика Грина. С начальником французской миссии Дюнаркэ установились самые дружеские отношения; то же самое я должен сказать и об отдельных членах английской военной миссии, в особенности о генерале Бырте. К сожалению,

английские дипломатические представители, по причинам общеполитическим, все время относились ко мне с недоверием, но не столько из-за мнимого германофильства, сколько из сознания, что вокруг меня объединилась весьма значительная национальная русская группа, сила которой, в особенности после взятия Риги 22 мая 1919 года, росла не по дням, а по часам. Уничтожение этой русской силы в Южной Прибалтике есть исключительное дело англичан и генералов Гофа и Марша в особенности. Без их вмешательства в июле 1919 года (о чем речь будет дальше) русское дело разрослось бы стихийно до крупнейших размеров, ввиду особенно благоприятных для дела условий, в которых я находился и которые, к сожалению, вполне отсутствовали в Северо-Западной армии. Я напоминаю здесь лишь о возможности получения неограниченных количеств пополнений и снаряжения из Германии. Выгоды этого положения, к сожалению, не были полностью оценены, и повторения такого исключительного выгодного положения в будущем уже никогда предвидеть нельзя.

Из всего изложенного, я полагаю, в достаточной мере понятны будут те неимоверно трудные условия, при которых начато было мною дело, казавшееся тогда, в январе 1919 года, лишь незначительным частным предприятием какого-то ротмистра в уединенной Либаве.

С востока наступала красная волна, сдерживаемая лишь крошечными добровольческими отрядами. В Либаве скопилось неимоверное количество беженцев из Пскова, Риги, Митавы и со всей южноприбалтийской территории. Все частные квартиры, гостиницы, общежития и бараки были переполнены. Дни Либавы казались сочтенными. Пришлось думать о разгрузке Либавы, и поток беженцев хлынул в Германию, в страну, изголодавшуюся от продолжительной войны, но где беженцы, русские и прибалтийские, нашли временный приют. Описывать эту эвакуацию не стоит – это было повторение в ином месте, при иных обстоятельствах того, что случалось уже и в других портах злосчастной России. Лишь благодаря еще отчасти сохранившейся у германцев аккуратной педантичности эвакуация эта протекла в Либаве спокойнее, чем во многих других местах. Паническое же настроение, конечно, то же, что и при других эвакуациях и слишком знакомо – увы! – русским эмигрантам.

По окончании эвакуации главной волны беженцев во второй половине января оказалось, однако, что большевики наступать не могли: продвигаясь весьма быстро от Пскова до Виндавы, они выдохлись, в особенности латышские полки, уже раньше сильно потрепанные Колчаком на Урале; вернувшись на родину, они

рассыпались, расходясь по домам. Сила некоторых полков не достигала 100 человек. Началась в Лифляндии и Курляндии мобилизация, но даже при большевистских приемах продвигалась она медленно, и новобранцы, не одетые, не обученные и плохо вооруженные, для наступательных действий вовсе не годились, для обороны же – лишь постольку поскольку наступление добровольческими частями не велось энергично.

Главные свои силы большевики сосредоточили по реке Виндаве южнее Гольдингена, и здесь оборона энергично велась небольшими ландесверскими частями, в особенности митавской ротой, русской ротой капитана Дыдорова и латышскими ротами полковника Колпака, павшего на этом участке смертью героя. Команду над латышскими частями принял доблестный и симпатичный полковник Баллод. Южнее латышских частей стояла германская добровольческая Железная дивизия майора Бишофа; еще южнее, уже в Литве (бывшей Ковенской губернии), – присланный из Германии 1-й резервный корпус, в состав которого входила гвардейская резервная дивизия.

Общее руководство всем фронтом сосредоточено было в руках генерала графа фон дер Гольца, штаб-квартира коего была в Либаве.

Ввиду того обстоятельства, что большевики не нажимали, высшему командованию удалось переформировать Балтийский ландесвер на новых началах. Нельзя забыть, что части были наскоро сформированы из бывших русских офицеров Прибалтийского края и добровольцев молодых и старых, никогда не служивших на военной службе. Надо удивляться, как при таких обстоятельствах эти мало сплоченные части без всякой подготовки, увлекаемые лишь восторженной любовью к Родине, совершили сравнительно удачно отступление от Риги до реки Виндавы с постоянными арьергардными боями и засадами в лесах.

Командный язык был русский, и вообще настроение военной молодежи было явно русофильское. Германцы решили подчинить ландесвер своему влиянию и начали ломку с вопроса командного состава, языка и метода обучения. Командиром ландесвера вместо русского генерала барона Фрейтаг-Лорингофена[15] назначен был сперва германский полковник Розен, затем весьма талантливый, храбрый и симпатичный майор Флетчер, который быстро сумел завоевать себе доверие и преданность как офицеров, так и добровольцев.

Старшие офицеры ландесвера, полковники русской службы, перешли отчасти в русский отряд, отчасти в Ревель. Масса офицеров ландесвера хотела также демонстративно перейти в

русский отряд, но лишь немногим это удалось, большинству в этом было отказано.

Для обучения строю в каждую роту были назначены инструкторами германские унтер-офицеры. Молодежь завопила, но в конце концов подчинилась, и надо отдать германцам справедливость, что никто, кроме них, не сумел бы из этих разрозненных добровольческих частей в несколько недель сформировать хорошо обученные и сплоченные воинские части.

Особенно выделялся ударный отряд (Stobtruppe), состав которого был наполовину германский с исключительно германскими офицерами.

Этот отряд силою приблизительно в 1200 штыков несомненно представлял собою в боевом смысле самую лучшую часть не только ландесвера, но всего фронта, но одновременно он являлся и носителем наиболее ярого крайнего германофильства. Командиром его был лейтенант барон Ганс Мантейфель, храбрый и талантливый офицер, павший геройской смертью во главе своего отряда при взятии Риги 22 мая 1919 года. Отряд имел две великолепные батареи и свою саперную роту. Все остальные роты были объединены под командованием графа Эйленбурга, храброго офицера и симпатичного, идейного человека. Сила его отряда была в 800 штыков. В его отряд входил эскадрон барона Гана[16], штабс-ротмистра 12-го Ахтырского гусарского полка. Это была наилучшая кавалерийская часть всего фронта, с хорошим конским составом, так как большинство лошадей принадлежали офицерам и добровольцам эскадрона.

Кроме того, в состав ландесвера входили два самостоятельных эскадрона, а именно барона Драхенфельса[17], подполковника 19-го Архангелогородского драгунского полка, и вольный эскадрон барона Энгельгарда, помещика Илукстского уезда Курляндской губернии. Первый эскадрон силою в 100 коней участвовал в боевых действиях на правом фланге фронта уже в Литве, а второй эскадрон силою в 80 коней занимался более карательными экспедициями, чем боевыми задачами.

Латыши были объединены под командою полковника Колпака, а после его смерти полковника Баллода. Сила их была приблизительно в 2000 штыков. Тактически они были подчинены командиру ландесвера, но имели свою отличительную форму – красный околыш на фуражке и красные петлицы с белой полоской. Командный язык был латышский. Между немецко-балтийскими и латышскими частями отношения все время были самые корректные; заслуга принадлежит как высоким нравственным качествам полковника Баллода, так и тактичности майора Флетчера.

Отношения между ландесверными частями и русскими добровольцами были вначале натянутые, но по мере продвижения и вообще совместной работы это чувство уступило место самому честному товарищескому отношению. И опять заслуга принадлежит как боевой доблести русского отряда, так и тактичности майора Флетчера, который открыто выражал свое восхищение перед боевой работой русских.

Наступление в Курляндии

31 января, всего через 2 недели после сформирования отряда, я выступил с ротою в 65 штыков и двумя пулеметами, без обоза и без лошадей, по узкоколейной железной дороге из Либавы в Газенпот, а оттуда походным порядком при ясной морозной погоде в имение Априкен. Здесь присоединились к нам первые обозные подводы. Через два дня мы двинулись на запад, где у имения Сакенгаузен, с небольшим портом Паульсгафен, уперлись в море. Таким образом, мы образовали крайнее левое крыло фронта, защищавшего Либавский плацдарм. Главный фронт шел с севера на юг по реке Виндаве, а наш с запада на восток под прямым углом к главному фронту, и с этого походного положения мы начали постепенное продвижение на север с Виндавой как конечной целью.

Из Сакенгаузена я съездил при сильном морозе в санях в Либаву, откуда мне удалось отправить в отряд первый взвод кавалерии и некоторое количество добровольцев. Стоянка в Сакенгаузене прошла в общем спокойно, за исключением одной ночной тревоги, вызванной появлением поблизости большевистских разведчиков.

17 февраля мы двинулись в северном направлении вдоль моря, а затем бесконечными лесами дошли до большого казенного имения Альшванген (штаб отряда квартировал у местного ксендза Ранцана, ныне епископа в Риге). Для передвижения назначались от волостей подводы, которые дежурили сутки, до смены их подводами из следующей волости. При дальнейшем продвижении мы предпочитали иметь известное количество постоянных подвод и брали из местности лишь дополнительные.

В это время началась сильная оттепель, и санный путь быстро портился. 20 февраля я перенес свою штаб-квартиру в имение Тервенден и занял заставами и постами линию до моря у Сернатена. Разведка наша в эти дни доходила до Ганау. За это время Балтийскому ландесверу удалось отвоевать от красных город Гольдинген. На полпути от моей штаб-квартиры до

Гольдингена расположился в имении Эдвален эскадрон штабс-ротмистра барона Гана.

У крайней заставы на левом фланге около Сернатена, на берегу моря, произошли первые столкновения с красными постами. При этом 24 февраля командир моей роты поручик Моисеев позорно осрамился и был исключен мною из отряда «за трусость, за неумение справиться с командованием ротою и за полное отсутствие чувства товарищеского долга». При неожиданном, но, как оказалось, не серьезном ночном нападении красных он первый бежал и лично принес мне паническое известие, что застава окончательно уничтожена. Высланные мною немедленно подкрепления действительно установили, что после бегства командира роты застава отступила, но потери были самые незначительные и положение удалось немедленно восстановить, после чего была предпринята глубокая разведка, установившая, что и красные отступили. Одновременно было получено приказание об общем наступлении на север с целью занять Виндаву. В ночь с 25-го на 26 февраля длинной колонной на подводах двинуты были из Гольдингена части ландесвера. Ко мне присоединился эскадрон барона Гана и второй взвод кавалерии, только что прибывший из Либавы походным порядком. На полпути между Гольдингеном и Виндавою мы с походной колонной Балтийского ландесвера ночью двинулись в северном направлении. Около имения Зурсь головной взвод ландесвера врасплох накрыл и уничтожил в волостном доме заставу красных и работавшую телефонную станцию. Точно так же удалось застигнуть врасплох красноармейскую роту, расположенную в соседнем имении Зурсь графа Дамсдорфа, имевшего у себя знаменитый погреб. Очевидно, вина нашли своих любителей, так как рота была поголовно пьяна и открыла беспорядочную стрельбу, во время которой был легко ранен в голову и в бок командир ландесвера майор Флетчер. По наложении перевязки он вернулся к главной колонне и повел ее в Виндаву. Рота полковника 13-го Нарвского гусарского полка барона Клейста[18] свернула через реку Виндаву на восточный ее берег и получила задачу обойти город Виндаву с северо-востока. Эскадрон барона Гана свернул на запад и должен был проследовать по берегу моря и подойти к городу с юго-запада, войдя первоначально в связь с подходившим на пароходах из Либавы десантом из германских гвардейских стрелков.

26 февраля около 7 часов утра главная колонна подошла к Виндаве с юга и, приблизившись, рассыпалась в цепь. Подпустив наступавших на версту к городу, красные открыли из предместья беспорядочную стрельбу из винтовок и пулеметов. Красные

укрывались за заборами и в домах. При наступлении пришлось орудийным огнем и пулеметами очищать дом за домом, но красные, не имевшие в своем распоряжении артиллерии, защищаться долго не могли и предпочли покинуть город в северном направлении, куда рота полковника Клейста еще не поспела дойти. В полдень мы уже были в центре города, и началась очистка его по кварталам от спрятавшихся по домам большевиков. Насколько неожиданно для них было это наступление, видно из того, что на тот самый вечер назначен был маскарад в местной лютеранской кирке.

Всеобщее возмущение вызвала находка около 100 трупов германских солдат, застрявших при приходе большевиков в Виндаве и сдавшихся им добровольно. Трупы их были ужасно изуродованы, что оказалось делом женских рук. Вообще, в Прибалтике большевистские женщины отличались наибольшим озверением и жестокостью, за что немцы их прозвали Flintenweiber (ружейные бабы).

При ландесвере находилась особая полицейская команда, которая производила чистку города. Ей может быть сделан упрек, что она чересчур злоупотребляла расстрелами, что, однако, легко объяснимо глубоким возмущением, охватившим всех при раскрытии неимоверных зверств большевиков. К сожалению, главные виновники предпочли вовремя удрать, и поплатились менее виновные.

В течение всего боя я находился в непосредственной близости от майора Флетчера и имел случай восхищаться его личной храбростью и спокойной распорядительностью во время уличных боев, когда он безотлучно находился с передовыми стрелками.

Не долго суждено было нам простоять в Виндаве, где мой отряд увеличился влитием в него новых добровольцев, в том числе нескольких хороших и храбрых офицеров.

Уже на четвертый день после взятия Виндавы получено было известие, что большевики перешли реку Виндаву севернее города Гольдингена, где оставлено было очень мало войска под командою графа Эйленбурга. Красные, обходом города с запада, грозили захватить весь небольшой гарнизон. Майор Флетчер оставил тогда в Виндаве только роту Радена, а сам 3 марта отправился на выручку Гольдингена, посадив свои части на обывательские подводы. Несмотря на поспешность отправки, большевики узнали об этом, и, когда наши части подошли, положение города оказалось уже обеспеченным. Большевики уже очистили западный берег реки, и в окрестностях след их простыл, и только значительные повреждения центра города и колокольни

свидетельствовали о силе большевистского артиллерийского обстрела.

К этому моменту русский Либавский отряд усилился влитием в него русской роты Балтийского ландесвера под командою капитана Дыдорова. Из слившихся частей сформированы были две роты – рота Дыдорова и пулеметная рота штабс-капитана Эшольца[19]. Кроме того, к отряду прибыли из Либавы два взвода кавалерии, кадр для формирования батареи и необходимый обоз. Благодаря неимоверным усилиям и умелости заведующего хозяйством отряда, полковника Бириха[20], материальная часть значительно улучшилась.

Через несколько дней большевики вновь произвели энергичное наступление на город Виндаву. Донесения оттуда давали мало надежды на возможность гарнизону удержаться в городе. В проливной дождь наши части вновь были посажены на подводы и отправлены на выручку Виндавы. Но на полпути было получено сообщение, что гарнизону удалось не только отстоять город, но и удачным обходным движением лесными дорогами обойти бронированный поезд и разрушить на востоке от него железнодорожный путь, после чего поезд большевиками был брошен.

Наши части вернулись вновь в Гольдинген, где, простояв немного дней, отряд получил самостоятельную задачу при следующей самой крупной операции, начавшейся 13 марта наступлением от Гольдингена на восток до Туккума и закончившейся 18 марта взятием города Митавы.

Эта задача Балтийского ландесвера была подготовлена с первых дней марта продвижением германских частей, занимавших центр и правый фланг расположения.

3 марта в центре Железная дивизия, переправившись через реку Виндаву, заняла имение Пампельн, а на правом фланге 1-я резервная гвардейская дивизия – местечко Тиршли (Литва).

5 марта Железная дивизия заняла с боем узловую станцию Муравьеве. 7 марта бронированный поезд дошел до станции Куршаны, и занятием Нойлан 8 марта правый фланг оказался обеспеченным со стороны Шавель. 11 марта 1-я гвардейская резервная дивизия достигла линии Грузды – Жагоры, а Железная дивизия, продвигаясь от Муравьева по линии Митавской железной дороги, заняла с боем станцию Альт-Луц, а на следующий день Бенен.

Одновременно, 13 марта, и Балтийский ландесвер из Гольдингена перешел в энергичное наступление, причем оно велось одновременно отдельными колоннами, начальникам которых давалась только задача достижения известных целей с

предоставлением самой широкой инициативы.

Северная колонна, силою в 1200 штыков, под командою лейтенанта Мантейфеля, с его ударным отрядом должна была подойти к Туккуму по дороге, ведущей севернее Московско-Виндавской железной дороги.

Параллельно ей, южнее Виндавской железной дороги шла колонна Эйленбурга, силою в 800 штыков; здесь шел и эскадрон барона Гана. Эта колонна должна была подойти к Туккуму с юго-запада.

Русский отряд силой в 250 человек, к которому был прикомандирован капитан Андерсон с одним орудием, должен был идти еще южнее в восточном направлении и выйти на дорогу из Туккума в Митаву, верст 20 на юг от Туккума.

Еще правее шел латышский отряд Баллода, силой в 1500 штыков, через местечко Фрауэнбург на уездный город Доблен.

Связь между русским и латышским отрядами должна была быть поддержана вольным эскадроном Энгельгарда. Но он, не будучи военным, этой связи установить не сумел, и она была установлена помимо него, но с запозданием в три дня.

Правее Баллода, по линии железной дороги от Муравьева к Альт-Луцу, как выше было упомянуто, продвигалась германская Железная дивизия майора Бишофа, силою в 1000 штыков, южнее его шла гвардейская резервная дивизия.

Быстрее всех продвинулась северная колонна и уже 15 марта в 9 часов утра вошла в Туккум, откуда большевики бежали, охваченные паническим страхом.

Вторая колонна Эйленбурга встретила сопротивление у мызы Самитен, где большевиками был разрушен мост. Вследствие этого она в ночь с 11-го по 15 марта несколько часов здесь задержалась.

Русский отряд, наткнувшись около имения Вормен, в 25 верстах от Гольдингена, на передовые посты большевиков, преследовал в первый же день похода красных от Вормена до мызы Шедена. Здесь мы задержались на западном берегу маленькой реки и открыли сильный огонь из нашего орудия по имению и корчме. На рассвете мы убедились, что попадания, принимая во внимание наступившую темноту ночи, были необыкновенно удачными. Один снаряд попал в здание корчмы, где в это время засели красные с пулеметами.

Около 11 часов ночи мы заметили, что красные начинают удирать по главной дороге, а потому я приказал перейти речку. Мы заняли корчму и лежавшее с полверсты дальше имение.

Разгром здесь был полный. Оказалось, что в имении скопилось за час до нашего подхода до 1000 красноармейцев, расположившихся здесь на ночевку и застигнутых врасплох

нашим ночным наступлением. Преследовать их мы, однако, не были в силах, и им удалось отчасти уйти от нас, отчасти распылиться по всему краю. Наутро, похоронив наших двух молодых павших добровольцев и забрав попавшиеся в наши руки трофеи, в том числе несколько пулеметов и хороших лошадей, мы двинулись вперед, поддерживая связь с Эйленбургом, вплоть до боя у мызы Самитен. Весь день и всю следующую ночь, не останавливаясь, мы продвигались вперед, не встречая по лесным дорогам сопротивления. После дождей предыдущих дней наступили сильные морозы до 15 градусов Реомюра. Дороги обледенели, и движение орудий, кухонь и обоза было весьма затруднительным. Часто приходилось останавливать всю колонну, чтобы вытащить из канавы орудие или подводу. Несмотря на эти задержки, колонна, сделав 80 верст в 2 дня, к рассвету 15 марта подошла к берегу реки Абау, южнее Туккума, потеряв связь с отставшей вследствие боя колонной Эйленбурга и не установив связи вправо с колонной Баллода, отставшей предположительно верст на 30.

На берегу реки Абау, благодаря распорядительности поручика Бакке[21], удалось окружить имение Фридрихсберг, где большевистский комитет укладывал свои архивы на подводы для бегства. Члены комитета защищались оружием, но дом был скоро взят добровольцами. В нем оказалось двое убитых, один покончил с собой, остальные были арестованы и переданы военно-полевому суду, который вынес шестерым смертный приговор, а двух оправдал. Этот комитет, как было установлено, руководил в свое время разграблением соседнего имения, причем арендатор и его дочь были расстреляны. Вещи убитого арендатора были найдены в канцелярии комитета.

На реке Абау отряд задержался до восстановления связи с Эйленбургом, который после удачного боя продвинулся вперед. На следующий (третий) день похода мы перешли реку и продвинулись на восток до станции Шлампен Московско-Виндавской железной дороги, на 16 верст южнее Туккума.

В нескольких верстах от этой станции оказалось единственное имение, в котором уцелел помещик. Он был своими рабочими допущен в члены коммуны, причем ему, ввиду его образования и лет, был предоставлен пост секретаря коммуны с правом пользоваться для себя и для дочери двумя комнатами в своем барском доме. По его словам, коммунистическое учение, вначале встреченное рабочими восторженно, потерпело полное крушение, когда рабочим было объяснено, что поросята, рождающиеся от их собственных свиней, не составляют их частной собственности, а подлежат раздаче равномерно между

всеми членами коммуны. Коммунистам после этого не удалось восстановить своего влияния, и рабочие сами желали возвращения к нормальным условиям.

Из Шлампена русский отряд установил вновь твердую связь со штабом майора Флетчера, находившегося уже в Туккуме. Он вошел в город вместе с первой колонной и, узнав, что большевики только за несколько часов перед тем увели из туккумской тюрьмы значительное число интеллигенции и мелких собственников походным порядком, послал им вдогонку добровольцев, которые их нагнали и освободили. Но масса трупов, наскоро зарытых в городе и окрестностях, громко говорила о жестоком терроре, который господствовал здесь в течение двух месяцев.

Между тем положение русского отряда, выдвинувшегося вперед, становилось в Шлампене весьма критическим. Телефон на станции не был разрушен, и удалось установить телефонную связь со станциями южнее лежащими, где находились еще большевики. Из подслушанных разговоров можно было установить, что в Митаву прибыл какой-то русский кавалерийский полк из Казани и что он направлен на Туккум. Ясно было из телефонных разговоров, что потеря Туккума, где раньше находился штаб, очень всполошила большевиков.

Разъезды упомянутого выше полка уже в следующую ночь появились у нашей передовой заставы и начали нас обходить с правого фланга. Опасность обхода была тем более велика, что вольный эскадрон Энгельгарда не выполнил своей задачи наблюдения за пространством между русским отрядом в Шлампене и отрядом Эйленбурга, стоявшим на 15 верст северо-западнее, поэтому когда этот отряд без достаточной разведки означенного эскадрона продвинулся южнее, то наткнулся на засаду.

Ввиду полной неустойчивости всего положения выдвинувшихся до Туккума ландесверных частей, майор Флетчер решил молниеносным ударом нагрянуть на Митаву и взять ее врасплох, не дожидаясь подхода с запада вдоль железной дороги Железной дивизии Бишофа. В ночь с 17-го на 18 марта походная колонна добровольческих частей выступила из Туккума, имея в голове русский отряд.

У водяной мельницы Малеймуйже, в 10 верстах южнее Шлампена, головной взвод кавалерии наткнулся на засаду большевистской спешенной кавалерии, засевшей в овраге по обе стороны от дороги и открывшей в 10 часов вечера, при лунном освещении, огонь из пулеметов и винтовок по походной колонне. Среди обывательских подвод произошло некоторое замешательство, но присутствие духа командира батареи

капитана Андерсона[22] спасло положение. Он сразу приказал выкатить на поле одно орудие и начал прямой наводкой стрелять по неприятельской цепи. Одновременно часть роты с пулеметами рассыпалась в цепь, и вскоре неприятельский огонь начал слабеть и прекратился. Когда мельница была занята, то и след от большевиков простыл.

В этом бою был убит только что поступивший к нам в Виндаве поручик Шлосман и тяжело ранен штабс-ротмистр Рымша.

Засим русский отряд был направлен на восток к Кальнецемскому мосту через реку Курляндскую Аа заслоном и имел здесь на следующий день продолжительный бой с укрепившимися в старых окопах военного времени большевиками. Защищаемая, таким образом, с фланга и тыла, колонна ландесвера могла ускоренным аллюром продвинуться прямо на Митаву. В шести верстах от Митавы произошел небольшой бой, но в общем большевики, охваченные паническим страхом, бежали, оставив в Митаве массу имущества и санитарный поезд. Единственное, что они успели сделать, – это арестовать заново и вывезти массу интеллигентных заложников. Следующая ночь была чрезвычайно холодная, и заложников вели пешком по мерзлому шоссе в той одежде, в которой их застали. Многие старики и старушки не выдержали и падали на пути; их приканчивали выстрелами и прикладами. Очень немногим удалось в пути бежать и скрыться в лесу. Остальные в неимоверно истощенном состоянии, пройдя 40 верст без остановок, были брошены в рижские тюрьмы. Здесь свирепствовал сыпной тиф, и немедленно интеллигентные женщины из числа заложников были назначены на работу – стирки белья тифозных больных.

После взятия Митавы первый день прошел спокойно. Производилась чистка города и разыскивались многочисленные трупы расстрелянных большевиками, которые, едва зарытые в землю, заполняли дворы и сады вокруг губернской тюрьмы.

Однако положение города оставалось весьма критическим. Он был взят налетом. В тылу на западе от Митавы находились большевистские войска, отступившие от Альт-Луца и Доблена, под давлением Железной дивизии и латышей. Положение этих частей было бы безвыходным, если бы имелось больше добровольческих частей для окружения их; теперь они, охваченные паникой, ринулись в юго-восточном направлении через город Бауск к Западной Двине, но до того момента, когда определилось направление их отступления, они представляли серьезную угрозу Митаве. Отколовшиеся от большевистских сил банды долго еще мешали сообщениям между Митавой и

Туккумом, где оставлен был весьма незначительный гарнизон, находившийся под угрозой нападения со стороны Шлока.

Действительно, большевики произвели нападение на Туккум с востока. Гарнизон города состоял из 35 штыков сборной команды и 50 человек саперной роты Штромберга. Большевики заняли высоту, господствующую над городом с севера, и поставили один пулемет. Случайно один из саперов выстрелил в направлении наступавших ружейной гранатой. Граната разорвалась в 20 шагах от пулемета с присущим ей треском, но без дальнейшего вреда. Прислуга большевистского пулемета сразу прилегла, а затем бежала, бросив пулемет. Саперы с криком «Ура!» бросились на высоту, захватили пулемет и повернули его на бегущих большевиков, после чего последние туда больше не возвращались.

На второй день после взятия Митавы большевики неожиданно повели наступление на город с востока, подойдя к самому предместью с двумя бронированными поездами и несколькими броневиками.

Вызванные по тревоге пулеметная и пехотная роты прибыли к шоссейному мосту и, перейдя реку, заняли окопы восточнее моста и отсюда отбили сильные атаки красных.

На следующий день большевики возобновили наступление и заняли на нашем левом фланге, расположенные всего в полуверсте от нас, здания сельскохозяйственной выставки и старались обойти наш правый фланг. Из выставочных зданий нам удалось выбить их метким артиллерийским огнем. Обход с правого фланга тоже удалось ликвидировать. Полтора суток, проведенных в этом бою, оказались первой серьезной пробой устойчивости молодого отряда. Русские показали себя хорошо и заслужили доверие жителей Митавы. После этого боя большевики уже не решались наступать и ограничились обстрелом города из своих орудий. Наши потери были невелики: один убитый и несколько раненых.

Позже ко мне приехал латвийский министр внутренних дел д-р Вальтере и благодарил отряд от имени правительства за спасение города.

На следующий день ко мне привели одного господина, подошедшего к передовым постам со стороны большевиков и сославшегося на меня. Я его первоначально не узнал. Голова его была обвязана платком, на ногах была изодранная обувь, в глазах его было выражение ужаса. Лишь когда он назвался, я узнал в нем одного родственника, барона Роппа, секретаря Курляндского дворянства и сына местного директора поземельного банка. Он рассказал мне, что он со стариком отцом и другими

арестованными был накануне занятия Митавы уведен пешком по Рижскому шоссе. Его отец обессилел в пути и упал. Большевики его пристрелили. Он сам, ослабленный тяжелой болезнью и долгим пребыванием в тюрьме, упал – к его счастью – в канаву. Большевики, считая Роппа мертвым, оставили его лежать. Два дня он укрывался в лесах, где крестьяне его приняли и согрели в своей избе. Я лично проводил его затем в Митаву к его матери, которой я должен был сообщить грустную весть о расстреле ее мужа. Это только один случай из тысячи.

Через два дня было установлено появление новой угрозы городу с севера. Большевики, перейдя ниже Митавы реку по льду, начали накапливаться в лесах, окружающих город. 22 марта туда был направлен русский отряд, к которому была придана германская добровольческая пулеметная рота. Бой начался в пяти верстах от города, около мызы Шведгоф.

Противник, засевший на опушке леса, сперва открыл оживленный пулеметный огонь, но благодаря значительному превосходству нашего пулеметного и артиллерийского огня принужден был сперва отступить, а затем бежать. Преследование велось энергично на расстоянии 12 верст и привело к полному очищению западного берега реки. Удалось установить, что наши две небольшие роты привели в паническое бегство весь 15-й латышский советский полк, который, войдя в деревню, где стоял батальон 10-го полка, увлек и его в бегство.

Теперь все эти части ожидали немедленного наступления на Ригу. Большевики были настолько убеждены в этом, что спешно начали эвакуировать Ригу. Улицы, по которым большевики предполагали отступать, очищались от всех жильцов-буржуев. Последние выводились на улицу, где распределялись на три категории: в 1-й – к немедленному расстрелу, во 2-й – к заключению в тюрьме ив 3-й – к выселению в предместья, в концентрационные лагеря и на низменные острова на Двине. В эти дни свирепствовал в городе самый жестокий террор. Расстрелов было столько, что солдаты отказывались производить их, и работа расстрела поручалась коммунистическим девушкам-добровольцам, которые находили особое удовольствие в истязании своих жертв до окончательного их расстрела.

Во всяком случае, настроение большевиков в это время было таково, что о серьезной обороне Риги они не только думать не могли, но и не хотели, войска же добровольческих частей рвались в бой, так как у каждого были близкие родственники или друзья в Риге.

Несмотря на такое настроение, мы провели целых два месяца на позициях по левому берегу Курляндской Аа от Бауска до

Шлока с небольшими тэт-де-понами впереди Митавы и Кальнецема на правом, восточном, берегу реки. Митава с упомянутым тэт-де-поном занята была Железной дивизией майора Бишофа, со штабом в Митаве. Южный участок от Митавы до Бауска занимала германская гвардейская резервная дивизия со штабом в имении Гросс-Платон. Северный же участок от Митавы до Шлока оборонялся добровольческими частями, причем латыши занимали Кальнецемский тэт-де-пон. Ландесвер стоял севернее до моря. Штаб майора Флетчера находился в Туккуме. Русский же отряд имел сторожевое охранение по реке Курляндской Аа от Кальнецема до Митавы. Штаб отряда расположился в имении Ливенберзен, в 15 верстах севернее Митавы. За время нашего пребывания тут с местными жителями установились самые лучшие отношения, главным образом потому, что я не допускал никаких реквизиций и защищал жителей от налетов, производимых самочинно солдатами германской Железной дивизии. Одновременно я приказывал производить подробные дознания о преступных действиях лиц, замешанных в большевизме и терроре. Арестованных мы никогда не расстреливали, а препровождали с дознанием в митавскую губернскую тюрьму. В занятом мною районе все время царили полное спокойствие и порядок, что, по дошедшим до меня еще недавно сведениям, местным населением до сих пор не забывается.

За время этой стоянки в отряде особенно отличились разведкой и налетами в тыл красных два беззаветно храбрых офицера – поручик Зелерт[23] и подпоручик Тимофеев. Первый однажды с 8 разведчиками навел на большевиков такой страх, что целый батальон отскочил в панике от фронта верст на десять, о чем мне подробно доложил перешедший к нам от красных батальонный командир. Подпоручик же Тимофеев, раненный в ногу и с простреленными легкими, пролежав сутки в околотке, не выдержал и при наступлении пошел в строй, опираясь на палку, и вновь отличился. Зелерт погиб в октябре в бою под Лиговом, когда он командовал уже батальоном и обходил во весь рост стрелковую цепь. Тимофеев же был еще раз ранен под Петроградом и, поправившись, умер в Нарве от сыпного тифа. Мир праху этих беззаветно храбрых и преданных своему делу офицеров. Память о них жива среди их бывших товарищей.

В течение апреля нам удалось определить те большевистские силы, которые защищали фронт Рижского плацдарма от моря до Западной Двины у Фридрихштадта. Севернее Митаво-Рижского шоссе стояли почти исключительно латышские полки, силою в среднем в 800 человек, а именно: против Шлока на взморье –

роты береговой охраны и один батальон 1-го латышского стрелкового полка; южнее от озера Вабит до полотна Риго-Митавской железной дороги с севера – 1-й, 2-й и 3-й латышские стрелковые полки с тремя легкими и одной тяжелой батареей.

На Риго-Митавском шоссе 1-й Устьдвинский полк с одной батареей латышской тяжелой артиллерии и одной гаубичной.

Против Митавы, между Риго-Митавской и Московско-Виндавской железной дорогой находился 10-й латышский стрелковый полк, батарея тяжелой латышской артиллерии и два эскадрона латышской кавалерии.

Южнее Московско-Виндавской железной дороги, по восточному берегу реки Курляндской Аа от Митавы до города Вауска, стояли 16-й латышский стрелковый полк, 8-й латышский стрелковый полк, 1-й Витебский полк, 99-й стрелковый полк, входивший в состав Новгородской дивизии, 38-й стрелковый полк и три батареи полевой артиллерии.

Южнее города Бауска, в Литве, 32-й и 33-й стрелковые полки и части 22-го Московского полка с двумя полевыми батареями.

Резервы красных были сосредоточены впереди Риги, сюда входили: несколько эскадронов латышской кавалерии, саперы, автоброневые взводы и части особого назначения, как то: коммунистические роты, матросский отряд под командою германского матроса, интернациональный батальон и роты рижских рабочих.

Коммунисты были хорошо одеты и снабжены. Мобилизованные красными латыши были в лохмотьях.

Можно полагать, что Рижский плацдарм защищался армией силою приблизительно в 10–11 тысяч человек на фронте. Сила же наступавших «белых», включая ландесвер, Железную дивизию и германскую гвардейскую дивизию, едва ли достигала 10 000 на фронте, в тылу же находилось несоответственно большое число людей на довольствии; так, например, ландесвер, имея на фронте в лучшем случае 3500 людей, довольствовал из котла в тылу около 20 000, включая сюда всякие хозяйственные и санитарные учреждения.

Причин для задержки добровольческих частей на линии Митавы было несколько.

Нельзя забывать, что Митава была взята налетом.

Требовалось известное время для исправления путей сообщения, для налаживания снабжения и присылки пополнений.

Вопрос о снабжении изголодавшейся Риги продовольствием, в случае взятия города, не нашел еще удовлетворительного разрешения. В особенности ввиду невозможности пользоваться морским путем, так как благодаря холодной весне в море еще

было много льда.

Германское правительство не желало, при создавшихся политических обстоятельствах, разрешить германским частям идти далее реки Курляндской Аа, так как оно смотрело на всю операцию лишь как на средство обеспечить свои восточные границы от нападения со стороны большевиков, а эта цель была уже достигнута взятием Митавы в достаточной мере.

Наконец, правительства Антанты не могли согласовать вопрос, кому и когда освободить Ригу. Инструкции, которые ими давались германскому командованию на местах, были крайне противоречивого характера.

Пока река была покрыта льдом, позиционная война являлась для добровольческих, растянувшихся в одну длинную линию частей очень утомительной задачей.

Поздно наступивший разлив облегчил задачу, но одновременно вспыхнули случаи сыпного тифа, грозившего принять характер эпидемии. Умер от тифа помощник начальника русского отряда – полковник В.Н.[24], пользовавшийся всеобщим уважением и доверием всех чинов отряда. В середине апреля отряд уведен был в тыл для дезинфекции и приведения себя в порядок. К тому времени стали подходить пополнения из Либавы и Виндавы, получены были орудия, началось формирование гаубичной батареи, и от латвийского правительства были получены по реквизиции лошади из Добленского уезда. Вообще, отряд начал усиливаться. Перелетело к нам от красных три аэроплана с капитаном Андржевским во главе. Русские летчики передались нам с аппаратами, ценными документами и картами Красной армии. Необходимо было еще наладить получение пополнений из бывших военных русских пленных, находившихся в Германии. Попытки вывезти их оттуда, несмотря на разрешение держав Согласия и на содействие германских властей, всегда разбивались о какое-нибудь мелкое препятствие, а потому я решил ехать лично в Берлин для организации дела.

Неожиданно в Либаве в середине апреля разыгрались политические события, имевшие серьезные последствия. Ударный батальон Балтийского ландесвера, отведенный в Либаву на отдых, 16 апреля сверг министерство Ульманиса и арестовал некоторых членов министерства. Поводом послужило недоверие балтийских фронтовых частей к министерству вообще и к двум министрам – Залиту и Гольдману – в особенности. Последние обвинялись в сношениях с большевиками, а потому войска желали удаления их. «Путч», совершенно не подготовленный, руководимый некоторыми очень молодыми политически неопытными офицерами ударного отряда ландесвера, во главе

которого стояли некоторые члены семьи Мантейфель, оказался ударом впустую. На место свергнутого правительства нельзя было найти нового. Военная и дипломатическая миссии союзников явно стояли на стороне министерства Ульманиса и вначале не желали вовсе разговаривать с другими группами. Только американская миссия заняла более примирительную точку зрения и старалась создать коалиционное правительство.

К этим событиям я был причастен, постольку поскольку меня в первый день Пасхи экстренно вызвали из Митавы в Либаву, прислав за мною аэроплан. Не зная обстановки и ни к чему не подготовленный, я, по прибытии в Либаву, получил от временного исполнительного комитета фронтовых частей, в данном случае батальона Штосструпа, предложение возглавить новое правительство, долженствовавшее заменить свергнутое правительство Ульманиса и представлявшееся молодым руководителям переворота под видом военной диктатуры. Я не согласился на принятие этой ответственной должности, опираясь лишь на штыки ландесвера и на небольшую группу консервативных латышей, а потому поставил непременным условием предварительное согласие на это полковника Баллода, командовавшего на фронте латышскими частями. Он, однако, на мой запрос ответил, что он солдат и его место на фронте. Не получив его поддержки, я отказался от возглавления правительства, что мне граф фон дер Гольц в своей книге ставит в вину как малодушие. Зато я, как человек, стоящий вне политики, предложил свое посредство между Балтийским ландесвером, миссиями держав Согласия и арестованными членами министерства Ульманиса, в особенности министром внутренних дел д-ром Вальтерсом.

Край же в это время оставался без правительства, и в уездах вспыхнули со стороны латышских тыловых войсковых частей беспорядки. Генерал граф фон дер Гольц 21 апреля издал приказ, в котором объявил, что он, как главнокомандующий над всеми войсковыми частями всяких национальностей, в краю будет железною рукою поддерживать порядок. Он выслал в Газеннотский уезд несколько отрядов, которые более или менее восстановили порядок. Одновременно он принял энергичные военные меры против возможных в Либаве новых выступлений ландесвера. При таких весьма неблагоприятных внешних и внутренних условиях, спустя десять дней после переворота создалось новое правительство, в которое вошли: $Ц_3$ балтийцев и $^2/_3$ латышей правых партий. Во главе этого правительства стал пастор Недрис, известный латышский писатель и националист.

Правительство Недриса, поддержанное германскими

оккупационными властями, не было признано союзниками. Ульманис же продолжал играть роль изгнанника. Дело не прошло без столкновений. В первый день переворота солдаты одной германской добровольческой части ворвались в расположение латышских частей в районе военного порта и, обезоружив латышей, ограбили их. С другой стороны, латыши арестовали Недриса, тайно увели его за город, откуда ему с различными приключениями удалось бежать в одной рубашке и добежать в таком виде к ближайшему германскому посту.

Все эти события не могли не усилить вражды между различными национальностями и не вызвать недоверия союзников к ландесверу и прибалтийским немцам вообще. Озлобление латышей было особенно сильно против ландесвера и семьи Мантейфель, из которых командир ландесвера пал при взятии Риги в мае 1919 года, а его отец был убит какой-то бандой осенью того же года.

События в Либаве, к счастью, мало отразились непосредственно на фронте. В перевороте участвовал только ударный отряд Мантейфеля, стоявшие на фронте части ландесвера в нем не участвовали, и отношения между ними и латышскими частями остались корректными.

После этих событий я решил, пользуясь передышкой на фронте, уехать в Берлин, чтобы поторопить присылку ко мне русских пополнений. Тут я виделся с руководящими лицами русской колонии, с военными представителями держав Согласия и с офицерами германского Главного штаба. Среди русских я нашел разрозненность и растерянность. Большую поддержку оказал мне присланный в Берлин по делу русских военнопленных генерал Потоцкий[25]. К сожалению, отсутствовал генерал Монкевиц[26], который, вернувшись из Парижа и плохо осведомленный о моей организации, не сочувствовал моему отряду, считая его слишком германофильским. Энергичную поддержку я нашел со стороны сенатора Бельгарда[27], и при его содействии мне удалось объединить русских различных направлений, доказав им, что теперь не время спорить об ориентации и партийности, а нужно делать русское дело.

Результатом двух совещаний в Центральной гостинице оказалось сформирование в Берлине русской организации, в которую вошли представители различных русских общественных кругов. Ведение военного дела взял на себя генерал Потоцкий, а во главе вербовочного бюро стал сенатор Бельгард. Для предстоящей деятельности были выработаны следующие положения:

1) Деятельность вербовки должна происходить в полном

согласии с русской военной миссией в Берлине.

2) Для пополнения признанного генералом Юденичем[28] добровольческого отряда князя Ливена будут высылаться части под следующими условиями:

а) отдельно или группами для непосредственного зачисления в отряд князя Ливена;

б) отдельными ротами, эскадронами и батальонами точно так же для зачисления в означенный отряд;

в) отрядами из трех родов оружия с подчинением командованию князя Ливена.

3) Никакие другие самостоятельные или носящие иной характер формирования не будут допускаемы.

4) Принятие на службу в отряд германских офицеров и солдат не допускается.

5) Все переговоры относительно формирования германских или смешанных частей должны вестись исключительно через начальника русской военной миссии.

6) Принятие русских в такие организации, которые преследуют исключительно германские интересы, ни под каким видом не разрешается.

7) Дело формирования ведется открыто, без тайн.

8) Все отдельные высшие чины, части и отряды впредь до отправления на фронт подчиняются начальнику русской военной миссии.

Так как формирование и отправка пополнений зависели от доброжелательности как представителей военных миссий держав Согласия, так и германских военных властей, то от генерала Потоцкого и от сенатора Бельгарда требовалось много дипломатического такта, чтобы примирить в этом вопросе интересы русского дела с требованием держав Согласия и Германии.

Со второй половины мая перевозка пополнений наладилась, и отряд начал разрастаться.

Между тем на фронте опять начались военные операции. 16 мая русский отряд, сменив часть латышских рот, занял совместно с латышами Кальнецемский тэт-де-пон. С 18-го по 20 мая большевики сильными повторными атаками старались отбить пас, направляя главные свои силы против правого участка, занимаемого русскими. Все атаки были отбиты с большими потерями для большевиков. Из показаний пленных выяснилось, что непосредственно от Троцкого был получен категорический приказ занять мост. Большевики вполне правильно оценивали значение Кальнецема как угрозу Риге. На 22 мая, по собранным разведкою сведениям, ожидалось новое наступление

большевиков. Командир ландесвера решил предупредить это неожиданным переходом в наступление со своей стороны.

В 1 час 30 минут ночи 22 мая Балтийский ландесвер, имея ударный отряд во главе, неожиданно атаковал большевиков и уже к 3 часам ночи, пробившись к ним в тыл, начал ускоренным маршем поход на Ригу, с таким расчетом, чтобы занять городские мосты через Двину раньше, чем отступавшие большевистские части могли поспеть туда. Русский отряд вместе с латышами под командою полковника Баллода пошел обходным путем по южному берегу озера Бабит. По реке Курляндской Аа направилась сильно вооруженная речная флотилия на специально приспособленных для сего речных пассажирских и буксирных пароходах. Севернее реки по берегу моря от Шлока двинулись латышские и ландесверские части.

Одновременно двинулась из Митавы по шоссе Железная дивизия Бишофа. Германские части не имели от своего правительства разрешения участвовать в рижской операции, но в случае наступления ландесвера принуждены были для обеспечения своего фланга продвинуться на новые позиции, что ими и было исполнено.

В два часа дня Мантейфель с ударным отрядом подошел к деревянному городскому, бывшему понтонному мосту, одновременно по Митавскому шоссе к железнодорожному мосту стали подходить бронированные автомобили майора Бишофа. Большевики в Риге были застигнуты врасплох. Они узнали о приближении белых, лишь когда те с боем вошли в западные предместья города. На деревянном мосту произошел короткий бой, причем пал командир эскадрона граф Рейтерн-Нолькен. Ударники ворвались в город с Мантейфелем во главе, который при этом был убит, и поспешно направились к ближайшей тюрьме, чтобы спасти заключенных там заложников. В других же тюрьмах большевики успели многих перебить, в том числе женщин, некоторое число пасторов, других же увезли из города на грузовиках для отправки в Москву заложниками, откуда они вернулись лишь в мае 1920 года.

К шести часам дня в город вступил русский отряд и получил задачу очистки от большевиков северных частей города, включая и Царский лес.

Первой задачей было организовать фактическую охрану частного имущества и предупредить грабеж. Это было тем более трудно, что в моем участке, кроме опасного склада динамита, на товарной станции находился водочный завод Вольфшмидта и холодильник со значительными припасами. Несколько раз ночью банда солдат германской Железной дивизии хотела сперва по

добру, а затем насильственно получить водку из склада завода. Мне пришлось ночью съездить к майору Флетчеру, где я застал и майора Бишофа, прося их повлиять энергично на свои войска, чтобы предупредить вооруженное столкновение. Тяжело мне было уже справиться с собственными моими добровольцами, которые после тяжелого похода тоже хотели воспользоваться близостью винного склада. К сожалению, приходится за счет этого винного склада отнести и несколько случаев буйства, которые мне удалось, однако, пресечь в корне. К счастью, отряд не задержался в Риге и уже на следующее утро получил задачу очистить от красных правый берег Двины вплоть до устья реки у Магнусгофа против Усть-Двинска. Задачу эту я возложил на капитана Дыдорова. В следующую ночь части вернулись с большим числом пленных и трофеями, в том числе один исправный броневик, который я поручил поручику Мейеру. Броневик этот, окрещенный «Россией», участвовал затем в походе на Петроград и заслужил хорошую славу.

Пленных у нас накопилось громадное количество, исчисляемое тысячами. Красноармейцы, бросая оружие, толпами возвращались в город и сдавались нам. Я сконцентрировал их всех на заводе «Проводник». И здесь я не допускал никаких расстрелов, и если были подобные случаи, то произошли они без моего ведома и объяснимы тем глубоким озлоблением, которое вызвано было у многих офицеров и добровольцев, узнавших в Риге, что их родители или братья были зверски убиты большевиками. Но я считаю это чувство озлобления лишь объяснением, а не оправданием факта самоличных расстрелов.

Но уже 24 мая я с частью отряда покинул Ригу для преследования большевиков, отходивших по Псковскому шоссе. Задача наша состояла в обходе лесными дорогами станции Роденпойс для содействия отряду Эйленбурга, направившемуся туда же по шоссе. Недалеко от станции Роденпойс коммунистическая рота, засев в густом лесу, произвела неожиданное нападение на продвигавшуюся по гати колонну. Несмотря на своевременное предупреждение дозорами, часть не успела примениться к местным условиям и вовремя развернуться и имела сравнительно значительные потери убитыми и ранеными. Убит был командир эскадрона ротмистр Родкевич, и я выбыл из строя вследствие ранения, одновременно со своим адъютантом поручиком Зейберлихом[29].

Но бой благодаря доблести батареи, стрелявшей прямой наводкой под градом пуль, окончился в нашу пользу, и большевики, прекратив огонь, бежали. Вскоре к нам подоспели подкрепления из латышских частей, по шоссе продвинулся

Эйленбург, и станция Роденпойс к вечеру была в наших руках.

Преследование большевиков продолжалось и в следующие дни до линии реки Лифляндской Аа.

В городе в это время быстро восстановилась жизнь. Впечатление при взятии Риги от душевного и физического состояния горожан было удручающее. Рассказы о большевистском режиме, о терроре и лишениях превосходили все, что проникло до тех пор в печать. Рассказы эти подтверждались при находке массы расстрелянных и изуродованных трупов. Ко всем бедствиям присоединились форменный голод и эпидемия тифа.

На фоне всеобщего бедствия особенно ярко выделялась картина празднеств в дворянском доме по поводу свадьбы дочери главного комиссара Стучки. Масса гостей съехалась по этому поводу со всех концов России, и, говорят, никогда еще и нигде, ни в одном зале не видано было такого ослепительного количества дорогих камней и драгоценностей, как на гостях товарища Стучки.

После взятия Риги майор Флетчер, как главнокомандующий, назначил градоначальника и начальников отдельных управлений города. Сюда вернулись многие полицейские чины, служившие во время германской оккупации. К сожалению, одновременно вернулись и многие нежелательные элементы, своими действиями подрывавшие авторитет вновь назначенных высших чинов. Почти одновременно прибыли в Ригу и военные миссии союзных держав и американская продовольственная комиссия. Последняя начала сразу снабжать жителей давно не виданным белым хлебом и организовала образцовые кухни для детей младшего школьного возраста. Вскоре переехало в Ригу и правительство Недриса. Но уже через две недели вся обстановка резко изменилась. В начале июня, при преследовании большевиков, ландесверные части неожиданно наткнулись южнее города Вендена на передовые посты эстонцев, уже очистивших северную часть Венденского и Вольмарского уездов от большевиков. Ландесвер полагал, что встретит у эстонцев поддержку. Но не то случилось. После нескольких случайных выстрелов между передовыми постами эстонцы выдвинули свой бронированный поезд, началась перестрелка, и ландесвер, перейдя в наступление, прогнал эстонцев из города и занял Венден.

Причины конфликта были следующие: балтийцы стремились объединить всю Латвию, эсты же не желали отдавать ту территорию, которую они уже освободили. В этом их поддерживали латыши Северной Лифляндии, признававшие правительство Ульманиса и желавшие сохранить эту полосу края

для пополнения войск латышских воинских частей под командою Земитана. Эти предположения не согласовались с программою правительства Недриса, а потому обе стороны согласились встретиться на станции Рамоцкое для обсуждения положения. Но тут произошло недоразумение, чреватое последствиями не только для правительства Недриса и для Балтийского ландесвера, но и косвенным образом для русской Северо-Западной армии на Нарвском фронте. Эстонские делегаты прибыли в бронепоезде. Кто дал первый выстрел – установить не удалось; каждая сторона обвиняет другую, но выстрел был и вызвал перестрелку. Балтийский ландесвер продвинулся вперед и занял город Венден. Через два дня было заключено перемирие.

9 июня междусоюзническая комиссия прибыла в Венден, чтобы уладить дело. Балты предлагали следующие три пункта: 1. Эсты должны отойти к своим этнографическим границам и там продолжать борьбу с большевиками. 2. Латышским мобилизованным частям, находящимся за эстонской линией, должно быть разрешено присоединиться к латышским частям Балтийского ландесвера. 3. Капитан Гольдфельд (Зельтин), который раньше служил в ландесвере, должен быть выдан последнему. Так как на этом соглашение состояться не могло, то союзные представители от себя предложили следующее: 1. Эсты должны очистить латвийскую территорию за исключением трех участков, которые будут очищены позже. 2. Эсты должны сами защищать свои границы от большевиков. 3. Эсты имеют право пользоваться железною дорогою Шванебург – Рамоцкое – Балк для вывоза своих складов, но без права держать здесь войска, за исключением полиции. Эти предложения были приняты комитетом ландесвера. Эсты настояли на том, что они должны предварительно получить согласие своего правительства, а потому следующая встреча была отложена до 16 июня. В этот день стороны опять встретились, но были поставлены перед новым фактором. Только что прибывший из Англии глава всех союзных миссий генерал Гоф, не утвердив вышеизложенных предложений, приказал от себя: 1. Ландесвер должен немедленно отойти за реку Лифляндскую Аа. 2. Все германские части должны покинуть Прибалтийский край и 3. Правительство Ульманиса должно быть признано. Балтийский комитет просил отсрочки в четыре дня для обсуждения вопроса. После длительных прений и обсуждений решено было ввиду угрозы со стороны латышских частей Северной Лифляндии под командою Замитана пригласить Железную дивизию на началах наемных войск, отказаться от перемирия и атаковать эстов с целью заставить их очистить территорию Латвии. Это решение не встретило сочувствия

многих из балтов, и полковник Баллод отказался участвовать в этом деле. Ко мне в больницу приехал мой заместитель капитан Дыдоров с докладом о положении, и я дал ему приказание остаться нейтральным, так как, с одной стороны, наш отряд обязался оставаться нейтральным при местных конфликтах, с другой стороны – я ясно понимал, что участие русских частей в боях против эстов могло отразиться самым неблагоприятным образом на отношениях эстов к русским на Нарвском фронте. По настоянию союзников два батальона моего отряда были отправлены в Либаву, где переняли от уходивших германцев охрану города, а один батальон был оставлен в Риге для несения здесь караульной службы при обострившихся отношениях между германцами и латышами. Ответственность за приказание моему отряду оставаться нейтральным я беру всецело на себя одного. Ко мне в больницу как раз в дни большой слабости после ранения приходил майор Флетчер и просил, чтобы я отменил свое приказание. Я не только отказал ему в этом, но умолял не начинать вооруженного столкновения с эстами. Я ему доказывал, что как бы это вооруженное столкновение ни кончилось, оно будет иметь пагубные последствия для различных населяющих Прибалтику национальностей, так как посеет вражду, которая не кончится, быть может, столетиями. Я считал, что из «приказаний» генерала Гофа одно было приемлемо, а именно отход за реку Лифляндскую Аа. Из этого положения можно было бы продолжать переговоры, и если бы эсты первые повели наступление, то ответственность за это падала бы на них, а не на балтов.

Положение ландесвера, если бы он отошел на рижские позиции, было чрезвычайно выгодное для продолжения переговоров, и следовало предоставить эстонцам инициативу наступления на Ригу. И материальное, и моральное преимущество было бы на стороне ландесвера. Вместо того, майор Флетчер под сильным давлением крайних германофилов и редактора газеты «Rigaesche Zeitung» д-ра Серафима решил предупредить готовившихся к наступлению эстонцев и сам в день окончания перемирия, 20 июня, у Вендена перешел в наступление.

Русский отряд, сформированный для борьбы с большевиками, с обязательством не вмешиваться во внутренние дела Прибалтики, объявил себя нейтральным и был уведен с фронта. Первый и третий батальоны были по просьбе союзных миссий отправлены в Либаву для поддержания порядка в этом городе после ухода германских оккупационных войск, а второй батальон оставлен в Риге для содействия местным гражданским властям.

На фронте дела пошли неважно для ландесвера. Эстонцы,

хорошо вооруженные и снабженные англичанами, оказались противником более серьезным, чем большевики. Броневой их поезд оказался живой крепостью, с которой балтийские добровольцы справиться не могли. Началось отступление. Дух добровольцев, быстро поднимавшийся при успехах, так же резко начал падать при неудаче. Война с эстонцами была чрезвычайно непопулярна и большинству из балтийских добровольцев непонятна. Отступление приняло беспорядочный характер и едва не привело к полному развалу ландесвера. Эстонцы, поддержанные латышами северных уездов Лифляндии, под командой полковника Замитана стали подходить к Риге, обстреливая уже предместья. Испорчен был снарядом главный водопровод, и город остался без воды. Шайки германских солдат производили в городе грабежи. Настроение латышских солдат полковника Баллода по отношению германцев и балтийцев со дня на день ухудшалось. На улицах происходили столкновения, при которых пускались в дело ручные гранаты. Полковник Баллод имеет великую заслугу, что сумел сдержать свои части настолько, что дела не приняли более крупных размеров. В Риге вновь началась паника. Все боялись вторжения эстонцев в город и производства ими грабежей и избиений. Вмешались союзные миссии и, чтобы спасти город, уговорили эстонцев заключить перемирие, по которому германские части должны были отойти на запад от Риги до линии речки Миссы на полпути между Митавой и Ригой. Балтийский же ландесвер, впредь до разрешения его судьбы, был отведен и сосредоточен в Туккуме.

Лишь после этого и после того, как все временные учреждения городского управления были эвакуированы из Риги, войска Замитана и эстонцы торжественно вступили в город. Порядок, поддержанный до тех пор совместно латышскими войсками Баллода и 2-м батальоном русского отряда, нигде не был нарушен.

По договору, заключенному между балтийским командованием и эстонцами, Балтийский ландесвер должен был быть очищен от всех чинов германской службы и командование перешло к английскому полковнику Александру.

По окончании переформирования ландесвер из Туккума был отправлен на противобольшевистский фронт у Крейцбурга, откуда, принимая участие во всех боевых действиях, продвинулся совместно с латышами и поляками до линии Режица – Люцен – Двинск, в так называемой Латгалии.

Лишь в феврале 1920 года ландесвер как таковой был расформирован, английский полковник Александр уволен и ландесвер переименован в 13-й Туккумский полк под командою

латышских офицеров.

Венденская авантюра после либавской нанесла непоправимый вред положению балтов в стране, хотя я определенно знаю, что большинство из них не сочувствовало ни первой, ни второй авантюре.

Германцы, отступив от Риги, укрепились на линии речки Миссы и реки Курляндской Аа до Шлока. Между германскими и латышскими передовыми постами лежала нейтральная зона. Для проезда из Риги в Митаву и обратно требовалось на каждый раз разрешение как германских, так и латышских властей. Поезда между этими городами не ходили вовсе. В Риге уже летом распространялись тревожные слухи о предстоящем наступлении немцев на Ригу.

Июль 1919 года

Пока происходили все эти события в июне месяце, силы русского отряда стали быстро расти. Из Германии и из Польши, где была организована целая система вербовки и отправки русских военнослужащих, еженедельно прибывали пополнения. Вследствие этого роты могли быть переименованы в батальоны. Сила батальонов была: 1-й батальон – 800 штыков, 2-й – 400 штыков, а 3-й – 300 штыков. Кроме того, был сформирован стрелковый дивизион из 250 спешенных кавалеристов. При отряде имелся эскадрон в 100 коней, одна 4-орудийная полевая и такая же гаубичная батареи, броневой взвод с одним броневиком и авиационный отряд с тремя аппаратами. Сформирован был кадр железнодорожного батальона и бригада по эксплуатации железной дороги. Отряд разросся до 3500 человек.

Прибыли также из Германии полковники Бермонд[30] и Вырголич[31] с предложением сформировать отряды с подчинением высшему командованию начальника русского отряда. Формирование этих отрядов происходило в Митаве. Полковник Бермонд дал своему отряду название «Отряд имени графа Келлера». По принципам формирования Бермонд расходился с принципами, принятыми в русском Либавском отряде. В последнем штаты штабов были сокращены до минимума, в отряд принимались офицеры исключительно русской службы, и то с большим разбором; тыловые учреждения были доведены до минимальных размеров, и все пополнения по получении обмундирования немедленно отправлялись на фронт, где вливались в строевые роты. Полковник Бермонд считал целесообразным начать с формирования многочисленных штабов, принимая добровольцами без разбора – офицеров, солдат как

германской службы, так и русских, гонясь за количеством в ущерб качеству, и полагал, что формирования должны производиться все в глубоком тылу до того момента, когда отряд разрастется в крупную единицу. Благодаря такой системе формирование отряда не было закончено летом, то есть в период, когда климатические условия могли бы позволить предпринять наступление на большевиков, хотя номинальная сила отряда уже в августе достигла 4 или 5 тысяч человек[32].

То же следует сказать о полковнике Вырголиче, который, начав формирование в Митаве, продолжал его в Шавлях[33]. Сила его отряда была не более 1500 человек.

Все три отряда, а именно: Либавский (Ливенский), 2-й имени графа Келлера (Бермонда) и 3-й полковника Вырголича объединились в один Западный корпус[34] Северо-Западной добровольческой армии.

Ввиду сложившихся обстоятельств, я решил 2 июля выписаться из городской больницы и переехал на моторной лодке в Митаву, где был встречен выстроенными по набережной военными частями полковника Бермонда и Вырголича. Досадно мне было здороваться с этими удалыми истинно русскими частями лежа на носилках. Хотелось повести их скорее в бой, вместо того чтобы сидеть в тылу в Митаве. Закипела организационная работа, началось формирование штаба корпуса, получившего название Западного корпуса Северной (Северо-Западной) армии. Начальником штаба корпуса мною был назначен Генштаба генерал-майор Янов[35], артиллерийская часть была поручена полковнику Беляеву, судебная – полковнику Энглеру[36], дело передвижения – действительному статскому советнику Зеля[37], интендантством заведовал полковник Колошкевич, контрразведкой – капитан Шнее, инженерной частью – полковник Ионас, санитарной – д-р Стороженко; казначеем был чиновник Родкевич, адъютантами штаба корпуса – капитан барон Будберг[38] и поручик Бакке.

Пришлось руководить распределением пополнений, приходивших почти ежедневно из Германии, распределяя их возможно справедливее между отрядами Бермонда, Вырголича и моим собственным. К сожалению, полковник Бермонд уже в это время подчинялся мне неохотно, вкрадывался в доверие германского штаба, генерала графа фон дер Гольца и получал снабжение более обильное, чем отряды Вырголича и мой собственный. Даже оклады у Бермонда оказались повышенными, чем он вызывал неудовольствие у чинов других русских отрядов, переманивая их к себе. Очевидно, он гнался за количеством, а не за качеством, так как переходили к нему те, которым германская

марка была дороже совести; лучшие же люди оставались в своих отрядах, с которыми сроднились.

29 июня ст. ст. (16 июля н. ст.), в день святых апостолов Петра и Павла, был молебен и парад по случаю именин Павла Рафаиловича Бермонда. Так как я был слишком слаб, чтобы присутствовать на параде, полковник Бермонд приказал привести части на улицу, где я жил. Я, поздоровавшись с войсковыми частями, пропустил их церемониальным маршем мимо себя и имел великое удовольствие видеть молодцеватых русских солдат с их офицерами, напоминавших выправкой и дисциплиной добрые старые времена.

После парада полковник Бермонд дал завтрак, на котором присутствовал и граф фон дер Гольц. Со слов присутствовавших, полковник Бермонд за завтраком заявил, что его настоящая фамилия не Бермонд, а князь Авалов, и граф фон дер Гольц первый поднял бокал за здравие князя Авалова.

Мой старый отряд был в это время рассеян по нескольким стоянкам. Штаб отряда с полковником Дыдоровым находился в Митаве, здесь же находилась вновь сформированная гаубичная батарея капитана Андерсона, спешенный кавалерийский дивизион подполковника Казакова[39], эскадрон кавалерии и 2-й, под командою генерал-майора Верховского[40], стоял в Риге. Первый же и третий батальоны под командою подполковника Яновича-Канепа с легкою батареей находились в Либаве для поддержания порядка в городе и порту, после того как немцы увели оттуда свои войска. Сделали же мы это ввиду того, что среди германцев упорно поддерживалось убеждение, что Версальский договор не будет подписан и что военные действия должны будут вскоре возобновиться. Нахождение германских частей в Либаве в то время, как на рейде стоял союзнический флот, повлекло бы гибель всего гарнизона, а потому граф Гольц приказал вывести войска на восток из города, сохраняя в своих руках станцию Прекульн, откуда во время войны построена была немцами железная дорога на Мемель-Тильзит. Подполковник Канеп в Либаве снабжался союзниками или, вернее сказать, англичанами и сумел поставить себя с ними настолько хорошо, что надеялся отделиться совершенно от штаба отряда, стоявшего в Митаве. Его интриги вредно повлияли на настроение этой лучшей части всего отряда, но успех он имел лишь временно, пока состоял начальником Либавского гарнизона. Подчиненные ему части прекрасно показали себя в Либаве и оставили о себе отличную память, но полковник Канеп, долженствовавший остаться вне политики, переусердствовал: выставил при приезде Ульманиса почетный караул и дозволил некоторым чинам отряда

участвовать в хулиганской выходке при разрушении германского памятника у Либавского кургауза.

В течение июля вокруг меня сосредоточилась кипучая организационная работа. Генерал граф фон дер Гольц, понимая, что германцы не долго смогут оставаться в Прибалтике, обратился к генералу Гурко[41], находившемуся тогда в Берлине, с предложением организовать русский Западный фронт. После его отказа приехал генерал Бискупский[42], но не сговорился ни с графом фон дер Гольцем, ни с полковником Бермондом. Приезжал также Гучков, который, вопреки своей деятельности по разрушению дисциплины в нашей армии в 1917 году, теперь заговорил о воссоздании армии и общей борьбы с большевиками, путь коих был подготовлен приказами по армии того же Гучкова в 1917 году. Приехал и сенатор Бельгард с докладом о деятельности вербовочного бюро в Берлине. Он указал на затруднения, чинимые ему как со стороны самих русских, так и со стороны союзников и известных немецких групп. Приезжал также штабс-ротмистр князь Ширинский-Шихматов[43], с которым удалось наладить отправление эшелонов русских воинских чинов из Польши в Митаву. Благодаря содействию союзнических миссий в Варшаве и предупредительности германских пограничных властей дело это великолепно наладилось, в Митаву прибывало до двух эшелонов в неделю, и в Польше записалось в мой отряд до 15 000 добровольцев. В помощь князю Ширинскому-Шихматову я откомандировал нескольких надежных офицеров, и с половины июля пополнения стали поступать ежедневно.

Кроме всех этих лиц, ко мне приходили многие старшие офицеры германской службы. Они желали поступить на русскую службу вместе с вполне готовым вооруженным отрядом. Политические условия не позволяли мне в это время принять такого рода предложения. Я желал сохранить подчиненные мне части русскими, полагая, что воссоздание России должно быть делом наших же рук. Прими я в это время услуги германских добровольцев и финансовую поддержку крупной германской промышленности, мне легко было выставить смешанную армию в 200 000 человек. Но вопрос: спасло ли бы это Россию?

Совершенно иным делом была разработка плана продвижения вверенного мне корпуса на противобольшевистский фронт. Я полагал, что ввиду обострившихся отношений германцев к латышам наступление русских частей на противобольшевистский фронт должно быть проведено минуя Ригу и Центральную Латвию. Я считал продвижение возможным лишь на левом (южном) берегу реки Западной Двины вдоль Московско-Виндавской железной дороги. На высоте Крейцбург –

Якобштадт могли, по моим предположениям, начаться совместные действия в соприкосновении с правым флангом латвийской армии. Главным препятствием этого направления было отсутствие мостов через реку Западную Двину, так как оба железнодорожных моста у Крейцбурга и у Двинска были взорваны. Об этом плане у меня нередко были совещания с графом фон дер Гольцем, убежденным в том, что это продвижение было единственным, могущим спасти положение генерала Юденича на Нарвском фронте.

Не имея долгое время известий от генерала Юденича, я в начале июля откомандировал в Финляндию двух офицеров, а именно полковника Беляева и подполковника Бириха, с рапортом о сформировании Западного корпуса и с подробным докладом об общем положении. Но эти офицеры еще не успели вернуться из командировки, и самое формирование корпуса еще не было окончено, когда 9 июля было получено от генерала Юденича приказание о немедленном переводе на Нарвский фронт всего отряда по очищении его от германофильских элементов. Первый Ливенский отряд, не имея в своих рядах германцев, мог быть весьма быстро отправлен на север, требовалось лишь около 10 дней для приведения материальной части в исправность. Но тут, к удивлению всех, было получено из Либавы известие, что распоряжением генерала Гофа 1-й и 3-й батальоны без обозов и без артиллерии и без приказания командующего отрядом поспешно были посажены на английский транспорт и отправлены в Нарву. Трудно объяснить себе эту поспешность, связанную с бестактностью, иначе, как желанием генерала Гофа скорее освободить Либаву от присутствия весьма популярного в городе русского отряда. Эта бесцеремонность вызвала сильное брожение среди всех чинов отряда и повлияла на настроение в весьма отрицательном смысле.

Полковники Бермонд и Вырголич отказались исполнить приказание Юденича – перейти на Нарвский фронт, если союзники не пожелают гарантировать получение от них снабжения, снаряжения и довольствия в тех размерах, в каких это поступало до тех пор от германцев. Так как союзные миссии отказались от выдачи такого обязательства, то эти два отряда остались в Курляндии. Они были затем исключены из состава добровольческого корпуса, и только штаб корпуса вместе со мною последовал в Нарву.

Но до моего отъезда из Риги 28 июля мне пришлось лично поработать в Митаве и Риге в связи с создавшимся новым положением. Приказ о переходе на Нарвский фронт, переданный мне приехавшими на автомобилях в Митаву английскими

офицерами – полковником Александром, майором Киненом, майором Истоном и капитаном Бреем (бывший офицер 5-го Александрийского гусарского полка), – явился для меня полною неожиданностью, идущим вразрез с прежде полученными приказаниями и указаниями и расстраивавшим всю сложную, только что проведенную в жизнь систему пополнения частей. *Я* сознавал ясно все ужасающие последствия этого приказа для моего детища, для русского дела вообще и для Северо-Западной армии в особенности. Что в тот же день мои части, стоявшие под командою полковника Яновича-Канена, стараниями генерала Гофа уже были погружены без моего ведома, я узнал лишь на следующий день. После минутного размышления я дал английским офицерами лаконический ответ: передать генералу Юденичу, что приказ его будет исполнен. Одновременно я передал письменный рапорт на имя генерала Юденича с донесением, что приказ его будет исполнен и отряд, по приведении в исправность материальной части, может через 10 дней быть погружен для отправки. Граф фон дер Гольц меня правильно понял, когда писал в своих воспоминаниях: «Князь Айвен был старым солдатом и полагал, что, несмотря на полное понимание истинного положения дела, он приказу должен подчиняться».

Что полковник Бермонд отказался исполнить приказ – этого я не одобрял, но понимал вполне его мотивы, а потому приказал исключить его отряд точно так же, как и менее значительный отряд Вырголича, из состава корпуса. Штаб же корпуса после некоторых колебаний решил ехать со мною в Нарву, куда проследовал только один из трех отрядов, а именно Либавский.

С полковником Бермондом я имел длинный разговор и просил его не забывать, что задача остается прежней, а именно: пройти возможно скорее на Двинский противобольшевистский фронт. Я разъяснил ему, что, при создавшихся политических условиях, направление через Ригу и вообще через Лифляндию совершенно отпадает и что его путь следования лежит по южному берегу Западной Двины, с использованием двух железных дорог – Московско-Виндавской до Крейцбурга и, с согласия Литвы, железной дороги от Шавель до Калкун. С моими доводами полковник Бермонд согласился, обещал мне лично ни в коем случае не идти через Ригу или Лифляндию и даже обещал при встрече на общем Северо-Западном фронте вновь добровольно подчиниться мне как командиру корпуса. На этом мы расстались: к сожалению, он своего обещания не сдержал и разбился об Ригу, никогда не достигнув противобольшевистского фронта.

Перед отъездом я сделал графу фон дер Гольцу прощальный

визит, во время которого он выразил полную надежду, что русскими частями, остающимися в Курляндии, своевременно будет оказана генералу Юденичу помощь на правом фланге.

Командир Железной дивизии майор Бишоф пригласил меня на ужин, на котором присутствовали старшие русские офицеры, и выразил наилучшие пожелания для успешной борьбы с большевиками. Я поблагодарил за доброе пожелание и за установившиеся в совместной работе хорошие отношения.

Расставшись с Митавой, я попал в Ригу, где мне пришлось продолжать работу с англичанами. Чрезвычайно отзывчиво отнесся ко мне начальник английской военной миссии генерал Бырт. В Ригу приехал и генерал Гоф, начальник всех союзных миссий на побережье Балтийского моря. Лично он был весьма любезен, приехал ко мне на квартиру ввиду затруднительности для меня ходить, но произвел на меня впечатление чрезвычайно неискреннего человека. Дальнейшее доказало, что он явился злейшим врагом русских начинаний и не допускал возможности совместной работы русских с германцами на противобольшевистском фронте.

Насколько легкомысленно была задумана вся переправа моего отряда из Южной Прибалтики в Нарву, можно усмотреть из того, что никто не позаботился о снабжении меня средствами. Германцы уплатили полностью месячное жалованье всем чинам уезжающего отряда, выдали полностью снаряжение, обозы, артиллерию и большой запас снарядов, но для переброски войск требовались новые крупные средства.

Прибыл из Польши эшелон, так называемый Тульский, с капитаном Стрекопытовым[44]. Чины этого отряда были необуты, неодеты, жалованья не получали, и пришлось их хоть кое-чем удовлетворить. Выручил лично генерал Бырт, который под собственноручную долговую расписку и за личной ответственностью получил из Латвийского казначейства 800 000 рублей царскими. Он же озаботился о снабжении последних эшелонов, еще неорганизованных, походными кухнями, которые он получил заимообразно от латвийской армии. Всего из Риги было отправлено шесть транспортных пароходов и два воинских поезда в Нарву. С одним из последних пароходов – «Princesse Marguerite» – я уехал со штабом корпуса. Русские рижане собрались на набережной проводить меня. Был отслужен напутственный молебен, на котором великолепно пел хор госпожи Лишиной. Прощание было трогательным, все полны были надежд на успех под Петроградом.

Этим окончилась, собственно говоря, моя активная деятельность в Южной Прибалтике, где мне пришлось

встретиться с самыми запутанными политическими условиями.

Чтобы правильно понять события, происходившие в это время в Прибалтике, надо уяснить себе те силы, которые влияли на ход событий в этом крае в течение года. До заключения Германией общего перемирия, единственным влиянием здесь было германское. Казалось, что край так или иначе связан с судьбой Германской империи. Только немногие, более дальновидные, сомневались в победе германцев и предвидели, что при восстановлении России, вопрос о Прибалтике будет подвержен ревизии.

Положение резко изменилось, когда после германской революции и развала фронта германское правительство наскоро организовало две новые республики – Эстонию и Латвию – и передало вновь сформированным правительствам этих республик соответствующие территории. Все это делалось под давлением событий на фронте с такою поспешностью, что об упорядочении условий будущей политической и экономической организации и речи быть не могло. Эстония уже с декабря 1918 года была отрезана от германского влияния вторгнувшимися в Латвию большевиками, а сама Латвия не успела организоваться, когда правительству пришлось бежать из Риги. В той и другой республике власть перешла к партии национально-шовинистически настроенной, что, прежде всего в Эстонии, тяжело отразилось на поместном дворянстве, земли коего были национализованы. В Латвии благодаря военным событиям обострение отношений началось позже.

Вскоре в Балтийском море появились союзные флоты, и влияние Антанты, в особенности Англии, стало решающим фактором на Балтийском побережье.

Только явная опасность большевистского продвижения заставила державы Согласия допустить до поры до времени дальнейшее пребывание германских войск в Курляндии.

С этого момента все дальнейшие события станут понятными, если смотреть на них как на продолжение состязания между Антантой и Германией на бывшей русской территории. При этом борьба с большевизмом является лишь предлогом для тех или иных мер. Державами Согласия опасность большевизма недооценена, германская же опасность переоценивалась и внушала больше опасений, чем угроза большевизма.

Германцы же со своей стороны боролись с большевиками только постольку поскольку последние представляли угрозу восточным границам германского государства. Поэтому они не брезговали пользоваться большевиками там, где могли непосредственно или косвенно нанести вред державам Согласия.

Один высокопоставленный германский генерал объяснил это откровенно русскому офицеру Генерального штаба и прибавил, что он, к своему великому сожалению, поставлен в необходимость вести дело так, чтобы его правая рука не знала, что делает левая.

Один из высших офицеров германской оккупационной армии объяснил, что германские патриоты, ввиду невыполнимости условий мира, предлагаемых Германии, согласны были бы впустить в страну большевиков. «Конечно, – прибавил он, – большевики разорили бы Германию, но, несомненно, заразили бы и государства Согласия, причем вред, нанесенный последним, настолько превосходил бы вред, нанесенный Германии, что последняя могла бы политически и экономически возродиться раньше других и вновь взять на себя руководящую роль в Европе».

Одно стало теперь ясно всем русским патриотам, а именно: что при таких взглядах на положение как держав Согласия, так и Германии интересы России обязательно должны будут страдать. Несомненно, из всех стран Германия для собственного благополучия была наиболее заинтересована в восстановлении единой России, но при этом она бдительно следила, чтобы это воссоздание не случилось бы при помощи союзников бывшей царской России. Из этого станет ясно то недоброжелательство, которое Германия выказывала к тем русским армиям, которые боролись с большевиками, при поддержке в той или иной мере союзниками. Германия неоднократно предлагала русским свою помощь, но при создавшейся политической обстановке это означало для России отказ от поддержки союзников, на что антибольшевистская Россия, считавшая, что она союза с державами не нарушала и что союз еще в силе, идти не могла. Русские патриоты надеялись, что большевистская опасность заставит государства Согласия и Германию найти общую почву для общей борьбы с все более угрожающим мировым пожаром.

На отношение союзных миссий к вопросу воссоздания России всегда влияли те или иные события, как то: выступления у себя дома социалистических партий, забастовки или угрозы забастовок и успех или неуспех советской Красной армии. На вопрос вооруженного вмешательства влияло также чувство неуверенности в возможности пустить в дело войска, утомленные войною. Этим объясняется, что обещания, данные сегодня, завтра брались обратно, снабжения, обещанные к известному сроку, не приходили, а если приходили, то с запозданием или в негодном состоянии. Например, аэропланы, присланные в Северо-Западную армию, прибыли с неподходящими моторами, танки, кроме одного исправного, не могли быть вовремя пущены в дело,

многие орудия прибыли без замков.

Нельзя отрицать факт, что среди представителей союзных миссий было много горячих друзей России, и они более других страдали от чувства невозможности помочь своим русским друзьям более энергично. Но вообще, конечно, надо сказать, что руководители союзной международной политики доказали, что они не были заинтересованы в восстановлении сильной России; в особенности Англия была заинтересована в ослаблении русского влияния на Балтийском море.

Когда два русских миноносца большевистского флота из Кронштадта сдались англичанам, то последние передали суда эстонцам. Это так обозлило русских, что уже другие суда большевистского флота решили не переходить к так называемым белым, хотя этот переход и был подготовлен. Вместо того чтобы облегчить переход, англичане удивительно лихим налетом быстроходными моторными лодками атаковали стоявшие на Кронштадтском рейде суда русского большевистского флота и попытались его уничтожить. Ясно, что в интересах русской армии было не уничтожение ценного русского флота, а облегчение его перехода, чем был бы предрешен и вопрос о взятии Петрограда.

Когда русскими был возбужден вопрос о получении от англичан разрешения временно создать в Либавском военном порту базу для пополнений, предназначенных для Северо-Западной армии, то английская миссия генерала Гофа поторопилась ускорить отправку в Нарву русских частей, стоявших в Либаве, даже с нарушением основных правил приличия, передав русским батальонам приказание грузиться помимо их прямого начальства.

Где бы ни усиливалось на Балтийском побережье русское влияние – английская дипломатия принимала меры для ослабления его. Французы, и в особенности американцы, относились благосклоннее к русскому вопросу, и это они, где могли, горячо доказывали, но влияние их в балтийском районе было ограниченное.

Много близорукости союзники показали в истории генерала графа фон дер Гольца и русского полковника Бермонда. Еще в июле 1919 года, когда Ливенский отряд был переправлен из Курляндии к Юденичу в Нарву, а Бермонд остался в Митаве, можно было легко заставить его перейти на север, обеспечив отряд из средств союзников тем же самым, чем его до тех пор обеспечивали немцы. Сила последних состояла именно в том, что они фактически выдавали довольствие, снаряжение и все необходимое частям, между тем как союзники от слов не переходили к делу.

Близоруко также было отношение союзных миссий к вопросу о принятии небольшого количества германских добровольцев в русские отряды. Во Франции существуют иностранные легионы; организация таких легионов никогда не привела бы к германизации России, при условии, чтобы командный состав в таких легионах был русский. Прибудь отряд Бермонда с пополнением из русских военных лагерей в Германии и из Польши вовремя в Нарву, хорошо снабженный союзниками, судьба всего фронта, несомненно, была бы другая. Отказав в материальной помощи Бермонду, союзники заставили его сделаться агентом немцев, от которых он всецело зависел и которые умели льстить его тщеславию.

Конечно, и помощь германцев была, с русской точки зрения, сомнительной. Германцы не желали многим рисковать для восстановления России, опасаясь возобновления ею союза с державами Антанты. Поэтому присутствие германских войск графа фон дер Гольца в Курляндии, конечно, не должно быть объяснено его желанием помочь России.

Объясняется оно проще: с одной стороны – желанием удержать Западную Курляндию для целей колонизации на основании договора с латвийским правительством, а с другой – желанием иметь вне Германии плацдарм для формирования германской армии, монархически настроенной и предназначавшейся для восстановления монархии сперва в Германии, а затем, с помощью Германии, и в России.

План этот не удался и не мог удаться, ввиду деморализации всех войск, как германских, так и русских, полковника Бермонда. Деморализация же должна была наступить вполне естественно, ввиду продолжительного стояния этих войск на месте в окрестностях Митавы, где им представлялась полная возможность для пьянства и разгула. Здесь стали исчезать последние следы дисциплины, как в германских, так и в русских частях. Грабежи и вымогательства сделались обыденным явлением и восстанавливали все более и более население против себя. Между Гольцем и союзными миссиями в Риге все время шли переговоры об эвакуации Курляндии германскими войсками, но генерал граф фон дер Гольц под всевозможными предлогами умел оттягивать исполнение взятых на себя обязательств, и на место отправленного на родину эшелона уволенных германцев прибывал в Митаву эшелон со свежими добровольцами из Германии, что объяснялось как необходимость обеспечения правильной эвакуации Курляндии.

Граф фон дер Гольц, по настоянию Верховного Совета в Париже, был отозван из Курляндии, и в его отсутствие произошел

в конце августа военный мятеж среди германских добровольцев, требовавших для себя исполнения обязательства относительно отведения им земель для поселения в Курляндии.

От этого восстания пострадали те небольшие латышские части, которые находились в Митаве и которых добровольцы, пользуясь случаем, ограбили.

Очевидно, как латвийское правительство, так и союзные миссии в Риге с возрастающим недоверием относились к Гольцу и Бермонду, передовые посты которых стояли лишь в 20 верстах от Риги. Но справиться с ними никто не мог бы, если бы Бермонд сам не дал повода к вооруженному столкновению.

К. Дыдоров[45]
Формирование русского отряда[46]

В период образования правительства Латвии, в первых числах ноября 1918 года, в зале Латышского общества в Риге собралась значительная группа лиц, задавшаяся целью не допускать в Латвию большевиков, после оставления германскими войсками занятого ими района, и этим дать возможность спокойно образоваться латвийскому государству.

В этом собрании приняли участие и русские люди, так или иначе связанные с Латвией, и те, кто случайно попал сюда, но которые поставили себе задачей борьбу с коммунистами.

Решено было начать образование воинских частей, которые дали бы возможность правительству Латвии защищать свои границы. Германское командование обещало содействовать материально, а общественные организации поддерживали это начинание морально.

Уже 15 ноября было приступлено к формированию Рижского отряда охраны Балтийского края, в который входила и Русская Сводная рота (Русская рота называлась еще и Сводной, потому что в ее состав входили все национальности).

Командование Рижским отрядом в первые дни было коллективным. Приказы подписывались четырьмя представителями, по одному от латышей, немцев, русских и одним поляком от других национальностей.

Очень скоро командование стало германским. Обер-штаб платил жалованье, выдавал обмундирование, вооружение и снаряжение.

Город отпускал продовольствие, давал помещение, освещение и отопление.

Со стороны образовавшегося латвийского правительства были обещаны права гражданства всем участникам в освобождении Латвии за 3-месячное пребывание на фронте или за 6-месячную службу в тыловых частях.

Вслед за отходом германских войск на территорию Латвии началось движение большевиков. Часть Русской Сводной роты, совместно с другими добровольцами от образовавшихся частей, принимала участие в отбитии наступления большевиков в районе Огера и в районе Хинценберга (Дыдоров с другими). Эти попытки убедили всех начальников и латвийское правительство в необходимости отойти возможно дальше, чтобы образовать значительно сильную воинскую часть, и тогда планомерно вести

борьбу за освобождение Латвии от большевиков.

Русская Сводная рота отступила вместе с другими через Митаву на Либаву (8 января 1919 года). Здесь был дан срок на подготовку к решительной борьбе.

В это же время в Либаве образовался Стрелковый отряд светлейшего князя Ливена (15 января 1919 года). 22 января 1919 года Русской Сводной роте приказано было выступить из Либавы в имение Рудбарен и поступить в подчинение полковника Колпака. 28 января 1919 года рота, под общим командованием полковника Колпака и под непосредственным подчинением командиру отдельного латвийского батальона, брала местечко Шрунден, действуя на открытом участке.

После взятия Шрундена рота осталась там гарнизоном и защищала шрунденские позиции, держа связь с полковником Колпаком.

При взятии Шрундена русским командованием впервые была замечена настороженность во взаимоотношениях латышских частей к немецким. В дальнейшем это становилось заметнее, так что во всех случаях взаимных действий русские части ставились между латышами и немцами. Составу Русской Сводной роты удалось быть в добрых отношениях с немцами и в очень хороших отношениях с латышами – чувствовалось взаимное доверие.

По составу своему Русская Сводная рота была примерно из 25 процентов латышей, 5 процентов немцев, 5 процентов других национальностей и 65 процентов русских.

После взятия Гольдингена Русская Сводная рота была передвинута в Гольдинген, около какового произошло 8 марта 1919 года слияние 2 русских частей в один отряд св. кн. Ливена.

Когда участникам в освобождении Латвии удалось дойти до реки Аа (Курляндской), здесь, после освобождения города Митавы, отряду князя Ливена был снова дан участок фронта между латышскими и немецкими частями.

По отбитии контратак большевиков на город Митаву отряд князя Ливена получил благодарность за свои действия в письменной форме от министра правительства Латвии и в заседании городской думы города Митавы.

В Кальнеземе 2 латышские роты были в оперативном отношении подчинены отряду князя Ливена, что свидетельствует о добрых взаимоотношениях между командованием латышских и русских частей. В частности, с генералом Баллодом и его начальником штаба полковником Болыптейном была полная согласованность при разрешении тех весьма сложных вопросов, которые тогда имели место (апрельская история в Либаве).

Русское командование ставило себе задачей борьбу с

коммунистами, без вмешательства в государственное строительство Латвии.

Как знак выполнения правительством Латвии своих обещаний, в имении Рудбарен в феврале 1919 года впервые были запрошены сведения о тех, кто из состава Русско-Сводной роты прослужил на фронте

3 месяца и в тылу 6 месяцев, для получения прав гражданства. В дальнейшем эти запросы не поступали, что русским командованием объяснялось важностью разрешения более сложных и существенных задач – боевых.

По освобождении города Риги в задачу русского командования обер-штабом было поставлено очищение районов к северу и северо-востоку от города Риги. При выполнении второй задачи начальник отряда светлейший князь Ливен был тяжело ранен. Здесь, к северу от линии Роденпойс – Хинценберг, отряд 24 мая 1919 года понес самые тяжелые потери убитыми и ранеными за все время боевых действий по освобождению Латвии от большевиков. В дальнейшем отряду было весьма тяжело правильно согласовать свои действия, являясь стыком между латышами и немцами. Особенно резко это сказалось при разрешении вопроса об освобождении Венденского района.

Немецкое командование сообщало, что район Венден занят большевиками. Генерал Баллод лично передавал и. д. начальника отряда, что в этом районе находятся белые латышские и эстонские части. Когда был получен приказ обер-штаба о переходе отряда в наступление на участок непосредственно к югу от города Вендена, в стык между латышскими и немецкими частями, и. д. начальника отряда снова лично говорил с генералом Баллодом и получил, будучи в больнице у светлейшего князя Ливена, определенное приказание от князя Ливена не вступать в бой с эстонцами, для чего действовать по совести, быть осторожным и держать связь с частями генерала Баллода, согласуя с их указаниями свои действия. После этого и. д. начальника отряда отдал приказ выступить на указанный обер-штабом участок, имея впереди возможно дальнюю разведку.

Когда выяснилась неправильность сведений обер-штаба о противнике, и. д. начальника отряда вошел в переговоры с эстонцами, установил с ними 3-верстную нейтральную полосу и отказался продолжать всякое движение на восток, предложив обер-штабу перевести отряд на участок латышской бригады в район к Крейцбургу.

Обер-штабом был поднят вопрос о смещении и. д. начальника отряда, но князь Ливен с этим не согласился, и тогда обер-штаб предложил сменить части отряда на участке под Венденом и дать

задачу по охране линии железной дороги Рига – Венден.

От такой задачи и. д. начальника отряда также отказался, так как генерал Баллод сообщил, что к северу от этой линии находятся латышские части полковника Замитана. После этого и. д. начальника отряда предложил обер-штабу в течение суток сменить отряд на участке к югу от Вендена, в противном случае отряд отойдет без смены. Сутки прошли – отряд не сменяли.

Было послано напоминание в обер-штаб, и в то же время отряд начал свертываться. Во время сворачивания отряда прибыла смена.

Боевая часть отряда была отправлена обер-штабом в Либаву как гарнизон, с подчинением английскому командованию, а формирующаяся часть должна была нести в городе Риге всю караульную службу, каковую и исполняла до последних чисел июля, согласно указаниям генерала Баллода. Тыловые учреждения были переведены в город Митаву, как центральное место между Ригой и Либавой. Чем кончилась операция обер-штаба под Венденом – известно. Видимо, обер-штаб был неверно осведомлен о противнике, в результате – «своя своих не познаша».

Из письма полковника К.И. Дыдорова [1]

«…В ноябре 1918 года начала образовываться самостоятельная Латвия. Правительству понадобилась охрана государства, и вот начала организовываться армия. В этом деле я принимал живое участие, как представитель от русской группы. Решено было сперва образовать так называемые местные охраны. В Риге образовался Рижский отряд охраны Балтийского края, состоявший сперва из одной латышской, одной немецкой и одной русской роты, но потом латыши с немцами пошли взапуски и начали собирать одну роту за другой. Все это делалось с помощью германцев, и я должен сказать, что германцы действительно помогали.

В Риге мы несли охранную службу и помогали полиции в подавлении большевистских выступлений. В это время германцы отходили, а большевики замещали их и разбивали образовавшуюся Северо-Западную армию.

Пришлось и нам пойти навстречу большевикам. Мы удерживали их наступления и в конце концов, отсалютовав им, отступили из Риги и, пройдя Митаву, собрались в Либаве.

2 января 1919 года, оставив женку и мальчика в Риге, на волю Бога, я пошел в неизвестность. Из-за малыша еще в зимнее время женка не решалась отрываться от дома и родителей, несмотря на явную опасность. 22 января, пополнившись и

переформировавшись за время в течение 2 недель, я со своей ротой выступил на фронт, который в это время удерживался латышскими ротами и германской Железной, или, как ее еще называли, Жестяной дивизией.

Меня с ротой придали образовавшемуся Латышскому батальону, и здесь мне впервые пришлось работать с национальными героями – полковником Колпаком и капитаном, теперь генералом, Баллодом. Дрались здорово. Шли ва-банк и таким образом дошли до Риги, где были 22 мая, и пошли дальше.

Семью я нашел целой и здоровой, несмотря на то что поголодала она здорово.

На полдороге к Риге я присоединился к другому русскому отряду, во главе которого стоял князь Ливен. С ним я очень сдружился, и отряд у нас рос вовсю, конечно, не в ущерб качеству. За Ригой князь Ливен был тяжело и опасно ранен и, таким образом, выбыл из строя. Несмотря на это, организационную работу он не выпустил из своих рук и, лежа на операционном столе, продолжал ее вести, передав мне всю строевую часть».

Г. Цельмин[47]
1919 год[48]

Весь отряд светлейшего князя Ливена состоял тогда всего из 60 человек, главным образом бывших русских офицеров, под личным водительством князя Ливена и его помощника полковника Р.[49].

В Альшвангене мы стояли вполне изолированные и первоначально не имели никакой связи с другими частями ландесвера. Гольдинген и Виндава были еще в руках красных.

Служба была очень утомительная. Мы были окружены настоящими и скрытыми большевиками. Приходилось быть все время начеку. По ночам мало приходилось думать о сне. Большевики нас боялись и переоценивали наши силы. Настроение нашего маленького отряда было отличное, но ввиду нашей малочисленности мы едва ли были бы в состоянии выдержать серьезное наступление противника.

В ночь с 19-го на 20 февраля мы перешли в Тервенден и выставили на нашем левом фланге, на берегу моря у Сернатена, в 10 верстах от Тервендена, полевую заставу.

22 февраля мы имели первую стычку с большевиками. Мы узнали, что в Хассау (10 верст севернее Сернатена) находится большевистская часть, силою в 50 штыков. Решено было произвести на них нападение. Вызвалось 15 охотников, в том числе и я. Мы выехали на трех санях, под командой поручика Моисеева, захватив с собою 2 германских пулемета, один тяжелый и один легкий. Налет удался, потерь мы не имели, большевики убежали, оставив на месте нескольких убитых. Наутро мы вернулись на заставу, откуда часть добровольцев была отправлена обратно в Тервенден.

23 марта на заставе был захвачен большевистский шпион. Его повели вечером на расстрел, но ввиду наступившей темноты и нерешительности начальника заставы поручика Моисеева он бежал. След его ночью был потерян. Нет сомнения, что этот шпион установил малочисленность заставы. Большевики решили произвести нападение.

Под утро 24 марта мы услышали в Тервендене стрельбу со стороны Сернатена. Через некоторое время вдруг появился поручик Моисеев, бледный и растерянный, и донес, что большевики под утро атаковали заставу и он один спасся. Это был для нас ужасный удар. Был выслан в Сернатен патруль, пошли поручики Скангель, Розевский, Ламек и я. Мы должны

были по другой дороге пройти до моря, чтобы, подойдя к Сернатену с другой стороны, проверить донесение Моисеева. В 5 верстах от Тервендена, в густом лесу, мы встретили барона Будберга, высланного капитаном Зелертом с донесением, что на заставе все целы. Наша радость была велика, но мы решили идти дальше. Пройдя еще 2 версты, мы встретили капитана Зелерта с остальными чинами заставы, недоставало только поручика Погге[50], который через 2 дня, проплутав в лесу, присоединился к отряду. Спасение заставы было делом Зелерта.

Когда большевики открыли с некоторого расстояния огонь по заставе, поручик Моисеев растерялся и бежал в панике, увлекая за собою и других.

После бегства Моисеева Зелерт собрал людей, вернулся на заставу и, захватив с собою сани и снаряжение, спокойно отошел. Он со своими слабыми силами держать заставу не мог.

После встречи с Зелертом наш патруль дошел до шоссе у берега моря и наткнулся на большевистский полевой караул, который открыл огонь. Мы ответили.

Исполнив возложенную на нас задачу, мы вернулись в Тервенден. Тогда полк. Р. выставил в усадьбе Дембе новую заставу, под командой поручика Тимофеева.

Эта застава была ночью с 25-го на 26 февраля снята, так как отряд получил приказ о выступлении в направлении Виндавы. Приказ этот был встречен с большой радостью.

В тот же вечер отряд выступил на санях в Виндаву. Ночь была холодная. Расстояние до Виндавы – более 30 верст. В пути мы объединились с другими частями ландесвера и подошли к Виндаве к утру; по пути мы ликвидировали несколько большевистских гнезд. Большевики были застигнуты врасплох. К 10 часам утра мы атаковали город и в полдень находились в центре Виндавы, на базарной площади.

Потерь у нас не было.

В Виндаве мы остались 5 дней. За эти дни мы отдохнули, привели себя в порядок и очистили город от красных.

3 марта нас срочно вызвали в Гольдинген, находившийся под угрозою нового наступления большевиков. Гарнизон города был весьма незначителен.

5 марта в Гольдингене мы слились с русской ротой капитана Дыдорова, силою в 100 штыков. Так как в Виндаве к нам поступило несколько добровольцев, то отряд наш вырос до 200 человек.

Митава

В Митаву мы вступили 15 марта после полудня.

Мы полагали, что тут насладимся заслуженным отдыхом, но большевики в Риге решили вернуть себе Митаву. Значительные красные силы, около 5000 штыков (в том числе лучший, так называемый Интернациональный полк, состоявший главным образом из германских военнопленных, инородцев и прочей сволочи), с бронепоездом, броневиками, тяжелыми и легкими пушками были двинуты на Митаву.

В Митаве, кроме нашего отряда, находилось 300 человек ландесвера. Весь гарнизон состоял из 500 человек с одним легким орудием.

17 марта большевики начали днем обстреливать Митаву артиллерийским огнем. Когда начался обстрел, большая часть наших людей рассеялась по городу. Мы, пулеметчики, были расквартированы в доме дворянства. Когда гранаты начали рваться на улицах, все собрались возможно быстро. Между тем большевики начали приближаться к главному посту. С тремя пулеметами мы залегли под личным командованием князя вдоль берега реки Аа, перед замком, и открыли сильный огонь.

Большевики отступили от моста. Наши части, преследуя их, перешли реку и засели в старых окопах, на противоположном берегу. Чтобы задержать наступление красных броневиков, мы в одной версте впереди нашей позиции срубили несколько деревьев и устроили поперек шоссе баррикаду.

Ночью большевики несколько раз пытались нас атаковать, но были отброшены. Когда рассвело, большевики открыли стрельбу из орудий и минометов.

Хотя день был солнечный, было очень холодно – до 10 градусов мороза. С пищей у нас обстояло неблагополучно. Ввиду сильного обстрела мостов, наши кухни не могли к нам подойти, и мы провели двое суток под огнем без пищи.

К вечеру 18 марта положение стало настолько критическим, что мы думали оставить Митаву. Большевики заняли направо от нас товарную станцию Московско-Виндавской железной дороги.

По слухам, они начали обходить город с севера. Если бы этот обход им удался, мы бы пропали. Наше настроение, ввиду холода, отсутствия сна и пищи, начало падать, но как раз к этому времени с юга от Бауска подошло около 1000 солдат Железной дивизии.

В темноте нас сменили, и мы вернулись в дом дворянства. Никто не думал о еде, а лишь о том, чтобы согреться и скорее залечь спать.

Сторожевое охранение на реке Курляндской Аа

19 марта мы получили приказ о наступлении, чтобы задержать перешедших реку большевиков.

Ночь на 20 марта мы, пулеметчики, провели на мызе Шведгоф. Была ужасная метель, и мы заночевали не выставив постов. На следующее утро мы узнали, что в 2 верстах ночевали красные. Если бы они на нас напали, едва ли кто-либо из нас спасся бы.

С отрядом мы двинулись к реке Аа и около полудня у усадьбы Мислав наткнулись на красных. После оживленного боя большевики бежали за реку, оставив на месте нескольких убитых.

Мислав – большая усадьба с многочисленными хозяйственными постройками. Мы заняли ее с 12 штыками при 2 пулеметах.

Следующая усадьба (5 верст севернее по реке в направлении Кальнецема) была тоже занята полевой заставой.

Главные силы отряда отошли в Ливенберзен (в 8 верстах от Мислава). Я с пулеметчиками остался в Миславе.

Первые дни в Миславе прошли спокойно. Наши патрули переходили по льду на правый берег реки, не встречая противника.

22 марта, после обеда, посты подняли тревогу: на опушке леса, на противоположном берегу, появились красные. Мы открыли по ним огонь из пулеметов, после чего большевики, отступив к лесу, заняли здания монастыря, лежащего на дороге в Митаву.

Ночью они оттуда открыли огонь по нашей заставе. Тогда от нас была выслана разведка, которая установила, что силы большевиков довольно значительны. На следующий день большевики придвинули артиллерию и начали нас обстреливать и подожгли один сарай.

В течение 5 дней они обстреливали нас – днем из орудий, а ночью из пулеметов. Нас на заставе было всего 25 человек. Мы имели потери (1 убитый и несколько раненых). Служба была очень утомительная. Спать приходилось редко и то в очередь.

На заставе, лежавшей на севере от нас, в направлении Кальнецема, было все время спокойно, хотя на противоположном берегу видны были красные посты.

28 марта мы обменялись заставами и немного отдохнули.

29 марта капитан Зелерт с 8 добровольцами произвел глубокую разведку, причем имел столкновение с красными, потеряв одного из наших убитым.

16 апреля Мислав подвергся обстрелу, при чем был тяжело ранен ротный Реет.

Начался разлив реки, низменные берега были затоплены.

Подвоз снабжения был чрезвычайно затруднен. На этом закончилась наша сторожевая служба. Нас вызвали обратно к отряду, в котором началась тифозная эпидемия. Отряд был снят с передовых позиций и подвергнут дезинфекции.

Выбраться нам с заставы было не так-то легко. Все дороги были затоплены.

В Митаве умер всеми любимый полковник Р., и на его место заступил капитан Дыдоров.

Под его руководством наш отряд, получавший в то время пополнения, был размещен по усадьбам, и тут производилось ежедневное учение и подготовка к дальнейшему наступлению.

Кальнецем

14 мая мы получили приказ сменить у Кальнецема роту ландесвера (Радена[51]). Полковник Якубовский, капитан Эшшольц и я получили приказание осмотреть позицию. При этом оказалось, что рота Радена была численно вдвое больше нашей части.

16 мая мы выступили. На правый берег реки перешла часть пехоты под командою поручика Московского; вперед были выдвинуты капитан Зелерт с 15 людьми и взвод пулеметчиков с 3 пулеметами. На левом берегу остались кавалерия, артиллерия, офицерская рота с 1 пулеметом. Кальнецемский предмостный плацдарм имел большое значение для предстоящих операций. Поддержаны мы были одной латышской ротой в 90 штыков, которая стояла левее нас.

Большевики правильно оценивали значение этой позиции, а потому получили приказ во что бы то ни стало нас оттеснить на левый берег реки. Красные, силою около 1000 штыков, с батареей, стояли в Кливенгофе, в 3 верстах от нас.

В ночь с 19-го на 20 мая, в 3 часа, противник, получив из Риги подкрепление, неожиданно перешел в наступление. При этом он застал врасплох выдвинутое пулеметное отделение, под командою поручика Погге 1-го. Его позиция была очень невыгодная, так как в 30 шагах от него начинался густой ивовый кустарник. Большевики убили двух пулеметчиков, в том числе добровольца Зандберга, ранили трех и захватили пулемет.

Пехота, под командою поручика Московского, тоже должна была отступить. Появилась угроза Кальнецему.

Положение спасли капитан Зелерт и поручик Геннингсон. Последний стоял с пулеметом в 200 шагах от пехоты, левее ее. Соединившись с отступавшей пехотою, он открыл по красным настолько действенный огонь, что они, потеряв нескольких

красноармейцев убитыми, быстро отошли.

Капитан Зелерт, слыша стрельбу и «ура» большевиков, быстро подошел со своей заставой и атаковал большевиков во фланг. Последние начали быстро отступать; капитан Зелерт преследовал их и отобрал у них пулемет, потерянный поручиком Погге. Через 20 минут подошло наше подкрепление из Кальнецема, и положение было восстановлено. Мы имели 3 убитых, 6 раненых, в том числе поручика Тимофеева.

20 мая большевики нас обстреливали своими батареями. Наша артиллерия отвечала с левого берега. Под вечер капитан Роль перешел на наш берег с одним орудием, из которого открыл огонь по красным.

День 21 мая прошел спокойно, с редкою стрельбою. Днем до нас дошла радостная весть, что на 22-е назначено давно ожидавшееся наступление на Ригу. Получив это известие, мы сразу начали закупать масло и сало для наших родственников и знакомых. Вечером прибыли в Кальнецем князь Ливен и командир ландесвера майор Флетчер.

Наступление на Ригу

Части ландесвера ночью перешли на левый берег реки. Стало светать, ландесвер начал наступление на Кливенгоф, в направлении Риги. Мы должны были пропустить его через занимаемые нами передовые позиции и затем идти по Кальнецемской дороге на мызу Пинкенгоф.

Большевики заметили это и открыли артиллерийский огонь по Кальнецему и по дороге в Кливенгоф. Стреляли они хорошо. Снаряды рвались на дороге. Но уже через полчаса ландесвер прорвался через линию красных.

Между тем к нам подошли наши части, стоявшие еще на правом берегу, и в 5 часов утра 22 мая мы с нашим князем во главе с криками «Ура!» двинулись в направлении Риги. День был жаркий, но никто не думал об отдыхе. Все рвались вперед. Мы прошли расстояние в 10 верст от Кальнецема до Риги в 10 часов, и в 3 часа были у самого города, в предместье Шампетер. Тут мы узнали, что город был уже взят совместными усилиями ландесвера и подоспевшей из Митавы по шоссе Железной дивизией.

В 5 часов дня мы перешли деревянный мост через Двину и были восторженно встречены населением. Мы проходили по улицам с русским флагом под пение лихих русских песен.

Пулеметчики в городе не задержались и прошли до Красной Двины, где заняли позиции у Царского леса.

Утром 23 мая большевики начали обстрел города из тяжелых орудий Магнусгольмского форта. Туда днем был двинут Ливенский отряд под командою капитана Дыдорова. В пути мы узнали, что красный гарнизон собирается сдаться, так как его начальник, известный комиссар Данишевский, бежал.

По приказанию капитана Дыдорова я имел честь быть высланным в разведку, первым вступить в форт и принять сдачу красной роты под командою подпоручика Шмидта.

Через 10 минут прибыл капитан Дыдоров с ротою в 35 штыков, и ему сдался весь гарнизон – 600 человек. Офицерская рота под командою полковника Пясецкого по недоразумению опоздала к занятию Магнусгольма.

Подпоручик Шмидт позднее поступил в наш отряд и участвовал в походе на Петроград. Но там опять перешел к большевикам. К сожалению, мы слишком поздно узнали, что он был настоящий коммунист.

А. Северин[52]
К 35-летию основания ливенского отряда[53]

Основание Ливенского отряда относится к самому началу 1919 года, времени наивысшего напряжения борьбы белых с красными: на юге Добровольческая армия продвинулась на линию Киев – Курск – Царицын; Северная армия (генерал Миллер) шла на соединение с армией адмирала Колчака, которая держалась на Урале. На западе же положение было критическое. Германские войска отходили, и с востока наступала красная волна, сдерживаемая отрядами поляков, литовцев, латышей, эстонцев, финнов; совместно с ними боролись и русские отряды, о которых мало кто и знает, но не надо умалять их значение и их истории предавать забвению.

25 ноября 1918 года большевики начали наступать на Псков. Начавший формироваться (12 октября) в Пскове Северный добровольческий корпус (разросшийся с течением времени в Северо-Западную Добровольческую армию) при весьма тяжелых условиях, под начальством только что принявшего командование полковника Нефа, отходил к Ревелю и помог эстонцам отстоять его от большевиков. Часть же Псковского корпуса отходила на Ригу, где в декабре положение делалось все более и более критическим, и обеспокоенные жители принялись за организацию отрядов. Наскоро сформировались роты: латышские, немецко-балтийские и русские, под общим названием Балтийского ландесвера, а из германских добровольцев была сформирована так называемая Железная дивизия.

В конце декабря большевики заняли Вильну и подходили к Ковно.

2 января 1919 года Рига была занята большевиками и всюду в занятых ими областях начинался кровавый большевистский режим.

8 января, немного задержавшись у Митавы, еще отступили, при невероятно тяжелых условиях, при сильных январских морозах, до линии реки Виндавы, где и закрепились.

В Либаве начались переформирования всех добровольческих частей и подготовка к новому походу под руководством генерала графа фон дер Гольца. И вот в это тяжелое время к формированию русского отряда приступил светлейший князь А.П. Ливен. Отряд назывался Либавский добровольческий стрелковый отряд, но более известен под названием Ливенского отряда.

Базируясь на Либаву, князь Ливен рассчитывал на удобную

связь с Ревелем, где находился Северный корпус; на близость Германии, откуда можно было получать пополнения из русских военнопленных; в Либавском районе было очень много оружия и военного снаряжения, которое можно было получить для формирующегося отряда, и стратегически через Ригу можно было наступать на линию Псков – Двинск, которая в борьбе с большевиками являлась бы важнейшей.

Формировать в тех условиях русский отряд было весьма трудно: латыши, объявившие 18 ноября 1918 года независимость, не доверяли русскому формированию; германофильствующие балтийцы косились; союзники видели в русских германофилов, а германцы – антантофилов. Но, несмотря на все затруднения, поддержанный энергичной группой русских офицеров-патриотов, Ливен получил возможность 15 января 1919 года издать первый приказ по сформировавшемуся отряду. Князь Ливен вошел в соглашение с Балтийским ландесвером (под начальством майора Флетчера), что временно, до возможного соединения с Северо-Западной армией, входит в его состав, обязуясь подчиняться командованию ландесвера, за что получил для отряда полное снабжение, снаряжение, вооружение и довольствие.

Отряд шел под национальным бело-сине-красным флагом, имел печать с российским гербом дореволюционного образца, обмундирование было германское, но с русскими погонами, фуражка имела голубой околыш с русской кокардой, на левом рукаве носилась бело-сине-красная нашивка и под ней четырехгранный белый крест.

О сформировании отряда через Российскую миссию в Стокгольме были посланы донесения адмиралу Колчаку, генералу Деникину и министру иностранных дел Сазонову в Париж. Но сношения были очень затруднены, и большинство донесений не дошло по назначению. Только в июне пришел ответ от адмирала Колчака о назначении князя Ливена командиром русских стрелковых частей в Курляндии, с подчинением генералу Юденичу в Финляндии как командующему фронтом.

Через две недели (31 января) первая рота в 65 штыков с двумя пулеметами, под начальством князя Ливена, выступила к Виндаве, где и заняла крайне левое крыло фронта, упершись в море. Время от времени из Либавы поступали пополнения.

К концу февраля отряд значительно расширился, в него влилась Русская рота капитана Дыдорова, имелось два взвода кавалерии, кадры для формирующейся батареи и необходимый обоз.

В ночь на 26 февраля отряд повел наступление вдоль моря и, несмотря на упорное сопротивление и численное превосходство

противника, занял Виндаву. Красные пытались несколько раз энергично наступать, чтобы отбить город, но были отбиты.

В марте началось наступление по всему фронту, и Ливенский отряд, часто идя в авангарде, принимал участие в боях за Туккум. 18 марта, будучи головным отрядом, с налету захватил Митаву и затем в течение нескольких дней, отбивая упорные атаки с трех сторон больших сил противника, удержал город, выказав устойчивость молодого отряда.

Затем на целых два месяца фронт протянулся вдоль реки Курляндской Ла. За это время отряд особенно отличился разведками и налетами в тыл красных. Все добровольческие части рвались вперед в Ригу, где свирепствовал самый жестокий террор. Но германское правительство считало, что отбросило большевиков от своей границы на достаточное расстояние; правительства же Антанты не могли решить: надо ли освобождать Ригу, когда и кому?

16 апреля, неожиданно, ударный батальон Балтийского ландесвера, отведенный на отдых в Либаву, сверг правительство Ульманиса, пользующегося симпатиями дипломатических представителей союзников, арестовав некоторых министров, обвиняя их в сношениях с большевиками. За князем Ливеном, находящимся при отряде в Митаве, прилетел аэроплан. Прибывшему в Либаву князю Ливену было предложено возглавить новое правительство под видом военной диктатуры, на что князь Ливен не согласился, но предложил свое посредничество между заинтересованными сторонами. И при таких условиях сформировалось новое правительство во главе с пастором Недрисом.

Князь Ливен, пользуясь передышкой на фронте, поехал в Берлин для налаживания формирований и отправки пополнений в отряд, за что энергично взялись генерал Потоцкий и сенатор Бельгард. И в мае месяце хотя и с большими трудностями, но все же была налажена перевозка пополнений. Воодушевленные идеей борьбы за поруганную Родину, полные горячего желания отдать свои силы для воссоздания Великой России, проникнутые ненавистью к захватившим Отечество большевикам, прибывали добровольцы, и отряд разрастался.

Между тем на фронте начались военные действия. 16 мая Ливенский отряд, сменив часть перед Кальнецемским тэт-де-поном, занял его. С 18-го по 20 мая большевики сильными повторными атаками старались отбросить отряд, но были отбиты с большими потерями для большевиков. В штабе ландесвера были получены сведения, что большевики предполагают начать наступление 22 мая. Командованием ландесвера было решено

начать наступление со своей стороны и ночью на 22-е, атаковав большевиков, к 3 часам ночи пробились в тыл и ускоренным маршем двинулись на Ригу, чтобы занять городские мосты через реку Двину, ранее отступающих большевистских частей. Ливенский отряд шел обходным путем, а из Митавы по шоссе двинулась Железная дивизия. Большевики в Риге были застигнуты врасплох, но все же в последнюю минуту перебили часть заключенных. Короткие бои произошли уже в предместьях города. К вечеру Ливенский отряд вступил в Ригу, обойдя город с тыла, получил задание очистить северную часть города и прилегавшие предместья от большевиков. На следующий день одна рота, под начальством капитана Дыдорова, прошла правым берегом Двины до самого устья, захватив большое число пленных и трофеи, в том числе броневик. Окрещенный «Россией», он участвовал в дальнейших походах Ливенского отряда.

24 мая, преследуя большевиков, отходящих по Псковскому шоссе, у станции Роденпойс, в густом лесу, коммунистическая рота произвела неожиданное нападение на авангард отряда, который понес потери; в том числе был тяжело ранен князь Ливен. Но благодаря доблести батареи, стрелявшей прямой наводкой, под градом пуль, сбили большевиков, преследование которых продолжалось до реки Лифляндекой Аа.

К июню месяцу Ливенский отряд разросся до 3500 человек; развернулся в 3 стрелковых батальона, стрелковый дивизион из 250 человек, эскадрон в 100 коней, две 4-орудийные батареи: полевая и гаубичная, броневой взвод с броневиком и авиационный отряд с тремя аппаратами (перелетевшими от красных) и кадр инженерного батальона.

Но в это время произошел конфликт у ландесвера с эстонцами, передовые части которых встретились у города Вендена. Ливенский отряд оставался нейтральным. Но по настоянию союзников два батальона были направлены в Либаву, где приняли от уходивших германцев охрану города, а один батальон был оставлен в Риге и нес караульную службу.

В июне прибыли из Германии полковники Вермонт и Вырголич с предложением сформировать отряды с подчинением начальнику Русского отряда (князю Ливену). Сформирование происходило в Митаве. Все три отряда: Либавский (Ливенский), 2-й – имени графа Келлера (Вермонта) и 3-й – полковника Вырголича объединились в один Западный корпус Северо-Западной Добровольческой армии. К этому времени началось прибытие эшелонов из Польши (где записалось до 15 000 добровольцев) и из Германии.

Находящемуся в Берлине генералу Гурко было предложено

организовать Русский Западный фронт, но тот отказался. После отказа генерала Гурко приехал генерал Бискупский, но не сговорился.

В то же время многие старшие офицеры германской службы желали вступить в корпус князя Ливена, вместе с вполне готовыми и даже значительными вооруженными отрядами и финансовой поддержкой крупной германской промышленности, так что князь Ливен мог бы иметь прекрасно вооруженную армию в 200 000 человек. Но политические условия не позволяли этого.

С самого основания отряда князю Ливену приходилось вести переговоры с миссиями держав Согласия, и если со стороны большинства военных представителей он встречал сочувствие и даже оказывалась помощь в организации его отряда и корпуса, то со стороны большинства дипломатических представителей было недоверие и даже недоброжелательство, особенно со стороны англичан, которые, видя популярность и быстрое расширение Ливенского отряда, приняли меры для ослабления русского влияния на Балтийском побережье.

Воспользовавшись ранением князя Ливена и временным отъездом к нему его заместителя капитана Дыдорова, английский генерал Гоф, ссылаясь на приказ генерала Юденича о переброске Русского корпуса на Нарвский фронт, части отряда, находящиеся в Либаве, приказал посадить на транспорты и перевести в Нарву. И только на другой день английские офицеры привезли известие о случившемся князю Ливену в Митаву, где он лежал раненый. Таким образом было расстроено с трудом налаженное формирование.

Отряд вначале был разбит группами по разным частям, и князю Ливену стоило большого труда добиться соединения отряда в дивизию, которая вошла в состав Северо-Западной армии, в 1-й корпус генерал-лейтенанта графа Палена 5-й (Ливенской) дивизией, состоящей из:

17-го Либавского (1-й Ливенский полк),
18-го Рижского (2-й Ливенский полк),
19-го Полтавского (3-й Ливенский полк),
Стрелкового дивизиона,
Тяжелых орудий – 4,
Легких орудий – 6,
Броневиков – 2,
Авиационного отряда – 7 аппаратов.

Дальнейшие действия Ливенского отряда были уже связаны с Северо-Западной армией и в борьбе с большевиками имели большое значение.

Вечная память князю Ливену и павшим соратникам.

Светлейший князъ А. Айвен
От Гольдингена до Митавы

Дневник[54]

11 марта 1919 года в 10 часов вечера мы вернулись из неудачной по холоду, сырости и бесполезности поездки в Зуре (18 верст от Виндавы) и прибыли в Альт-Гольдинген.

Луна давала немного света. Мы расположились в старых помещениях. Я прибыл с Трейманом[55] верхом в 8 часов. Полковник Р. прибыл в 9 с половиной, а отряд на полчаса позже. Погода теплая и сырая. Утром я съездил в штаб Эйленбурга. Днем ожидал майора Флетчера. Он прибыл после обеда. В 6 часов было общее совещание. Одновременно прибыло и казначейство, и полковник Бирих получил аванс в 120 000 марок, так что мы обеспечены средствами. Майор Флетчер разъяснил нам наши задачи. Патруль Штоструп ходил на Вормен, но нашел имение занятым неприятелем.

Выступление назначили на утро 13-го. В первую голову идет мой отряд и сворачивает направо, перейдя мост. Он составляет правый фланг ландесвера и имеет вправо от себя конницу Энгельгарда и отряд Баллода.

Левее, на дороге в Кабилен, шел Эйленбург с конницей Гана, ротами Радена и Клейста.

По главной дороге на Цабельн шли Штоструп (ударный батальон ландесвера) и Мальме де с майором Флетчером во главе.

13-го я приказал встать в три часа утра. Так как Резон напился накануне, то обоз не выехал вовремя и выступление из Альт-Гольд ин – гена состоялось лишь в 5 часов. Резона я сместил и начальником обоза назначил Адлерберга. Обоз 1-го разр. следовал непосредственно за нами. Обоз 2-го разр. должен был выступить с расчетом быть на месте в 9 часов 30 минут.

Ровно в 6 часов утра мой отряд переправился через реку Виндаву. К нам присоединился штабс-капитан Андерсон с 1 орудием и ротмистр Реймерс[56], назначенный начальником конного отряда Гольдфельда после того, как последний отказался исполнить приказ майора Флетчера.

Погода была мягкая, дорогая тонкая, но с утра лужи немного затянуло льдом. Съехав с главной дороги на Экгоф, мы видели отряд Эйленбурга, переходивший через мост непосредственно за нами, а через полчаса влево от нас уже началась ружейная и

пулеметная перестрелка.

У мельницы (Эден) мы сделали первый привал. На мельнице было много крестьян. Мельник расстрелян красной гвардией в Фрауэнбурге. На мельнице нас приняла вдова и угостила кофе с хорошими сливками.

За мельницей начинается лес. Дорога обледенела. Лошади скользят. За три версты до Вормена я остановил отряд и выслал разведку до церкви Вормен. За разведкой вышел взвод роты с двумя пулеметами. Церковь, волостное правление и школа незаняты.

Отряд пошел в имение Вормен по дороге. Я лично с конным разъездом прибыл в пасторат. Старый пастор Нарстрауте ничего дурного о большевиках сказать не мог. Лошадь пробста из Фрауэнбурга он сдал большевикам, зато сохранил свою собственную.

Я прибыл в имение одновременно с отрядом. Вскоре подошел и обоз. Я приказал выдать обед. Ввиду того что на севере в лесу слышны были отдельные выстрелы, я выслал конный разъезд, приказав ему стать в 1 версте от имения, имея наблюдение за тем, что происходит впереди.

В господском доме большой беспорядок. У портретов выколоты глаза. Мебель частью побита. Всюду масса пропагандной большевистской литературы на немецком, латышском и русском языках.

В 2 часа дня раздались учащенные ружейные выстрелы в стороне высланного патруля. Первый взвод роты я выслал туда. От патруля вернулись два всадника с сообщением, что их обстреляли из крестьянской усадьбы Целау, в 3 верстах севернее имения.

Вернулся пешком вольноопределяющийся барон Бер, весь в грязи, без фуражки и лошади. Недоставало 2 всадников: Думне и Бернулиса. Цепь дошла до Целау и нашла тела убитых. Лошадь Бера стояла на трех ногах. Я приказал Трейману ее застрелить.

Высланы 2 засады, от роты и от кавалерии, чтобы перерезать путь колонне (обозу) противника.

Засада опоздала минут на пять.

С мерами осторожности мы в 1 час дня двинулись по направлению Шеден. Стемнело. Вправо и влево от дороги была выслана цепь, к переправе у «Мат» – разведка.

Началась короткая перестрелка. Подошла цепь. Пулеметы поставлены на высоком берегу реки, орудие на большой дороге.

В имении Шеден слышен шум уходящих подвод. По ним мы открыли орудийный и пулеметный огонь. Переполох. Ответный огонь ослабевает. Орудие жарит в тыл уходящим. Мы переходим

речку и находим следы битвы: повозки в канавах, брошенные патронные ящики, полную пулеметную двуколку, лошадей и т. д. Имение Шеден пусто. Расположились биваком.

14 марта.

Утром выслал разъезд для связи с Эйленбургом в Кабиллен и к Энгельгарду в Айспор.

В 2 часа ночи прибыли всадники от Эйленбурга (Засс и А. Гейкинг).

Мой разъезд вернулся лишь после нашего выступления, и Энгельгарда мы не разыскали.

Кроме того, высланы кавалерийские разъезды в имения Варибен и Гайкен.

Около полудня похоронили на местном кладбище всадников Думпе и Бернулиса.

Так как я до полудня не получал приказания, то решил выступить в два часа в имение Барибен и по пути получил приказание о дальнейшем наступлении.

Из имения Ней-Дзирен приказано войти в связь с Эйленбургом.

Погода была ясная, с легким морозом. Великолепная луна. Дороги в лесах обледенели. В Ней-Дзирен мы пришли в 1 час ночи. Для связи с Энгельгардом и Баллодом я выслал два разъезда. Один из Шедена (Янсон) и один из Варибен (Качалов).

15 марта.

2 часа ночи. Корчма Алкшен на перекрестке дорог. Отсюда выслал барона Засса конным к Эйленбургу, Гейкин остался со мною.

В пути до Вейншенкен орудие и кухня падали в канаву. Нежелательные остановки. Мы отогревались в домиках колонистов.

Утром чудный рассвет. У Бунзенберга остановка. В 8 часов выслал разъезд в Фридрихсберг. Здесь застигнут местный комитет. При взятии дома – 3 убитых, один сам застрелился. 9 человек приведено в Гамен, где суд под председательством полковника Р. 6 человек расстрелял, 3 оправдал.

В это время замечено движение колонн, отступающих от Туккума через Ирмлау на Жукст.

Батарея открыла по колонне огонь, причем замечены хорошие, произведшие переполох попадания.

На правый берег Абавы я не решился переходить, ввиду неимения сведений ни справа от Энгельгарда, ни слева от Эйленбурга, о котором мы только что узнали, что он встретил

сопротивление у имения Замитен. Об исходе же дел сведений у меня не было. Я решил стать биваком в им. Фридрихсберг, выставив полевой караул у переправы через реку Абау.

Вечером прибыли для связи всадники от Клейста отряда Эйленбурга. Эйленбург прошел в 8 часов утра на Туккум, а Клейст остался в имении Штейнгоф.

Дом пришлось очистить от следов боя с большевистским комитетом. Штаб расположился в верхнем этаже службы.

16 марта.

Не имея новых приказаний, я решил продвинуться на восток. Мы выступили в 10 часов утра чрез Ирмлау до корчмы, оттуда свернули на имение Шпирген. Владелец фермы Беттхер все время оставался на месте и занимал в коммуне место писаря. Его дочь накануне прибыла из Риги, где господствует голод.

При переезде через железнодорожное полотно взорваны рельсы. Путь был перешит на русскую колею. Это сделано всего за несколько дней.

Отряд расположился в имении Шлампен. На юг выставлен полный караул с одним взводом.

Обоз и кавалерия стали в имении Виксельн. Я поехал в тот же день в Туккум в главный штаб. На базарной площади висел комиссар. Майор Флетчер был очень доволен моим продвижением и сказал, что вопрос о дальнейшем продвижении на Митаву предрешен. В 9 часов вечера я вернулся в Шлампен.

17 марта.

Ночью была тревога. На заставу наступал конный разъезд большевиков, легко отбитый нами.

В Шлампене произведено много арестов, но все, кроме Дебберта, освобождены. Дебберт препровожден в главный штаб.

Днем Бирих ездил в Туккум, по поводу телеграммы князя Кропоткина, который просит о присылке 30 000 марок длдя отправки русских офицеров из Берлина в наш отряд. Он привез известия о нашем предполагаемом выступлении из Шлампена.

Днем выслал разведку в Жукст. Из имения бежали большевики. К сожалению, комиссар уехал незадолго в автомобиле.

Связался, наконец, с Энгельгардом, который стоит в Истертале. От него получил поразительного содержания донесение: связаться со мною он не может, а мне он делает упрек, что я вылез с отрядом слишком далеко вперед.

Он не предупредил Клейста о том, что дорога в Жукст занята неприятелем. Вечером Клейст наткнулся на заставу и потерял до

6 человек убитыми и несколько раненых.

Получил приказ о выступлении в 8 часов вечера. Выступление растянулось до 9 часов. Небо заволакивало тучами. Несмотря на луну, было довольно темно. Шли осторожно, ожидая встречи с неприятельской конницей.

Впереди – наша кавалерия и эскадрон Гана.

Вблизи Малемуйжа произошла остановка. Дозоры были опрошены в темноте по-русски. Головной дозор остановился. Начали в темноте искать говорившего, но не могли найти. За это время колонна нагнала головной дозор, и, когда последний тронулся, он был обстрелян из впереди лежащей усадьбы. Несколько убитых лошадей. Переполох наших и гановской конницы и обоза. Были выдвинуты наши пулеметы.

Огонь противника стал утихать. Орудие быстро выдвинуто на поле. Мы открыли стрельбу. Рота рассыпалась в цепь. Убит пулеметчик Шлосберг, а также 2 лошади. Тяжело ранен штабс-ротмистр Рымша. Через полчаса огонь противника смолк. От роты выслана разведка, которой установлено, что водяная мельница свободна от неприятеля.

В это время нас нагнал майор Флетчер.

Я получил приказание идти на Кальнецем, а оттуда, если возможно, в тыл Митаве с востока. Двинулись в 1 час ночи. Свернул с Митаво-Туккумской дороги на восток.

Дорога исправлена в военное время германцами.

18 марта.

Остановились около крестьянской усадьбы. Там знали, что большевики из Туккума пошли на Кальнецем. Под утро мы подошли к Кальнецемскому мосту. Выслана разведка. Открыт огонь с противоположного берега. Наше орудие выехало на позицию.

Противник сидел крепко в окопах, из которых поднимался дым от костров. После нашего обстрела видно было паническое бегство людей в штатском и многих повозок, как по направлению Шлока, так и к Митаве.

Оставшиеся в окопах красные стреляли хорошо и осторожно. Попытки перейти через реку не увенчались успехом. Обход с юга тоже не удался. Я решил вечером отойти на присоединение к ландесверу в Митаву.

Когда мы в темноте начали уходить, цепь противника перешла по льду реки и следовала в некотором расстоянии за нашей тыловой заставой. Около полуночи мы прибыли в имение Казупен, где стоял обоз Мальмеде[57].

Холод был свирепый. Имение разорено.

19 марта выступили в 9 часов утра. Ясная, морозная погода. Дорога хорошая, переменным аллюром 6 верст в час, всего 32 версты. Прибыли в 2 с половиной часа в Митаву. Майор Флетчер в гостинице Курляндия (Цер). Рота расположилась в Шведгофской улице № 8 и 15, пулеметная рота в Дворянском собрании, я на 1-й Обводной улице № 18, канцелярия там же № 22.

Ночь прошла спокойно.

20 марта.

На случай тревоги мой отряд в резерве в распоряжении майора Флетчера.

Вверенный мне отряд расположился на отдых. Я распорядился, чтобы затопили общественные бани Капеллера, расположенные на самом берегу реки, с просторным видом на правый восточный берег реки. Чины отряда только что начали мыться, и я сам сидел в ванне в отдельном номере, когда над городом начали рваться шрапнели.

Сперва я не обратил на это особого внимания. Но когда артиллерийский обстрел усилился, я открыл форточку и увидел в верстах двух у опушки леса два бронепоезда. Я быстро оделся, выбежал на улицу и нашел город в тревоге. Немедленно я приказал собрать к мосту все части отряда, но приказать было одно, а привести приказ в исполнение было иное. Мне, однако, удалось в весьма короткое время привести к деревянному мосту через реку Курляндскую Аа, построенному во время германской оккупации, четыре пулемета. Я расположил их под деревьями по набережной реки вдоль старого Бироновского дворца. Тут мы усмотрели, что, кроме двух бронепоездов, по шоссе из Риги подходило несколько броневиков, стрелявших продольно шоссе и по мосту из пулеметов. Мы немедленно открыли огонь из пулеметов, а когда подоспела с некоторым опозданием первая рота, я с ней перебежал под градом пуль через мост и засел на противоположном берегу в старых окопах вправо и влево от шоссе. Когда подтянулись пулеметы и орудие, мы перешли в наступление и дошли до старых передовых окопов. При наступлении сумерек большевики дважды переходили в наступление, но были оба раза отброшены.

21 марта мы стояли весь день в окопах. Бронированный поезд еще раз подходил к Митаве. Вдали виднелась цепь неприятеля, который нас обстреливал. Мы целый день не отвечали на его огонь. Вечером нас сменил Мальмеде и мы ушли на квартиры.

22 марта — спокойно (суббота).

23 марта — спокойно. В 2 часа дня я выехал в штаб. Говорят, что Туккум занят противником. Ландесвер выступает туда в 8 часов вечера. Я получил приказание выступить на следующее утро в Вольгунд.

24 *марта.* Выступили в 2 часа утра с одним орудием, с лейтенантом Эрлихом и пулеметным взводом Лемана.

Перейдя Гривенский мост, отряд свернул вправо от Туккумской дороги на имение Светгоф. Имение сожжено, и едва можно установить, где оно стояло. Наш передовой дозор был обстрелян большевиками из леса слева. Колонна подвод остановлена, рота рассыпалась, пулеметы заработали. Вскоре огонь противника затих, и мы продвинулись с версту. Еще несколько раз противник открывал беспорядочный огонь из леса, но не выдержал нашего пулеметного и орудийного огня. Артиллерией сделано три хороших попадания в дом лесного сторожа Гатки. Тут сдалось 4 красноармейца и взят 1 легкий и 1 тяжелый пулемет. Один взвод я послал для очистки леса.

Продвинулись от Яун-Добель на Лакай-Тридус. Видно было, как большевики удирали через реку в направлении Вольгунд. Удалось пустить им вслед несколько снарядов. Мы продвинулись до места бывшего моста у фольв. Кливенгоф; заметили на восточном берегу удиравших большевиков. Обстреляли их. Охотники перебежали через реку и привели нескольких пленных.

Нами оставлена застава № 1 в Миставе и застава № 2 против Кливенгофа (кирпичный завод).

На каждой заставе по одному взводу: № 1 – Лемана, № 2 – наша пулеметная рота.

С оставшимся взводом я пошел по военной настилочной дороге в Ливенберзен. Но мы не дошли, так как мост на болоте был германцами продан на дрова. Через болото артиллерия проехать не могла. Орудие провалилось в канаву. Вытащили. Заночевали в усадьбе Рапп.

25 марта рано утром я произвел разведку дороги и из Ливенберзена, где стоял наш обоз, поехал в Митаву. Был в штабе Железной дивизии, переехавшем в Анненской улице № 8 на Дворцовую № 10.

Вечером в 8 часов я выехал обратно. В 11 часов прибыл в Ливенберзен. Отряд остался в Раппе.

26 марта.

После обеда при ясной солнечной морозной погоде отряд совершил переход из Рапп в Ливенберзен. В этот же вечер я поехал с полковником Бирихом в Митаву.

Отряд занял линию сторожевого охранения по реке Курляндской Аа, с расположением штаба в имении Ливенберзен.

Фон Зауэр[58]
Дневник военных действий 1-й батареи 5-го отдельного легкого артиллерийского дивизиона[59]

В середине февраля 1919 года на фронте (Виндава – Шрунден) произошло соединение в один отряд 3-й роты (роты капитана Дыдорова) и Либавского добровольческого стр. отряда под общей командой светлейшего князя Ливена. В это же время в Либаве начала формироваться артиллерия. В 20-х числах февраля приказанием начальника отряда была основана батарея, командиром ее назначен штабс-капитан Роль, прибывший из батареи Барта (Балтийского ландесвера), а старшим офицером штабс-капитан фон Зауэр, прибывший из роты капитана Дыдорова, где был командиром 2-го взвода.

3 марта 1919 года, по причине угрожающего положения на фронте, батарее (без пушек и пулеметов) было приказано спешно выступить на фронт к городу Гольдингену, как пехотному отряду. Люди батареи не прошли ни одной боевой стрельбы. В 19 часов по железной дороге батарея прибыла в Газеннот, где выгрузилась и заночевала в имении Рокайшен.

4 марта походным порядком мы прибыли в город Гольдинген, где расположились квартиробиваком, составляя резерв отряда графа Эйленбурга, охраняющего город и подступы к нему, и стали нести посты на случай обхода.

17 *марта* батарея получила из Либавы одну 3-дюйм. герм, пушку «образца 96 г.» и тяжелый германский пулемет.

20 марта батарея принимала участие в усмирении взбунтовавшихся германцев.

27 марта произвели первую учебную артиллерийскую стрельбу.

До *2 апреля* продолжали формирование и обучение артиллерийскому и пехотному делу добровольцев, пройдя рассыпной строй, боевую стрельбу из орудий, пулеметов и винтовок и бомбометание, составляя резерв отрядов, наступающих в восточном направлении. Со 2 апреля по 5 апреля совершили поход до Газеннота, где погрузились на железной дороге, а оттуда эшелоном в Митаву, куда прибыли в 23 часа. Стали по квартирам на 1-й Обводной улице, № 18.

9 апреля батарея стала на позицию у Вилькбуд, что в 5 км к северу от Митавы, сменив взвод «батареи Эмке» («Штосс-труппе»

Балтийского ландесвера) поручика Андерсона.

16 апреля батарею посетил начальник отряда светлейший князь Ливен и Американская военная миссия.

До 19 *апреля* батарея вела энергичный огонь по расположению красных, чем заставляла пехоту противника не подходить к нашему расположению по реке Аа, а артиллерию молчать.

Ввиду появления в отряде тифа, батарея 19 апреля снялась с позиций, отошла в резерв в город Митаву, откуда, после дезинфекции, 24 апреля со всем отрядом перешла в район, что в 6 верстах к северу от станции Ливенберзен, где расположилась в усадьбах Клайпинг и Дегайн, проходя карантин. Здесь батарея получила 2-е орудие, прошла ряд боевых стрельб и вела усиленные занятия.

15 *мая* батарея со всем отрядом выступила на позицию в район Кальнецемского тет-де-пона: 1-е орудие (штабс-капитан Роль 1-й) заняло позицию в районе м. Кальнецем и должно было обслуживать все предмостное укрепление (на левой половине – латыши, на правой – ливенцы), а 2-е орудие (штабс-капитан Зауэр) заняло позицию в районе кирпичных заводов, что в 6 км к югу от м. Кальнецем, на берегу реки Аа, – для обслуживания правого фланга тет-де-пона и препятствования переправе красных через реку Аа от тет-де-пона до участка нашего эскадрона (7 км к югу от позиции 2-го орудия).

16 и 17 мая оба орудия вели пристрелку.

19 мая на рассвете красные атаковали правую заставу тет-де-пона и захватили пулемет, перебив его прислугу. Оба орудия обстреляли противника перекрестным огнем и принудили его к отступлению. Днем огнем 2-го орудия застава красных была выбита с берега реки и бежала в лес, что дало возможность ходить по левому берегу реки, не неся потерь. Артиллерия противника в это время сожгла правый наблюдательный пункт (дом) и выпустила по позиции 2-го орудия свыше 300 3-дюймовых снарядов.

20 мая красные получили приказание во что бы то ни стало вытеснить нас за реку Аа. На рассвете их части повели наступление на правую, «детскую» (4-й взвод, состоящий из добровольцев от 16 до 19 лет) заставу, при поддержке огня артиллерии. 2-е орудие, выкаченное на руках на открытую позицию, на самый берег реки Аа, с расстояния 900 метров прямой наводкой обстреляло их и принудило к паническому бегству в лес. Пулемет батареи помогал отбивать атаки. Артиллерия противника непрерывно обстреливала позицию 2-го орудия, благодаря чему орудие заняло новую позицию в

полукилометре к северу от старой, откуда до наступления темноты обстреливало скопления красных. 1-е орудие било по противнику, наступавшему на левые заставы и на «Пулеметную горку» (знаменитую еще во время Великой войны).

21 мая весь день продолжался оживленный огневой бой. В 11 часов вечера 2-е орудие перешло на тет-де-пон и заняло позицию у пехотных цепей на правом фланге для отражения ожидаемой атаки броневых автомобилей. В течение ночи на тет-де-пон перешло 1-е орудие, части Балтийского ландесвера и германская пехота, конница и артиллерия (легкая и гаубичная) для занятия исходного положения для контрудара и наступления на Ригу.

22 мая около 4 часов утра батарея начала артиллерийскую подготовку по окопам противника (окопы русско-германской войны с железобетонными убежищами и массой проволочных заграждений) у Кальнецемского шоссе. На Митаво-Рижском шоссе начался ураганный огонь тяжелой (до 9 дюймов) и легкой артиллерии. В 5 часов утра все части, сосредоточенные в районе предмостного укрепления, неожиданно для противника перешли в наступление под артиллерийским огнем противника. Балтийский ландесвер и германские части прорвались на правом фланге и пошли по лесной дороге, а ливенцы с ротой латышей – по шоссе. Одновременно поднялись германские аэропланы и начали стрелять с высоты и забрасывать противника бомбами. Красные в панике бежали, почти не оказывая сопротивления. Колонна справа (железная дивизия из Митавы) и колонна слева (батальон латышей полковника Баллода из Шлока) тоже перешли в наступление, но левая колонна продвигалась медленнее других. Германские самолеты, большие и малые, продолжали работу, преследуя противника, бросая бомбы на железную дорогу в Риге и за ней и сообщая письменными донесениями о положении всех колонн, о нахождении противника и пр. В 3 часа дня батарея вступила в Ригу. Население со слезами радости встречало освободителей. Встреча не поддается описанию. Некоторые целовали ноги всадников. Несмотря на то что на улицах и у некоторых домов шли бои, население, одетое по-праздничному, бежало навстречу; из всех окон приветствовали флагами, платками… Батарея заняла позицию по 2-й Выгонной дамбе, у железнодорожного моста для стрельбы прямой наводкой, так как красные матросы задержались у канала.

23 мая 6-дюймовая батарея «Канэ» из Усть-Двинска обстреливала город Ригу.

2-е орудие, под командой штабс-капитана Зауэра, с частями нашего отряда, переправилось на пароме у Мюльграбена, желая отрезать путь отступающему от Усть-Двинска противнику.

Вечером Усть-Двинск был взят. Трофеи отряда за день: броневой автомобиль «Красная Латвия» (перекрещен в «Россию»), пулеметы, обоз, 500 пленных.

В 12 часов ночи орудие вернулось и присоединилось к батарее.

24 мая в 11 часов утра батарея с эскадронами и офицерским взводом под командой светлейшего князя Ливена выступила с бивака для быстрого обходного движения для захвата станции Роденпойс и войск противника, находящихся между озером Эгель и станцией Роденпойс. Переправившись на пароме у Мюльграбена, около 3 часов дня отряд захватил заставу красных, указавшую на нахождение вправо от нас батальона коммунистов и отряда коммунисток, а впереди нас двух красных рот… Отряд продолжал движение. Батарея шла все время рекою непосредственно за эскадроном. Около *4* часов вечера в лесу, в 1 км от «Рикуль» (3 км к северу от станции Роденпойс), отряд наткнулся на засаду красных, состоящую из 15 коммунисток и 250 стрелков при нескольких пулеметах.

Встреча произошла в густом строевом лесу, на гати, обнесенной глубокими канавами. Красные открыли неожиданно по нашей колонне сильный пулеметный и ружейный огонь с близкой дистанции. Конница, неся потери, смешалась и отошла. Оба орудия, снявшись с передков и стоя друг другу в затылок, несмотря на невозможные для артиллерийской стрельбы условия и убийственный огонь противника, открыли по нему сильный огонь. Многие снаряды, задевая за толстые деревья, рвались у самых орудий или у нашей цепи. Противник начал нас обходить и справа и слева. Батарейный пулемет, выдвинутый вправо и вперед, своим огнем поддерживал нашу жидкую цепь (30 шашек, 10 офицеров, 20 артиллеристов). Огонь батарейного пулемета ликвидировал обход справа. Обход слева был ликвидирован огнем орудий. Орудия были спешно выдвинуты на опушку леса. Красные, не зная наших сил, спешно переправились через Аа Лифляндскую и сожгли за собой мост. С наступлением темноты подошла 1-я пулеметная рота, и отряд пошел на станцию. Со станции открыл огонь бронепоезд противника, на наши сигнальные ракеты никто не отвечал, люди крайне устали, осталось лишь 10 шрапнелей. Отряд отошел на 1 км и занял позицию у имения Холлерсгоф. Батарея потеряла 30 процентов своего состава. Ранены: поручик Недзведский, подпоручик Бергман, Кергалв, Кононов. Убиты: добровольцы Шульц, Цукурс, Цирульс. Убито 6 лошадей и ранено 7. На позиции батареи тяжело ранен начальник отряда светлейший князь Айвен и его адъютант Зейберлих и убит командир эскадрона ротмистр

Родзевич.

25 мая станция Роденпойс была без боя занята ландесвером, а батарея с отрядом пошла на отдых в Ригу, где стала по квартирам на Петроградском шоссе, № 77.

К. Дыдоров
Освобождение Риги от большевиков 22 мая 1919 года[60]

Сегодня, 22 мая, день, когда Латвия освободила свою столицу от большевиков.

Сегодня день, когда большое количество населения освободилось от участи быть раньше времени отправленными к праотцам. Сегодня день, когда население Риги освободилось от зла, когда дети нашли своих родителей, когда братья нашли своих сестер, мужья – жен и детей, как ваш покорнейший слуга.

Как могут этот исторический день столицы Латвии забыть все те, кто в этот день был вырван из когтей смерти, из когтей страха за свое будущее существование, из когтей произвола?

Никогда не забудут этот день и все участники быстрого наскока на большевиков, те добровольцы всех национальностей, которые во имя любви к ближнему выкинули белое знамя с лозунгом: вон отсюда большевиков, дайте нам мирно жить.

Были и павшие смертью храбрых, не искавшие себе славы, награды и материального благополучия; не дождавшиеся дня освобождения своих близких, но верившие в возможность истинной свободы, верившие в Бога и его заповеди; вот этим павшим за наше благополучие я просил бы оказать ваше внимание, почтив их память вставанием…

Я часто слышал такой вопрос: «Как это случилось, что вы так неожиданно, так быстро вошли в город Ригу, когда еще около 1 часа дня нам, рижанам, было хорошо известно, что вы все еще стоите на линии Туккум – Митава – Бауск?» Вот на этот вопрос я бы хотел сегодня ответить, но начну несколько издалека. С середины января 1919 года продвижение большевиков к Либаве было приостановлено, а с конца января преимущества стали переходить на нашу (белых) сторону. Освобождением Шрундена, Гольдингена и Виндавы начался успех добровольцев. Период первых успехов закончился рекой Виндавой. После больших дипломатических переговоров между союзниками, германцами и латвийским правительством к марту месяцу нам удалось достичь линии Шлок – Кальнецем – река Аа Курляндская (Лиелупе) и далее по ней, Митава – Бауск.

Здесь, несмотря на то что порыв добровольцев все увеличивался и всем хотелось скорее быть в Риге, военное командование принуждено было остановить дальнейшее свое продвижение в силу очень сложной политической обстановки, о

каковой в прошлом, 1929 году, тоже 22 мая, сделал свой доклад князь Айвен. Я только кратко вам напоминаю, что не только германцы не могли в это время сговориться с союзниками, но и у нас начались политические счеты, в результате чего получилось одновременно два правительства: правительство Ульманиса и Ниедра.

Вследствие этого рижане, которые ждали своего освобождения с момента, как была освобождена 18 марта 1919 года Митава, начали уже терять надежду на успех добровольцев.

На два месяца затянулась разными переговорами военная операция.

Так как, за исключением отдельных лиц, добровольцы оказались совершенно в стороне от политики, что я приписываю заслугам генерала Баллода и князя Айвена, то, не интересуясь тем, что делалось в Либаве, все были заняты мыслью: скорее вперед, скорее в Ригу. План наступления был давно разработан, но осуществление его затягивалось. В конце концов, к 20 мая были получены согласия союзников и Германии и достигнуто наше внутреннее политическое соглашение. Германская дивизия получила разрешение поддержать наше наступление на Ригу тем, что она должна не разрываться с нами и идти за нами, держа общий фронт.

Очевидцы знают, что отдельные германские части не ограничились такой пассивной ролью, а приняли и более активное участие. Со стороны германцев здесь не было совершенно бескорыстного желания, за прекрасные глаза латвийского народа, оказывать ему помощь, жертвуя человеческими жизнями. Нет! К тому было много и очень много и политических причин, и просто причин обывательского характера.

К числу таких обывательских причин я лично отношу и то особое соглашение между представителями Германии и правительством Латвии, по которому все добровольцы и весь командный состав Германии, числились на службе у Латвии. По этому особому соглашению, заключенному еще в Риге 29 декабря 1918 года, сказано в пункте первом: «Временное правительство Латвии согласно признать по ходатайству о том все права, гражданства в Латвии за всеми иностранцами, состоящими в армии и прослужившими не меньше 4 недель в добровольческих частях, сражающихся за освобождение Латвийской территории от большевиков». Соглашение это было подписано с германской стороны Виннингом, а с латвийской – председателем совета министров К. Ульманисом и министрами Паэгле и Залитом.

Что касается добровольцев, то прорыв большевистского

фронта возложен был на ландесвер и, в частности, на Штосс-труппу (ударный батальон) с лейтенантом Мантейфелем во главе.

Прорыв фронта должен был произойти у Кальнецема. К моменту наступления на Ригу наши части стояли по линии Каугерн— Шлок – левый берег реки Ла Курляндской, затем тет-де-пон у Кальнецема, снова левый берег реки Ла Курляндской до Митавы с тет-де-поном у нее и далее к Бауску. Кальнецемское предмостное укрепление, которое оборонялось отрядом под командованием князя Ливена, было необходимо противобольшевистскому (белому) военному командованию как плацдарм, откуда возможно было наступление на Ригу, и поэтому оборона Кальнецема была крайне ответственной задачей.

Для усиления обороноспособности отряда на северной части укрепления стояли 2 латышские роты, подчиненные отряду князя Ливена.

Красное командование понимало значение Кальнецемского плацдарма, поэтому оно хотело во что бы то ни стало прогнать нас на левый западный берег реки Аа и тем парализовать нашу активность.

Попыток было несколько, из которых самое сильное наступление на нас красными было сделано 19 мая перед рассветом.

Тяжело было, но тет-де-пон остался за нами, хоть мы и понесли потери убитыми и ранеными.

В числе убитых был сын известного русского старообрядческого деятеля в Латвии Ил. Евс. Колосова. 22 мая разведка дала сведения, что большевики в этот день должны взять Кальнецем. На этот же день было назначено и наше наступление на Ригу.

Отряду князя Айвена было приказано обследовать Тирульское болото, особенно в его Мангальской части, чтобы найти возможность провести по нему войска, а если удастся, то и 2 орудия в тыл большевикам на дорогу из Кальнецема в Ригу.

Так как за долгое стояние в Кальнецеме с этим болотом наши добровольцы уже были несколько знакомы и более других знал эти тропы нынешний депутат Сейма от русских Гр. Сер. Елисеев, то за 2 дня до наступления ему было поручено – совершенно секретно – обстоятельно исследовать ту тропинку, по которой, хотя бы на руках, можно было за пехотой протащить орудия.

В ночь с 21-го на 22 мая, к 1 часу 30 минутам, маневренные войска подошли к Кальнецему. Прапорщик Елисеев был готов и вполне уверен, что он с честью выведет ударную часть в тыл большевикам через болото, которое большевики считали совершенно непроходимым.

В 3–4 часа утра, когда почти на всем позиционном фронте было как будто совершенно спокойно, мы получили первое сведение, что отряд лейтенанта Мантейфеля прошел усадьбы Мигле и Лаце и идет на Пинкенгоф.

К 5 часам утра замечено было волнение в окопах большевиков. Объяснялось это тем, что большевики потеряли связь с тылом – телефоны не действовали.

Для того чтобы ввести в заблуждение большевиков, наше военное командование решило по всему фронту оставить на позициях уменьшенное число стрелков и только на рассвете начать собирать их в Кальнецем. Таким образом, до 5 часов утра большевики ничем не могли обнаружить наших активных действий, а на участке Каугерн— Шлок все оставалось в спокойном состоянии почти до полудня, так как латышские части старались не тревожить красных.

Около 5 часов утра стянутые части полковника Баллода и князя Айвена под общей командой полковника Баллода двинулись на Ригу по дороге Кальнецем – Рига, что южнее озера Бабит и севернее Тирульского болота, через Огле, Каклинг, Плуче и Пинкенгоф. Приблизительно в это же время начали сосредотачивать свои активные силы на плацдарме у Митавы и те германские части, которые на автомобилях оказались в Риге одновременно со Штосс-труппой Мантейфеля.

Вследствие того, что добровольцы старались в тылу большевиков действовать по возможности бесшумно, то есть без выстрелов, а потом, поражая неожиданностью, захватывать в плен те большевистские резервы, которые попадались навстречу, и вследствие того, что нашим командованием не было предпринято общего наступления по всему фронту, получилось то, что большевики, сидя в Риге, не имели плохих известий с фронта.

Еще около 12 часов дня, будучи в 10 верстах от Риги, мы разговаривали с Ригой по телефону и заверяли большевиков, что у них на фронте все благополучно и спокойно.

Связь с участком Каугерн – Шлок по взморской линии у них не порывалась, и там они знали, что все спокойно. Это было в то время, когда мы были далеко в тылу красных войск, когда нами было сделано $^3/_4$ всего пути к Риге.

Все это позволило нам буквально влететь в Ригу, застав комиссаров в парикмахерских, столовых и просто на улице.

Если большинству из них все же в последний момент удалось бежать, то это объясняется тем, что наше командование не имело достаточно войск, чтобы из общего строя выделить отдельные команды, для уловления ответственных большевистских работников.

Неудивительно, если мы, участники этого боевого дела, и сегодня еще чувствуем себя вполне удовлетворенными и тем головокружительным успехом, который выпал на долю освободителей Риги, и той встречей, которую нам оказало местное население.

Встреча, которую мы нашли со стороны жителей Риги, наградила участников сторицей за все лишения добровольцев. Это было высшей наградой нам всем, и этой награды никто никогда от нас не отнимет. Один из наших соратников так записал в своем дневнике встречу рижанами своих освободителей: «Население со слезами радости встречало освободителей. Встреча не поддается описанию. Некоторые целовали ноги всадников. Несмотря на то что на улицах и у некоторых домов шли бои, население, одетое по-праздничному, бежало навстречу; из всех окон приветствовали флагами, платками…»

Видимо, Рига забыла об этом, что я вижу по сегодняшнему будничному дню.

Большинство русских людей Латвии сознает свои национальные услуги, оказанные своему второму отечеству, но есть среди нас и такие, которые, величая себя «рижанами», до сего дня не знают, в чем же заслуга русских людей в деле освобождения Латвии и, в частности, в деле освобождения Риги от большевиков. Я подробно не буду на этом останавливаться, но укажу вам на пару случаев.

Первый – тот, о котором я вскользь уже упомянул. Это защита Кальнецемского предмостного укрепления, где кровь и могилы русских добровольцев свидетельствуют о том, что одна из ответственных задач будущего успеха лежала на Русском отряде; а разве вывод ударных частей ландесвера прапорщиком Елисеевым, через болото в тыл большевиков, не произведен русским человеком?

Ведь не будь этого, вряд ли большевиков было так легко сломить, вряд ли нам так быстро удалось бы быть в Риге, а раз так, то большевики посчитались бы с заложниками и мы многих бы еще недосчитались, даже из тех, кто сегодня здесь. Вероятно, большевики устроили бы еще большую резню, чем тогда, когда была взята нами Митава. И особенно когда красным не удалось вернуть Митаву обратно.

Нам, военным, этот случай лишний раз напомнил слова великого военного учителя, сказавшего: «Промедление смерти подобно». А вот и еще. Это случай с тяжелым ранением князя Ливена и его соратников, а также смерть тех, кого мы, ливенцы, будем поминать 24 мая в Александро-Невской церкви после

вечерней службы.

Разве смерть одних и ранение других не есть геройство русских? Русских, которые гнали большевиков к Роденпойсу и далее, – для того чтобы дать возможность рижанам отдохнуть после большевистских ужасов, чтобы дать возможность народу спокойно начать строительство своей жизни, а правительству заботиться об устройстве государства.

Я этим отнюдь не хочу умалять роли других народностей в этом деле, о них много говорят, да и они сами могут достойно за себя постоять.

Моя задача сказать сегодня хоть немного и о русских, о которых теперь уже, видно, никто, кроме нас самих, о себе не скажет, не скажет того, что наши наследники, молодежь, должны знать и что они оценят в дальнейшем.

Всем нам, имеющим возможность сегодня мирно жить под защитой Латвийского государства, не следует забывать, какой ценой добыто это право на существование, не следует забывать и того, что враг еще существует в лице Третьего интернационала и что окончательная победа над ним может быть одержана лишь при единогласии всех народов, при общем дружном сожительстве национальностей в пределах того государства, гражданами коего мы состоим.

Барон Н. Будберг[61]
Бой под Роденпойсом у Риги и ранение светлейшего князя Ливена (из памятной книжки участника)[62]

22 мая 1919 года отряд светлейшего князя Ливена вместе с ландесвером и латышскими войсками, после дневного перехода и ожесточенных боев, вошел в Ригу. Главный город Прибалтики, столица Латвии, древняя Рига была освобождена от большевиков. Но этого было мало. Потребовалось защитить ее и от дальнейших попыток противника вырвать город из наших рук.

С этой целью в один из ближайших дней (24 мая) по направлению к станции Роденпойс – возможному подступу противника – было приказано выступить ландесверу и частям отряда светлейшего князя Ливена. Мы, чины офицерской роты, собрались в столовой нашей квартиры за веселым обедом и живо обсуждали предстоящий поход.

Все чувствовали себя легко и свободно. Чудная погода еще улучшала хорошее настроение. Мы, в сущности, даже не знали, куда идем, где встретимся с противником и какой он численности. Последнее нас мало интересовало, так как за время партизанской войны в пределах Курляндии мы привыкли видеть пред собою в двадцать раз сильнейшего врага и ничуть не смущаться. Мы были уверены, что поход превратится в веселую поездку да, пожалуй, в легкую перестрелку и ловлю бегущих красных.

Мы переправились через Красную Двину и вытянулись на подводах вдоль дороги. Впереди – князь Ливен со своим адъютантом, поручиком Зейберлихом. Тут же наш эскадрон – несколько десятков сабель. За эскадроном – легкая батарея из двух орудий под командою штабс-капитана Зауэра и, наконец, наша офицерская рота, человек двадцать, во главе с полковником Пясецким.

Эскадрон поскакал вперед. Позади двигалась батарея, везя за собой на обывательских подводах снаряды.

Местность была открытая. Солнце пекло немилосердно. Ни ветерка, ни тучки…

Болтая с приятелями, мы не заметили, как отъехали порядочное расстояние. Города уже не было видно. Впереди мелькали деревья, а за ними густой стеной стоял лес.

Было около четырех или пяти часов, когда нас охватил

аромат соснового леса. Дорога шла довольно прямо. Она вся была выстлана кольями и шпалами, которые, прижимаясь друг к другу, образовывали своего рода плотину, по бокам коей тянулись канавы. Очевидно, в дождливое время года почва намокала и становилась болотистой. Теперь же все было сухо, и трава местами даже выгорела.

В воздухе носились мириады комаров, и густая пыль постепенно покрывала нас, залезая за воротник и в глаза.

Так проехали еще час. Все было спокойно.

Вдруг впереди раздались выстрелы, и сейчас же затрещал пулемет. Засвистали пули, и послышались крики. В один миг все изменилось. До сих пор спокойные и сонные подводчики пришли в себя, и через секунду большинство из них лежало в канаве. Только подводы со снарядами остались стоять.

Мы сначала не знали, что подумать, но потом поняли, что нарвались на противника, засевшего в лесу.

Густой лес прекрасно скрывал красных.

Князь вместе с эскадроном первым попал под огонь. Командир эскадрона был убит.

Мимо нас стали пробегать отдельные кавалерийские офицеры, уводившие назад лошадей.

Офицерская рота рассыпалась вправо от дороги. Оба орудия стояли друг за другом. Свернуть и поставить их рядом было невозможно: мешали глубокие канавы.

Стрельба противника усиливалась. Трещало уже несколько пулеметов, и пули то и дело жужжали мимо ушей. Ни холма, ни бугра, и только отдельные пни и высокие деревья представляли некоторую защиту.

Наконец раздался первый орудийный выстрел – это наша пушка стреляла по неизвестному противнику. Потом второй, третий… В лесу стоял невообразимый гул. Наши орудия стреляли одно через другое. Несколько артиллеристов было уже ранено и убито; их тащили назад, клали на повозки и увозили. Помню, я подошел к полковнику Пясецкому, стоявшему вправо от дороги. В руках у меня был чей-то карабин, затвор которого не действовал, столько в нем набилось песку. Рота лежала. На дороге находилась высокая фигура капитана 2-го ранга барона Остен-Сакена[63], который помогал артиллеристам. Он подносил снаряды. *Я* схватил корзину с гранатами и снес к орудию. Стоя во весь рост у щита трехдюймовки, я невольно прислушивался, как пули ударяли в сталь. Повернувшись, я увидел Сакена уже с окровавленной рукой.

Светлейший князь все время ходил то по дороге, то около офицерской роты. Удивительно хладнокровный, он совершенно

не обращал внимания на пули. Спустя некоторое время я его снова увидел уже у орудия. Вдруг он как-то согнулся и… упал. Я видел, как князь отстегнул свой пояс и бросил его поручику Зейберлиху, своему адъютанту.

Поручик Зейберлих и я подскочили и оттащили князя от орудия.

Пулеметы противника трещали по-прежнему. Офицерская рота и кавалеристы несколько раз кричали «Ура!» и пытались пройти вперед, но безуспешно, так как огонь противника был слишком жесток, а нас до смешного мало.

Я уверен, будь большевики немного смелее, они могли бы великолепно нас окружить и никто бы не ушел.

Мысль о том, что положение наше скверно и что каждую минуту может произойти жестокая развязка, а с нею и конец, заставила поручика Зейберлиха и меня попытаться вынести из огня светлейшего князя. Поручик взял его за ноги, я за плечи, и вот таким образом мы потащили князя назад. Князь был в полной памяти. В одном месте дорога делала поворот. Добравшись сюда и отыскав подводу, мы положили раненого на солому, укутали как могли и отправили по дороге назад. Затем вернулись к своим.

Как долго продолжался этот ад, этот гул орудий и вой пуль – затрудняюсь сказать. Может быть, час, а возможно, и меньше.

В это время был ранен поручик Зейберлих. В канаве, сгибаясь, я помог ему добраться до повозки.

Горло пересохло, говорить было трудно. Мы снова крикнули «Ура!» и бросились вперед. Противник замолк, дрогнул и, наконец, побежал. Густой лес позволил ему отойти незаметно.

Мы вышли на опушку леса. Внизу, под горой, находилась большая деревня, а за нею река. Мост через реку пылал.

Измученные, мы собрались, чтобы отдохнуть. Много было раненых и убитых. Меня била лихорадка. Я подошел к зарядному ящику и присел к капитану Зауэру, который так же, как и я, чудом остался невредимым. Он достал бутылку красного вина, и мы пили прямо из горлышка, до того сильна была жажда и какая-то апатия расстроенного организма. Вино сразу же успокоило нервы.

Стало темнеть. Сзади подходила наша первая рота.

К. Брац[64]
Речная флотилия на Аа Курляндской у Вальтерсгофа и Шлока 22 мая 1919 года[65]

До наступления на Ригу бригаде Баллода дана была задача очистить Рижское взморье. Она должна была выделить часть, усиленную ливенцами, для движения по южному берегу озера Бабит, чтобы принять участие в наступлении на Ригу.

К бригаде Баллода была придана от Железной дивизии речная флотилия, сформированная из пароходов общества «Лугсбург». За неимением специалиста, знакомого с местными условиями, князь Ливен с согласия майора Флетчера откомандировал меня к флотилии, с приказанием прибыть в Шлок в распоряжение начальника бригады.

Силы бригады были разделены на 2 части: одна – по левому, другая – по правому берегу реки.

В Вальтерсгофе стояла красная батарея, а в Дуббельне тяжелая артиллерия. Капитану (полковнику) Пурыню было приказано дождаться прибытия флотилии в Шлок.

В 9 часов утра мы прибыли в Шлок. Я условился с латышским командиром, что он продвинется вперед. Ему нужно было преодолеть песчаные дюны и перевести полуроту на правый берег реки.

Около 10 часов латышский командир дал ракетный сигнал о достижении им условленной линии, после чего мы с пароходами «Кондор», «Секундас» и двумя буксирами продвинулись вперед. На носу и на корме «Кондора» поставлены были по одному французскому револьверному орудию и по 6 тяжелых пулеметов.

На «Секундасе» находилось одно револьверное орудие и 2 тяжелых пулемета; на каждом из буксиров – по 2 легких пулемета.

По приближении к Вальтерсгофской кирке отряд Баллода подал нам сигнал, которого мы не поняли. Мы попали под артиллерийский обстрел. С Вальтерсгофской пристани, с колокольни кирки и с дюн направо нас встретили пулеметным и ружейным огнем. Мы открыли встречный огонь из револьверных орудий и пулеметов. Огонь продолжался 35 минут, причем «Кондор» и 2 буксира приблизились к линии красных, стреляя из 6 тяжелых пулеметов и револьверных орудий; «Секундас» же направил свой орудийный огонь на неприятельскую батарею у Вальтерсгофа.

В 10.55 огонь временно был приостановлен, но вскоре

флотилия вновь открыла стрельбу.

Наконец красные перестали отвечать.

Мост между озером Бабит и рекою был нами сожжен. Работавший на колокольне пулемет мы заставили замолчать. В это время мы услышали крики «Ура!» наступавших войск Баллода. Флотилия двинулась вперед, очищая берега от отступавших красноармейцев.

Барон Н. Будберг
Штаб добровольческого корпуса светлейшего князя Ливена летом 1919 года в Митаве[66]

Мы все прекрасно знаем, что без штаба, то есть без той командной точки, которая собирает, направляет и руководит, ни одно войсковое соединение, как бы мало оно ни было, обойтись не может. Особенно это становится ясным, когда на эту командную точку возлагается еще работа по вербовке, организации, формированию и т. д. Полагаю, что для офицера, прокомандовавшего всю Великую войну ротой на фронте, рассказать и о своей короткой службе в штабе не будет зазорно.

Говоря о действиях своего отряда, светлейший князь Анатолий Айвен весьма подробно описывает не только чисто военные его действия, но и политическую обстановку, создавшуюся после капитуляции Германии, в год полного разгара борьбы добровольческих армий и отрядов с красными. Он разбирает поведение союзников и объясняет свои личные взгляды на положение, создавшееся в бывших прибалтийских губерниях. О штабе своего отряда, теперь корпуса, он пишет только мимоходом. И на самом деле этот штаб, по обстоятельствам от него не зависевшим, не имел, к сожалению, возможности полностью исполнять свою задачу. Автор, как один из ближайших в то время сотрудников светлейшего князя и как один из чинов штаба, хотел бы поделиться со своими читателями некоторыми моментами из жизни штаба и дать по возможности подробную картину его организации, бытия и действий в городе Митаве, а также конца его существования в Нарве.

После взятия 22 мая 1919 года белыми частями ландесвера, Отрядом светлейшего князя Айвена и латышскими национальными соединениями города Риги наплыв добровольцев в русский отряд был весьма большой. Стало необходимым развертываться, создавать новые группировки, образовывать боевые соединения. 24 мая, в бою у «Белых Озер» вблизи Риги князь был тяжело ранен.

По приходе в Ригу отряд не принимал прямого участия в Венденских боях ландесвера с эстонцами и вскоре был переведен в район города Митавы. Уезжая туда же, автор в поезде узнал о готовящемся разворачивании отряда в корпус и о своем назначении на должность старшего адъютанта по строевой части.

В Митаву стали прибывать, главным образом из Германии, отдельные бывшие военнопленные, небольшие группы офицеров и солдат, а также целыми частями более или менее сплоченные соединения. В течение июня и июля прибыли: «Отряд имени генерала графа Келлера», под командой Бермондта, отряд полковника Вырголича, а также так называемый Тульский отряд. Все эти отдельные вновь прибывшие части сразу же подчинились светлейшему князю Ливену. Были образованы три дивизии: дивизия светлейшего князя Ливена, дивизия имени генерала графа Келлера и дивизия полковника Вырголича. Первой командовал ближайший помощник князя и организатор Русской роты, еще в 1918 году в городе Риге, капитан Дыдоров. Второй и третьей – их вышеупомянутые начальники. Эти дивизии составляли Добровольческий корпус светлейшего князя Ливена и возглавлялись одновременно созданным штабом корпуса. Штабы дивизий, как и корпуса, размещались в самой Митаве.

Штаб корпуса устроился в доме дворянства. Это был обширный особняк со многими отдельными помещениями и двумя залами в верхнем этаже. Здесь работали начальники отделов и их сотрудники, офицеры и чиновники. В первой, главной, зале стучали машинки писарей. Вторая служила парадной столовой. Обыкновенно обедали внизу, в одной из комнат. Тяжело раненный князь Ливен находился вначале в Риге, в больнице. Его замещал некоторое время полковник л. – гв. Московского полка Альфред Беккер[67]. Начальником штаба или, вернее, ближайшим помощником в начальной стадии работ по устройству дел был полковник Бирих, старый соратник-ливенец.

Когда штаб сорганизовался и принял на себя управление тремя дивизиями, его состав был окончательно оформлен. Ввиду некоторого желания самостоятельности и вместе с тем децентрализации со стороны Бермондта и в целях лучшей координации работы штаба корпуса со штабами дивизий, в особенности дивизии имени графа Келлера, начальником штаба корпуса был назначен вскоре полковник Чайковский[68]. От него, как близкого сотрудника Бермондта, корпус ожидал быстрого улучшения несколько натянутых взаимоотношений. Однако полковник Чайковский в этом смысле не оправдал связанных с ним ожиданий и вскоре покинул свой пост.

Тогда начальником штаба был назначен генерал Янов. С ним вместе прибыл капитан Афанасьев, офицер одного из гвардейских пехотных полков. Об обоих будет речь впереди. Артиллерийскую часть возглавлял полковник гвардейской артиллерии Беляев, судебную – полковник Энглер, инженерную – полковник Ионас, интендантскую – полковник Колошкевич, всей санитарной частью

руководил доктор Стороженко. Дело передвижения было сосредоточено в руках действительного статского советника Зеля, ранее бывшего начальником Либаво-Роменской железной дороги. Контрразведка была поручена капитану Шнее, служившему до революции полицмейстером города Митавы. Комендантом штаба был полковник лейб-гвардии Литовского полка барон Максимилиан Энгельгард[69], его помощником полковник Прокопович[70]. Я сам был назначен старшим адъютантом по строевой части и подчинялся непосредственно начальнику штаба. Моими помощниками были поручик Бакке, светлейшим князем, в его записках, ошибочно названный адъютантом, поручик кавалерии Миклашевский и, несколько позже, прапорщик Низдра, сын бывшего президента Латвии, пастора Низдра. Из чиновников хорошо помню своего делопроизводителя, хотя фамилию забыл, а также Максимилиана Бека, и это главным образом потому, что впоследствии, уже в эмиграции, часто приходилось с ним встречаться и даже жить в одном городе.

Таким образом, штаб был сформирован, и оставалось только работать, исполняя директивы командира корпуса. Почему и как его желаниям, мыслям и политическим соображениям в дальнейшем не суждено было быть приведенными в исполнение, князь Ливен весьма ярко, как уже было упомянуто выше, описал сам. Мне бы хотелось в моем дальнейшем повествовании остановиться только на некоторых событиях этого времени, а также на отдельных лицах, имена которых мною уже приведены. Почти все мои тогдашние сослуживцы были старше меня по возрасту, и, вероятно, сейчас уже мало кто из них остался в живых. Нужно сказать, что все мы, имея постоянно пример нашего командира, старались сделать свою работу по возможности более продуктивной. Однако, к сожалению, это не всегда удавалось. Нельзя забывать, что сам корпус был еще далек от полной сплоченности своих частей, трех уже названных дивизий. Это чрезвычайно затрудняло нашу работу и шло вразрез с нашими, штаба корпуса, добрыми желаниями и намерениями.

Генерал Янов, возглавляя штаб, сразу же указал границы действий всех его отделов. Он был строг и требователен. Но некоторые, не совсем понятные и до конца для меня лично не ясные обстоятельства, казалось, мешали ему. Незадолго до перевода корпуса на Нарвский фронт он был сменен и его место занял полковник гвардейской артиллерии Беляев. О генерале Янове я снова услышал уже будучи в Эстонии, он как будто занимал видное место в штабе генерала Юденича. Чрезвычайно милым и симпатичным сослуживцем оказался полковник Энглер. Его дальнейшая судьба мне неизвестна, так же как и полковника

Йонаса и доктора Стороженко.

Очень интересен, в своем роде, был действительный статский советник Зель. По его инициативе, если не ошибаюсь, и, во всяком случае, при его деятельном участии был разработан до мельчайших подробностей план состава и работы штаба корпуса и подкомандных дивизий. Далее планов, впрочем представляемых даже в виде прекрасно расчерченных и раскрашенных листов, мы не продвинулись уже по одному тому, что Бермондт, как и полковник Выргoлич, имел свои собственные планы и расчеты.

Полковник барон Энгельгардт, как комендант штаба, а особенно своей внешностью еще сравнительно молодого гвардейского офицера, выделялся персонально. Он впоследствии остался в Митаве и перешел на службу к Бермондту, у которого видным финансовым экспертом уже состоял его старший брат барон Рудольф Энгельгардт. Этот последний умер уже после окончания Второй мировой войны в восточной зоне Германии под другой фамилией в одном доме для престарелых. Полковника же Энгельгардта, моего родственника, я застал в 1948 году вблизи моего местожительства в городе Детмольт-Липпе, в Вестфалии. Он имел издательство книг и занимался распространением печатной литературы. Он умер в пятидесятых годах. Его милейшая супруга, родственница братьев Солоневич, здравствует, насколько знаю, и поныне.

Помощник коменданта полковник Прокопович был человеком весьма нервным. По-видимому, он был сильно контужен и лицо его всегда передергивало. Когда мы переезжали на Северо-Западный фронт, он был назначен комендантом штаба, но вскоре, по расформировании в Нарве, был переведен на ту же должность в штаб 2-й стрелковой дивизии генерала Ярославцева[71]. Во время осеннего наступления на Петроград полковника Прокоповича сопровождала его супруга.

Но вернемся в Митаву, к лету 1919 года. Я занимал должность старшего адъютанта и был весьма занят работой по распределению прибывающих добровольцев, согласованием взаимоотношений трех дивизий, писанием ежедневных приказов и т. д. В это время прибыли из Германии двое моих однополчан, большие мои друзья, полковник Дмитрий Дмитриевич Лебедев[72] и поручик Алексей[2] Геннадиевич Чубаров[73]. Первый впоследствии занимал видную должность в Ливенской (5-й) дивизии Северо-Западной армии и умер, уже после отхода последней в Нарву, от тифа и сахарной болезни. Чубаров скончался не так давно в Ницце.

Помимо моих прямых обязанностей, я играл еще роль как бы представителя штаба, к которому в первую голову обращались все

имеющие какую-либо надобность или дело; так в один из июльских дней мне доложили, что меня хочет видеть бывший президент Латвии пастор Низдра. Я вышел к нему и провел в свой кабинет. Пастор Низдра, уже немолодой, но еще хорошо державшийся мужчина, имел вид озабоченный. Незадолго до этого политический противник Ульманис взял бразды правления в свои руки и причинял много неприятностей своему стоявшему значительно правее соотечественнику. Теперь бывший президент просил меня устроить поступление его двух сыновей на службу добровольцами в наш корпус. Я успокоил пастора и тут же отдал соответствующее распоряжение. Старший сын, русский прапорщик, был назначен к нам в штаб корпуса и получил место в моем кабинете, младший был мною направлен в корпусную артиллерию.

Князь Ливен продолжал лечиться в Риге. Здоровье его поправлялось, и он решил переехать на жительство в Митаву. Прибыл он на моторной лодке. Для встречи была назначена рота, выстроившаяся на берегу реки. На пристань, по доскам, прошли его заместитель, полковник Беккер, и я. Князь не мог еще ходить, и его вынесли на носилках. Он был бледен и сильно страдал от своего ранения. Носилки медленно пронесли вдоль фронта. Радостно блестели глаза добровольцев, и они дружно приветствовали своего любимого вождя.

За эти два летних месяца мне несколько раз пришлось встретиться с Бермондтом. Части его дивизии были расквартированы в самом городе, где также находились его штаб и собственная квартира. Политически не все обстояло благополучно. Наши бывшие союзники, теперь победители в мировой войне, весьма недружелюбно смотрели на оставшиеся еще здесь германские войска под командой фон дер Гольца. С другой стороны, сами латыши обещали этим немецким добровольцам за оказанную ими помощь при изгнании большевиков из пределов Латвии наделы земли в своей автономной республике. Под давлением англичан латвийское правительство взяло это свое обещание назад и таким своим поступком возбудило неудовольствие среди германских частей. В Митаве начались волнения. Русского коменданта города как будто не было, также начальника гарнизона. Помню, однажды вечером мне позвонил полковник Беккер и задал вопрос, кого бы я предложил на это место. Исходя из тех соображений, что Бермондт в данное время располагает достаточной вооруженной силой в самом городе, я предложил его. Был отдан соответствующий приказ, и уже на следующий день на столбах и заборах красовались распоряжения нового коменданта, которые

грозили строгими взысканиями за непослушание и бунт.

К нам в штаб Бермондт жаловал очень редко. Я его там встречал всего раза два, и то незадолго до нашего отъезда. Он был мужчина видный, но, к сожалению, своими несколько театральными, как бы заученными манерами делал из себя что-то похожее на марионеточную фигуру. Всегда в черной черкеске, сам брюнет, усы а-ля Вильгельм, затянутый, он мог производить эффект и на этом, конечно, много играл. О его карьере мне доподлинно ничего не известно, только, если память не изменяет, в 1917 году в одной из больших газет, думаю, это было «Новое время», был небольшой портрет поручика Бермондта. Отчего и почему он был там изображен, сказать теперь не могу. Каким образом он в 1919 году летом сделался полковником – и того меньше. Кажется, в июле Бермондт праздновал, и весьма шумно, свой день рождения. Были приглашены корпусный командир князь Ливен и я. Вместо князя поехал его заместитель полковник Беккер. Подъехав к штабу дивизии, на ступеньках крыльца мы были встречены начальником дивизии, причем последний порывался меня обнять, приветствуя как своего старого сослуживца по Нижегородскому драгунскому полку. Я должен был его разочаровать, так как всю войну проделал гвардейским стрелком. Он, возможно, спутал меня с одним из моих родственников, тоже Николаем Будбергом. Но самое интересное, даже сценически забавное, произошло на самом торжестве. Я сидел за одним столиком с георгиевским кавалером генералом Альтфатером[74]. Генерал граф фон дер Гольц, здесь же присутствовавший и сидевший по правую руку от Бермондта, поднял свой бокал и предложил выпить за здоровье «Его Светлости князя Авалова». Еще несколько лет спустя я видел в немецком журнале «Ди вохе» снимок графа фон дер Гольца вместе с Бермондтом верхом, причем тут последний был уже генералом.

Последний раз я видел Бермондта за несколько дней до нашего отъезда из Митавы. Он пришел к нам в штаб пообедать, а заодно завербовать одного-другого к себе. В это время уже был получен приказ генерала Юденича о переброске всего корпуса на Нарвский фронт. Было ли это целесообразно или нет – вопрос другой, но князь Айвен, как истый офицер, знающий дисциплину, приказал собираться. Бермондт и полковник Выргoлич, к которому я по этому делу заходил лично, отказались ехать, и корпус распался. Переброшена была только Ливенская дивизия, получившая в Северо-Западной армии наименование 5-й Ливенской дивизии.

До нашего отъезда князь собрал весь штаб, объявил еще раз

приказ генерала Юденича и в кратких словах разъяснил положение корпуса, причем напомнил его добровольческий статут в целом и касательно каждого офицера в отдельности, предоставив выбор ехать или оставаться. Произошел краткий обмен мнениями, причем я лично сказал, что наша прямая обязанность не только перед Великой Россией, которой мы, несмотря на все что было, продолжаем служить, но и перед нашим начальником, светлейшим князем, пролившим свою кровь за родину и за нас всех, не оставлять его и следовать за ним, куда будет приказано. А главное – мы солдаты и нам не рассуждать и выбирать, что лучше, а исполнять приказ. Большинство согласилось со мною без каких-либо возражений.

Следующие дни прошли в сборах, и вскоре дивизия князя, с ней и штаб, были морским путем из Риги переброшены в Нарву. Князь проехал туда же.

В Нарве штаб корпуса снова собрался. Помещен он был в доме Бека, недалеко от понтонного моста. Дом этот принадлежал родственникам нашего военного чиновника Максимилиана Бека, упомянутого выше. Просуществовав короткое время, штаб был, за ненадобностью, расформирован, и его офицеры получили новые назначения в других частях Северо-Западной армии. Я лично попал в штаб 2-й стрелковой дивизии генерала Ярославцева, где начальником штаба застал, как уже упомянуто было, полковника Прокоповича. В Митаве осталось очень немного из бывших офицеров штаба корпуса, главным образом по семейным причинам.

Г. Галактионов[75]
Первое движение из Риги на Венден[76]

1 июня наша средняя колонна в составе пехотной роты (отряда князя Айвена) и немецких (ландесвер) частей: пулеметной роты и одного орудия под общей командой ротмистра фон Иене двинулась в 6 часов утра из Иегеля по Псковскому шоссе. Мы шли на Боловск, попутно очищая полосу движения от большевиков.

К ночи 1 июня отряд прибыл в Зегевольд, а утром 2-го тронулся далее и того же дня остановился в Рамоцком. Небольшие и частые партии большевиков, рассеявшихся от беспорядочного отступления по лесам, добровольно выходили к нам навстречу, и мы их почти не задерживали, а только обыскивали. Как большинство Красной армии, это были люди насильно мобилизованные, местные и вовсе не сочувствовавшие большевизму, элемент неопасный.

3 июня рано утром отряд выступил из Рамоцкого, но, пройдя версты 4–5, колонна остановилась у корчмы «Мелтур».

Среди нас пошли какие-то смутные слухи, что эстонцы не хотят нас пускать дальше. Время подходило к полудню, а мы все еще стояли на месте и никуда не трогались.

Ротмистр фон Иене уехал обратно в Рамоцкое для переговоров по телефону с майором Флетчером.

Послышалась команда:

– Командиры русской роты, вперед!

Подходит поручик Скудрэ ко мне и передает, что меня просят вперед. Пройдя шагов 50, я увидел сидящего верхом на лошади пресловутого ротмистра Гольдфельда с неизменным моноклем в глазу и двух пеших офицеров, одного в латвийской форме, другого в эстонской.

Офицер в латвийской форме обратился ко мне с вопросом:

– Вы командир русской роты?

Я ответил утвердительно.

– Вы можете идти дальше, но немцев мы не пустим и, если они хоть шаг сделают вперед, – будем стрелять в них.

Ротмистр Гольдфельд, пока говорил офицер, в знак подтверждения качал головой после каждого сказанного мне слова, хотя я и знал, что он ничего не понимает по-русски.

Картина приняла совершенно другой политический оборот: начиналась внутренняя вражда и старые личные счеты; наша общая задача откладывалась в дальний ящик.

Мое положение становилось двойственным, вернее, дипломатическим, и особенно неприятным потому, что я был связан подчинением ротмистру Иене.

Я знал твердость убеждения немцев, что они если не добровольно, то силой, но будут пытаться двинуться вперед (что впоследствии и было), и боялся, чтобы они меня не втянули и не впутали в свою междоусобицу.

В душе я твердо и определенно решил, что роты не дам для кровавых расчетов, если дело до этого дойдет. План деятельности русского отряда, а в данном случае моей роты, был ясен: борьба с большевиками, а не между собой. Колонна вернулась обратно в Рамоцкое.

Здесь уже красовался эстонский бронепоезд, а по станции путались эстонские офицеры и солдаты. Все свои политические обвинения по отношению к нам, русским, они выражали довольно наивно и узко:

– Какие же вы русские, если у вас немецкое обмундирование?

Что можно было возразить на такое замечание? Как будто с переменой цвета сукна и костюма должно безусловно измениться и наше русское чувство и убеждение на немецкое, хотя у нас и были отличительные знаки: национальные ленточки на рукаве, погоны и кокарды.

Броневик вскоре исчез. Казалось, будто стихло. Отряд остался в Рамоцком.

Утром 4 июня я получил приказание к 12 часам дня быть в штабе у ротмистра Иене для обсуждения создавшегося положения, где будет и майор Флетчер.

В Рамоцком появились новые немецкие части. После совещания майор Флетчер беседовал со мной отдельно. Наш разговор произошел на перроне станции. Он спросил меня, выступлю ли я активно с немцами против эстонцев. Я ответил отрицательно. Тогда он мне задал другой вопрос: согласен ли я охранять железнодорожный путь и станцию от порчи. Я сказал:

– От большевиков – да.

На этом окончился наш разговор. Положение сильно обострилось – казалось, что немцы действительно решили испробовать свою силу.

Мне очень не хотелось быть замешанным в эту надвигавшуюся драку и невинно заслужить несправедливый упрек со стороны латышей и эстонцев как явному сообщнику и сторонникy немцев в междоусобице и тем самым бросить тень недоброжелательства на весь отряд князя Ливена.

Вечером, часов в 9, я собрал всех офицеров своей роты, обрисовал им картину создавшегося печального момента и

добавил, что обстоятельства заставляют меня немедленно ехать в Ригу в штаб отряда с докладом о положении вещей.

И вот в ночь с 4-го на 5 июня под сильным проливным дождем я помчался на перекладных, как в доброе старое время, и рано утром, в начале пятого, был в Стразденгофе. К двум часам дня 5 июня вернулась и рота, которую отправил обратно в Ригу ротмистр фон Иене. Это было первое наше поражение.

И. Коноплин[77]
Крестоносцы[78]

…Итак, Митава. Отчетливо помню: потянулись первые солнечные ниточки в окно, и вагоны сразу как-то ожили. На путях загремел паровоз, дохнул клубами дыма и быстро исчез за станцией.

– Господа, вставайте, – пробурчал полковник Кочан, проходя по вагонам, – к нам пришли…

– Кто пришел? Где? Зачем? – посыпались вопросы.

Через минуту в коридоре прозвякали шпоры, и плотный артиллерийский офицер, в примятой фуражке, козыряя и улыбаясь, появился в нашем отделении.

– Здравия желаю, господа! – отрывисто кидал он во все стороны. – Позвольте представиться: поручик Далматский из отряда полковника Бермондта.

– Какого Бермондта? Это еще что такое? – спрашивали из угла.

Поручик чрезвычайно сдержанно и просто объяснил следующее:

– В Митаве существует два отряда – светлейшего князя Ливена и полковника Бермондта.

– О князе Ливене мы знаем, а кто такой Бермондт? – спросили у поручика.

– Бермондт прибыл сюда из Зальведеля (из Германии), куда он попал после взырва в Киевском музее, слышали про это?

Начались бесконечные разговоры и объяснения. В результате обрисовалась такая картина: светлейший князь Ливен, по договору, подписанному в Берлине между министром государственной обороны Носкэ, сенатором Бельгардом, полковником Бермондом и самим князем, является фактическим руководителем обеих военных организаций, но он тяжело ранен в недавних боях у Митавы, болен и непосредственно руководить организационной работой бермондтского отряда не в силах. Отряд же, с которым он боролся против большевиков в лесах и болотах Прибалтики, вполне сорганизован и под руководством начальника штаба светлейшего князя Ливена совершенствуется, отдыхает от пережитого и разрабатывает схему хозяйственного и стратегического развертывания.

Получив обмундирование и устроившись в казарме, мы пошли побродить по Митаве. Заглянули в парк на реках Ла и Дриксе, исследовали разрушенный и пустынный замок Бирона,

посидели у пруда.

Мимо несколько раз проходили какие-то солдаты и офицеры в фуражках с синими околышками – чистенькие, серьезные и точные.

– Кто это? – спросили мы у какого-то акцизного чиновника, выходившего из замка.

– Это из отряда светлейшего князя Ливена.

Возвращаясь в казарму, проходили бесшумной, маленькой улицей с каменной белой оградою. За ней, вдалеке, весь залитый солнцем, стоял уютный домик. Кто-то узнал, что в нем проживает раненый князь Ливен. Мы долго разглядывали двор через щели калитки и веранду в солнечном блеске, но князя не видно было. От проходившего мимо офицера с синим околышком мы узнали, что светлейший князь Ливен понемногу поправляется от ран и, вероятно, снова приступит к непосредственной военной работе.

…Шли и думали – вот герой, проливший кровь за Россию; в тихом домике он молча поправляется от ран, с тем чтобы снова приносить жертву несчастной родине. Красота его героизма заключается в его бесшумности, а светлейший князь с первой минуты нашего соприкосновения со слухами и разговорами о нем производил именно впечатление бесшумного героя. Значит, историю двигают не слова, а скорее бессловесные действия. Спокойствие теперешней Латвии беспристрастный историк расценит и как результат тогдашних героических выступлений князя Ливена в условиях непомерно тяжелых и опасно изменчивых.

На другой день наша рота получила из штаба предписание явиться к 9 часам утра к собору для парада.

– Кто принимает его?

– Светлейший князь Ливен, его упросили принять парад.

Торжественно и бодро играла музыка. Как-то по-иному начал представляться мир, наше будущее, вся Россия…

– Полк, равняйся! – стальным возгласом выкрикнул полковник П-цкий, старый кавалерист в мягкой, изящной бороде, обвешанный орденами.

На фланге показался князь Ливен.

Я внезапно был поражен картиной, которую увидел.

Князь опирался на палку. Он был прям, как стрела, вся фигура его дышала изяществом и сдержанностью. Главное – белый цвет формы кавалергарда, в которой светлейший князь принимал парад. Освещенный солнцем, весь белый, он как бы олицетворял собою белую идею, ее упорное и строгое устремление к цели. Уже ближе я разглядел глаза князя: в них стояла большая задумчивость и серьезность.

…С парада мы вернулись сосредоточенные; в душах зрело твердое решение – крестоносный путь, как бы он ни был труден, пройти до конца…

4 июля. Отряд светлейшего князя Ливена определенно готовится к отъезду в Нарву. Ливенцы, как пчелы, снуют по городу в приготовлениях, меряя нас презрительными взглядами: мы, мол, уезжаем на дело, а вы что? Остаетесь в болоте…

Они, конечно, правы. Наша организация затянется надолго – не видно ей конца-краю. Планы приняты широкие – осуществляющих сил мало.

Полковник Вырголич, собрав небольшую группу солдат и офицеров, кажется, отделяется от нас. Впрочем, он с самого начала держит себя самостоятельно. Бермондт поглядывает на него косо:

– Без меня ничего у него не выйдет.

Эта самоуверенность – главная черта его, по-моему, он выедет на этом.

Н. Бережанский
П. Бермондт в Прибалтике в 1919 году (из записок бывшего редактора)[79]

Бермондтовская эпопея в Прибалтике несомненно представит колоссальнейший интерес для будущего историка. Потому что в этом интересном политическом явлении, которое одни называют хлестаковской авантюрой, другие – неудачным патриотическим делом, третьи – предательством интересов антибольшевистской России, причудливым узором переплелись сотни различных проектов, планов, интересов, надежд и комбинаций, шедших из различных дипломатических кабинетов, политических канцелярий, военных штабов и безответственных политических салонов.

Так как, по обстоятельствам момента, все активные деятели этой еще не совсем ясной истории хранят свои тайны, недоступные для обозрения современника, то естественно, что на долю последнего выпадает только последовательное, чисто репортерское изложение бермондтовской истории и объективная передача внешних фактов и наблюдений, сопровождавших эту неудачную главу из ненаписанной еще истории освобождения России от большевизма.

Для того чтобы у читателя этой исторической хроники отчетливо составилось представление о том, почему на сцену, как будто бы ни с того ни с сего, как deus ex machina, всплыл никому не известный полковник Павел Рафаилович Бермондт, он же князь Авалов или просто Авалов, и почему маленькая Митава сделалась пунктом, приковывавшим в течение полугода подозрительное внимание и тревожные взгляды Англии и Франции в их медовые месяцы упоения победой над Австро-Германией, необходимо сделать краткое отступление, ведущее к корням этой истории и значительно облегчающее ее объяснение.

Корни и истоки

Начало «бермондтовщины», если так позволено будет выразиться, было положено сразу же по освобождении Риги от большевиков 22 мая 1919 года, и создателями ее, кроме г-на Бермондта, «западного русского правительства» и балтийского баронства, следует считать в равной доле и военно-дипломатическую миссию Антанты в Прибалтике, и бывшего латвийского премьер-министра Ульманиса.

Я скажу больше: и Бермондт, с его Западной добровольческой армией, и граф Пален[80], с его западным правительством, мне кажется, явились лишь пеной в горшке с кашей, которая заварена была гораздо раньше их появления на митаво-рижской сцене.

На основании пункта 12 условий перемирия между Антантой и Германией от 11 ноября 1918 года германские войска должны были в кратчайший срок эвакуировать Прибалтику. Но прямолинейное проведение этого требования на практике привело бы к тому, что латышско-русская Красная армия без сопротивления и потерь, чисто автоматически, заняла бы эвакуируемые немцами места, как это произошло уже с эвакуированной Псковской областью.

Поэтому латышский Народный совет, провозгласивший (18 ноября 1918 года) независимость Латвии, абсолютно не имеющий никаких военных и материальных средств для отражения катившихся с востока красных лавин, поручил временному латышскому правительству войти в соглашение с Советом солдатских депутатов при 8-й германской армии и правительственным комиссаром при ней социал-демократом Виннигом о продолжении оккупации Латвии до тех пор, пока не будет создана национальная латышская армия, а также и договориться об активной обороне Риги от большевиков силою германских солдат. Был ли фактически подписан на этот предмет какой-нибудь договор между Виннигом и латвийским премьером Ульманисом или нет, в точности неизвестно. Этот вопрос до сего времени, несмотря на неоднократные разъяснения латышского правительства, представляется довольно темным. Но факт тот, что, базируясь на этом договоре о защите от большевиков и о наделении землей германцев за участие в обороне Риги, бермондтиада получила крупные козыри в виде тех мотивов, которые вызвали осеннее наступление на Ригу, и в виде озлобления германских солдат, выступавших за свое право, попранное, как им казалось, латышским правительством.

По одной версии, на правдивости которой настаивал комиссар Винниг, Ульманис 20 ноября 1918 года подписал договор о наделении землей в Латвии тех германских солдат, которые будут бороться за освобождение Латвии от большевиков. По другой версии, поддерживаемой латышской стороной, был подписан не договор, а только проект договора и что дело не пошло дальше принципиальных разговоров, так как большевики заняли Ригу 3 января 1919 года.

Позволительно, однако, думать, что правда на стороне комиссара Виннига. Если бы у германских солдат не было материальной заинтересованности, вряд ли бы они обороняли

Либаву в течение 3 месяцев (с января по апрель 1919 года), чтобы затем освободить Ригу, а из Риги направиться еще дальше, для очищения от большевиков Северной Лифляндии и Латгалии. В пользу этого говорило также сенсационное заявление члена немецкой балтийской прогрессивной партии и депутата Народного Совета, присяжного поверенного барона Розенберга, сделанное им в речи об амнистии балтам, участникам бермондтовского похода. Барон Розенберг публично заявил, что он лично присутствовал при подписании договора между Ульманисом и Виннигом и что, действительно, германские солдаты, освободившие от большевиков Курляндию и Ригу, были обмануты латышским правительством, после того как они честно исполнили свой долг по договору.

В последний раз вопрос о наделении землей германских солдат был поднят 18 августа 1919 года в интересной полемике, возникшей между представителями крупного баронского землевладения в Латвии и министром иностранных дел Латвии.

В одном из очередных интервью латышским газетам министр коснулся вопроса о земле для германских солдат и разъяснил его в духе обычного для латышей толкования этого вопроса. В ответ на это интервью последовало следующее официальное письмо баронов Радена и Герсдорфа:

«Господину Министру иностранных дел Латвии С. А. Мейеровицу

Представители крупного землевладения прочли в газетах Ваше заявление от 2 августа, в котором Вы называете данное крупными землевладельцами обещание о наделении землей добровольцев-борцов против большевиков «предательским грабежом со стороны отдельных частных лиц», так как Латвийское правительство никогда не уполномочивало крупных землевладельцев на такое обещание. Балтийские крупные землевладельцы дали свое обещание о наделении германских солдат землею, находясь в полной уверенности, что договор, заключенный между представителями Временного Правительства и германским комиссаром Виннигом 19 декабря 1919 г. и подписанный обеими сторонами, остается в силе. Согласно этому договору, германским солдатам предоставлялись в Латвии гражданские права. Если правовая сила договора впоследствии оспаривалась Временным Правительством, то обвинение в предательском грабеже германских солдат ни в коем случае не может относиться к крупным землевладельцам. Ввиду этого представители крупных землевладельцев вынуждены самым энергичным образом протестовать против этого неслыханного

обвинения.

Рига, 18 августа 1919 г.

Представитель Курляндских крупных землевладельцев барон *Раден.*

Представитель Лифляндских крупных землевладельцев *Кандрат Герсдорф».*

Министр иностранных дел Латвии ответил на это письмо следующим сообщением:

«Милостивые Государи!

В ответ на Ваше заявление от 18 августа с. г. сообщаю следующее: Вы хотите меня убедить в том, что крупные землевладельцы хотели наделить землей борцов против большевиков, но, очевидно, Вам неизвестен тот факт, что уже в декабре месяце 1916 года собрание Курляндских помещиков постановило продать треть своей земли германским колонистам отнюдь не для того, чтобы вознаградить их за борьбу с большевиками, а для того, чтобы онемечить Курляндию, и притом при условии, что Латвия будет присоединена к Германии (см. письмо Вадакского барона Бистрама от 5 мая 1919 г. и приказ Гинденбурга от 17 июня 1918 г. о колонизации прибалтийских провинций). По уверениям самих представителей крупных землевладельцев, колонизация Курляндии лицами германского происхождения должна была служить национальным и военным намерениям. Теперь эти люди имеют достаточно бесстыдства (audace), чтобы уверять, что они обещали германским солдатам землю на основании договора от 19 декабря 1918 г., который притом вовсе не был заключен. Если в этом деле имеется что-либо неслыханное, так это умение выставлять в выгодном свете тех лиц, от имени которых Вы ко мне обращаетесь. Если крупные землевладельцы действительно искренно намерены облегчить борьбу с большевиками, то им нужно думать о тех, которые теперь проливают свою кровь на границах нашей земли, а не о тех, которые в 1918 г., вопреки международным договорам, предательским образом предоставили Латвию ужасам большевиков, опустошающих всю Курляндию огнем и мечом и в свое время поддерживали заговор 16 апреля против нашего государства.

Ваши старания и «разъяснения» ни в коем случае не смогут меня убедить в противном.

Министр иностранных дел С. *Мейеровиц».*

В этом своем полемическом письме г-н Мейеровиц допустил

большую историческую неточность, объясняемую, вероятно, неприятностями, пережитыми его товарищами по кабинету, свергнутому в Либаве 16 апреля 1919 года баронскими и правыми латышскими группами с помощью германских войск.

Фактически германские войска оставили Ригу 2 января 1919 года «не вопреки международным договорам», а под давлением английской эскадры в Риге, выполнявшей приказания Антанты о скорейшем освобождении Прибалтики от германских войск.

Но вопрос об обмане германских солдат латышским правительством был только одним из слагаемых в общей сумме бермондтиады.

Немалую роль здесь сыграло и немецкое баронство Курляндии и Лифляндии. Освобождение Риги от большевиков, после свержения правительства Ульманиса, в Либаве шло под знаком возвращения владельцам имений, конфискованных большевиками. Но так как перспектива крупного баронского землевладения в Латвии, а стало быть, и политической власти баронов не улыбалась латышам и латышскому правительству, то свергнутое правительство Ульманиса, опираясь на интриги и подстрекательство союзнической миссии в Прибалтике, сумело столковаться с Эстонией с целью военной интервенции в Латвию против германских войск и баронов. Поэтому когда в первых числах июня 1919 года германские войска и Балтийский ландесвер вступили в Северную Лифляндию и Аатгалию для изгнания большевиков, эстонско-латышские войска заградили дорогу германцам. После кровопролитных боев под Венденом между Балтийским ландесвером (добровольческие полки прибалтийской немецкой молодежи) и германской Железной дивизией, с одной стороны, и эстонцами и латышами – с другой, немецкое командование во избежание излишнего кровопролития и под давлением угроз флота союзников оттянуло свои войска к Риге. Но в Риге немцы не могли задержаться, так как эстонско-латышские войска потребовали удаления немцев из Риги и подкрепили свое требование неистовой бомбардировкой Риги из тяжелой артиллерии, вызвавшей в Риге пожары и невинные жертвы среди мирного населения. Эстонско-латышские войска, на штыках которых возвращалось низвергнутое в Либаве правительство Ульманиса, согласились на прекращение разрушения Риги лишь под условием немедленного ухода немцев и ландесвера из Риги в Митаву.

Таким образом, освободители и спасители Латвии от тяжелого красного кошмара, вместо благодарности, остались не только без обещанной земли, но и подверглись вооруженному изгнанию, и вот на этой-то обозленности солдат впоследствии и

сыграло курляндское баронство, не расставшееся с мыслью вернуть силою свои земли, послужившие скоро, как этого можно было ожидать, объектом раздела между латышскими крестьянами.

Задачей баронов после июньской неудачи теперь стала не только борьба с правительством Ульманиса, но и ликвидация независимой латышской (а не немецкой) Латвии.

Так как эти планы прибалтийских баронов совершенно совпадали с планами русских правых групп, не мирившихся с фактом существования независимых прибалтийских государств, Латвии, Литвы и Эстонии, то к спору баронов с латышами присоединились и политические интересы русских правых партий, и частное, эгоистическое дело баронов стало до некоторой степени русским делом. На основании всего этого произошел приток русских военнопленных из Германии, появление Бермондта и организация западной русской армии, официально для борьбы с большевизмом, а неофициально для целей, преследуемых балтийскими баронами и русскими правыми партиями в Берлине.

Роль Антанты

Но из общей суммы причин бермондтовской истории нельзя исключить еще одного, очень важного фактора. Это недалекая и мстительная политика антантовских представителей в Прибалтике, полная слепой и нерассуждающей ненависти не только к германцам, но и к балтийским немцам. Если бы не это обстоятельство, если бы не военный азарт Антанты, спор латышей со своими «внутренними» немцами, наверное, не носил бы ожесточенного характера и не понадобилось бы ни кровавых боев под Венденом, ни безумной троекратной бомбардировки многострадальной Риги, не было бы, наверное, и самой бермондтиады.

Уже в Либаве, когда было свергнуто антантофильское правительство Ульманиса и его место заступило германофильское правительство пастора Недры, представители Антанты в Прибалтике, с места в карьер, вмешались во внутреннюю борьбу латышских партий и не только повели грубую политику бойкота правительства Недры, но и вступили в активную борьбу с последним. Насколько третировали английские представители правительство Недры, даже и тогда, когда оно опубликовало на имя Верховного совета декларацию с выражением верноподданнических чувств Антанте, видно из следующего характерного письма:

«В редакцию «Libauische Zeitung»

Здесь.

Вследствие повторяющихся утверждений прессы, что Антанта находится в лучших отношениях с правительством кабинета Недры, считаю себя вынужденным сообщить Вам, что правительство Его Величества не находится ни в каких отношениях с правительством Недры, а также не поддерживает его политики.

Прошу Вас это выяснение истины опубликовать в Вашей газете.

С почтением,

Грант Ватсон.

Представитель Британии. *Л*

ибава, 20 июня 1919 г.».

Для того чтобы яснее себе представить, какую роль во внутренних латышских делах играл пресловутый английский генерал Гоф, составивший себе широкую известность приказом об обстреле Риги зажигательными снарядами эстонской артиллерии, достаточно прочитать приказ, изданный им после ухода недровских войск из Либавы:

«Согласно приказа победоносных союзных государств германские войска оставили Либаву.

В качестве главы учрежденной союзниками военной миссии я временно назначаю начальником гарнизона города Либавы полковника Канопа и вместе с тем приказываю ему немедленно перевести из Ревеля в Либаву значительный отряд войск полковника Земитана для поддержания порядка.

Опираясь на поддержку союзных государств, прежнее правительство возобновляет свою деятельность; реконструированный кабинет будет представлять все население Латвии.

В интересах безопасности и дальнейшего благополучия я призываю всех граждан Либавы сохранять спокойствие и порядок».

В итоге всей этой слепой политики Антанты выигрывали только большевики. В начале 1919 года благодаря принудительной эвакуации Прибалтики Латвия была отдана большевикам, освобождение половины Латвии было прервано на целых И месяцев, и с востока ей опять грозил недобитый красный призрак. И лишь по мере того, как проходил первый военный угар

и призрак грозящего Европе коммунизма с востока встал как реальная опасность, английская политика в Прибалтике, вольно или невольно игравшая на руку русским и латышским большевикам, была пересмотрена, и Верховный совет не только отменил пункт об эвакуации Прибалтики, но, наоборот, потребовал от Германии содержать в Курляндии достаточное количество войск до тех пор, пока этого требуют европейские интересы борьбы с большевизмом. В этих видах германским командованием из остатков оккупационной армии был составлен 6-й резервный корпус, расквартированный в Литве и Курляндии. Таким образом, ввиду слабости и ненадежности латышской и эстонской армии, германским кулаком из Митавы всегда можно было бы грозить коммунизму, не расстававшемуся с мыслью о военном походе на Западную Европу.

Вследствие этой перемены взглядов на прибалтийский вопрос и в соответствии с идеей Клемансо о создании «железного барьера» из прибалтийских государств, германские войска не только приобрели легальную базу в Митаве, но даже в самой Германии, с разрешения Антанты, стала производиться вербовка русских добровольцев из числа военнопленных. Им гарантировалось приличное содержание (от 11 до 20 марок в день), продовольствие, пенсия, обеспечение на случай инвалидности и пр. Вербовка была поставлена очень широко. Приглашались не только офицеры и солдаты всех родов оружия, но и врачи, военные чиновники, инженеры, техники, телефонисты, шоферы и т. д. Путем такой вербовки в Митаве организовался 1-й, имени графа Келлера корпус, под командой полковника Бермондта, а в Литве отряд полковника Вырголича.

Трудно сказать, какую цель в этом формировании русских добровольческих частей преследовала официальная Германия. Возможно, что, кроме естественного опасения русского большевизма, который уже однажды стоял почти на самой границе Пруссии, играли роль и другие мотивы. Очень вероятно, что, кроме помощи родственным балтам, разоренным первый раз большевиками, а второй раз латышской буржуазией, было еще желание сделать русскую антибольшевистскую армию тем фундаментом, который впоследствии мог бы послужить базой для осуществления русско-германского политического и экономического союза. Но факт тот, что русская антибольшевистская армия в Митаве была обеспечена в должной мере как финансами, так и вооружением, амуницией, снаряжением, продовольствием и военными припасами.

К сожалению, благоприятная антибольшевистская политика Верховного совета продолжалась недолго. Никто другой, как сам

Ллойд Джордж в «Daily Chronicle» в августе 1919 года в интервью с сотрудником этой газеты следующим образом охарактеризовал прибалтийскую проблему:

«В настоящий момент Антанта должна занять определенную позицию в прибалтийском вопросе; так как Колчак не признал независимости прибалтийских государств, то спрашивается, почему же прибалтийцам сражаться против тех, кто признает их независимость, и поддерживать тех, кто ее отрицает. И может ли вообще Антанта требовать от прибалтийских государств продолжения военных действий против большевиков? Ни одно из этих государств не симпатизирует большевикам, но к чему сведется эта борьба с большевизмом, если прибалтийским государствам грозит опасность как со стороны немцев, так и со стороны русских…»

Со своей стороны «Times» в статье «Кризис в России» писал:

«Странно то, что в тот именно момент, когда мы эвакуируем свои силы, германцы, предполагая, что настал конец большевистского господства, намереваются в самый последний момент играть руководящую роль в этом антибольшевистском походе. Германские войска в германских мундирах, под начальством грузинского авантюриста Бермондта, хотят перейти Двину, чтобы этим странным путем идти на Петроград. Теперь нужно определенно поставить вопрос: кому же принадлежит решение русского вопроса – Германии или Антанте? Германцы гонятся за колоссальными торговыми источниками России, а также за тем, чтобы, оказав помощь русским в настоящее время, привлечь их на свою сторону и впоследствии совместно угрожать нам.

Эти обстоятельства грозят нам в будущем гораздо большими опасностями, нежели те, что недавно пережила Бельгия. Если мы победили на Западе для того, чтобы потерять на Востоке, то нам недолго придется ждать, что война возгорится вновь. Мы должны считаться с прибалтийскими событиями, так как они серьезно угрожают победе Антанты.

В первую очередь мы должны требовать от Германии принятия строгих мер против тех, кто распоряжается в Прибалтике, в качестве ее завоевателей и агентов русской реакции. Мы должны признать полную самостоятельность тех новых государств, которые способны существовать независимо. Мы должны бросить нашу неопределенность и стать в защиту наших новых друзей в Прибалтике. Мы не имеем права смотреть сложа руки на работу друзей русско-германской реакции…»

Наконец, считаю не лишним в заключение привести еще

чисто анекдотическую телеграмму «Daily Express» из Гельсингфорса, сообщавшую: «Секретарь германского посольства в Гельсингфорсе, граф Радовиц, выступил с разоблачениями русско-германских замыслов в Прибалтике. Бывший русский царь Николай, незадолго до революции в России, значительную часть своих личных капиталов перевел в Германию. На эти деньги приобретено все необходимое для войск Бермондта. Демократическое правительство Германии является тайным исполнителем балтийской авантюры быв. русского царя».

Одновременно с этим глава союзнической миссии в Прибалтике генерал Гоф представил в Верховный совет большой доклад, в котором доказывал, что русские и германцы объединились для вмешательства во внутренние дела России и что этого вмешательства союзные державы ни в коем случае не должны допустить.

Все это, разумеется, было только на руку большевикам, внимательно следившим за развитием Курляндской эпопеи.

Политический обозреватель «Пролетарского Эха», анализируя бермондтовское движение, между прочим писал:

«Союз германских и русских монархистов из реального факта превратился в реальную силу, с которой советской власти приходится считаться с особенной серьезностью. Мысли о реставрации не оставляют ни русских, ни немецких роялистов, и, опираясь на военные партии, они с каждым днем подымают голову все выше и выше. Фактически слияние это произошло раньше, но теперь никто не может сказать, где и чем разграничивается фактически командная власть русских и германских реакционных генералов. Как ни опровергают и русские и немецкие белогвардейцы – но Юденич идентичен с фон дер Гольцем, и они представляют собою одно нераздельное целое: восстановление деспотизма в Восточной и Центральной Европе – вот прямая цель и задача грядущего момента.

Нет сомнения, что эти жалкие попытки разобьются о могучую волю революционного пролетариата, но для хищников «союзных» стран уже теперь ясно, что вся их игра проиграна ими, что версальский договор и проекты лиги народов обречены на такую же судьбу, как и пресловутый Брестский договор.

Велика сейчас опасность для социалистической советской республики. Мы, безусловно, стоим перед грозными событиями, еще раз обильно напоится земля кровью пролетариата – но ясно, что мы имеем дело с политическим и моральным банкротом, с издыхающим капитализмом, чьему господству в Европе приходит конец. В Балтийском крае между хищниками идет грызня, они делят добычу, которой не умеют воспользоваться, которую не

сумеют удержать даже при случайной и временной победе. Союз германских и русских реставраторов – это последний крик умирающего деспотизма, крик бессилия…»

Но тем не менее…

Нарком иностранных дел Чичерин радиотелеграммой обратился к германским партиям коммунистов и независимых с обвинениями германского правительства в том, что оно ведет двойную игру по отношению к Советской России. Германское правительство, говорил Чичерин, не только не старалось препятствовать в Германии вербовке контрреволюционных войск, а наоборот, Носке и Черчилль, эти два столпа международной жандармерии, заключили тайное соглашение против пролетариата всего мира. Чичерин предупреждал германских коммунистов и независимых, что находящиеся в Прибалтике германско-русские войска имеют целью не только низложить советскую власть в России, но и восстановить монархию в Германии. В заключение Чичерин призывал германских рабочих противодействовать всем контрреволюционным замыслам Носке.

Попытки Антанты разрушить русско-германское сближение

В это же время «глаза и руки» Антанты в Прибалтике, ее военно-дипломатическая миссия, вероятно на собственный страх и риск, предприняла ряд мер, чтобы ослабить завязавшуюся русско-германскую дружбу в Митаве.

Балтийский ландесвер был переведен из Митавы на Латгальский фронт и поставлен под командование английского полковника Александра. Русский отряд светлейшего князя Ливена получил предписание отправиться к Юденичу на Нарвский фронт. Вслед за отрядом князя Ливена туда же должен был отправиться и русский корпус графа Келлера. Но так как отправка ливенцев морским путем из Риги в Ревель была обставлена англичанами в высшей степени примитивно и посадка солдат была произведена с такой поспешностью, что им не дали даже возможности взять с собой продовольствие и отряду пришлось трое суток буквально голодать в пути, то части корпуса Келлера наотрез отказались разделить участь ливенцев, встреченных к тому же крайне недоброжелательно английской военной миссией в Ревеле.

Чтобы успокоить союзников и латышское правительство и обосновать мотивы нежелания уходить из Митавы, полковник Бермондт выпустил «Воззвание к народу Латвии», составленное так неискусно и по-детски наивно, что с этого момента латышское правительство, относившееся к пребыванию русской

армии в Митаве довольно лояльно, стало подозрительно относиться к войскам Бермондта.

Вот это воззвание:

«Русские войска, собирающиеся в Латвии, находятся по дороге на родину. Они хотят освободить свою родину от большевиков, совершенно так, как это сделали латыши на своей родине.

Русские солдаты возвращаются из германского плена. Усталые, много перестрадав, они хотели бы в Латвии отдохнуть, одеться и вооружиться, а затем тронуться опять в путь, чтобы спасти свое Отечество.

Они бы могли и в Германии собираться. Но русский – человек чувства, сердце тянет его ближе к дому. Латыши могут его понять. Вместе со своими товарищами они участвовали во многих кровавых боях, вместе ели из одного походного котла, часто укрывались одной шинелью. В боях латыши с русскими побратались.

Кроме того, русский солдат желает по пути кое-чему научиться. Ему хочется увидеть и понять, каким образом латыши справились с большевиками. Он понимает, в чем заключается сила латышей. Сила латышей кроется в их крестьянстве, в их мелком землевладении. Такое же крепкое крестьянство русские желают создать и у себя. Пусть им послужит примером и образцом крепкое латышское крестьянство.

Но русский солдат не желает обременять своего брата латыша. Русское войско, пока оно находится в стране, и даже во время ухода, желает оказывать Латвии помощь. А случаев для этого представляется достаточно.

Русское войско поможет создать в Латвии порядок и спокойствие. Пока оно остается здесь, оно не допустит никаких грабежей, беспорядков и насилия. Русский окажет всякому защиту, а в особенности латышскому крестьянству. Под защитой русского войска латышское крестьянство в состоянии будет привести себя в порядок, возобновить свою общественную жизнь и восстановить самоуправление. Во-вторых, русское войско защитит страну от большевиков. Пока оно находится здесь, большевики не решатся повести наступление на страну. А когда русские войска пойдут дальше на Москву, они будут гнать перед собой большевиков подальше от границ Латвии. За широкой, сильной спиной русского войска латышский крестьянин сможет опять заняться обработкой своей земли. Мужчинам и юношам Латвии не надо будет покидать свой двор и оставлять свою работу, чтобы идти дальше в Россию против большевиков. Они

могут спокойно дома работать. Борьбу будет продолжать русский солдат. Мы желаем прийти с латышами к соглашению, и оно должно состояться. Латыши нам нужны, они будут покрывать наш тыл, когда мы двинемся вперед против большевиков.

Но, с другой стороны, и мы нужны латышам, мы не пустим большевиков в Латвию, погоним их дальше в глубь России, подальше от границ Латвии. Россия и Латвия – это руки, которые моют друг друга, между ними не может быть вражды, как не может ее быть между правой и левой рукой.

Боже, благослови Латвию!

Командир Западного добровольческого имени графа Келлера корпуса

полковник *Бермондт.*

Митава 26 июля 1919 г.».

Нежелание полковника Бермондта отделиться от немцев теперь поставило перед союзной миссией в Прибалтике другую задачу: если русские не желают отделиться от германцев, необходимо германцев отделить от русских.

В связи с этим новым направлением политики Антанты, в котором германская опасность превалировала уже над опасностью большевистской, между Верховным советом и германским правительством начинается длительная дипломатическая переписка с требованием немедленной эвакуации Прибалтики. Но германское командование, учитывая, что большевизм прежде всего грозит Германии, сумело обойти сердитые требования маршала Фоша. Часть германских войск действительно была отправлена в Германию, но затем эвакуация была приостановлена. Бюро прессы при штабе 6-го германского резервного корпуса объясняло это следующими обстоятельствами:

«20 и 21 августа на железнодорожных участках Митава – Муравьево и Митава – Шавли местные большевистские элементы взорвали три железнодорожных моста. Движение должно было временно приостановиться. Эти преступные взрывы, расстраивающие отход германских войск, отсрочивают очищение Курляндии. Германское командование поэтому вынуждено усилить охрану железнодорожного пути, чтобы предупредить новое покушение. Эти мероприятия также повлияют на срок очищения германскими войсками Курляндии».

Само собой разумеется, что это объяснение совершенно не удовлетворило антантовскую комиссию в Риге и по ее настоянию в Митаву из Парижа прибыла специальная контрольная комиссия для наблюдения за уходом германцев в следующем составе: от

англичан – генерал Тернер, от Америки – генерал Шейнен, от Японии – полковник Такеда. Начальник контрольной комиссии, французский генерал Манжен, ввиду отказа Верховного совета предоставить в его распоряжение специальные войска для принудительной эвакуации Курляндии от немцев, сложил свои полномочия, и на его место был назначен генерал Ниессель.

Контрольная комиссия обнаружила интересные явления. Германские войска действительно уезжали к границам Германии, но на смену им приезжали те же войска, но в качестве добровольцев, поступавших в Русский корпус графа Келлера. Согласно докладу генерала Ниесселя Верховному совету, эвакуированным и демобилизованным солдатам вместе с отпускным билетом выдавались одновременно заграничные паспорта сроком на полтора года. Так как Латвия считалась заграницей, то демобилизованные солдаты имели право распоряжаться своей судьбой по личному усмотрению, в частности поступать на службу в русскую армию.

После этого доклада Ниесселя тон нот Верховного совета германскому правительству стал повышаться и в нотах уже зазвучали угрозы блокадой и усилением репрессий на Рейне.

Так как угрозы эти были не шуточные, германское правительство издало приказ, в котором отмечалась настоятельная необходимость очищения Прибалтики, вследствие категорического требования Антанты, и говорилось, что: «1. войска 6-го резервного германского корпуса должны быть немедленно уведены на Шавли; 2. все имущество, которое не удастся увезти и которое может попасть в руки большевиков, должно быть уничтожено; 3. генерал фон дер Гольц должен передать все дела генерал-лейтенанту фон Эбергардту; 4. всем офицерам и солдатам, не подчиняющимся приказу об эвакуации, прекращается выдача жалованья; 5. запрещается переход на русскую службу; 6. всем уже перешедшим солдатам и офицерам предлагается вернуться в свои части».

Кроме того, Носке (министр государственной обороны) обратился к германским войскам в Курляндии с особым воззванием, в котором указывал на тяжелые последствия для всего германского народа, связанные с дальнейшим пребыванием их в Прибалтике.

Но настроение войск складывалось не в пользу эвакуации. Дисциплина в войсках была значительно подорвана революцией, кроме того, страшила и безработица на родине.

О положении дел в Прибалтике в момент наибольшего понукания к эвакуации лучше всего свидетельствует интервью военного министра Носке, данное им сотруднику газеты

«Deutsche Allgem. Ztg», которое привожу в извлечениях:

«Положение в Латвии не может разъясниться при помощи одних только приказов; войска возбуждены, и не без основания, так как они видят, что латвийское правительство грабит у них то, что им торжественно было обещано. Возможно, что правительство Латвии опирается в данном вопросе на желание союзников, но это отнюдь не меняет самого факта. Германские солдаты собирались обрабатывать лопатой и плугом землю. Взамен обещанной земли их ожидает теперь увольнение, возвращение на родину, где включение в великую армию безработных. Они более тесно, нежели солдаты старой армии, связаны со своими вождями, чьим именем они были завербованы; так, например, Железная дивизия, которая вместе со своим вождем твердо решила не оставлять Курляндии. Поэтому имеется много частей, которые не согласны повиноваться приказу об эвакуации. Но такие приказы создают не только большие затруднения, но и вызывают трения между отдельными воинскими частями и, таким образом, кроме других последствий, может возникнуть и кровопролитная, братоубийственная война».

Носке ожидает какого-либо успеха единственно только от личного влияния графа фон дер Гольца на солдат. В сердечных словах Носке высказывает свое абсолютное доверие к заслуженному генералу. Положение в Прибалтийском крае, как свидетельствует падение Пскова, весьма ненадежное. Против большевиков в Курляндии стоят всего только 6000 русских. В их распоряжении находится весьма небольшое количество оружия и военных припасов. Так как они не желают входить ни в какие сношения с генералом Юденичем, то отношение союзников к ним весьма сдержанное. Предоставить им германские военные материалы не является возможным ввиду нынешнего политического положения. Весьма сомнительно, чтобы эти силы долго еще смогли противостоять наступлениям большевиков; еще более следует сомневаться в сопротивлении, которое смогут оказать чисто латвийские силы. Таким образом Латвии еще раз предстоят новые ужасы.

«Когда мы очистили Латвию, то нам немедленно нужно было создать новую оборонительную систему для защиты Восточной Пруссии. Но латыши, а также англичане, которые до сих пор считают, что всего можно будет достичь, как только уйдут германцы, в скором времени получат хороший урок, который убедит их в противоположном».

Солдатский бунт в Митаве

Носке, увы, оказался хорошим пророком. Не успел уехать из Митавы генерал фон дер Гольц, как в Митаве вспыхнули крупные беспорядки среди германских солдат.

В ночь с 23-го на 24 августа взбунтовавшиеся солдаты разоружили весь латышский гарнизон, сорвали с латышских казенных зданий латышские национальные флаги, арестовали латышских чиновников и латышского коменданта и разгромили здание латышской комендатуры. Была сделана также попытка разгромить местный банк, но разгром предотвратили германские офицеры. Взбунтовавшиеся солдаты потребовали от своего командования вести их на Ригу, чтобы требовать у латышского правительства обещанную землю.

Получив сообщение о беспорядках, Носке потребовал от прибывшего в Берлин генерала фон дер Гольца немедленно вернуться обратно в Митаву и водворить порядок.

Прибывший через два дня генерал фон дер Гольц немедленно распорядился арестовать главных виновников беспорядков, нарядил усиленные патрули и одновременно потребовал от латышского правительства увода из Митавы латышского гарнизона, отношения которого к немцам оставляли желать много лучшего.

Для выяснения причин и обстоятельств солдатского мятежа из Риги в Митаву отправилась контрольная комиссия Антанты во главе с генералом Ниесселем, военная дипломатическая миссия Антанты во главе с английским генералом Бертом и члены латвийского правительства. Обе антантовские комиссии главным образом интересовались вопросом, кем и чем были вызваны беспорядки: отсутствием дисциплины, подстрекательством высшего военного командования или действиями самого германского правительства. Однако выяснить объективные причины беспорядков не удалось благодаря резкому поведению английского генерала Берта. Прибыв в Митаву и не стесняясь того, что французский генерал Ниессель был старше генерала Берта по положению, Берт потребовал, чтобы к нему в вагон немедленно явились для объяснения граф фон дер Гольц и высшие офицерские чины 6-го резервного корпуса. Генерал фон дер Гольц ответил, что так как он не является подчиненным английского генерала, то явиться к нему для доклада в вагон он не считает возможным. Результатом этой стычки явилось не объективное выяснение истины о беспорядках, а резкая переписка между двумя генералами, которую я считаю необходимым воспроизвести:

«Генералу – командующему 6-м германским резервным

корпусом.

В Вашем письме № 584 от 4 сентября между прочим сказано, что Ваше правительство предвидело незаконные действия германских солдат в Курляндии. Принимая во внимание тот срок, который прошел со дня приказа об эвакуации германских войск и имея в виду колонизационную пропаганду, которая за это время проводилась среди германских солдат, я уверен, что за положение дел в настоящий момент нужно признать ответственным только высшее командование германским корпусом.

Поэтому во избежание каких-либо недоразумений в будущем я требую немедленно прислать мне список тех лиц, которые сами поставили себя вне закона.

Альфред Берт,

Бригадный генерал

Начальник военной миссии Антанты».

Ответ фон дер Гольца:

«Начальнику военной миссии Антанты. Рига.

Ваше письмо от 10 сентября В.М. д. 34 получено 15 сентября. По поводу мыслей, высказанных в первых двух положениях Вашего письма, я отказываюсь войти в переписку.

В последнем положении Вашего письма Вы осмеливаетесь обратиться ко мне с требованием о выдаче моих единоплеменников в качестве преступников. В этом требовании я вижу тяжкое оскорбление моего личного и национального чувства. Поэтому я хочу дать Вам совет впредь не обращаться ни ко мне, ни к моим подчиненным с подобными гнусными требованиями. В противном случае я вынужден буду прервать с Вами какие бы то ни было сношения и выселить всякого англичанина из области, занятой германскими военными силами, так как исключена возможность гарантировать безопасность союзным миссиям, которые грубо и преднамеренно затрагивают честь германского народа.

Ваше письмо я представлю своему правительству и убежден, что оно через министра иностранных дел даст Вашему правительству достойный ответ на это грубое требование, которое союзная миссия осмеливается предъявлять германскому генералу за границей.

Граф фон дер *Гольц».*

Латвийскому же главнокомандующему генерал фон дер Гольц послал телеграмму, в которой между прочим говорил:

«Я всемерно осуждаю солдатские беспорядки, которые в моем

присутствии, без сомнения, не произошли бы. Я высказываю Вам свое сожаление по поводу совершившегося. Я в подробности расследую случившееся и приложу все старания к тому, чтобы оружие вновь было собрано. Но ввиду того, что находящийся в Митаве отряд весьма возбужден, вследствие поведения латвийского правительства, подстрекаемого союзниками, я прошу незамедлительно вывести все находящиеся в Митаве латышские воинские части в другое место».

Положение корпуса полковника Бермондта

Таким образом бунт германских солдат был ликвидирован. Но в связи с митавскими происшествиями положение корпуса Келлера сделалось довольно двусмысленным. Хотя русские войска не принимали никакого участия в бунте германских солдат, но нежелание Бермондта отправляться со своим корпусом на Нарвский фронт, теперь совпавшее с нежеланием немецких солдат эвакуироваться из Прибалтики, заставило антантовские миссии и латышское правительство с тревогой смотреть на поведение Бермондта, имевшего, вероятно, какие-то задние мысли.

Действительно, не только союзников и латышей, но и русских в Латвии озабочивал вопрос: почему великолепно оборудованный и прекрасно вооруженный корпус полковника Бермондта в Митаве и отряд полковника Выргoлича в Шавлях, уже официально включенные в состав Северо-Западной армии генерала Юденича, бездействовали целое лето, когда маленькая, но геройская Северо-Западная армия сделала уже один поход на Петроград и энергично готовилась к новому наступлению на столицу северной коммуны.

Общее недоумение по поводу тактики полковника Бермондта усилилось еще больше, когда после падения Пскова в Риге на военном совете 26 августа был решен вопрос о создании общего антибольшевистского фронта, от Эстонии до Литвы, для комбинированного удара на большевиков, в тот момент, когда генерал Юденич начнет наступление на Петроград.

Привожу полностью этот исторический протокол знаменитого военного совета 26 августа 1919 года:

«ПРОТОКОЛ РЕШЕНИЯ ОБ ОБЩЕМ НАСТУПЛЕНИИ, ВЫРАБОТАННОМ НА СОВЕЩАНИИ, ОБСУЖДАВШЕМ 26 АВГУСТА 1919 Г. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ВОПРОС О ВЗАИМНОМ СОГЛАШЕНИИ

Подписи:	Фронт:	Участки фронта:
Генерал К.М. Лайдонер	Эстонский	От побережья до жел. дор. Ямбург—Гатчино включительно
Генерал Десино	Русский	От железной дороги до р. Великой
Генерал Лайдонер	Эстонский	От р. Великой до северного берега Буланского озера
Полковник Калнин	Латвийский	От Лубанского до Балтиновского озера включительно (задача — оборона восточной границы Латвии)
Полковник Бермондт	Русский	Задача от Двинска продвинуться на Великие Луки
Полк. Беньяшевич	Литовский	От Балтиновского озера до пункта в 35 километрах юго-западнее Двинска (задача — оборона восточной гр. Литвы)
Капитан Мысловский	Польский	От литовцев к Востоку

Заверил *И.Г. Марч,* бригадный генерал.
Рига, 26 августа 1919 г.»

На том же заседании генерал Марч заявил полковнику Бермондту, что ему предоставляется полная свобода вербовки, что для дальнейшего снабжения войск Бермондта всем необходимым из Германии препятствий встречаться не будет и что Антанта сделала германскому правительству представление о возобновлении прекратившейся было вербовки русских военнопленных в германских лагерях.

Из этого протокола ясно видно, что в задачу полковника Бермондта, подписавшего наравне с другими протокол об участии в комбинированном наступлении в помощь Юденичу по занятию Петрограда, входило наступление бермондтовской армии со стороны Двинска на Великие Ауки, чтобы в момент подхода Юденича к Петрограду своевременно перерезать Николаевскую железную дорогу.

Что касается благоприятствования генерала Марча полковнику Бермондту и его обещаний, то на этот раз английский генерал говорил правду. Доказательством этого может служить выступление лидера германских независимых Кона в Национальном собрании, заявившего в начале сентября, что Германия вновь покрылась сетью вербовочных бюро для

удушения русской революции.

Но у Бермондта, подписавшего протокол и обязавшегося помогать генералу Юденичу, и теперь, без сомнения, были свои тайные мысли и собственный план.

На самом рижском совещании 26 августа генерал Юденич, занятый ликвидацией большевистского прорыва под Изборском, отсутствовал, и его замещал генерал Десино. Вероятно, у генерала Десино явились опасения, что полковник Бермондт не исполнит боевой задачи и опять уклонится от выхода из Митавы. Поэтому через четыре дня в Ригу прибыл сам Юденич, вызвавший Бермондта из Митавы. Однако здесь произошло неслыханное до сих пор нарушение воинской дисциплины: подчиненный отказался прибыть к своему главнокомандующему. Положение генерала Юденича в глазах латвийского правительства, латышской армии и союзных миссий сделалось во всех отношениях нелепым. Тем не менее Юденич отправил к Бермондту в Митаву начальника своего штаба полковника Генерального штаба Прюффинга с требованием, чтобы полковник Бермондт немедленно явился в Ригу к генералу Юденичу дать свои объяснения. Но полковник Прюффинг вернулся обратно в Ригу ни с чем. Все письменные попытки Юденича и представителей Антанты доказать Бермондту, что от его выхода из Митавы и благоприятного разрешения запутанного курляндского вопроса зависит судьба Петрограда и всего объединенного Северо-Западного антибольшевистского фронта, не привели ни к каким результатам. Бермондт упорно молчал. Генерал Юденич уехал из Риги, послав Бермондту ультиматум – обсудить положение, подчиниться и прислать ответ в десятидневный срок.

Но, подчиняясь чьему-то постороннему давлению, Бермондт твердо решил не уходить из Митавы. А для того чтобы чем-нибудь оправдать непослушание и свое пребывание в Митаве, он 12 сентября отправил специальную делегацию в штаб генерала Деникина с ходатайством – признать его корпус входящим в состав Южной Добровольческой армии и разрешить ему оставаться в пределах Курляндии и Литвы. Однако предупрежденный Юденичем, генерал Деникин не принял эту депутацию. Апеллирование Бермондта к адмиралу Колчаку через посредство русского посла в Париже Маклакова также кончилось неудачей.

В связи с сообщением официоза 6-го резервного корпуса «Die Trommel», выходившего в Митаве, что войска полковника Бермондта признаны адмиралом Колчаком и вошли в состав Южной армии генерала Деникина, Маклаков поместил в «La

Cause Commune» следующее сообщение:

«Российское посольство настоящим опровергает появившееся сообщение, что в состав русских армий, находящихся под командованием адмирала Колчака и генерала Деникина, входят части под названием «Русско-Германские войска», которые частью составлены из германских добровольцев, набранных в Германии.

Российское посольство заявляет по этому поводу, что в борьбе, предпринятой для восстановления России, временное правительство под председательством адмирала Колчака никогда не обращалось за помощью к германцам. Оно никогда не просило об этом, не давало никому подобных полномочий и в его среде такой вопрос никогда не поднимался. В соответствии с этим действует и генерал Деникин. Он признал адмирала Колчака Верховным Правителем, и его правительство Юга России находится в контакте с Омским правительством, которое, таким образом, является общенациональным и объединенным правительством России…»

Вот почему положение бермондтовских войск и поведение самого полковника Бермондта и являлось теперь сугубо двусмысленным.

Безуспешность попыток эвакуации Курляндии

Положение стало уже невыносимым, когда по представлению контрольной комиссии после солдатского бунта в Митаве Верховный совет вновь стал бомбардировать германское правительство нотами с требованием о немедленной, беспрекословной и безоговорочной эвакуации Курляндии и о новом отозвании генерала фон дер Гольца.

Какова в данном случае была роль германского правительства, установить трудно, и поэтому я предпочитаю для характеристики его поведения привести две интересные ответные ноты Германии Верховному совету.

Первая гласила:

«Германское Правительство сожалеет, что предписанная им скорая и полная эвакуация Курляндии должна была приостановиться вследствие того, что оставшиеся в Курляндии части уклоняются от исполнения данных им приказаний. Строго осуждая самовольные действия войсковых частей, Правительство, однако, принимая во внимание возложенные на него союзными державами ограничения, не может принудить их военной силою к

послушанию. Германское правительство считает необходимым обратить внимание на то, что еще в своей ноте от 13 августа с. г. за № 4884 оно указывало на возможное противодействие отдельных войсковых частей и на могущие произойти вследствие этого осложнения. При таком положении дел германскому правительству не остается ничего другого, как попытаться уговорить войска к послушанию и удерживать их от беспорядков и от действий против лиц, принадлежащих к союзным государствам.

Единственно только с этой целью генерал фон дер Гольц, согласно полученной им строгой инструкции, вернулся обратно в Митаву. Его начальство не могло отрицать того, что, если бы генерал Гольц был в Митаве, беспорядки в армии не возникли бы. Принимая это во внимание, Правительство выдало ему разрешение на возвращение в Митаву, причем по установлении порядка в армии генерал Гольц должен был вновь вернуться обратно. Действительно, нельзя отрицать того, что с приездом генерала Гольца в этом отношении замечаются успехи. Несмотря на это, однако, до сих пор все же не является возможным, вследствие озлобленности войск, выработать определенный план эвакуации войск из Курляндии, в чем представители Антанты могут убедиться на месте.

Генерал Гольц не имел возможности представить доклад о положении в данный момент, так как происходят ежедневные изменения. Представители Антанты, которые находятся в Митаве и поддерживают с генералом Гольцем постоянные сношения, могут постоянно следить за военным положением и деятельностью германцев. Принимая это во внимание, германское правительство присоединяется к предложениям, выраженным в ноте № 1520.

Упоминаемые в ноте № 1624 бесчинства, совершенные германскими солдатами против латышских солдат и учреждений, строго осуждаются германским правительством, но должны рассматриваться как дела, касающиеся только латвийского и германского правительств. Дела эти в настоящее время уже рассматриваются правительствами обоих государств».

Вторая нота Германии от 4 октября еще раз свидетельствовала о добросовестном желании германского правительства ликвидировать курляндский конфликт:

«В возражение на ноту 1755 от 28 сентября Германское Правительство считает особо важным установить, что оно давно уже прилагает энергичные старания к тому, чтобы извлечь войска

из Прибалтики и Латвии. С этой целью Правительство между прочим распорядилось о прекращении с 25 сентября с. г. выдачи жалованья, а в будущем установило лишение всех прав на помощь со стороны государства для тех войсковых частей, кои не исполняют приказа об эвакуации. Чтобы воспрепятствовать всякому притоку добровольцев, германская граница с Курляндией была закрыта и был отдан приказ стрелять по войскам, которые несмотря на это попытаются перейти указанную линию. Строжайше запрещен также подвоз боевых припасов. Генерал граф фон дер Гольц отозван со своего поста. Вместо него главное командование над войсками, находящимися к востоку от государственной границы, принял, до окончательного проведения эвакуации, генерал-лейтенант фон Эбергард. Наконец Германское Правительство обратилось к войскам с воззванием, в котором призывает исполнить свой долг и обстоятельно разъясняет им, какие неизбежные опасности и бедствия навлекут они на своих соотечественников, если будут упорствовать в своем непослушании.

Все эти меры должны были бы оградить Германское Правительство в глазах союзных и присоединившихся к ним правительств от неосновательного упрека в том, что Германское Правительство хочет использовать неповиновение германских войск как предлог для невыполнения данного им обязательства – очистить прежние русские области. Союзные и присоединившиеся к ним правительства могли в полной мере убедиться, в какое стесненное положение поставлена Германия условиями мирного договора, чтобы согласиться с тем, что германское правительство не располагает средствами принуждения военного характера.

Что касается вступления германских войск в русские формирования, то Германское Правительство относится к подобному явлению вполне отрицательно. Оно уже неоднократно и определенно выражало свое отношение тем, кого это касается. Полномочий на подобный переход на русскую службу правительство никогда не давало.

Германское Правительство твердо решило и считает своим долгом сделать все, что в его силах, чтобы выполнить эвакуацию. Оно самым категорическим образом протестует против мер принуждения, которыми грозит нота маршала Фоша и в силу которых Германии грозят возобновление блокады и прекращение подвоза продовольствия.

Германское Правительство выражает надежду, что союзные и присоединившиеся к ним правительства все же признают наличие доброй воли германского правительства и поэтому воздержатся от бесчеловечных мер военного характера против мирного

населения Германии, на которое ни в коем случае нельзя возлагать часть вины по поводу поведения войск на Востоке. Чтобы тем не менее дать возможность союзным и присоединившимся к ним правительствам убедиться в действительной серьезности принятых мер, Германское Правительство просит союзные и присоединившиеся к ним правительства принять участие в обсуждении необходимых мер.

С этой целью Германское Правительство предлагает возможно скорее образовать комиссию их германских представителей и из представителей союзных и присоединившихся к ним стран.

По мнению Германского Правительства, задачей подобной комиссии является расследование положения вещей, выработка мер для скорейшего осуществления эвакуации и наблюдения над выполнением последней. Германское Правительство просит дать ему возможно скорее ответ на означенное предложение».

Независимо от этого 3 октября германское правительство обратилось к германским войскам в Прибалтике со следующим воззванием, распубликованным во всеобщее сведение в приказе по корпусу:

«Солдаты! Вы читали ноту Антанты по поводу эвакуации Прибалтики, грозящую германскому народу новой блокадой, прекращением всякого кредита и запрещением подвоза сырья. Военные круги Антанты настаивают на новом наступлении, которое завершится занятием Франкфурта; руководящие французские газеты, как, например, «Temps», настаивают на оккупации Рурского района. И все это из-за того, что часть немцев балтийского добровольческого корпуса не желает покинуть чужой страны, оттого, что они остаются там вопреки приказу правительства, хотя такое преступное упрямство грозит великой опасностью, может оставить миллионы немцев без работы, вызовет крайнюю нужду и, в конце концов, навлечет перед началом зимы бедствия голода, и все это произойдет не только по инициативе Антанты, но и вследствие отказа от повиновения со стороны собственных соотечественников.

20 октября, как сообщает «Times», начнется военная интервенция, 1 ноября возобновляется блокада.

Германское правительство в последний раз обращается непосредственно к совести и патриотическому чувству германских солдат в Прибалтике. Оно никогда не одобряло того, что немецкие солдаты поддавались уговорам и обещаниям, которые не были исполнены.

Правительство понимает настроение солдат и довело до сведения Антанты, что среди них царит недовольство и возмущение. Но сейчас на карту поставлено нечто большее: нации грозит голод, погибнут остатки народного достояния, если германские войска в течение этого месяца не эвакуируются из Прибалтики. Кто не хочет быть соучастником гибели собственного народа, тот подчинится железной необходимости, тот исполнит приказ правительства, тот уйдет из страны, в которой немецким солдатам нечего терять. Правительство, в интересах Германии, может применить все имеющиеся в его распоряжении средства, чтобы добиться очищения Прибалтики. Но правительство надеется, что его призыва будет достаточно, чтобы показать немецким солдатам, что теперь дело идет уже не о собственной шкуре и личных интересах отдельных лиц, а о всей нации. Противники сняли блокаду. От вас теперь зависит помешать, чтобы блокада, поражавшая наше государство более убийственным образом, чем все другие орудия борьбы, возобновилась вновь.

Следуйте приказу о возвращении на родину!

Берлин, 3 октября 1919 г.

Государственный Канцлер *Бауер.*

Государственное Правительство: *Белль, д-р Давид, Эрцбергер, Гирсбертс, д-р Майер, Мюллер, Носке, Шлике, Шмидт».*

Но так как правительство, по-видимому, мало рассчитывало на успех своего воззвания, то министр государственной обороны Носке издал следующие дополнительные приказы:

«В связи с решительными требованиями Антанты всякие соображения относительно новых вторжений большевиков в Латвию должны быть оставлены. Всем военнослужащим 6-го резервного корпуса надлежит разъяснить, что их обязанностью является своим послушанием приказам правительства предохранить родину от новых, уже проводимых Антантой, тяжелых принудительных мер.

Ввиду этого в дополнение к приказу от 30 сентября объявляется к исполнению:

1. Войска 6-го резервного корпуса должны быть немедленно отправлены по железной дороге и маршевым порядком в район Шавлей, откуда войска в полном составе будут направлены в Германию. Оружие и военные снаряды, в случае задержки и отправки назначенных к передвижению войск, надлежит уничтожить, поскольку грозит опасность, что они попадут в руки большевиков.

2. Генералу фон дер Гольцу надлежит издать

соответствующие приказы и начать сдачу дел генерал-лейтенанту фон Эбергарду.

3. Всем военнослужащим, не подчинившимся приказу об эвакуации, прекратить выдачу жалованья.

Кроме того, надлежит по телеграфу отдать распоряжение всем частям в Прибалтике, что переход на русскую службу запрещается. Перешедших же в русские части германских подданных надлежит через посредство их русского начальства принудить к переходу в немецкие части. Ответственности за это они не подлежат. За новый же переход с сегодняшнего дня солдаты подлежат строгому наказанию.

Берлин, 4 октября 1919 г.

Министр Государственной Обороны *Носке».*

Противодействие эвакуации

Однако уход войск из Курляндии нимало не устраивал ни балтийских баронов, желавших силою германского оружия вернуть свои земли, отобранные латышами в государственный земельный фонд, ни свергнутое эстонскими штыками экс-правительство Недры, ни правые русские группы в Берлине, опасавшиеся, вероятно, что антантофильская Северо-Западная армия и северо-западное правительство, признавшие независимость окраин, займут Петроград. И вот с уходом фон дер Гольца создался блок четырех сил, рискнувших вести самостоятельную политику в Прибалтике. Был изобретен политический трюк, настолько безграмотный, что нужно только удивляться, как могли решиться на такой шаг люди, которым нельзя было отказать в некотором уме. Трюк этот выразился в следующих действиях. Передаю его так, как его рисует майор Зиберт в приказе по своему отряду:

«После того как все попытки добиться от латышского правительства выполнения данного им обещания по поводу поселения в Латвии оказались тщетными, не пожелавшие возвратиться в Германию части 6-го резервного корпуса в полном составе перешли к русским и образовали немецкий легион, подчиненный русскому полковнику Бермондту (кн. Урусову). Немецкий легион временно займет местность вокруг Бауска и приготовится к походу. Железная дивизия, действующая в полном согласии с немецким батальоном, сконцентрирует свои части к северу от Митавы и в самой Митаве.

В переговорах с полковником Бермондтом для нас уже выработаны следующие условия: жалованье – согласно окладов в русских войсках, но с таким расчетом, чтобы никто не получал

меньше, чем он получал в немецкой армии. Семьи солдат будут по-прежнему получать паек, который будет выплачиваться в германской валюте или другими деньгами по курсу; введение русского военного устава с некоторыми ограничениями, как, напр.: уничтожение телесного наказания для немецких солдат и право командующего батальоном на смягчение наказаний; гарантии, что каждый участник предстоящего похода, если он не обесчестит себя тяжелым проступком, имеет право по окончании похода на русское подданство и на поселение в уже существующих немецких колониях или, по желанию, в другом месте на территории России; каждый участник похода может поступить на русскую военную или государственную службу, причем русское правительство обязуется признать за ним те же права, какими пользуются в Германии немецкие граждане».

Западная добровольческая армия

Итак, эвакуация была закончена; ни одного германского солдата из 6-го западного корпуса на территории Курляндии не было. Была совершенно самостоятельная Русская Западная армия под общим командованием русского полковника Бермондта, личность которого не была достаточно хорошо известна даже майору Зиберту, величавшему Бермондта «кн. Урусовым».

20 сентября, то есть после разрыва с генералом Юденичем и неудачи переговоров с генералом Деникиным, полковник Бермондт выпустил в Митаве следующее воззвание:

«Всем жителям!

По уходе немецких войск я, как представитель русской государственной власти, 21 августа принял на себя управление и защиту латвийской области.

Объявляю всему населению, что отныне я не допущу никаких нарушений порядка, ни угрозы жизни или имуществу кого-либо.

Приглашаю всех, без различия национальности, партии или вероисповедания, вернуться к мирному труду и подчиниться всем мною созданным и создаваемым учреждениям, памятуя, что российская государственная власть в этой области прилагала постоянно все усилия для устройства благополучия края и что она, в течение многих лет, охраняла покой этой области и способствовала ее расцвету.

Моя армия идет на борьбу с злейшим врагом народов – большевиками, с которыми злонамеренные люди стремятся заключить мир. Я иду на освобождение России от большевиков и их ига.

Призываю всех жителей всеми силами помочь мне в этом деле и не слушать того, что пытаются внушить обо мне враги свободы и культуры. Всех преступников ожидает строгое наказание, но нуждающимся я помогу, угнетенных защищу.

В находящихся под моим управлением областях Латвии я все подготовлю для самоопределения населения по его желанию.

Да поможет мне в этом Господь!

Главнокомандующий Западной добровольческой армией

Полковник *Авалов».*

В состав этой Русской Западной армии вошли: корпус имени графа Келлера, отряд полковника Вырголича, стрелковый полк Baltenland, корпус Стове, группа фон Плеве, группа Иена и Железная дивизия, всего в составе – до 35 тысяч штыков и сабель.

Вышеприведенное воззвание полковника Бермондта интересно в том отношении, что оно впервые наконец объяснило причины и мотивы нежелания Бермондта уходить из Митавы, равно как и его разрыв и неподчинение генералу Юденичу. Из этого воззвания также стало совершенно ясно, что на протоколе военного совета в Риге 26 августа об организации единого антибольшевистского фронта от Эстонии до Литвы Бермондт поставил свою подпись фиктивно, ибо уже 21 августа, то есть за пять дней до совещания, он «как представитель русской государственной власти принял на себя защиту и управление латвийской области». Кем именно, какой именно государственной властью был уполномочен полковник Бермондт принимать на себя управление чужим и независимым государством, автор многоречивого воззвания не объяснял.

Тревога латышей

Для латышей, лихорадочно строивших свое независимое государство, и для их соседей эстонцев теперь воочию встала реальная и грозная опасность: скопившиеся в Митаве сильные русско-германские войска предназначены для уничтожения независимости Латвии и Эстонии, борьба же с большевиками, которые находились от армии полковника Бермондта на расстоянии 400 верст, – только модная дань времени.

С опубликованием этого рокового воззвания Бермондтом, естественно, рухнула и идея комбинированного удара на большевиков.

Вместо помощи генералу Юденичу, на основе обязательства от 26 августа, латыши теперь все свое внимание обратили на предстоящую и близкую борьбу с русско-германскою опасностью.

Во всей Латвии была объявлена мобилизация, произведена реквизиция лошадей, значительная часть латышских войск была снята с большевистского фронта в Латгалии и переведена под Ригу. В Эстонию, Литву и Польшу были отправлены специальные эмиссары с просьбой о помощи и для заключения военной конвенции. И что самое ужасное – в латышском Народном Совете (предпарламенте) впервые резко и громко прозвучало требование социал-демократов о необходимости заключения мира с Советской Россией, дабы освободить латышскую армию, силы которой должны быть употреблены исключительно на борьбу с русско-германской реакцией. Ближайшей обязанностью правительства и практической политикой Народный Совет признал:

1. Немедленное заключение договора с Эстонией и Литвой и немедленная ликвидация всех вопросов, как то: пограничного, вопроса о компенсациях и т. д., дабы достигнуть общих действий армий трех государств в войне против общего врага. 2. Приложить все силы к укреплению и снабжению всем необходимым латышской армии. 3. Радикально изменить всю внутреннюю политику и поставить ее на демократических началах.

Объявленная латышским правительством мобилизация и принудительный сбор обуви и одежды для солдат прошли с значительным успехом…

Такую же грубую бестактность в отношении национального чувства других союзников по борьбе с большевизмом, литовцев, проявил и полковник Вырголич в Литве, расклеивший объявление полковника Бермондта с сообщением, что «все области Литвы, занятые русскими войсками, считаются принадлежащими к Российскому Государству». В некоторых городах, как, например, Шавли и Радзивилишки, было даже произведено разоружение литовских солдат.

Такова была та стратегическая обстановка, которую создал Бермондт в Латвии накануне предстоящего наступления Юденича на Петроград.

Мне кажется, если бы генерал Юденич был несколько дальновиднее, он, наверное, отказался бы от рискованного при сложившейся обстановке осеннего похода, осложненного крушением единого антибольшевистского Северо-Западного фронта. Может быть, за зиму митавский гнойник как-нибудь рассосался бы, был бы найден какой-нибудь модус и не было бы ни тяжкого поражения многострадальной Северо-Западной армии, ни озверения эстонцев, загубивших в Нарве во вшивых бараках и в снегу за проволокой 16 тысяч солдат

северозападников, не были бы, может быть, заключены мирные договоры с большевиками-эстонцами – сразу после разгрома армии Юденича и латышами – вскоре после ликвидации бермондтовской эпопеи.

Роль полковника Бермондта в организации западного правительства

Чем руководствовался никому не известный Бермондт, беря на себя непосильное для него бремя, сказать трудно. Очень вероятно, что им руководило честолюбивое желание быть в Курляндии и Риге тем, чем был генерал Юденич в Ревеле. А может быть, и больше. По крайней мере, в официальной докладной записке офицера для поручений при штабе Бермондтовской армии г-на П-а генералу Юденичу есть такое место: «В этот день вечером Селевиным был устроен бал в честь командующего, которого при входе встретили криками «ура», а посреди ужина по команде Селевина все гости опустились на колени и под звуки гимна «Боже, царя храни» провозгласили Бермондта монархом всея Руси, на что получили замечание Бермондта: «Это, господа, преждевременно…»

Вот еще один характерный факт. Будучи в Митаве в конце сентября, корреспондент одной голландской газеты получил от полковника Бермондта интервью, в котором он заявил: «В Митаву в июне я прибыл ни с чем, а теперь, по милости Германии, я главнокомандующий сильной, хорошо снабженной армии. Антанта глубоко ошибается, если она думает, что те 20 тысяч русских солдат, которые входят в состав моей армии, не играют никакой роли. Эти 20 тысяч – ядро будущей армии в несколько сот тысяч человек…» Свое интервью полковник Бермондт закончил угрозой по адресу Англии: «Если Англия не переменит ко мне своего отношения, я буду первым среди тех, кто в обновленной России всеми силами постарается отплатить Англии…»

Вероятно, в тех же самых видах – быть в одинаковом положении с генералом Юденичем, а может быть, и выше его – Бермондт обзавелся и собственным западным правительством, собственной валютой и… собственными почтовыми марками.

Впрочем, кто кого создал: Бермондт – правительство или правительство создало Бермондта, я не берусь судить. Это тайна правых берлинских политических салонов. Я читал лишь разоблачение Гаазе, перепечатанное «Times» в сентябре 1919 года. На основании известных ему данных, Гаазе уверял, что в политическом салоне графини К. вопрос о русско-германском

договоре дебатировался довольно часто, и в результате были выработаны следующие основы соглашения: «Россия получает свободу действий в Персии и Турции, Прибалтика на известных условиях вновь присоединяется к России, но Финляндия остается независимой. Германия дает на осуществление похода в Прибалтику 200 миллионов марок и армию в 120 тысяч человек для борьбы с большевиками. Компенсацией Германии должен явиться выгодный торговый договор между Россией и Германией».

В переговорах с германской стороны будто бы участвовали прусские реакционеры, со стороны русских – балтийские бароны и русские авантюристы. Гаазе утверждал, что в этих интригах не участвовал ни Деникин, ни какое-либо другое ответственное лицо России. Что касается личности командующего этой армией, то выше упоминаемый офицер для поручений г-н П. писал Юденичу:

«Уже в начале августа в Берлине велись переговоры об организации западного правительства в противовес северо-западному правительству в Ревеле, являвшемуся креатурой Антанты.

В русских кругах Берлина по этому вопросу господствовало несколько мнений. Хотя одна часть определенно стояла за передачу командования Бермондту, сумевшему своим хвастливым выступлением завоевать доверие в среде недальновидных русских политиков, все же было немало и таких, которые понимали, что Бермондт не тот человек, который нужен для возрождения России, что ему недостает дара военного организатора и дальновидного политика. Последние и стремились столкнуть его с курляндской сцены. Эти круги предпочитали Бермондту генерала Бискупского, с которым велись соответствующие переговоры. Биекупскому надлежало принять главнокомандование над всеми сформированными русско-германскими силами, армиями и двинуться с ними через Литву и Латвию на большевистский фронт, оставив пройденные области в своих руках и обещав Латвии и Литве автономию, чем были бы предотвращены опасности для консервативного местного населения, в кругах которого тыловое управление могло найти себе поддержку. Но генерал Бискупский соглашался принять главнокомандование под тем лишь условием, что Бермондт будет удален из Курляндии, и ему, Бискупскому, будет предоставлена полная свобода действий в этом отношении…»

В середине сентября в Митаве уже имелось русское западное правительство, об организации которого «Die Trommel» сообщал официально:

«В Митаве учрежден центральный совет Русской Западной

армии, который от имени главнокомандующего армией полковника Бермондта является верховной властью в областях, занятых русскими войсками.

Председателем центрального совета намечен кн. Волконский, быв. тов. председателя Государственной Думы, член фракции октябристов.

Временно председателем совета является сенатор граф Константин фон Пален, находившийся на государственной службе, как комиссар по крестьянским делам и губернатор. Ему поручено руководство внутренней и внешней политикой.

Руководителем военного отдела намечен генерал-майор Черниловский-Сокол[81], командовавший во время войны первым кавалерийским корпусом, а впоследствии состоявший командиром артиллерийского отряда на Украине в армии Гетмана Скоропадского[82].

Тюремными и судебными делами будет заведовать сенатор, член Государственного совета Римский-Корсаков[83].

Управление путями сообщения взял на себя бывший начальник Либаво-Роменской ж. д. инженер Ильин. Во главе ведомства земледелия и государственных имуществ стоит латышский адвокат Арайс. Финансовым ведомством заведует действительный статский советник Энгельгард».

Насколько точны были сведения официоза о личном составе западного правительства, судить трудно. Однако интересно отметить, что после ликвидации бермондтовского похода на Ригу в гельсингфорской газете «Русская жизнь» появилось следующее характерное письмо:

«Милостивый государь, господин Редактор!

Правлением особого комитета по делам русских в Финляндии получено от тов. председателя правления кн. Владимира Михайловича Волконского, проживающего с мая месяца в Копенгагене, письмо, в коем он между прочим пишет: «В последние дни в некоторых русских газетах, в том числе и в газете «Русская жизнь», упоминалось мое имя в связи с западным правительством. Категорически заявляю, что сведения эти неверны, я из Копенгагена никуда не выезжал и ни в каком «правительстве» участия не принимал…»

Со своей стороны сенатор Римский-Корсаков прислал на имя министерства иностранных дел Латвии письмо, в котором сообщал, что он не имеет ничего общего с Бермондтом и со сформированным им русским западным правительством, что он поддерживал с Бермондтом связь, лишь постольку поскольку этого требовала защита интересов русских граждан в Латвии и

что в этом отношении он действовал с разрешения генерала Юденича.

Одновременно с организацией западного правительства при нем для ведения специально внутренними латышскими делами был организован особый латышский комитет в следующем составе: бывший премьер-министр пастор Недра и бывшие министры недровского правительства – доктор Ванкин, инженер Кампе и барон Штромберг.

Согласно условиям между западным правительством и особым латышским комитетом, Латвия входила в состав России, но получала широкую внутреннюю автономию. За Россией оставалось право владения всеми железными дорогами, таможнями, портами, почтой, телеграфом, лесами и казенными землями. Внутренние дела, дела просвещения и продовольствия Латвии подлежали ведению особого латышского комитета. По занятии Риги состав латышского комитета предполагалось увеличить еще тремя членами: двумя латышами и одним немцем. А также и перенести туда Рижское западное гражданское управление, обязанное исполнять функции бывшего рижского губернаторства. Рижским губернатором был назначен князь Кропоткин[84], его помощником – барон Остен-Сакен. Дипломатическим представителем западного правительства в Берлине был назначен барон Кнорингт[3].

Первые шаги западного правительства

Как и подобает всякому настоящему правительству, бермондтовское правительство в первую очередь занялось изысканием финансовых средств. Но первый блин вышел комом. Какой-то неизвестный авантюрист предложил товарищу военного министра западного правительства генералу Дурново[85], находившемуся в Берлине, заключить заем у американского банкира Моргана. По докладе Дурново западному правительству, правительство санкционировало предложение «представителя» Моргана и командировало в Берлин министра финансов Энгельгардта подписать договор о займе. Договор был заключен на сумму 300 миллионов марок, причем «посредник» получил солидный куртаж. Однако, когда дело подошло к реализации, оказалось, что никакого американского банкира Моргана в природе не существует и «представителем» Моргана оказался какой-то Мошель, которого германская полиция арестовала за мошенничество по жалобе западного правительства. С таким вот субъектом и был подписан договор, предоставлявший в распоряжение «американского миллиардера» все видимые и

невидимые недра России.

После этой неудачи с займом решено было обзавестись собственной «валютой». В Берлин были командированы специалисты, заказавшие там кредитки стоимостью в 1, 5, 10, 25, 50 и 100 марок. На одной стороне этих кредиток, получивших название «аваловок», текст был на немецком языке, на другой стороне – на русском. Марки имели серию и нумерацию и назывались «Временный разменный знак». Все кредитки были снабжены факсимиле: «Командующий Западной Добровольческой армией полковник Авалов-Бермондт» и «Начальник отдела государственного хозяйства при Западной армии Энгельгардт». Наверху русского текста было изображение русского двуглавого орла с короною, внизу немецкого текста – знак германского ордена Железного креста. Время выпуска было помечено: «Митава, 10 октября 1919 г.».

Но и тут западное правительство потерпело новую неудачу. Отпечатанные тюки «валюты» были конфискованы на вокзале берлинской полицией, и в Митаву было привезено только сорок пудов денег. Денежные знаки стоимостью в 5 и 10 марок были присланы позднее в полуготовом виде и заканчивались печатанием уже в Митаве в типографии Штефенгагена.

Но и этого количества денег было более чем достаточно, так как «аваловки» население брало только под страхом тюрьмы или расстрела.

Так как другим доходным делом всякого послереволюционного правительства являлись почтовые марки, то западное правительство решило обзавестись и собственными почтовыми марками. Но монополию на печатание марок получили от полковника Бермондта «посторонние люди», генерал Давыдов и инженер Кампе, которые на уже готовых латышских марках только допечатали церковные восьмиугольные кресты. Эти марки были отвезены в Берлин и проданы там коллекционерам по весьма высоким ценам. Когда запас латышских марок иссяк, Давыдов и Кампе отпечатали новые марки различного достоинства с восьмиугольным крестом и Ильею Муромцем.

Были изготовлены также и флаги: сине-бело-синий фон, в левом углу – маленький русский национальный флаг, посредине – русский герб, в центре которого помещались три отдельных герба – Лифляндии, Курляндии и Эстляндии.

Таким образом, налицо были все принадлежности, чтобы выступить в поход. Остановка была только за предлогом. И предлог, в сущности, был.

Предлог для ухода из Курляндии

Продолжались ли переговоры Юденича с Бермондтом после образования западного правительства, неизвестно, но надо полагать, что происходили, потому что, начав наступление на Петроград, генерал Юденич, игнорируя «Западную армию» в целом, издал «приказ корпусу имени графа Келлера», гласивший:

«Северо-Западная армия четыре месяца дерется с большевиками в неравном бою; дралась голая, голодная, без денег, плохо вооруженная и часто без патронов; жила тем, что отбивала у красных. Теперь эта доблестная армия получила все: вооружение, снаряжение, обмундирование и деньги. Вы тоже были в бедственном и тяжелом положении. Но за эти четыре месяца вы не были в сплошных боях, хотя теперь вы одеты, обуты, исправно получаете жалованье, имеете продовольствие и вооружены.

Северо-Западная армия ждет вас к себе, ждет с нетерпением. Она верит, что вы придете, поможете и нанесете тот жестокий удар, который сокрушит большевиков под Петроградом. Вы вместе с Северо-Западной армией возьмете Петроград, откуда соединенными усилиями пойдете для дальнейшего освобождения родины. Родина давно ждет вас, она исстрадалась, последние силы ее на исходе. Поспешите, ибо «промедление времени – смерти подобно».

Приказываю: немедленно всем русским офицерам и солдатам корпуса имени графа Келлера выступить в Нарву под командой командующего корпусом полковника Бермондта и оправдать надежды Северо-Западной армии и нашей исстрадавшейся родины.

Главнокомандующий войсками Северо-Западного фронта

Генерал от инфантерии *Юденич».*

Таким образом, казалось бы, что предлог для выступления из Митавы имелся, но этот предлог, конечно, не устраивал ни Бермондта, ни его правительство. К тому же Юденич этим приказом не признавал ни Западной армии, ни ее главнокомандующего, а обращался только к корпусу графа Келлера и командиру этого корпуса полковнику Бермондту. Поэтому, как выяснилось впоследствии, приказ этот был скрыт от войск, и налицо, следовательно, имелся третий случай неподчинения генералу Юденичу.

Конечно, этот новый отказ не был секретом ни для

латышского правительства, ни для штаба латышской армии, ни для германского консульства в Риге, прекрасно осведомленного о всех мероприятиях латышского правительства на случай войны с Западной армией, 80 процентов которой состояло из германских солдат и начальником штаба которой теперь был назначен генерал Бишоф, начальник германской Железной дивизии.

С целью выяснения настроения немецких войск и предотвращения, в случае если с их стороны будут обнаружены какие-либо агрессивные намерения, кровопролития, из Риги в Митаву 5 октября на автомобиле выехал германский консул. Но миссия его, по-видимому, кончилась неудачей.

Ультиматум полковника Бермондта латышам

6 октября в Митаве среди русских войск были пущены слухи, что в Москве происходят важные события: Ленин отдал приказ об аресте Троцкого, но Троцкий сам арестовал Ленина, и в связи с этим в Москве вспыхнуло восстание. Поэтому войска должны немедленно готовиться к выступлению.

Весть о походе в Россию во всех русских частях, засидевшихся в Митаве и томившихся бездельем, вызвала живейшую радость.

И вот 7 октября началась вторая глава бермондтовской истории, уже не комическая, а глубоко трагическая, обильно политая кровью. Красная строка этой главы была написана самим Бермондтом, который послал в Ригу латышскому премьер-министру телеграмму следующего содержания:

«Находя настоящий момент подходящим, чтобы отправиться на антибольшевистский фронт, я прошу Ваше Превосходительство озаботиться созданием условий, позволяющих моим войскам незамедлительно вступить в бой против красноармейских орд советской России, находящихся на границах Лифляндии и представляющих угрозу для всех соседних с ней культурных наций. Относительно распоряжений, которые возглавляемое Вами правительство намерено отдать, чтобы гарантировать незамедлительный пропуск состоящим под моим командованием войскам на фронт, я прошу немедленно меня уведомить.

Митава, 7 октября 1919 г.

Командующий западной армией полковник *Бермондт-Авалов».*

Был ли получен какой-либо ответ на эту телеграмму или нет, неизвестно, но 8 октября в 10 часов утра над Ригой появились три аэроплана, сбросившие несколько тяжелых бомб и прокламаций

на русском языке, в которых латыши призывались подчиниться власти полковника Бермондта, чтобы быть присоединенными к великой и могучей России. Прокламации заканчивались угрозой, что «всех отпавших от креста и Евангелия и слушающихся агитаторов» он, полковник Бермондт, жестоко накажет. В тот же день все пассажирские пароходы, плавающие между Митавой и Ригой по реке Аа, были задержаны в Митаве.

Начало военных действий

Итак, военные действия начались.

В экстренных дневных выпусках рижских газет появилось следующее сообщение штаба латышской армии:

«8 октября около 10 часов утра над Ригой летали три немецко-русских аэроплана и сбросили бомбы в Рижском районе, начав этим военные действия. Одновременно на всем фронте неприятельские цепи напали на наши сторожевые посты. Отряды неприятельской кавалерии приблизились к нашим постам в районе Карлсбада, но были рассеяны с потерями для них. На шоссе Рига – Митава противник открыл сильный артиллерийский огонь по нашим окопам, поддержанный удушливыми газами. Нашим артиллерийским огнем уничтожены неприятельский бронепоезд и броневик; последний лежит во рву впереди наших окопов. В том же районе ружейным и пулеметным огнем уничтожены две немецко-русские роты. На остальном фронте ружейная перестрелка».

В этих же экстренных выпусках было напечатано и затем расклеено на улицах следующее правительственное сообщение:

«Без предварительного объявления войны, вопреки всем принятым в цивилизованном мире правилам, войска Бермондта вчера утром начали наступление в рижском направлении.

Геройские солдаты Латвии до настоящего момента отразили все атаки, и правительство убеждено, что армия Латвии будет достаточно сильна для ликвидации преступного нападения.

Правительство приглашает все население Латвии воздержаться от паники и всеми силами помочь правительству и армии в их трудной и ответственной работе.

Обстоятельства требуют, чтобы тыл армии был достаточно обеспечен в то время, когда нашей столице угрожают чужие войска и нашим солдатам приходится исполнять свой долг на позициях. Поэтому правительство признало необходимым принять чрезвычайные меры обороны и безопасности как в Риге, так и в ближайшем тылу армии. В этом отношении правительство надеется на полное содействие всех граждан Латвии. Соединенными силами всего народа мы сможем очистить страну от всех врагов и довести Латвию до солнечных дней.

Да здравствует свободная Латвия!

Рига, 8 октября 1919 г.

Министр-Президент *Ульманис».*

Того же 8 октября правительство послало на имя мирной

конференции Верховного совета в Париже и маршала Фоша телеграфную ноту с просьбой о защите от нападения Бермондта и в происшедшем всецело обвиняло Германию.

Со своей стороны начальник английской военной миссии в Риге полковник Таллент послал экстренное телеграфное сообщение в Лондон, прося оттуда должных инструкций.

Вряд ли германское правительство, исчерпавшее все меры в эвакуации Курляндии, было так повинно, как это рисовали латышские ноты. Но надо отдать справедливость латышской дипломатии, что она очень ловко и умело использовала с выгодой для себя всю политическую обстановку того времени, поставив в центре внимания Антанты не безвестного ей полковника Бермондта-Авалова, а побежденную Германию, желавшую отыграться на востоке. Кроме того, на случай благоприятного исхода конфликта, Латвии гораздо легче было бы взыскивать убытки с той же Германии, объекта более солидного и более реального, нежели какой-то безвестный человек, вскочивший на поверхность политической лужи с легкостью дождевого пузыря и могшего исчезнуть с такой же легкостью.

Разумеется, германское правительство решительно и энергично протестовало против взваливания вины Бермондта и стоящих за ним безответственных групп на германскую шею. Поэтому 18 октября германское правительство послало следующую телеграмму:

«Временному правительству Латвии.

В своей телеграмме, посланной 8 октября мирной конференции, временное правительство Латвии, выставив тяжкие обвинения против германских частей в Курляндии, утверждает, что последние, совместно с Бермондтом, 8 октября начали военные действия против Латвии. Против такого бессмысленного утверждения я выражаю самый энергичный протест. Как мною было уже пояснено в радио от 9 октября, ни одна из подчиненных германскому правительству частей не принимала участия в начатых 8 октября сражениях.

В посланной мирной конференции телеграмме утверждается также, что германское правительство не только не отозвало своих воинских частей с территории Латвии, но даже удвоило численность своих сил в Прибалтике. Против этого утверждения я выражаю энергичнейший протест, так как временному правительству Латвии в достаточной мере известны все предпринятые германским правительством уже несколько…» (Конца радио Мюллера рижская радиостанция не приняла.)

Рига была объявлена на осадном положении. Разрешение ходьбы по городу с 7 часов вечера до 5 часов утра было

ограничено. Правительственные учреждения были закрыты, служащим было выдано жалованье за месяц вперед и им было предложено поступать в охранный батальон, уже организуемый студентами рижского политехникума. Железнодорожное движение было прекращено по всем линиям, и весь наличный состав пассажирских и товарных поездов был использован для переброски войск на Олайский фронт. Все частные телефоны были выключены.

С трех часов дня 8 октября артиллерийская канонада со стороны Олая стала усиливаться и было ясно слышно, что как с той, так и с другой стороны в бой вводились новые батареи, не исключая и тяжелых. К вечеру канонада слышалась уже совсем близко, и в городе звенели стекла, но снаряды еще не долетали до города.

В Риге господствовало всеобщее убеждение, что численно превосходная армия полковника Бермондта безусловно раздавит латышей и одним наскоком возьмет Ригу, как это уже было 22 мая при занятии ее антибольшевистскими войсками.

Но артиллерийская канонада продолжалась всю ночь, и бермондтовские войска в эту ночь не вступили в Ригу. Утром 9 октября штаб латышской армии сообщал, что в течение всей предыдущей ночи продолжались ожесточенные бои с наступающим превосходными силами противником, поддержанным весьма обильно всеми техническими средствами. «Но, несмотря на коварные средства нападения, все атаки с большими потерями для противника были отбиты. Некоторые пункты во время упорных боев переходили из рук в руки. Запись добровольцев, продолжавшаяся с большим воодушевлением всю ночь, дала значительные результаты».

Но в этой успокоительной сводке штаб латышской армии ни словом не обмолвился о том, что вечером 8 октября неприятельскими войсками была занята крепость Усть-Двинск, предместье Больдераа и пригороды Торенсберга и Гагенсберга. Впрочем, в том, что латышская армия в предыдущую ночь потерпела тяжкие поражения и была разбита, рижское население и так не сомневалось, так как войска всю ночь уходили из Риги, всю ночь происходила лихорадочная эвакуация правительственных учреждений. В эту же ночь и само правительство в полном составе уехало в Венден; туда же должен был переехать и Народный Совет.

Взять в эту ночь Ригу при всеобщей растерянности и панике в разбитых латышских войсках не представляло никакого труда. Но утром 9 октября бермондтовских войск в городе еще не было и по улицам рыскали отдельные толпы латышских солдат,

взламывавшие магазины и предававшиеся открытому грабежу.

Почему армия Бермондта, взяв Усть-Двинск и ряд предместий, не заняла самую Ригу, когда ее отделяли только одни мосты через Двину, неизвестно. Но некто Сергей Оношкевич-Яцына[86], насколько не ошибаюсь, одно из лиц, стоявших близко к штабу Западной армии, в объяснение причин медлительности действий в августе 1921 года писал в «Общем деле»:

«Очень быстро были взяты все подступы к Риге, и последняя была бы взята без боя, так как правительство ее эвакуировало очень поспешно. Но по неизвестным мне побуждениям майор Бишоф, тогда являвшийся в свите командующего представителем немецких частей армии, решительно воспротивился этому… Мемель был потерян, и когда снова было решено брать Ригу, то было уже поздно: подоспела английская и эстонская помощь и английские суда начали обстрел добровольческих позиций перед Ригой. Это и ряд очень неудачных внутренних мероприятий решили судьбу армии…»

Оборона Риги

Действительно, заняв Торенсберг, армия полковника Бермондта не позаботилась даже об охране мостов. Солдаты разбрелись по домам и расположились на ночлег, полагая, вероятно, что утро вечера мудренее. А в эту же ночь, на рассвете, рота студенческого батальона буквально перед самым носом бермондтовских частей в Гагенсберге развела большой железнодорожный мост и сожгла несколько пролетов деревянного моста, сделав, таким образом, оба моста непроезжими и отделив бермондтовскую армию от Риги. Достойно внимания еще и то обстоятельство, что студенческая рота, совершив этот воистину геройский подвиг, вернулась без потерь. Это обстоятельство – порча мостов – внесло некоторое успокоение в деморализованную латышскую армию, отхлынувшую было за Ригу к Стакельну, где с помощью эстонских войск латышский главнокомандующий генерал Симонсон предполагал дать генеральное сражение бермондтовской армии.

Вряд ли генерал Симонсон имел какой-либо план, потому что он раньше всех бросил свою армию и, не дав никому никаких распоряжений, уехал в Венден. Поэтому оборона Риги перешла исключительно в руки командира студенческой роты капитана Зоммера, проявившего огромную распорядительность и большую энергию, которые он проявлял и впоследствии, когда был назначен на хлебный пост министра торговли и

промышленности, с какового ушел не по своей воле.

Знал ли капитан Зоммер, что эстонская помощь близка и что Ригу нужно удержать до подхода эстонцев какой бы то ни было ценой, или он сам, будучи лицом безответственным, рискнул, на свой страх, проделать опыт борьбы за неукрепленный город с 250-тысячным населением, но факт тот, что Рига стала активным фронтом.

На оборону мостов были посланы студенты, служащие правительственных учреждений, железнодорожники, пожарные и т. п.

Вдоль всей набережной Двины, прямо на мостовой, были вырыты окопы и возведены проволочные заграждения, на перекрестках улиц, ближайших к набережной, были расставлены пулеметы, броневые автомобили и минометы.

К вечеру 10 октября в Ригу прибыли четыре эстонских бронированных поезда, а ночью в Больдераа из Финского залива прибыла эскадра английских крейсеров, которые, увы, должны были поддерживать с моря наступление Юденича на Петроград.

Промедление, сделанное Бермондтом в ночь с 8-го на 9 октября, оказалось для него «смерти подобным». Период острой паники в латышской армии прошел, и она начала вновь накапливаться в Риге и около нее. В Ригу же вернулись правительство и Народный Совет.

Трагедия генерала Юденича

Для Северо-Западной армии, уже перешедшей в наступление от Ямбурга и Гдова и забиравшей сдающихся тысячами красноармейцев, теперь создалось в высшей степени трагическое положение как в стратегическом, так и в политическом отношении. Армия Юденича теперь была обессилена выбытием 4 мощных бронированных эстонских поездов, снятых с Петербургского фронта и посланных под Ригу на бермондтовский фронт. Далее армия Юденича лишилась поддержки английской эскадры с моря, которая, вместо обещанной бомбардировки Кронштадта и Красной Горки, отплыла в Ригу для обстрела армии полковника Бермондта.

Не менее трагическим оказалось и политическое положение Северо-Западной армии. Взамен обязательства северо-западного правительства о признании независимости Эстонской Республики, эстонская армия приняла участие в походе армии Юденича на Петроград. Вместе с тем Эстония являлась и главной тыловой базой, питавшей Северо-Западную армию всем необходимым, и потому все политические осложнения в тылу

роковым образом должны были отразиться на положении и состоянии фронта. Но теперь, связанная общностью судьбы и политических интересов с Латвией, Эстония предпочла вместо помощи Юденичу оказать помощь Латвии.

Для того чтобы нагляднее иллюстрировать тяжелое положение Юденича и показать, почему эстонцы, при их традиционной вражде к латышам, поспешили с помощью Латвии, я приведу несколько выдержек из эстонских газет, характеризующих в тот момент общественные настроения Эстонии:

Правительственный официоз «Waba Maa» писал:

«Планы Бермондта ясны – усмирить мятежную Латвию и присоединить ее к великой России. За Латвией настанет очередь и Эстонии… Нет сомнения, что Бермондт действует в полном согласии с Колчаком и Деникиным. Но Бермондту не так-то легко удастся втолкнуть Латвию и Эстонию в пасть русских монархистов…»

Упоминая о Колчаке и Деникине, «Waba Maa» не называла имени Юденича только из известной дипломатической деликатности, хорошо, однако, зная, что Юденич был подчинен Верховному правителю Колчаку и субсидировался им.

Более резко и решительно, ставя все точки над «1», писал «Sozial-demokrat»:

«В связи с операциями северо-западного правительства против Петрограда, в которых участвует и Эстония, мы стали на неизвестный путь. У власти стоят совершенно неизвестные нам люди, истинное лицо которых мы еще не рассмотрели. У Риги против латышей сражается Бермондт, считающий все малые государства мятежниками против России. Бермондт не только предводитель шайки, но и командующий войсками «западного» правительства, целью которого является восстановление неделимой России. В свою очередь, Бермондт составляет лишь звено цепи, окружающей Россию. Эстонское военное командование весьма благосклонно относилось к завоевателям Петрограда, и потому в нашем положении накопилось много противоречий, нуждающихся в выяснении. Находиться с одной и той же властью в состоянии войны, с одной стороны, и ждать обеспечения нашей будущности от той же власти – с другой, – нелогично. В сущности, мы не знаем, каковы отношения между представителями наиболее значительных течений: Колчаком, Деникиным и Юденичем. Весьма возможно, что Юденич и Бермондт люди одной и той же идеи, но каждый из них стремится к ней разными путями. И если мы теперь не хотим участвовать в походе Юденича на Петроград, то пусть он в этом винит не нас, а

Бермондта…»

За уступку эстонцам латышского города Валка и за возмещение расходов по экспедиции Эстония положила свое оружие на латышскую чашу весов в споре с полковником Бермондтом.

Этим сложным политическим обстоятельством не могли не воспользоваться большевики. 15 октября Чичерин одновременно послал по ноте латышскому и эстонскому правительствам с предложением мира на условиях полного признания независимости обеих республик и значительных материальных, экономических компенсаций в их пользу. Не нужно забывать, что ко времени посылки этих нот Колчак занял Пермь, деникинские войска, взяв Орел, находились уже в трехстах верстах от Москвы, а Юденич охватывал Петроград.

К чести латышей, предложение Чичерина было решительно отвергнуто, эстонцы же изъявили согласие на ведение мирных переговоров лишь после окончательного разгрома армии Юденича.

Совершенно излишне говорить, какие решительные меры пришлось предпринять генералу Юденичу и Северо-Западному правительству, чтобы отмежеваться от Бермондта и солидарности с ним. Желая хотя бы до некоторой степени ослабить негодование эстонского общественного мнения в отношении Северо-Западной армии, генерал Юденич опубликовал следующий приказ по армии:

«Нарва, 9 октября 1919 г. № 73.

Ввиду преступного выступления полковника Бермондта против Латвии, отрешаю полковника Бермондта от должности командующего корпусом имени графа Келлера и объявляю его изменником родины.

Главнокомандующий Северо-Западным фронтом ген. *Юденич».*

Со своей стороны министр иностранных дел Северо-Западного правительства послал на имя латвийского министра иностранных дел телеграмму:

«Главнокомандующий Северо-Западным фронтом просил меня в Вашем лице сообщить правительству Латвии, что приказом главнокомандующего от 9 октября за № 73 полковник Бермондт, за многократное неисполнение приказаний главнокомандующего и за открытие враждебных действий против Латвии, объявлен предателем отечества. Он и войска,

находящиеся в его распоряжении, исключены из списков войсковых частей Северо-Западного фронта, подчиненных генералу Юденичу, и поэтому главнокомандующий просит не считать их русскими войсками.

Министр иностранных дел Северо-Западного правительства *Лианозов».*

Одновременно, непосредственно к солдатам армии Бермондта, Северо-Западным правительством по радио было послано следующее воззвание:

«Офицеры и солдаты! Вы уже знаете воззвание главнокомандующего генерала Юденича, вы читали его приказ, согласно которому полковник Авалов-Бермондт объявлен изменником родины, а вы, верные сыны отечества, призываетесь на нарвский фронт на борьбу с большевиками, а не в Ригу, против латышских войск – наших друзей, но не врагов. Знаете ли вы, чем грозит эта измена нашему фронту? Наше победоносное наступление может приостановиться, так как латышские войска будут оторваны от борьбы с большевиками. Эстонские войска пойдут на помощь Латвии, наш тыл будет не защищен, и мы будем принуждены отступить, в то время когда у нас уже имеются большие надежды на успех. Большевики успеют отдохнуть, собраться с силами и возобновить свои преступные действия против свободы народа и его воли. Правительство убеждено, что вы исполните свой святой долг и все как один человек отзоветесь на это воззвание».

Чтобы еще больше рассеять подозрительность эстонцев и латышей, генерал Юденич, вслед за приказом об объявлении полковника Бермондта изменником, принес в дар латышской армии 4 пушки. В ответ на это командующий латвийской армией Симонсон послал следующую телеграмму:

«Главнокомандующему Северо-Западной армией генералу Юденичу.

Начальник миссии союзников сообщил мне радостную весть, что вы послали в Ригу для нашей армии 4 орудия. Этот подарок в нынешний тяжелый момент борьбы за родину приходит вовремя и свидетельствует о благожелательных отношениях Вашего Высокопревосходительства к нашей республике. Посылаю Вам от лица латвийской армии и измученного народа и от себя лично глубочайшую благодарность.

Рига, 14 октября 1919 г.

Генерал *Симонсон».*

Копия с этой телеграммы, по распоряжению латышского правительства, была расклеена на всех улицах Риги.

Полковник Бермондт не остался в долгу перед генералом Юденичем и ответил ему телеграфной же дерзостью. Радиотелеграмма из Митавы от 12 октября за № 2220 гласила:

«Ревель. Генералу Юденичу.

Контрнаступление на эстонские и латышские войска было произведено с той целью, чтобы войска мои не попали в положение, в котором находилась Ваша Северная армия, тыл которой обеспечен не был. За Вашими приказами последовали заявления от Ваших офицеров, что приказы эти не обязательны по отношению ко мне, ибо Вы не являетесь хозяином в Ваших действиях. В таком духе я понимаю Вашу последнюю телеграмму. Моими последующими операциями я надеюсь принести пользу не только отечеству, но и Северной армии. В истинность приводимых Вами обвинений я не могу верить, ибо в то время, когда Ваши войска находятся в состоянии, непереносимом для русской гордости, моя армия в Курляндии находится на должной высоте и высоко держит в былом величии русское знамя.

Полковник *Авалов».*

Еще более резко ответил председатель западного правительства граф Пален следующей радиотелеграммой из Митавы от 14 октября за № 1816:

«Генералу Юденичу, Ревель.

Совет Западного Русского Правительства, ознакомившись с содержанием Вашей телеграммы, адресованной главнокомандующему Западной Добровольческой армии, опровергает возведенную на нее клевету. Совет знает, что Ваше выступление совершается в пользу врагов России, направлено против русской армии, защищающей последний клочок русского берега, и навязано Вам темными силами. Западно-русская добровольческая армия, от всей души надеясь на лучшее будущее России, ждет того дня, когда она расчистит себе доступ к Вам, будет в состоянии бок о бок с Северной армией принять участие в боях за спасение отечества».

В заключение этой интересной телеграфной полемики не могу не отметить еще одной радиотелеграммы, адресованной Бермондтом и графом Паленом «Представителям союзных держав в России». Каким «представителям союзных держав в России» было адресовано это радио, вряд ли знали и сами авторы, так как,

насколько известно, в период наивысшего большевистского террора 1918–1919 годов в Советской России не находилось ни одного иностранного представителя. В равной степени кажется необыкновенно странным отсутствие времени и места отправления и номера радио, принятого почему-то в Митаве. Единственное, что можно предположить, – это то, что авторы ноты адресовали ее представителям Антанты в Прибалтике, которую полковник Бермондт и граф Пален считали частью России, самая же телеграмма была послана из Торенсберга и, между прочим, принята и Митавой:

«Принята в Митаве в 1 ч. ночи по латышскому времени подполк. Гров.

Представителям союзных держав в России.

21 октября мне, как командующему русскими войсками, сформированными в Западных областях, необходимо было укрепить положение для борьбы с большевизмом и водворения порядка. С этой целью я вошел в контакт с командующим германскими войсками, оккупировавшими край, с тем чтобы обеспечить отступление и безопасность отправляющихся на родину германских транспортов. Чтобы спасти области, оккупированные моими войсками, от состояния анархии, в котором они могли очутиться, я поручил назначенному мною Центральному совету образовать временное правительство на демократических началах, находящееся в согласии с желаниями населения. К сожалению, латышское временное правительство приступило к концентрации около позиций моих войск крупных эстонских и латышских войсковых частей, не считаясь с нейтральной полосой и этим подавая повод к столкновениям. Ибо когда мои войсковые части явились на смену германским сторожевым постам, мною был отдан приказ не вступать в бои с эстонско-латышскими войсками, несмотря на их постоянные подстрекательства. Находясь далеко от всякой умеренности, они считали мое поведение признаком слабости и атаковали мои позиции, что принудило меня принять меры в целях укрепления моего военного положения и занять снова боевую линию, дающую мне возможность выступить против врагов отечества большевиков, чтобы бороться с ними. Смею надеяться, что союзники моей родины не откажут мне в моих стремлениях своей поддержкой, согласно договорам, связывающим меня с ними и облегчающим мне мою деятельность.

Главнокомандующий Западно-русской армии *Авалов-Бермондт.*

Председатель Центрального совета гр. *Пален.*

Члены совета: ген. майор *Соколу* инжен. *Ильин».*

Блокада Германии и осада Риги

Но вся эта «словесность» ни в малой степени не облегчила полковнику Бермондту ни его стратегического, ни политического положения за Двиной.

Угроза Антанты блокадой по отношению к Германии оказалась не формальной угрозой. Всякое движение судов к германским портам было прекращено. Германские коммерческие пароходы, шедшие в Ревель, Либаву и Ригу, были задержаны в Балтийском море английской эскадрой и отправлены в Копенгаген. Несколько германских торговых кораблей были арестованы в либавском и ревельском портах англичанами. Положение германского правительства стало еще более неловким, когда Бермондт, дойдя до двинских мостов, послал германскому правительству телеграмму с благодарностью «за оказанные услуги по вербовке и снаряжению армии». Едва ли германское правительство поблагодарило полковника Бермондта за подобную предупредительность.

Но и блокада Германии, и объявление Бермондта изменником не помешали ему в его артиллерийских упражнениях по Риге. Вся ночь с 9-го на 10 октября и почти весь день 10 октября, вплоть до наступления темноты, прошли в непрерывной артиллерийской стрельбе. Латышская артиллерия и эстонские броневики поливали свинцом и сталью бермондтовские позиции в Торенсберге и Гагенсберге, бермондтовская артиллерия громила Ригу. Временами артиллерийская симфония достигала такой силы, что беспрерывные орудийные выстрелы сливались в один продолжительный гул.

В результате двухдневной бомбардировки во внутреннем, так называемом «старом городе» буквально не было ни одного дома, который не был бы поврежден. Все улицы были засыпаны кирпичами, черепицами и листами железа, сорванными с крыш. В разных частях города от разрывающихся снарядов загорались дома, и тушить их не представлялось возможным, так как бермондтовская артиллерия стреляла даже по горевшим зданиям, не жалея тратить на них восьми- и десятидюймовые снаряды.

Застигнутые внезапным наступлением жители «старого города» не имели времени перебраться в более отдаленные и безопасные места и отсиживались в подвалах и погребах, терпя холод и голод. Все магазины были заперты и частью разграблены, а смельчаки, пытавшиеся делать вылазки для поисков продовольствия, делались жертвами бешеного огня артиллерии.

Поздно вечером 10 октября обстрел Риги прекратился, и следующая ночь прошла сравнительно спокойно. Это временное затишье дало рижанам повод думать, что Бермондт, отчаявшись взять Ригу лобовым ударом, оставил ее в покое, с тем чтобы взять ее обходным движением, форсировав Двину у Икскюля, подобно тому как это сделала 8-я германская армия в августе 1917 года, зайдя в тыл Риге и заставив 12-ю русскую армию автоматически очистить Ригу.

Эти предположения были верны и неверны. С одной стороны, оперативная сводка штаба латышской армии от 11 октября сообщала, что «неприятельские отряды пытались форсировать Двину у острова Далена, но были рассеяны огнем латышской артиллерии» и что «повторные атаки неприятеля были отражены с большими для него потерями». С другой стороны, одновременно же полковник Бермондт предложил латышам перемирие. На имя генерала Симонсона из Митавы было послано радио:

«Радиотелеграмма из Митавы. № 1630. 10 октября. Командующему латышскими войсками.

Опасность, грозившая моему левому крылу от латышей и эстонцев, победоносно отражена моими войсками. Положение мое укрепилось. В целях прекращения кровопролития предлагаю заключить перемирие и приступить к переговорам в Митаве, одновременно призывая к объединенной борьбе против большевиков. Нахожусь в ожидании ответа путем радио.

Командующий Западной армией полковник *Авалов-Бермондт».*

Но латыши, теперь уже относительно оправившиеся и поддерживаемые эстонцами и английским флотом, ответили решительным отказом. В ответ Бермондту была послана следующая телеграмма:

«Полковнику Бермондту-Авалову

Митава

В ответ на Ваше радио, отправленное 10 октября, в 11 часов ночи, сообщаю:

1. Вы отвергли предложение латвийского правительства перевести Ваши войсковые части на фронт генерала Юденича, Нарва – Гдов.

2. Находящиеся под Вашим командованием русско-немецкие части, без всякого основания и не считаясь с международным правом и моралью, ударили в тыл латышской армии в тот самый момент, когда она успешно оперировала на большевистском

фронте, начав наступление на Ливенгоф и Двинск.

3. Этот Ваш образ действий вынудил русского главнокомандующего Северо-Западной армией генерала Юденича исключить Вас и Ваши войсковые части из состава русской армии. Вы сами 9 октября были объявлены предателем России.

На Ваше предложение начать с Вами переговоры о перемирии может быть только один ответ: мы будем продолжать варварским образом навязанную нам борьбу до тех пор, пока Вы и Ваши войска будут находиться на нашей родной земле. Весь культурный мир знает, что победоносно веденная им борьба за культуру, свободу и человечество продолжается нами. Культурный мир только что вынес свое решение. Против этого решения разбойники и убийцы бессильны.

Генерал *Симонсон».*

Но полковника Бермондта и его армию ожидал еще более неприятный сюрприз. 14 октября в Митаву прибыли три английских офицера-парламентера с письмом, адресованным «генералу Бермондту, командующему германскими войсками». В штабе Бермондта парламентерам было сообщено, что «генерала Бермондта, командующего германскими войсками», не существует, после чего парламентеры были удалены из Митавы. Не ознакомившись с содержанием письма парламентеров, полковник Бермондт послал представителям Антанты в Прибалтике ноту-радио:

«Находившиеся в Рижском заливе суда союзников при последних боях с большевиками в январе текущего года немедленно вышли в открытое море, не оказав поддержки сражавшимся с большевиками силам. В борьбе Западной русской армии с большевистскими бандами Земитана английский флот засыпает снарядами мой 1-й Пластунский казачий полк и мирных жителей Торенсберга и проливает русскую кровь, вероятно, в благодарность за геройскую помощь, оказанную Россией союзникам во время войны. Я усматриваю в этом оказание Вами поддержки большевикам, этим злейшим врагам России и всего мира. Я не уступлю своих позиций, и мои войска будут сражаться до последней капли крови за благо России.

Главнокомандующий Западной добровольческой армией

Полковник князь *Авалов-Бермондт».*

Вмешательство английского флота

Но Бермондт в этой своей ноте несколько предвосхитил события. Англичане тогда еще не стреляли, и он принимал огонь

латышской артиллерии и эстонских броневых поездов за огонь англичан.

Бомбардировка бермондтовских позиций английской эскадрой началась при следующих обстоятельствах.

14 октября, днем, в штаб казачьего полка в Усть-Двинске явился английский офицер с командой и от имени командира эскадры предъявил ультиматум с требованием очистить крепость Усть-Двинск к 12 часам дня 15 октября и с угрозой, что в случае неподчинения приказу английская эскадра, стоящая в Риге, откроет огонь по крепости и предместью Больдераа. Штаб казачьего полка телеграфировал об английском ультиматуме в Митаву, прося распоряжений. Но ответа, вероятно, получено не было.

Тем временем большие силы латышской армии приступили к обложению Усть-Двинска и Больдераа с суши. 15 октября английская эскадра, спустя 4 часа по истечении срока ультиматума, открыла ураганный огонь по Усть-Двинску, Больдераа и всем укреплениям. Огонь эскадры в полном смысле слова был уничтожающий. Вся местность буквально кипела от разрыва снарядов. Как велики были потери несчастной армии, можно судить по тому, что английская эскадра состояла из четырех крейсеров новейшего типа, одного крейсера-истребителя типа «F-85», двух канонерок и двух эскадренных миноносцев, не считая четырех французских миноносцев, только что прибывших из Либавы. О губительной силе огня свидетельствовала и сводка Западной армии, сообщавшая, что в течение 50 минут по одной только крепости Усть-Двинск было выпущено свыше ста тяжелых снарядов, вырывавших в земле воронки диаметром от 2 до 3 саженей. Действие огня было ошеломляющее. Бермондтовские батареи были буквально сметены. Сразу же после обстрела латышские войска стремительно бросились занимать крепость и Больдераа. Часть латышских войск вошла в крепость с суши, часть высадилась с заранее оборудованных пароходов и барж, ожидавших конца обстрела в Двине. Пленных и раненых латыши не брали и беспощадно приканчивали на месте, согласно приказу: «Пленных не брать!» Каким-то чудом уцелели только 350 русских солдат, которых латыши пощадили и взяли в плен.

О подробностях этого трагического происшествия, когда английская эскадра, предназначенная в помощь Юденичу в Финском заливе, оказалась стреляющей по небольшевистским войскам, бюро печати Западной армии официально сообщало 16 октября:

«14 октября адмирал английской эскадры в Либаве потребовал от главнокомандующего Западной русской армией, в

ультимативной форме, отозвания русских войск с позиции под Усть-Двинском, под предлогом, что эти части якобы представляют угрозу английским судам, стоящим в Усть-Двинске. Полковник Авалов-Бермондт по радиотелеграфу сообщил англичанам, что Усть-Двинск занят 1-м Пластунским казачьим полком и что он лично принимает, в качестве главнокомандующего Западной русской армией, ответственность за безопасность английской эскадры в Усть-Двинске.

Несмотря на этот ясный ответ полковника Авалова-Бермондта, русские войска, стоящие в Усть-Двинске и Торенсберге, были обстреляны английскими морскими орудиями. Один батальон Пластунского казачьего полка благодаря этому нападению был совершенно уничтожен. Английский адмирал в Либаве в своей радиотелеграмме от 15 октября открыто сознает состоявшийся обстрел и грозит не прекращать огня по русским частям до тех пор, пока не будут очищены все предместья.

Открытием военных действий против антибольшевистских войск, представляющих собой часть армии генерала Деникина, Англия открыто становится на сторону большевиков и вступает в состояние войны со своими бывшими союзниками – русскими. Эта открытая поддержка большевиков тем более непонятна, так как Англия одновременно призывает все культурные нации к окончательной борьбе с большевизмом».

Возмущенный Бермондт в ответ на бомбардировку Усть-Двинска, от себя лично послал очередную ноту:

«Радио. 16 октября 1919 г. № 114. Митава.
Командиру английской эскадры.

В связи с перехваченной Вашей радиотелеграммой, в которой Вы требовали, чтобы мои войска в течение 2 часов очистили Усть-Двинск, 15 октября с трех миноносцев был открыт огонь, несмотря на мое сообщение, что Усть-Двинск занят 1-м Пластунским полком. Я возмущен и удивляюсь, что английское командование допустило открытие огня с моря и таким образом была пролита кровь русских солдат. Мною отдан приказ стрелять по кораблям, открывающим огонь против моих войск. О Ваших действиях, поддерживающих латышских мятежников против русской армии, сражающейся за восстановление России, я сообщил адмиралу Колчаку и генералу Деникину.

Командир Западной добровольческой армии князь *Авалов».*

На эту угрозу последовал краткий ответ:

«Полковнику Бермондту. Митава.

Я не признаю русского командира, воюющего вопреки приказам генерала Юденича и ведущего бои под немецким руководством.

Либава, 16/10 1919 г. № 6746.

Капитан *Бриссон».*

После такого уничтожающего поражения полковнику Бермондту, казалось бы, следовало убраться из-под Риги подобру-поздорову и оставить ее в покое. Но бермондтовские войска, стоявшие в Торенсберге и тоже понесшие значительные потери, в отместку за личные неприятности днем 15 октября вновь открыли губительный огонь по несчастному городу. На этот раз стрельба производилась даже снарядами с удушливыми газами, жертвами которых в больницах умерло 28 человек. Чтобы заставить замолчать бермондтовские батареи и прекратить бессмысленную стрельбу, английская эскадра вновь подвергла жестокому обстрелу артиллерийские позиции частей армии Бермондта в Торенсберге и Гагенсберге.

Вечером того же дня Бермондт, обескураженный новой стрельбой англичан, стал просить перемирия и послал капитану Бриссону новую ноту:

«№ 190. 15/10.

Командующему английской эскадрой, Ревель – Либава.

Обеспечив мою военную базу для похода против большевиков, уже 10 октября я предлагал латышам прекращение военных действий. Прошу Вас помочь мне в достижении этой цели. Войска мои стреляли только по позициям угрожавших мне латышей. Считал корабли союзников друзьями России, а не частью латышского войска, борющегося против нее. Так как переговоры по радио слишком медленны, прошу выслать в Митаву уполномоченных для переговоров о скорейшем прекращении кровопролития. Требую прекращения огня союзных кораблей по моим войскам и по мирному населению Торенсберга.

Командующий Западной добровольческой армией полковник князь *Авалов-Бермондт».*

Ответ Бриссона гласил:

«Митава. Полковнику Бермондту.

Прежде чем дать союзным военным судам другие инструкции, я жду Вашего извещения, что военные действия между Вашими и латвийскими войсками прекращены и что вы уже покинули все рижские позиции. Прошу Вашего объяснения о бомбардировке тех мест, поблизости которых находились на

якорях корабли союзников.

Капитан *Бриссон».*

Само собой разумеется, что ни латыши, ни англичане нимало не верили искренности всей этой радиолитературы, которую полковник Бермондт усердно плодил в течение этих пяти-шести дней, являя пример самого словоохотливого во всей мировой истории полководца. Но все же, не желая подвергать свои войска новому обстрелу с моря и желая вывести их на приличное расстояние от небезопасного теперь Усть-Двинска, Бермондт распорядился отвести свое левое крыло обратно к великолепно оборудованным Олайским позициям. Это отступление было формулировано в сводке Западной армии следующим образом:

«За последние дни огонь военных судов Антанты в рижском районе усилился. Поэтому командование Западной армией было вынуждено оттянуть свои войска с обстреливаемых мест. Предполагая, что мы отступаем, латыши густыми колоннами последовали за нами, но попали под огонь наших арьергардных пулеметов и понесли большие потери. Особенно пострадал 5-й Венденский полк, два батальона которого совершенно уничтожены. Отряды Западной армии ночью отступили на Олайские позиции. Неприятель не осмелился до сего времени преследовать нас. В данный момент у нас нет боевой связи с неприятелем. Войска, находившиеся под огнем судов Антанты, на хорошо оборудованных Олайских позициях, могут спокойно ожидать дальнейшего наступления латышей, если они осмелятся его повести».

Неудачи под Икскюлем и Фридрихштадтом

Но беда никогда не приходит одна, а влечет за собой ряд новых. Прежде всего, надежд полковника Бермондта не оправдал Балтийский ландесвер, то есть добровольческие полки немецкой молодежи Прибалтики, организованные немецким баронством еще во время борьбы с латышскими большевиками в начале 1919 года. Бермондтовское командование и лифляндско-курляндское баронство сильно рассчитывало, что в нужнй момент ландесвер примкнет к бермондтовской армии и, находясь в Латгалии, ударит латышам в тыл, в то время как бермондтовские отряды будут переходить Двину в районе Фридрихштадта. Однако балтийская немецкая молодежь не сочла нужным вмешиваться в эту историю и предпочла борьбу с латышскими большевиками на Латгальском фронте. Нужно признать, что Латвия, все силы которой с большевистского фронта были переброшены на

бермондтовский фронт, если кому и обязана недопущением вторичного вторжения красных латышских стрелков на латвийскую территорию, то исключительно Балтийскому ландесверу, мужественно отражавшему все атаки Красной армии на латгальском, режицко-двинском, красном фронтах.

Не удавался никак и переход через Двину в обход Риги. Потерпев дважды поражение под Икскюлем, то есть в наиболее удобном месте для переправы через Двину, штаб полковника Бермондта стал пробовать счастья в другом месте, более уязвимом и более неудобном, у Фридрихштадта. Но и здесь, несмотря на отличные артиллерийские подготовки, бермондтовская пехота не только не проявляла особенной доблести, но, наоборот, фридрихштадтский плацдарм сделался пунктом, где бермондтовцам русской национальности было особенно удобно переходить на сторону латышей, чем они и пользовались в достаточной мере.

В итоге десятидневной неудачной борьбы за переправу через Двину и в связи с рано наступившими холодами настроение бермондтовских войск упало, участились случаи неповиновения боевым приказам, открылись митинги, на которых солдаты открыто обсуждали вопросы: наступать или не наступать, воевать или не воевать? Положение осложнилось еще и тем, что сдавшиеся в плен русские бермондтовцы, убедившись, что их до сих пор обманывали, выдавая латышских солдат за большевиков, составили воззвание к своим товарищам с разоблачением обмана и с предложением не воевать с латышами. Воззвания эти затем сбрасывались с латышских аэропланов, над расположением бермондтовских войск. Так как воззвания эти были не анонимные, а подписанные фамилиями, известными русским солдатам, оставшимся по ту сторону Двины, они сыграли большую роль в разложении русской части бермондтовской армии.

Я должен категорически заверить, что отношение латышских солдат к пленным русским бермондтовцам было не только вполне корректное, но и братское. В то время как пленных немецкой национальности латыши беспощадно расстреливали, к русским солдатам было проявлено максимум внимания, предупредительности и заботы. Их не только не держали в плену, но и снабжали всем необходимым, считая их невинными жертвами обмана. Значительная часть русских бермондтовцев, по их личной просьбе, была отправлена латышами к генералу Юденичу на петроградский фронт, но уже, к сожалению, тогда, когда большевики прорвали его обходом матросского десанта, высаженного в Ораниенбауме.

По рассказам русских бермондтовцев, они абсолютно ничего не знали ни о приказах Юденича с требованием выступления на нарвский фронт, ни об объявлении полковника Бермондта изменником; не знали в точности, против кого их вели в бой; по объяснению их командиров, латыши были теми же большевиками, но несколько трусливее большевиков.

По словам этих же пленных, полковник Бермондт однажды посетил лазарет в Митаве, где находились раненые латышские солдаты, и произнес речь, в которой говорил, что Латвия не может существовать самостоятельно и потому будет присоединена к России. Другой раз Бермондт посетил еврейскую синагогу в Митаве и предложил митавским евреям организовать еврейский добровольческий батальон. 12 октября в Митаве было отслужено торжественное молебствие по случаю взятия Риги.

Тревога на Литве

Поражение армии полковника Бермондта под Усть-Двинском и его неудачи у Икскюля и Фридрихштадта отозвались и на настроении Литвы, державшейся до сих пор нейтралитета. Теперь, неожиданно для самой себя, Литва вдруг открыла у себя «колчаковский фронт». «Колчаковским фронтом» штаб литовской армии называл свой антибермондтовский фронт, не осмеливаясь называть его немецким фронтом, как это делали латыши в своих сводках. С этого времени маленький штаб маленькой литовской армии изо дня в день неизменно приводил одну и ту же реляцию: «На колчаковском фронте без перемен», «На колчаковском фронте ночь прошла спокойно…». Как будто когда-нибудь утро, полдень или вечер «на колчаковском фронте» в Литве проходили не спокойно.

Но это комическое обстоятельство все же не укрылось от внимания Бермондта, который 18 октября послал литовскому министерству иностранных дел и литовской Тарибе ноту:

«До меня дошли сведения, что литовские войска концентрируются в районе Шадов, близ Сагола. С некоторых пор до меня доходят слухи, которым я не могу верить, что литовское правительство намеревается напасть на мои войска. Имею честь заявить правительству Литвы, что моя единственная задача заключается в борьбе с большевиками; я не имею никаких намерений ставить литовскому правительству какие-либо препятствия в деле свободного развития литовского государства. Центральный совет занятых мною областей и я придерживаемся провозглашенных президентом Вильсоном принципов и признаем, таким образом, полный суверенитет литовского народа

и его право самостоятельно решать свою судьбу. Я прошу Вас известить меня о причинах концентрации войск; я надеюсь достигнуть союза с Литвой для борьбы против нашего общего врага – большевиков».

Насколько серьезно в данном случае полковник Бермондт оперировал с принципами Вильсона, можно судить по тем комментариям к ноте, которые давал «Die Trommel» в примечании к этой ноте, видимо кого-то успокаивая:

«Текст этой ноты находится в явном противоречии с прежними разъяснениями и операциями полковника Бермондта в Латвии и полковника Выргoлича в Литве, которые в качестве представителей русской власти не пожелали признать образования отдельных республик. Если сейчас правительство полковника Бермондта выступает в качестве поклонника принципов Вильсона и признает литовский суверенитет, то такая тактика объясняется лишь требованиями данного момента».

Разумеется, фактически никаких особенных агрессивных намерений литовцы не имели; они довольствовались своим «колчаковским фронтом», а если и происходили какие-либо воинские перемещения, то потому, что теперь, когда положение армии Бермондта было подорвано, в числе желающих оказать помощь Латвии оказалась и Польша.

Мною уже своевременно отмечалось, что сразу после ультиматума полковника Бермондта к латышам о беспрепятственном проходе его через Ригу латвийское правительство послало своих эмиссаров также и в Польшу. Не отказываясь в принципе от оказания помощи, Польша однако выставила следующие требования: отдача Польше Либавского порта и уступка Латгалии, которую Польша обязывалась освободить от большевиков. Во время пребывания латышских эмиссаров в Варшаве туда же прибыли и эмиссары полковника Бермондта – князь Кропоткин и граф Борх, в целях склонить польское правительство к нейтралитету, за что Польше великодушно предлагалась… вся южная часть Литвы. Но эмиссары Бермондта не были приняты польским правительством и им было предложено в кратчайший срок покинуть Варшаву. Латышские депутаты также выехали из Варшавы, не сойдясь в цене за помощь. Но теперь, задним числом, Польша тоже вздумала заработать на бермондтовщине. Этой запоздалой помощью, вероятно, и была вызвана тревога литовцев, переводивших свои войска в южную часть Литвы, рикошетом испугавшая и Бермондта.

Это была последняя нота полковника Бермондта. Весь литературный пафос его иссяк и главнокомандующий Западной

армией теперь счел за благо приняться за свою прямую специальность: вместо нот стали говорить только пушки, минометы, бомбометы и аэропланы. И только один раз Бермондт не выдержал и послал-таки ноту… рижскому духовенству!

Страдания Риги

Потянулась долгая и бессмысленная осада несчастного города, длившаяся целых пять недель.

Я до сих пор не понимаю, чем именно руководствовался полковник Бермондт, пять недель разрушая город и убивая и калеча население, у которого большевики еще недавно выпустили столько крови. Подвинуться вперед он уже никак не мог, так как в Риге и Либаве стояли сильные союзнические эскадры, способные в любой момент из нескольких десятков тысяч людей сделать несколько десятков тысяч трупов. Латышская армия пополнялась новыми мобилизациями. Эстонцы в любое время могли увеличить свои вспомогательные силы на рижском фронте. Переправы через Двину сопровождались хроническими неудачами. Обескураженные поражениями войска явно разлагались и либо самовольно отправлялись в Германию, либо дезертировали в Литву, и этого дезертирства не могли предотвратить даже массовые расстрелы. И тем не менее Рига подвергалась ежедневной бомбардировке, и артиллерийский огонь то сокращался до нескольких дежурных выстрелов, то разгорался до степени урагана. Почти ежедневно делали визиты и аэропланы, считавшие своим долгом всегда сбрасывать бомбы.

Стрельба носила беспорядочный характер, начиналась в различное время, и поэтому никто не был уверен, где и когда человека, вышедшего из дому, может застигнуть смерть от разрыва снаряда. Было бы еще понятно, если бы бермондтовская артиллерия обстреливала те или иные стратегически важные районы и пункты, места или здания, казавшиеся чем-либо подозрительными, но бермондтовская артиллерия с одинаковым усердием обстреливала вокзалы и частные дома, правительственные здания и церкви, базары и больницы, музеи и скверы, сады и городские приюты. Что обстрел Риги носил характер чистого озорства, можно видеть из того, что иногда по городу выпускались исключительно химические снаряды с удушливыми газами. В местах, где падали такие снаряды, воздух застилался едким черным дымом, отравляясь которым умирали находившиеся на улице люди и лошади. Там, где разрывались такие снаряды, камни мостовой и стены домов окрашивались светло-зеленой краской. Сколько было убитых, раненых и

отравленных газами за все время бомбардировки Риги, точно сказать трудно, но, во всяком случае, количество жертв бессмысленного обстрела должно определяться сотнями.

Даже пребывание в домах не спасало людей от смерти, так как сплошь и рядом тяжелые снаряды насквозь пробивали толстые стены домов, разрушая квартирную обстановку и убивая и раня жильцов. Нередко бомбами, сброшенными с аэропланов, разрушались целые деревянные дома. Один снаряд, разорвавшись в квартире датского консула Нильсена, разрушил всю обстановку и убил жену консула. Сам консул, отравленный газами, был отправлен в больницу. 29 октября в 3 часа дня снаряд попал в городскую столовую, переполненную посетителями. К счастью, снаряд, пробив толстую стену, не разорвался, но осколками кирпичей было ранено восемь человек.

Между прочим, подвергся бомбардировке и городской музей, в котором осколками снарядов были испорчены некоторые картины русско-латышских художников, в частности «Северная ночь» академика Пурвита, «Купальщицы» Розенталя и «Вечер» Клевера.

Но самым безобразным деянием артиллерии Бермондта был обстрел рижских церквей, из которых особенно пострадали древнейшая «Peter Kierche», Dom и православный кафедральный собор. В православном соборе были выбиты все стекла, произведены огромные разрушения в цилиндре купола, самый купол был пробит в трех местах, одним из снарядов был сметен весь правый портал. Впоследствии из-за проникшей в окна и пробоины сырости погибла прекрасная стенная роспись собора.

Что касается повреждений художественных и исторических зданий старой Риги, об этом свидетельствует протокол экспертов-специалистов, составленный после окончания обстрела:

«Бермондтовская бомбардировка была первая со времени той, которой в 1710 г. Великий Петр подверг Ригу, перед ее капитуляцией. С тех пор войны пощадили город, если не считать сожжения форштатов в 1812 г., произведенного русскими властями ввиду ожидаемого наступления французов. Это сожжение предместий имело целью очистить гласис перед стенами крепости. При всей своей нелепости и разорительности, оно не уничтожило никаких замечательных архитектурных памятников, тогда в форштатах не имевшихся.

К счастью, ни одна из башен Риги не была сбита снарядами Авалова. В замок было порядочно попаданий, и выходящая на берег массивная башня сильно повреждена в верхней части, однако башня лишена каких бы то ни было художественных деталей, и потому исправление ее является вопросом чисто

строительным. Прелестный висячий балкончик XVII века, приклеенный к левому углу, выходящему на берег корпуса, уцелел, если не считать разбитых стекол, хотя небольшого снаряда было бы довольно, чтобы его уничтожить. В башню Домской церкви попало два снаряда, из коих один сорвал часть перил ажурной галереи, между куполом и фонарем. Во внутренность Домской церкви попала одна шрапнель. Пробив одно цветное окно, она рикошетировала, отбив угол древней гробницы архиепископа Вильгельма Бранденбургского. Затем она упала не разорвавшись. Это большое счастье, так как иначе от детонаций лопнули бы все окна храма с живописью на стекле. Хотя они новейшего происхождения и художественная ценность их неравномерна, все же материальная стоимость их и трудность возобновления были бы весьма значительны. Часть живописи окон являет выдающиеся оригиналы рижского живописца на стекле Эрнеста Тоде. Одно из окон, исполненных Тоде, «Вознесение Господне» (1899 г.) в одном месте, к счастию не наиболее существенном, пробито осколком другой шрапнели. Одна граната сорвала крышу алтарной апсиды, так что детонация произошла-таки, но окна и внутренняя обстановка, если не считать мелочей, остались невредимы.

Также случайно уцелел прекрасный чеканный бронзовый горельеф середины XVIII века (Св. Георгий, поражающий змея), помещенный в фронтоне Вдовьего дома Св. Георгия (Господская ул., 34, угол больш. Кузнечной).

В здание попал ряд снарядов, один из которых пробил огромную брешь в фасаде совсем близко от рельефа.

К сожалению, вред, причиненный церкви Св. Петра, очень велик, так как умышленно целились в башню, полагая, что на ней находится наблюдательный пункт».

Все это варварство заставило местное духовенство заявить решительный протест перед полковником Бермондтом и европейским духовенством. 22 октября, под председательством рижского благочинного протоиерея Тихомирова, состоялось объединенное заседание священников, пасторов, ксендзов и раввинов, постановившее послать телеграмму, адресованную полковнику Бермондту, германскому и антантовским правительствам, папе, епископам Кентерберийскому и Парижскому, епископу Упсальскому, курляндскому суперинтенденту, берлинскому богословскому факультету. В телеграмме между прочим говорилось:

«Уже 14 дней армия полковника Бермондта обстреливает город снарядами с удушливыми газами. Каждый день требует новых жертв. Мирное население страдает чрезвычайно.

Разрушаются не только частные дома и имущества, но также и церкви. Мы обращаемся ко всем священнослужителям христианских церквей, в особенности к духовенству в Курляндии, с молитвенной просьбой употребить все свое влияние для прекращения обстрела неповинного города».

В ответ на это воззвание полковник Бермондт не замедлил ответить рижскому духовенству следующей радиотелеграммой:

«Ваше радио за № 01216 получено. Пока не будут сняты пулеметы с колоколен, уведены батареи с улиц и площадей и пока не прекратится обстрел незащищенного города Торенсберга, я принужден отвечать на огонь латышских войск, от которых зависит прекращение военных действий.

№ 277.

Командир Западной добровольческой армии князь *Авалов».*

Но протест рижского духовенства взволновал европейское общественное мнение. 1 ноября этот протест был заслушан в Гааге на заседании Конгресса Всемирного церковного союза. Представитель Латвии на этом конгрессе, пастор Ирбе, прислал министру внутренних дел телеграмму, в которой сообщал, что призыв духовенства Латвии нашел живейший отклик в Дании и Швеции и архиепископами этих государств предприняты дипломатические меры перед представителями европейских держав, дабы обратить внимание Европы на бедствия, причиняемые действиями полковника Бермондта.

Со своей стороны латвийский Красный Крест послал телеграфную просьбу в комитет Международного Красного Креста о защите мирного населения Риги, страдания коего исключительно тяжки.

Действительно, неожиданная осада поставила городскую бедноту в крайне трудное положение. В связи с приостановкой работ на фабриках и заводах, трудовое население Риги оказалось без работы, без денег, а стало быть, и без хлеба. Подвоз продуктов в Ригу из деревень совершенно прекратился, цены на продукты резко поднялись, и их можно было покупать исключительно за царские деньги. Латышские деньги подвергались рижскими купцами бойкоту, и полиции пришлось употреблять по отношению к торговцам угрозы расстрелом.

Не менее тяжелы были и страдания от холода, так как в городе вряд ли был хотя бы один дом, в котором бы в целости сохранились стекла. Дрова находились на набережной, и их нельзя было подвезти в город. Стекла же в городе не было, и чинить окна было нечем. Богатое и зажиточное население Риги

если не терпело особенных страданий от голода и холода, то страдало от разбоя эстонских солдат и грабителей, действовавших под видом солдат, взламывавших и грабивших не только магазины, но и частные квартиры. Не только ночью, но и днем эстонские грузовые автомобили совершенно бесцеремонно подъезжали к какому-нибудь заранее намеченному магазину или складу, солдаты громили его, нагружали автомобиль платьем, мануфактурой, обувью или другими предметами и увозили все это в Балк. Правительство и военные власти смотрели на этот разбой сквозь пальцы, может быть, потому, что запрещением грабежа боялись обидеть своих сильных союзников и защитников, броневые поезда которых так искусно бомбардировали бермондтовские позиции, а может быть, потому, что большинство разграбленных магазинов принадлежало евреям.

Евреям вообще во время бермондтовщины пришлось перестрадать немало. Вооруженные грабители, в форме и без формы, забирались в еврейские квартиры под предлогом поисков спрятанного оружия, перерывали шкафы, комоды, кровати, забирали деньги, золотые и серебряные вещи и другие ценности. Хорошо, если дело ограничивалось только грабежом; были случаи, когда сопротивлявшиеся грабежу подвергались избиению и даже расстрелу. Особенно памятен кошмарный случай с убийством отца и сына Мееровичей. Когда тот и другой стали бороться с грабителями, последние позвали солдат арестовать Мееровичей, якобы сигнализировавших неприятелю из окон своей квартиры. Арестованные были отправлены в комитет по охране Риги, прозванный за свою жестокость «чрезвычайкой», где военный суд, заслушав обвинение солдат, постановил казнить Мееровичей. Последним тут же на дворе солдаты размозжили головы ручными гранатами, после чего на улицах были расклеены объявления комитета с сообщением о казни Мееровичей «за шпионаж в пользу неприятеля и сигнализацию из окон».

Положение еврейства, помимо грабежей, отягощалось еще злостной антисемитской кампанией газеты «Утро», издававшейся латвийским правительством на русском языке. Эта газета почти ежедневно сообщала, что в таком-то доме была замечена еврейская сигнализация, у такого-то еврея в кладовой обнаружен тайный телефон, такой-то и такая-то не берут латышских денег и пр. Даже молитвенные собрания в синагоге подозрительное «Утро» квалифицировало как тайные собрания. Естественно, что мобилизуемая еврейская молодежь предпочитала не идти в латышскую армию, а «самоопределялась» в литовском, белорусском, польском и украинском консульствах в Риге, за

известную солидную мзду. Но это «самоопределение» молодежи влекло новые суровые репрессии правительства и военных властей по отношению к семьям «самоопределявшихся».

Неудачи под Либавой и развал армии

Так вот день за днем, без малейшего просвета и тянулись эти каторжные недели. А Бермондт не только не уходил, а, наоборот, терпя поражение за поражением, попытался отыграться на Либаве и Виндаве. Но его отряды, дойдя до Виндавы на расстояние 25 верст, повернули назад, так как и там стояли английские миноносцы. Плачевно кончилось дело и с походом на Либаву. В Митаве уже был назначен военный губернатор для Либавы, были составлены штаты уездных управлений и комендатур, но посланные 5 ноября двенадцать рот войск были дважды отбиты слабым латышским гарнизоном, поддержанным стоявшими в порту английскими крейсерами «Balkrous», «Fortigem», «Wachtmann».

В боях 5 ноября благодаря сильному огню английских крейсеров бермондтовцы понесли тяжкие потери и вынуждены были отступить к Гробину, потеряв часть своей артиллерии и пулеметы. Закрепиться где-нибудь поблизости бермондтовцы не могли, так как дальнобойная артиллерия сметала не только пехоту, но и батареи. Весь поход на Либаву ограничился только тем, что три аэроплана, обстреляв улицы пулеметным огнем и сбросив несколько бомб над английскими кораблями, удалились без особенной славы.

Новая неудача полковника Бермондта под Виндавой и Либавой и бесплодное стояние под Ригой окончательно добили бермондтовские войска в смысле падения дисциплины. Все больше и чаще увеличивались случаи неповиновения командному составу и неисполнение боевых приказов. Железная дивизия открыто выражала свое неудовольствие по адресу неспособных командиров, которые не сумели взять Ригу и, таким образом, обеспечить за дивизией права на землю. 25 октября генералу Бишофу было предъявлено следующее требование солдат Железной дивизии: «Мы твердо решили защищать свои, добытые ценой нашей крови и скрепленные договором, права на гражданство и поселение в Латвии и никому не позволим лишить нас нашей будущности. Мы единогласно постановили просить майора Бишофа довести об этом решении до сведения графа фон дер Гольца и всех командиров.

Именем собрания делегатов Железной дивизии: Гр. Экгельс, 2-я саперная рота, Железная дивизия».

В это же время бермондтовские вербовочные бюро в Берлине были закрыты полицией. В германском Национальном собрании министр иностранных дел открыто выразил свое сожаление о том, что германские солдаты так легкомысленно отдали себя в услужение бермондтовскому правительству.

Нежелание воевать теперь стало захватывать уже широкие армейские круги и офицерство, и напрасно Бермондт созывал собрание офицеров и громил их за распущенность и леность, напрасно служились благодарственные молебны о взятии Петрограда Юденичем. Вместе с сильным развитием пьянства в войсках с каждым днем усиливались грабежи мирного населения в Курляндии, у которого отнимался скот, хлеб, лошади и деньги. Обычная картина состояния войск, вступивших в пораженческую полосу. Не имея возможности широко реализовать краденое в пределах Курляндии и из страха расстрелов тыловые солдаты целыми отрядами перекочевывали из Курляндии в Литву. Но здесь они подвергались разоружению и заключению в концентрационные лагеря. Назначенные для борьбы с мародерством и дезертирством специальные отряды мало помогли делу. В довершение всей этой тяжелой картины у бермондтовского правительства к концу октября совершенно иссякли денежные средства, и солдаты или не получали жалованья, или получали его крайне неаккуратно, что усиливало брожение. По той же причине расстроилась и подводная повинность крестьян, не желавших принимать «аваловок», вследствие чего тюрьмы в Митаве и в занятых уездных городах Курляндии были переполнены до отказа. Но нужно отметить, что курляндское крестьянство в высшей степени доброжелательно относилось к бермондтовцам русской национальности. Несмотря на чрезвычайно строгие репрессии, оно укрывало русских дезертиров по деревням в течение целых недель, снабжало их надежными проводниками, которые переправляли русских солдат в сторону Витебска и Двинска, и кормило, не беря за это никаких денег, – качество особенно ценное, если принять во внимание прославленную жадность курляндских «серых баронов».

Катастрофический удар

В конце октября же произошел явный перелом военного счастья на сторону латышских войск. Бездарный и панический главнокомандующий латышской армии генерал Симонсон был отстранен от должности еще 16 октября вместе с начальником штаба полковником Лаймнешем, и вместо них были назначены: главнокомандующим – полковник Баллод, бывший командир

антибольшевистской латышской бригады, державшийся во время либавского и венденского переворотов нейтралитета, и начальником штаба – полковник Радзин, боевой русский офицер, один из немногих латышских офицеров, кончивших академию русского Генерального штаба.

Когда латышский фронт, поддерживаемый с моря, был перенесен на другой берег Двины, полковник Радзин детально разработал план окончательного освобождения Риги.

29 октября латышские войска впервые от обороны перешли в наступление в районе Рижского взморья и заняли часть дюн, оказавшись, таким образом, в глубоком тылу Бермондта. Накопляясь постепенно у дюн, латыши 2 ноября заняли Шампетр, отрезав бермондтовцев, стоявших у Риги, от их главной базы в Митаве. На эту удачу латышей Бермондт не замедлил ответить сильной бомбардировкой Риги, причем на помощь батареям прибыл еще бронированный поезд из Митавы.

6 ноября фридрихштадтская группа Бермондта самовольно отступила от Фридрихштадта и быстро попятилась к Митаве. Латыши, перейдя на ту сторону Двины, последовали за отступавшей фридрихштадтской группой. Так что армия полковника Бермондта рисковала быть сдавленной с двух сторон, со стороны Рижского взморья и Икскюля. В распоряжении Бермондта оставалось только Митавское шоссе.

В ночь с 9-го на 10 ноября, под прикрытием ураганного огня английской эскадры, вышедшей из Риги и Больдераа в Рижский залив, началось генеральное наступление латышской армии, встреченное бешеной стрельбой бермондтовской артиллерии. За все время осады Рига, кажется, не слышала такой адской симфонии. Даже обыватели, в страхе отсиживавшиеся в подвалах своих домов, чувствовали, что наступил последний и критический момент: или бермондтовцы сегодня ночью возьмут, наконец, город, или снимут осаду, будучи не в силах выдержать адский огонь, направленный в сторону Торенсберга. К шести часам утра снаряды перестали падать в Ригу, хотя артиллерийская стрельба не смолкала ни на минуту. Из этого стало ясно, что нервы бермондтовской армии не выдержали.

Как оказалось потом, латыши с помощью английской эскадры всю ночь пробивались к Митавскому шоссе, наступая на пути сообщения Бермондта. Другая часть латышских войск переправилась по льду через Двину и принялась за очищение Задвинья атаками в лоб. В 4 часа ночи бермондтовским войскам был отдан приказ из Митавы об очищении Торенсберга, Гагенсберга и всего Задвинья. Эвакуация, совершавшаяся под непрерывным обстрелом всех родов оружия, сухопутного и

морского, окончилась к 6 часам утра. Потери с той и другой стороны были колоссальные, но потери бермондтовцев превосходили потери латышей. Весь район Цементного завода и Кукушкиной горы был буквально усеян трупами несчастных солдат Бермондта. Переход латышских войск через Двину был настолько неожиданным, что несколько сот бермондтовцев, укрывавшихся в торенсбергских домах, были захвачены в плен без шинелей. Начавшуюся в рядах отступавших войск панику еще более усилил пущенный в погоню по быстро наведенному латышскими саперами железнодорожному мосту бронированный поезд латышей, пробравшийся почти до Олая. Отступавшие бросали не только повозки и техническое имущество, но пулеметы, пушки и зарядные ящики.

В этот день латышами было взято в качестве военной добычи 11 орудий, 90 пулеметов, 18 минометов, 3 бомбомета, 30 полевых телефонов, 15 полевых кухонь, ПО лошадей, 36 повозок, 160 седел, 6000 снарядов, множество винтовок, ящиков с патронами и ручными гранатами, около 10 штабных канцелярий, несколько сот верст телефонного кабеля, медикаменты, санитарные двуколки и пр.

Только перейдя реку Миссу около Митавы, дезорганизованные бермондтовские части несколько пришли в себя и с помощью нескольких высланных из Митавы заградительных отрядов восстановили фронт.

Желая сколько-нибудь ослабить впечатление от понесенного поражения, штаб армии Бермондта выпустил следующее сообщение:

«Операции Западной русской армии по занятию Северной Курляндии закончены. Уничтожено много большевистских шаек. Взяты Тальсен, Донданген, Гольдинген, Гезенпот, Кандава и Цабельн. Латышское наступление к югу от Риги окончательно отбито, латышские солдаты и орудия потонули в волнах Двины. Начатые в крупных размерах наступательные операции латышей против двинских мостов, против Риго-Митавского шоссе (при поддержке артиллерии неприятельского флота), на берега Двины, Торенсберг и линию Эссенгоф – устье реки Аа, распались в тяжелых боях. Этим решительный удар противника сломлен и тыловая база в богатой Курляндии обеспечена».

Как водилось и раньше, правда о поражении и на этот раз была скрыта от солдат «разъяснениями» вроде только что приведенного выше. Но тем не менее бермондтовцы не попытались даже защищаться на великолепных Олайских позициях. Отдельные войсковые части рассыпались по всему фронту, германские отправлялись в Митаву, русские, пользуясь

замешательством, при всяком случае переходили на сторону латышей целыми отрядами; множество солдат укрылось в лесах Бебербека, Пинкенгофа и Пупе.

Падение Митавы

Стремительное отступление бермондтовских войск вызвало полнейшую панику в Митаве. Бермондтом был отдан приказ о немедленной эвакуации Митавы, причем эвакуация должна была, из опасения нападения литовцев, происходить не в направлении Митава – Шавли, а в направлении Митава – Можейки. Больше всех нервничал, как показывали впоследствии пленные, штаб Бермондта. Но когда все канцелярии были запакованы в ящики и погружены на возы, запасы обмундирования и продовольствия розданы солдатам, а лишние и больные лошади были проданы или застрелены, приказ об эвакуации Митавы неожиданно был отменен генералом фон Эбергардом, установившим в Митаве некоторый относительный порядок. Им же на линию Шлок – Туккум— Митава – Бауск были отправлены сравнительно надежные части для прикрытия Митавы. 17 ноября штаб полковника Бермондта опубликовал сообщение, что паника предыдущего дня была организована латышскими шпионами, что латышские войска отбиты у Олая и Эккау и оттеснены обратно к Рижскому взморью и что армия, получив новые подкрепления из Германии, вновь поведет наступление на Ригу, чтобы достойным образом наказать правительство Ульманиса, решившееся заключить мир с большевиками.

Что произошло вслед за этой нелепой бравадой, неизвестно, но латышский комитет с Недрой и Ванкиным вдруг исчез из Митавы, вслед за ним, через несколько часов, выехало и правительство графа Палена в Шавли…

19 ноября полковник Бермондт неожиданно исчез. Разумеется, не как физическое лицо, а как главнокомандующий Западной русской армией, потому что в «Die Trommel» появился приказ, подписанный генералом Эбергардом:

«После того как под давлением Антанты продолжение борьбы германо-русских войск против большевизма в Прибалтике стало невозможным, я, по просьбе полковника князя Авалова-Бермондта и с согласия германского правительства, принял на себя командование русско-германскими войсками в Прибалтике. Я убежден, что все офицеры и солдаты беспрекословно исполнят все мои приказы; только тогда будет возможна окончательная эвакуация Курляндии и Литвы. Солдаты моей балтийской армии, германское правительство гарантирует вам амнистию, родина

открывает вам свои границы, сохраняйте в себе те великие цели, которые вас привели сюда и сопровождали вас в боях и победах и несокрушимую веру в будущее нашего отечества».

Того же 19 ноября генерал Эбергард послал радиотелеграмму латышскому главнокомандующему:

«Радиотелеграмма № 1899,
в Ригу, латышскому главнокомандующему.

Западная русская армия перешла под охрану Германии, и я принял на себя командование. Прошу сообщить радиотелеграммой о Вашем согласии объявить в ночь с 19-го на 20 ноября перемирие, чтобы начать мирные переговоры.

Генерал-лейтенант фон *Эбергард».*

В связи с этим того же 19 ноября министр иностранных дел Латвии послал в Берлин телеграмму:

«Берлин. Министру иностранных дел Германии.

Латышский главнокомандующий только что получил следующую радиотелеграмму (передается текст телеграммы генерала Эбергарда). Мы просим германское правительство немедленно сообщить нам, во-первых, признает ли германское правительство генерала Эбергарда германским главнокомандующим в Курляндии и, во-вторых, солидарно ли германское правительство с содержанием вышеприведенной телеграммы.

Министр иностранных дел *Мееровиц».*

На эту телеграмму ночью 24 ноября был получен следующий ответ:

«Из Инстенбурга через Либаву. Министру иностранных дел Латвии.

В ответ на Вашу искровую телеграмму от 19 ноября германское правительство сообщает, что оно назначило генерала Эбергарда германским главнокомандующим в Курляндии, поручив ему перевести обратно из Курляндии в Германию германские и бывшие германские военные отряды. Германское правительство признает, что оно, в согласии с комиссией Антанты, признает предложение генерала Эбергарда о перемирии».

В данном случае латышское правительство ловило германское правительство «на слове», чтобы впоследствии

учинить ему основательный иск за военные убытки, причиненные Латвии бермондтовщиной.

При необыкновенно благоприятной военной обстановке латыши совершенно не думали о перемирии. Их задачей теперь являлось не только окончательное изгнание немцев из Курляндии, но и… ответный поход на Берлин, как того требовали досужие стратеги из числа газетных латышских борзописцев. Вместо перемирия, латышское командование приступило к обложению Митавы с целью нанесения ей одновременного удара с трех сторон.

Не получая ответа на предложение о перемирии, генерал Эбергард издал приказ об эвакуации Митавы в кратчайший срок. Но произвести сколько-нибудь основательную эвакуацию Митавы не представлялось возможным.

21 ноября, с пяти часов утра, латышская артиллерия начала сильный обстрел Митавы с трех сторон. От разрыва снарядов загорелся исторический замок Бирона, горела гимназия и реальное училище. В какой-нибудь час в городе возникло до сорока пожаров. Стрельба продолжалась непрерывно, причем главная сила огня была направлена на вокзал и пароходную пристань, где стояли задержанные пассажирские пароходы товарищества Аусбург, зачисленные в военный флот Бермондта под названием «Митавская речная флотилия». Около 2 часов утра латышские войска ворвались в Митаву и на улицах начались ожесточенные штыковые бои между латышами и не успевшими уехать немецкими солдатами. Особенно жаркие сражения произошли на станции Митава-товарная, защищавшейся немцами воистину геройски. Станция была взята только спустя два часа, после того как латыши ворвались в город и все защитники ее пали. Добыча латышей в Митаве была огромная. В их руки попало 200 груженых вагонов, 6 пароходов, 20 орудий, 10 тысяч снарядов, 1 броневой поезд, 5 бронированных пароходов, 30 грузовых и легких автомобилей, 500 бочек бензина и станция беспроволочного телеграфа.

Германские войска отхлынули в Литву на Шавли.

Пожар митавского замка Бирона продолжался трое суток, и замок выгорел дотла, к огромной радости латышей, исторически ненавидевших этот замок.

Митавский замок был построен великим Растрелли, в момент возведения Эрнеста Иоганна Бирона, находившегося тогда в зените своей славы при дворе Анны Иоанновны, в Курляндские герцоги (1737). Постройка замка была задумана и начата Бироном в грандиозных размерах, но была прервана его опалой и ссылкой в 1741 году. Лишь вернувшись после 22-летнего

изгнания, он снова взялся за довершение своей заветной мечты. Однако денежные средства Бирона были уже не те, что раньше, и оттого внутренняя отделка зал и помещений грандиозного здания не была доведена до конца. Митавский замок Бирона, наряду с Зимним дворцом, Пажеским корпусом и Смольным в Петербурге, являлся одним из самых грандиозных произведений Растрелли, где он мог проявить свой гений в полном размахе. Жертвой огня также сделалась декоративная роспись плафонов и супрапортов, исполненная знаменитыми итальянскими художниками Ротари и Фонтебасса, старинная мебель и курляндский губернский музей.

Конец «бермондтиады»

Описание бегства самого Бермондта дает уже не раз цитированная докладная записка офицера для поручений при армии Бермондта:

«К началу ноября вполне ясно выяснилось, что русские войска совершенно не желают сражаться с латышами, а немецкие части, убедившись в том, что латыши оказывают сопротивление, отказывались драться и заявляли, что они пришли не для того, чтобы подставлять свои головы под пули.

В середине ноября, когда положение на фронте считалось серьезным, полковник Бермондт собрал офицеров, находящихся в Митаве, и сказал им речь, в которой ругал офицерство за распущенность, за плохое поведение на фронте и в боях, и в то же время говорил, что его плана войны никто не знает и что, во всяком случае, никто в Москве раньше его не будет.

Офицеры речь Бермондта резко критиковали и почти открыто высказывали свое неудовольствие. По расспросам офицеров и солдат было видно, что вообще никто не хочет вести войну не только с латышами, но и вообще воевать. 17 ноября в Митаве была полнейшая паника, и каждый собирался удирать из города. Панику, собственно, устроил сам штаб армии, который в спешном порядке стал упаковывать вещи.

18 ноября все улеглось, и занятия пошли нормально. 21 ноября получились сведения с фронта, что латыши обходят Митаву, и тогда штабу армии было приказано оставить Митаву и двигаться на Шавли. Обоз штаба ночью выступил по дороге на Альт-Луц и Муравьеве, а штаб с Бермондтом утром 21 ноября уселся в поезд и поехал в Шавли. Не доезжая до Шавли, поезд был обстрелян ружейным и пулеметным огнем со стороны литовцев; во время обстрела солдаты и некоторые офицеры выбежали на полотно железной дороги и стали отстреливаться. Суматоха была полная, каждый командовал и действовал по-

своему. Бермондт в страхе сидел в купе вагона и никаких приказаний не отдавал. Многие улеглись на пол вагона и находились в таком положении, пока поезд не вышел из-под обстрела. Приехав в Шавли, штаб армии не имел никакого понятия, где находятся войска и что они делают. 23 ноября Бермондт со штабом поехал в Муравьево, куда должны были отступать русские войска. В Муравьеве выяснилось, что русские войска в беспорядке отступают прямо на Муравьево, а немецкие на Шавли. Там же, в Муравьеве, было объявлено, что все русские части будут направлены в Силезию, в Нейссе. Солдаты, придя в Муравьево, стали большими партиями направляться к литовскому коменданту и переходить в литовские части. Перед эвакуацией Муравьева русских солдат там оказалось не более тысячи человек, которые были посажены в поезд и отправлены в Германию.

«Корпус» Выргoлича действовал совершенно самостоятельно. К концу ноября Выргoлич имел в своем распоряжении лишь пятьсот штыков, которые отправились пешим порядком к германской границе…»

Война Латвии с Германией

Так бесславно закончилась кровавая эпопея бермондтовтцины, стоившая десяткам тысяч людей жизни и здоровья, не считая убытков на сотни миллионов, сотен сожженных и разоренных домов и громадных неприятностей германскому правительству, которому пришлось ликвидировать всю эту кашу.

26 ноября на экстренном заседании Народного Совета латвийский министр иностранных дел в своей речи сообщил, что отныне Латвия находится в состоянии войны с Германией. Интересна была мотивировка объявления войны… уже по окончании войны и обстоятельств разрыва дипломатических сношений.

«Высокоуважаемые члены Народного Совета, – говорил г-н Мееровиц, – давно уже всем нам было известно, как готовилось немецкое нападение на Латвию. Несмотря на пункт 433 Версальского мирного договора, на основании которого немецкие войска должны были быть выведены из Латвии, несмотря также на пункт 479, которым запрещался переход германских частей в иностранные войска, немцы еще с июля месяца начали снабжать и массами переходить в организуемую Западную русскую армию под предводительством Бермондта-Авалова. Мы все знали, что

это немецкая работа, хотя Германия свое участие в ней упорно отрицала. Уже после того, как мы сокрушили Бермондта, 19 ноября к нам поступило сообщение генерала Эбергарда, что он является главнокомандующим всеми немецкими силами в Прибалтике и, в качестве такового, предлагает нам заключить перемирие.

Правительство на это предложение не отозвалось, а ответило тем, что через два дня нами была взята Митава. Чтобы вполне выяснить положение, временное правительство обратилось к германскому правительству с запросом, является ли генерал Эбергард действительно немецким главнокомандующим и сделано ли им предложение о перемирии с ведома германского правительства. Это было необходимо сделать для того, чтобы вполне выяснить положение, ибо, как вам известно, по распоряжению германского Верховного главнокомандования все те части, которые до 11 ноября не покинули пределов Курляндии, должны были считаться дезертирами и выбывшими из состава германской армии. Это решение правительства 14 ноября, по докладу Носке, было одобрено германским Учредительным собранием.

В ответ на наш запрос я получил прошлой ночью от германского министра иностранных дел извещение, что генерал Эбергард действительно является главнокомандующим немецкими войсками в Прибалтике и что его предложение о перемирии сделано им с ведома и согласия германского правительства.

Теперь маска снята! Теперь стало совершенно ясно, что мы вынуждены были обороняться от германских войск. Следовательно, приходится признать, что мы находимся в состоянии войны с Германией.

Принимая во внимание, что Германия уже после поражения просит перемирия, что мы местами перешли уже литовскую границу и что Курляндия в ближайшем времени будет совершенно очищена, правительство просит Народный Совет уполномочить его затребовать от германского командования точные условия предлагаемого перемирия. Далее, ввиду того, что Латвия находится в состоянии войны с Германией, правительство просит Народный Совет уполномочить его: 1. прекратить дипломатические сношения с Германией и отозвать нашего представителя в Берлине, 2. защиту интересов латвийских подданных в Германии поручить эстонскому представителю, 3. ограждение интересов германских подданных в Латвии предоставить датскому консулу».

Подобный казус во всей истории мировых войн едва ли не

единственный. Насколько латвийская дипломатия необъективно информировала Антанту о роли Германии в бермондтовщине, может служить маленький, но характерный факт. В то время как премьер-министр Ульманис в своей ноте Верховному Совету от 8 октября сообщал, что германское консульство в Риге «тайно бежало в ночь с 3-го на 4 октября», министр иностранных дел в своей ноте германскому правительству писал, что германское консульство «уехало 5 октября, сообщив о своем отъезде только по переселении в Митаву».

Между тем 27 ноября тому же германскому консулу Шнеману были возвращены его верительные грамоты, и он только 28 ноября покинул Ригу, передав защиту германских подданных в Латвии датскому консулу Герскинду.

По распоряжению министерства внутренних дел, все германские подданные в Латвии были подвергнуты регистрации и не имели права менять своего местожительства под страхом интернирования в концентрационные лагеря.

Более серьезная кара постигла «врагов внутренних».

27 ноября во всеобщее сведение был опубликован следующий указ временного правительства:

«Основываясь на пункте 17 правил о военном положении от 11 февраля с. г., правительство объявляет, что следующие граждане Латвии: 1. пастор Андрей Недра, 2. доктор Теодор Ванкин, 3. князь Николай Дмитриевич Кропоткин, 4. барон А. Пилар фон Пильхау, 5. граф Константин Константинович фон дер Пален, 6. присяжный поверенный Фридрих Альберт, 7. присяжный поверенный Янис Айсберг, 8. барон Гаральд фон Ренне, 9. журналист Вальтер Краузе, 10. граф Николай Федорович Борх, 11. магистр Георг Сесков, 12. пастор Юлиус Купче и 13. инженер Янис Кампе – принимали участие в преступном нападении Бермондта на Латвийское государство и содействовали его замыслам, вследствие чего они объявляются предателями Латвийского государства. Правительство постановило подвергнуть секвестру движимое и недвижимое имущество и всю собственность вышеуказанных Недры, Ванкина, князя Кропоткина, Пилара фон Пильхау, гр. Палена, Альберта, Айсберга, Ренне, Краузе, гр. Борха, Сескова, Купче и Кампе, вменяя в обязанность всем учреждениям, должностным и частным лицам, имеющим какие-либо сведения об имущественном положении вышеуказанных лиц, как то: о движимом и недвижимом имуществе, вкладах, требованиях и т. д., немедленно заявлять административному департаменту министерства внутренних дел.

Секвестрируемое имущество подлежит заведованию согласно

российскому закону от 12 января и 22 октября 1916 г.».

Личность полковника Бермондта

Итак, в вечность канула тень незваного и непрошеного спасителя России, вокруг имени которого не родилось ни легенд, ни вымыслов, как это часто бывает вокруг имени разных таинственных незнакомцев, чем-либо поразивших народные умы. Если же в рижской печати своевременно появлялись сведения о личности Бермондта, то они не шли дальше уровня заурядной хроники происшествий. Привожу две характеристики Бермондта, напечатанные в рижских газетах двумя офицерами, не беря на себя ответственности за их точность.

Один из русских офицеров писал в газете «Народ»:

«Павел Рафаилович Бермондт, лютеранин, состоял до японской кампании капельмейстером в Приморском драгунском полку, квартировавшем во Владивостоке. Во время японской войны он поступил добровольцем в качестве рядового в 1-й Читинский казачий полк, пройдя последовательно все казачьи звания до подхорунжего включительно. За это время Бермондт получил солдатские Георгиевские кресты 3-й и 4-й степени и, за боевые отличия, был произведен в чин прапорщика. Во время японской кампании он был несколько раз ранен.

В 1908 г. Бермондт выплыл в Ржеве. Благодаря его боевым отличиям и покровительству, оказанному ему одним влиятельным лицом, он получил доступ в один из старых полков – 1-й С.-Петербургский уланский, князя Меншикова, полк. Вследствие своего невысокого происхождения Бермондту пришлось в полку пережить много неприятных дней, тем более что по своим личным качествам он не умел завоевать себе расположения сплоченного общества офицеров этого полка. Если бы Бермондт имел малейшее основание претендовать на аристократическое происхождение, он, при тяжелых условиях, сложившихся для него в Петербургском уланском полку, не преминул бы заявить о своем княжеском происхождении. Прослужив около двух лет в полку, он принужден был его оставить…»

О позднейшей карьере Бермондта в другой рижской газете, «Jaunakas Sinas», какой-то латышский офицер, служивший в старой русской армии, писал:

«Уже нынешним летом, когда в связи с курляндскими событиями впервые промелькнуло имя полковника Бермондта, я невольно подумал: не наш ли это Бермондт? Правда, речь здесь шла о «полковнике» Бермондте, между тем «тот» Бермондт, имея

33 года от роду, тогда только стоял на первой ступеньке военной службы в чине корнета кавалерии. Притом казалось плохой шуткой, что «тот» Бермондт когда-либо займет такое положение, что печать всего мира заговорит о нем и он станет исторической личностью.

Но сомнения мои рассеялись, когда недавно Науенское радио передало данные самим Бермондтом сведения о своей личности, в частности сообщение, что он, между прочим, во время войны был адъютантом генерала Мищенко. Таким образом, вождь курляндской авантюры, восстановитель великой могучей России, «полковник Авалов», а иногда «князь Авалов» был «наш» Бермондт, с которым я имел частые сношения в 1915–1916 годах в Пинских болотах. Мне ясно вспоминается первое знакомство с Бермондтом, состоявшееся на обеде в тыловом управлении Красного Креста. Корнет Бермондт тогда был личным адъютантом командира 31-го корпуса генерала Мищенко. Первое впечатление, произведенное на меня Бермондтом, было очень благоприятное. Изящная внешность, средний рост, довольно приятное и располагающее лицо, но лысина и седые виски странно не соответствовали моложавому виду. В обществе он умел поставить себя на первый план и, несмотря на то что за столом были офицеры гораздо выше его чином, фактически тон задавал он, и, нужно признать, с удивительной ловкостью. Было заметно, что Бермондт прилагал все старания, чтобы очаровывать всех; для каждого у него находилось ласковое слово, молодых офицеров или студентов-медиков он фамильярно брал под руку, дружественно хлопал по плечу, точно помнил имя и отчество каждого, и разрешал иногда фамильярно буршикозное замечание, от которого собеседник чувствовал себя польщенным. Особенным успехом Бермондт пользовался у прекрасного пола; все дамы 31-го корпуса перед ним таяли».

По окончании обеда я обратился к одному из офицеров с вопросом – кто такой Бермондт? Офицер рассказал, что Бермондт очень непопулярен в кругу своих однополчан и в штабе он держится только благодаря тому, что умеет угодить генералу Мищенко.

В 1916 году при перегруппировке корпуса я потерял из виду Бермондта и до нынешнего лета ничего о нем не слыхал. Говорили только, что летом 1918 года Бермондт оказался в Киеве, уже в чине полковника».

Такова в самых общих и в самых беглых чертах история бермондтовской эпопеи. Многое в ней неясно, темно и запутанно и требует тщательного выяснения. Но если эта объективная передача внешних событий и фактов послужит будущему

историку хотя бы слабой нитью для углубления в эту трагическую историю, автор строк будет считать свой труд не лишним и не бесполезным.

Раздел 2

А. Северин
Памяти Северо-Западной армии[87]

В феврале 1917 года в России разразилась революция, которую устроители и сочувствующие ей прозвали «бескровной». Но сразу же над Россией спустились сумерки, задымилась кровь, расходилась смута и надвинулось жуткое время.

Эта Февральская революция вырвала у России близкую победу в Великую войну над Германией, разложив Русскую армию, и передала власть в преступные большевистские руки. Воспользовавшись развалом Русской армии, германские войска заняли еще большую часть русской территории и навязали постыдный Брест-Литовский мир.

Но русский народ с самого начала начал оказывать сопротивления большевизму; повсюду организовывались заговоры с целью свержения большевистской власти. Вспыхивали крестьянские восстания, восставали рабочие и восставали города: Иркутск, Тамбов, Москва, Ярославль, Рыбинск, Муром, Арзамас… и на окраинах России началась гражданская война, кроме северо-западного угла. А именно этот район и был наиболее опасен для большевиков, так как был ближе всего к их центрам.

И вот этим важным звеном и стали старинный Псков, Ревель, Рига, Либава… Здесь зародилась Северо-Западная армия, которая своими жертвенными порывами, по свидетельству самих большевиков, явилась наибольшей угрозой для них, против которой они бросали большие и лучшие силы. Несмотря на это, Северо-Западная армия пробилась к подступам Петрограда. И не вина северозападников, что Петроград не был взят ими. Могилы их героев, разбросанные там, свидетельствуют об их героизме.

В феврале 1918 года, во время продвижения германской армии, вначале Псков не был занят, так как он не входил в зону предполагаемой оккупации. Германцы намерены были дойти только до «Линии Гинденбурга», то есть занять только Прибалтийские губернии. Но затем оккупация была расширена до Пскова занятием линии железной дороги Двинск – Псков. И таким образом, ими оказались заняты части Псковской и Витебской губерний, которые и составили так называемую «Псковскую область», для управления которой было поставлено «Областное управление», из находившихся во Пскове русских чиновников, хотя вся власть была в руках германского командования.

Таким образом, из-за разразившейся революции и искони

русский Псков оказался занят германцами. И вот сюда стали спасаться из России, особенно из Петроградского района, от большевистского террора, все время усиливающегося, люди самого разнообразного социального положения, особенно много было офицеров. Многие из них хотели взяться за оружие, а так как здесь не было никакого формирования, то естественно, у многих являлось желание пробраться на юг, где уже началась борьба против большевиков.

Сюда, во Псков, приходили и ходоки из незанятых германцами соседних областей и слезно умоляли германское командование оккупировать и их волости, села, деревни. Настолько ужасен был большевистский гнет.

В сентябре 1918 года группа русских молодых офицеров обратилась к германскому командованию о разрешении формирования добровольческих частей. После немалых хлопот разрешение было получено; германское командование разрешило образование на территории Псковской области Добровольческого корпуса, который с течением времени и разросся в Северо-Западную армию.

На состоявшемся совещании с представителями германского командования были установлены взаимоотношения, учреждалось самостоятельное русское агитационное бюро; служба в армии считалась добровольческой, и добровольцы подчинялись только русскому начальству; выработаны ставки жалованья и нормы всех видов довольствия; паек – одинаковый для всех чинов армии, как и ставки за выслугу и пособия за ранения…

Германское командование обещало выдачу из захваченных ими складов вооружения, обмундирования и передачу находившихся в Ревеле бронепоезда и аэропланов; и передали пять военных пароходов, крейсировавших в водах Псковского озера, на которых снова был поднят Андреевский флаг.

«Бюро по приему добровольцев» было открыто 10 октября 1918 года. Начальником бюро был назначен положивший много труда л. – гв. Кирасирского Ее Величества полка ротмистр Гоштовт[88]. Командующим был приглашен генерал граф Келлер[89], имя которого было наиболее популярным. Но он находился тогда на Юге (21 декабря он был убит в Киеве петлюровцами).

В первые же дни во Пскове записалось более тысячи человек, и с согласия германского командования были открыты подобные бюро и в других городах: Острове, Режице, Двинске, Нарве, Ревеле, Юрьеве, Риге, Митаве…

Конечно, большевикам было хорошо известно о начавшемся формировании во Пскове Белой армии, которая приобретала популярность не только в пределах, занятых германцами, но и в

пограничных советских районах.

Вскоре группой псковской молодежи, с разрешения бюро, снабдившего их всем необходимым, был совершен набег через Псковское озеро в тыл красным, увенчавшийся успехом. Затем удачный набег был произведен островцами. Подобные удачные операции возродили надежды, и прибывшая тайком с Талабских островов делегация просила военной помощи для восстания. Отправленный офицерский отряд на военных судах, под начальством ротмистра Пермикина[90], захватил находящийся на островах батальон красных с 8 пулеметами и 2 орудиями. Отряд остался охранять острова и впоследствии развернулся в боевой Талабский полк[91], под начальством полковника Пермикина.

Было приступлено к формированию частей. Во Пскове – стрелковый Псковский полк, во главе с полковником Лебедевым; второй полк в городе Острове – Островский[92] (полковник Казимирский, вскоре принятый полковником Дзерожинским[93]) и третий – в Режице – Режицкий (полковник Клесинский, затем полковник фон Неф). Кроме того, началось формирование и артиллерийских батарей (полковник Исаев и полковник Смирнов).

Кроме того, во Пскове имелись еще 53-й пехотный Волынский полк[94], фельдмаршала Великого князя Николая Николаевича, формировавшийся для отправки в Южную армию[95] (человек 200), которым командовал подполковник Ветренко[96], и небольшие отряды: внешней охраны (капитан Микоша), внутренней (полковник Штейн[97]) и отряд полковника Неплюева, для ожидаемого бронепоезда. И в районе создался партизанский отряд полковника Бибикова.

Все чаще и чаще начали происходить столкновения с красными. Особенно хорошо действовала озерная флотилия. Пароходы сбили батареи, охранявшие проход в Чудское озеро и завладели им, что позволило бомбардировать в городе Гдове находящиеся там крупные штабы красных и военные базы, расположенные по берегам Чудского озера. Большевики делали неоднократные попытки снова захватить пролив и Талабские острова, но отражались с большими для них потерями.

А на суше велись мелкие партизанские набеги. В них особенно отличался отряд поручика Данилова[98]. Он первый в Северо-Западной армии завоевал популярность, а его даниловцы – хорошую известность.

Все это было достигнуто в короткий срок маленькой группой молодых офицеров, под руководством ротмистра Гоштовта. Группа эта добровольно уступила так счастливо начатое формирование прибывшему из Ревеля штабу, во главе с

генералом Вандамом[99] и начштаба генерал-майором Малявиным[100]. Первое военное совещание состоялось 21 октября 1918 года, на котором генерал Вандам объявил, что вступает во временное командование армией, которую наименовали Северной, до приезда генерала графа Келлера. Начальником 1-й стрелковой дивизии был назначен генерал-майор Никифоров, который вскоре ушел, и на его место приехал генерал-майор Симанский[101].

Германское командование аккуратно выдавало продовольствие и выплачивало нужные суммы, но снабжения вооружением и обмундированием не было, и добровольческие части были слабо вооружены и плохо одеты.

В стрелковых полках и отрядах было много офицеров, тогда как в артиллерии был большой недостаток специалистов, так как в ней большинство добровольцев состояло из интеллигентной молодежи: учеников средне-учебных заведений и студентов.

2 ноября во Псков перешел от красных значительный конный отряд ротмистра Булак-Булаховича, с двумя конными орудиями.

За германской оккупацией население чувствовало себя спокойно. Но вспыхнувшая 8 ноября германская революция и последовавшее 11 ноября заключение Германией перемирия на Западном фронте обеспокоили многих и даже назревал вопрос о мобилизации, так как германские солдаты, распропагандированные красными товарищами, самовольно стали покидать свои части и уходить домой.

В это время начали образовываться самостоятельные Латвия, Литва и Эстония, и русскому добровольчеству пришлось сыграть значительную роль в защите этих окраинных республик. При образовании в них воинских частей формировались и русские части, что вскоре же и забылось.

В конце октября 1918 года в Риге началось формирование отрядов Земской обороны, известной под названием Балтийского ландесвера. В этом принимали активное участие светлейший князь А.П. Айвен и капитан К.И. Дыдоров, командовавший Русской Сводной ротой.

Образовавшиеся в середине ноября германские комитеты стали задерживать суммы, ассигнованные на Северную армию, и штаб армии приступил к печатанию собственных армейских денег на сумму 5 миллионов рублей (кредитные билеты по 50 рублей, так называемые «вандамки», за подписью генерала Вандама и бывшего управляющего казенной палатой Брока, обеспеченные всем достоянием Псковской области).

22 ноября неожиданно ушел генерал Вандам и с ним почти весь штаб. Армия и общество были недовольны ими за

бездействие и нерешительность.

На должность командующего был назначен полковник Неф. И в то же время стало известно, что образовавшийся после германской революции германский солдатский совет ведет переговоры с большевиками. И распространились панические слухи об уходе германских войск.

24 ноября выяснилось, что большевики сосредотачивают большие силы и собираются наступать на Псков. На совещании германских и русских начальников было решено защищать Псков соединенным германо-русским отрядом: 3 полков 5-й германской эрзац-дивизии и частей Северной армии, расположенных во Пскове (около 3 тысяч человек, включая около 700 офицеров, 36 пулеметов и 12 орудий). На подполковника Ветренко, командира Волынского полка, было возложено командование сводным Русским отрядом, который должен был оборонять город с востока.

Рано утром 25-го выступили на позицию. А вскоре красные повели наступление с северо-востока по шоссе от Луги и по Рыбинской железной дороге. И Русскому отряду пришлось принять весь удар на себя. Этот молодой добровольческий корпус, только еще формирующийся, на очень широком фронте, несмотря на свою малочисленность и на недостатки всего необходимого, храбро встретил атаки красных, следовавших одна за другой. Местами доходило до рукопашной. Не имея штыков, добровольческая молодежь успешно отбивалась прикладами. Особенно сильные атаки велись матросами на отряд полковника Неплюева. Этот отряд понес большие потери, но отстоял свои позиции.

Германские части, имевшие задачей оборонять левый фланг и поддерживать порядок в городе, начали без боя отходить к Изборску, открыв левый фланг. А в городе местные большевики, хорошо снабженные оружием, и красноармейцы, прибывшие под видом крестьян на бывший в тот день базар, устроили восстание и захватили город.

Полковник Неф под вечер ненадолго приехал к находящемуся на позиции отряду, а на обратном пути, попав под обстрел, уехал с немцами. К 3 часам дня красные заняли предместья города. Штаб армии, находящийся в центре города, вынужден был спасаться. Резерв, состоящий из двух рот Псковского полка, находящийся по другую сторону реки Великой в Завеличье, видя, что город уже захвачен красными, под начальством полковника Лебедева стал отходить на запад к Изборску, к ним присоединилось и небольшое число беженцев.

Части же, находящиеся на позиции, под вечер еще отбили

сильную атаку красных, которая была уже последней, но начавшая доноситься из Пскова стрельба привела их в расстройство, и получилась растерянность, из которой вывел подполковник Ликуди (Волынского полка), приказавший всем собираться у деревни Кресты. Отряды сильно поредели, так как понесли значительные потери, к тому же некоторые псковичи поспешили к своим родным в город.

Отходить через захваченный красными Псков не было возможности, хотя единственный мост через широкую и многоводную Великую находился в городе, и решено было отходить южнее к Выбутским порогам, где был брод.

Наступила темнота, стало морозно; поднялся сильный встречный ветер. Над Псковом поднималось большое зарево от пожаров, и оттуда доносились выстрелы. Многие покидали в нем своих родных, близких, оставляя их всем ужасам большевистской мести и сами не имея ничего определенного. Было от чего впасть в уныние.

Так начался отход только что зарождавшейся Северо-Западной армии. Крепкий морозец сковал основательно даже и проселочную дорогу, на которую свернули с шоссе, по которой, казалось, можно было идти с орудиями. Глубокой ночью вышли на высокий обрывистый берег Великой, через которую пришлось переходить по пояс в ледяной воде. Особенно тяжело было артиллерийской молодежи вытаскивать свои пушки, находясь подолгу в бурлящей студеной воде. Это был действительно Ледяной поход.

Переночевав в деревнях Ланино и Выбуты, проселочными дорогами пошли на Изборск. Местность кишела мелкими большевистскими отрядами, которые захватывали спасающихся из Пскова небольшими группами. И их расстрелянные трупы валялись на пути отходящих отрядов. Местами приходилось идти под перекрестным огнем красных, которые иногда даже пытались преградить дорогу.

При весьма тяжелых условиях отступали отряды на Изборск.

Талабский отряд отходил севернее, а гарнизоны Острова и Режицы значительно южнее к Валку.

В городе Верро состоялся совет старших начальников прибывших туда отрядов. Ввиду отъезда полковника Нефа в Ревель, в командование вступил полковник Бибиков, как старший. Было решено: всем частям двигаться самостоятельно на город Юрьев.

Временами встречались с отходящими без боев германскими частями, довольствовались еще из германских запасов и покупали продукты у населения на оставшиеся «осты». На повозках везли

раненых, сильно страдавших от холода и езды по дорогам. Многие добровольцы были без шинелей, иные с распухшими, израненными ногами брели босые, а уже наступали морозы и выпал снег.

Повсюду шнырявшие небольшие отряды красных, а иногда и крестьян из окрестных деревень открывали огонь по отходящим отрядам. Прорвавшаяся красная волна хлынула с востока вслед за отходящими крошечными добровольческими отрядами, которые сдерживали их. Недостаточно одетые и обутые, шли добровольцы в неизвестность, порой без дорог, по занесенным снегом болотам, под вой осенней вьюги.

Отходивший на Балк Островский полк сделал набег на станцию, разгромил городской совет, занял город Руэн и, войдя в соприкосновение с красными отрядами, отходил на Ревель, неся заставы совместно с новосформированными эстонскими частями и финскими добровольцами.

6 декабря состоялся договор между полковником Нефом и эстонским правительством о совместных действиях. А в середине декабря в Гельсингфорсе состоялось совещание, возглавляемое Лианозовым, на котором был создан план Северо-Западной армии. Причем базой являлся Ревель. На этом совещании присутствовал генерал Юденич, переживший в Петрограде захват власти большевиками, скрываясь там более года и только осенью 1918 года перебравшийся в Финляндию. Вокруг его имени был ореол. О нем говорили: «Генерал, который не знал ни одного поражения». Ходила молва, что генерал Юденич будто бы сказал, что если ему не будут мешать, то он большевиков раскидает.

Из всех отрядов, отошедших из Псковского района, образовались два отряда. Один, названный впоследствии Восточным, – из частей капитана Микоши, талабцев – ротмистра Пермикина и отряда ротмистра Булак-Булаховича, под общим командованием последнего. Этот отряд стал оперировать в районе города Юрьева, где занимали фронт подходившие эстонские формирования. Другой – Западный, – из частей Псковского, Островского, Режицкого и Волынского полков, под общим командованием полковника фон Валя[102], а потом полковника Дзерожинского, у города Руэна.

17 декабря Волынский полк, при поддержке других частей, произвел удачный набег на город Валк, затем подавил восстание в городе Руэне, после чего Волынский полк перешел в Восточный отряд, а остальные части были перевезены к Ревелю, на станцию Коппа-Койль. Тем временем в Ревеле приступили к формированию Русской Дружины, под командованием генерала Геникса[103], и отряда полковника Бадендыка[104] (впоследствии

Ревельский стрелковый полк[105]).

В командование корпуса вступил полковник фон Валь. Корпус вошел в подчинение главнокомандующему эстонской армией генералу Лайдонеру и получил название «Отдельного корпуса Северной армии», а начальником Западного отряда был назначен полковник Ананьин[106].

В районе Нарвы действовали партизанский отряд поручика Данилова (будущий доблестный 12-й гренадерский Темницкий полк[107]) и Конно-егерский эскадрон (позднее – полк[108]), под командой штабс-ротмистра Гринвальда[109].

Большевики тем временем подошли со стороны Нарвы на 37 километров к Ревелю, но общими усилиями русских, эстонских и финских добровольцев были отброшены. Именно русские части и помогли отстоять город от большевиков, и сколько безвестных русских могил оказалось разбросано на эстонской территории, о чем эстонцы вскоре же и забыли и даже с пренебрежением стали относиться к русским.

При продвижении красных на запад положение в только что образовавшейся молодой Латвии становилось критическим. К формирующимся отрядам ландесвера – латышских, немецко-балтийских и русских рот – присоединилась формирующаяся из германских добровольцев так называемая Железная дивизия.

В Ригу прибыло большое количество офицеров, отступивших от Пскова. Генерал Родзянко, недавно прибывший в Ригу, пытался объединить под общим командованием Балтийский ландерсвер и остатки Псковских частей, но безрезультатно.

В середине декабря светлейший князь А.П. Айвен и генерал Родзянко выехали в Либаву для сообщения английскому адмиралу Синклеру о положении. Встречены были очень любезно, но не могли добиться никаких обещаний о поддержке русского формирования.

Русская Сводная рота, под начальством капитана Дыдорова, несла в Риге охранную службу и помогала латышским частям в подавлении восстаний. А затем выступила против продвигавшихся к Риге большевиков и участвовала в отпоре их наступления под Огером, Роденпойсом…

При общем развале и растерянности высшего германского командования и полной неподготовленности молодых частей, задержать наступление большевиков восточнее Риги не удалось. Отряды ландесвера под Хинценбергом не удержали прорыва красных, понесли большие потери, и в Риге началась паника. В обороне города стоящий на реке Западной Двине английский флот, несмотря на неофициальное обещание в том адмирала, по приказанию из Лондона, не участвовал, но помог эвакуироваться

в Данию и Англию некоторому количеству беженцев.

И 2 января 1919 года город Рига был брошен на произвол судьбы, и там начался большевистский режим.

Вот в каких тяжелых условиях пришлось встретить 1919 год молодым русским добровольческим частям, из которых и образовалась в том же году Северо-Западная армия.

Хотя прямого отношения к Северо-Западной армии и не имела молодая, вновь образовавшаяся Литва, но напор красной волны и ей пришлось тогда выдержать. В середине декабря 1918 года большевиками была захвачена Вильна. Наспех стали формироваться литовские и белорусские части. Перед самым Рождеством большевистские передовые части находились всего в каком-нибудь десятке километров от Ковно. Но были отброшены только что прибывшими частями германской Железной дивизии.

Барон Г. Кистер[110]
История Талабского батальона[111]

Через несколько дней после моего прибытия в Псков туда от красных перешел отряд Балаховича[4] с артиллерийской батареей и большим обозом. Этот переход был организован нашей подпольной организацией в Петрограде.

Балахович был типом атамана гражданской войны. Люди его были хорошо вооружены, и он крепко держал их в своих руках. С точки зрения военной его отряд был хорошо организованной силой. Его прибытие подняло дух не только белых добровольцев, но и местного русского населения.

Прошло несколько дней, и в Псков пробралась делегация от талабских рыбаков, живших на трех островах Псковского озера. На самом большом из них находился отряд в полсотни красноармейцев с комиссарами, которые чинили полный произвол и реквизировали весь улов рыбы, обещая за это присылку хлеба. Но хлеб не приходил, и рыбаки начали голодать.

Узнав о существовании в Пскове белых, рыбаки просили их прогнать красных и завладеть островами.

В отряде Балаховича были два брата, оба ротмистры, Пермикины. Один из них, Борис Сергеевич, собрал группу в 17 добровольцев и добыл два пулемета Максима. Встал вопрос, как добраться по озеру до островов. На псковской реке Великой стоял небольшой пароход того же типа, что обслуживали в Петрограде сообщение по Неве от Летнего сада со всеми островами. Машина была испорчена, а механик этого парохода сказался больным.

Я взялся починить машину, получив приказ приготовить пароход в 24 часа. Смазали, как могли, машину, накачали вручную воду в котел и стали разводить пары. Каменного угля не было, и пришлось топить дровами, что не позволяло достигнуть нормального давления. Инжектор работал слабо, и с машиной вообще не ладилось. Спас положение «больной» механик, видимо перетрусивший, который принес вынутый из цилиндра высокого давления и спрятанный у него золотник. Все было налажено, за исключением пониженного давления пара в котле, и с началом сумерек мы отплыли. Я был за машиниста, а на рулевом колесе стал один из рыбаков, хорошо знавший русло реки Великой и Псковское озеро.

С наступлением ночи мы достигли устья и в темноте поплыли по озеру. Ночь была лунная, и только перед рассветом появился туман. Не обошлось без одной неожиданности: мы сели среди

озера на мель, но в конце концов удалось с нее сняться.

Перед рассветом мы уже были перед большим островом и бросили якорь. Предусмотрительно мы взяли на буксир три лодки. В две из них сели по два офицера и по одному рыбаку, направились к двум малым островам, где забрали в плен двух спавших комиссаров. На пароходе остался я при машине и один офицер с пулеметом на носовой части.

Ротмистр Пермикин с 12 офицерами и одним рыбаком в лодке подплыли бесшумно к главному острову, высадились незамеченными и установили пулемет против сельского правления, именовавшегося «ратушей», где спали полсотни красноармейцев и комиссары.

Достаточно было двух ручных гранат и одной очереди из пулемета, чтобы весь этот большевистский «гарнизон» повыскакивал полураздетым с поднятыми руками для сдачи. Тотчас же раздался на колокольне маленькой церкви набат, и все жители острова радостно высыпали наружу, приветствуя белых.

Ротмистр Пермикин сразу же начал беседу с рыбачьим населением, которое, испытав большевистский произвол, все, начиная от 15-летних и до стариков, просили дать им оружие и организовать из них отряд для борьбы с большевиками. Все 50 красноармейцев также просили зачислить их в добровольческий отряд. Всех желающих разбили сразу же по ротам и взводам, во главе которых встали офицеры из нашего маленького отряда.

Пароход наш с ротмистром Пермикиным и частью офицеров вернулся в Псков, чтобы немедленно организовать снабжение провиантом голодных талабчан, а также доставить им оружие.

Так родился Талабский батальон, который впоследствии, под командой Б.С. Пермикина, развернулся в Талабский полк армии генерала Юденича, героически воевавший за освобождение родины на Петроградском фронте.

А. Родзянко[112]
Воспоминания о Северо-Западной армии[113]

В августе 1918 года я вернулся из Германии, куда я попал по занятии немцами Пскова, и поселился в Риге, куда в то время приходили лишь неясные сведения о белогвардейских формированиях на Юге России и в Сибири. Трудно было определить и предугадать, к чему поведут эти формирования, тем более что война на Западе еще продолжалась. Мое личное мнение склонялось к тому, что немцы войну проиграют; главную причину такого исхода я видел в сношениях Германии с большевиками и в том, что власти их и командный состав совершенно не понимали, какую роль могут сыграть большевистские агитаторы в их усталой от войны армии в случае неудачи на фронте.

В момент моего прибытия в Ригу немцы в Прибалтийском крае занимали фронт: река Нарова, Нарва, Псков, причем между ними и большевиками была обозначена нейтральная зона; но уже было достигнуто соглашение с большевистским правительством, по которому германские войска должны были очистить город Псков и некоторую часть Эстляндии. Уходя, немцы рассчитывали создать в отдаваемых областях противобольшевистскую организацию. Впервые я услышал об этом предположении совершенно случайно в Риге около половины сентября и, конечно, заинтересовался им, но получить более или менее подробные сведения об этих начинаниях в Риге мне не удалось, а потому в начале октября, когда формирования в Пскове уже ясно обозначились, я решил, чтобы получить более подробные данные и составить себе личное мнение о серьезности начинаний, проехать в Псков, для чего и испросил надлежащие визы. Германские власти отнеслись к моему желанию весьма предупредительно, и я отправился в Псков без всяких задержек, как теперь помню, в офицерском вагоне, причем все спутники мои относились ко мне весьма любезно; сопровождал меня капитан Гершельман.

Незадолго до моего отъезда в Псков в Риге и других городах Прибалтийского края (насколько помнится, в Либаве, Митаве, Юрьеве и Ревеле) были открыты вербовочные бюро Псковской армии, которые вели регистрацию офицеров и солдат и по мере возможности переправляли их в Псков.

Во главе Псковской армии временно был генерал Вандам, но носились слухи, что командовать ею будет генерал от кавалерии граф Келлер, с которым якобы уже велись по этому поводу

переговоры. Наконец были получены в Риге сведения, что часть красных, под командой Балаховича, перешла в Псков. Вообще казалось, что Псковское формирование, так как в нем безусловно были заинтересованы немцы, не будет иметь оттенка авантюры. Необходимо отметить здесь, что к моменту моего выезда в Псков началось сильное наступление на Германию на Западном фронте.

Приехав в Псков и остановившись у ротмистра Розенберга, я быстро разочаровался в своих надеждах найти что-нибудь реальное в Псковских формированиях: я радовался, попав в чисто русский город, но то, что я увидел в нем, было весьма печально. Поезд пришел рано; оставив вещи у ротмистра Розенберга, я пошел по улицам и встретил много как солдат, так и офицеров вновь формирующихся частей. Старый кадровый офицер, всю жизнь проведший в строю, часто уже по первому впечатлению может определить, что можно сделать из данного солдата и какого формирования можно ожидать, имея тот или иной живой материал, и это первое впечатление редко бывает ошибочным: разнузданного, ободранного, невоинского вида солдат и офицеров, попадавшихся мне навстречу, было совершенно достаточно, для того чтобы я сразу же решил, что Псковское формирование есть не более как авантюра. Шатающиеся по городу офицеры были, по-видимому, люди ничем не занятые; во многих магазинах за прилавками я видел приказчиков, одетых в офицерскую форму. Еще более я убедился в правильности своего первого неблагоприятного впечатления, когда пришел в штаб: главную роль там играли молодые немецкие офицеры, прикомандированные к германскому Генеральному штабу, но производившие далеко не солидное впечатление: на самые простые вопросы ответы давались весьма сбивчивые, и никто более или менее ясной картины положения дать мне не мог; несомненно было лишь одно, что никто ничего толком не знает. Вернувшись из штаба, я определенно решил, что начало формирования несерьезное и что я в этой армии служить не буду. Но решение судьбы, как показало будущее, не всегда совпадает с решениями людей.

На следующий день я вернулся в Ригу. Уже ранее я предполагал ехать на Украину или в армию генерала Деникина и предпринять шаги к получению необходимых виз, но разрешения не приходили, и мне пришлось задержаться в Риге. Тем временем состоялся отъезд из Берлина большевистских представителей, замешанных и уличенных в пропаганде, и вместе с тем стало ясно, что немцы не в состоянии выдержать натиска союзников на Западе. События пошли чрезвычайно быстро, и вслед за разгромом на фронте немецкой армии в Германии разразилась

революция, которая в Риге прошла довольно мирно.

Что война всем надоела, всех утомила и что побудить войска к дальнейшей борьбе является невозможным – в этом теперь уже никто более не сомневался. Появились солдатские советы, и хотя в них и участвовали офицеры, но не было сомнения, что разложение германской армии началось и что нет той силы, которая могла бы его остановить. Конечно, революция в немецкой армии протекала гораздо более планомерно, чем в свое время в русской. Кстати сказать, красных флагов я нигде у немцев не видел.

Латыши, вскоре после революции в Германии, объявили себя республикой, на городских улицах появились кое-где белые и красные флаги, где-то заседало какое-то правительство, но, по крайней мере в то время, когда я находился в Риге, как-то никто его существования не замечал и на жизни самого города оно никак не сказывалось. Во все время оккупации вся власть фактически была в руках немецкого командования. Командование это, конечно, хорошо относилось к прибалтийскому дворянству, но в то же время заигрывало и с латышами. К моменту моего возвращения в Ригу стало ясно, что немцы благодаря нажиму на Западе и общему политическому положению не в состоянии дольше удерживаться в Прибалтике, тем более что большинство немецких солдат, возбужденные революцией, откровеннейшим образом высказывали совершенно определенное желание как можно скорее вернуться домой. Но, уходя, немцы не желали совершенно утратить своего влияния в Прибалтике, а потому решили сформировать противобольшевистские организации, поддерживая которые они могли бы влиять на настроения и на внутреннюю жизнь страны. Среди солдат оккупационных войск нашлось довольно много таких, которые не пожелали возвращаться домой; они были сведены в особую дивизию, получившую наименование «Железной» и оставшуюся под немецким командованием в Прибалтике и после эвакуации. Всем офицерам, бывшим на русской регулярной службе, было предложено немецким командованием собраться для сформирования особых стрелковых батальонов. Началась запись, причем русские, латышские и прибалтийские офицеры записывались отдельно. С согласия немецкого командования и латышского правительства в Риге в начале ноября состоялось общее собрание офицеров. На собрании этом сразу же выяснилось, что из предполагаемого формирования вряд ли выйдет что-либо серьезное, так как с места же начали разгораться национальные страсти; дело могло бы иметь успех только в том случае, если бы национальная рознь была забыта. Собрание

офицеров приняло решение формировать три отдельных стрелковых батальона: русский, латышский и прибалтийский. Хотя, как я уже сказал, я и вынес из собрания такое впечатление, что из начинающегося формирования ничего серьезного не выйдет, – я все же согласился, после долгих уговоров всех собравшихся, принять на себя общее командование всеми тремя батальонами, имея в виду помочь формируемой в Пскове армии в случае натиска на нее со стороны большевиков. Соглашаясь на формирование батальонов, я поставил условием получение на это формального согласия германского командования; если не ошибаюсь, на следующий же день мною были получены соответственные полномочия в письменной форме и к моему штабу был прикомандирован офицер из германского штаба.

Между тем в Риге стала заметна усиливающаяся с каждым днем большевистская пропаганда. Велась она повсюду. Шли летучие митинги, разбрасывались прокламации, по вечерам на окраинах города шла частая ружейная стрельба, какими-то неизвестными лицами пускались ракеты; одним словом, делалось все для того, чтобы обыватель не чувствовал себя спокойно.

Через несколько дней после получения мною полномочий от германского командования на формирование стрелковых батальонов я решил поехать в Псков, дабы вступить в связь с формировавшейся там Северной армией для объединения действий в будущей борьбе с большевиками. Для осуществления этой связи я решил, в случае надобности, вступить в ряды Северной армии. К этому времени командующий Северной армией генерал Вандам и начальник штаба армии генерал Малявин покинули свои посты, и командование армией принял на себя полковник Неф, пригласивший начальником штаба ротмистра Розенберга. Приехав в Псков 22 ноября, я увидел там полный сумбур: что-то делалось, формирование велось, но, с одной стороны, было совершенно очевидно, что немецкие солдаты не имеют никакого желания драться с большевиками, а с другой стороны, Русская Армия была еще совершенно не сформирована и к борьбе не готова. Те несколько тысяч плохо вооруженных и плохо одетых людей, которых удалось собрать, занимали колоссальный фронт от Режицы до Пскова и в то же время держали Талабские острова.

Переговорив с командующим армией полковником Нефом о Псковских и Рижских формированиях, я получил от него полное согласие на принятие мною командования стрелковыми батальонами в Риге; кроме того, полковник Неф поручил мне вступить в переговоры с англичанами, ежели таковые переговоры окажутся возможными. Слухи о прибытии английской эскадры и

об оказании союзниками военной помощи носились как в Риге, так и в Пскове, причем говорили, что прибудет не только флот, но и десант. Для подробного ознакомления с финансовым положением Северной армии я пригласил проехать со мной в Псков г-на Лампе, который на мое предложение любезно согласился.

К этому времени благодаря революции в Германии немецкое командование отказало в выдаче Северной армии необходимых сумм, которые до той поры выплачивались; впрочем, в последний момент на нужды армии были переданы два миллиона «ост-рублей»; эти деньги являлись последними, которыми армия располагала. Кроме денег, немецкое командование перестало поддерживать Северную армию как снаряжением, так и снабжением. Оккупационная германская армия в этот период сильно напоминала нашу русскую армию времен Керенского: немецкие солдаты продавали ружья, револьверы и даже пулеметы, власть вышла из рук начальства, офицеры лишились всякого авторитета, функционировали солдатские комитеты и всюду царил хаос. Были установлены случаи сношения германских солдатских комитетов с большевиками.

Г. Лампе, подробно ознакомившись с финансовым положением Псковского Северного корпуса, передал мне, что он считает положение его критическим, несмотря на то что штаб армии выпустил свои кредитные билеты пятидесятирублевого достоинства (деньги эти получили название «вандамок»), причем кредитки эти, как мне передавали, населением принимались весьма охотно.

В городе была организована самооборона, и многие жители были вооружены, причем, по слухам, много оружия попало в руки большевистских агитаторов; организацией самообороны заведовал комендант города полковник Штейн.

Закончив все переговоры, получив полное согласие командующего армией на формирование в Риге батальонов и все необходимые документы, я 24-го решил вернуться в Ригу. Поезд отходил в 12 часов дня. Рано утром мы с г-ном Лампе были разбужены звоном псковских колоколов; помню, как сейчас, я обратился к своему спутнику со следующими словами: «Вряд ли эти колокола будут звонить еще несколько дней». К сожалению, я оказался прав.

Среди других, встретился я в Пскове и с ротмистром Булак-Балаховичем. Балаховича я знал давно; во время Германской войны я встречал его в Риге, а ближе познакомился с ним уже после революции, во время нашего отступления.

Помню следующий факт, имевший место после отступления

от Риги, когда 17-я кавалерийская дивизия должна была под Зегевольдом совместно с 5-й кавалерийской дивизией и ударными группами прикрывать отступление всей 12-й армии и дать ей возможность сосредоточиться и устроиться на позициях у станции Рамоцкое. Я в то время командовал 1-й бригадой 17-й кавалерийской дивизии. Однажды вечером ко мне прибыл Балахович, тогда штабс-ротмистр, отрекомендовавшийся начальником партизанского отряда, бывшего ранее под командой офицера партизана Пунина, и доложил, что он с несколькими людьми отбился от отряда и просит разрешения присоединиться ко мне. Я согласился. Положение наше в этот вечер было довольно тяжелое, и, имея лишь небольшое количество спешенных людей, я не мог выделить достаточно народу для разведки. Штабс-ротмистр Балахович был сильно возбужден и рассказывал мне, в присутствии ординарца моего, штабс-ротмистра Олега Баннер-Фогта, самые необыкновенные истории о великих геройских подвигах, им совершенных. Сильно усталый, я посоветовал штабс-ротмистру Балаховичу лечь отдохнуть, а наутро показать свою удаль, произведя вместе со своими людьми разведку, причем задачу я хотел дать ему с рассветом, после выяснения обстановки.

Встав на следующий день еще до восхода солнца, я приказал призвать к себе штабс-ротмистра Балаховича, но оказалось, что его уже и след простыл. Через несколько дней я встретил его в штабе 5-й Кавалерийской дивизии, причем вид у него был весьма смущенный. Случай этот подорвал у меня всякое доверие к штабс-ротмистру Балаховичу, и, встретившись с ним в Пскове, я отнесся весьма подозрительно ко всем его рассказам.

Штабс-ротмистр Балахович, очевидно уже по прибытии в Псков, окружил себя совершенно случайными людьми, которые из личных соображений делали кругом него шумиху, пытаясь создать ему громкое имя, и к моменту его приезда он уже играл в Пскове некоторую роль.

Скажу несколько слов о партизанах вообще. Во время Германской войны командуемая мною часть одно время стояла близко от так называемого Пунинского партизанского отряда. Состав этого отряда был действительно лихой, было в нем много смелых людей, но сброд был страшный. У нас, своих соседей, партизаны старались украсть все, что возможно, так что даже наши части вели с ними перестрелки. Все, что я видел в Германскую кампанию, утвердило меня в том мнении, что учреждение партизанских отрядов во время войны положительных результатов никогда не давало.

При смелом, энергичном начальнике любой эскадрон может

исполнить те же задачи, что и партизанский отряд, и не хуже его. Формирование же партизанских отрядов только развращало людей: в армии установился взгляд, что партизаны – это люди, которым разрешено разбойничать и грабить, а это весьма плохой пример для других частей.

Забыл сказать еще об одном офицере, с которым я познакомился в Пскове и который своею скромностью и отсутствием рассказов о необыкновенных геройских подвигах выгодно отличался от штабс-ротмистра Булак-Балаховича – это был начальник внешней обороны города Пскова, георгиевский кавалер, капитан Микоша, произведший на меня самое приятное впечатление.

24-го, составив себе ясную картину положения Пскова и договорившись с полковником Нефом о формировании стрелковых батальонов, я выехал обратно в Ригу. Вместе со мной вернулся г-н Лампе.

Вернувшись в Ригу, я направился в канцелярию вновь формирующихся частей, где узнал, что командующим формируемыми батальонами за время моего отсутствия был назначен какой-то немецкий майор. Это обстоятельство окончательно убедило меня в том, что из новых Рижских формирований ничего путного не выйдет, тем более что назначение немецкого майора порывало только что налаженную мною связь с Северной армией, а потому я решил немедленно от командования отказаться. Узнав о моем решении, командующий немецким батальоном полковник Фрейтаг-Лорингофен долго уговаривал меня остаться, но доводы его меня не поколебали. Сдав командование батальонами, я съездил к ланд-маршалу барону Пилару фон Пильхау, к латышскому военному министру г-ну Залиту и к немецкому майору Генерального штаба Трескову и всем им говорил, что считаю положение Пскова настолько критическим, что если немедленно не будут предприняты шаги к объединению всех частей, формирующихся в Прибалтике и в Пскове, то падение его, Пскова, неизбежно, после чего неминуемо и падение Риги. Из всего мною виденного я вынес совершенно определенное впечатление, что немцы при создавшемся положении никакого сопротивления оказать не смогут. В этих разговорах я особенно напирал на то, что считаю совершенно необходимым бросить всякую национальную рознь и всякие национальные вопросы и всем как можно скорее объединиться. Не успел я вернуться после этих разговоров к себе в гостиницу «Рим», как было получено известие, что Псков сильно обстреливается; известие это привез офицер, выехавший со следующим после меня поездом. К вечеру того же дня пришло

известие, что Псков оставлен и Северная армия отступает по направлению к Изборску.

Через день или два начали появляться беженцы из Пскова, и среди них много офицеров и солдат. Одним из первых прибыл начальник штаба Северной армии ротмистр Розенберг с женой и частью штаба, что, признаться, меня очень удивило.

Казалось, что после падения Пскова все и вся должны были объединиться для борьбы с большевиками, для защиты Риги. Мною совместно с несколькими русскими деятелями города Риги были предприняты шаги в этом направлении; было у нас в здании 2-го кредитного общества несколько заседаний, на которые были приглашены представители латышей и прибалтийских немцев, но все эти заседания ни к чему не привели, если не считать передачи нескольких тысяч рублей на нужды бежавших из Пскова офицеров и солдат Северной армии. Всюду, где только мог, я постоянно указывал и настаивал на том, что если немедленно всем не сплотиться и не начать общей борьбы с большевиками, то Рига должна неминуемо пасть.

Вскоре приехал в Ригу командующий Северной армией полковник Неф с тою же целью объединить Северную армию с рижскими организациями. Но и ему никаких положительных результатов добиться не удалось, и он решил ехать в Ревель попробовать сговориться с вновь образованным эстонским правительством. Северная армия в это время находилась в районе Валк – Юрьев; налаженной связи с ней не было, и о существовании ее по Риге ходили лишь смутные слухи.

Перед отъездом своим в Ревель полковник Неф подчинил мне всех русских офицеров и солдат, находившихся в Риге, и просил принять меры к скорейшей отправке их в армию в свои части. Я энергично принялся за выполнение полученного поручения, но скоро убедился, что выполнить его почти невозможно: за малыми исключениями, никто в армию возвращаться не желал, и офицеры пускались на всякие уловки и придумывали всякие предлоги, чтобы избежать отправки туда. Чтобы побудить офицеров ехать, я переговорил с немецким командованием и настоял на закрытии устроенного в Риге офицерского общежития, но и эта мера мало помогла.

Вскоре по приезде полковника Нефа в Ревель я получил от него известие, что переговоры с эстонским правительством идут удачно. В том же письме полковник Неф просил меня переговорить с латвийским правительством об отводе Северной армии к Риге; без особого труда мне удалось получить на это принципиальное согласие как латышских, так и германских властей. В десятых числах декабря пришло известие, что в Либаву

должна прибыть английская эскадра. В Либаве уже находился от армии офицер для связи. Через этого офицера я получил сообщение, что английский адмирал Синклер просит меня прибыть в Либаву для переговоров. Я выехал в тот же день вместе с ротмистром Кавалергардского полка светлейшим князем Ливеном, с которым я составил для англичан подробный доклад о положении дел в Прибалтике. В Либаве мы английского флота уже не застали: он, минуя Ригу, направился в Ревель, но узнали, что адмирал Синклер через два дня должен вернуться в Либаву. В ожидании адмирала я переговорил с германским командованием и с латышским городским головою г-ном Берзиным и получил согласие их на перевод Северной армии в район станции Муравьево. Через два дня английская эскадра вернулась, и я вместе с ротмистром светлейшим князем Ливеном отправился на крейсер к адмиралу Синклеру. Ознакомив адмирала во всех подробностях с положением в Прибалтике и Риге, мы указали ему, что положение весьма серьезно и что при создавшихся условиях большевики без особых усилий в ближайшем времени могут занять Ригу, и настоятельно просили его о помощи. С командующим Северной армией полковником Нефом адмирал Синклер уже имел беседу в Ревеле; нас же он внимательно выслушал, взял наш доклад и карты, но никакого определенного ответа нам не дал. У нас осталось такое впечатление, что адмирал скорее был склонен вести переговоры с латышским правительством, чем с нами, и мы ушли от него неудовлетворенные, так и не выяснив общего положения вещей. В этот же вечер я выехал обратно в Ригу.

За наше отсутствие настроение в Риге и вести с фронта стали еще более тревожными. Я вновь получил от полковника Нефа предложение устроить армию в Риге.

Ротмистр Розенберг, несмотря на приказание командующего армией явиться к нему, остался в Риге и вел с немцами, очевидно безрезультатно, переговоры. Я указал ему, что его обязанность, как начальника штаба, находиться при армии, но и на фронт он ехать отказался. Он, по-видимому, был слишком связан своей женой и какими-то денежными операциями. После этого отношения у меня с ним сильно обострились, или, вернее, я просто перестал с ним разговаривать, заявив ему в лицо, в совершенно категорической форме, что считаю его преступником.

Между тем становилось совершенно ясно, что Рига не устоит. Из армии было получено донесение, что большевики наступают в направлении на Юрьев, и пока еще не проверенное донесение о занятии ими Валка. Большевистская агитация в Риге продолжалась, и были признаки того, что она пользуется

большим успехом; настроение с каждым днем становилось все более и более тревожным.

Хотя немцы и уверяли, что Ригу они не отдадут, но в их войсках никакого желания драться с большевиками заметно не было. На латышские войска совсем нельзя было рассчитывать, исключая небольшую часть, составленную из латышской интеллигенции. Русский батальон был тоже чрезвычайно слабого состава. Единственная опора были прибалтийские части, носившие наименование ландесвера. Эти части, сравнительно с другими, были немцами гораздо лучше снабжены и вооружены, и элемент, из которого они состояли, был гораздо более высокого качества. Но они были слишком малочисленны для того, чтобы успешно бороться с большевиками и дать им надлежащий отпор.

Что касается Железной дивизии – то в это время она собой реальной силы не представляла, да и настроение в ней было такое, что не было твердой уверенности в том, что она действительно станет драться с большевиками. Большевистская агитация между тем росла и росла. Никаких серьезных мер против нее не предпринималось, и большевистские агенты обнаглели до того, что не только открыто показывались на улицах, но и спокойно завтракали и обедали в ресторанах. Ночная стрельба участилась, и опять по вечерам на окраинах города неизвестными лицами пускалось большое количество ракет. Настроение становилось все более нервным, несмотря на то что среди горожан упорно циркулировали слухи о помощи, которую окажут англичане.

По этому поводу я несколько раз был у английского консула Бозенкейта, и он категорически заявил мне, что англичане никакой реальной силы не пришлют и флот их участия в защите города не примет, а потому оборону надо организовать местными средствами. Определенно зная, что местных средств для защиты города совершенно недостаточно, я был совершенно уверен в скором падении Риги. Латышское правительство само чувствовало свое бессилие, что для меня стало особенно ясным после моего вторичного разговора с военным министром Залитом и чинами его штаба. Германским командованием было собрано совещание, в котором участвовали русские, немцы и латыши. Никакого определенного решения на этом совещании принято не было, и после него я окончательно убедился в необходимости покинуть Ригу, что решил сделать верхом вместе с женой и двумя офицерами штабс-ротмистрами Баннер-Фогт[114]. В это время приехал офицер барон Корф от полковника Бибикова, который временно заменял полковника Нефа, все еще не вернувшегося из Ревеля, где он вел переговоры с эстонским правительством. Этот

офицер доложил, что Валк занят большевиками и что Северная армия частью сражается у Юрьева, тоже взятого большевиками, а часть у местечка Руена. Таким образом, оказывалось, что Северная армия отрезана от Риги. Вслед за офицером, командированным полковником Бибиковым, каждый день стали являться беглецы, которые докладывали, что положение все ухудшается и большевики наступают довольно значительными силами.

Я предложил еще раз всем офицерам и солдатам поступить в Рижский Русский стрелковый батальон, а для определенно не желавших туда поступить начал хлопотать об отправке в Либаву, что мне и удалось. Ближайшим моим помощником в этом деле был капитан Гершельман, который и отправился с группой офицеров в Либаву.

Большевики все приближались к Риге, а когда были заняты Зегевольд и Хинценберг – я решил, что ждать больше нечего и пора уезжать, тем более что считал весьма вероятным внутреннее восстание в самой Риге.

29 декабря я вместе с женой и штабс-ротмистрами братьями Баннер-Фогт двинулся в сопровождении двух повозок через Майоренгоф, Туккум и Гольдинген в Либаву. Несмотря на мороз, путешествие было приятное и обошлось без всяких инцидентов; останавливались у помещиков, и все путешествие носило скорее характер прогулки. В Майоренгофе сделали дневку. Между прочим, в Майоренгоф приехал ко мне из Риги мой близкий личный друг голландец Лео Пельтенбург. Он приехал на следующий день и рассказал, что в день нашего отъезда из Риги латышский стрелковый батальон отказался выступить против большевиков; Балтийскому ландесверу было приказано разоружить латышей, что балтийцы и сделали, но только после того, как приказание это было подтверждено английским адмиралом, и английский флот получил приказание открыть огонь по бунтовщикам. Лео Пельтенбург после нашего свидания вернулся в Ригу, где и оставался, после занятия города большевиками, до освобождения города белыми. Пельтенбург был голландским консулом в Риге, и ему, благодаря его официальному положению и энергии, удалось спасти немало невинных от расстрелов. Несколько человек из бунтовщиков-латышей были приговорены к расстрелу Военно-полевым судом. 5 января прибыли мы в Либаву, где узнали, что Рига пала, причем в падении ее значительную роль сыграло внутреннее выступление местных рижских большевиков. Одновременно с известием о падении Риги было получено сведение, что финны помогли эстонцам в их борьбе с большевиками, и я решил во что бы то ни

стало попасть в Ревель, хотя бы кружным путем через Германию, чтобы вступить в ряды армии для борьбы с большевиками.

Тем временем в Либаве мне усиленно стали предлагать заняться формированием русского отряда под верховным немецким командованием; я категорически отказался, не веря больше, после Пскова и Риги, в серьезность немецких предложений.

Большевики после занятия Риги продолжали наступление, оттеснили белые части и «Железную дивизию» от Митавы, заняли Туккум и стали подходить к Муравьеву. Прибалтийцы начали более энергично организовываться и под командой немецких офицеров рассчитывали вести борьбу. Из латышей же в Либаву пришел лишь один небольшой отряд, не более 300 штыков, и то составленный главным образом из латышской интеллигенции.

Незначительность этой цифры, в сравнении с общим количеством латышского населения (более 3 миллионов человек), была, конечно, очень характерна для настроения латышского населения.

После отказа моего принять русское формирование на себя под германским командованием во главе этого формирования стал светлейший князь Ливен. Я же решил привести в исполнение свой план поездки в Ревель. По дороге я остановился и прожил у гостеприимного хозяина Полангена графа Тышкевича около недели, а также около недели провел в Мемеле. Из Мемеля я послал в Либаву одного из братьев Баннер-Фогтов, который, вернувшись на следующий день, сообщил, что в Либаву пришел и на днях возвращается обратно эстонский пароход «Ваза». Чтобы использовать этот пароход, я поспешно вернулся в Либаву, где встретил полковника графа Палена и полковника Бибикова, которые тоже собирались ехать в Ревель. Своих лошадей я забрал с собой на пароход.

В двадцатых числах января мы вышли из Либавы и через два дня благополучно прибыли в Ревель.

* * *

Уже на пароходе от спутников своих полковника графа Палена и полковника Бибикова я узнал, что Северная армия, перейдя на территорию Эстляндии, переформировывалась в Северный корпус и что временно командует им полковник Дзерожинский, а на будущее время на пост командующего корпусом генерал Лайдонер, Главнокомандующий Эстонской армией, пригласил генерала Арсеньева[115]. Кроме того, у

полковника Бибикова были сведения, что в Гельсингфорсе находится генерал Юденич, собирающийся начать какие-то формирования в Финляндии.

Приехав в Ревель, я сейчас же явился к командующему корпусом полковнику Дзерожинскому и заявил ему, что прошу для пользы дела назначить меня на любую должность, хотя бы ротным командиром, на что он ответил, что первая же открывшаяся вакансия будет предоставлена мне, а пока он просит меня оставаться в его распоряжении. Я вместе с полковником графом Паленом поселился на даче Фритгейм. Оба брата Баннер-Фогта, приехавшие вместе со мной, поступили в конный отряд полковника Бибикова и отправились на Нарвский фронт.

То, что я узнал в Либаве относительно помощи финнов эстонцам, оказалось правдой: на эстонском противобольшевистском фронте находились весьма успешно оперировавшие финские добровольческие отряды.

Северный корпус в это время состоял из конного отряда полковника Бибикова, Талабского отряда, отряда штабс-капитана Данилова, Партизанского отряда подполковника Балаховича, отряда подполковника Бадендыка и еще нескольких мелких отрядов и был разбит на 2 части. Партизанский отряд Булак-Балаховича действовал на берегу Чудского озера между Мехикормом и островом Перрисаром (Корка), который недавно был занят отрядом талабчан. На Нарвском фронте действовали партизанский отряд штабс-капитана Данилова и конный отряд полковника Бибикова. Через несколько дней на Нарвский фронт был отправлен отряд подполковника Бадендыка, причем эстонский главнокомандующий присутствовал как на молебне, так и на проводах его.

В это время приехали из Гельсингфорса князь Волконский[116], генерал Гулевич[117] и г-н Лианозов. Шли какие-то переговоры между этой группой лиц и эстонским правительством, сущность коих я не знал, но думаю, что кончились они неудачей, так как лица эти вскоре же уехали обратно в Гельсингфорс. Вопрос о командующем Северным корпусом так и остался открытым: генерал Арсеньев, еще до моего отъезда побывавший в Эстонии, уехал обратно в Гельсингфорс и более не возвращался; очевидно, были какие-то причины, нам в Ревеле неизвестные, задерживавшие его в Финляндии.

Отношение к нам, русским, в Эстонии было скорее хорошее, хотя и было ясно, что вся борьба против большевиков основана на пробудившемся национальном чувстве и на стремлении к независимости. Отношение к русским офицерам было вполне корректное и вежливое. По отношению лично ко мне

предупредительность эстонцев простиралась до того, что меня приехал встречать командующий морскими силами капитан Питка.

На фронте шли незначительные бои. Активных действий большевики не предпринимали, и настроение в их рядах, по-видимому, было неважное, так как отдельные отряды добровольно часто переходили на сторону эстонцев, несмотря на то что эстонцы раздевали и грабили переходивших и помещали их в концентрационные лагеря. Вскоре после приезда полковнику графу Палену было поручено осмотреть один из подобных лагерей, причем он выяснил, что содержавшиеся в нем солдаты и офицеры отнюдь не большевики и держать их в лагере является совершенно бессмысленным. По докладе об этом генералу Лайдонеру полковнику графу Палену было поручено сформировать из находящихся в лагере батальон, к чему он немедленно и приступил.

Вскоре после приезда я был вызван на совещание старших военных чинов в Ревеле. Вопрос шел о появившемся в Ревеле присяжном поверенном Иванове[118], который, очевидно, хотел сыграть в Северном корпусе какую-то роль и для этого сблизился с подполковником Булак-Балаховичем. В результате совещания было предложено мне и полковнику графу Палену разобрать в качестве судей дело по обвинению присяжного поверенного Иванова[119] в ведении среди армии вредной агитации. Личность присяжного поверенного Иванова меня сильно заинтересовала, и я просил разрешения с ним переговорить, на что получил согласие полковника Дзерожинского. Через несколько дней разговор мой с Ивановым состоялся, причем Иванов говорил весьма разумно, высказал большую осведомленность, показал мне программу какой-то своей партии (Практической народной партии), особенно напирал на необходимость признания самостоятельности Эстонии. Во многом я не мог с ним не согласиться. Помню, что, подробно передавая этот разговор графу Палену, я сказал, что ни для суда над Ивановым, ни для предъявления к нему каких-либо серьезных обвинений не имеется достаточных данных.

Между тем начали появляться признаки порчи отношений между эстонцами и русскими. Доходили слухи, что ни Колчак, ни Деникин не желают признавать независимость Эстонии, что, конечно, дразнило эстонцев, которые, как я уже сказал, вели борьбу с большевиками только в надежде на независимость. Ни командующий корпусом, ни начальник штаба полковник фон Валь не хотели брать на себя ответственности за признание независимости Эстонии. На одном из заседаний старших чинов в

Ревеле я заявил, что признание это является совершенно необходимым, если русские люди хотят в борьбе своей с большевиками опираться на Эстонию, и предлагал объявить об этом, то есть признании Северным корпусом независимости Эстонии, эстонскому правительству и командованию. Полковник Дзерожинский заявил, что в принципе он со мной совершенно согласен, но что он не знает, как посмотрят на это русские люди, и что поэтому он сделает эстонскому правительству такое заявление, какое найдет для себя, как для русского офицера, более приемлемым. Предполагалось выработать новый договор между Северным корпусом и эстонским правительством.

Полковник Дзерожинский и полковник Валь ездили и делали правительству какие-то предложения, но в чем они заключались, я и до сих пор не знаю. Было мне очевидно только то, что лица эти не в состоянии договориться с эстонцами. Мне казалось, что нужно договориться с эстонским правительством до конца, так как иначе в дальнейшем отношения должны были испортиться, хотя пока наружно они оставались совершенно приличными.

В конце февраля командующий корпусом предложил мне вступить в командование Южной группой, состоящей из отряда подполковника Булак-Балаховича; с такой же просьбой обратились ко мне и заправилы этого отряда. Я охотно согласился, тем более что отряд состоял главным образом из кавалерии. Здесь я впервые познакомился с главными действующими лицами этого отряда: братьями Пермикиными, поручиком Видякиным[120], сотником Аксаковым и др. Впечатление они произвели на меня людей весьма энергичных и крепко между собою сплоченных. Полковник Дзерожинский предложил мне переименовать отряд в Псковский отряд, переформировать его и привести к регулярному виду. Я обещал сделать в этом отношении все возможное. К отряду должен был присоединиться и отряд полковника Ветренко, набранный им в лагере военнопленных. Перед отъездом к вверенному мне отряду я заехал в санаторий к раненому штабс-ротмистру Борису Пермикину, командовавшему Талабским отрядом. Офицер этот произвел на меня самое хорошее впечатление; ранен он был в голову, но счастливо, следов почти не осталось, несмотря на то что пуля прошла через обе щеки.

В конце февраля я выехал для принятия отряда в командование, взяв с собой начальника штаба отряда поручика Видякина, своего адъютанта поручика барона Менгдена, только что прибывшего из Копенгагена, и офицеров отряда, подъесаула Пермикина и сотника Аксакова. Приехав в Юрьев, я явился к начальнику 2-й Эстонской дивизии полковнику Пускару, а также

финскому генералу, которому были подчинены в оперативном отношении все части, оперировавшие на южном Эстонском фронте; переговорив с ними, я убедился, что мнение их об отряде, которым и приехал командовать, было очень невысоко. Два дня прошло в налаживании штаба и его работы и в переговорах с финским и эстонским начальством. В Юрьеве встретил меня подполковник Булак-Балахович, произведенный в подполковники полковником Нефом за удачное отступление от Пскова и за сохранение своего отряда при выполнении этой тяжелой операции. Ни для кого не было тайной, что подполковник Булак-Балахович был не очень доволен моим приездом, вел он себя по отношению ко мне вполне корректно, но между ним и его сподвижниками по партизанскому отряду велись по поводу моего приезда какие-то бурные и шумные переговоры. Он опять неприятно поразил меня рассказами о своих собственных необыкновенных подвигах и о различных партизанских набегах и комбинациях. В это время большевики напали на Мехикорм, переправившись на эстонский берег, и потеснили части отряда; я предложил подполковнику Балаховичу, если только он в состоянии (он был болен), ехать немедленно к отряду и сделать все возможное для отражения неприятеля, обещав возможно скорее прислать ему на помощь подтягивающийся к Юрьеву отряд полковника Ветренко. Из знакомства с отрядом полковника Ветренко и с ним самим я вынес и об отряде, и о полковнике Ветренко самое хорошее впечатление, несмотря на то что отряд состоял из людей большей частью только недавно перешедших от красных и одеты люди были плохо (у многих из них не было сапог).

Между тем наступление большевиков на Мехикорм и дальнейшее их продвижение могло поставить в неприятное положение весь Южный эстонский фронт; поэтому я вторично приказал подполковнику Балаховичу принять самые энергичные меры к ликвидации прорыва, а полковнику Ветренко немедленно двигаться со своим отрядом к нему на поддержку. С большим трудом мне удалось выпросить у начальника Эстонской дивизии 50 пар сапог для отряда полковника Ветренко, и на следующий день отряд на подводах двинулся в поход. Вслед за ним и я выехал в штаб отряда, который находился в деревне Разин. Приехав туда, я узнал, что большевики уже отбиты Балаховичем и отошли обратно за Чудское озеро. На следующий день я вместе с начальником штаба отправился осмотреть части отряда, побывал на батареях капитана Смирнова, в конном отряде имени Булак-Балаховича и в отряде полковника Ветренко, который расположился на правом фланге всего отряда, соприкасаясь с

эстонскими частями, находившимися около деревни Разин. В отряде полковника Ветренко был виден порядок, чего нельзя было сказать про батарею капитана Смирнова и про Конный отряд Балаховича.

Вернувшись в штаб, я нашел там подполковника Балаховича, приехавшего предложить сделать набег на красных. Переговорив подробно о различных возможностях, я принципиально согласился с целесообразностью набега и, приказав все к нему приготовить, уехал в Юрьев, дабы переговорить с эстонским начальством.

В это время в Юрьеве произошли какие-то неурядицы между финнами и эстонцами, и финский генерал предупредил меня, что, согласно вызову из Гельсингфорса, он уезжает и передает общее командование полковнику Пускару. Я подробно переговорил о возможности набега с полковником Пускаром, причем последний высказал сомнение в том, чтобы предприятие это дало какие-нибудь результаты; отношение его к отряду Балаховича вообще было отрицательное, и он говорил, что нужно или разогнать весь отряд, или заставить его работать по-настоящему. Во многом я не мог с ним не согласиться, но все-таки решил попробовать произвести набег, для чего и поехал в деревню Разин, куда перевел весь оперативный штаб отряда. Здесь я собрал всех старших начальников, то есть полковника Ветренко, подполковника Балаховича и капитана Смирнова, и мы в общих чертах наметили план действий, причем Балахович все время настаивал на немедленном осуществлении его и уверял, что ждать нельзя. Окончательно решив, что набег состоится, и разработав совместно план действий, день и час начала операции, начальники разъехались по своим частям, я же с начальником штаба поручиком Видякиным приступил к тщательной разработке плана и к составлению приказа, причем полковник Ветренко должен был занять ближайшие деревни по ту сторону пролива, а подполковник Балахович должен был с острова Перрисар зайти в тыл, выслав заслон со стороны левого фланга полковника Ветренко. Наступление должно было начаться в 4 часа утра, то есть еще до наступления рассвета. Казалось, что операция была разработана во всех деталях, но в час ночи этого же дня я получил от полковника Балаховича донесение с просьбой отложить набег до следующего дня; переменить приказ не представлялось уже никакой возможности, так как части полковника Ветренко уже с вечера выступили и связи никакой не было. Я вынужден был послать подполковнику Балаховичу срочное приказание приступить к выполнению приказа и ответственность за неудачу операции, в случае несвоевременного

выполнения приказа, возлагал на него. Это мое приказание Балахович вовремя не мог получить, так как до острова Перрисар (Норка) было около 40–50 верст. С рассветом в день операции я отправился в деревню Мехикорм, где действовал полковник Ветренко. Первое, что бросилось мне в глаза, – это неисполнение приказания капитаном Смирновым, орудия которого не были направлены на поддержку полковника Ветренко, как то должно было быть по приказу. Сделав соответственное внушение, я приказал орудиям немедленно выехать на указанную позицию. Приехав в Мехикорм, я нашел там части полковника Ветренко, которые отступали с того берега из-за того, что полковник Балахович их не поддержал и даже не выслал заслонов для обеспечения их левого фланга. Отряду полковника Ветренко удалось взять довольно большое количество пленных и военного снаряжения, но благодаря отсутствию заслона ему пришлось с трудом отойти, причем отряд потерял убитыми и ранеными около 50 человек. Поблагодарив отряд и разъяснив как офицерам, так и солдатам причины неудачи, я немедленно отправился на остров Перрисар к подполковнику Балаховичу, чтобы на месте выяснить обстоятельства, заставившие его не исполнить приказ. На Перрисар я приехал как раз в то время, когда весь отряд собрался на молебен, назначенный по случаю наступательных действий. Здесь я впервые познакомился с Талабским отрядом, люди которого напоминали своим видом настоящих солдат и произвели на меня самое хорошее впечатление. Пропустив церемониальным маршем отряд, прошедший отлично, я отправился в Офицерское собрание, где собрались господа офицеры. Я потребовал от подполковника Балаховича разъяснения, почему он ослушался моего приказания. Он начал оправдываться и доложил мне, что на Чудском озере появились трещины и нельзя было двигаться без большого риска. Я поставил на вид подполковнику Балаховичу, что набег был предпринят в значительной степени благодаря его же настоятельным предложениям и что отказ его выполнить операцию в то время, когда другие части уже приступили к ее выполнению, находились уже в движении и остановлены быть не могли, – заставил отряд полковника Ветренко понести совершенно неоправдываемые потери. Кончив разговор с подполковником Балаховичем, я начал объяснять господам офицерам, в чем именно состояла задача. Подполковник Балахович спросил у меня разрешения высказать господам офицерам по этому поводу свое мнение; я разрешил, но, когда подполковник Балахович сказал, что будто бы я нападаю на офицеров на неудачу набега, я его оборвал и заявил, что единственно, кого я обвиняю в этой неудаче, – это его,

подполковника Балаховича. Поговорив еще немного с офицерами, я уехал обратно в штаб.

Впечатление, получившееся у меня от частей, находившихся на острове Перрисар (Норка), было самое хорошее. Население было исключительно русское, занимавшееся рыболовством. Представители населения просили меня договориться с эстонскими властями относительно разрешения им рыбной ловли, иначе они будут обречены на голодовку.

Вернувшись поздно вечером в деревню Разин, я приказал начальнику штаба поручику Видякину упразднить штаб отряда подполковника Балаховича как являющийся совершенно излишним, Талабский отряд приказал переименовать в Талабский полк, отряд полковника Ветренко переименовать в 53-й Волынский полк на том основании, что ядром его были остатки 53-го пехотного Волынского полка, прибывшие вместе с полковником Ветренко с Украины, Конный отряд приказал переименовать в Конный полк имени Булак-Балаховича, а батарею капитана Смирнова в Конную батарею. Это были совершенно необходимые первые шаги для преобразования партизанского отряда в чисто строевую часть. После подписания приказа о переименовании я решил ехать с докладом к командиру корпуса и немедленно выехал в Юрьев, дабы испросить на то разрешение. Перед самым моим отъездом явился ко мне подполковник Балахович с просьбой о разрешении произвести набег на Раскопель, за успех которого он ручался на основании донесений своих разведчиков. Я дал свое согласие, причем указал подполковнику Балаховичу, что он своими боевыми действиями должен оправдать себя за неудачу последнего набега.

На следующее утро, с разрешения начальника Эстонской дивизии, я отправился на несколько дней в Ревель. В Юрьеве мне стало известно, что финны окончательно рассорились с эстонцами и уезжают обратно в Финляндию. В Ревель я приехал поздно вечером, на следующее утро явился к командиру корпуса и доложил ему о мероприятиях, принятых мною для создания из партизанского отряда более боеспособной части. Побывав в штабе и там же повидав кое-кого из русских, находившихся в Ревеле, я усмотрел, что штабом все недовольны, главный упрек, который ему делали, это отсутствие энергии и самостоятельности. Между прочим, я говорил с полковником Генерального штаба Крузенштерном[121] и с графом Паленом, причем оба они, так же как и многие другие, говорили о необходимости перемены в командном составе. По мнению всех, единственный, кто ввиду неприезда генерала Арсеньева мог и должен бы принять

командование корпусом, – это я. Даже присяжный поверенный Иванов, с которым я виделся и который, очевидно, был в тесной связи с балаховцами, говорил мне то же самое. На все эти разговоры и намеки я ответил, что, конечно, если я действительно буду признан единственным подходящим человеком, – я от командования корпусом не откажусь, но что никаких подкопов под полковника Дзерожинского производить не намерен и что приму назначение только в том случае, если оно будет произведено законным путем, то есть если буду назначен на эту должность Главнокомандующим генералом Лайдонером, считая всякий иной путь для себя неприемлемым, дабы избежать подобных же инцидентов в будущем. Пробыв в Ревеле 3 дня, я поехал обратно в Юрьев и еще по дороге в вагоне узнал об удачном набеге подполковника Балаховича на базу Чудской флотилии Раскопель. Немедленно по приезде в Юрьев я вызвал к себе подполковника Балаховича и приказал ему подробно доложить о набеге, который был чрезвычайно удачен. Подполковник Балахович собрал свой отряд в количестве около 300 охотников на острове Перрисар, двинулся прямо на восток и, благополучно миновав береговые посты, свернул вдоль берега Чудского озера на юг, прямо на базу Раскопель; занял врасплох без потерь базу, продержался на ней несколько часов и за это время успел вывезти все самое ценное, между прочим, 3 автомобиля, радиостанцию, несколько пулеметов, массу табаку, папирос и довольно большое количество денег. Я приказал всю добычу собрать в назначенное место и сделать ей подробную опись, но, конечно, большую часть добычи разобрали партизаны, и в опись попала едва ли V ее часть. Опыт этого набега показал мне, что действительно, когда подполковник Балахович хорошо осведомлен о расположении находящегося перед ним противника, его партизаны могут провести отряд незамеченным в тыл красных и этим гарантировать успех набега при почти полном отсутствии потерь.

Должен несколько остановиться на отличившемся в этом набеге поручике Опарнеке, который с командой подрывников и лазутчиков за несколько дней до набега отправился в тыл к красным для взрыва моста у станции Ям. Через два дня поручик Опарнек вернулся и доложил, что мост у станции Ям ему взорвать не удалось, но что им взорван один из железнодорожных мостов ближе к Пскову. Донесение это впоследствии вполне оправдалось. После возвращения с набега на Раскопель части вверенной мне бригады расположились вдоль Чудского озера: правый фланг соприкасался с эстонцами у Нового Раппина, левый фланг был на острове Перрисар. Бригада несла на занимаемом участке

разведывательную службу, причем были выделены резервы. Наиболее крепко был занят остров Перрисар, на нем находился Талабский полк и Георгиевский отряд. Сделал это я потому, что остров нам необходимо было держать, так как с него было удобно делать набеги и отражать всякие попытки большевиков переправиться на нашу сторону, действуя им в тыл. Набеги небольшими отрядами в разных пунктах участка, с целью разведки и беспокойства большевиков, делали мы за этот период довольно часто. Со своей стороны большевики несколько раз делали попытки переправиться через пролив, но неудачно.

В конце февраля месяца противник стал теснить эстонские части, занял линию железной дороги у станции Печоры. У Раппина обозначилось большое сосредоточение его сил, а вместе с тем по всей линии эстонского фронта большевики начали проявлять активные действия. Эстонские части на нашем правом фланге были очень неважные и при первом же натиске большевиков начали весьма поспешно отходить. Большевики повели энергичное наступление довольно значительными силами от Нового Раппина и вдоль по линии железной дороги Псков – Валк и на Мариенбург, с очевидным намерением разрезать эстонскую дивизию на 2 части. Положение делалось серьезным, и прорыв эстонского фронта мог стать угрожающим для городов Юрьева и Верро. Приехав в Юрьев и переговорив с начальником Эстонской дивизии полковником Пускаром и начальником штаба капитаном Генерального штаба Мунтом о серьезности положения, я решил сосредоточить на своем правом фланге возможно больший кулак для нанесения удара во фланг наступающему противнику. Сам полковник Пускар уехал в Верро, где к этому моменту положение сделалось весьма серьезным, так как большевики, заняв Мариенбург, стали действовать по линии железной дороги Псков – Валк и приблизились к Верро на 8–9 верст. Атаки их отражались главным образом эстонскими бронированными поездами, которые действовали – нужно отдать им справедливость – весьма умело и храбро. Оставив на охрану побережья запасной эстонский батальон, поддерживаемый незначительными русскими частями, я приказал всему Волынскому полку с двумя ротами Талабского полка, с одним пешим эскадроном Конного полка сосредоточиться в районе Радома – Толома под общей командой полковника Ветренко и, действуя по направлению к югу, очистить от большевиков берег Псковского озера. Я лично поехал руководить этой операцией. Одновременно с очищением отрядом полковника Ветренко берега озера и нанесением им удара во фланг наступающему противнику эстонцы тоже должны были перейти в наступление вдоль

железной дороги и действовать к северо-востоку на Орраву, а также на Мариенбург. (Я проводил этот отряд до Левако, где находился штаб Эстонского батальона, отошедшего из Раппина; батальон этот должен был содействовать нашему движению.) Полковник Ветренко весь свой отряд посадил на подводы и с четырьмя орудиями двинулся от Талома к югу на Левако. В тот же день я получил от него донесение, что он достиг Доброоца и что дальнейшее наступление идет удачно. Донесение следующего дня извещало, что отряд вклинился в большевиков и ведет бой. Я приказал энергично вести дальнейшее наступление и, очистив берег Псковского озера, войти в соприкосновение с эстонскими частями, действующими у Оррава. Действия полковника Ветренко были настолько удачны, что они скоро отразились на действиях эстонского батальона, который без особенных усилий занял Раппин и начал наступление вдоль Псковского озера. Оставив эскадрон Конного полка Балаховича для прикрытия в этом направлении тыла отряда полковника Ветренко, я уехал в Юрьев доложить об успехе наступления и переговорить с эстонским начальством. Конный полк Балаховича находился в это время в 10 верстах от Юрьева, в деревне Каверсгоф. Приехав в Юрьев, я у начальника эстонской дивизии встретился и познакомился с генералом Лайдонером, Главнокомандующим эстонскими войсками, который произвел на меня очень хорошее впечатление. В его вагоне я рассказал ему о действиях вверенной мне бригады; действия эти он одобрил и, между прочим, сказал мне, что желал бы видеть меня во главе Северного корпуса. В этот же вечер он уехал, а на следующее утро явился ко мне подполковник Балахович и предложил сделать с охотниками набег на Раскопель или, если будет возможно, на Гдов. Переговорив с начальником Эстонской дивизии, я дал ему разрешение вызвать охотников действовать от деревни Вороньей на Гдов или Раскопель, как он находит для себя более выгодным, причем я тут же вместе с ним установил день набега. Охотников нашлось достаточное количество – около 300 человек; через Чудское озеро они должны были переправиться на подводах. Для поддержки всех этих действий из Перрисара пришлось перебросить на побережье у Мехикорма часть Талабского полка. В то же время начальник гарнизона Перрисара, капитан Смолин, предложил сделать небольшой набег на деревню Подборовье. Я согласился и на это предложение. Когда выяснились все подробности предполагаемых набегов, я приказал полковнику Ветренко очистить от противника Псковское озеро и двигаться далее между озером и Изборском. Таким образом, мною был отдан приказ всей бригаде перейти в наступление тремя отрядами: первому – под командой

полковника Ветренко – по направлению на Псков, второму – под командой капитана Смолина – на Подборовье и третьему – на Гдов, под командой подполковника Балаховича. Само собой, по выделении этих отрядов на берег Псковского озера на острове Перрисар осталось весьма небольшое количество защитников.

Действия подполковника Балаховича на Гдов были весьма удачны, хотя он опоздал на два дня с началом набега. Он захватил Гдов и, несмотря на то что большевики стянули против его малочисленного отряда значительные силы, – он захватил казначейство, пленных, пулеметы, много снаряжения и благополучно, почти без потерь, вернулся в исходное положение. Отряд капитана Смолина не двинулся, так как перед самым набегом проводник исчез, очевидно, перебежал к красным. Действия полковника Ветренко были чрезвычайно удачны: очистив берег Псковского озера, он почти без потерь достиг речки Пимжи и переправился через нее.

В тот же день, когда возвратился с набега подполковник Балахович, красные произвели нападение на остров Перрисар и заняли его. Небольшой гарнизон, оставшийся на острове, вынужден был отойти и остановился у деревни Сакса. Я приказал подполковнику Балаховичу немедленно двинуться на помощь этому отряду и вместе с Талабским полком вновь занять остров Перрисар, что и было исполнено без особого труда.

Был конец февраля; наступившая распутица прекратила все действия. Чудское озеро покрылось водой. Отряд полковника Ветренко не дошел до Пскова 16–18 верст, где ему и было приказано задержаться. Я просил разрешения поехать в Ревель переговорить как с командующим корпусом, так и с эстонским Главнокомандующим о дальнейших действиях, причем план мой был – занять Псков; с этим планом был вполне согласен и полковник Пускар.

Теперь хочу сказать несколько слов о составе моего штаба и о начальствующих лицах, с которыми мне пришлось иметь дело за этот период. Начальник моего штаба поручик Видякин из Балаховского отряда оказался весьма дельным, работоспособным и энергичным офицером; известная неопытность вполне возмещалась энергией и здравым смыслом. Начальником оперативного отделения был ротмистр Куражев; разведкой ведал штабс-ротмистр Щуровский[122]; оба они весьма работоспособные и толковые офицеры. Полковник Ветренко показал себя с очень хорошей стороны, прекрасно ориентировался в войне против большевиков и своей личной энергией, храбростью и знаниями офицера Генерального штаба много способствовал успеху бригады. Подполковник Балахович действовал весьма энергично;

прекрасно налаженные команды лазутчиков проводили своего «батьку», как они его называли, в тыл к противнику чрезвычайно искусно и почти всегда без потерь. В этих лазутчиках была главная сила и причина успехов отряда Балаховича: Балахович никогда, несмотря ни на какие приказания, не двигался вперед, если его лазутчики не ручались ему за то, что набег можно произвести без риска потерпеть неудачу. Таковое отношение к приказаниям часто расстраивало задуманную операцию, иногда подводило соседей, но зато действительно подполковник Балахович почти никогда не нес потерь и часто самыми незначительными силами достигал больших результатов и захватывал большую добычу.

Заканчиваю этим описание зимнего периода действий 2-й бригады на Псковском направлении.

Остальные части Северного корпуса, стоявшие по реке Нарове, во время этих операций, совместно с Балтийским полком, составленным из местных прибалтийских немцев и принадлежащим к эстонской армии, тоже перешли в наступление, переправились на правый берег реки Наровы, и к весне оба берега оказались в наших руках. Это давало возможность сосредоточить весь корпус в этом районе. В боях на Нарове за зимний период особенно отличился своими набегами храбрый поручик Данилов – начальник партизанского отряда, и конный отряд полковника Бибикова.

* * *

Как я уже говорил, в Ревеле, еще до начала нашей операции, завязалась борьба вокруг вопроса о том, кому стать во главе Северного корпуса. Все боевое офицерство безусловно было на моей стороне и с нетерпением ждало моего назначения. Главнокомандующий генерал Лайдонер, во время одного из моих приездов в Ревель, еще раз лично подтвердил, что желал бы видеть меня во главе Северного корпуса и что назначение мое будет им подписано в ближайшие дни; между прочим, генерал Лайдонер сказал мне, что он мне доверяет не только как офицеру, но и как лицу, носящему известное имя, слово которого является для Эстонии гарантией от каких-либо агрессивных действий со стороны русского оружия. Вокруг вопроса о назначении нового командующего корпусом поднялись разные нежелательные толки; очевидно, были и противники моего назначения (чем я и объясняю то обстоятельство, что оно так долго задерживалось), и я решил для окончательного выяснения своего положения лично съездить в Ревель.

В момент моего отъезда на Юрьевском вокзале произошел следующий характерный инцидент: я узнал от начальника станции, что в экстренном поезде едет финский полковник Кальм; ввиду того что поезда шли переполненными или с большим опозданием, я просил начальника станции устроить мне поездку в том же поезде, на что он ответил мне, что полковник Кальм человек весьма грубый и необязательный и что поэтому будет лучше, если я обращусь к нему лично. Узнав, что полковник Кальм находится в станционном здании, я подошел к нему, назвал себя и в самой вежливой форме спросил его, не будет ли он так любезен и не возьмет ли меня и моих спутников в свой поезд. Полковник Кальм весьма грубо ответил, что русским офицерам он не желает оказывать никаких одолжений. Меня это взорвало, но я пересилил себя и отошел, не желая затевать скандала. Немного погодя полковник Кальм приказал одному из своих солдат уступить мне стул, на что я громко заметил, что так как финны вообще лишены вежливости, то я отказываюсь воспользоваться его любезностью. На этом инцидент кончился. Он ясно указывает, какое настроение царило тогда среди финских военных; впрочем, должен прибавить, что Кальм, «эрзац-полковник», и на службе в русской армии, насколько я знаю, состоял недолго. Финские добровольцы отряда полковника Кальма, возбужденные своим командиром, тоже стали проявлять

относительно русских офицеров и солдат агрессивные действия и начали срывать у них кокарды и погоны. Я категорически приказал чинам бригады при таком озорстве прибегать к оружию. Об этом приказе я официально сообщил эстонскому командованию лично по моем приезде в Ревель. Я мог это смело приказать, так как эстонцы ненавидели добровольцев-финнов за их буйство и чрезмерно нахальное поведение. Кажется, два или три раза действительно были случаи вооруженных столкновений, после чего финны перестали нас затрагивать, так как эти столкновения кончались для них очень плачевно; неофициально мне было доложено, что два или три финна были в Юрьеве убиты партизанами Балаховича. Помню, что подполковник Балахович очень возмущался срыванием погон и кокард. Кто мог тогда подумать, что в недалеком будущем этот офицер начнет в русской армии пропагандировать снятие погон у господ офицеров и солдат! Полковник Кальм прославился тем, что самовольно «реквизировал» у полковника Зейдлица[123] его очень ценную скаковую и заводскую конюшню.

Живший в Ревеле присяжный поверенный Иванов много говорил о какой-то своей партии, которую он называл «Народная Практическая партия», но что это была за партия и кто в ней участвовал, не было известно ни мне, ни, кажется, никому другому. Г-н Иванов быстро втерся в русские круги Ревеля, а также снискал покровительство эстонского правительства. Впечатление он производил человека умного и энергичного. С подполковником Балаховичем он завел самую тесную дружбу, а меня он начал в Ревеле усиленно рекламировать. Г-н Иванов усиленно работал за немедленное признание независимости Эстонии, в необходимости чего и я был с ним согласен. Пытался г-н Иванов, в качестве общественного деятеля, вмешиваться и в обсуждение боевых задач, но я каждый раз обрывал его, давая понять, что это дело его совершенно не касается. За последнее время он часто навещал Балаховича в Юрьеве, и я встречался с ним неоднократно. Среди русских общественных деятелей Ревеля с появлением г-на Иванова произошел раскол и завязалась отчаянная борьба: одни были за Иванова, другие против него, причем большинство склонялось не на его сторону. В Ревеле он был выбран русским консулом, в Юрьеве председателем какого-то русского общества, в Валке тоже играл какую-то роль, одним словом, вокруг его имени поднялся большой шум, велась политическая и партийная борьба и страсти русских общественных сил разгорались. Благодаря постоянным приездам Иванова в Юрьев к подполковнику Балаховичу, где я с ним встречался, и благодаря тому, что он вел агитацию за назначение

меня командующим корпусом и поднимал кругом этого дела шумиху, многие думали, что и я нахожусь с ним в тесной связи, чего в действительности никогда не было; напротив, я совершенно определенно просил его меня никак не рекламировать в издаваемой им газете «Новая Россия», в которой он усиленно восхвалял подполковника Балаховича и его отряд, про меня ничего не писать и никаких нелегальных шагов, направленных против полковника Дзерожинского или в пользу моего скорейшего назначения, не предпринимать.

Приехав в Ревель, я явился к полковнику Дзерожинскому, переговорил с ним о дальнейших боевых планах и о переформировании корпуса; я определенно заявил ему, что никаких шагов против него, как командующего корпусом, предпринимать не имею права и не буду, но что если выяснится, что для пользы дела мне придется принять командование корпусом, то отказаться от этого командования я не считаю себя вправе. Полковник Дзерожинский с высказанным мною мнением вполне согласился.

К празднику Пасхи в Ревель были вызваны почти все начальники отдельных частей для разрешения вопроса о том, где лучше сосредоточить корпус: на Нарвском или на Псковском фронте. Когда начальники отдельных частей съехались, вопрос о командовании корпусом стал еще более остро. По этому вопросу состоялось несколько частных совещаний чинов, на которых присутствовал и начальник штаба полковник Валь. Было вынесено частное принципиальное решение о том, что мне от командования корпусом уклоняться не следует, тем более что это совпадает и с желанием эстонского Главнокомандующего. Полковнику Валю было поручено предпринять в этом направлении шаги, переговорить с полковником Дзерожинским и с генералом Лайдонером. Это частное решение каким-то путем стало известно русским общественным деятелям и подняло целую бурю в лагере противников г-на Иванова, которые мое предполагаемое назначение приписывали его агитации и боялись, что с назначением этим усилится и сам г-н Иванов и его партия. Страх этот был абсолютно ничем не обоснован, тем более что как раз в это время я узнал, что г-н Иванов тайно от меня ведет какую-то странную игру, и вообще его действия мне начали казаться весьма подозрительными.

Встретившись с полковником Генерального штаба Крузенштерном, проживавшим в Ревеле в качестве частного лица, я официально предложил ему в случае назначения меня командующим корпусом быть у меня начальником штаба. Полковника Крузенштерна я знал давно и ценил его: мы были

одного выпуска из Пажеского корпуса, где он был фельдфебелем.

Вскоре я был снова приглашен генералом Лайдонером для переговоров; выяснилось, что он желает моего назначения, но хочет дать немного успокоиться общественному мнению, что находит более выгодным и для меня, так как вряд ли мне будет приятно, если с моим назначением общественные страсти разгорятся еще больше. Я совершенно с ним согласился, но высказал ему то же самое мнение, которое уже говорил полковнику Дзерожинскому, прибавив, что раз решено менять командующего корпусом, то для пользы дела я полагаю, что нужно произвести эту перемену возможно скорее. После этого меня вызвал полковник Дзерожинский и сказал, что он желает передать мне командование корпусом без назначения дня сдачи и приема. Я согласился, но заявил, что разговоров вокруг этого вопроса так много, что я рискую попасть в конце концов в глупое положение, а потому прошу теперь же точно назначить день передачи мне командования. День был назначен, и я уехал в Юрьев на двое суток для отдачи необходимых распоряжений.

Вернувшись из Юрьева, я поехал к полковнику Крузенштерну, назначенному начальником штаба вместо полковника Валя, и узнал, что назначение мое не должно состояться, согласно с письмом, полученным из Гельсингфорса от генерала Юденича. Я поехал к полковнику Дзерожинскому, который мне передал, что от генерала Юденича получено письмо, в котором он, генерал Юденич, адмиралом Колчаком назначен Главнокомандующим Северо-Западным фронтом, что он просит полковника Дзерожинского никаких перемен в командном составе корпуса не производить, что союзники окажут корпусу материальную помощь, а флот их окажет ему поддержку, а потому корпусу надлежит занять Нарвские позиции. Я заявил полковнику Дзерожинскому, что я соглашался на командование корпусом не из-за соображений личной выгоды, а для пользы дела и продолжаю считать, что раз это было решено, то это и надлежит провести в жизнь; раз же решено намерение это оставить, то я в смешное положение ставить себя не желаю и прошу вовсе уволить меня от службы. Все последующие дни полковник Дзерожинский, полковник Крузенштерн и другие уговаривали меня отказаться от моего решения, указывая на то, что для пользы общего дела я должен остаться в составе корпуса. Было решено, что штаб корпуса перейдет в город Везенберг для общего руководства боевыми действиями, оставив в Ревеле лишь отдел снабжений, все же боевые части корпуса сосредоточатся на Нарвском фронте под общим моим командованием. Я согласился остаться. Вновь было собрано совещание начальников отдельных частей, на

котором, ввиду заявления, полученного от генерала Юденича о помощи, обещанной англичанами, было решено сосредоточить корпус на Нарвском фронте. Решение это было доложено генералу Лайдонеру, который его утвердил, хотя лично и находил, что для корпуса Псковский фронт является более выгодным, нежели Нарвский. Во время одного моего посещения, когда вопрос коснулся дальнейших военных действий корпуса, генерал Лайдонер мне заявил, что он считает Псковское направление более выгодным для корпуса. «Взятие Петрограда – это вопрос политический» – так выразился он. Того же мнения постоянно придерживался и я, и изменил ему лишь вследствие категорического заявления генерала Юденича о помощи армии со стороны английского флота.

К Пасхе многие офицеры корпуса получили награды; солдат было решено наградить Георгиевскими крестами. Подполковник Балахович был произведен в полковники и, согласно моему ходатайству, назначен инспектором кавалерии корпуса; устроил я это для того, чтобы удалить его от партизан его отряда и тем прекратить в корпусе стремление к партизанщине. Из опыта на Юрьевском фронте я снова вынес твердое убеждение, что партизаны хороши лишь для набегов; при обороне, а также при организованном, серьезном наступлении их достоинства (сплоченность, знание местности, хорошо организованные лазутчики) парализовывались отсутствием дисциплины; в мирной же обстановке они приносили общему делу определенный вред: слушались они, да и то весьма относительно, только своего «батьки», который разрешал им своевольничать и грабить, что вызывало совершенно справедливые жалобы местного населения. В деле ведения войскового хозяйства партизанские замашки не поддавались никакому учету; списочное состояние людей и лошадей всегда было преувеличено по крайней мере втрое, а когда нужно было выставить ряды, расчет с действительной наличностью никогда не сходился. Начальником снабжения отряда полковника Балаховича был подъесаул Пермикин[124], человек весьма умный и энергичный, но отлично знающий все входы и выходы и великолепно усвоивший практику и навыки партизанского ведения хозяйства. Разобраться в его отчетности не было никакой возможности, и хаос в делопроизводстве не поддавался никакому описанию. Я, будучи еще в Юрьеве, просил полковника Дзерожинского о назначении комиссии по проверке отчетности и хозяйства отряда. Комиссия эта была назначена и приехала в Юрьев (я в это время был на фронте), приступила было к работе, но весьма скоро работа прекратилась и комиссия более не появлялась. Потом уже мне передавали, что будто бы

подъесаул Пермикин так ее напугал, что она как можно скорее разъехалась. Назначить же проверочную комиссию из чинов бригады было невозможно, так как все офицеры были между собой друзья-приятели и они, конечно, покрыли бы один другого. Таким образом, отчетность балаховского отряда и осталась непроверенной. Впрочем, даже если бы и удалось комиссии произвести проверку отчетности, то вряд ли бы ей удалось достигнуть каких-либо положительных результатов, так как при партизанском ведении дела учет и проверка вообще трудно осуществимы. Недостатком этим, то есть плохим ведением хозяйства и запутанностью отчетности, страдали и другие части, и искоренить его возможно было лишь постепенно, то есть переменяя командный состав. Выработать же из бригады вполне строевую часть, что я ставил конечной целью, было невозможно, не наладив хозяйства, а это пока являлось невыполнимым за полным отсутствием надежных людей. Я доложил это командиру корпуса. Все денежное и иное довольствие мы получали от эстонского правительства, и этим объяснялось, почему бригаде иногда ставились непосильные задачи: задачи давались согласно с числом штыков на бумаге, тогда как действительное их количество было втрое меньше.

Сейчас же после Пасхи Главнокомандующий генерал Лайдонер приказал сменить части 2-й бригады, находившиеся на Юрьевском фронте, эстонскими частями и всю бригаду перебросить на Нарву, где бригаде было обещано несколько дней отдыха, а затем весь корпус должен был сосредоточиться по реке Нарове. В конце апреля месяца бригада со штабом перешла в город Нарву. Штаб корпуса стал переходить в город Везенберг. Части 1-й Стрелковой бригады состояли к этому времени из Островского полка (командовал полковник Ананьин), Ревельского полка (полковник Ижевский[125]), партизанского отряда поручика Данилова, конного отряда полковника Бибикова и офицерской роты под командой подполковника Алексеева. Бригадой командовал полковник Георг[126]; расположена она была к югу от города Нарвы и занимала деревню Усть-Жердян-ку, Криуши, Омут, Скарятину Гору, Большое и Малое Загривье, Кондуши, Радовели и Заборовье. Южнее в деревнях Скамья и Сыренец стоял Балтийский полк[127] со своим конным отрядом.

Явившись на станцию Вайвара к начальнику 1-й Эстонской дивизии генералу Теннисону, который принял меня очень любезно, я сговорился с ним, что 2-я бригада на первое время расположится на Кренгольской мануфактуре в городе Нарве, где отдохнет и приведет себя по возможности в порядок. Вид бригады был ужасный, несмотря на то что Талабский полк за последнее

время в набегах немного приоделся. Всего приличнее выглядел конный полк Булак-Балаховича, Волынский же полк в смысле обмундирования представлял собою совершенно кошмарную картину.

Части 1-й Эстонской дивизии располагались по левому берегу реки Наровы и только перед городом Нарвой и перед Гунгербургом выступали вперед на две или три версты.

Отношение к русским в 1-й Эстонской дивизии было лучше, чем во 2-й дивизии, хотя за последнее время, после наших удачных боев, особенно после ухода финских добровольцев, и во 2-й дивизии отношение заметно улучшилось.

На Пасху в Ревель приехал представитель Америки капитан Гаде. Я познакомился с ним, и он произвел на меня хорошее впечатление. Проведя несколько дней в Ревеле, капитан Гаде приехал в Нарву, где смотрел наши и эстонские части. Увидев Волынский полк, он и сопровождавшие его американцы удивлялись и не хотели верить, что эти солдаты могли сражаться, и даже успешно; почти весь полк был без сапог и без шинелей. Когда же ему рассказали, что мы целую зиму сражались таким образом, то он заявил, что подобное явление невозможно ни в какой другой армии, и его удивлению не было границ. Эстонские части были одеты гораздо лучше наших: шинели и сапоги имели почти все. Осмотрев части, расположенные в Нарве, капитан Гаде, начальник Эстонской дивизии, я и начальник штаба корпуса полковник Крузенштерн поехали на моторном катере вверх по реке Нарове смотреть другие части корпуса и Балтийский полк. Здесь я впервые познакомился с частями 1-й бригады. Люди были одеты хорошо, лучше, чем во 2-й бригаде, особенно в отряде поручика Данилова, который захватил довольно много обмундирования у большевиков. Балтийский полк, которым командовал полковник Вейс[128], я тоже увидел впервые. Полк этот по большей части был составлен из прибалтийских дворян-помещиков и произвел на нас прекрасное впечатление: одеты они были сравнительно хорошо; резко бросалась в глаза немецкая форма, немецкий строй и команды. Позавтракав у балтийцев и обменявшись мнениями, мы пришли к убеждению, что нужно возможно скорее 2-ю бригаду стягивать в район 1-й и начинать какие-либо активные действия: общее настроение требовало решительного наступления, и нужно было этот порыв использовать для расширения плацдарма корпуса для новых формирований. Чувствовалось в 1-й бригаде некоторое недовольство старшими начальниками; все требовали перемен, говоря, что во главе стоят люди, убивающие всякую инициативу; в особенности указывали на командира Островского полка

полковника Ананьина. Что же касается полковника графа Палена, то сразу было видно, что он приобрел все симпатии; командовал он в это время батальоном Островского полка, перешедшим от большевиков к эстонцам и составленным из мобилизованных на Урале. Особенно много нападок было на начальника штаба бригады полковника Александрова; о нем, кажется, ни один из офицеров, с которыми я разговаривал, не дал положительного отзыва. Перед отъездом было решено через несколько дней собраться у полковника графа Палена для обсуждения дальнейшего плана действий и для окончательного разрешения вопроса размещения 2-й бригады.

Возвращаясь обратно в Нарву, мы издали увидели, что город объят дымом. Оказалось, что большевики обстреливали город, причем в беднейшей части его сгорело около ста домов. После обстрела большевики пытались наступать на Нарву, но были отогнаны, причем удачным артиллерийским выстрелом был подбит их броневой автомобиль.

Вечером я обедал с капитаном Гаде и другими американцами; много возмущались большевиками и их способами вести войну, а главное, капитан Гаде обещал в ближайшем будущем выхлопотать у своего правительства обмундирование и сапоги для корпуса.

Через несколько дней начальник 1-й Эстонской дивизии приказал выдвинуть Талабский полк для занятия позиции у Гунгербурга; это совершенно не входило в мои планы, но приказание, конечно, было немедленно исполнено.

Как было условлено, я приказал всем начальствующим лицам собраться в Скарятиной Горе для обсуждения дальнейших боевых действий; прибыли также полковники Вейс и Булак-Балахович, уже назначенный инспектором кавалерии, но которому командир корпуса разрешил собрать частью рассеявшихся по сдаче им отряда партизан и вновь сформировать из них особый партизанский отряд; я лично против этого протестовал и согласился, скрепя сердце, только после того, как полковник Балахович обещал, что отряд его примет регулярный вид и откажется от своих разбойничьих партизанских замашек. На совещании выяснилось, что более молодые и энергичные командиры жаждали наступления; более старые относились к немедленному наступлению довольно отрицательно. Мнение молодых взяло верх: было решено возможно скорее перебросить части 2-й бригады и присоединить их к 1-й, и мне, после доклада командиру корпуса о разрешении перейти в наступление, немедленно приступить к разработке плана военных действий.

Донеся немедленно телеграммой полковнику Дзерожинскому

о предполагаемом наступлении, я переговорил с начальником 1-й Эстонской дивизии генералом Теннисоном, который разрешил перебросить в район 1-й бригады Волынский полк, конный полк Балаховича и всю артиллерию, оставив пока Талабский полк у Гунгербурга. Штаб свой я решил перенести в Князь-Село. Полковник Дзерожинский согласился вполне с решением совещания и разрешил приступить к разработке плана наступления.

По приезде полковника Дзерожинского в Нарву мы объехали с ним все части, расположенные по реке Нарове, после чего направились к генералу Теннисону для окончательного обсуждения предполагаемого наступления. Было решено сосредоточить все части корпуса на правом берегу реки Наровы, а затем, совместно с Балтийским полком и партизанским отрядом полковника Балаховича, начать действия на Гдов и на реку Плюссу. Разработка плана операции была всецело предоставлена мне. По отъезде командующего корпусом я немедленно приказал доставить сведения о переправах через реку Плюссу и о дорогах, идущих на восток от реки Плюссы по направлению к Гдову. Полковник Балахович уехал собирать своих партизан, рассыпавшихся по Эстонии, и действительно через несколько дней они начали стекаться со всех сторон; вид у них был еще более разбойничий, чем во время нахождения отряда в Юрьеве. Полковнику Балаховичу было разрешено довести свой отряд до 200 человек; но так как людей у него не хватало, то я приказал выделить из полков на пополнение отряда по 30 человек.

Началось сосредоточение корпуса. Частям Талабского полка, не занимавшим позиций под Гунгербургом, приказано было занять деревню Омут, Волынскому полку – деревни Ольгин Крест, Скарятина Гора и Степановщину, Конному полку Булак-Балаховича – деревню Переволоку и партизанскому отряду полковника Балаховича – Скамью.

Вместе с начальником моего штаба поручиком Видякиным и с полковником Ветренко я приступил к разработке плана операции, который в общих чертах заключался в следующем: Гдовский отряд под командой Булак-Балаховича при начальнике штаба ротмистре фон Цур-Мюллене в составе Балтийского полка, конного эскадрона того же полка, партизанского отряда Балаховича, под командой капитана Григорьева, конного полка Балаховича под командой [его младшего брата. – *Примеч. ред.]* штабс-ротмистра Булак-Балаховича, при двух орудиях Балтийского полка и при двух орудиях конной батареи капитана Смирнова – должен был действовать для занятия города Гдова; отряд полковника Ветренко в составе Волынского и Талабского

полков при двух орудиях сосредотачивался у Радовели и должен был действовать на Гостицы и занять переправы на реке Плюссе. Отряд полковника графа Палена в составе Островского полка и отряда полковника Бибикова, при двух орудиях, должен был сосредоточиться в Кондушах и действовать на Поля – Гавриловская; отряд полковника Георга в составе офицерской роты и Ревельского полка должен был занять станцию Низы. В случае удачного наступления начальник 1-й Эстонской дивизии разрешил снять из-под Гунгербурга батальон Талабского полка и перевести его в Нарву. Партизанский отряд Данилова накануне общего наступления должен был (переодевшись большевиками и переправившись через реку Плюссу) пройти незаметно за линию их фронта и, забравшись в тыл штабу стоявшей против нас красной бригады, занять узлы дорог и содействовать общему наступлению. В случае удачи предполагалось развить действия к югу от Гдова и, оставив заслон по направлению Луги, сосредоточиться и двинуться в тыл города Ямбурга, для чего, заняв переправы у Муравейно, Лычной и Сабека, выдвинуться на станцию Веймарн, перерезать железную дорогу и Петроградское шоссе и двигаться далее на деревню Килли. Этот последний план в деталях разработан не был, так как дальнейшее продвижение зависело всецело от начального успеха. Для окончательного утверждения плана операции я просил приехать командующего корпусом, а также через генерала Теннисона довел его до сведения эстонского Главнокомандующего.

Штаб мой перешел в Князь-Село в первых числах мая. Здесь у меня состоялся целый ряд отдельных совещаний с начальниками отдельных отрядов.

Донесения, нами полученные, о состоянии стоящих перед нами красных частей говорили в пользу скорейшего наступления, а потому было окончательно решено начать его 12 мая. После обсуждения изложенного выше плана операции было решено в случае удачного наступления на Плюссу и очищения ее всем трем левым группам соединиться под командою полковника графа Палена и форсированным маршем двинуться в тыл Ямбургу, занять станцию Веймарн, стараясь отрезать большевиков от Красной Горки, и действовать на перекрестке Петроградского шоссе у Малли (район Килли-Малли).

10 мая приехал полковник Дзерожинский вместе с полковником Крузенштерном и сообщил о решении генерала Лайдонера высадить 12-го числа эстонский десант у пристани Пейпия для вспомогательных действий на деревне Котлы. Что должен был представлять этот десант, ни мне, ни полковнику Дзерожинскому точно известно не было. Мы знали только, что

численность его будет от 300 до 400 штыков. С моря должны были оказать десанту поддержку английский флот и эстонские военные суда. 11 мая ко мне явился полковник Балахович и опять просил отложить начало наступления на два дня. Переговорив с ним, я решил начать общее наступление в 4 часа утра 13 мая; отряд же поручика Данилова, согласно приказу, должен был начать свои действия 12 мая вечером. Каждая из групп должна была, по усмотрению своего начальника, выделить партию разведчиков для действия в тылу противника в целях облегчения общего движения колонн; эти же разведчики должны были в пяти-шести местах взорвать полотно железной дороги и не дать возможности уйти трем бронированным поездам противника, обслуживавшим участок Гдов – станция Низы.

Сведения о численности и расположении большевистских сил на нашем фронте были у меня самые точные; от моря до Чудского озера насчитывалось до 15 000 штыков при 60 орудиях и 500 пулеметах. Корпус же располагал несравненно меньшими силами. Главная группа, состоявшая, как я уже говорил, из трех колонн, насчитывала около 2500 штыков при 6 орудиях и 30 пулеметах. Эстонцы, кроме посылки десанта и поддержки своими военными судами в Финском заливе и на Чудском озере, никаких наступательных боевых действий предпринимать не предполагали и категорически отказались от более серьезной активной военной поддержки.

11 мая, без моего на то разрешения, вдруг появился в штабе г-н Иванов со своим братом и с г-ном Сиверсом. Я приказал поручику Видякину немедленно же удалить его из пределов корпуса в Нарву, сам же должен был поехать на моторном катере к генералу Теннисону и окончательно переговорить с ним о переводе в случае удачи наступления батальона Талабского полка из-под Гунгербурга в Нарву для фронтового удара на город Ямбург.

12 мая, вернувшись из Нарвы, я еще раз объехал все вверенные мне части, отдал последние приказания с требованием действовать возможно энергичнее и лично проводил молодецкий Даниловский отряд в набег. Оперативную часть полевого штаба я перевел в Скарятину Гору, где было удобнее держать связь, то есть там проходила постоянная телефонная линия.

Более подробно общее задание было таково: полковнику Балаховичу была задана следующая задача: выслав конный полк в тыл неприятеля для взрыва полотна железной дороги в районе деревня Пелеши – деревня Подобручье, остальными частями отряда очистить берег Гдовского озера и обрушиться на Гдов. В случае удачи Конному полку, действуя на Чернево, двигаться

вдоль по реке Плюссе, главным же силам, действуя от Гдова на юг, занять реку Желчу и завладеть морской базой Раскопель на Чудском озере.

Задача полковника Ветренко была: занять участок железной дороги Гостицы – Пешели, взорвать полотно железной дороги в нескольких местах, захватить бронированный поезд и, в случае удачи, двигаться дальше на деревни Большие и Малые Руи, Выскатку и Куралешеву, выставив заслон по направлению от озера Долгое до реки Плюссы. Отряду полковника графа Палена было приказано занять участок железной дороги Поля – Гостицы и двигаться на Попкову Гору – Кураплешеву.

Отряду полковника Георга было приказано занять станции Низы и Поля и, в случае удачи, очистить от красных деревни Монастырек и Тихвинку, после чего Ревельскому полку вместе с артиллерией форсированным маршем присоединиться к отряду полковника графа Палена.

Офицерская рота должна была остаться в районе деревня Гостицы – Низы. Туда же должен был прибыть Георгиевский батальон[129], формировавшийся в Ревеле под командой капитана Микоши.

* * *

Ровно в 3 часа утра 13 мая началось общее наступление. Я лично провожал отряд полковника Ветренко и довел его до полдороги до деревни Гостицы. Настроение господ офицеров и солдат было бодрое и полная надежда на успех. Подъем был велик. Проводив отряд полковника Ветренко, я вернулся в Скарятину Гору, дабы быть у телефонной связи. Около трех часов дня прибыли донесения от полковников графа Палена и Ветренко о том, что первая часть задачи исполнена и отряды их по не взорванным мостам благополучно переправились через реку Плюссу. От полковника Балаховича и Георга сведений пока не поступало. Я приказал седлать лошадей и, дав указания поручику Видякину, как поступать в случае получения тех или иных донесений, вместе с прапорщиком Шемякиным и двумя вестовыми поехал догонять отряды, чтобы отдать дальнейшие приказания на месте, сообразуясь с обстановкой. С чувством глубокого удовлетворения и радости проехал я станцию Гостицы, где встретил лазарет Волынского полка; в лазарете мне сказали, что отряд полковника Ветренко находится где-то у деревни Большая Руя.

К вечеру я действительно застал в Руе полковника Ветренко и

поручика Данилова, которые в нескольких словах рассказали мне события этого дня. Поручик Данилов со своим отрядом, сняв погоны и кокарды и надев вместо них большевистские звезды, переправился на лодках ночью через Плюссу, занял в тылу у красных главные перекрестки дорог и окружил штаб бригады генерала Николаева; на рассвете, перерезав всю телефонную связь в тылу у красных, захватил этот штаб, не понеся потерь, исключительно благодаря тому, что большевики приняли его отряд за своих. Одновременно с захватом штаба Николаева главные силы полковника графа Палена, полковника Георга и полковника Ветренко подошли к реке Плюссе и дружным ударом заняли переправы, причем было захвачено три бронированных поезда и батарея, стоявшая у Гавриловской. В этом лихом деле особенно отличился штабс-капитан Шиманский, который за несколько дней до начала наступления, переодевшись большевиком, лично обследовал всю местность впереди моста у Гавриловской и точно выяснил позицию красной батареи. Еще до рассвета он пробрался с отрядом по болотистому лесу, расставил вблизи от батареи 8 пулеметов и послал партию охотников подорвать путь за бронированным поездом. Как только путь был взорван, он открыл по батарее огонь из всех пулеметов и во главе своего маленького отряда лихим броском захватил мост, батарею и пулеметы, стоявшие у моста; батарея попробовала было открыть огонь, но бросок был настолько стремителен, что огонь этот ее спасти не мог; немногим из большевиков удалось удрать из Гавриловской, да и те были почти все перехвачены отрядом поручика Данилова.

Вся бригада Николаева была частью разбита, частью взята в плен; лишь кое-какие незначительные остатки ее, минуя заставы поручика Данилова, бежали к юго-востоку в Лужском направлении.

Таким образом, брешь была пробита и было ясно, что большевики смогут оказать сопротивление не ближе чем на реке Луге. Я приказал полковнику Ветренко, оставив заслон, как было указано, двинуться форсированным маршем на Сабек – Лынчу и, сбив там большевиков, действовать на железную дорогу за станцией Веймарн.

От полковника Ветренко я поехал к полковнику графа Палену и нашел его недалеко от Попковой Горы, где он заночевал; я приказал всему отряду с наступлением рассвета, сев на подводы, двигаться вперед и к вечеру занять переправу у Муравейно и станции Веймарн для дальнейших действий в направлении на Килли-Малли.

Проводив с рассветом отряд графа Палена, я вернулся в штаб,

где уже было получено донесение от полковника Георга, что задача им исполнена и Ревельский полк очищает от красных район Монастырька. Я приказал Ревельскому полку немедленно форсированным маршем присоединиться к отряду полковника графа Палена и вступить под его командование.

От полковника Балаховича донесений все еще не поступало, что я объяснял себе плохим состоянием связи; дошли лишь косвенным путем неясные, но хорошие сведения. Ничего плохого не имелось оснований предполагать, так как перед началом наступления я, ввиду полного отсутствия технических средств связи – а посылка донесений с ординарцами была нежелательна, так как отнимала бойцов, конных же ординарцев было мало, – условился с начальниками отрядов, что если донесения не поступают, значит, все наступление идет успешно и согласно приказу. Поехав верхом в деревню Скамью, я узнал, что продвижение действительно идет удачно, что полотно железной дороги на Гдов взорвано и что уже начали поступать пленные. Приказав офицеру, оставленному в Скамье для связи, передать полковнику Балаховичу об удачных действиях остальных отрядов и еще раз подтвердить мое требование энергичного наступления, я вернулся в штаб, откуда послал донесение полковнику Дзерожинскому и генералу Теннисону, предупредив, что я еду в Нарву на моторном катере, куда прибуду часам к 6 вечера; я также просил генерала Теннисона немедленно отдать приказание о срочной переброске батальона Талабского полка из Гунгербурга в Нарву. Всю дорогу на катере я, конечно, спал как убитый, так как сделал за последние сутки более полутораста верст. В Нарве на пристани Кулга меня встретил командир корпуса и генерал Теннисон. Наш блестящий успех произвел на всех ошеломляющее впечатление, и должен сознаться, что я переживал очень счастливые минуты. Приказ о переброске батальона Талабского полка не только был отдан, но батальон уже входил в Нарву.

Кроме того, в Нарву прибыла конвойная рота штаба корпуса под командой капитана Ставского[130]. С согласия командующего корпусом и генерала Теннисона я приказал капитану Ставскому и командиру батальона Талабского полка храброму капитану Бояринцеву[131] иметь людей наготове, так как решил той же ночью с этими частями двинуться на Ямбург. То обстоятельство, что большевики не только не покинули, по донесениям эстонцев, своих позиций против Нарвы, что казалось естественным ввиду нашего успеха и глубокого обхода левого фланга красными, а наоборот – усиленно обстреливали в этот день город Нарву, нисколько не смутило меня, а, напротив, дало более уверенности

в великолепном исходе задуманного мною плана: очевидно, отряд поручика Данилова настолько удачно перерезал телефонную связь разбитой нами бригады с Ямбургом и занял все дороги, что никто из беглецов не смог проникнуть в Ямбург. Вообще в Ямбурге, очевидно, еще не знали о судьбе, постигшей бригаду генерала Николаева, и о том, что мы уже подходили к переправе через реку Лугу у деревни Муравейно и что отряд графа Палена к рассвету должен был уже занять станцию Веймарн. Только полным прекращением связи в тылу у большевиков и нашей стремительностью можно было объяснить то, что они спокойно продолжали сидеть на Нарвских позициях.

Вечером я вновь долго разговаривал с полковником Дзерожинским и с полковником Крузенштерном о передаче мне командования корпусом. В принципе полковник Дзерожинский с этой передачей был вполне согласен, но с проведением ее в жизнь почему-то еще медлил.

Должен сказать, что он задержал исполнение моего желания ночью двинуться на Ямбург. Рано утром я приказал батальону Талабского полка и конвойной роте форсированным маршем двинуться по шоссе на Ямбург. Со стороны большевиков стрельбы не было, все было тихо. Я сам вместе с командиром 4-го Эстонского полка поехал на автомобиле по направлению к Ямбургу. Были двинуты туда же и эстонские разведчики. Подъем был большой, двигались быстро, и к часу дня, после короткой перестрелки, заняли Ямбургский мост. По городу бродили кое-какие большевистские отсталые части, при нашем приближении поспешно удалившиеся. Мост был подорван, но неудачно: поезда по нему было пустить нельзя, но пользоваться им для переправы было вполне возможно. Переправившись, я немедленно отправился на станцию железной дороги, где нами было захвачено несколько паровозов и около 500 вагонов, нагруженных амуницией, с запасами муки и другого продовольствия. Собрав служащих, я потребовал, чтобы все немедленно встали на работу, что

было исполнено весьма охотно. Телеграфные аппараты оказались в исправности, и, когда я приказал вызвать Веймарн, начальник станции мне доложил, что там, по всей вероятности, уже находятся белые, взорвавшие утром путь между Веймарном и Ямбургом. Я приказал пригласить к аппарату старшего из имеющихся в Веймарне начальников.

Конвойной роте я приказал навести порядок в городе и прекратить начавшееся разграбление вагонов, батальону же Талабского полка – находиться на всякий случай в полной боевой готовности. Еще в Нарве я узнал от генерала Теннисона, что

эстонский десант благополучно высадился в гавани у деревни Пейпия и действует на Котлы. От местных жителей выяснилось, что Петроградское шоссе также перехвачено белыми и большевики бежали по плохо проезжей лесной дороге на деревню Килли. Я приказал батальону Талабского полка преследовать бегущего противника и захватить тяжелые орудия, которые, очевидно, должны были где-нибудь благодаря плохой дороге застрять.

Тем временем к телеграфному аппарату подошел штабс-ротмистр Зиновьев[132]; в Веймарне никак не ожидали, что я уже нахожусь в Ямбурге, и поэтому, когда я назвал себя, он начал очень осторожно расспрашивать, кто я такой, как меня зовут, как зовут всех моих родственников и т. д., и только после получасового разговора окончательно поверил, что у аппарата действительно нахожусь я.

Я приказал немедленно приступить к исправлению взорванного пути между Ямбургом и Веймарном и обещал, как только путь будет готов, приехать на станцию Веймарн к графу Палену. Через 2 часа путь был исправлен, и я отправился на станцию Веймарн.

Весь отряд полковника графа Палена был в бою, и все время приходилось бояться, что большевики от Ямбурга ударят ему в тыл, а потому известие о том, что Ямбург мною уже занят, вызвало общее ликование. Большую радость вызвало и известие о высадке эстонского десанта.

Приказав преследовать большевиков, но не зарываться, я окончательно передал графу Палену командование всеми частями группы, а сам вернулся в Ямбург, где назначил комендантом полковника Бибикова, дав ему необходимые руководящие указания. Я забыл сказать, что полковник Бибиков в это время сдал свой отряд штабс-ротмистру Грюнвальду. В тот же вечер я поехал в Нарву, куда, ввиду нашего удачного наступления, перебрался из Везенберга и штаб корпуса.

Было получено донесение, что полковником Балаховичем занят Гдов. На следующий день я на моторном катере проехал в Князь-Село. В Князь-Селе я приказал штабу бригады отправиться в Нарву, а сам поехал дальше в Скамью, рассчитывая добраться до Гдова.

При наступлении полковника Балаховича на Гдов со стороны Чудского озера его должен был поддерживать Эстонский флот.

Расскажу теперь историю этого флота. Когда Северная армия еще находилась в Пскове, к нам перешло несколько судов Чудской флотилии под командой капитана 1-го ранга Нелидова[133]. При занятии Пскова большевиками суда эти

пробились в Юрьев, где и застряли из-за морозов и льда и при взятии Юрьева вновь попали в руки к большевикам; когда же большевики ушли из Юрьева, эстонцы забрали эти суда себе. Другая часть Чудской флотилии все еще находилась на базе флотилии Раскопель. Совершенно не знаю, почему 12 мая, не имея с нами никакой связи, Эстонская флотилия обстреляла Гдов, что повело лишь к тому, что большевики усилили бдительность после этого бессмысленного обстрела и при начале нашего наступления стали эвакуировать город, что им отчасти и удалось. Эстонской флотилией командовал Вунк, кажется, мичман нашего флота.

Приехав верхом в Скамью, я узнал, что Гдов окончательно и прочно занят полковником Балаховичем. Из Скамьи в Гдов я проехал на паровом катере. В штаб полковника Балаховича я прибыл поздно ночью. К югу от Гдова шли бои с наступающими большевиками. Имелись сведения, что большинство большевистских судов в Раскопели хотят перейти на нашу сторону, но именно к нам, а не к эстонцам. Я приказал полковнику Балаховичу возможно энергичнее действовать в направлении на реку Желчи и на Раскопель и в ту же ночь проехал обратно в Скамью и оттуда верхом в Князь-Село, а наутро с чинами штаба на моторной лодке в Нарву. В Нарве мне прежде всего надо было добиться скорейшего ремонта подорванного Ямбургского моста и железнодорожной линии между Ямбургом и Нарвой и Гдовом и Нарвой. Начальником военных сообщений был полковник Третьяков; для ускорения работы я приказал ему всем железнодорожникам выдавать паек из запасов, взятых в Ямбурге и Гдове. Денег в моем распоряжении не было никаких, но железнодорожники отлично это понимали и дружно взялись за работу. Исправление железнодорожного пути между Гдовом и Полями было возложено на энергичного и дельного инженера Кошелева.

В тот же день в Нарву прибыл штаб бригады. Согласно полученным донесениям, отряд полковника графа Палена дошел до станции Кикерино, штаб же его находился на станции Волосово. Менее удачно обстояло дело у эстонского десанта: у Капорья он был сильно потрепан большевиками и отошел по направлению к деревне Пейпия.

Я начинал сильно беспокоиться за левый фланг отряда полковника графа Палена и немедленно выехал из Нарвы на автомобиле в Ямбург, а оттуда поездом на станцию Волосово. В Ямбурге полковник Бибиков доложил мне, что эстонский десант оказался ингерманландским отрядом, что явилось для меня совершенной неожиданностью; отряд занялся пропагандой идей

Ингерманландской республики и назначил в Сойкинской волости своих комендантов, не исполнявших приказаний полковника Бибикова.

Ревельскому полку, собравшемуся в Ямбурге, я приказал, отдохнув в районе станции Тикописи, установить связь с полковником графом Паленом и ждать его дальнейших приказаний.

В эстонский штаб я сообщил, что не могу допустить двоевластия в только что освобожденной области, а потому своеволия ингерманландцев не потерплю и прошу генерала Теннисона дать этому отряду соответствующие указания.

Приехав в штаб полковника графа Палена, я прежде всего ознакомился с обстановкой. Волынский полк занимал позицию к югу от станции Кикерино; сформированный им из местных добровольцев отряд удачно действовал на правом фланге полка. Талабский полк занимал позицию восточнее и севернее Кикерина. Еще севернее действовал отряд поручика Данилова и конный отряд штабс-ротмистра Грюнвальда (бывший полковника Бибикова). Островский полк под командой полковника Ярославцева действовал около Капорья. Добровольцы из местных крестьян усиленно помогали нашим успешным действиям, и я разрешил пополнить полки как добровольцами, так и, по выбору, из пленных красноармейцев.

Полковник граф Пален подтвердил мне, что ингерманландцы действуют совершенно самостоятельно и подчиниться не хотят. Это могло скверно отразиться на операции, так как настроение хотя и было бодрое, но части сильно устали и требовали подкреплений, а большевики, очевидно, уже поспешно начали стягивать резервы к Петрограду.

Все это могло кончиться для нас плохо. Ни у меня, ни у кого Другого не могло быть и мысли о занятии Петрограда такими ничтожными силами, но отдавать обратно уже освобожденную от большевиков местность являлось нежелательным; не солидарные же действия ингерманландцев все время держали наш левый фланг под угрозой удара большевиков от Красной Горки, каковой удар, в случае удачи, мог поставить весь корпус в критическое положение. Для того чтобы окончательно выяснить положение с ингерманландцами и точно узнать, что делается на нашем крайнем левом фланге, я решил вернуться в Ямбург. Полковнику Бибикову я приказал собрать добровольцев для сформирования дружины для охраны города Ямбурга, а капитана Ставского с его ротой передать в распоряжение полковника графа Палена.

Генерал Теннисон сообщил мне, что для выяснения всех недоразумений с ингерманландцами в Ямбург на автомобиле

выехал его помощник полковник Унт; дождавшись полковника, я отправился вместе с ним на двух автомобилях в деревню Котлы, где, по сведениям, должен был быть штаб ингерманландского отряда. В Котлах мы его не нашли, и утомленный полковник Унт вскоре уехал обратно, передав мне, что, согласно приказу эстонского Главнокомандующего, ингерманландский отряд в оперативном отношении подчиняется мне. Я поехал дальше на поиски отряда, направившись, по указаниям местных жителей, на Капорье. У Глобиц я настиг Островский полк, только что с боем занявший эту деревню. Переговорив с командиром полка полковником Ярославцевым, я отправился дальше и уже ночью нашел штаб ингерманландского отряда. Начальнику этого отряда капитану Тапаляйнену я объявил, что в оперативном отношении отряд подчиняется мне приказом эстонского главнокомандования, разрешение же вопроса о Ингерманландской республике зависит не от меня, а от Верховного совета, и поэтому прошу его обратиться с этим вопросом туда, а пока я требую беспрекословного исполнения моих приказаний, подчиняю отряд полковнику Ярославцеву, с которым приказываю держать связь, и категорически запрещаю вести какую бы то ни было пропаганду на фронте. Офицеры этого отряда в большинстве были финны, но большинство из них говорило по-русски. Приказанию моему они подчинились беспрекословно, и немедленно была установлена связь с полковником Ярославцевым.

Прибыв в Капорье около 2 часов, я отправился по фронту на Бегуницы – Тешково – Клопицы и далее на Волосово в штаб графа Палена. По дороге я посетил отряды штабс-ротмистра Грюнвальда и поручика Данилова. Полковнику графу Палену я объявил, что по назначении меня командующим корпусом я ему передам штаб 2-й стрелковой бригады; затем я уехал через Ямбург – Нарву для отдачи приказа о скорейшем переводе оставшихся на Лужском направлении частей Волынского полка для организации безопасности (обеспечения) в Лужском направлении и для отдачи соответствующих распоряжений.

В Ямбурге ко мне явился начальник артиллерии полковник Исаев, которому я приказал сделать распоряжение о вывозе виденных мною по дороге в Капорье брошенных большевиками тяжелых орудий. По подсчету, произведенному полковником Исаевым, пока что за наше наступление нами было взято более 15 орудий, в том числе 4 – 6-дюймовые. Подсчет же большого количества пленных и пулеметов не мог быть произведен точно, так как большая часть их не попадала в тыл, а шла на пополнение полков. Особенно большое количество пленных забрал Конный

отряд, который под командой штабс-ротмистра Грюнвальда действовал решительно и блистательно: он смело захватил переправы у деревни Муравейно и тем самым открыл путь отряду графа Палена, что дало ему возможность занять станцию Веймарн. Для пленных я приказал полковнику Бибикову отвести вблизи Ямбурга стеклянный завод.

В Ямбурге пришлось затратить много труда на приведение города в порядок, налаживание снабжения населения припасами, взятыми у большевиков, устройство лазаретов, привлечение местных земских деятелей к делу упорядочения уезда и назначение комендантов волостей. Наладив более или менее все эти дела, я поехал в Нарву, а оттуда на станцию Гостицы, где назначил полковника Георга начальником участка между реками Лугой и Плюссой для организации местных добровольческих дружин, назначения волостных комендантов и принятия мер к обороне реки Плюссы. Офицерскую роту я приказал расформировать и офицеров направить по полкам. Георгиевский батальон переформировать в полк и занять им участок между озером Самро и рекой Плюссой, а части Волынского полка направить на присоединение к полку. Полковнику же Бадендыку с ротой Ревельского полка усилиться добровольцами из местных жителей и держать участок между озером Самро и рекой Лугой; при первой возможности я обещал вернуть в этот район Ревельский полк.

Во время этого первого наступления штаб мой был весьма малочислен, средств связи почти не было, а потому большую часть приказаний мне приходилось отдавать лично, разъезжая по фронту корпуса. Благодаря плохой связи от полковника Балаховича донесений почти не поступало, и я решил сам проехать в Гдов. Приехав в Гдов, я узнал, что красная Чудская флотилия уже перешла на нашу сторону и по этому поводу вышли какие-то пререкания с Эстонской флотилией: добровольно под Андреевским флагом перешедшая к нам Раскопельская красная флотилия была отведена эстонцами в Юрьев. Полковник Балахович доложил мне, что суда Чудской флотилии, за исключением двух, затопивших себя в Раскопели, подняли Андреевский флаг и перешли на русскую сторону и что в Юрьев она была отведена вследствие категорического требования эстонцев. Я приказал полковнику Балаховичу самым энергичным образом противиться захвату флотилии эстонцами.

Вся местность реки Желчи до Гдова была очищена от большевиков, и лишь на левом фланге еще держались кое-какие красные части. Приказав подполковнику Микоше с 3 ротами Георгиевского полка перейти в наступление, поддержать левый

фланг полковника Балаховича и вперед координировать с ним свои действия, – я вернулся в Нарву.

В Нарве я нашел весь штаб корпуса в полном составе, кроме полковника Дзерожинского, который, никого не предупредив, уехал в Ревель. Этот несвоевременный отъезд полковника Дзерожинского, а главное, промедление его в передаче мне командования корпусом, как было условлено, поставили меня в необходимость, не дожидаясь его возвращения, отдать приказ о моем временном вступлении в командование корпусом.

За время моего отсутствия положение в отряде у полковника графа Палена мало изменилось.

Только приехав в Нарву, я случайно узнал, что в штабе полковника Балаховича вновь появился г-н Иванов, во время приездов моих в Гдов тщательно там скрывавшийся. Оказывается, начальник штаба, поручик Видякин, не отправил его в Нарву, как было мною приказано, а просто предложил ему удалиться из пределов штаба, и он своими средствами добрался до Гдова, где и начал очень энергично проявлять свою деятельность: издавал и распространял какие-то постановления, печатал прокламации и т. д. Г-н Иванов дошел даже до того, что выпустил какие-то прокламации от моего имени. С этим надо было во что бы то ни стало покончить, и по возращении полковника Дзерожинского я объявил, что не приму корпуса до тех пор, пока будут происходить такие самостоятельные выступления отдельных личностей, полковнику же Балаховичу приказал немедленно удалить г-на Иванова из Гдова. Окончательно решил я вступить в командование корпусом лишь после того, как съездил вместе с полковником Дзерожинским в Гдов, где в нашем присутствии, а также в присутствии ротмистра фон Цур-Мюллена (нач-штаба полковника Балаховича) полковник Балахович дал честное слово не работать больше с Ивановым. Г-н Иванов скрылся из Гдова в Юрьев. Вступив наконец в командование корпусом, я условился с полковником Дзерожинским, что он примет на себя командование бригадой в составе Ревельского и Георгиевского полков и отряда полковника Бадендыка, а также займется организацией отрядов из местных добровольцев в районе между Сабском и рекой Плюссой, причем штаб его будет находиться в Гостицах. Таким образом, явилось три боевых участка: южный (Гдовский) – по реке Желче до реки Плюссы, под командой полковника Балаховича; средний – от реки Плюссы до Сабека, под командой полковника Дзерожинского, и третий – от Сабека до Финского залива, под командой полковника графа Палена.

Должен отдать справедливость всем командующим лицам, всем господам офицерам и солдатам, что работа велась энергично

и напряженно – об усталости не было и речи. Некоторыми начальниками были сделаны ошибки, но выбора не было, и приходилось довольствоваться теми, кто был, и о замене не могло быть и речи; честных и энергичных людей было очень мало, и все дело держалось только на нескольких действительно выдающихся офицерах. К сожалению, энергичные люди часто были склонны к партизанщине, как, например, полковник Балахович. Полковник Дзерожинский был произведен в генерал-майоры. Полковника Крузенштерна я тоже произвел в генерал-майоры и назначил главным начальником тыла. Управляющим гражданской частью был назначен полковник Хомутов[134], начальником снабжения – полковник Поляков[135], начальником военных сообщений – полковник Третьяков. Все эти отделы были в непосредственном ведении генерала Крузенштерна, и в эти назначения я не вмешивался, тем более что, как я уже сказал, выбор был невелик и особенно разбираться не приходилось. Заведывание отделом внешних сношений было передано подполковнику Крузенштерну[136], брату генерала, и отдел оставлен в Ревеле.

Лично у меня был полевой штаб, начальником которого я пригласил полковника Зейдлица; дежурным генералом был оставлен полковник барон Вольф[137], начальником оперативного отделения – ротмистр Костанда[138], инспектором артиллерии – полковник Исаев и начальником этапно-хозяйственной части – генерал Зильберг[139]. Я выделил все тыловые управления под начальством генерала Крузенштерна, потому что мне лично постоянно приходилось бывать на фронте, чтобы отдачей приказаний на месте, так же как и своим присутствием, дополнять недостатки связи. Работа была настолько интенсивна и разъездов было так много, что мой ординарец прапорщик Шемякин не смог выдержать и мне пришлось вернуть к себе бывшего моего адъютанта поручика барона Менгдена, а также прикомандировать к себе войскового старшину Пермикина. Последнего я взял к себе главным образом для того, чтобы иметь через него постоянную связь с отрядом Балаховича, хотя прекрасно знал его сомнительную этику. Штаб 2-й бригады я целиком передал полковнику графу Палену.

Полковник Балахович донес мне, что эстонцы окончательно завладели Чудской флотилией и возвратить ее нам не соглашаются; я снесся по этому делу с эстонским Главнокомандующим и получил от него обещание назначить расследование.

Когда мы окончательно завладели рекой Желчей и перешли в наступление к югу от Гдова – 2-я Эстонская дивизия также перешла в наступление в направлении на Псков. Ясно было, что

благодаря нашим удачным действиям и тому, что мы окончательно захватили инициативу в свои руки, настроение у красных весьма понизилось, и Псков должен был пасть со дня на день. Я просил генерала Лайдонера дать приказание 2-й Эстонской дивизии связать свои действия с нашими и занять Псков общими комбинированными действиями, на что генерал Лайдонер ответил мне, что он не может руководствоваться моими соображениями и будет действовать согласно тому, как сложится обстановка. Из этого я понял, что эстонцы хотят занять Псков самостоятельно, поэтому я вновь поехал в Гдов к полковнику Балаховичу и потребовал возможно более энергичного продвижения в Псковском направлении. На следующий день, вернувшись в Нарву, я получил известие, что Псков уже занят эстонскими войсками. В это время к полковнику Балаховичу присоединился партизанский отряд под начальством прапорщика Леды, организованный из местных крестьян-хуторян и действовавший по направлению на Струги Белые. Вообще население встречало нас хорошо, в особенности хуторяне, которых в Гдовском уезде много.

Пока я был занят устройством дел и поездкой в Гдов, положение у полковника графа Палена сильно обострилось, благодаря подкреплениям, прибывшим к красным; среди этих подкреплений были отряды коммунистов и курсантов, которые, нужно отдать им справедливость, сражались хорошо. Приказав полковнику Балаховичу с отрядом партизан и с Конным полком очистить от большевиков местность между Желчей и Псковом и возможно скорее соединиться с эстонскими войсками, я велел Балтийскому полку немедля перебросится на Северный фронт к полковнику графу Палену; сам полк должен был погрузить свой отряд в вагоны и доехать до станции Поля и оттуда двигаться пешим порядком на Ямбург; конная же часть отряда должна была пойти походным порядком через Муравейно. Храбрый командир доблестного Балтийского полка полковник Вейс был ранен в живот, и полком в это время командовал ротмистр фон Цур-Мюллен.

Большевики стянули против отряда графа Палена две дивизии, отдельную бригаду и конную бригаду. Из перехваченных донесений была выяснена поставленная им задача: правофланговая дивизия должна была двигаться от Петергофа и от Красного Села и занять Капорье и Керстово; с правого фланга она должна была быть поддержана гарнизоном Красной Горки; вторая дивизия от Красного Села и Гатчины должна была двигаться на Керстово и Муравейно; отдельная бригада должна была действовать на юг от Гатчины в обход нашему левому

флангу, а конной бригаде было приказано двигаться на Берест в тыл правому флангу отряда графа Палена. Отряды курсантов, коммунистов и рабочих города Петрограда частью находились в тылу большевистских частей для их подбодрения, а частью были на фронте вкраплены между ними. Левый наш фланг был несколько оттеснен ввиду того, что ингерманландцы не только не прикрывали его, но вообще выражали мало желания драться; они отошли и заняли позиции впереди Пейпия, Капорья и Систа-Палкина. Левый фланг отряда полковника Ярославцева упирался в Капорье. Получив донесение, что Семеновский полк выражает желание перейти от большевиков к нам, полковник граф Пален приказал ротмистру Пермикину с Талабским полком перейти в наступление против отдельной бригады, к которой принадлежал Семеновский полк, и взять его целиком. Ротмистр Пермикин блестяще выполнил возложенную на него задачу: Семеновский полк был окружен и перешел на нашу сторону; другой полк той же бригады был разбит; мост у станции Сиверская был взорван подрывниками ротмистра Пермикина и талабчане не дошли до Гатчины всего 8 верст, после чего повернули правым плечом и отошли к станции Кикерино. Таким образом, обходившая наш правый фланг пехотная колонна была ликвидирована. Приехав поблагодарить талабчан за лихое дело, я был приятно поражен их бодрым видом. Семеновский полк, перешедший под командой капитана Зайцева, я приказал сосредоточить у станции Кикерино; в полку было около 600 штыков, несколько человек кадровых офицеров, оркестр музыки, а также двухорудийная батарея; весь полк выразил желание немедленно драться против большевиков; я сохранил ему наименование Семеновского и приказал дать несколько дней отдыха.

Колонна, обходившая наш правый фланг, была ликвидирована; положение же на левом фланге делалось все серьезнее. Резервов не было никаких; Балтийский полк мог подойти лишь через 2–3 дня. Я приказал сформированной в Ямбурге комендантской роте под командой капитана 2-го ранга Столицы[140] двигаться на поддержку полковника Ярославцева.

После занятия эстонцами Пскова немецкие войска и ландесвер, находившиеся в Курляндии у Либавы, перешли в наступление, очень быстро заняли Ригу и выдвинулись восточнее ее, подойдя к Вендену. Сведения об их движении получались у нас самые скудные, так как никакой связи с этой организацией мы не имели; нам было известно только то, что в наступлении принимают участие немецкая Железная дивизия, Балтийский ландесвер и русский отряд под командой ротмистра князя Ливена. Направление, которое взяли эти войска, эстонскому

командованию показалось подозрительным, и, зная неприязненные отношения между эстонцами и немцами, я сильно боялся, чтоб между ними не вышло столкновения.

Возвращаясь однажды в Нарву с очередной поездки на фронт, я узнал, что в Нарву прилетел на аэроплане вместе с немецким лейтенантом сенатор Нейдгардт из Риги. Эстонские власти приказали его арестовать, причем, по недоразумению, арестовали и один из моих автомобилей, на котором совершенно случайно проезжал недалеко от места спуска аэроплана заведующий автомобилями корнет Вальтер. По этому поводу я потребовал от эстонского командования извинения, которые и были мне принесены. Отвечая на вопросы присутствующих при спуске, сенатор Нейдгардт рассказал, что на следующий день должны были прилететь еще два аэроплана. Озлобление эстонцев против немцев возрастало, и особенно усилилось, когда пришло известие, что немецкая Железная дивизия собирается занять Венден. На следующий день действительно прилетели два других аэроплана с немецкими знаками и спустились у станции Салы. Я как раз в то время ехал в Ямбург и встретил по дороге немецких авиаторов с их спутниками, сильно избитых арестовавшими их эстонцами, один из них был даже ранен. Ведший их эстонский офицер и солдаты держали себя весьма вызывающе; когда я хотел подойти и узнать, в чем дело, они меня к арестованным не допустили, несмотря на то что аэропланы снизились на нашей территории. Я вернулся в штаб 1-й Эстонской дивизии и категорически заявил, что я совершенно не знаю, что это за аэропланы и для чего они прилетели, но требую, чтобы на русской территории эстонцы не позволяли себе кого бы то ни было задерживать без разрешения русских военных властей. Эстонские власти принесли мне свои извинения, и я тут же отправил телеграмму генералу Лайдонеру о происшедшем, причем заверил его, что никаких сношений с немецкими властями у меня не было и цель прилета аэропланов мне совершенно не известна. Прилет этих аэропланов значительно ухудшил отношения между нами и эстонцами, тем более что эстонцы ставили его в связь с начавшимся в это время наступлением на Эстонию немецкого ландесвера: по всей Эстонии началось поголовное гонение на всех прибалтийских немцев. Мне же цель прилета аэропланов неизвестна и до сих пор; результатов судебного следствия, которое велось по этому поводу эстонскими властями, мне получить не удалось. Впоследствии я спрашивал князя Ливена, не он ли посылал эти аэропланы, но он ответил, что о посылке их ничего не знал и вообще считал поведение ландесвера бестактным, объясняя его

провокацией со стороны немцев, которая им вполне удалась. Может быть, в этом бесцельном наступлении сыграло роль желание некоторых балтийских помещиков поскорее вернуть свои имения. Для нас, во всяком случае, было очень грустно, что наладившиеся было хорошие отношения с эстонцами этими фактами сильно испортились. Эстонские газеты подняли шумиху, а лозунги, выдвинутые генералом Деникиным и для эстонцев явно неприемлемые, как «Великая, Единая, Неделимая Россия», еще более усилили их недовольство, и отношения наши еще ухудшились. Если бы у меня не было так много дел на фронте, я бы, по всей вероятности, больше внимания уделил прилету аэропланов, но тут мне было не до них. Наконец пришло донесение, что полковник Балахович вступил в Псков и соединился с эстонскими войсками.

Вскоре после начала наших удачных действий стали прибывать на фронт одна за другой различные иностранные комиссии. Одной из первых прибыла союзническая военная миссия во главе с генералом Гофом и Американская продовольственная комиссия.

Комиссии эти разъезжали по фронту, смотрели, поздравляли, изучали наше положение со всех сторон и, главное, очевидно хотели выяснить, насколько организация наша сильна и прочна. Ввиду того что они обещали оказать нам всевозможную помощь, я приказывал поездки эти обставлять с возможною помпой и быть с ними как можно любезнее, но надо сказать, что они отнимали у меня немало времени. Ухудшение отношений наших с эстонцами сказалось довольно быстро: вскоре после прилета аэропланов эстонцы прекратили выдачу нам денег и продовольствия. Единственная комиссия, которая принесла нам существенную пользу, была американская: видя наше отчаянное положение, американцы предложили нам поставлять муку и сало. Обсудив этот вопрос с генералом Крузенштерном, мы вскоре пришли с американцами в соглашение, и они в точности исполнили свои обещания: в заранее назначенный день прибыли к нам сало и мука, что не только дало возможность существовать корпусу, но и позволило слегка подкормить население. Работа генерала Крузенштерна в этом направлении была очень удачна, и американцы питали к нему большое доверие. В то же время другая большая политическая работа выпала на долю подполковника Крузенштерна – политические переговоры с иностранцами и эстонцами, которые он вел с должным тактом и умением. Благодаря этим двум лицам армия и население получили возможность существовать, и политическое положение армии стало крепнуть.

Ухудшение отношений эстонцев к нам сказалось еще в том, что они продолжали поддерживать ингерманландские домогательства, и в Сойкинской волости вновь началась усиленная пропаганда. Я поручил полковнику Крузенштерну выяснить ингерманландский вопрос как у эстонского правительства, так и в Париже у Сазонова[141]. Я также старался разъяснить Английской миссии, что никакого ингерманландского населения вообще не существует, что в Петроградской губернии живут русские, эстонцы, финны, принявшие православие карелы и ижоры, причем наибольший процент населения приходится на долю русских (более 60 процентов населения). Я решительно не мог понять, кому и для чего нужно учреждение Ингерманландской республики. Я неоднократно заявлял, что если Ингерманландская республика должна появиться на свет, то пусть те, кто интересуется этим вопросом, обратятся в Мирную конференцию, а на фронте я не могу допустить никакой агитации. Заявления мои успеха не имели, и я потребовал к себе в Ямбург начальника Ингерманландского отряда капитана Тапалайнена. Текущие дела на фронте отвлекли мое внимание от ингерманландского вопроса, и я уехал из Ямбурга, не дождавшись капитана Тапалайнена, и имел с ним разговор только через несколько дней.

В Пскове полковник Балахович вошел в связь с эстонцами и вновь начал проводить какую-то свою сепаратную политику. Опять явился на сцену г-н Иванов, привезенный в Псков эстонцами еще до вступления в него отряда полковника Балаховича. Иванов начал издавать свою газету в Пскове, печатал и распространял прокламации, собирал какие-то заседания общественных деятелей и стал во главе гражданского управления Пскова и его окрестностей. Я приказал полковнику Балаховичу удалить его, но это исполнено не было, и я окончательно понял, что эстонцы вошли в связь как с Балаховичем, так и с Ивановым. Я послал вторичное приказание и лично, по телеграфному аппарату, требовал его немедленного исполнения; полковник Балахович отвечал «Слушаю-о>, но на деле приказания не исполнял.

Первое время после занятия Пскова к полковнику Балаховичу стали переходить многие красные части; вместе с тем к нему стекалась со всех сторон масса «зеленых» (красные дезертиры). Вообще, положение Южного фронта, где, кроме отряда Балаховича, были еще значительные отряды эстонцев, уже закончившие свою борьбу с ландесвером, было значительно солиднее положения на Северном фронте. Население под Псковом с чрезвычайным подъемом шло навстречу нашим

войскам, что сильно облегчало общую борьбу, но подъем этот становился менее заметен по мере того, как мы приближались к Петрограду. Ввиду крайнего напряжения на участке полковника графа Палена, сам я проехать в Псков не мог. Прибытие Балтийского полка несколько усилило наше положение, и должен отдать полную справедливость этому доблестному полку, что он много помог Северному корпусу своей боевой работой. Из Пскова получались сведения о грабежах эстонских солдат. Приказания моего о выселении Иванова из Пскова полковник Балахович не выполнил, намекая, что его в этом поддерживают эстонцы. Тогда я обратился к эстонскому командованию с требованием удаления Иванова из Пскова и прекращения разграбления города эстонскими солдатами; в ответ на это обращение я получил от генерала Лайдонера телеграмму, извещавшую меня, что он слагает с себя главнокомандование русскими войсками. Я ответил ему телеграммой, выразившей мое сожаление по этому поводу, и мою готовность служить всегда под его командованием. Я действительно очень сожалел об отказе генерала Лайдонера быть главнокомандующим над русскими войсками, так как считал, что, пока он главнокомандующий, мы можем быть более или менее спокойны за свой тыл.

На Северном нашем фронте продолжались ежедневные ожесточенные бои. Несмотря на уничтожение отдельной бригады, левому нашему флангу пришлось, благодаря бездействию ингерманландцев, отойти от Капорья под сильным нажимом противника, и все время были опасения за прорыв или обход его. Большевики все подвозили и подвозили новые подкрепления; у нас же стал сильно ощущаться недостаток в командном составе, так как много лучших офицеров было убито и переранено. Ввиду отсутствия командного состава, я не мог в полной мере использовать вновь получаемые пополнения добровольцев и пленных. Я настойчиво просил у англичан о переправке офицеров из Финляндии, где они без всякого дела сидели по общежитиям, но по причинам, которые для меня до сих пор неясны, этих офицеров не только не отправляли к нам, что было вполне возможно, но даже препятствовали тем из них, кто хотел переехать на тот берег на личные свои средства; дело дошло до того, что офицеры, рвущиеся в армию, стали прибывать из Выборга в Лужскую Губу самовольно на рыбачьих лайбах с явным риском быть захваченными большевистскими миноносцами, державшими наблюдение за Финским заливом. Многие офицеры в то же время были отправлены из Финляндии на Архангельский фронт.

Около 15 июня полковник Ветренко на правом нашем фланге

вошел в сношения с направленной в обход его бригадой противника, и один из полков этой бригады перешел на нашу сторону. Другой полк той же бригады был немедленно отведен в тыл, так как большевики, очевидно, боялись, что и он перейдет к нам. Угроза обхода нашего правого фланга, таким образом, была на время ликвидирована. В то же время левый наш фланг значительно усилился прибытием Балтийского полка и около 20 июня смог снова перейти в наступление и занял Капорье и Воронино. Благодаря этому к 20 июня на северном участке мы занимали фронт: правый фланг в деревне Берест, далее впереди Кикерино, на Каськово и левый фланг около Усть-Рудницы. Ингерманландцы действовали вдоль самого побережья. К несчастью, при этом последнем наступлении много доблестных офицеров было ранено и убито; среди других пострадал и храбрый штабс-капитан Данилов, раненный в руку.

Положение бригады генерала Дзерожинского в это время было весьма неустойчиво, хотя подполковнику Бадендыку и удалось сформировать из добровольцев небольшой отряд, с которым он даже занял Красные Горы, но вскоре должен был из них ретироваться под напором во много раз превосходных сил противника. Георгиевский полк, после занятия эстонцами Пскова, двинулся к юго-востоку от озера Самро. В том же районе собрал отряд и начал переформировывать его в полк энергичный полковник Миних[142].

Донесения от полковника Балаховича, как всегда, приходили редко, неаккуратно и отличались большой неточностью, но положение его было твердое, благодаря переходу к нему нескольких большевистских частей. Он выдвинулся на Струги Белые и в направлении к Порхову и Острову. В самом же Пскове продолжал сидеть Иванов и происходили всевозможные безобразия; партизаны, больше всего личная сотня «батьки», грабили и насильничали; людей, обвиняемых в большевизме, вешали на улицах на фонарных столбах, в населении начался ропот. Чтобы заставить полковника Балаховича и его отряд исполнять мои приказания, я, переговорив с американцами, распорядился прекратить доставку продовольствия для вышеуказанного отряда.

В середине июня английским генералом Гофом, для урегулирования различных спорных вопросов, было созвано совещание с участием эстонцев и ревельских представителей Англии, Франции и Америки; был на него приглашен и я. В Ревеле на вокзале меня встретил эстонский офицер и доложил, что, согласно приказанию эстонского командования, в моей квартире помещена Французская военная миссия, для меня же

оставлена комната в гостинице «Золотой Лев». Я определенно отказался ехать в гостиницу и отправился к себе на квартиру, где приказал доложить о себе французскому полковнику Гюрстелю. Полковнику я сказал, что очень рад оказать союзнику гостеприимство. Французы извинились, что заняли эту квартиру, не зная, что она моя, объяснив это тем, что она была отведена им эстонскими властями; они потеснились, и я, конечно, остановился не в гостинице, а в собственной своей квартире. В этой истории с квартирой поведение эстонцев было более чем странно, тем более что на квартире оставались мои вещи, и деньги за нее были мною уплачены вперед. Ко дню совещания в Ревель приехали от генерала Юденича генерал Кузьмин-Караваев[143], г-н Карташев[144] и генерал Суворов[145]; это был первый случай, что генерал Юденич реально проявил признаки своего существования. Я обратился к этим лицам с просьбой о присылке офицеров, которых было в Финляндии, как говорили, до четырех тысяч, и подкреплений. Носились слухи, что генералом Юденичем в Финляндии сформирована армия в 14 000 штыков; кроме того, я просил возможно скорее выяснить обстановку в Финляндии, то есть выступит ли она против большевиков или нет; вместе с генералом Крузенштерном я просил их передать генералу Юденичу наше ходатайство о разрешении печатать деньги, а также заявил, что считаю совершенно необходимым скорейший приезд на этот берег самого генерала Юденича для разрешения многих вопросов срочной важности. На все мои вопросы ответы я получил очень неопределенные; что именно делается в Финляндии и можно ли рассчитывать на ее поддержку, для меня так и осталось невыясненным.

На заседании генерал Гоф отсутствовал; председательствовал английский генерал Марч. Он передал мен напечатанную бумагу из четырех пунктов, суть которых заключалась в следующем: 1-й пункт – мы должны помнить, что всю помощь Северной армии Антанта дает исключительно лично в распоряжение генерала Юденича; 2-й – мы должны питать чувства благодарности к эстонскому народу и правительству, так как армия формировалась на эстонской территории. Пункт 3-й – я являюсь единственным командующим всеми русскими силами на Эстонском фронте; 4-й – я сейчас точно не помню, но в нем было что-то о демократических принципах, которым верна Антанта.

Вызванный на совещание полковник Балахович не приехал, отговорившись болезнью, а в середине заседания появился полковник Стоякин, отрекомендовавшийся начальником штаба полковника Балаховича. Я заявил генералу Марчу, что я

полковника Стоякина начальником штаба Балаховича признать не могу, так как я такого назначения не делал, и категорически требую немедленного его удаления из заседания; требование мое было исполнено.

На вопрос мой, когда и как будет нам возвращена Чудская флотилия, – я и от генерала Марча, и от эстонцев получил уклончивый ответ. Заседание было очень короткое и никаких реальных результатов не имело. Можно было смело не созывать заседания, переслать с нарочным бумагу и не отвлекать меня от более важных дел.

После заседания я вызвал полковника Стоякина на квартиру подполковника Крузенштерна, где имел с ним крупный разговор, кончившийся тем, что я приказал ему немедленно возвращаться обратно и передать полковнику Балаховичу, что он до тех пор не получит продовольствия, пока не станет меня слушаться; если же он все-таки будет продолжать упорствовать, то он будет отрешен от командования. Полковник Стоякин по всем признакам хорошо столковался и с Балаховичем, и с эстонцами и никак не ожидал встретить в Ревеле такой нерадушный прием. Впечатление он на меня произвел настолько отрицательное, что я даже усомнился в том, действительно ли он георгиевский кавалер и полковник Генерального штаба, каковым он себя именовал.

Вечером в день заседания я получил донесение о переходе Красной Горки на нашу сторону и об обстреле ею Кронштадта. Очень жалея, что ненужное заседание отняло у меня возможность в эту минуту быть на фронте, я немедленно выехал в Нарву, а далее на автомобиле в штаб полковника Палена. Выяснив, насколько было возможно при плохой связи с ингерманландцами, обстановку, я решил сам поехать к Красной Горке и отправился в деревню Рудницы в штаб полковника Нефа, назначенного графом Паленом начальником всей группы, действовавшей на побережье.

Там я узнал, что в течение почти целых двух дней ингерманландцы не только не сообщали в штаб отряда о переходе Красной Горки на нашу сторону, но всячески этот переход от штаба скрывали. Проехать мне на Красную Горку оказалось невозможным, так как дорогу за Рудницами нельзя было проехать на автомобиле, а лошадей не было, кроме того, большевики подтянули подкрепления и перешли в сильное контрнаступление на Красную Горку. Я отдал полковнику Нефу приказание возможно скорее войти в связь с гарнизоном Красной Горки, отнюдь его не разоружать, а отобрать из него лучший элемент и попытаться с ним занять и удержать Красную Горку в наших руках. Там же я, опять через штаб полковника графа Палена, поехал в Нарву, для того чтобы просить поддержки английского

флота и эстонских военных судов. С английским флотом у нас, к сожалению, были самые неопределенные отношения, я неоднократно просил наладить связь через заведующего морским отделом при армии капитана 1-го ранга Кнюпфера[146], но английский адмирал Коган почему-то этой связи не пожелал, а предпочитал ограничиться связью только с командующим эстонской флотилией капитаном Питка, усиленно поддерживавшим ингерманландцев.

Проезжая через Ямбург, я обратил внимание на то, что мост все еще не готов, несмотря на то что мною было категорически приказано вести работы ночью и днем. Я вызвал к себе заведующего ремонтом моста инженера Солнцева, который на вопрос мой, когда мост будет готов, ответил, что если ему будут даны рабочие и деньги, то он сможет работу закончить через неделю. Я обещал выдать ему необходимую сумму из тех денег, что были отобраны у большевиков (80 000 керенок, единственные деньги, у меня вообще имевшиеся за время моего командования) и приказал передать полковнику Третьякову, что если через неделю мост не будет готов, то я всех причастных к этому делу лиц отдам под полевой суд. Ровно через 6 дней через мост был пущен первый поезд, что значительно упростило и снабжение, и сообщение с отрядом графа Палена.

В Ямбурге полковник Бибиков доложил мне, что ингерманландцы продолжают вести свою пропаганду, не исполняют его требований и не слушаются назначенных им волостных комендантов. Я вторично приказал вызвать в Ямбург начальника ингерманландского отряда для категорического с ним объяснения и окончательного выяснения отношений ингерманландского отряда к Северному корпусу. Приехав в Нарву, я отправил командиру английского флота телеграмму с просьбой о поддержке. Во время моего совещания с генералом Крузенштерном, уже ночью, нам доложили, что на автомобиле приехал начальник гарнизона Красной Горки полковник Делль[147] вместе с несколькими офицерами. От него я узнал, что ингерманландцы разоружили гарнизон и ограбили его дочиста, часть заложников расстреляли. Штабу о переходе Красной Горки и о перестрелке ее с Кронштадтом ингерманландцы умышленно ничего не доносили. Полковник Делль утверждал, что если бы английский флот своевременно оказал нам поддержку, то и Кронштадт перешел бы на нашу сторону. После обстрела с Красной Горки три форта Кронштадта выкинули белые флаги, с частью флота велись переговоры, и, если бы английская эскадра показалась бы во время обстрела, участь Кронштадта и большевистского флота была бы, вероятно, решена. О желании

гарнизона Красной Горки и части большевистского флота перейти на нашу сторону я уже знал раньше и сообщил об этом Английской военной миссии через капитана 1-го ранга Кнюпфера. Они желали только перейти в Северную армию и решили не переходить ни к англичанам, ни к эстонцам. Очень возможно, что поэтому английский адмирал не пожелал оказать своим флотом поддержку Красной Горке, имея свои виды на Кронштадтский красный флот, и не желал поддерживать со мной связи. Гарнизон Красной Горки без всякой поддержки целых два дня вел бой с Кронштадтом и с флотом. Они продолжали бы драться и далее, но ингерманландцы все время уверяли их, что английская эскадра вот-вот должна появиться, и когда стало ясно, что эти уверения ложны, – дух гарнизона сразу пал. Большевики, подавив восстание в Кронштадте и во флоте, яростно обстреливали Красную Горку всем флотом и частью батарей Кронштадта, а к востоку от Ораниенбаума на нее повели наступление их сухопутные части, и в результате гарнизон Красной Горки, потеряв веру в поддержку и деморализованный, должен был отойти. Разоружился он по приказу полковника Нефа, которому ингерманландцы, желая поживиться отобранным имуществом, неправильно осветили настроение гарнизона.

На следующий день ранним утром я вместе с полковником Деллем и его офицерами выехал в штаб генерала Палена.

В Ямбурге меня дожидался капитан Тапалайнен, разговаривал я с ним на квартире раненого капитана Данилова. Я, не стесняясь, высказывал ему свое негодование по поводу всех этих действий, по поводу неисполнения приказаний эстонского Главнокомандующего, подчинившего его мне в оперативном отношении, и потребовал от него немедленного прекращения всякой агитации в районе, занятом его отрядом, и полного подчинения мне. Капитан Тапалайнен отвечал мне вызывающе дерзко, причем позволил себе сказать, что он не знает, что генерал Родзянко командует Северным корпусом, и признает только капитана Питка как начальника. Я не выдержал его тона, вспылил и выгнал его вон из квартиры. Вызвав полковника Бибикова, я приказал ему немедленно отправить отряд из комендантской команды для прекращения агитационной деятельности ингерманландцев в Сойкинской волости, а в случае неисполнения ими этого требования – для разоружения всего ингерманландского отряда.

Из Ямбурга я вместе с полковником Деллем поездом отправился в штаб полковника графа Палена. Положение на фронте становилось все серьезнее, большевики подвозили новые подкрепления, наши же части были ослаблены большим

количеством раненых и убитых и утомлены беспрерывными боями. За неимением иных резервов я решил использовать для пополнения частей Кронштадтский гарнизон и выехал, взяв с собой полковника Делля, к месту его сосредоточения в Капорье. Гарнизон принял меня восторженно и выразил полную готовность сражаться против большевиков. Я поздравил гарнизон с переходом к белым и приказал вернуть ему оружие (приказание о возвращении оружия я также передал старшему из офицеров ингерманландского отряда, находившегося тоже в Капорье, предупредив его, что в случае неисполнения моего приказания сам ингерманландский отряд будет немедленно разоружен). На следующий день гарнизону было возвращено почти все у него отобранное, и я приказал отвести его на отдых в район Капорье – Велькота. Люди были слишком деморализованы, чтобы сразу вести их в дело.

Давно уже напрашивался вопрос о необходимости переформирования отряда графа Палена в корпус, а потому, вернувшись из Капорья и переговорив с графом Паленом, я приказал ему переформировать 2-ю бригаду в корпус, Островский же полк разбить на два полка: Островский и Уральский[148]. Командующим первым из них я назначил полковника Алексеева[149], а вторым – полковника Рентельна[150]. Талабским полком командовал подполковник Пермикин, Семеновским[151] – капитан Зайцев[152]. Эти четыре полка с отрядом поручика Данилова и составили 2-ю дивизию[153], под начальством полковника Ярославцева. Начальником 3-й дивизии[154] я назначил полковника Ветренко и включил в нее: Волынский полк, под командой полковника Хомякова[155], Ревельский полк, под командой полковника Ижевского, и временно Балтийский полк, под командой полковника Вейса; в нее же должен был войти и имевший быть сформированным из Красногорского гарнизона Красногорский полк[156], под командой полковника Делля; в гарнизоне было всего 5–6 тысяч человек. Одну часть гарнизона приказал я направить на пополнение других полков, а из другой части срочно сформировать Красногорский полк, поручив общее наблюдение за гарнизоном и этими формированиями полковнику Ижевскому.

2-ю и 3-ю дивизии я свел в корпус, присвоив ему наименование 1-го стрелкового корпуса[157]. Я назначил командиром его полковника графа Палена, произведя его в генерал-майоры. Кроме двух дивизий, в состав корпуса был включен под командой подполковника Грюнвальда Конно-Егерский полк, который я приказал сформировать из отряда полковника Бибикова и из конной части, перешедшей к нам от

красных. Штабс-ротмистра Видякина я произвел в ротмистры и утвердил исполняющим должность начальника штаба корпуса. Отдельный Северный корпус снова получил название Северной армии.

С увеличением численного состава армии явилась настоятельная необходимость в учреждении запасных частей. Командиром их я назначил полковника Нефа и отвел им район у станции Веймарн. В освобожденных волостях была уже объявлена мобилизация, и вновь мобилизованные для обучения должны были направляться в запасные части и там уже разбиваться по полкам; в запасных же частях должна была производиться фильтровка людей, перешедших от большевиков. Начальником 1-й дивизии[158] я назначил генерала Дзерожинского и в состав ее включил уже существовавший Георгиевский полк, под командой полковника Микоши, только что сформированный из роты Ревельского полка (послужившей ядром), из мобилизованных или из перешедших от большевиков – Колыванский полк[159], под командой полковника Бадендыка, и сформированный из мобилизованных и из добровольцев – Гдовский полк[160], под командой полковника Миниха; в 1-ю же дивизию должен был войти и Ревельский полк, при первой возможности его перевода.

Теперь скажу несколько слов про работу генерала Крузенштерна, с небольшим количеством сотрудников исключительно добросовестно трудившегося над организацией тыла. Работа у него протекала в исключительно тяжелых условиях, главным образом потому, что чрезвычайно трудно было найти помощников и исполнителей: офицеры были нужны на фронте, а штатские люди предпочитали оставаться в Ревеле и жить спокойно или заниматься общественностью, а это последнее занятие гораздо больше вредило, чем помогало армии. На должности комендантов волостей и на другие ответственные места сплошь и рядом, за недостатком выбора, приходилось назначать людей совершенно несоответствующих. И все же благодаря организаторскому таланту и энергичной деятельности генерала Крузенштерна жизнь тыла понемногу налаживалась. Неоднократно и я, и генерал Крузенштерн обращались к генералу Юденичу с настойчивыми просьбами прислать офицеров и тыловых работников, но никто не приезжал.

На Псковском фронте большевики наступали не так энергично и положение там было более устойчиво, тем более что в Пскове, как уже было сказано, находились эстонские части. Так как главное внимание я уделял Ямбургскому фронту и вопросу переформирования армии и мне никак не удавалось найти время, чтобы проехать в Псков, то я приказал полковнику Балаховичу

произвести переформирование своего отряда в дивизию. Приблизительно в это время из докладов, прибывших из Финляндии на капитана лейб-гвардии Конной артиллерии Гершельмана[161] и капитана Неведомского[162], а также из докладов других офицеров, тем или иным путем пробиравшихся в армию, – я окончательно убедился, во-первых, в том, что сведения наши о русских белых формированиях в Финляндии не соответствуют действительности и что у генерала Юденича в Финляндии никакой армии нет, а во-вторых, в том, что, несмотря на все мои просьбы о присылке офицеров, генерал Юденич их из Финляндии почему-то не выпускает.

Такое отношение к армии было для меня совершенно непонятно, и я приказал дать знать в Финляндию, что ничего не имею против самостоятельной, нелегальной переправы офицеров на лайбах, а с другой стороны, начал настаивать у англичан на том, чтобы ими были предприняты меры к скорейшей посылке мне офицеров ввиду больших потерь в офицерском составе, а также и скорейшей доставке снарядов и амуниции. Англичане обещали и то и другое, ездили на фронт, смотрели, но ничто из обещанного пока не исполнялось. Генерал же Юденич по-прежнему на просьбы мои никак не реагировал, а на просьбу о разрешении печатать керенки или свои собственные деньги он ответил категорическим отказом; между тем никаких поступлений не было, денежное положение армии становилось катастрофическим, и я приказал генералу Крузенштерну напечатать свои деньги (которые впоследствии получили название «родзянок»), так как иного исхода я не видел. С этой мерой впоследствии согласился и генерал Юденич, но приказал заменить их бумажными кредитными знаками, получившими название «юденок».

Эстонцы начинали все более туго отпускать нам снаряды и патроны, запасы же, взятые у большевиков, благодаря жестоким боям приходили к концу. Шаги, предпринятые по моему приказанию генералом Крузенштерном у Финского правительства для получения снарядов и патронов, не дали никаких результатов. Было ясно, что положение становится критическим и что если боевые снаряды не прибудут, то армия обречена на гибель.

Генерала Юденича я лично не знал, но громкое имя его говорило само за себя; учитывая, во-первых, это, во-вторых, заявление генерала Марча, что все снабжение для армии будет отпускаться только через генерала Юденича, и, в-третьих, что дело, начатое с небольшими силами, росло и расширялось, – я считал своим нравственным долгом настаивать на скорейшем

приезде в армию генерала Юденича и на том, чтобы он, как человек, имеющий громадную репутацию и опыт, стал во главе общего дела; особенно побуждали меня к этому заботы об освобожденном крае, справиться с которым, не имея опытных помощников, занимаясь боевыми операциями на фронте и не имея в гражданских делах достаточного опыта, я сознавал, было мне не по силам.

Наконец, после долгих настояний меня известили, что генерал Юденич приезжает из Гельсингфорса в Нарву на французском миноносце.

Ждали мы генерала с нетерпением, надеясь, что приезд его осветит нам многие неясные для нас вопросы мировой политики, положение в Сибири и на Юге России, а также ускорит прибытие боевых припасов и амуниции. Встретить генерала на пристани собрались военные эстонские власти, и был выставлен от штаба корпуса почетный караул. Обменявшись обычными приветствиями, генерал пропустил караул и проехал в штаб, где я сделал ему доклад о положении как на фронте, так и в тылу армии. Генерал пожелал сам проехать на фронт, что произвело на всех приятное впечатление. Было приказано подать поезд, и мы отправились в 1-й корпус. В Ямбурге был выставлен почетный караул; поздоровавшись с ним, генерал проехал в церковь и в лазарет. По дороге я доложил генералу Юденичу об ингерманландском вопросе, который разрешился весьма просто: посланная полковником Бибиковым рота разоружила тыловые ингерманландские части; узнав об этом, офицеры отряда сели на лодку и куда-то исчезли, а солдаты частью разбежались, а частью были сведены в Ингерманландский батальон, приданный одному из полков 2-й дивизии.

В штабе генерала графа Палена генерал Юденич выслушал доклад и пожелал объехать действующие части, что опять-таки произвело самое лучшее впечатление. Поехали мы в Талибский полк. Как раз в это время большевики перешли в энергичное наступление и прорвали наш фронт между Талабским и Волынским полками. Командир полка полковник Пермикин доложил о серьезности положения; я решил немедленно ехать к формирующемуся Красногорскому полку и вызвать его на поддержку, так как других резервов у нас не было; благодаря этой поддержке прорыв был ликвидирован и положение наше вновь стало сносным. К генералу Юденичу я вновь присоединился в штабе графа Палена и в тот же вечер вернулся с ним в Нарву. За весь день генерал Юденич говорил очень мало, никакими впечатлениями не делился и никаких сведений ни об обстановке на других фронтах, ни о политическом положении в Европе ни

мне, ни кому-либо другому не сообщил, несмотря на то что все этими вопросами интересовались и спрашивали его; генерал или отмалчивался, или переводил разговор на другие, малозначащие темы.

На другой день генерал Юденич пожелал проехать в Псков через Гдов. Отъезд был назначен на 10 часов утра, кажется, с первым поездом прямого сообщения. Положение на фронте продолжало быть тревожным, и всю ночь я провел на телефоне. Только к утру пришли более успокоительные вести. Когда я приехал на вокзал, опоздав из-за телефонных переговоров минут на двадцать, то очень удивился тому, что генерал Юденич сделал мне за это замечание, правда, в очень сдержанной и корректной форме. Я доложил генералу, что положение на фронте очень тяжелое, и что мне всю ночь пришлось отдавать распоряжения и говорить по телефону, и что даже сейчас я не могу его сопровождать, так как положение на фронте 1-го корпуса еще не вполне выяснилось. Главнокомандующий уехал без меня, но через несколько часов от графа Палена пришло донесение о том, что на фронте корпуса обстановка сделалась более благоприятной, и я выехал на автомобиле в Гдов, а оттуда по железной дороге догонять генерала Юденича.

В Пскове положение было устойчивое. Мост через реку Великую был уже исправлен, и эстонские бронированные поезда оказывали нам существенную поддержку. Большевистская армия, пробовавшая было перейти в наступление и даже подошедшая к Пскову, благодаря массовым переходам красноармейцев на нашу сторону была отогнана. Надо отдать справедливость полковнику Балаховичу, что его имя пока еще было популярно и большевистские и зеленые войска переходили к нему охотно. Если бы этот офицер был более честным организатором и лучше умел бы подбирать своих помощников, то в это время он многое мог бы сделать на пользу Северного корпуса, а также для улучшения обороны Пскова. Благодаря моим настояниям Иванова в Пскове не было, и жизнь города и уезда постепенно налаживалась.

Пообедав с начальствующими лицами, мы в ту же ночь вернулись в Нарву, а на следующий день генерал Юденич уехал обратно в Гельсингфорс.

Никаких приказаний генерал Юденич не отдал, никаких руководящих пожеланий не высказал, войскам ничего не говорил (он только здоровался с ними и благодарил их за службу от имени Верховного правителя России), политического положения нам не осветил, о том, что делается на других русских фронтах и даже в Финляндии, не рассказал, и в результате приезд его в

армию ей ничего не дал, а только вызвал чувство недоумения у меня и у других начальствующих лиц и офицеров. Командиры частей обращались ко мне с различными вопросами общего характера, думая, что Главнокомандующий что-нибудь сообщил мне, мне приходилось отмалчиваться. На настойчивую просьбу о присылке офицеров и снаряжения Главнокомандующий тоже ничего определенного не ответил. Точно так же ничего не ответил он и на вопрос мой о том, существует ли в Финляндии русская армия, о которой так много говорили. Не отвечал он даже на вопрос о том, собирается ли он и когда переехать из Гельсингфорса на наш берег. Такое упорное молчание было мне совершенно непонятно и произвело на всех самое странное впечатление.

На фронте начал, как я уже говорил, обнаруживаться недостаток снарядов и патронов, и положение становилось критическим. На запрос мой, почему не приходят обещанные орудия, винтовки, обмундирование, автомобили и т. д., – английские представители давали категорические заявления, что пароходы уже погружены, вышли из Англии и вот-вот прибудут в Ревель. Американцы же, согласно своему обещанию, аккуратно доставляли армии муку, сало и сухие овощи. Донесения из Ревеля заведующего Отделом внешних сношений подполковника Крузенштерна носили успокоительный характер: английские морские пароходы должны были прийти со дня на день, и намечались даже числа их прибытия. Фронт продолжали посещать разные военные миссии, и первый вопрос, с которым все к ним обращались, был о том, когда же, наконец, прибудет обещанное. Все подтверждавшиеся обещания присылки помощи давали начальникам отдельных частей силу своим личным примером подбодрять солдат в непосильной борьбе с красными, и можно было только удивляться их энергии и выдержке. Много раз положение казалось безвыходным, и каждый раз мы не только выходили из него, но и наносили контрудар противнику. Все боевые эпизоды этого времени описать невозможно: это был сплошной ряд подвигов, полных самоотвержения и личной инициативы. Резервов не было, и попытки противника прорвать наш фронт и обойти фланги ликвидировались быстрыми и смелыми маневрами соседних частей. Отступая, мы отстаивали действительно каждую пядь земли. Такая борьба возможна только тогда, когда между начальниками и подчиненными устанавливаются не только хорошие официальные отношения, но и полное доверие, что и было в Северо-Западной армии. Начальники и подчиненные из кожи лезли, чтобы свято исполнить свой долг перед Родиной. Практиковавшиеся частные

совещания начальствующих лиц вносили полную гармонию во все действия и усиливали общее единение. На совещаниях этих много говорилось о нуждах частей, которые почти всегда нельзя было удовлетворить, но благодаря тому, что все были в курсе общего положения армии и понимали, что ничего сделать нельзя, – ропота не было и все лишения сносились весело, в надежде на близкую верную помощь Антанты.

С особенным удовлетворением вспоминаю я действия за этот период Талабского, Конно-егерского, Балтийского, Волынского, Островского и Уральского полков 1-го корпуса и Даниловского отряда; другие, более молодые полки формировались, так сказать, на ходу, и требовать от них больше, чем они давали, было невозможно. Начиная с 13 мая все части армии были в боях и формировались и пополнялись не выходя из боя; отсюда вполне понятно, как велико было у начальствующих лиц напряжение и желание работать. В 1-й дивизии отличались действия Георгиевского, Гдовского и Ревельского полков. Конный полк и весь отряд Балаховича, только что сформированный, тоже в боях работал хорошо.

Несмотря на все старания, наши утомленные полки, не имея резервов, должны были постепенно отступать перед во много раз численно превосходящими их силами противника. Значительно хуже, чем на фронте, шла организационная работа тыла, несмотря на все старания и колоссальную личную энергию генерала Крузенштерна. Главная причина этого, как я уже говорил, заключалась в недостатке энергичных и дельных работников, так как все лучшее отправлялось на фронт. Комендант Ямбургского уезда полковник Бибиков и комендант Гдовского полковник Саламанов[163], оба безукоризненно честные и работоспособные офицеры, делали все возможное, чтобы навести порядок, но на должности волостных комендантов назначать было некого. О назначении на них гражданских лиц не могло быть и речи, так как фронт был слишком близко, а все офицеры, даже только что оправившиеся от ран, ввиду крайней нужды в них, немедленно направлялись в действующие части. Во время нашего наступления был один исключительно удачный момент для занятия Петрограда: Красная Горка сдалась, три форта Кронштадта выкинули белые флаги, было известно о желании части флота перейти на нашу сторону; казалось, еще один нажим, незначительная помощь английского флота – и вопрос о Кронштадте будет решен. Но даже и в эти самые лучшие минуты у нас никогда не было мысли о занятии Петрограда, так как наша армия была слишком малочисленна, и мы прекрасно сознавали, что в случае удачи она растаяла бы в этом городе.

Когда же выяснилось, что английский флот не оказывает нам никакой поддержки и даже не хочет поддерживать с нами связи, то всякая надежда на движение на Петроград отпала. После же обратного занятия большевиками Красной Горки и вынужденного разоружения Ингерманландского отряда – нельзя было более и думать вновь переходить в наступление на этом фронте. Большевики подвозили к нам лучшие свои части; появились отряды матросов, курсантов, коммунистов и отряды «особого назначения» (карательные коммунистические отряды), а также части с Колчаковского фронта, например 13-й и 14-й полки. Пленные этих полков показывали, что драться на нашем фронте много труднее, чем на Восточном. То, что мы не только держались, но и наступали и брали пленных, можно объяснить только дружной работой всех начальников и солдат и удачными быстрыми решительными маневрами. Начальники дивизий все время находились в непосредственной близости от противника и сами руководили боями. Командиры полков жили в той же обстановке, что и солдаты, и своим личным примером оказывали громадное и благотворное влияние на солдат и часто личным примером выводили вверенные им полки из тяжелых положений. Начальник 1-й дивизии за время боев с 13 мая успел сформировать на своем фронте четыре полка. Его части брали Красные Горы и подходили к самой Луге. Сам он целый день бывал в разъездах и показывал молодым офицерам пример энергичной работы и неутомимости. Фронт, занимаемый его дивизией, был чрезвычайно велик. Благодаря же тому, что большевики особенно упорно действовали против Ямбурга, приходилось все лучшее, в смысле пополнений, отдавать корпусу графа Палена, а генералу Дзерожинскому приходилось довольствоваться остатками, и все же его дивизия не только пополнялась, но и, как я уже говорил, сумела сформировать четыре новых полка. О блестящей, неутомимой работе командира 1-го корпуса, его начальников дивизий и командиров полков я уже говорил. Несколько уступал в добросовестности работы другим начальникам полковник Балахович; человек он был энергичный, но тщеславный и подверженный всевозможным, часто вредным влияниям. Хотя присяжный поверенный Иванов и покинул, согласно моему приказанию, Псков, но связь с полковником Балаховичем, так же как и с эстонцами, он поддерживал, и влияние его на Балаховича было отрицательное.

Видя блестящие результаты нашего наступления, эстонцы стали бояться дальнейшего усиления армии, опасаясь, что мы повернем штыки против них. Непризнание независимости Эстонии нашим Совещанием в Париже, а также лозунг «Великая,

Единая, Неделимая Россия», выкинутый Добровольческой армией, еще более испортили и без того уже натянутые, после прилета аэропланов, наши отношения с эстонцами. В своих разговорах с генералом Лайдонером я постоянно говорил ему, что согласен признать независимость Эстонии, но для эстонцев этого было мало: им нужно было признание независимости в Париже. Этим и объясняется то, что эстонцы делали все возможное, чтобы ослабить и разрознить нашу армию, задерживая выдачу нам снарядов и патронов, выдвигая на севере ингерманландский вопрос, а на юге поддерживая сепаратные стремления и честолюбие полковника Балаховича. Полковник Балахович близко сошелся с начальником 2-й Эстонской дивизии полковником Пускаром, причем в этой дружбе немаловажную роль играл все тот же Иванов. Я неоднократно говорил с полковником Балаховичем и пытался доказать ему, что только дружная общая работа может предотвратить катастрофу и вывести нас из тяжелого положения; полковник, на словах, всегда соглашался со мною, а потом, под влиянием г-на Иванова и полковника Стоякина, вновь начинал вести против меня подпольную борьбу. Положение в Пскове осложнялось еще тем, что на Псковском фронте были эстонские войска и при малейших трениях они давали понять, что не будут нас поддерживать, что было существенно важно. Партизанские замашки полковника Балаховича притянули к нему самый плохой элемент со всей Северной армии, людей, не гнушавшихся никакими средствами для достижения своих личных целей. Правой рукой полковника Балаховича был самозванец полковник Стоякин.

Благодаря беспрерывным боям снять части с фронта не представлялось возможным, а навести порядок и прочистить атмосферу, окружавшую Балаховича, в боевой обстановке было очень трудно; резервов в моем распоряжении не было никаких, даже моя личная конвойная сотня была послана на фронт; но порядок в Пскове необходимо было навести во что бы то ни стало, и я приказал генералу Крузенштерну пригласить генерала Арсеньева, проживавшего в Финляндии, принять должность в армии, рассчитывая развернуть отряд полковника Балаховича в корпус и назначить его командиром этого корпуса. Генерал Арсеньев ответил согласием, через несколько дней приехал в Нарву и сейчас же получил назначение на пост командира 2-го корпуса. Корпус его должен был состоять из двух дивизий: одна – под начальством полковника Балаховича, а другая, согласно просьбе самого генерала Арсеньева, – под начальством полковника Стоякина. Надо заметить, что полковник Стоякин был весьма энергичный и на первый взгляд дельный офицер, и только

при более близком знакомстве оказывалось, что он авантюрист чистой воды. Одной из главнейших задач, стоявших перед генералом Арсеньевым, было привести в порядок гражданскую жизнь Пскова, которая становилась совершенно невозможной. Большим злом были, между прочим, появившиеся в большом количестве контрразведки, совершенно не выполнявшие своего прямого назначения, а занимавшиеся под разными предлогами грабежом и провокацией мирного населения.

Укажу здесь еще раз, что имя полковника Балаховича было популярно и что если бы он не увлекался сепаратизмом и дешевыми лаврами партизана, то он мог бы рассчитывать на колоссальный успех. Полки полковника Балаховича были по преимуществу партизанские, кроме них, было много отдельных чисто партизанских отрядов. Переговорив с генералом Арсеньевым, я приказал ему при первой возможности приступить к переформированию партизанских отрядов в регулярные полки, а в городе Пскове организовать гражданское управление и запасный полк. Приезд генерала Арсеньева в корпус прошел без всяких инцидентов, но, очевидно, это назначение не понравилось ни Балаховичу, ни эстонцам, ни г-ну Иванову, и вскоре же против честного генерала началась настоящая травля. Я великолепно понимал, что задача, которую я поставил генералу Арсеньеву, была весьма неблагодарная, но нужно было как-нибудь обуздать партизанские страсти, и я не видел иного выхода, как назначение свежего порядочного человека. Сменить же полковника Балаховича, пока я не мог ввести в Псков дисциплинированных воинских частей, я не решался, боясь немедленного ухода эстонских частей.

Владычество партизан в Пскове и грабежи эстонцев постепенно сказались и на настроении населения: население, еще так недавно восторженно встречавшее и тех и других, недоумевало и начинало роптать. Ко мне со всех сторон стали поступать жалобы на действия почти всех чинов корпуса. Много псковских жителей, неизвестно почему, сидело по тюрьмам. Меры надо было принимать срочные и энергичные.

Через несколько дней после назначения генерала Арсеньева я поехал в Псков, где лично освободил из тюрьмы многих заключенных, содержавшихся неизвестно за что. Положение генерала Арсеньева было тяжелое, и видно было, что в корпусе своем он совсем не был уверен, так как поддержки пока ни в ком не чувствовал. Эстонские части, разграбившие город еще при его взятии, продолжали грабить его и его окрестности еще и теперь и благодаря дружбе с Балаховичем делали все, что им было угодно: отбирали у крестьян лошадей и скот и угоняли их в Эстонию,

забирали последний фураж и хлеб. Дабы прекратить эти безобразия и дать генералу Арсеньеву прочную опору для переформирования корпуса, я, переговорив с ним, решил ввести при первой возможности в Псков части корпуса генерала графа Палена, дисциплинированные и надежные. Исполнить это было тем более просто, что, ознакомившись подробно с положением на Псковском фронте, я решил перенести весь центр тяжести обороны в Псков, так как на Северном фронте мы неминуемо должны были отойти, ввиду того что большевики все подвозили подкрепления, а амуниция и снаряжение к нам все не прибывали и английский флот упорно не желал не только нас поддерживать, но даже и держать с нами связь.

Вернувшись из Пскова в Нарву, я получил известие, что большевики повели упорные атаки на Псков; через день они подошли к реке Кепь, но благодаря приходу эстонских бронированных поездов и своевременной поддержке эстонской дивизии нам удалось перейти в контрнаступление и отбросить противника с большими для него потерями, причем подполковник Балахович, брат «батьки», выказал свою кипучую энергию, и части его захватили батарею противника, пулеметы и много пленных. Генерал Арсеньев просил произвести полковника Балаховича в генерал-майоры. С одной стороны, я ничего не имел против этого производства, так как надеялся, что оно сломит его честолюбие, вместе с тем, однако, я решил, что это будет последняя моя проба, после которой буду по отношению к нему действовать строго. Вскоре я произвел его в генерал-майоры. Между тем число поклонников Балаховича, благодаря его личным действиям и действиям его партизан, с каждым днем уменьшалось, а ропот против этих действий возрастал, и необходимость покончить с партизанщиной и связанными с нею приемами становилась все настоятельнее.

С приездом генерала Арсеньева и по сформировании корпуса Северный корпус переименовался снова в Северную армию. Вскоре я получил от английского генерала Гофа просьбу не называть нашу армию Северной, а, в отличие от Северной армии, действовавшей у Архангельска, именовать ее Северо-Западной, что и было немедленно исполнено.

Дня через два после моего возвращения приехал в Нарву генерал Юденич со своим штабом, расположившимся невдалеке от моего. Я доложил генералу Юденичу мои планы на будущее, высказав мнение, что, во-первых, необходимо покончить с партизанами и всю армию привести к регулярному виду, во-вторых, что самому генералу с его штабом надо поместиться в Пскове, не в Нарве, и, в-третьих, что центр обороны надо

перенести в Псков, ввиду того что на Ямбургском фронте на ныне занимаемых позициях нам удержаться все равно не удастся, так как войска чрезвычайно утомлены, и отвести на отдых хотя бы часть войск просто для них необходимо, чтобы дать возможность частям пополниться и немного обучиться. При нашем неизбежном отходе я настаивал на необходимости сосредоточить всю армию в районе Пскова, а ни в коем случае не пытаться удержать Ямбург, так как армии пришлось бы занять неудобные для обороны позиции в болотах, а также потому, что оборона города лишила бы армию возможности маневрировать; опыт же гражданской войны показал, что весь залог успеха именно в искусном маневрировании и в сохранении за собой инициативы. Генерал Юденич обещал обдумать мой доклад и дать мне ответ, но ответа я ждал напрасно, и вопрос о сосредоточении армии вокруг Пскова так и заглох, несмотря на то что я неоднократно и настойчиво к нему возвращался.

Появление штаба Главнокомандующего сейчас же отразилось на работе и функциях моего штаба. Через несколько дней генерал Юденич объявил мне, что тыл армии он берет в ведение своего штаба, чему я был действительно рад: это избавило меня от лишней, весьма неблагодарной работы. Генерала Крузенштерна Главнокомандующий назначил в свое распоряжение.

С постоянными разъездами мне сплошь и рядом приходилось работать по 18–20 часов в сутки. Армия разрасталась, операции принимали более сложный характер, и начальнику моего штаба полковнику Зейдлицу становилось трудно справляться с его задачей, тем более что и он, и его помощники были строевые офицеры, со службой Генерального штаба мало знакомые. Я обратился к Главнокомандующему с ходатайством уступить мне кого-либо из офицеров Генерального штаба, бывших в его распоряжении, но получил отказ. В это время в Нарву приехал бывший командующий Северным корпусом Генерального штаба генерал Вандам, которому я и предложил быть начальником штаба армии, полковник же Зейдлиц был назначен исполняющим должность генерал-квартирмейстера.

Через некоторое время между штабом Главнокомандующего и моим началась явная вражда. Постепенно один за другим отделы управления стали переходить из моего ведения в ведение штаба Главнокомандующего; я и мой штаб узнавали об этих новых распоряжениях только из приказов Главнокомандующего, точно так же, как и о назначениях тех или иных офицеров армии на различные штабные и тыловые должности. Такое отношение было недопустимо. Я переговорил с генералом Юденичем о недопустимости подобных явлений, указав ему, что если он моей

работой не доволен, то я согласен отказаться от командования армией и занять в ней какое-либо другое, менее высокое положение. Главнокомандующий заверил меня, что весьма ценит мою работу и просит меня оставаться на моем посту. Разговор наш, кроме этих и других ни к чему не обязывающих слов, никаких последствий не имел. Отношения продолжали оставаться по меньшей мере странными; ни в какие свои планы генерал Юденич меня не посвящал, о переговорах своих с представителями Антанты мне ничего не передавал, о том, что делается на других белых фронтах и что так интересовало меня и всю армию, ни генерал, ни его штаб мне никаких сведений не давали. Благодаря этому последнему обстоятельству я был лишен возможности отвечать на вопросы об общем положении, с которыми постоянно обращались ко мне начальники подчиненных мне частей, и в армии создалось впечатление, что с приездом генерала Юденича откровенные и доверчивые отношения между нею и ее командующим, существовавшие до этого времени, прекратились.

Как раз в момент разгара борьбы между штабом моим и Главнокомандующего приехал генерал Малявин, и генерал Вандам просил назначить его генерал-квартирмейстером, а полковника Зейдлица взять в мое распоряжение, что я, с согласия генерала Малявина, и сделал.

* * *

В конце июля красные вновь повели атаки по всему фронту корпуса генерала графа Палена, отодвинули его левый фланг от Капорья и все время пытались его обойти; в то же время они со значительно превосходящими силами обрушились на Колыванский полк (бывший отряд полковника Бадендыка), разбили его и захватили два орудия. Положение делалось серьезным, и явилась необходимость принять какое-нибудь определенное решение. В армии начинало ощущаться общее недовольство тем, что командиров отдельных частей вовсе не посвящали в общие планы и не осведомляли их о том, что делается на других белых фронтах.

Тем временем в Нарву перебралось из Гельсингфорса Политическое Совещание при генерале Юдениче, состоявшее из генерала Кузмина-Караваева, генерала Суворова, г-на Лианозова и г-на Карташева. У генерала Юденича происходили какие-то совещания, на которые ни меня, ни моего начальника штаба не приглашали. Вообще генерал Юденич явно избегал политических

разговоров со мной и упорно отвечал молчанием на те многочисленные вопросы, с которыми я к нему обращался.

Такое положение долго продолжаться не могло, а потому, посоветовавшись с графом Паленом, я созвал совещание всех старших начальников армии, пригласив на него генерала Юденича, начальника 1-й Эстонской дивизии, который не приехал, и английского представителя. Совещание состоялось в штабном вагоне на станции Веймарн; было доложено о положении на фронте и поставлен ясно вопрос, что надлежит дальше предпринять. Многие из присутствующих просили Главнокомандующего (особенно настойчиво полковник Пермикин) высказаться по вопросам, всех интересовавшим и связанным с дальнейшим существованием армии, то есть поделиться его сведениями о положении на Сибирском и Южном фронтах, о прибытии амуниции и снаряжения, об отношении Антанты к нашей армии, о создавшихся отношениях с Эстонией, о дальнейших планах наших и т. п.; всех вопросов я теперь не помню. Генерал Юденич определенных ответов на них не дал и мнения своего о дальнейшей судьбе нашей армии не высказал. В конце заседания я высказался за необходимость в случае дальнейшего наступления противника отойти за Лугу, юго-западнее города Ямбурга, и, прикрываясь рекой, дать войскам отдых; Ямбург же оставить, так как, обороняя его, мы ничего не выиграем, а только напрасно еще более утомим войска и понесем при его защите большие потери. Всю армию необходимо перебросить в район Пскова. Все присутствовавшие со мной согласились, но генерал Юденич своего мнения так и не высказал, и мы разъехались с совещания, не узнав ничего нового и не приняв никакого определенного решения.

Видя, что присутствие генерала Юденича и его штаба в Нарве не отражается благоприятно на жизни армии и никакой пользы ей не приносит, я начал уговаривать генерала Юденича переехать вместе со штабом в Ревель, думая, что благодаря этому и работа моя на фронте облегчится, и дело снабжения и переговоры с эстонцами и союзниками выиграют. После моих долгих разговоров с Главнокомандующим и с начальником его штаба генералом Кондыревым они наконец решили было переехать в Ревель.

Большевики продолжали наступательные действия, и побережье Финского залива было уже не в наших руках; сформировавшиеся крестьяне Сойкинской волости вместе с Ямбургской комендантской командой заняли позиции у Пейпия, но было ясно, что долго продержаться на ней они не смогут. После долгих переговоров с эстонцами и обмена телеграммами с

генералом Лайдонером мне удалось наконец убедить 1-ю Эстонскую дивизию занять позиции между озерами. Наш левый фланг отошел на Котлы. Красные повели значительными силами наступление на правый фланг 1-го корпуса, а неустойчивое положение Колыванского полка могло кончиться крахом для всей армии.

После разоружения, согласно моему приказанию, ингерманландского отряда в Нарве, по желанию эстонского Главнокомандующего и по желанию Английской военной миссии, была составлена для разбора претензий ингерманландцев комиссия из представителей нашей и эстонской армии и ингерманландцев. Комиссия эта решила отправить всех ингерманландцев в Гунгербург для формирования особой части под общим эстонским командованием; эти-то ингерманландские части и заняли теперь между озерами участок; эстонские части заняли позицию в тылу ингерманландцев. Став на позицию, ингерманландцы тотчас же начали заниматься пропагандой, но теперь это меня интересовало уже гораздо меньше, так как пропаганда велась в районе, занятом эстонцами, а не моими войсками, и я приказал отозвать наших комендантов из этого района, ввиду враждебного к ним отношения со стороны эстонцев.

После отъезда генерала Юденича в Ревель вышел приказ Главнокомандующего, согласно которому автомобильная часть армии отходила в ведение штаба Главнокомандующего. На этом основании начальник автомобильной части полковник Федотьев начал чинить всевозможные препятствия в пользовании автомобилями, причем пытался подчинить себе даже мои личные два автомобиля. Приказ этот и способ его применения очень рассердили меня, и я телеграфировал генералу Юденичу, что раз я не могу в командуемой мной армии распоряжаться даже автомобилями, то прошу уволить меня от командования; полковнику же Федотьеву, заведующему автомобилями, я передал, что если он позволит себе чинить хоть какие-либо препятствия в пользовании автомобилями армии, то я завтра же прикажу его арестовать. На следующий день я получил телеграмму Главнокомандующего, вызывавшего меня для личных объяснений в Ревель. Приехав в Ревель, я доложил, в чем дело, генерал Юденич согласился со мной и приказал заведывание автомобилями вернуть в штаб армии. Приезд свой в Ревель я использовал для обстоятельных переговоров с генералом Лайдонером и предоставил ему в письменной форме тот мой план дальнейших действий, который на словах на совещании в Веймарне я раньше уже докладывал генералу Юденичу. Генерал

Лайдонер вполне одобрил этот план, а также согласился с тем, что мне нужно главное внимание обратить на оборону Пскова, и никаких препятствий к оставлению Ямбурга не нашел.

Из Ревеля я прямо, не останавливаясь в Нарве, проехал на Ямбургский фронт, где противник прорвал наши позиции севернее Молосковиц; собрав 3 роты запасного полка и приведя их на фронт, я лично руководил ликвидацией этого прорыва.

После двух бессонных боевых ночей я вернулся в Нарву, где застал генерала Юденича. Я вновь доложил ему, что если в трудные минуты на фронте будут повторяться случаи отбирания каких-либо частей из ведения моего штаба, то я не в состоянии командовать армией. Кроме того, я вновь доложил генералу мой план отхода за Лугу в случае, если большевики будут продолжать наступление. Я доказал ему необходимость установления хороших отношений с эстонцами и безусловного признания независимости Эстонии, а также привлечения в Совещание при Главнокомандующем местных земских деятелей, так как работа настоящего Совещания абсолютно для всех составляет тайну и только порождает нежелательные толки. Генерал Юденич долго колебался и обещал подумать; насчет же общего плана отхода за Лугу он сказал, что отдавать Ямбург в политическом отношении неудобно, после чего стал смотреть на карту и в конце концов заявил, что расстояние от Ямбурга до Петрограда значительно короче расстояния от Пскова до Петрограда. Таким образом, опять никакого определенного ответа мне от Главнокомандующего добиться не удалось.

На следующий день я вместе с генералом Юденичем поехал на правый фланг 1-го корпуса, где мы осмотрели Балтийский полк и части Конно-Егерского полка, готовившиеся для облегчения положения левого фланга 1-й дивизии предпринять под общей командой полковника Вейса наступление.

В это время из Риги прибыл в Нарву отряд светлейшего князя Ливена; пришел он в полном порядке: люди были отлично вооружены и обмундированы в германскую форму и производили великолепное впечатление. Сам начальник этого отряда, князь Ливен, прибыл с последним эшелоном и поселился у меня; он был сильно ранен, еле мог ходить, но, несмотря на это, счел своим долгом лично проводить свой отряд на наш фронт. Из-за раны князя Ливена командовал отрядом подполковник Дыдоров. Одна часть отряда была направлена на правый фланг 1-го корпуса в распоряжение полковника Вейса, а другая – к северу от станции Веймарн на поддержку нашего левого фланга. Разбитый превосходными силами противника Колыванский полк уступил позиции на реке Сабе у Осьминной горы и отошел к озеру Самро,

оставив Сабек в руках у красных. Для того чтобы дать возможность корпусу генерала графа Палена в случае необходимости отойти за реку Лугу, эту местность надо было во что бы то ни стало очистить от красных. В этом и состояла задача группы полковника Вейса, составленной из Конно-Егерского и Балтийского полков и части Ливенского отряда; полковник Вейс, действуя от Поречья и Сумска, должен был двигаться на Устье и на Сабек; генералу Ветренко было приказано своим правым флангом поддержать группу полковника Вейса и занять Устье и Оровку.

К началу этой операции штаб 1-го корпуса перешел на станцию Веймарн, штаб 3-й дивизии на станцию Молосковицы и штаб 2-й дивизии в деревню Волосово. Главнокомандующий опять уехал в Ревель, а я на следующий день выехал на фронт лично руководить этой важной для нас операцией. Несмотря на то что генерал Ветренко почему-то несколько задержался с перегруппировкой, операция благодаря отличной работе Балтийского и Конно-Егерского полков была выполнена блестяще: большевики принуждены были отступить и освободить левый фланг 1-й дивизии; нами были заняты деревни Сабек, Редежи и Хилок и захвачены пленные и пулеметы. Операция эта закончилась 30 июля.

Положение армии на Псковском фронте было настолько прочным, что я мог приказать спешно перебросить в Ямбург Вятский полк[164] и расположить его к югу от станции Молосковицы в деревне Остроговицы. Мне особенно важно было обеспечить правый фланг корпуса графа Палена в случае отхода за реку Лугу. Вернувшись в Нарву, я застал там прибывший из Риги Тульский отряд; пустить его в дело в том виде, в каком он прибыл, не было никакой возможности, а потому я направил его в Гдов и присоединил к запасным частям, находившимся под командой генерала Нефа.

Части дивизии генерала Ярославцева под натиском превосходных сил противника должны были отойти от деревни Котлы, и к 1 августа на Ямбургском фронте мы занимали следующую линию: от Финского залива до озер и междуозерное пространство, по договору с генералом Лайдонером, занимали 1-я Эстонская дивизия и Ингерманландский отряд; между озерами Килли велась только разведка, так как эстонцы этот участок занять не пожелали, а мы, из-за малого количества штыков, занять не могли; эту разведку вели и держали наблюдение комендантская команда города Ямбурга и воз духоплавательный отряд; Килли-Малли – Лялицы – Коложицы – Хотыницы занимала 2-я дивизия; 3-я дивизия занимала позиции от Хотыниц на

Тизенгаузен и к югу до Устья. Группа полковника Вейса занимала Хилок, причем Конно-Егерский полк был снова выделен и стоял в деревне Юхновой.

Как-то вечером, не помню точно какого числа, вызвал меня к себе генерал Юденич и объявил мне, что он подчиняет мне Северо-Западную армию в составе 1-го корпуса и 1-й дивизии, 2-й же корпус[165], генерала Арсеньева, выделяет из состава армии и подчиняет его непосредственно себе. Я долго просил Главнокомандующего не делать этого, так как считал таковое разделение армии вредным для дела и, кроме того, мне хотелось провести те реформы и переформирования, которые я уже наметил и считал необходимыми. С большим трудом удалось мне уговорить его, и в тот же вечер я решил поехать в Псков для переговоров с генералом Арсеньевым и генералом Балаховичем и для окончательного решения вопроса о переформировании партизанских отрядов в полки. Перед отъездом я окончательно уговорился с генералом графом Паленом, что в случае нажима противника он, несмотря на непременное желание Главнокомандующего оборонять Ямбург во что бы то ни стало, отойдет на юг и перейдет через реку Лугу, где и задержится, прикрываясь этой рекой. Возможность нажима большевиков была более чем вероятна, так как им не трудно было обойти по лесу у Килли наш левый фланг и выкатиться нам в тыл. Несколько попыток такого обхода были нами ликвидированы, причем я лично руководил этими операциями, но большевики все подвозили резервы, нам же заткнуть дыру между озерами и Килли, как я уже говорил, было совершенно нечем. Перед отъездом я отдал приказание эвакуировать Ямбург и все железнодорожные станции на этой линии.

На Псковском фронте 2-й корпус, для облегчения положения 1-й дивизии, перешел в наступление и части его заняли Струги Белые и подходили к Острову и Порхову; 1-я дивизия заняла линию от Струги Белые – озеро Сяберское – деревня Малый Хилок. Переговорив с генералом Арсеньевым и начальниками отдельных частей 2-го корпуса, я убедился, что отношение всего корпуса к генералу Балаховичу и полковнику Стоякину стало определенно отрицательным ввиду их партизанских наклонностей, проявлявшихся в открытом грабеже, и чрезмерной дружбы с эстонцами. Но положение генерала Арсеньева было все же неустойчивым, и я условился с ним, что если 1-му корпусу придется отойти за Лугу, то я пришлю ему Талабский, Конно-Егерский и еще какой-нибудь полк, чтобы он мог более спокойно, не считаясь с генералом Балаховичем и имея в своем распоряжении дисциплинированные части, приступить к

переформированию своего корпуса. Отношение к генералу Балаховичу в частях 1-го корпуса и 1-й дивизии тоже стало отрицательным; падению его популярности сильно способствовало то, что многие солдаты, псковские уроженцы, побывав у себя на родине, сами увидели, какие порядки завел там Балахович со своими партизанами.

С генералом Арсеньевым мы выработали план сосредоточения всей армии в районе Пскова. Генерал Арсеньев в этом отношении вполне соглашался с моим планом действий.

Уезжая из Пскова, я получил донесение, что 1-й корпус оставил свои позиции и, согласно заранее намеченному мною плану, стал отходить за Лугу. Таким образом, часть удара большевиков передавалась на свежие эстонские войска, а мы переходили в район, прикрытый рекой Лугой, что давало нам возможность спокойно маневрировать, оправиться и выделить необходимые резервы.

Возвращаясь через Гдов, я узнал, что Главнокомандующий приказал Тульскому отряду двинуться в Нарву для защиты Ямбурга. Эшелон был готов к отправке. Переговорив с офицерами и солдатами, я пришел к убеждению, что посылать эту публику – совершенно напрасный труд, тем более что при отходе корпуса графа Палена и нежелании эстонцев действовать активно и нести потери Ямбург удержать все равно невозможно. Отменить распоряжение Главнокомандующего я не считал себя вправе, и эшелон из 600 тульцев был отправлен.

Посмотрев запасные части и город, я приказал полковнику Саламанову из комендантской дружины сформировать полк и навести в городе более строгий военный порядок.

Приехав в Нарву, я встретил по дороге генерала Юденича, который отправлялся на автомобиле на вокзал встречать Тульский отряд; я остановил автомобиль и доложил ему о том отрицательном отношении, которое произвел на меня этот отряд.

За несколько дней до отхода 1-го корпуса за реку Лугу пришла из Англии первая партия обмундирования; в самый же день отхода пришли танки, винтовки и орудия; на разгрузку и доставку на фронт уходило много времени, и быстро применить все полученное не представлялось возможным; весьма вероятно, что, если бы транспорты эти не запоздали бы так сильно, операции наши развернулись бы несколько иначе. Когда Главнокомандующий вернулся с вокзала, я ему вновь доложил, что не вижу никакого смысла в посылке тульцев, так как Ямбург все равно не удержать, а новые сапоги, которые тульцам были выданы по приказанию Главнокомандующего, наверняка убегут к большевикам. Но генерал Юденич продолжал настаивать на

защите Ямбурга и, кроме Тульского отряда, направил туда морскую роту. Видя, что мне не удастся переубедить Главнокомандующего, я решил лично поехать в Ямбург руководить этой операцией. Начальником обороны города Ямбурга, как старший, являлся полковник Бибиков. И город, и железнодорожная станция уже были эвакуированы. Я приказал последние составы перебросить через Лугу и приготовить мост к взрыву.

Генерал Юденич, наоборот, настаивал на непременном сохранении моста. Убедившись на месте, что ранее принятое мною решение было совершенно правильное, я приказал полковнику Бибикову отходить не принимая боя. Рано утром 4 августа, приказав своему поезду уйти из Ямбурга за мост, я вышел на станции Ямбург и пошел вместе с полковником Бибиковым к нему в дом. При первом появлении противника гарнизон должен был начать отходить без боя, против же появления неприятельских бронемашин на Петроградском шоссе я приказал полковнику Бибикову принять необходимые меры; на это полковник Бибиков доложил мне, что меры им уже приняты, но благодаря тому, что у него части собрались случайные и мало надежные, приказание его исполнено не было. Не успели мы с ним переговорить, как в городе началась стрельба; оказалось, что неприятельский броневик проник в город и обстреливает наши отступающие части. Часть Тульского отряда при появлении броневиков разбежалась, другая часть вместе с комендантской командой Ливенского отряда переправилась на левый берег Луги. Морская рота, стоявшая на левом фланге, уже не могла пройти через город и пыталась переправиться через реку несколько севернее его, но здесь, по невыясненным причинам, ее обстреляли эстонцы; из роты спаслось всего лишь 15 человек, все остальные вместе с офицерами попали в руки большевиков или утонули в реке. Таким образом, эти мало обстрелянные и мало боеспособные части погибли, не принеся абсолютно никакой пользы.

Перейдя пешком через мост, я вскоре уехал в Нарву, приказав полковнику Бибикову в случае дальнейшего нажима большевиков отходить на деревню Монастырек. Полковник Бибиков продержался на левом берегу Луги еще 2 дня, причем случилось то, что я и ожидал: эстонцы начали грабить наши отходящие обозы. Отход наш с Ямбургских позиций был совершен 1-м корпусом блестяще, в полном порядке, и корпус не потерял ни одного пулемета, ни одной повозки.

Ямбургский мост был взорван эстонцами, что, по моему мнению, было правильно, так как в противном случае броневик

противника своей сильной артиллерией мог бы способствовать успеху на левом берегу Луги и неизвестно, удержалась ли бы 1-я Эстонская дивизия, тем более что настроение, особенно в 4-м Эстонском полку, было далеко не боевое. Полк этот состоял наполовину из большевиков и гораздо охотнее грабил наши обозы, чем сражался на фронте. Эстонцы начали сражаться серьезно только после того, как часть 1-го полка, перейдя к большевикам, выдала им своих белых, которые и были мученически убиты; трупы этих несчастных эстонцы нашли во время одного из своих последующих наступлений.

Отходом 1-го корпуса от Ямбурга было достигнуто то, что наши части совершенно изолировались от эстонских, что являлось весьма желательным, так как благодаря прессе и агитации большевиков отношения эстонцев к нам настолько ухудшились, что при соприкосновении частей стали происходить столкновения, а в Нарве со стороны эстонцев начали иметь место различные эксцессы: срезали погоны, кокарды, избивали офицеров и солдат и т. п.; на все мои протесты эстонские власти отвечали, правда извиняясь, что они бессильны бороться с этими явлениями. При отходе же за Лугу между нашими и эстонскими частями оказалось непроходимое болото, что гарантировало от нежелательных столкновений хотя бы на фронте. Эстонские войска заняли заранее укрепленные позиции впереди Дубровки, на реке Луге, впереди деревни Глубокой и между озерами и до Финского залива.

Таким образом, 1-й корпус 3 августа после 3-месячных беспрерывных боев, во много раз увеличившись в своем составе, захватив огромную военную добычу, свыше 700 вагонов и 22 паровозов, отошел без всяких потерь за реку Лугу и, прикрываясь ею, смог выделить в первый раз за 3 месяца резервы и хоть немного отдохнуть.

* * *

Главную роль в отдаче города Ямбурга сыграло нежелание эстонцев поддержать корпус графа Палена, прикрыв его левый фланг; когда же мы отошли за реку Лугу и очистили Ямбург, заставив, таким образом, эстонцев волей-неволей принять часть удара на себя, – они озлобились и начали вести против Северо-Западной армии агитацию, уверяя между прочим, что армия или, вернее, 1-й ее корпус разбит и потерял все орудия. На самом деле, как я и говорил выше, было как раз наоборот – корпус не только ничего не потерял, но увеличился во много раз – артиллерия, например, увеличилась более чем в 10 раз. Настроение солдат благодаря нежелательному для войск отходу действительно было несколько пониженное, но не унылое и не тревожное.

Отходом за Лугу заканчивается первый период нашего наступления, период, в который мы не получали ниоткуда помощи, не имели ни сапог, ни шинелей, а снаряды и патроны брали с боя у противника. За этот период времени мы захватили количество пленных, во много раз превосходящее нашу собственную численность, и массу различной военной добычи.

В самый момент отхода, как я уже говорил, в Ревель прибыли пароходы с танками и снаряжением, и с прибытием этих пароходов началась новая эра в жизни Северо-Западной армии. В первых числах августа прибыли деньги, вернее, казначейские знаки генерала Юденича. Благодаря всему этому появилась надежда на улучшение довольствия армии и на возможность переформирования ее. В тылу армии необходимо было произвести основательные реформы и подобрать более энергичных и честных работников.

Гражданская часть, которая от меня совершенно отошла и более меня не касалась, кое-как действовала. Главноначальствующим гражданской частью был назначен г-н Александров[166], гражданским губернатором Петроградской губернии – граф Беннигсен[167], псковским губернатором, после удаления г-на Иванова, барон Крюденер-Струве[168]. В Пскове начали функционировать губернская и уездная земские управы, городская дума и другие городские и земские учреждения. Всю эту сложную машину управления надо было наладить и пустить в ход. Необходимо было подобрать людей и заменить очень многих из волостных комендантов, оказавшихся весьма неудачными и вносящими скорее дезорганизацию, чем порядок в ближайший

тыл армии. Напоминаю еще раз, что когда началась первая операция на Петроградском направлении, то ни я, ни кто другой не имели в виду ни занятия Петрограда, ни даже занятия Пскова, а лишь расширение плацдарма для формирований и для дальнейших действий на Петроград; этим в значительной степени объяснялось то обстоятельство, что не было подготовлено достаточных сил для гражданского управления тылом армии. Блестящие успехи, достигнутые корпусом, захватили тыл врасплох. Впрочем, даже если бы корпус и желал приготовиться заранее к занятию столь значительной территории и наладить аппарат управления тыла, он вряд ли был бы в состоянии это сделать из-за отсутствия действительно честных и желающих принести пользу Родине должностных лиц.

Все мало-мальски боеспособное население было на фронте, а из Финляндии генерал Юденич, несмотря на все наши просьбы, не только никого не присылал, но даже запрещал отъезд офицеров, желающих ехать за собственный страх и риск. Гражданские лица, которые могли бы принести большую пользу в тылу, надеясь, должно быть, въехать в Петроград после того, как мы исполним всю черную работу, шли к нам неохотно и относились к нам плохо из-за генерала Юденича, который отзывался о корпусе весьма нелестно, называя нас, не знаю на каком основании, – шайкой разбойников и авантюристов. Плохое отношение эстонцев, особенно испортившееся после Рижского наступления и прилета аэропланов, тоже ставило армию в тяжелое положение. Полное отсутствие денег заставило многих командиров не стесняться в выборе средств для добывания пропитания, фуража и обмундирования для их отрядов. При движении вперед мы не только не могли обеспечивать продовольствием население, что было совершенно необходимо, а поневоле сами пользовались местными средствами, часто отбирая у населения последнее, что, конечно, не могло его не восстанавливать против нас. Прибытие американской муки и сала, конечно, очень облегчило наше положение, но все же не разрешило вполне продовольственного вопроса, во-первых, потому, что для снабжения населения продовольствием припасов присылалось слишком мало, а во-вторых, потому, что цены на них были слишком высокие. Для населения же цены на продукты были еще выше, так как приходилось таким образом изыскивать хоть какие-нибудь средства для армии. Партизанские действия отряда полковника Балаховича в районе Пскова навели ужас на население. Эстонцы тоже не стеснялись с русским населением и грабили его как могли. Все это не шло на пользу белому делу и ставило армию в очень тяжелые условия. Надо удивляться, как

при отступлении не развалилась вся организация, что я объясняю отличным порядком и дисциплиной в корпусе графа Палена и в 1-й дивизии. Неопределенность Главнокомандующего, полное незнание планов его и находившегося при нем Совещания, неясность их политической физиономии и их стремлений, совершенная неосведомленность в том, что делалось на других белых фронтах и в Европе, приводили нас, начавших борьбу с большевиками на свой страх и риск, в недоумение, и только искреннее желание помочь своей несчастной Родине давало силы более энергичным и твердым людям продолжать начатое дело. Меня, как руководителя всей операции, в особенно тяжелое положение ставило постоянное неисполнение обещаний со стороны английских представителей, все время ставивших точные сроки для прибытия материальной помощи, но никогда их не соблюдавших. Прибытие хорошо обмундированных немцами ливенцев только усилило недоверие к обещаниям англичан и ропот в армии против них.

Для разрешения всех накопившихся за время боев вопросов после отступления от Ямбурга я приказал начальникам отдельных частей собраться на совещание в деревню Гостицы. На совещании этом присутствовал и начальник штаба армии генерал Вандам; были высказаны в 14 пунктах следующие пожелания:

1) взять Лугу для движения на Петроград,

2) основаться в Пскове, для чего привести Псков в оборонительное состояние и обеспечить подвоз через Ревель и Ригу,

3) добыть на 100 000 человек снаряжение и продовольствие, зимнее и летнее обмундирование и технические средства,

4) перенести Совещание при Главнокомандующем в русский город Псков,

5) урегулировать денежный вопрос,

6) выяснить взаимоотношения с союзниками, эстонцами, латышами, финнами и т. д. и с адмиралом Колчаком и генералом Деникиным,

7) создать примирительную Комиссию Союзников,

8) установить гарантии в случае неудачи; обеспечить возможность вывода войск на другой фронт,

9) урегулировать вопрос Балтийского полка с эстонцами,

10) выяснить требования союзников,

11) выяснить причины разоружения эстонцами наших отступающих частей,

12) урегулировать офицерский вопрос,

13) ввести в Совещание при Главнокомандующем местный элемент,

14) уничтожить партизанщину.

Пожелания эти в обширном докладе были мною представлены генералу Юденичу, но ответа на них, как всегда, не последовало. Кроме этих пожеланий, я представил Главнокомандующему подробный письменный доклад с оперативным планом дальнейших наших действий. План заключался в следующем: отдав Ямбург, перебросить все части армии под Псков, укрепить этот город и привести армию в порядок, после чего расширить занимаемую территорию и подготовиться к вторичному наступлению на Петроград. При этом мною указывалось, что действие на Петроград по кратчайшему расстоянию от Ямбурга не является правильным и вряд ли будет иметь успех, так как на этом направлении наша малочисленная и плохо снабженная армия встретится со многими техническими препятствиями: флотом, Красной Горкой, укрепленными позициями под Гатчиной, к которым противник сможет в любой момент подвезти подкрепления, пользуясь хорошо развитым железнодорожным узлом, находящимся у него в тылу. Кроме того, я указывал Главнокомандующему на то, что население на этом направлении не густое, но испорченное соседством столичных фабрик и заводов, и чем ближе к Петрограду, тем хуже оно к нам расположено, а также на мое полное недоверие к поддержке английского флота, командующий которого упорно не желает поддерживать с нами связи и ограничивается связью с командиром Эстонской флотилии адмиралом Питка, нигде ранее не служившим на военной службе. Все эти соображения подсказывали мне необходимость изменить направление. Более подробно мой план заключался в следующем: оставив Ямбург, передать, с согласия эстонского Главнокомандующего генерала Лайдонера, оборону города Нарвы и реки Плюссы эстонцам и сосредоточить всю армию у Пскова; благодаря тому обстоятельству, что флотилия Чудского озера вся находилась в эстонских и наших руках, наш левый фланг был бы ненадежно обеспечен, тем более что вряд ли большевики решились бы занять Гдовский уезд, болотистый и удаленный от железной дороги. Правый фланг я рассчитывал упереть в эстонские войска у реки Великой, построить впереди Пскова 3 или 4 ряда укрепленных позиций, закончить в запасных полках обучение мобилизованных, а также перешедших к нам красных и влить их в полки, после чего расширить плацдарм и, прикрывая правый фланг болотами, рекой Великой и рекой Соротью, двинуться в Новгородскую губернию, уперев правый фланг в озеро Ильмень и реку Волхов, занять Новгород. Затем в случае удачи действовать далее на станции Чудово, прикрываясь рекой

Волковым на Ладожское озеро. Левый фланг я рассчитывал выдвинуть к реке Луге, занять город Лугу и прикрыть его реками Лугой и Оредежом; фланговые отряды должны были в случае нужды взорвать все мосты и, маневрируя небольшими группами, препятствовать попыткам противника обойти наши фланги; развитая сеть Псковского и шоссейного узла дала бы возможность работать с танками и бронированными машинами в разных направлениях. При наступлении в этом направлении нам пришлось бы действовать в южной части Псковской губернии, в Новгородской и в части Витебской губернии, где партизанские отряды Балаховича еще не действовали и население ожидало нас с нетерпением. Население в этой местности очень густое, что дало бы нам возможность пополниться охотниками и произвести мобилизацию; земельные запашки здесь сравнительно велики, и урожай был в этом году великолепный, так что при движении по этому направлению не только отпадал вопрос о прокормлении населения, но, наоборот, армия могла рассчитывать получить от него кое-какие продукты. Далее в своем докладе Главнокомандующему я указывал, что при движении непосредственно на Гатчину нам вновь придется столкнуться с Красной Горкой, которая теперь большевиками, конечно, вновь укреплена и снабжена более надежным гарнизоном. Мечтать же о переходе флота и Кронштадта на нашу сторону теперь нет никакого основания. В случае же, если мы не будем в состоянии подвезти населению Петрограда достаточного количества продовольствия, хороших результатов от наступления ждать нельзя, подвезти же продовольствие мы вряд ли сможем, так как мост у Ямбурга взорван, и вообще эта линия железной дороги в состоянии обслуживать только армию. Левый фланг наш все время будет находиться под страхом удара, так как Кронштадт взять мы не сможем. При движении же вперед пополниться нам не удастся, так как в этой местности мобилизация была уже произведена и, кроме того, население сравнительно редкое. В случае же удачи мы должны будем ослабить нашу немногочисленную армию выделением гарнизонов для лежащих на пути Ораниенбаума, Петергофа, Гатчины, Царского Села и Колпина и из-за этого подойдем к Петрограду с таким малым количеством штыков, что не сможем уже его занять; ждать же поддержки и особого сочувствия от фабричного населения Петрограда невозможно. Общий вывод был следующий: если даже нам удастся войти в Петроград, что на основании всего вышеизложенного я считал маловероятным, мы не сможем его удержать, тем более что большевики, конечно, подвезут подкрепления. Главным же преимуществом при наступлении на

Чудово – Ладожское озеро была возможность отхватить вместе с Петроградом значительную область для прокормления Петрограда, пока не падет Кронштадт и не явится возможность подвезти продовольствие для населения на пароходах. Без занятия Кронштадта мы никак не сможем подвезти продовольствие для 700 тысяч городского населения, и наступление наше в этом направлении все-таки должно кончиться крахом. Генерал Юденич внимательно выслушал мой доклад, долго смотрел на карту и сказал то же, что и в первый раз: «А все-таки от Ямбурга до Петрограда ближе, чем от Пскова». Конечно, против такого аргумента спорить было трудно. Само собой, о плане моем знали и начальник штаба генерал Вандам, и генерал-квартирмейстер генерал Малявин – этот последний вполне разделял мою точку зрения. Забыл сказать еще о том, что Псков давал необходимые казармы, лазареты и помещения для складов, а наш подвижной состав с таким же успехом мог снабжать армию в Пскове, как и в Ямбурге. Кроме того, и с нравственной, так сказать, точки зрения, Псков – чисто русский исторический город, полный памятников славной старины, являлся великолепным пунктом для движения, имеющего своей целью освобождение русской столицы.

Я долго уговаривал Главнокомандующего перевезти свой штаб в Псков, на что он в конце концов согласился, но на все другие пункты моего доклада он так и не дал никакого ответа, приказав только образовать комиссию для проверки документов офицеров, проживавших в Нарве и в Ревеле, и для отправки их на фронт.

К 5 августа части 1-го корпуса заняли фронт по рекам Луге и Сабе от деревни Кленно до Саберского озера; от Саберского озера до Стругов Белых стояла 1-я дивизия с Конным полком Балаховича. От Стругов Белых до левого фланга эстонцев – части 2-го корпуса вместе с вкрапленными в них эстонскими частями. Между Кленно и мызой Прилуги стоял Балтийский полк, державший связь с правым флангом 1-й Эстонской дивизии и занимавший фронт мимо Дубровки западнее Ямбурга.

На Псковском фронте попытки большевиков к наступлению были еще раз удачно отражены, и части 2-го корпуса, перейдя в наступление, совместно с эстонцами заняли Владимирский лагерь и подходили к Острову и к Порхову.

Проехав в Псков и объезжая части, я вновь убедился в том, что недовольство войск и населения действиями генерала Балаховича и его партизан все росло. Начальники отдельных частей обвиняли в творимых безобразиях не столько самого Балаховича, сколько полковника Стоякина и других лиц, его

окружавших. Не только мое личное мнение, но, насколько я могу судить, и мнение всех людей, веривших в успех русского дела, сводилось к тому, что для очистки псковской атмосферы надо действовать быстро и решительно. Из разговоров с генералом Арсеньевым я выяснил, что сам он сделать что-либо в этом направлении не в состоянии, и необходимо прислать ему вооруженную силу извне, силу, которая, как я уже говорил, не была бы заражена партизанщиной; таковой силой являлись только полки корпуса графа Палена. Эстонские части, находившиеся на Псковском фронте, были весьма ненадежны; двинулись они вперед лишь для того, чтобы грабить русское население; само эстонское правительство на это частичное наступление смотрело как на способ добыть лен, который вывозился в Эстонию большими партиями; для вывоза его прицеплялись товарные вагоны к эстонским бронированным поездам. С этим злом, не имея вполне верных штыков, генерал Арсеньев тоже не был в состоянии бороться из опасения серьезных конфликтов с эстонским командованием и с Балаховичем. Доводить дело до конфликта я пока ни в коем случае не мог, так как держать Псков без помощи эстонцев армия была не в состоянии. Настроение эстонских солдат и в смысле большевизма, и в смысле отношения к нам было нехорошее; они, в сущности, своим поведением мало чем отличались от большевиков, но приходилось все это терпеть.

Вернувшись из Пскова, я доложил мои впечатления и убеждение в необходимости принятия энергичных мер генералу Юденичу, но он никакого ответа мне не дал. Вечером, уже после доклада генералу Юденичу, я получил точные данные, что в Пскове генералом Балаховичем и его ближайшими помощниками печатаются фальшивые керенки. Я немедленно вновь отправился к Главнокомандующему и в категорической форме потребовал отрешения генерала Балаховича от должности и назначения следствия. На назначение следствия генерал Юденич согласился, но в отрешении от должности отказал. Тогда я сказал, что прошу 2-й корпус из моего подчинения изъять, так как считаю дальнейшее командование им для себя неудобным, на что генерал Юденич согласился. По дополнительно полученным сведениям, Балахович, Стоякин и г-н Иванов продолжали свою изменническую политику с эстонцами и, по-видимому, подготовляли какой-то решительный шаг; велись у них какие-то переговоры и с англичанами. Надо заметить, что около 10 августа приехал на фронт английский генерал Марч. Вместе с генералом Юденичем он должен был поехать в штаб 1-го корпуса в село Валово, где в это время находился я и где для их встречи были

собраны все начальники отдельных частей армии (в Северо-Западную армию, командуемую мною, в это время входил 1-й корпус и 1-я дивизия; 2-й же корпус получил наименование Отдельного). Из-за плохой дороги Главнокомандующий и генерал Марч до Валова не доехали, и генерал Марч один проехал в Псков. Прождав их приезда до самого вечера, я вернулся в Нарву и на следующий день узнал, что в Пскове генерал Марч с командиром корпуса генералом Арсеньевым совсем не говорил, а был очень любезен с генералом Балаховичем. Это подтвердило полученное мною донесение о том, что эстонцы и г-н Иванов стараются провести Балаховича на должность Главнокомандующего.

Корпус генерала графа Палена, выйдя из-под удара большевиков, пополнялся, обучался и ждал обмундирования. Явилась возможность выделить небольшие резервы. Бои шли только на левом фланге корпуса, на участке Ливенской дивизии, где большевики заняли было мызу Прилугу, но комбинированными действиями ливенцев и балтийцев были отогнаны, и Прилуга осталась в руках Балтийского полка. На остальном фронте корпуса, так же как и на фронте 1-й дивизии, было сравнительно спокойно.

11 августа я был вызван Главнокомандующим, который сообщил мне, что подполковник Крузенштерн донес ему из Ревеля о назначении, по почину генерала Марча, Северо-Западного русского правительства. Я советовал генералу Юденичу немедленно выехать в Ревель, чтобы самому выяснить, в чем дело, но он почему-то медлил. На следующее утро в штабе Главнокомандующего было собрано совещание из высших чинов штаба, на которое был приглашен и я со своим штабом; на совещании этом было высказано пожелание, чтобы генерал Юденич немедленно выехал в Ревель для принятия того или иного решения. На совещании было также получено известие, что назавтра генерал Булак-Балахович вызван генералом Марчем к завтраку на английский крейсер в Ревель, что подтверждало полученные мною ранее сведения о его происках. Генерал Юденич согласился с необходимостью поездки и пригласил меня ему сопутствовать.

Описывать то, что произошло в Ревеле, я здесь не буду: оно вполне точно и определенно описано в книге Кузьмина-Караваева, Карташева и Суворова «Образование Северо-Западного правительства».

Добавлю только, что эстонцы уже давно хотели образовать для областей, занятых русскими войсками, правительство, которое, по их плану, должно было состоять из людей, охотно

признающих самостоятельность Эстонии. Руководил ими в этом желании, по-видимому, прежде всего страх, что наша армия, усилившись, откажется от признания их самостоятельности. Немалую роль сыграл в этом деле и г-н Иванов. Когда 13-го рано утром мы приехали в Ревель, он явился ко мне в купе и просил меня поддержать его кандидатуру на пост премьер-министра, указывая на то, что он на этом посту будет особенно полезен русскому делу как человек энергичный, находящийся в отличных отношениях с эстонским правительством и командованием и лучше, чем кто-либо другой, знающий местные условия; кроме того, он предлагал мне примирить меня с Булак-Балаховичем; я ответил ему, что с фальшивомонетчиками и мерзавцами я никакого дела иметь не желаю, и не только не буду поддерживать его и Балаховича перед англичанами, но немедленно поеду к генералу Марчу и передам ему все дело о печатании фальшивых керенок.

По дороге я советовал генералу Юденичу не соглашаться на сформирование Северо-Западного правительства, считая его не только лишним, но и вредным для дела и полагая, что в случае отказа генерала Юденича предложение генерала Марча не может осуществиться. Однако, когда мы приехали в Ревель, оказалось, что правительство уже сформировано; генерал Юденич с этим фактом примирился.

Немедленно по приезде я отправился, с разрешения генерала Юденича, к генералу Марчу и в очень решительной форме заявил ему, что я и командуемая мною армия не потерпим дальнейшего пребывания на ответственной должности генерала Балаховича, и рассказал о печатании фальшивых денег. Генерал Марч несколько смутился. Относительно создания Северо-Западного правительства генерал Марч сказал мне, что союзники имеют в виду проведение в русскую жизнь демократических начал и что для этой цели он решил сформировать демократическое правительство для Северо-Западной области России. От генерала Марча я поехал к генералу Лайдонеру, которому передал то же, что и генералу Марчу. На вопрос мой, как бы он поступил на моем месте, генерал Лайдонер ответил, что с фальшивомонетчиками дела иметь, конечно, нельзя. С переводом всей Северо-Западной армии в район Пскова и вообще с оперативным планом моим эстонский Главнокомандующий опять вполне согласился.

Вернувшись к себе в гостиницу, я вместе с генералом Вандамом, также приехавшим в Ревель, выработал текст заявления Северо-Западному правительству, смысл которого заключался в том, что армия всецело поддерживает генерала

Юденича и всячески будет противодействовать вмешательству правительства в чисто военные дела. На следующий день я просил разрешения прибыть на заседание Северо-Западного правительства, где и прочел это заявление, которое должно было вполне удовлетворить Главнокомандующего, так как в моем лице он получил верную поддержку всей армии, а на всех остальных членов правительства оно подействовало, по-видимо-му, как холодный душ.

В тот же вечер я вернулся в Нарву и приступил к окончательному осуществлению задуманного мною плана реорганизации и пополнения армии. Я приказал вновь произвести дополнительную мобилизацию в Гдовском и Псковском уездах и решил довести количество штыков в дивизии до максимума. Дошедшие до нас известия о победах генерала Деникина и быстром продвижении его вперед вызвали большой подъем в полках и в населении. Пришли также сведения об улучшении положения на фронте адмирала Колчака и о переходе его в наступление.

Через два дня после возвращения моего из Ревеля я получил телеграмму от генерала Юденича о том, что генерал Арсеньев от командования корпусом отрешается и вместо него назначается генерал Булак-Балахович. Известие это произвело весьма неприятное впечатление как на меня, так и на тех старших чинов армии, которым я, конечно, его немедленно сообщил. Для того чтобы выяснить создавшееся положение, я вызвал в Нарву на совещание начальников частей. На следующий день из Пскова приехал генерал Арсеньев и из Ревеля вернулся генерал Юденич. Ознакомившись со всеми последними проделками Балаховича, и прежде всего с печатанием им фальшивых денег, собрание единогласно решило, что немедленно же нужно покончить с Балаховичем и со всеми лицами, его окружающими, предав их суду, так как они не могут быть более терпимы в рядах армии, а также ни в коем случае не соглашаться на назначение его командиром корпуса и категорически требовать возвращения генерала Арсеньева. Кроме этого частного вопроса, обсуждался на собрании вопрос и об обороне Пскова, и единогласно было решено, что Псков ни в коем случае отдавать нельзя. Все присутствующие просили генерала Юденича прибыть на собрание. Генерал прибыл, и высказанные собранием пожелания были им одобрены. Переговорив с генералами графом Паленом и Арсеньевым, я приказал отправить в Псков под командой полковника Пермикина отряд в составе Талабского, Семеновского и Конно-Егерского полков и двух бронемашин для усиления его обороны, а также для ареста некоторых, заранее намеченных,

определенно вредных лиц. Под отряд были поданы железнодорожные составы, и переброска должна была начаться на следующий же день. Для окончательных переговоров с графом Паленом и полковником Пермикиным о предстоящих операциях я выехал в штаб 1-го корпуса в Валово. На фронте в это время было сравнительное затишье, и переброска отряда произошла без ущерба для боевых действий.

На следующий день, вернувшись в Нарву, я получил от полковника Пермикина донесение о том, что генерал Балахович и еще несколько лиц арестованы, но несколько менее значительных лиц скрылось, а полковник Стоякин убит при попытке к побегу из-под ареста. Дополнительно было сообщено, что генерал Балахович обманул прапорщика графа Шувалова[169], надзору которого он был поручен, и, нарушив офицерское слово, бежал верхом к эстонцам. Вопреки опасениям Главнокомандующего, арест Балаховича никакого особого впечатления и волнения в Пскове не произвел и прошел почти незаметно. Большинство партизан разбежалось и скрылось к эстонцам. Генерал Арсеньев вернулся и благополучно вновь вступил в командование корпусом, въехав в Псков вместе с генералом Юденичем.

Сразу же после ареста и бегства Балаховича большевики вновь перешли в наступление на Псковском фронте, главным образом потому, что эстонские части сами, без всякого приказания и без нажима со стороны противника, отошли и обнажили наш правый фланг. Взяв с разрешения Главнокомандующего два только что прибывших танка, я отправился на Псков. В Пскове в вагоне генерала Юденича я встретил начальника 2-й Эстонской дивизии полковника Пускара. Полковник Пускар объявил, что держаться он больше не может и отходит по направлению Изборска. Эстонцы в два дня без всякого давления со стороны большевиков отошли от Острова и Порхова и увели с собой и свои броневые поезда, все время оказывавшие нам значительную помощь; при проходе через Псков части их вели себя по отношению к нам весьма вызывающе, и было несколько, правда ничтожных, инцидентов. Учтя отход эстонцев, большевики усилили свой нажим и без особого труда захватили железную дорогу между Изборском и Псковом и подошли к Крестам. Таким образом, наш правый фланг был совсем обнажен, и удерживать Псков при таком положении стало невозможным. После короткого совещания было решено, во избежание излишних потерь, оставить Псков без боя и отступить к северу, за реку Желчу. Пускать в дело танки было уже поздно, и их, не выгружая, отправили обратно в Нарву, к тому же, как утверждал английский полковник Карсон, они были и неисправны. Отход от

Пскова был совершен в полном порядке, без всяких потерь, и, несмотря на спешность эвакуации, в руки противника почти ничего не попало. 2-й корпус занял позиции по реке Желче до Юхнова, 1-я дивизия – от Юхнова по рекам Люте и Плюссе до устья Вердуга и до озера Сяберского.

Около середины сентября Главнокомандующий выехал в Ригу для переговоров с латвийским правительством. В его отсутствие я получил от генерала Теннисона предупреждение, что Булак-Балахович с тремястами партизанами прибыл на станцию Вайвара и имеет намерение арестовать меня и весь штаб Северо-Западной армии. Навстречу ему был двинут эстонский бронированный поезд, заставивший его удалиться. По приезде Главнокомандующего я доложил ему об этом инциденте и в самой категорической форме настаивал на необходимости заглазно предать Балаховича суду или разжаловать, но генерал Юденич не нашел нужным это сделать.

* * *

После оставления Пскова я вновь, согласно приказу генерала Юденича, вступил в командование всей Северо-Западной армией, включая и 2-й корпус.

Получено было английское обмундирование, танки, винтовки, орудия и т. д., и армия вступила в период переформирования, пополнения и перевооружения с надеждой на лучшее будущее и на возможность скорого нашего наступления. Конечно, то направление, на котором я так настаивал, с оставлением Пскова отпадало, но и у меня, и у всех чинов вверенной мне армии была полная уверенность, что, переорганизовавшись в регулярную армию, пополнившись и прочистив свой тыл, мы снова сокрушим большевиков.

При отходе от Пскова железные и грунтовые дороги были испорчены и мосты взорваны, дабы затруднить возможное движение красных вперед и дать возможность полкам 2-го корпуса отдохнуть. Конечно, часть солдат и много «зеленых» остались в окрестностях Пскова, но все же на позицию за реку Желчу пришло от 5 до 6 тысяч бойцов. Я приказал армейскому инженеру возвести укрепленные позиции от реки Кунест по реке Яме, на озеро Долгое, по реке Долгой и далее до деревни Монастырек, а также укрепить реку Плюссу, привести в порядок тыловые дороги и установить постоянные телефонные линии. Были приняты меры к наведению в ближайшем тылу самого строгого военного порядка.

Вообще надо сказать, что после отхода Северо-Западной армии от Ямбурга и Пскова положение ее значительно улучшилось. Вся армия была сосредоточена, появилась возможность руководить операциями, зная наверное, что отдаваемые приказания будут исполнены. От эстонцев мы были совершенно изолированы и нигде с ними не соприкасались. Ввиду этого, я никак не могу согласиться с мнением авторов книги о Северо-Западном правительстве генерала Кузьмина-Караваева, г-на Карташева и генерала Суворова, что положение армии было катастрофическое; это могли писать только люди, не бывавшие на фронте. Эстонцы всячески старались доказать иностранным миссиям, что армия наша больше не существует. Она же не только существовала, но была более сильной, чем когда-либо, что и доказала последующей операцией.

Особое внимание решил я обратить на 2-й корпус и, чтобы поближе познакомиться с ним, постоянно ездил и на позиции, и в Гдов, к генералу Арсеньеву. С каждой моей поездкой корпус производил все лучшее и лучшее впечатление, и появилась надежда, что через месяц он сможет предпринять серьезную операцию. Одним словом, фронтовые части армии были более или менее на высоте, но в тылу ее еще продолжала царить неразбериха. Казалось, что после образования Северо-Западного правительства отношения наши с эстонцами должны были улучшиться, но на самом деле произошло обратное, и эстонцы всячески стали придираться к нашим тыловым учреждениям: они старались отобрать в Нарве дома, занятые нашими штабами, делали всякие затруднения с пропуском через свою проволоку, обозначавшую русско-эстонскую границу, и т. д. Особенно тяжелое положение было для беженцев, которых в Эстонию не пропускали и которые скопились в большом количестве в нашем тылу и наводнили деревни и леса. Северо-Западное правительство в вопросе о беженцах, да и вообще в оборудовании тыла, никакой пользы не принесло, и хаос был полный. Эстонцы держали себя вызывающе, почти ничего не позволяли провозить через свою границу, отбирали у беженцев и солдат съестные продукты ит. д. Я вполне понимаю, что эстонцы не хотели, чтобы из их страны вывозились съестные припасы, которых у них и так было не много, но меры, принимавшиеся их командованием, были простым издевательством и доходили до того, что солдат наш не мог пронести через проволочные заграждения свой дневной паек. В очень тяжелом положении были также наши железнодорожные служащие, их семьи, которые жили в вагонах за проволокой, не могли пройти в Нарву, чтобы купить себе самое необходимое. Деньги Юденича (казначейские знаки), которыми

выплачивалось жалованье, почти не принимались населением, что усугубляло тяжесть общего положения. Между тем все, что было нужно и полезно эстонцам, провозилось через проволоку весьма легко: в Эстонию угонялись целые стада коров, бесцеремонно увозились запасы сена и дров нашей заготовки и т. д. Ничего нельзя было с этим поделать, и правительство наше являлось совершенно бессильным. Отношение к армии старших чинов Английской военной миссии оставляло желать много лучшего, а создание Северо-Западного правительства без территории носило скорее юмористический характер. Это громоздкое правительство открыло всевозможные канцелярии, но дела в этих канцеляриях не было почти никакого. Вся территория наша была в прифронтовой полосе, в тылу же, то есть в Эстонии, работа правительства ни в чем не проявлялась, и тыл наш налаживался чрезвычайно туго. С появлением английских пароходов в Ревеле и Нарве можно было купить всевозможные предметы обмундирования и снаряжения; тыловые части и офицерство, не бывшее в строю, получили полные комплекты обмундирования, люди же, сидевшие на фронте, ходили пока еще полураздетыми; это обстоятельство особенно возбуждало армию против ее тыла. Я неоднократно докладывал об этом Главнокомандующему, но у него, очевидно, не хватало энергии серьезно заняться этим делом, а лица, заполнявшие тыл, были люди новые, приехавшие вместе с генералом Юденичем, армии чуждые, не понимавшие и не знавшие нужд фронта, а может быть, и не желавшие их узнать и понять. На фронте озлобление и недоверие к тылу росло и вызвало такое явление: каждый командир части старался показать у себя возможно большее количество ртов, надеясь получить больше обмундирования и продовольствия, бороться с этим было невозможно, а на пользу общему делу это, конечно, не шло. Количество ртов, вздутое неправильно составленными списками, приняло неимоверные размеры и доходило до 140 000, и сколько я ни боролся – ничего с этим поделать не мог.

После отхода нашего от Пскова большевики на некоторое время оставили этот фронт в покое, зато они повели наступление со стороны Красных Гор и Темных Ворот, очевидно задавшись целью разрезать наши части и припереть их к озеру. Левый фланг 1-й дивизии не выдержал натиска и отступил, благодаря чему большевики появились между озерами Самро и Долгим; я приказал сосредоточить Талибский и Семеновский полки под командой полковника Пермикина, перевести их эшелонами на станцию Гостицы и ликвидировать прорыв, действуя совместно с 3-й дивизией. Тем временем под напором большевиков 3-я

дивизия также несколько отошла и уперлась своим правым флангом в озеро Самро, 1-я же дивизия отошла в деревню Пустыньку. Полковник Пермикин со своей бригадой действовал весьма энергично, выбил противника между озерами Долгим и Самро и стал действовать к северо-востоку. Движение его облегчило положение и правого фланга 3-й дивизии, и левого фланга 1-й и помогло им занять прежнее положение.

Видя неудачу своего прорыва, противник повел наступление на 2-й корпус и отодвинул его правый фланг за реку Кунест; таким образом, фронт корпуса шел по реке Кунест на деревни Мишина Гора и Тупичина и упирался у деревни Горончаровой в реку Плюссу. 1-я дивизия заняла фронт по реке Яне и на деревне Жилые Болота и Гнездилова Гора; левый фланг был в деревне Пустыньке.

В это время в армию приехал генерал-лейтенант Долгорукий[170], которого я направил в распоряжение генерала Арсеньева, где ему было предложено вступить в командование 4-й дивизией[171].

Вернувшись в Нарву после одного из объездов фронта 2-го корпуса и 1-й дивизии, я получил донесение, что противник вновь значительными силами перешел в наступление, действуя от реки Желчи на деревни Большой и Малый Хатраж, а также вдоль реки Плюссы, и прорвал наш фронт. Для ликвидации этого прорыва я приказал вновь сформированному танковому ударному батальону с тремя танками выехать в Гдов. Большого труда стоило уговорить заведовавшего танками английского полковника Карсона ввести танки в бой. Благодаря энергичным действиям генерала князя Долгорукого его дивизия, только что им принятая, перешла при поддержке танков в наступление и ликвидировала прорыв с большими потерями для противника. Правый фланг корпуса тоже перешел в наступление, и в результате красные были отброшены за реку Желчу, и мы вновь заняли наши старые позиции.

Междусоюзная военная миссия определенно обещала, что к 15 сентября эстонцы и латыши перейдут в наступление совместно с нашей армией; на самом деле ни те, ни другие, по-видимому, и не собирались двигаться, наоборот, эстонское правительство ответило согласием на предложение большевиков начать мирные переговоры; местом переговоров был выбран город Юрьев. Само собой разумеется, что при наличности этих переговоров положение Северо-Западной армии должно было стать катастрофическим.

Ссылаясь на то, что мы получили снаряжение, орудия, танки и т. д., чуть не ежедневно в мой штаб приходили офицеры из

Английской военной миссии и от имени генерала Марча требовали, чтобы мы немедленно перешли в наступление. Исполнить эти требования пока еще не было возможности, так как армия не закончила еще своего переформирования и перевооружения. В запасном полку спешно заканчивалось обучение запасных, шло перевооружение Ливенской дивизии и некоторых полков 2-го корпуса английскими винтовками; постепенно, партиями, посылалось на фронт обмундирование, но доставка его задержалась, во-первых, потому, что пришло оно в большом беспорядке и его приходилось пересортировывать, а во-вторых, недостатком транспортных средств. Желая закончить переформирование армии, я всячески затягивал начало активных действий, но англичане становились все настойчивее и обещали оказать серьезную поддержку своим флотом, заняв при нашем продвижении вперед Красную Горку и Кронштадт. Я лично в эту поддержку не особенно верил и требовал, чтобы при наступлении между нами и английским флотом была установлена непосредственная связь, но командующий флотом от этого упорно уклонялся. Из перехваченных нашими разведчиками приказов противника было ясно, что большевики во что бы то ни стало хотят отбросить нас к Чудскому озеру и занять Гдов; это же подтверждали пленные и перебежчики. Красные несколько раз пытались переправиться через Лугу, что им дважды удавалось, но оба раза довольно сложными маневренными операциями они были отброшены обратно, причем полковник Пермикин с Талабским полком, преследуя противника, достигал Красных Гор, а полковник Данилов с Темницким гренадерским удачным набегом смял и уничтожил противника против правого фланга 3-й дивизии. Вообще, набеги за этот период практиковались вверенными мне частями довольно часто, причем особенно удачны были набеги полковника Данилова и набег на деревню Сабицы командира конной батареи, лихого полковника Гершельмана.

Тем временем положение на Юге России резко изменилось: генерал Деникин по всему фронту перешел в успешное наступление и продвигался к Москве. Учитывая это обстоятельство, а также отличное состояние духа в нашей армии, пополнение ее рядов, законченную мобилизацию и перевооружение, с одной стороны, а с другой – необходимость прекратить начавшиеся между большевиками и эстонцами мирные переговоры, я решил, что для нас тоже является своевременным и необходимым перейти в общее наступление. Эстонский Главнокомандующий генерал Лайдонер тоже советовал мне перейти в общее наступление, причем указывал,

что наступление наше изменит к лучшему общую политическую обстановку и отношение к нам эстонцев. Против наступления было то, что действовать нам приходилось по направлению неправильному и для нас определенно невыгодному, о чем я уже говорил выше. Направление это полной уверенности в успехе не давало, но генерал Лайдонер советовал рискнуть, так как иного выхода не видел, а менять общее направление было уже поздно, да и Главнокомандующий наш упорно продолжал на это не соглашаться, находясь всецело под влиянием английских представителей.

Переформирование армии закончилось, и состав ее выразился в следующих цифрах:

1-й Стрелковый корпус — генерала графа Палена — состоял из трех дивизий:

2-я дивизия — генерал-майора Ярославцева

5-й Островский полк	500	штыков
6-й Талабский полк	1000	«
7-й Уральский полк	450	«
8-й Семеновский полк	500	«
Орудий тяжелых	2	
« легких	4	

3-я дивизия — генерал-майора Ветренко

9-й Волынский полк	200	штыков
10-й Темницкий полк (отряд Данилова)	300	«
11-й Вятский полк	300	«
12-й Красногорский полк	450	«
Орудий тяжелых	2	
« легких	8	

5-я дивизия (Ливенская дивизия)[172] — полковника Дыдорова

1-й Ливенский полк (17 Либавский)	450	штыков
2-й Ливенский полк (18 Рижский)	450	«
3-й Ливенский полк (19 Полтавский)	350	«
20-й Чудской полк	350	«
Орудий тяжелых	2	
« легких	6	
Броневиков	2	

В состав того же корпуса входили:

Конно-Егерский полк — полковника Грюнвальда 500 штыков

Балтийский полк, находившийся в эстонской армии, но в оперативном отношении подчинявшийся мне, — полковника Вейса 400 штыков, 100 шашек, 2 орудия легких

2-й корпус — генерала Арсеньева

4-я дивизия — генерал-лейтенанта князя Долгорукого

13-й Нарвский полк	800	штыков

14-й Вознесенский полк	750	штыков
15-й Велико-Островский полк	1000	«
16-й Литовский полк	350	«
Орудий тяжелых	4	
« легких	6	

Отдельная бригада[173] — генерал-майора Ижевского

21-й Псковский полк	800	штыков
22-й Деникинский полк	800	«
23-й Печерский полк	600	«
Качановский батальон	180	«
Орудий легких	4	
« поршневых	4	

В состав того же корпуса входил:

Конный полк Булак-Балаховича 100 шашек, 500 штыков

Не входили в состав корпусов:

1-я дивизия — генерал-лейтенанта Дзерожинского

1-й Георгиевский полк	1000	штыков
2-й Ревельский полк	700	«
3-й Колыванский полк	650	«
4-й Гдовский полк	900	«
Орудий тяжелых	2	
« легких	4	

Не входили в состав дивизий и корпусов следующие части:

Танковый ударный батальон полковника Хомутова	350	штыков
Десантный морской отряд	130	«
1-й запасный полк — генерала Нефа	850	«
2-й запасный полк — генерала Нефа	900	«
Орудий тяжелых	2	
« легких	4	
Танков	4	
Бронепоезда «Адмирал Колчак»		
«Адмирал Эссен»		
«Талабчанин»		
«Псковитянин»		

Следовательно, всего во вверенной мне армии было 26 пехотных полков, 2 кавалерийских полка, 2 отдельных батальона и 1 отряд, итого 17 800 штыков, 700 шашек, 57 орудий, 4 бронепоезда, 6 танков и 2 броневика.

Находившаяся же против нас 7-я советская армия имела следующий состав:

2-я Стрелковая дивизия (на Мшинском направлении)

10-й Стрелковый полк	500	штыков
11-й « «	400	«
12-й « «	150	«
13-й « «	250	«
14-й « «	300	«
15-й « «	500	«
17-й « «	500	«
18-й « «	500	«
Саперная команда	100	«

6-я Стрелковая дивизия (на Мшинском направлении)

46-й Стрелковый полк	600	штыков
48-й « «	900	«
54-й « «	500	«

При этих двух дивизиях имелось 24 орудия. Кроме того, на том же Мшинском направлении стояли следующие советские части, не входившие в состав дивизий:

Матросский отряд	300	штыков
Отряд Смольного	350	«
1-й Экспедиционный отряд	150	«
1-й Петроградский Конный полк	400	шашек
3-й Кавалерийский дивизион	200	«
Броневиков	2	

На Лужском направлении стояли следующие советские части:

47-й Стрелковый полк	250	штыков
52-й « «	700	«
168-й « «	200	«
7-й Самарский полк	900	«
16-й Эстонский полк	250	«
2-й Кавалерийский полк	250	шашек
Коммунистический отряд Шатова	150	штыков
Отряд курсантов	150	«
Лужский коммунистический отряд	150	«
Боевой отряд водотранспорта	150	«

Орудий легких	18	
Пушек Гочкиса	4	
Бронепоезд «Стенька Разин»	1	
Броневиков	2	

На Псковском и Стругибельском направлениях стояли:

10-я Стрелковая дивизия		
82-й Стрелковый полк	600	штыков
83-й « «	650	«
84-й « «	400	«
88-й « «	400	«
89-й « «	400	«
Латышский красный полк	700	«
2-й Коммунистический имени Троцкого полк	700	«
Орудий тяжелых	4	
« легких	6	

19-я Стрелковая дивизия		
162-й Стрелковый полк	1200	штыков
163-й « «	600	«
164-й « «	500	«
165-й « «	800	«
166-й « «	700	«
167-й « «	600	«
168-й « «	800	«
169-й « «	500	«
170-й « «	700	«
171-й « «	700	«
Орудий легких	4	

На том же направлении стояли следующие советские части, не входившие в состав дивизий:

16-й Стрелковый полк	400	штыков
1-й Железнодорожный батальон	400	«
19-й Отдельный батальон	200	«
1-й матросский коммунистический отряд	400	«
Эскадрон Балашева	150	шашек
Бронепоезда — «Керенский» и «Троцкий»	2	

Следовательно, действовавшая против нас 7-я советская армия имела в своем составе 34 пехотных полка, 2 кавалерийских полка, два отдельных батальона, 9 отрядов, 1 кавалерийский дивизион и 1 эскадрон, 22 500 штыков, 1100 шашек, 60 орудий, 3 бронепоезда и 4 броневика.

Количество это постоянно изменялось и к моменту занятия

нами Красного и Царского Сел увеличилось более чем втрое.

Перевооружение английскими винтовками и получение обмундирования закончилось, ждать улучшения нашего положения не было никаких оснований, и я решил, что настал момент рискнуть и перейти в общее энергичное наступление. Дабы обеспечить правый фланг, я поставил себе задачу сначала, до общего наступления, разбить противника перед фронтом 2-го корпуса и 1-й дивизии, то есть на направлениях Псковском, Стругибельском и Лужском. Я собрал в Гдове совещание, на которое вызвал командира 2-го корпуса генерала Арсеньева, начальника 1-й дивизии генерала Дзерожинского и начальника 4-й дивизии генерала князя Долгорукого. На этом совещании мы разработали план действий, причем было решено, что 4-й дивизии будут содействовать 3 танка. Генерал князь Долгорукий все время усиленно настаивал на необходимости взять Псков до начала общей операции на Петроград. Принципиально я был с ним совершенно согласен, но, к сожалению, железнодорожная линия Гдов – Псков была настолько разрушена, что подвезти по ней в случае удачи необходимые боевые припасы и продовольствие нельзя было рассчитывать; прийти же в Псков, у жителей которого еще свежа была память о партизанах Балаховича, с пустыми руками – я считал невозможным, а потому мысль о занятии его пришлось оставить.

Командующим отдельной бригадой я, по соглашению с генералом Арсеньевым, решил назначить генерала Ижевского, но, несмотря на неоднократные мои приказания, он не являлся и в должность не вступал. Как оказалось, генерал Ижевский был, без моего ведома, куда-то командирован штабом Главнокомандующего. Находя такое отношение к делу вредным и совершенно недопустимым, я телеграфировал Главнокомандующему, который в это время находился в Ревеле, что раз я не могу распоряжаться в армии, как нахожу нужным, то не могу и отвечать за нее, а потому прошу меня от командования уволить. В ответ на эту телеграмму я получил приказание явиться в Ревель. Отдав последние распоряжения о подготовке операции, я срочно выехал, надеясь, между прочим, при личном свидании с Главнокомандующим выяснить некоторые недоразумения, имевшие место между его и моим штабами. По моему крайнему убеждению, присутствие двух штабов рядом только вредило общему делу, и я уже давно настаивал на переезде Главнокомандующего с его штабом в Ревель. В штабе генерала Юденича все время чувствовалось недовольство мною, главным образом потому, что я постоянно боролся с беспрерывными захватными стремлениями этого штаба, полагая, что раз я

отвечаю за армию и за ее боевые успехи, то я и должен всецело командовать и не могу выпускать из-под своего наблюдения и власти ни одного из ее подведомственных мне и необходимых армии отделов. Самому же генералу Юденичу, по-видимому, сильно надоело мое постоянное желание быть в курсе всего белого дела; он почему-то упорно не желал посвящать меня в сведения, получаемые им с других белых фронтов, в переговоры с английскими представителями и в новейшие события европейской политики. Вопросы же эти особенно сильно интересовали армию, и чины ее постоянно обращались ко мне с просьбами держать их в курсе дела, чего я при всем желании исполнить не мог. Был недоволен генерал Юденич и моими настойчивыми требованиями о необходимости разжаловать Булак-Балаховича. Чувствовалось, что штаб Главнокомандующего ведет против меня определенную интригу; только этой интригой я мог объяснить мысль и появление письма английской миссии, пересланного мне в конце сентября генералом Юденичем, в котором говорилось, что англичане имеют доказательства того, что я придерживаюсь германской ориентации, нарочно не хочу переходить в наступление, несмотря на то что армия совершенно готова, что эстонцы были вынуждены сознательно отдать Псков большевикам, дабы воспрепятствовать Северо-Западной армии соединиться с Прибалтийскими немецкими войсками, к чему я будто бы стремился, а также упрекали меня в трусости.

По вопросу о назначении генерала Ижевского Главнокомандующий вполне со мной согласился, на вопрос же мой, доволен ли он вообще моей работой, ответил, что доволен весьма и просит меня продолжать командовать армией. После доклада Главнокомандующему я делал доклад Северо-Западному правительству, в котором особенно подчеркнул, познакомив членов правительства с общим положением на фронте, что слухи о том, будто бы армия утратила свою боеспособность, ни на чем не основаны и армия готова и способна драться. Кроме того, я вновь указал на недопустимость вмешательства правительства и отдельных его членов в военные дела, к чему побудило меня то обстоятельство, что некоторые партийные группы, войдя в связь с представителями правительства, пытались ввести в армии пропаганду, что я считал недопустимым для дисциплины и боевой мощи частей.

Вернувшись в Нарву, я приступил к дальнейшей разработке плана движения на Петроград. Я прекрасно сознавал, что при наличии переговоров между эстонцами и большевиками, которые велись, конечно, не без ведома и согласия Антанты, и ввиду отъезда большевистского представителя Литвинова в Копенгаген,

для переговоров с Англией, наступление на Петроград есть предприятие определенно рискованное. Но выбора у меня не было, приближался октябрь, для активных действий оставалось всего несколько недель, за которые политическое положение могло измениться только к худшему. Латвийская миссия, от которой мы всецело зависели, категорически требовала наступления и откладывать его до весны не соглашалась. С другой стороны, дух армии был весьма бодрый, и общий голос был за наступление, тем более что по отрывочным сведениям, доходившим до нас, движение генерала Деникина на Москву развивалось блестяще. Согласно окончательно разработанному плану, в операции ликвидации противника против нашего правого фланга должны были принимать участие: Отдельная бригада, 4-я, 1-я и частично 3-я дивизия. 4-я дивизия, при поддержке Отдельной бригады и с двумя танками, должна была действовать по направлению на Струги Белые, 1-я дивизия должна была отбросить стоявшего перед ней противника и выйти между озером Сяберским, Турец и Вешень, части 3-й дивизии должны были обойти Сяберское озеро и двинуться наперерез и в тыл отступающим красным войскам и выйти тоже на деревню Вешень. Наступление началось с рассветом 28 сентября. 4-я дивизия под личным руководством своего храброго начальника генерала князя Долгорукого стремительным натиском по широкому фронту смяла противника и к вечеру без особых потерь, захватив большое количество пленных и пулеметов, заняла деревни Корытенку, Дубяги, Большое и Малое Заозерье и мызу Низы. Красные, ошеломленные появлением танков и нашей стремительностью, серьезного сопротивления не оказывали и отступали в полном беспорядке, бросая обозы. 28-го же 1-я дивизия продвинулась на линию озера Сопотного – озера Сяберского. 29 сентября 4-я дивизия продолжала успешно продвигаться в Стругибельском направлении, но уже без поддержки танков, которые из-за плохого состояния дорог и порчи моторов вынуждены были вернуться в Гдов. На левом фланге 1-й дивизии на участке Гнездилова Гора Колыванский полк энергичным ударом овладевает деревней Луковой. В этот же день на правом нашем фланге перешли в наступление Деникинский и Псковский полки, заняв к вечеру местечко Полна, и укрепились на линии реки Желчи. 30 сентября 1-я дивизия, после упорного боя, несмотря на то что красные успели подвезти значительные резервы, заняла деревню Жилые Болота. В Стругибельском же направлении полки 4-й дивизии с 30 сентября после штыкового боя захватили переправу через реку Плюссу и заняли деревни Скворец, Высокую, Матвееву, Погост Ляхтской,

Турец, Горку, Юхново и Пески.

Дабы задержать стремительное продвижение 1-й и 4-й наших дивизий, красные 30-го числа попытались перейти в наступление на фронте 3-й дивизии против деревни Кроколь, но были отброшены со значительными для них потерями.

1 октября на Псковском направлении наши части отбросили большевиков за реку Желчу. 2 октября бои продолжались с неизменным для нас успехом, как на Стругибельском, так и на Псковском направлениях. 3 октября противник успел подтянуть подкрепления, среди которых находились отборные коммунистические отряды, и у деревни Сковородки оказал отчаянное сопротивление нашей 4-й дивизии. Впрочем, к вечеру Сковородка была взята, чему много способствовал выход Велико-Островского полка в тыл противнику на линии железной дороги севернее Стругов Белых. 4 октября станция Струги Белые оказалась в наших руках, линия Луга – Псков перерезана и противник, пытавшийся сосредоточиться на Псковском направлении против фронта нашей Отдельной бригады, вынужден был начать поспешно отходить.

6 октября противник, спешно подтянув свою 19-ю стрелковую дивизию в полном составе, пытался нанести нам контрудар в Стругибельском направлении, но удачным маневром 4-й дивизии, ни на минуту не выпускавшей инициативу из своих рук, был разбит наголову и оставил в наших руках 2 орудия, 20 пулеметов, много пленных, обозов и снаряжения. 7-го на рассвете 4-я дивизия быстрым маневром вышла в тыл деревни Мазовер и вновь взяла большое количество пленных и пулеметов. В тот же день красные, видя, что они не в силах задержать стремительного наступления князя Долгорукого, пытались парализовать его продвижение на фронте 3-й дивизии в районе деревни Переволок, но все их атаки были отбиты нашим артиллерийским огнем.

8 октября части 2-го корпуса продолжали свои быстрые и неизменно удачные маневры и окончательно разбили Псковскую группу противника, причем в наши руки вновь попало большое количество пленных и пулеметов, а Вознесенский полк захватил 2 орудия. В этот же день перешла в наступление по широкому фронту 3-я дивизия и заняла с боем деревни Сабицы, Добровицы и Слудицы. Эта предварительная операция, в которой особенно отличились своими искусными маневренными действиями 4-я дивизия и ее начальник, энергичный генерал князь Долгоруков, прошла бы с еще более блестящим успехом, если бы 3-я дивизия не задержалась из-за отвратительного состояния дорог в районе Сяберского озера и из-за нерешительных действий ее начальника и своевременно вышла бы на указанные ей деревни.

После окончания операции я приказал несколько оттянуть действующие части, так что 3-я дивизия уперлась своим правым флангом в озеро Сяберское, а 1-я дивизия заняла фронт от озера Сяберского до деревни Вешень, где входила в соприкосновение с левым флангом 4-й дивизии.

Конно-Егерский полк в этой операции участия не принимал, но в конце ее я приказал направить его в распоряжение командира 2-го корпуса. Храбрый и энергичный командир его полковник Грюнвальд заболел и внезапно умер, полк принял полковник Бенкендорф[174].

Таким образом, первая часть общего плана движения на Петроград, то есть ликвидация сил противника, находившихся против нашего правого фланга, и возможное обеспечение этим себя со стороны Пскова, была выполнена блестяще. Вследствие столь крупного и сравнительно легкого успеха я несколько изменил общий план дальнейших действий, после чего он в грубых чертах выразился в следующем: Отдельная бригада должна была активно оборонять реку Желчу, 4-я дивизия вновь занять станцию Струги Белые, которую она очистила согласно моему приказанию, отойдя левым своим флангом к деревне Вешень, что было необходимо, дабы фланги ее не висели в воздухе и не подвергались постоянной опасности быть обойденными. Заняв Струги Белые, она должна была в случае надобности взорвать железнодорожные и шоссейные мосты на линии и на шоссе Луга – Псков, дабы противник при удачном продвижении нашем на восток не смог бросить во фланг и тыл нашим наступающим частям своих подкреплений из Пскова. 1-я дивизия должна была, пройдя через город Лугу, занять станции Оредеж и Батецкая, пересечь противнику возможность подвозить резервы с юга и обеспечивать наш правый фланг в случае сильного нажима со стороны противника. Ей было приказано взорвать мост в случае надобности у Оредежа и у реки Луги, южнее станции Батецкая. 3-я дивизия быстрым ударом должна была выйти на станции Мшинская и Преображенская, 2-я дивизия – занять переправу через реку Лугу и действовать на станциях Волосово, Ливенская, переправиться у Муравейно и выйти на станции Веймарн. Отдельной группе, в составе танкового ударного батальона и нескольких мелких частей, было приказано после переправы 2-й и Ливенской дивизии через реку Лугу, при поддержке артиллерии, занять город Ямбург.

Таким образом, согласно общему заранее разработанному плану, крайними пунктами для 2-го корпуса были действия по реке Желче и в районе Струги Белые, для 1-й дивизии – в районе города Луги, станций Оредеж и Батецкая и для 1-го корпуса –

станции Мшинская и Гатчина. Дальнейший план операции не мог быть разработан заранее, так как продвижение наше за Гатчину в случае успеха зависело от действий английского флота, с которым, как я уже говорил, у меня не было никакой связи. Дальнейшее же продвижение вперед было возможным только при исполнении англичанами их обещания занять Кронштадт и обеспечить наш левый фланг.

Операция была разработана тщательно и во всех деталях. Я неоднократно лично выезжал в штабы корпусов и 1-й дивизии для личных переговоров о различных мелочах. Это было необходимо, так как рассчитывать на правильную связь со штабом армии во время движения частей было невозможно, ввиду слабых средств связи, бывших в нашем распоряжении.

Главные причины, заставившие меня решиться на наступление на Петроград, были следующие: 1) требование англичанами этого наступления и отказ в дальнейшей поддержке в случае его неисполнения, 2) обещанная поддержка английского флота и занятие им Кронштадта, обеспечивающее левый фланг Северо-Западной армии, 3) начавшиеся между большевиками и эстонцами переговоры, 4) отъезд Литвинова в Копенгаген, 5) успехи генерала Деникина, 6) общее бодрое настроение Северо-Западной армии, 7) ослабление красными Петроградского фронта, что усиливало надежду на успех, и 8) уничтожение красных частей в Стругибельском направлении.

* * *

Во время столь удачной для нас операции на Псковском и Стругибельском направлениях генерал Юденич был в Ревеле, решив окончательно переехать туда и перевести туда весь свой штаб. Он даже отдал соответствующие распоряжения, так что мой штаб уже перешел в помещения штаба Главнокомандующего, но в самые последние минуты произошли какие-то мне неизвестные перемены, и штаб Главнокомандующего остался в Нарве.

В первых числах октября я вернулся с фронта в Нарву и назначил перед наступлением последнее решительное совещание старших начальников армии, вызвав на него генералов графа Палена, Арсеньева и Дзерожинского. Все детали наступления были окончательно разработаны штабом армии, и на совещании этом я рассчитывал познакомить старших начальников с приказом о наступлении на Петроград и внести в него необходимые поправки.

Утром в день совещания вернулся из Ревеля генерал Юденич.

Немедленно по его прибытии я явился к нему и доложил о наших удачных действиях в Стругибельском направлении, а затем о моих предположениях относительно движения на Петроград. Через несколько минут после того, как я вернулся в штаб, меня вновь вызвал к себе Главнокомандующий и заявил мне, что он сам непосредственно желает командовать Северо-Западной армией, а меня назначает своим помощником. В первую минуту известие это своей неожиданностью меня совершенно ошеломило: операция уже началась, план ее был разработан мною, и только я один знал все детали дела, а потому я доложил генералу Юденичу, что если он мною не доволен, то я охотно сдам ему командование армией, но лишь по окончании начатой мною операции, а до этого же считаю перемену высшего командования совершенно невозможной и пагубной для русского дела. Я убедил его отменить свое решение, но на все мои доводы генерал Юденич отвечал отказом. Я вновь повторил ему, указав, что в момент, когда все поставлено на карту, перемена командования является не только не целесообразной, но совсем невозможной. Не помогло и это. На вопрос же мой, не доволен ли он чем-либо в моем командовании, он ответил, что наоборот, очень ценит мою работу и энергию. Наконец, возмущенный, я напомнил ему, что Северо-Западная армия формирована мной, что я пользуюсь большим доверием как среди высших начальников, так и среди офицеров и солдат и что в гражданской войне более, чем в какой-либо другой, доверие является залогом успеха, поэтому я считаю преступлением против общего дела и армии отставлять меня от командования в настоящий момент. На это генерал Юденич сказал мне буквально следующее: «Вы действительно организовали Северо-Западную армию, но я добыл для нее деньги»; после этого аргумента я убедился, что никакие доводы помочь не могут, и стал просить Главнокомандующего отложить приведение в исполнение его решения хотя бы до прибытия в Нарву на совещание высших начальников, на что он и согласился.

По прибытии в Нарву старших начальников и после того, как с боевым приказом все ознакомились, я сообщил им о решении генерала Юденича. На этом совещании было решено, что требование Главнокомандующего является совершенно невыполнимым и что необходимо уговорить его от него отказаться.

Вся эта интрига произвела на меня самое удручающее впечатление. Для меня было совершенно ясно, что она была делом штаба Главнокомандующего, так как сам генерал Юденич, в силу свойственных ему апатичности и безразличия, был на нее

вряд ли способен. Верность моего предположения подтвердилась телеграммой, полученной в моем штабе, в которой генерал Кондырев (Кондзеровский[175]) запрашивал генерала Малявина, не произошло ли каких-либо перемен, а также письмом того же генерала Кондырева генералу Малявину, которое последний мне показал и из которого мне было ясно, что дело это было отчасти его, Кондырева, рук.

Уже после совещания, перед тем как вновь идти к генералу Юденичу, я долго раздумывал, надлежит ли мне для пользы дела отказаться от исполнения приказания, к чему имел полную возможность и согласие старших начальников, или исполнить его, я пришел к тому заключению, что я должен его исполнить: во-первых, потому, что генерал Юденич, ознакомившись с моими боевыми приказами, определенно сказал, что ничего менять в них не станет. Это до некоторой степени гарантировало, что разработанный мною план испорчен не будет и перемена высшего командования не внесет сумятицы в действия частей, чего я особенно боялся, а во-вторых, потому, что поднимать историю, которая не могла не взволновать армию в момент начала серьезной операции, было опасно для исхода самой операции.

Было совершенно ясно, что, кроме давления, оказанного на генерала Юденича генералом Кондыревым и другими лицами в Ревеле и Гельсингфорсе, самому ему хотелось лично командовать войсками, оперировавшими против Петрограда: ведь если бы благодаря состоянию армии и положению на Деникинском и Колчаковском фронтах операция удалась, что казалось вполне возможным, то честь занятия и спасения Петрограда досталась бы мне, чего честолюбие генерала Юденича и его штаба не могло допустить. Вечером участники совещания собрались у генерала Юденича и, согласно общему желанию, генерал граф Пален заявил ему, что перемена Верховного руководителя в настоящую минуту является совершенно невозможной, и от лица всех просил его отменить свое распоряжение. Главнокомандующий ответил отказом. Никакие доводы участников совещания на генерала Юденича не подействовали. Тогда я, повторив все, что уже ранее ему докладывал, в присутствии всех категорически отказался занять должность помощника Главнокомандующего, сказав, что операция задумана мною, что первая часть ее прошла благополучно, причем достигнутый успех превзошел все ожидания, и что я считаю, что только я могу эту операцию удачно закончить, так как многие детальные распоряжения, которые нельзя было изложить в приказе, уже мною отданы отдельным начальникам устно, связь, существующая между мною и войсками, весьма прочна, лица, занимающие командные

должности, настолько меня знают, что понимают с полуслова, и я, находясь в армии с самого начала, твердо знаю, что с каждого отдельного начальника и каждой части можно спросить и как их лучше можно использовать. Наконец я сказал, что в такую минуту отнятие командования может погубить все русское дело и рискнуть этим может только не русский человек. На это генерал Юденич сказал: «Так вы меня считаете не русским человеком». На что я вновь подтвердил, что считаю, что такое приказание в такую тяжелую и ответственную минуту может отдать человек только не русский. Присутствовавшие вновь просили генерала Юденича не менять командование, на что он опять ответил отказом и снова предложил мне быть помощником Главнокомандующего. Категорически отказавшись, я указал, что положение помощника Главнокомандующего равносильно полному отрешению, так как для таковой должности я в настоящую минуту не вижу абсолютно никакого применения и никакой в ней надобности; понимая же это предложение как отрешение, прошу, по крайней мере, указать мне, что мне могут поставить в вину за время моего командования. На это генерал Юденич ответил, что я дважды во время тяжелых моментов на фронте просил уволить меня от должности командующего, о чем уведомлял его телеграммами в Ревель. Этот упрек был настолько чудовищным и неосновательным, что я вспылил и в довольно резких выражениях заявил Главнокомандующему, что никогда в тяжелые минуты я армии не бросал и не брошу, но, когда его штаб во время серьезных боев на фронте пытался отнимать у меня без моего ведома и согласия отдельных офицеров, отдельные отрасли управления и даже целые части, лишая меня тем возможности продуктивно работать, я должен был бороться с этими явно вредными для успеха армии действиями, и единственный способ борьбы видел в отказе моем от командования. Что же касается генерала Юденича и его штаба, то они приехали уже после того, как армия сама по себе, под моим командованием, не получая поддержки ни откуда, сформировалась и вышла из тяжелого положения. При этом как со стороны самого генерала Юденича, так и со стороны его штаба армия не только не видела никакой помощи и поддержки, но наоборот, ей ставились всевозможные препятствия в деле ее формирования и успешной борьбы с большевиками. Как пример я привел то обстоятельство, что, когда армия особенно нуждалась в офицерском составе, офицеры из Финляндии не только не присылались, но им было даже запрещено ехать, и они были вынуждены пробираться какими-то нелегальными путями на финских лайбах. Далее я сказал, что еще до приезда генерала Юденича в Эстонию я прекрасно знал,

что он относится отрицательно и ко мне, и ко всем моим сотрудникам, и даже к самой армии, называя меня и моих помощников авантюристами и «ревельскими разбойниками», а все дело формирования – «авантюрой», и тогда же хотел не допустить и отставить меня от командования, что, зная это, я все же настойчиво просил генерала Юденича приехать возможно скорее, надеясь, что он захочет и сможет помочь общему делу. Кончил я тем, что сказал, что мнение генерала Юденича, будто я хотел в тяжелую минуту бросить армию, я считаю несправедливым и незаслуженным оскорблением.

Говорил я очень горячо и в сильно повышенном тоне. Когда я кончил, генерал Юденич сказал: «Нам, кажется, больше не о чем говорить». После этого я встал и ушел в свой штаб.

Вскоре вслед за мной вернулись в мой штаб и другие старшие начальники, бывшие вместе со мною у генерала Юденича. Несколько успокоившись, я решил, что в такую минуту я не имею права ослушаться приказания Главнокомандующего, как бы оно ни было бессмысленно, оскорбительно для меня и даже вредно для дела. Приказ о наступлении был уже готов, все распоряжения отданы, отменить их было уже нельзя, и неисполнение мною требования Главнокомандующего, неизбежно вызывая волнения, могло не только повредить, но и вовсе погубить начатое дело, а с ним и всю армию. Я сообщил моему штабу и старшим начальникам о своем согласии подчиниться решению генерала Юденича и отправился домой, решив совсем покинуть армию. Я, конечно, мог ослушаться и даже арестовать генерала Юденича, тем более что высшие начальники все были на моей стороне, но принципиально я не мог создавать такого примера для всей армии.

На следующее утро генерал граф Пален и другие участники совещания просили меня согласиться занять пост помощника Главнокомандующего и уговорили меня во время начавшейся операции стать во главе отдельного отряда; столкновение же мое с генералом Юденичем они брались уладить. Подумав, я решил, что для пользы общего дела я должен поступиться своим самолюбием и согласиться на их настоятельное предложение.

Немного погодя я был приглашен генералом Юденичем в его штаб на совещание, куда я немедленно поехал. Оперативный план, разработанный мною и моим штабом, был принят целиком. Я же был назначен помощником Главнокомандующего и в намеченной операции получил поручение руководить действиями 3-й дивизии, так как, во-первых, задание ее было особо сложным и ответственным и требовало смелых энергичных действий, а во-вторых, генерал Ветренко был известен как человек весьма

своевольный, и генерал граф Пален не вполне был уверен, что, потеряв во время движения связь со штабом корпуса, он будет точно следовать указаниям боевого приказа.

Перед моим отъездом я объяснил генералу Юденичу, как я понимаю задачу 3-й дивизии, которая, по-моему, заключалась в том, чтобы в случае удачного развития операции возможно скорее занять город Гатчину, выслав со станции Сиверская по шоссе на Тосно отряд для занятия станции Тосно и разрыва Николаевской железной дороги, чему я придавал особо большое значение. В случае удачного занятия Тосно я рассчитывал выслать подрывную команду в Усть-Тосно для взрыва моста и перерыва телеграфной и телефонной связи.

Забрав деньги и карты для 3-й дивизии и отправив свою личную сотню и лошадей в штаб 1-го корпуса, я 7 октября выехал в деревню Погост Рудный в штаб генерала Дзерожинского, чтобы окончательно сговориться о совместных действиях 1-й и 3-й дивизий. Отсюда я поехал в штаб генерала графа Палена, где тоже сговорился о действиях и связи с соседней 2-й дивизией.

8 октября утром я приехал в деревню Подлесье, где находился штаб 3-й дивизии.

* * *

Прежде всего я подробно сговорился с генералом Ветренко о всех деталях предстоящей операции. Начать наступление должен был Темницкий полк под командой полковника Данилова: ему надлежало занять деревню Сабицы и по болотистой дороге выйти на деревню Поля, где захватить стоявший там штаб бригады противника.

9-го на рассвете я выехал в Осмину Гору, чтобы лично присутствовать при начале операции. В районе Осмина Гора – Юра Михалки сосредоточились три остальных полка дивизии с артиллерией; они должны были действовать на Сара-Логу, Сара-Гору, Люботяжье и далее на Красные Горы, держа, по возможности, связь с полками 2-й дивизии, которые должны были занять переправы через реку Лугу. Вечером 9 октября я лично проводил в наступление Талабский и Уральский полки, и до рассвета 10-го числа Сара-Лога и Сара-Гора уже были заняты 3-й дивизией. Отлично зная опытность генерала Ветренко в гражданской войне и все его достоинства и недостатки, я предоставил ему полную свободу действий, оставив за собой лишь общее наблюдение. Главными недостатками этого генерала были чрезвычайное его честолюбие и нетактичность, весьма

затруднявшая сношения с ним как лицам ему подчиненным, так и его начальникам, и предвзятое отрицательное отношение ко всем приказаниям, которые он получал свыше. Ведение оборонительного боя генерал Ветренко знал прекрасно, выказывал в нем много спокойствия и выдержки, отлично маневрировал, но в наступательном бою часто не обладал достаточною решительностью и быстротою удара; бывали случаи, что исполнение даже сравнительно простых наступательных задач он затягивал и упускал моменты, удобные для удара. В действиях же на Петроград – главное было в быстроте и решительности. Поэтому я, дав полную инициативу действий генералу Ветренко, дабы не нарушать целости управления дивизией, решил сам все время находиться в авангарде, чтобы в случае малейшей нерешительности или какой-нибудь заминки всегда иметь возможность вовремя подбодрить и части, и самого начальника дивизии.

К вечеру 10 октября после коротких, но упорных боев мы заняли деревню Люботяжье и подошли к деревне Поля, где уже находился полковник Данилов с Темницким полком, удачно прорвавшийся в тыл противника и благодаря военной хитрости захвативший целиком штаб неприятельской бригады: прорвавшись в тыл, он переодел своих людей большевиками, что дало им возможность подойти к неприятельскому штабу без сопротивления. По трудности перехода по болотистым дорогам и даже тропинкам и по решительности боевых действий, движение Темницкого полка нужно отметить как пример доблести, выносливости и умения маневрировать. Нужно также отметить и лихие действия капитана Гершельмана, проведшего свою конную батарею по совершенно непроходимым дорогам. Благодаря стремительным действиям этих частей большевики, находившиеся перед нашим фронтом, были отрезаны от своей тыловой дороги, и только из-за недостаточно решительных действий Вятского и Красногорского полков им удалось спастись, бросившись в сторону и переправившись через Лугу севернее этой дороги.

12 октября вся дивизия подошла к Красным Горам и после короткого боя заняла их; если бы Вятский полк, в этот день бывший в авангарде, проявил больше энергии, то бой был бы еще короче и мы не были бы вынуждены ночевать в Красных Горах. 13-го утром дивизия разделилась на две части: Темницкий полк с батареей двинулся по болотистой местности почти без дорог прямо на станцию Мшинская, остальные же части дивизии – к станции Преображенская, причем один из батальонов Волынского полка был оставлен для очищения тыла от разбежавшихся и

попрятавшихся по лесам и болотам остатков разбитых красных полков. После короткого боя у деревни Ситенки мы подошли к станции Преображенская где из-за темноты и должны были заночевать, тем более что люди сильно устали: из-за наступивших дождей дорога от Осминой Горы до Преображенской была ужасна, артиллерия и необходимые обозы передвигались с большим трудом и почти все время при помощи людей. На следующий день утром мы заняли Преображенскую, и людям дано было полдня отдыха.

Донесений от 1-й дивизии о занятии Луги не поступало, и я, беспокоясь за свой правый фланг, направил к Луге батальон Красногорского полка с двумя орудиями и сам поехал туда же вместе с генералом Ветренко. Красногорцы без особого труда выбили уже расстроенные предыдущими боями части противника из города и заняли его; почти одновременно с красногорцами подошла к Луге и 1-я дивизия. Отслужив благодарственный молебен, мы с генералом Ветренко вернулись на станцию Преображенская, для того чтобы на следующий день с раннего утра двинуться форсированным маршем на станции Мшинская и Гатчина. Высланный ранее в обход Темницкий полк еще до наступления рассвета занял с боем станцию Мшинская, и главные силы дивизии, не задерживаясь, двинулись дальше по шоссе и вдоль железной дороги и заночевали у деревень Сорочкино и Ящеры. На следующий день нами были заняты станции Сиверская и Выра, и авангард, после коротких и неизменно удачных боев, достиг деревни Сиворицы, где и заночевал. Ночью пришла связь от Талабского полка, и ко мне явился батальонный командир этого полка подполковник Ставский; от него я узнал, что части 1-го корпуса находились уже за станцией Елизаветино и, следовательно, левый мой фланг был вполне обеспечен. Как только я узнал, что вся операция идет благополучно и согласно заранее выработанному мною плану и за свой левый фланг мне беспокоиться нечего, я сейчас же приказал генералу Ветренко выделить один полк с двумя орудиями и направить его со станции Сиверская по шоссе на Вырицу, Лисино, Тосно.

Через несколько часов явилась связь от штаба 2-й дивизии, и я получил более подробные сведения о блестящих успехах, достигнутых корпусом графа Палена, и донесение о том, что Ливенская дивизия уже заняла Красное Село. Я немедленно срочно сообщил все полученные данные генералу Ветренко, находившемуся при главных силах 3-й дивизии (сам я был в авангарде), подтвердил ему ранее отданное мною приказание, причем указал, что направить на Тосно надо не полк с двумя орудиями, а бригаду с батареей, которой выступить возможно

скорее; бригаде этой я ставил определенное задание взорвать мосты на Николаевской железной дороге и испортить полотно так, чтобы совершенно прекратить связь между Москвой и Петроградом, взорвать все мосты к югу от шоссе Тосно – Сиверская, а если удастся, то послать партию подрывников для уничтожения моста у Усть-Тосно. Другим частям дивизии я приказал с рассветом двинуться на Гатчину, установив связь и сообразуясь с действиями правого фланга 2-й дивизии.

Еще ранее, во время подготовки операции и в начале ее, на походе, в разговорах своих с генералом Ветренко, я неоднократно говорил ему о необходимости занятия Тосно и приказывал ему все для этого подготовить, а потому настоящее мое приказание явиться для него сюрпризом никак не могло. Несмотря на это, приказание мое своевременно исполнено не было, и я, находясь в авангарде, напрасно прождал несколько часов получения авангардным полком соответственного приказа от штаба дивизии; вместо приказа о наступлении, генерал Ветренко к часу дня вызвал всех полковых командиров к себе на совещание. Тогда я приказал головному отряду, не дожидаясь распоряжений из штаба дивизии, двигаться вперед, а сам поехал к главным силам на это совещание. Там в присутствии всех старших начальников я заявил генералу Ветренко, что очень удивлен неисполнением до сих пор моего приказания и что возлагаю на него ответственность за невыполнение данной ему задачи. Генерал Ветренко заверил меня, что к выполнению задачи будет приступлено немедленно и что на Вырицу им уже направлена одна рота, задержку же в исполнении приказания объяснил чрезмерным утомлением людей. Я вновь подтвердил ему категорическое требование мое занять Тосно; получив на это ответ «Слушаю-о>, я вновь поехал к головному отряду, который, согласно моему приказанию, двинулся и находился уже в 4–5 верстах от Гатчины. Здесь вышла маленькая задержка из-за бронированного поезда противника, который жестоко обстреливал шоссе и не давал нам продвигаться. Я приказал батарее выехать на открытую позицию на прямой выстрел, что и было исполнено. Бронированный поезд был отогнан, и под вечер 16-го числа наши части заняли Гатчинскую Красносельскую станцию и двинулись в самый город. Устроенная большевиками засада была уничтожена головной ротой Темницкого полка, и мы благополучно прошли по шоссе через весь город и остановились на ночевку. Сам я со своей личной сотней занял помещение бывшего Исполнительного комитета. Уже поздно вечером пришло донесение, что на Петроградском вокзале окопалось около 2 тысяч большевиков. Я приказал немедленно подтянуть части Талабского полка 2-й

дивизии, который уже находился в Мариенбурге, и ликвидировать эту группу, что и было исполнено.

Благодаря быстрым и энергичным нашим действиям, а в особенности полков Темницкого, Волынского и Талабского, противник бежал из Гатчины совершенно разбитый, оставив в наших руках 5 паровозов, около 200 вагонов, до 2 тысяч пленных, несколько пулеметов и много другой добычи.

17 октября приехал в Гатчину со своим штабом граф Пален. В присутствии большого количества радостно настроенных жителей был отслужен торжественный благодарственный молебен.

От Палена я узнал все подробности блестящих действий 5-й Ливенской дивизии. В ночь с 9-го на 10 октября Семеновский и Островский полки 2-й дивизии, неожиданно ударив на противника, сбили его и захватили переправы через реку Лугу у деревень Сабек и Редежа. Образовался прорыв, в который был немедленно брошен вернувшийся из 2-го корпуса Конно-Егерский полк; благополучно переправившись через реку, он двинулся на деревни Устье, Яблоницы, Летошицы и далее на станцию Волосово, где взорвал полотно как Балтийской железной дороги, так и Мшинской ветки. Быстрое его продвижение навело панику на тыл противника, чем сильно облегчило действия 2-й дивизии и дало в наши руки громадное количество пленных и военной добычи. Ливенская дивизия, захватив после короткого боя переправу через реку Лугу у Муравейно, двинулась на Среднее Село, где большевики попытались оказать отчаянное, но оказавшееся безрезультатным сопротивление; 11-го числа она вышла на станцию Веймарн и перешла через Балтийскую железную дорогу. Отдельная группа, действовавшая на нашем левом фланге, под прикрытием огня танков, без особого труда завладела городом Ямбургом, захватив в нем бронированный автомобиль. Успех наш был бы еще более блестящим и разгром противника еще более полным, если бы танки смогли быстро переправиться через реку и продолжать оказывать нам свою поддержку; но, к сожалению, мост у Ямбурга был взорван, и быстро привести его в порядок не представлялось возможным.

12 октября на станции Волосово вышел Талабский полк; Конно-Егерский полк двинулся с боем, захватывая неприятельские обозы и пленных, на Клопицы и обходом через Гомонтову, Бегуницы и Тешково на Ново-Кемполово и далее на север на Капорское шоссе. Ливенцы отдельной колонной также двинулись на Кемполово, Кипень, Ропшу и далее на Красное Село, куда пришли 16 октября. Конно-егеря, прикрывая их левый фланг, вступили в Красное Село 17-го утром. 2-я дивизия на станции Волосово повернула прямо на восток и вышла в заслон в

сторону Мшинской (установить связь во время столь быстрого движения не было никакой возможности, и она еще не знала, что Мшинская уже занята мною), без задержек легко опрокидывая противника, двинулась на Гатчину. Противник был настолько разбит и деморализован, что знаменитые Гатчинские позиции 2-я дивизия прошла почти без боя.

1-я дивизия 13 октября одновременно с занятием города Луги заняла станцию Фан, деревни Флит и Серебрянку, 16 октября, после упорного боя, деревни Чегол, Крюково и 21 октября вышла на станции Оредеж и Батецкая. 4-я дивизия, вновь заняв станцию Струги Белые, двинулась вдоль по линии железной дороги, заняла станцию Плюсса и в районе города Луги соединилась с 1-й дивизией. 2-й корпус, несмотря на то что он сильно был ослаблен уходом дивизии князя Долгорукого и Печерского полка[176], благополучно держал свой фронт и удачными маневрами парализовал все попытки противника перейти в наступление на этом направлении.

По прибытии в Гатчину я энергично настаивал на немедленном дальнейшем наступлении, но начальники отдельных частей заявили, что люди устали настолько, что немедленно двигаться нельзя и необходимо дать хотя бы кратковременный отдых. Думаю, что большинство начальников, как и генерал Ветренко, так и не исполнивший моего приказания, полагало, что участь Петрограда уже решена, и каждому хотелось скорее и по возможности первым попасть туда, поэтому они и стремились, дав людям небольшую передышку, идти прямо на город, мало заботясь об уничтожении оставшихся еще сил противника и об обеспечении своих флангов.

На донесение генерала Ветренко о неисполнении им моего приказания я ответил, что если Тосно не будет взято, то я отдам его под суд. Тогда он приступил к устройству бронированного поезда, но время было уже упущено и бронированный поезд этот дальше станции Лисино пробиться не смог, где он встретил более сильный бронепоезд противника. Тем временем в Тосно с юга подходили один за другим эшелоны с подкреплениями для большевиков. Если бы генерал Ветренко исполнил мое приказание, то легко, на плечах у разбитого, в панике бегущего противника, мы были бы в Тосно, и вся дальнейшая картина была бы совершенно иная: большевики не смогли бы подвозить подкрепления, были бы вынуждены высаживать их, не доезжая до Тосно, и двигать по болотным и лесным дорогам, где задержать их не представляло бы особого труда, не говоря уже о том неизбежном моральном впечатлении, которое произвел бы на красных защитников Петрограда перерыв Николаевской железной

дороги и сообщения с Москвой. Благодаря своеволию генерала Ветренко была сделана непоправимая ошибка, результаты которой немедленно же начали сказываться и в конце концов поставили армию в безвыходное положение: Троцкий, проявивший, надо отдать ему справедливость, колоссальную энергию, не теряя ни одной минуты, начал подвозить подкрепления, и численное неравенство наших сил стало возрастать с каждым днем. Считаю, что неисполнение генералом Ветренко моего приказания является тяжелым преступлением не только перед воинской дисциплиной и долгом, но и перед Родиной.

* * *

До занятия Гатчины части армии действовали отдельными колоннами; благодаря быстрому движению, большим расстояниям и слабым средствам связи, находившимся в нашем распоряжении, поддерживать связь с высшими инстанциями, вовремя доставлять донесения и получать приказы не было никакой возможности. Но когда Гатчина была занята, весь 1-й корпус опять соединился, связь была более или менее восстановлена и отдельные задачи частей корпуса были закончены. Вместе с этим была закончена и моя задача, как начальника отдельной группы; поэтому я вновь передал 3-ю дивизию графу Палену и, переговорив с ним, решил остаться в Гатчине и, пользуясь своим автомобилем, выезжать на фронт для решения на месте всех могущих встретиться вопросов. Должность помощника Главнокомандующего вообще не существует, а поэтому никаких определенных функций я выполнять не мог, но считал своим долгом, пользуясь своей популярностью, содействовать общему делу. Все же неопределенность моего положения не позволила мне более настойчиво требовать от начальников немедленного дальнейшего движения на Петроград и позволила генералу Ветренко не исполнить мои приказания.

Держать войска под Гатчиной не было никакой возможности: необходимо было немедленно двигаться вперед, использовав панику и расстройство в рядах противника, и исправить преступную ошибку генерала Ветренко.

18-го утром Ливенская дивизия, имея на своем левом фланге Конно-Егерский полк, двумя колоннами по шоссе Красное – Лигово продолжала свое наступление и заняла деревни Большое и Малое Никкорово. Красные беспрерывно подтягивали резервы, пустили в ход несколько бронемашин и бронепоездов и упорно

отстаивали каждый кусок земли. Несмотря на это, 20-го числа ливенцы дошли до Стрельницкой подставы и до предместья Лигова; это были ближайшие к Петрограду точки, которых мы достигли.

На правом фланге корпуса после моего энергичного требования было решено перейти в наступление на Царское Село, и для борьбы при этом наступлении с подвезенными противником бронемашинами требовать из Ямбурга танки. Захваченный в Красном Селе и Гатчине подвижной состав и дружная работа железнодорожников по исправлению пути дали возможность подвезти танки, которые и были направлены по Царскосельскому шоссе. Еще до прихода танков я поехал к командиру Талабского полка генералу Пермикину, который занял деревню Новый Бугор, но благодаря работе неприятельских бронепоездов никак не мог взять деревню Онтолово, где засел коммунистический отряд имени Троцкого. Приехав в Новый Бугор, я приказал шести орудиям, бывшим при Талабском полку, не обращая внимания на огонь бронепоездов, переменить позицию и обстрелять сосредоточенным огнем деревню Онтолово. Когда, лично руководя этим боем, я заметил, что противник несет значительные потери от нашего артиллерийского огня и в рядах его обнаруживается расстройство, то приказал выдвинуть два орудия вдоль по шоссе на прямой выстрел. Большевики не выдержали такого нажима и отошли, а Талабский полк занял Онтолово и подошел к Перелесину.

Вследствие затяжки флангового движения генералом Ветренко, мы в этот день не заняли Царского Села. На следующий день я решил атаковать Царское Село и Пулково. Вечером я поехал в Гатчину в штаб корпуса, дабы сговориться об этом наступлении. Наутро, с рассветом, несмотря на сильный огонь бронепоездов противника, мы начали движение и после упорного боя заняли Царское Село. Большевики сражались с большим ожесточением, и если бы не присутствие танков, то, может быть, нам не удалось бы заставить их отойти. Я рассчитывал развить успех занятием в этот день Пулковских высот и упрашивал английского полковника Карсона, заведовавшего танками, дать для этой операции хотя бы один танк, но он категорически отказал. Пулковские высоты – это ключ к позиции перед Петроградом, и если бы они были взяты в этот же день, то сопротивление большевиков было бы окончательно сломлено и, несмотря на невзятие Красной Горки, на отсутствие обещанной поддержки со стороны английского флота и эстонцев, незанятое Тосно и на многие другие неблагоприятно сложившиеся для нас обстоятельства, – обладание Пулковскими высотами

окончательно закрепило бы за нами инициативу. Но, несмотря ни на какие доводы, полковник Карсон отказался дать хотя бы один танк. Идти же на хорошо укрепленную и технически оборудованную позицию с сильно утомленными людьми без всяких технических средств, да еще с малым количеством патронов и снарядов, я не мог, и мысль о немедленном занятии Пулковских высот в лоб пришлось оставить. В конце концов мне удалось под вечер уговорить полковника Карсона оставить в распоряжении генерала Пермикина один танк, но не с английскими, а с русскими офицерами.

Во время наступления 2-й дивизии на Царское Село 3-я дивизия заняла Павловск и Царскую Славянку. Я рассчитывал немедленно же направить ее на Колпино и на реку Неву, дабы лишить большевиков возможности подвозить подкрепления и исправить этим, насколько возможно, ранее допущенную ошибку, но сделать этого уже было нельзя; большевики подвезли тяжелые орудия и крупные резервы, и начинало чувствоваться, что инициатива ускользает из наших рук. Если бы Тосно было взято и Николаевская железная дорога была бы перерезана тогда, когда я этого требовал, то я уверен, что никакие усилия большевиков не помогли бы им вырвать у нас инициативу.

С каждым днем большевики подтягивали все большие и большие резервы, и наконец выяснилось, что держать Царское и Павловск мы более не в состоянии. Оставив Царское и Павловск, мы 25 октября сделали еще одну попытку перейти в наступление на этом направлении при поддержке танков. Наступление это сопровождалось некоторым успехом; после упорного боя мы заняли деревни Кискисары, Попово и Катлино, занять Царское не могли и были вынуждены отойти на линию Онтолова. Тогда генерал Юденич, приехав в Гатчину, приказал перебросить на этот фронт из-под Луги части 1-й дивизии.

После этой неудачной попытки занять Царское Село окончательно выяснилось, что инициатива ускользнула из наших рук. Большевики эшелон за эшелоном подвозили свежие подкрепления с Карельского, Финляндского, Латвийского и Эстонского фронтов и высылали на фронт всех курсантов и коммунистов, находившихся в Петрограде, Твери и Москве; надо отдать справедливость, что войска этих двух категорий дрались отлично. Тяжелые орудия большевиков с моря свободно громили наш левый фланг, так как английский флот не показывал признаков своего существования. Еще более важную роль сыграло то обстоятельство, что в боях под Царским наши части, благодаря плохой работе и неналаженности тыла, остались почти без патронов, снарядов и продовольствия; были случаи, когда

батареи выезжали на позицию, имея по три снаряда на орудие, а люди по два дня не получали хлеба. Новые формирования, которые были задуманы и для которых людского материала, и материала очень хорошего (было много добровольцев из местного населения), было много, нельзя было осуществить из-за отсутствия вооружения и продовольствия. Развал нашего тыла не поддавался никакому описанию, отношения с эстонцами продолжали быть натянутыми, и помощь нам они оказывали самую ничтожную, мост у Ямбурга, несмотря на то что я еще после отступления от Пскова приказал подготовить весь необходимый для его ремонта материал на станции Гостицы, чинился медленно, гражданское управление ближайшего тыла не налаживалось. Все это, конечно, не содействовало увеличению боеспособности армии. Силы же большевиков увеличивались с каждым днем.

Пришедшие в Гатчину части 1-й дивизии были направлены для усиления левого фланга 2-й и правого фланга 5-й дивизий в направлении на Никулину, и я, переговорив с графом Паленом, решил вновь попытать счастья и перейти в наступление на Пулково со стороны Никулиной. Я лично поехал на левый фланг руководить этой операцией. 1-я дивизия, перейдя в наступление на Коерово, должна была ударить во фланг Пулкову, а 2-я дивизия должна была перейти в наступление своим левым флангом и занять его. Из-за слишком большого неравенства сил операция эта не удалась, и 1-я дивизия отошла к Никулиной. 1-я Эстонская дивизия, вначале действовавшая весьма вяло, после нашего удачного продвижения вперед обложила Красную Горку и более или менее прикрывала наш левый фланг, но взять Красную Горку и вообще сделать что-либо существенное не могла из-за полного отсутствия обещанной поддержки со стороны английского флота. Красные броненосцы беспрепятственно обстреливали 12-дюймовыми снарядами наши позиции, но, к счастью, попадания были очень редки и серьезного вреда этот обстрел нам не принес. При наступлении от Гатчины мы встретились с серьезными техническими средствами противника: его хорошие броневые поезда не боялись огня нашей легкой артиллерии, а большое количество бронированных автомобилей и орудий, поставленных на грузовики, сильно затрудняло наше продвижение. Неоднократно я лично выводил наши батареи на открытые позиции, и артиллеристы прямой наводкой пытались подбить бронепоезд, но ничего из этого не выходило. Сильно развитая железнодорожная сеть давала противнику возможность, в каком бы направлении мы ни повели наступление, противопоставить нам бронированный поезд, которого мы не

имели. Левый наш фланг постоянно подвергался фланговым ударам противника, который беспрепятственно по железной дороге подвозил подкрепления к Петрограду и неоднократно пытался обойти или прорвать наш фланг, что ставило бы всю армию в безвыходное положение. Таким образом, наш блестящий, полный порыва удар поневоле замер. Видя, что у Царского Села мы больше уже не можем продвинуться вперед, штаб корпуса перешел в этом направлении к обороне и главное свое внимание сосредоточил на левом фланге. Было предположено перейти в наступление для очищения Петергофа и Ораниенбаума, но операцию эту не удалось выполнить, так как красные предупредили нас и заняли деревню Капорскую, захватив в ней два орудия и сильно потрепав 1-й Ливенский полк, причем был убит ружейной пулей командир полка. Образовался прорыв нашего фронта, и части Ливенской и 2-й дивизий заняли фронт перед Гатчиной, а 3-я уперлась правым своим флангом в станцию Владимирская. Таким образом, мы заняли фронт: станция Владимирская, Вярля, Новый Бугор, Верево, Пегелево, Малкино.

Желая поправить положение, Главнокомандующий приказал перебросить в Гатчину Конный полк Булак-Балаховича и два полка 4-й дивизии. Прибыл в Гатчину генерал князь Долгорукий и предлагал, сосредоточив свою дивизию, взять Тосно; но этот сам по себе совершенно правильный план являлся уже запоздавшим и по общему состоянию армии невозможным.

Для ликвидации грозившего катастрофой прорыва на левом фланге были сняты с фронта 2-й дивизии Талабский и Семеновский полки, замененные прибывшими полками 4-й дивизии, и отправлены под общей командой генерала Пермикина на левый фланг.

Таким образом, сняв с Лужского направления 1-ю дивизию и большую часть 4-й, главнокомандование наше само открыло большевикам полную возможность для нанесения удара по нашему правому флангу: в распоряжении генерала Арсеньева оставалась одна бригада генерала Ижевского, а у Луги оперировали всего два полка 4-й дивизии под командой полковника Григорьева[177]. Конечно, такие силы на таком большом фронте могли вести только наблюдение и никакому нажиму противника противостоять не могли.

Между тем большевики после упорного боя заняли с севера Ропшу и Кипень и угрожали перерезать железную дорогу Гатчина – Ямбург. Генерал Юденич находился в Нарве, связь со штабом корпуса была у него очень слабая и постоянно прерывавшаяся, а между тем в 1-м корпусе сосредоточилась почти вся Северо-Западная армия. В планы свои генерал Юденич меня по-прежнему

не находил нужным посвящать, да я думаю, что в штабе Главнокомандующего и не было никаких планов, так как он слишком слабо ориентировался в том, что делалось на фронте. Я советовал графу Палену не удерживать Гатчины, а, не теряя времени, отойти и тем спасти армию и дать возможность выделить ударные группы для обороны. Оборона Гатчины связывала армию и не давала ей возможности свободно маневрировать, а я уже говорил, что в гражданской войне залог успеха в искусных, быстрых и решительных маневрах.

За весь этот период деятельность моя сводилась главным образом к тому, что я, по долгу своей совести, всячески пытался поддерживать настроение в войсках. Эта задача более или менее мне удавалась, так как войска знали меня хорошо и привыкли видеть всегда на передовой линии. Но одного хорошего настроения недостаточно, и в воздухе начинало определенно пахнуть катастрофой.

Одновременно с приездом генерала Юденича приехал в Гатчину и генерал-губернатор генерал Глазенап со штабом, в котором было более шестидесяти офицеров. Колоссальный штаб этот никакой пользы общему делу не принес, а существование его под таким громким и несвоевременным названием («Штаб генерала-губернатора и командующего войсками на театре военных действий») было только смешно, тем более что было совершенно неясно, какими именно войсками должен был командовать генерал Глазенап, так как все войска были подчинены командирам корпусов, а командиры корпусов – ранее мне, а после назначения меня помощником Главнокомандующего – непосредственно Главнокомандующему. Я полагаю, что пресловутый штаб этот принес бы гораздо больше пользы, если бы чины его были направлены на пополнение полков, где нужда в офицерах была острая. Как пример того, насколько штаб Главнокомандующего не был осведомлен о положении на фронте, могу привести следующий факт: через несколько дней после взятия Гатчины, когда уже было видно, что противник успел подвести большие резервы, инициатива стала постоянно переходить в его руки, была получена от Главнокомандующего телеграмма с приказанием: «Генералу Родзянко с 3-й дивизией взять Петроград». При всем желании точно исполнять приказания высшего начальства, мы с графом Паленом, прочитав эту телеграмму, только посмеялись.

Между тем положение в Гатчине становилось серьезным. По данным разведки и по сведениям от местных жителей, большевики, заняв Кипень, начали распространяться по Ямбургскому шоссе. Для ликвидации этого отхода был послан

Конно-Егерский полк. Забрав с собою мою личную сотню, которая была сильно потрепана в последних боях, выбрав на станции Кикерино всех лучших людей из запасных полков, взяв воздухоплавательный отряд и вызвав, с разрешения Главнокомандующего, из Ямбурга танковый ударный батальон, я двинулся во главе этого сборного отряда со станции Кикерино на Кемполово и Кипень, направив колонну на Переярово. Прибыв в Витино, я застал там части Конно-Егерского полка и узнал от них, что Дятлицы заняты эстонцами. Кипень была уже занята генералом Пермикиным. Соединившись с ним, я на следующий день перешел в наступление и после упорного боя занял Ропшу, причем танковым батальоном был захвачен бронированный автомобиль с пушкой. Далее благодаря исключительно удачным действиям генерала Пермикина нами было занято Высоцкое, и обход нашего левого фланга был совершенно ликвидирован. Должен отметить, что в ликвидации этого отхода значительную роль сыграла 1-я Эстонская дивизия, ударившая во фланг красным и помешавшая их движению на Волосово.

Передав составленный мною отряд генералу Пермикину, я поехал в Гатчину, где узнал, что большевики значительными силами наступают на Лугу. Наши силы в Луге были весьма незначительны, и положение становилось критическим. Между тем никаких указаний от высшего командования не поступало, и я, переговорив с графом Паленом, поехал к генералу Юденичу объяснить, что такое положение является недопустимым.

В Ямбурге я нашел полную неурядицу и неразбериху. Мост, между прочим, все еще не был готов. Обрисовав Главнокомандующему тяжелое положение на фронте из-за перевеса сил у большевиков и недостатка у нас патронов, снарядов, продовольствия и т. д., я доложил ему о необходимости немедленно принять то или иное решение и сказал, что наиболее правильным исходом, дающим возможность спасти армию, считаю немедленное оставление Гатчины и постепенный отход, обеспечив свой правый фланг. Рапортом на имя Главнокомандующего я просил назначить следствие по делу о неисполнении генералом Ветренко моих боевых приказов. Главнокомандующий согласился, но следствие так и не было назначено, а впоследствии выяснилось, что все мои приказы исчезли из дел штаба 3-й дивизии. На мой доклад и предложение Главнокомандующий не дал решительно никакого ответа. Поняв это как нежелание с его стороны разговаривать и считаться со мною, я решил, что ничего более для армии сделать не могу, и, еще раз предупредив Главнокомандующего о надвигающейся катастрофе, остался впредь до дальнейших распоряжений в

Нарве. В штабе Главнокомандующего начальник штаба генерал Вандам и генерал-квартирмейстер генерал Малявин рассказали мне, что никаких точных указаний и распоряжений от генерала Юденича добиться им не удается. В результате в штабе царили полная растерянность и недоумение. Случайные, разноречивые приказания штаба армии, не связанные никакой общей идеей и планом, еще ухудшали безвыходное положение нашей бедной армии.

А на фронте катастрофа приближалась с каждой минутой, и избежать ее уже становилось невозможно. Части полковника Григорьева, подчиненные непосредственно Главнокомандующему, не получив никаких приказаний ни от него, ни от его штаба, оставив Лугу, отошли на Мшинскую, а не на Красные Горы – Осмино, чем окончательно обнажили правый фланг армии, и неприятель, не задумываясь, из Луги и со станции Преображенская принял движение в тыл корпусу графа Палена. Может быть, еще можно было спасти армию, выделив быстро ударную группу для ликвидации прорыва у Луги; но действовать надо было решительно и энергично, все время сообразуясь с местными условиями и передвижениями противника и парируя каждый его маневр своим контрманевром. К сожалению, генерал Юденич совершенно не понимал гражданской войны и ни в какой мере не обладал качеством, являющимся прямо необходимым для начальника, ее ведущего, то есть решительностью и энергией. Не имея никакого общего плана и не получая никаких указаний, части армии отступали на Ямбург, совершенно не представляя себе, что они будут делать дальше. К поспешно отступавшим войскам примкнула масса беженцев, внесшая в отступление еще больший беспорядок. И все-таки наши отступавшие войска продолжали вести бои со значительно превосходящими силами противника, переходов на сторону красных почти не замечалось, случаи потери обозов и пулеметов были очень редки.

Вместо того чтобы от Волосова двинуть 4-ю дивизию через реку Лугу во фланг наступающим большевикам, как предлагал я, генерал Юденич, совершенно не понимаю почему, предпочел и ее, и 1-ю дивизию провести через Ямбург и Нарву и занять ими позиции впереди реки Плюссы, что дало возможность большевикам без всяких потерь двигаться в тыл нашей армии. Начальник штаба генерал Вандам и генерал Малявин, не получая никаких указаний, совершенно не знали, что им делать и что отвечать на запросы с фронта. Тогда фронтовые начальники стали сами приезжать в Нарву к генералу Юденичу, надеясь таким способом добиться ориентировки и определенных указаний. Но и это не помогло, все приказания шли вразброд, и в

армии водворился полный хаос. Когда же около 7 ноября обнаружилось наступление советских войск со стороны Струг-Белы и от Пскова, – в штабе Главнокомандующего началась полная неразбериха. 8 ноября под напором превосходных сил противника генерал Арсеньев сдал Гдов, а 14 ноября большевики обходом заняли Ямбург, и Северо-Западная армия оказалась прижатой к реке Нарове и к эстонской проволоке против города Нарвы. Тем временем изменилась погода и сразу наступили морозы, доходившие до 20 градусов.

Когда положение стало более чем угрожающим, генерал Юденич пригласил меня к себе и просил принять командование группой, оперировавшей к югу от Нарвы, то есть 2-м корпусом и 1-й дивизией. Я, конечно, согласился, хотя и отлично понимал, что исправить положение едва ли представится возможным, о чем и доложил и немедленно отправился на фронт, в Гостицы. Впечатление от фронта было тяжелое: дух солдат сильно упал, толпы голодных, полузамерзших беженцев наполняли все леса между фронтом и эстонской проволокой, целые стада стояли без фуража. Подробно ознакомившись с обстановкой на месте, я приказал 4-й дивизии перейти в наступление в направлении на Выскотку – Кураплешево, а 1-й дивизии на Большие и Малые Рожки и погост Рудной. Отдельной бригаде генерала Ижевского я приказал занимать прибрежную полосу Чудского озера. Находившиеся против нас силы противника были во столько раз многочисленнее и лучше нас снабжены техническими средствами, а наши части настолько устали, что эта последняя попытка перейти в наступление не дала никаких результатов; ни 1-я, ни 4-я дивизии не смогли продвинуться. Убедившись, что дальнейшая борьба невозможна и что армию ждет неминуемая гибель, я поехал в Нарву в штаб просить, чтобы было что-либо предпринято для спасения армии и несчастных беженцев. Отношение к нам эстонцев, предвидевших близкий конец Северо-Западной армии, стало прямо невозможным: они грабили наши обозы, грабили беженцев, не пропускали никого через проволоку на левый берег Наровы и т. д.

Я долго уговаривал и просил генерала Юденича ехать в Ревель, для того чтобы предпринять хоть что-нибудь для спасения армии. Переговоры эстонцев с большевиками вновь возобновились в Юрьеве, и это не предвещало для нас ничего хорошего. Благодаря моим настояниям Главнокомандующим были посланы генералу Лайдонеру две телеграммы. Наконец Главнокомандующий послал меня к генералу Лайдонеру устроить отход армии за реку Нарову. Во время моего пребывания в Ревеле я получил две телеграммы от командиров корпусов для передачи

генералу Лайдонеру. Пришлось долго говорить и с генералом Лайдонером, и с эстонским правительством, но все разговоры ни к чему не привели. Генерал Лайдонер сказал, что теперь все зависит не от него, а от правительства; и он при всем желании ничего не может сделать. Правительство же не спешило с ответом. Так не получив никакого определенного ответа, я и вернулся в Нарву. Представители Антанты в Ревеле в этот период мало чем или, вернее, ничем нам не помогали.

Северо-Западная армия, отдав Ямбург, еще сражалась, но участь ее уже была решена, и это были ее последние дни.

Вернувшись из Ревеля, мне наконец удалось уговорить поехать туда генерала Юденича: положение людей на фронте было ужасно, и надо было, пойдя на какой угодно компромисс, хоть что-нибудь предпринять.

1-я дивизия отошла через Скарятину Гору и была разоружена эстонцами; части 4-й дивизии, припертые к Криушам, были в безвыходном положении; Ливенская дивизия отчаянно защищалась около Низов и Усть-Жердянки; 2-я и 3-я дивизии вели бои в болотах и лесах против Нарвы. Хлеба не было; готовить горячую пищу людям было негде; ели болтушку; вообще невозможно описать весь ужас того положения, в которое попала Северо-Западная армия. Бесчеловечное отношение эстонцев переходило все границы. Начальник 1-й Эстонской дивизии генерал Теннисон, с которым раньше у меня были самые хорошие отношения, позволял себе определенные издевательства: на вопрос, как и где обогреть людей, он ответил: «Стройте землянки», когда не было ни топоров, ни лопат, стоял мороз около 20 градусов, а в Нарве можно было найти кое-какие помещения. И все-таки наши полки продолжали вести упорные, почти беспрерывные бои со свежими, подвезенными из тыла, во много раз превосходившими нас силами противника.

Когда генерал Юденич уехал в Ревель, он передал временное командование армией мне. Я старался убедить генерала Теннисона сделать для наших солдат хоть что-нибудь и кое-чего в этом направлении достиг. После совещания наших старших начальников с генералом Теннисоном и с представителями Антанты было решено дать частям 2-й и 3-й дивизий обогреться в Нарве. 5-я дивизия нашла кое-какие помещения у Усть-Жердянки и Низов. Тем было разрешено отойти в район южнее Вайвары.

Об ужасном положении наших частей я послал телеграмму Главнокомандующему и генералу Лайдонеру, на что получил дикий ответ от генерала Юденича. Такой ответ был более чем странным, так как обстановка требовала срочных решений, тем более что некоторые наши части, переходя согласно условию за

реку Нарову, поступали в распоряжение эстонского командования. По возвращении генерала Юденича я доложил ему, что за его отсутствие было много сделано для армии, и просил его избавить меня от громкого названия помощника Главнокомандующего, так как надобности в таковой должности совершенно не представлялось; я просил его дать мне в командование все, что он найдет возможным, хотя бы роту. На это Главнокомандующий сказал: «Я вас посылаю в Лондон». Я спросил: «Когда прикажете ехать?» Ответ был: «Возможно скорее». Я сказал «Слушаю-с» и в тот же вечер выехал в Ревель, надеясь, что, попав в Лондон, смогу там добиться помощи для нашей армии.

На следующий же день командующим армией был назначен недавно прибывший на наш фронт и пока фигурировавший в должности генерал-губернатора генерал Глазенап[178]. Было очевидно, что посылка моя в Лондон была вызвана не необходимостью, а только желанием от меня избавиться. С тяжелым сердцем покидал я Нарву и дорогую мне Северо-Западную армию и искренне жалел, что мне не удастся до конца разделить с ней тяжелую участь, ее постигшую. Вскоре действительно оказалось, как я и предполагал, что посылка моя в Лондон была только предлогом для удаления меня из армии, и генерал Юденич, продержав меня целый месяц в Ревеле, откомандировал меня в армию адмирала Колчака или же генерала Деникина, в зависимости от того, куда я устроюсь и пожелаю ехать. В первых числах января я выехал через Гельсингфорс в Стокгольм, где узнал, что адмирал Колчак погиб, а армия Деникина быстро отступает и, по-видимому, скоро перестанет существовать.

Перед отъездом из Ревеля я написал генералу графу Палену письмо, как старшему из начальников, в котором объяснил, что я уезжаю не по собственному желанию, а по приказанию Главнокомандующего и что в случае нужды я согласен командовать хотя бы ротой и разделить участь Северо-Западной армии до конца.

Тем временем в Юрьеве продолжались переговоры между большевиками и эстонцами, которые, очевидно, должны были закончиться перемирием.

Части Северо-Западной армии продолжали доблестно отражать все атаки красных, пытавшихся овладеть Нарвой, и даже перейдя в частичное наступление, Талабский полк, уже лишенный своего лихого командира генерала Пермикина, удаленного в Гельсингфорс, захватил 4 неприятельских орудия. Но это была «лебединая песнь» Северо-Западной армии. Через

несколько дней перемирие было заключено, и армия должна была подвергнуться позорному разоружению. От голода и холода в армии развился тиф и унес много жертв из рядов достойных борцов за русское дело. И все-таки переход к большевикам начался только тогда, когда припертая с одной стороны противником, с другой эстонцами армия действительно не знала, куда ей деваться. Уходя к красным, многие солдаты оставляли записки с просьбой не думать, что они сделались большевиками, и с объяснением, что они уходят только для того, чтобы отомстить эстонцам. Вообще против эстонцев солдаты были чрезвычайно озлоблены.

* * *

Закончив воспоминания свои о Северо-Западной армии, не могу не сказать хотя бы несколько слов о причинах, приведших эту малую, но геройскую армию к гибели и навлекших на нее несправедливые нарекания врагов, а часто и совершенно доброжелательных, но плохо и неправильно осведомленных людей.

Главнейшие причины эти следующие: 1) отношение глубокого тыла и Парижского совещания к нашей армии, слабость Северо-Западного правительства в сравнении с советской властью, разрозненность русских общественных сил и увлечение их партийностью, что еще более ослабляло армию и ее и без того слабый тыл, 2) недружелюбное отношение к нам эстонцев, 3) отсутствие настоящей поддержки со стороны представителей Англии и 4) допущенные высшим командованием крупные стратегические ошибки.

Попробую более подробно осветить эти причины.

1. Парижское совещание, в руках которого, казалось, находились тогда все нити спасения родины, совершенно не знало истории возникновения и обстановки деятельности Северо-Западной армии, которая формировалась и вела борьбу под знаменем «Против большевиков и за Учредительное собрание». Как я уже говорил выше, приезд штаба Главнокомандующего в Нарву не оправдал надежд армии: штаб этот не пожелал ознакомиться с нуждами фронта, а тыл армии, как был до приезда его не налажен, из-за полной невозможности найти подходящих работников, так и остался неналаженным. Что такое представляло собой Парижское совещание, каковы были его цели и задачи, какие пути намечало оно для спасения родины, – ни мне, ни армии совершенно не было известно. Не имея ни копейки

денег, мы не могли даже послать в Париж курьера для связи. Штаб генерала Юденича, до июля месяца находившийся в Гельсингфорсе, сведения давал нам самые скудные. Не улучшилось наше положение и после переезда его на южный берег Финского залива, и мы по-прежнему продолжали находиться в полном неведении того, что делалось в Европе. Единственное, что мы знали, было то, что лозунг «Великая, Единая, Неделимая» окончательно отшатнул от нас эстонцев, на которых мы волей-неволей должны были опираться, и лишил этим армию твердой базы. Политическое совещание при генерале Юдениче, подобно его штабу, тоже не пожелало ознакомиться с положением армии и совершенно игнорировало командующего этой армией. Что касается общественных деятелей, то они старались играть крупные роли, пытались дать понять, что они являются создателями и вдохновителями армии, перебивали друг у друга министерские портфели (я уже говорил о том, как присяжный поверенный Иванов просил меня поддержать его кандидатуру на пост премьер-министра) и только вносили рознь в армию. В несчастье, случившемся с Северо-Западной армией, мы, русские, должны прежде всего обвинить самих себя: вместо того чтобы дружно сплотиться для борьбы с большевизмом, представители интеллигенции и буржуазии, способные работать и приносить пользу, разбились на группы и занялись партийными спорами, желая восстановить родину именно по своей программе и тем только ослабляя общие, необходимые для борьбы силы. Совершенно необъяснимо было нежелание Главнокомандующего и его штаба допустить в армию некоторых офицеров, желавших работать для освобождения родины, причем как мотив выдвигалось обвинение их в немецкой ориентации, а это лишало армию весьма ценного элемента. Большинство бежавших из-под большевистского ига думали только об устройстве своего личного благосостояния и яростными партийными выступлениями за границей думали оправдать свое нежелание принять участие в непосредственной борьбе с большевиками, охотно предоставляя эту честь горсти смелых и действительно любящих свою родину людей. Партийные споры результатов никаких не дали, а честных борцов на фронте погибло из-за них немало. Читающему эти строки я поставлю один вопрос: что важнее – родина или партия?

2. Отношение к армии эстонцев. Меморандум эстонского правительства Верховному совету от 16 декабря 1919 года не нуждается в комментариях и служит лучшим материалом для оценки отношения эстонцев к нашей армии. Каждому бывшему в Северо-Западной армии и видевшему освобождение Эстонии от большевиков достаточно прочесть его, чтобы убедиться,

насколько изложение фактов в этом меморандуме не соответствует действительности. Я уже говорил о стремлении эстонцев создать рознь в рядах Северо-Западной армии. У Северного корпуса, участвовавшего в освобождении Эстонии от большевиков и имевшего, как и впоследствии Северо-Западная армия, единственную цель – борьбу с большевизмом, не было абсолютно никаких агрессивных намерений по отношению к Эстонии. Лучшие представители эстонского народа, как, например, Главнокомандующий генерал Лайдонер, знали это, ценили наше отношение к их стране и охотно поддерживали Северо-Западную армию в ее тяжелой борьбе; но часть эстонского народа, его правительство и пресса, несмотря на полную лояльность армии и все мои заверения, упорно относились к нам с недоверием, видя в усилении нашей армии угрозу самостоятельности Эстонии. Надо отдать справедливость большевикам, что пропаганда их в Эстонии была поставлена хорошо; большевистские тенденции и в рабочих и в армии не ослабевали, и, само собой разумеется, большевистски настроенные элементы являлись злейшими нашими врагами. Зависимость наша от них была велика, так как тыл наш был в Эстонии, что и дало возможность недоверчиво к нам относившимся элементам создать на нашем левом фланге ингерманландский вопрос, на правом – Балаховича с его партизанами и сепаратистскими стремлениями, а в тылу – успех и политическое значение присяжного поверенного Иванова и компании. О вреде, принесенном армии этими явлениями, и о мерах борьбы, которые я вынужден был принимать против них, я уже говорил подробно выше. Говорил я и о том, что особенно возросло недоверие к нам эстонцев после неудачного прилета на аэроплане сенатора Нейдгардта и после еще более неудачного выступления Бермондта. О том, какой вред принесло белому делу поведение эстонских частей, работавших вместе с Балаховичем у Пскова, я тоже уже говорил подробно. Конечно, если бы эстонский народ и его правительство оценили услугу, оказанную Эстонии Северо-Западной армией, и поняли необходимость общей дружной борьбы с большевиками, – вся история наступления на Петроград была бы другая, особенно при условии выступления Финляндии. Характерна та быстрота, с которой Эстонская армия переменила свое отношение к нам, как только начала сказываться наша неудача: те же полки, которые только что сражались бок о бок с нами под Красной Горкой, стали грабить наши обозы и разоружать отходящие части. Что же касается моих личных отношений с генералом Лайдонером, то они всегда были самые лучшие, и назначение мое было сделано

им как Главнокомандующим, причем он определенно мне говорил, что доверяет армии в моем лице в том, что она ничего не предпримет против Эстонии. Поддержка ингерманландцев адмиралом Нитка, стремление некоторых членов эстонского правительства создать из Ингерманландии буферное государство между Эстонией и Россией, снятие, по приказанию эстонского командования, Андреевского флага с Чудской флотилии, перешедшей на нашу сторону, и избиение в тылу наших офицеров и солдат эстонскими солдатами произвело самое грустное впечатление на армию. Весьма возможно, что вследствие этого некоторые герои тыла в частных разговорах грозили, что Северо-Западная армия, после взятия Петрограда, повернет штыки против Эстонии, но командование этого не только никогда не говорило, но и не думало.

3. Отношение представителей Англии. После удачного расширения в мае месяце плацдарма Северного корпуса мне впервые пришлось познакомиться с различными иностранными миссиями, которые в большом количестве начали прибывать на наш фронт, желая ознакомиться с общим положением. Я старался поддерживать с ними наилучшие отношения и полнее посвящать их в наше положение и нужды. По-видимому, миссии эти нашли положение корпуса настолько упрочившимся, что сочли возможным оказание ему фактической помощи. Как раз в то время, когда эстонцы перестали выдавать нам все виды довольствия, прибыли к нам два американских представителя и после переговоров с нами заявили, что американское продовольствие для армии прибудет такого-то числа; обещание это было выполнено с поразительной точностью. Точно так же обещали свою помощь и английские представители и даже назначили числа прихода пароходов, но, к сожалению, ни одно из их обещаний не было выполнено в указанный срок. Только после сдачи Ямбурга, в начале августа, то есть с опозданием почти на два месяца, прибыл первый пароход, причем прибывшие танки оказались не в порядке, огромное количество орудий пришло без замков, комплекты обмундирования неполные и разрозненные. Еще в мае, при первом расширении плацдарма, нежелание английского флота вступить в связь с армией сыграло пагубную роль. Покажись только английская эскадра, когда Красная Горка была в наших руках и три форта Кронштадта и часть большевистского флота готовились к сдаче, – участь Кронштадта была бы решена тогда же. 15 сентября англичане потребовали перехода в наступление, обещая, что одновременно с нами перейдут в наступление и армии вновь образованных республик; на самом же деле, когда мы в южном секторе, в районе Гдова,

отбросили большевиков за реку Желчу, – никто не двинулся с места. При втором наступлении нашем я также никак не мог добиться связи с английским флотом, несмотря на все старания мои и полковника английской службы Шербрука. Флот этот никаких серьезных действий против Кронштадта не предпринимал, несмотря на определенные обещания. Отказ полковника Карсона пустить на Пулковские высоты танки, находившиеся всего в пяти верстах от этих позиций, лишил нас возможности занять их и имел для армии самые печальные последствия. Письмо генерала Гофа к генералу Юденичу произвело на армию самое тяжелое впечатление и окончательно подорвало в ней авторитет представителей Англии. Поспешное создание генералом Марчем Северо-Западного правительства, не имевшего территории, произвело своеобразное впечатление. Отношение же к нам представителей Англии при отходе армии к пределам Эстонии имело для нее пагубные последствия: энергичное их требование, обращенное к эстонцам, дало бы армии возможность выйти из создавшегося положения для продолжения борьбы или же для спокойного разоружения. Не могу не добавить, что личные мои отношения со многими английскими офицерами были хорошие и сердечные.

4. Допущенные стратегические ошибки. Северный корпус перешел 13 мая в наступление отнюдь не задаваясь целью занять Петроград, а лишь желая расширить плацдарм для будущих формирований. Эту задачу он выполнил блестяще и отошел 3 августа за реку Лугу, увеличившись во много раз. После уничтожения партизанщины и сведения армии в регулярные полки Северо-Западная армия представляла грозную по своей беззаветной храбрости и сплоченности силу, что и доказала при наступлении своем на Петроград, вопреки мнению генерала Гофа и совещания при генерале Юдениче. Первая стратегическая ошибка – это наступление по кратчайшему направлению: при приближении к Петрограду армия встретилась с колоссальными техническими силами большевиков (бронепоездами, подвижными батареями, тяжелой артиллерией и т. д.), которыми противник легко мог пользоваться, имея у себя в тылу хорошо развитый железнодорожный узел. Большой ошибкой Главнокомандующего было то, что он не пожелал перевести армию в Псков, пока он был еще в наших руках, и, сосредоточив ее, действовать на Новгород – Чудово и далее на Ладожское озеро. Кроме того, что Псков и Новгород для каждого русского имеют особое историческое значение, наши стратегические преимущества были бы огромны, а население Псковской и Новгородской губерний, по имевшимся сведениям, питало к нам большие симпатии и, наверное,

принесло бы армии больше пользы, чем рабочие и потерявшие человеческий облик интеллигенты Петрограда. Конечно, в Пскове нужно было организовать твердый и прислушивающийся к нуждам армии тыл. Разработанный мною, согласно приказанию Главнокомандующего, план наступления на Петроград по кратчайшему направлению был армией выполнен в точности, и все чины ее работали напряженно и самоотверженно, но по занятии Гатчины Главнокомандующий, оставшийся в Нарве, выпустил управление из своих рук из-за плохой связи; желание же отдельных генералов возможно скорее достичь Петрограда привело к тому, что почти вся армия была сосредоточена в районе Гатчины, и правый фланг ее оказался оголенным, что позволило большевикам почти беспрепятственно вывалиться ей в тыл. Генерал Ветренко неисполнением приказания о занятии Тосно нанес всей армии стратегическое поражение. Когда же армии пришлось отступать, главнокомандование совершенно потеряло голову, тем более что письменного договора с эстонцами, который мог бы гарантировать ей спокойный отход, не существовало. Договор этот был заключен генералом Нефом и истек в мае 1919 года. Я с генералом и подполковником Крузенштернами подготовил к подписи новый договор, которым устанавливалось соглашение с эстонцами, но генерал Юденич, по причинам для меня не ясным, отказался от его подписания. Генерал Юденич, по-видимому, совершенно не сознавал, что армия гибнет, и думал, что назначением неизвестного ей и неспособного к этой роли генерала Глазенапа можно спасти положение. Генерал Глазенап принял на себя непосильную задачу, что объясняется его честолюбием и желанием быть командующим армией. Многие части стойко держались до последней минуты и были брошены неожиданно уехавшими Главнокомандующим и новым командующим на произвол судьбы.

Огромная ответственность за гибель армии лежит на самом генерале Юдениче, человеке безвольном и упрямом, которому были совершенно чужды стремления и желания борцов за правое дело. Этот дряхлый старик не имел права брать на себя столь ответственную роль; большими преступниками перед погибшими борцами являются те русские общественные деятели, которые выдвинули эту мумию на столь ответственный пост.

Северо-Западная армия печально кончила свое существование, но работала она доблестно, преследуя одну лишь цель – избавить Россию от ига большевиков и довести народ до порядка и законной власти. Она доказала всем, беспристрастно глядящим на дело, что небольшая кучка людей, работая дружно, способна проявить безграничную доблесть для спасения родины и

может увлечь за собой много других. Северо-Западная армия привлекла к себе внимание всего мира: казалось, вот-вот еще одно последнее усилие, и она достигнет цели и освободит дорогую родину; но «высшие» политические соображения, чуждые интересам русского народа, чуждые гуманности и справедливости, помешали ей закончить начатое дело. Многим честным борцам пришлось погибнуть, рассыпаться по чужеземным странам и продолжать нести лишения и обиды. Неизвестно еще, во что выльется будущее нашей родины, но когда-нибудь настанет время, когда всем честным людям вновь придется соединиться для работы во имя ее блага.

И. Гессен
Образование Северо-Западного правительства[179]

Незадолго до приезда в Финляндию генерала Юденича в Гельсингфорсе образовался под председательством А.Ф. Трепова[180] особый комитет по делам русских в Финляндии. Комитет был организован с разрешения финского правительства, которое выдало ему ссуду в пятьсот тысяч марок. Трепову, однако, недолго пришлось оставаться на посту председателя. В начале 1919 года в Финляндию бежали из Петербурга П.Б. Струве[181] и А.В. Карташев. В это время в Выборге был созван съезд представителей русской промышленности и торговли, после которого на место Трепова во главе комитета был поставлен Карташев, являвшийся вместе с тем представителем так называемого Национального центра, подпольной организации, образовавшейся в России для борьбы с большевиками.

Комитет тоже состоял главным образом из русских промышленников и фабрикантов; из других элементов в нем играл видную роль князь В.М. Волконский, бывший товарищ председателя Госдумы и товарищ министра внутренних дел и граф Буксгевден, бывший чиновник особых поручений при московском генерал-губернаторе, обвинявшийся в организации убийства депутата Иоллоса и покушения на убийство графа Витте. Как Комитет, так и выделенный из него Совет промышленности под председательством Ф.Ф. Утемана, хотя по уставам своим и не должен был вмешиваться в политику, поставил главной своей задачей оказание помощи Юденичу, для чего в гельсингфорских банках и был сделан под общим поручительством заем в два миллиона марок. Однако отношения между Комитетом и Советом, с одной стороны, и Юденичем – с другой далеко не были свободны от трений. В самом Комитете царило несогласие, и он делился на две группы, которые друг друга обвиняли в «немецкой ориентации», что тогда считалось тяжким преступлением. Каждая из этих групп старалась приобрести влияние на Юденича, и генерал склонялся то на ту, то на другую сторону. Ближайшие советники генерала постоянно менялись; кроме того, имелись таковые и вне названных организаций, к числу их принадлежал на первом месте англичанин Аич, тоже оказывавший Юденичу помощь. Впоследствии, когда Юденич начал свое наступление на

Петербург, и казалось, вот-вот возьмет столицу, Аич, приехавший вместе с известным банкиром Рубинштейном в Финляндию, получил от генерала неосуществившуюся концессию на устройство эмиссионного банка в Петербурге с устранением всех русских банков. Укрывшиеся в Финляндии представители так называемого общественного элемента, стоявшие вне Комитета и Совета, недовольные таким положением дел, образовали под председательством Е.И. Кедрина группу, которая всячески стремилась добиться, чтобы при Юдениче было образовано какое-нибудь совещание из политических и общественных деятелей, которое бы определило направление его деятельности. Генерал шел на это неохотно и медленно, но все же уступал. Однако первое совещание, им образованное по своему выбору, не состоялось. Совет промышленности запротестовал, требуя, чтобы представители промышленности были избраны самим советом, а другие члены совещания были назначены по соглашению с ним. Тогда названная группа приступила к выработке положения о совещании и представила проект Юденичу, причем предполагалось, что совещание будет находиться «в контакте» с группой. Генерал проект одобрил и назначил пять лиц (Лианозова, Кузьмина-Караваева, Суворова, Карташева и Кондырева) членами «Политического совещания». Совещание это быстро эмансипировалось от всякой связи с группой, а с другой стороны, не наладило отношений и к Комитету и Совету, напротив, послужило новым источником взаимных недоразумений и счетов.

Совещание продолжало начатые уже Юденичем переговоры с финским правительством об оказании военной помощи в борьбе с большевиками, но вследствие внутренних политических осложнений переговоры подвигались очень туго. Финляндии предстоял непосредственно выбор президента, причем наиболее серьезным кандидатом был, естественно, Маннергейм, который, однако, имел много противников. Маннергейм, полагавший, что поход против большевиков укрепит его положение, стоял за интервенцию, и на этой же точке зрения стояли все его сторонники. Напротив, его противники уже, как таковые, были против интервенции, опасаясь, что она сделает неизбежным избрание Маннергейма президентом. Когда после острой борьбы президентом был избран Стольберг, переговоры с финским правительством постепенно сошли на нет и внимание Совещания перенеслось в сторону Эстонии, куда члены его и стали ездить для переговоров с эстонским правительством и для выяснения на месте обстановки, в которой организовались русские отряды.

К этому времени в Финляндию и Эстонию прибыла

английская военная миссия под начальством генералов Гофа и Марша, назначение которой, как потом утверждали из английских источников, было состоять при Юдениче, но фактически они считали себя распорядителями.

Но и внутри себя Политическое совещание было несвободно от серьезных недоразумений, и некоторые члены его тщетно добивались от Юденича опубликования какой-нибудь определенной программы действий, которая была тем более необходима, что поведение начальников отрядов в Эстонии не способно было внушить доверие к их настроениям и целям. В то время как Политическое совещание, опираясь на помощь английской миссии, развивало свою деятельность, генерал Марш за спиной его с необычайной скоропалительностью подготовил образование Северо-Западного правительства. О том, как образование этого правительства, завершившееся полным поражением Юденича, произошло, рассказали впоследствии в своем докладе Карташев, Кузьмин-Караваев и Суворов. Из этого доклада мы и заимствуем его чисто фактическую часть и приложенные к нему документы. Последний из печатаемых документов, рисующий отношения генерала Гофа к Юденичу, к упомянутому докладу не приложен и доставлен нам непосредственно.

Светлейший князь А.П. Ливен

К.И. Дыдоров

А.С. Гершельман

М.И. Ярославцев

Барон Н.А. Будберг

А.И. Куприн

А.П. Родзянко

А.А. Енш

А.А. Северин

Генерал от инфантерии Н.Н. Юденич

Генерал-лейтенант П.В. Глазенап

Генерал от кавалерии П.Н. Краснов

Генерал-лейтенант П.К. Кондзеровский

Генерал-майор С.З. Верховский

Генерал-майор М.Я.Соболевский

Генерал-майор барон Ф.В. Раден

Полковник светлейший князь А.П. Ливен

Полковник К.И. Дыдоров

Полковник В.Ф. Рар

Генерал Н.Н. Юденич и адмирал В.К. Пилкин

С.Н. Булак-Булахович с ординарцем

Светлейший князь А.П. Ливен и К.И. Дыдоров под Ригой в мае 1919 г.

Светлейший князь А.П. Ливен со штабом отряда

Генерал Н.Н. Юденич со своим штабом

Штаб 1-го стрелкового корпуса

Образование Северо-Западного правительства, сочетавшееся с признанием независимости Эстонии, привело, как известно, к недоразумениям между Англией и Францией. Гоф и Марш были отозваны, руководство операциями на Северо-Западном фронте было передано Франции, которая решила послать генерала Манжена, но тот отказался. Тогда оно было поручено генералу Нисселю, который, однако, до Ревеля и Гельсингфорса не доехал, отдав все свои заботы ликвидации бермондтовского инцидента. Наступление Юденича потерпело полное крушение.

Из доклада Карташева, Кузьмина-Караваева и Суворова

С 31 июля по 7 августа все члены Политического совещания, кроме члена совещания по должности – начальника штаба Главнокомандующего, были в Ревеле, откуда В.Д. Кузьмин-Караваев, А.В. Карташев и М.Н. Суворов на 3 августа выезжали в Нарву. С. Г. Лианозов был занят в Ревеле делами вверенных ему отделов и в Нарву не ездил. Равным образом, С.Г. Лианозов, ввиду неотложной деловой работы в Ревеле, и 7 августа не вернулся в Гельсингфорс.

8 и 9 августа мы имели чрезвычайно тревожные телефонные сообщения от С.Г. Лианозова из Ревеля, говорившего нам, что в отношениях с эстонцами внезапно произошел грозящий разрывом резкий поворот, и требовавшего немедленного нашего приезда в Ревель. Безотлагательно же нами были начаты хлопоты по получению виз, и 10 августа мы выехали на пароходе в Ревель. Перед отъездом нами были получены сведения, что нашего

приезда ожидает генерал Марш.

На пароходной пристани в Ревеле А.В. Карташева и М.Н. Суворова встретил английский офицер, который доложил, что он прислан генералом Маршем и имеет поручение просить немедленно вместе с ним ехать на автомобиле в английское консульство. В.Д. Кузьмину-Караваеву встречавший нас также на пристани полковник Б.П. Поляков объяснил, что приглашение к нему не обращено, вероятно, исключительно вследствие того, что его приезда не ожидали. А потому В.Д. Кузьмин-Караваев тоже отправился в консульство, где и ему было сообщено, что генерал Марш просит его принять участие в созванном совещании.

В зале консульства, когда мы вошли, были генерал Марш с чинами английской миссии, а равно представители миссий американской и французской. Из русских здесь же находились: полковник К.А. Крузенштерн, К.А. Александров, М.С. Маргулиес, М.М. Филиппео, С.Г. Лианозов и два лично нам неизвестных, как потом оказалось, господа Горн и Иванов. Кроме того, в зале были: корреспондент газеты «Times» г-н Поллок и секретарь отдела внешних сношений штаба Северо-Западной армии ротмистр Барщ.

Генерал Марш предложил всем сесть и обратился к собранным им русским с речью на русском языке, сущность которой сводится к следующему. Положение Северо-Западной армии катастрофическое. Без совместных действий с эстонцами продолжать операцию на Петроград невозможно. Эстонцы требуют, для совместных действий, предварительного признания независимости Эстонии, ибо они должны дать ясный лозунг своим войскам, во имя которого солдаты будут проливать кровь. У русских нет организованной авторитетной власти, с которой эстонцы могут заключить договор на почве признания независимости Эстонии. Русские сами ни на чем между собой сговориться не могут. Русские только говорят и спорят. Довольно слов – нужно дело. «Я вас пригласил, – продолжал далее генерал Марш, – и вижу перед собой самых выдающихся русских людей, собранных без различия партий и политических воззрений». Затем генерал Марш предложил нам, русским, немедленно, не выходя из комнаты, образовать демократическое русское правительство, которое сегодня же должно заключить договор с эстонским правительством. Текст договора он тут же огласил. Если, прибавил генерал Марш в заключение, правительство не будет к 7 часам образовано, то всякая помощь со стороны союзников будет сейчас же прекращена. Его буквальные слова: «Мы вас будем бросать». Генерал Марш передал М.Н. Суворову текст предложенного к заключению с эстонцами соглашения и

список лиц, которых он предлагает включить в состав правительства Северо-Западной области, и вместе с представителями английской, французской и американской миссий удалился, заявив, что вернется за ответом в 7 часов. В это время было 6 часов 20 минут.

Об отказе исполнить требование генерала Марша, предъявленное в столь ультимативной форме и к тому же совершенно для нас неожиданное, само собою разумеется, не могло быть и речи. Нам слишком хорошо было известно, до какой степени расстройства дошло положение дела как на фронте, то есть в войсках, так равно и в тылу, то есть в занятых местностях – главным образом, вследствие того, что помощь вооружением, снаряжением и обмундированием, категорически обещанная союзниками еще в июне, запоздала с прибытием более чем на месяц. И для нас слишком ясно рисовались неустранимые последствия приведения в исполнение угрозы, объявленной генералом Маршем: гибель надежды освободить Петроград как раз в тот момент, когда только что прибыли из Англии два парохода с танками, снарядами, ружьями и пушками, с сапогами и с обмундированием на десять тысяч человек и когда со дня на день ожидалось прибытие еще двух пароходов, и полный окончательный развал неодетой, необутой и не получавшей два месяца жалованья армии.

При таких условиях единогласный ответ генералу Маршу был готов даже раньше назначенного им срока. По уполномочию приглашенных генералом Маршем лиц, ответ был формулирован ему, снова в присутствии представителей союзных миссий, М.Н. Суворовым. М.Н. Суворов сказал, что приглашенные генералом Маршем лица принимают на себя обязательство в кратчайший срок образовать правительственную власть и впредь до ее образования берут на свою ответственность общее руководство русским делом, но вместе с тем просят сохранить за ними право смотреть на переданный список министров как на список предположительный и в отношении состава, и в отношении распределения портфелей, а равно – право известить о происшедшем Главнокомандующего, генерала Юденича, и до его приезда не принимать окончательного решения о конструкции правительственной власти и о составе членов правительства.

Генерал Марш согласился с нашим ответом, но сказал, что ему, во всяком случае, необходимы три лица, немедленно снабженные полномочиями для подписания предложенного им текста соглашения с представителями эстонского правительства, которые приглашены и сейчас прибудут. Со своей стороны, генерал Марш предложил дать эти полномочия первым трем

лицам по переданному им списку: С.Г. Лианозову, М.Н. Суворову и К.А. Крузенштерну. От нас, русских, это не встретило возражений, но нами было подчеркнуто, что мы уполномочиваем названных лиц на данное определенное действие, то есть на подписание соглашения, не предрешая вопроса о них, как министрах уже образованного правительства. Далее, генерал Марш подверг свое предложение голосованию поднятием рук, и оно было единогласно принято.

Представители эстонского правительства действительно спустя несколько минут прибыли, но подписание соглашения не состоялось, так как они заявили, что не имеют на то полномочий от Государственного Совета, заседание коего будет лишь утром на следующий день. Генерал Марш отложил подписание соглашения до 6 часов вечера 11 августа.

В течение вечера 10 августа, а равно днем 11 августа мы собирались в составе лиц, которые были приглашены генералом Маршем. На этих собраниях было принято решение известить генерала Юденича и просить, как Главнокомандующего, так и старших военных начальников, приехать в Ревель. Далее был подвергнут обсуждению текст предложенного генералом Маршем соглашения с эстонским правительством и обсуждался вопрос о конструкции правительственной власти на основе требования генерала Марша. Текст соглашения был несколько видоизменен, главным образом в смысле его грамматического упорядочения и устранения возможности его толкования как обещания эстонского правительства учредить в Петрограде демократическое русское правительство. При обсуждении вопроса о конструкции правительственной власти обнаружилось коренное различие мнений. Но большинство, впрочем, видимо склонялось к системе конструкции правительства «при главнокомандующем».

До назначенного генералом Маршем для подписания соглашения на 11 августа срока генерал Юденич не имел возможности приехать. М.Н. Суворовым, по его поручению, было получено по прямому проводу сообщение, в котором генерал Юденич извещал, что вследствие порчи пути может приехать лишь ночью и, как глава русского дела в районе Северо-Западной армии, просил передать генералу Маршу, что он требует, чтобы до его приезда, задержанного случайным обстоятельством, не было принимаемо никакого окончательного решения.

11 августа, в назначенный час, мы собрались в английском консульстве, кроме А. В. Карташева, который, ввиду принятого им решения не входить в состав правительства, от прибытия к генералу Маршу уклонился. Постепенно прибывали представители миссий.

Генерал Марш, не открывая заседания, предложил всем иностранцам перейти в соседнюю комнату, куда затем пригласил вместе с собою С.Г. Лианозова. Там, в этой комнате, С.Г. Лианозову было предложено, не читая, подписать «Заявление эстонскому правительству и представителям Соединенных Штатов, Франции и Великобритании в Ревеле», под текстом коего было напечатано: «Премьер-Министр, Министр финансов», и далее шел перечень шестнадцати министров, а внизу значилось: «Вполне согласен с вышеизложенным. Генерал, Главнокомандующий Северо-Западной русской армией». И когда С.Г. Лианозов подписать «Заявление», не читая, отказался, генерал Марш сказал, что русские все только говорят и спорят, а потому он желал получить, как первую, подпись С. Г. Лианозова, после чего имел в виду вызывать в ту же комнату по одному для подписи «Заявления» и всех других приглашенных им лиц. На замечание, что для действительности «Заявления», по-видимому, считается необходимой и подпись генерала Юденича, которого в данную минуту нет в Ревеле и который может своей подписи не дать, – генерал Марш сказал, что на случай, если генерал Юденич «Заявления» не подпишет, «у нас готов другой главнокомандующий».

Тем не менее С. Г. Лианозов настоял на том, что раньше, чем подписать «Заявление», он обязан не только его прочесть, но и ознакомить с его содержанием нас, ожидавших в соседней комнате.

Первое же наше беглое ознакомление с текстом «Заявления» привело к единодушному заключению, что текст имеет такие дефекты, как со стороны содержания, так и со стороны изложения, что даже при наличности оговорки о вынужденности его принятия он уважающими свои имена людьми не может быть ни подписан, ни тем более вручен эстонскому правительству и представителям миссий. И с этим, после переговоров, которые опять в нашем отсутствии вел С.Г. Лианозов, генерал Марш согласился. Но он все-таки потребовал, чтобы «Заявление» было безотлагательно подписано. Он сделал лишь следующую уступку: вычеркнул слова «И временно во Пскове», то есть исключил указание на созыв временного Учредительного собрания в Пскове, и в заголовке назвал заявление «предварительным», с оговоркою обязанности подписавших представить не позже следующего дня другой, ими выработанный текст. При этом генерал Марш сказал С.Г. Лианозову: «Это никуда не пойдет, будет у нас в кармане».

«Предварительное» заявление подписали «министры»: С.Г. Лианозов, М.С. Маргулиес, К.А. Александров, М.М. Филиппео, г-н

Иванов и г-н Горн. В.Д. Кузьмин-Караваев мотивировал отказ дать свою подпись тем, что он министром себя не считает и министром не будет, о чем еще утром заявлял С.Г. Лианозову. М.Н. Суворов – тем, что он, как военный генерал, принимать звание военного министра без разрешения Главнокомандующего, а тем более даже без его ведома, не имеет права.

После подписания «Заявления» генерал Марш вышел к собравшимся и приветствовал образовавшееся правительство.

Вместе с тем генерал Марш принес извинение за те формы, в которых действовал, сославшись на то, что, как солдат, он привык действовать решительно, не заботясь о формах. На предложенные ему затем вопросы генерал Марш сказал, что телеграмму генерала Юденича он прочел. «Эта телеграмма, – заявил он, – слишком автократична, она пришлась нам не по вкусу».

* * *

Еще 7 июня мы имели продолжительную беседу в Ревеле с представителями эстонского правительства. И, резюмируя эту беседу, эстонский премьер-министр г-н Штрандман, оговорившись, что не считает себя дипломатом и будет формулировать свою точку зрения с полной откровенностью, сказал: «Мы оцениваем положение и понимаем, что вы, русские, во что бы то ни стало нуждаетесь в нашей военной помощи. И мы не исполнили бы нашего долга перед своей родиной, если бы не стремились всеми мерами использовать исключительно для нас благоприятную минуту, дабы формально закрепить за Эстонией фактически ей принадлежащую государственную самостоятельность и независимость». На это мы могли только ответить, что вполне понимаем такую постановку вопроса со стороны эстонского правительства, но с своей стороны, каково бы ни было наше личное отношение к признанию независимости Эстонии, исходя из положения, при подобной постановке вопроса, не видим.

А потому мы предложили представителям эстонского правительства ограничиться заключением договора военно-технического характера с командиром Северного корпуса. Такого рода договор существовал и ранее.

Наше предложение было принято. И с того момента переговоры на предмет заключения военно-технического соглашения хотя шли медленно, но не прерывались. Северо-Западная армия беспрепятственно пользовалась эстонскими железными дорогами и, в меру возможности для Эстонии,

получала помощь вооружением и даже деньгами. Еще 4 августа генерал Лайдонер при разговоре с членом Политического совещания С.Г. Лианозовым, заведовавшим отделом финансов, ввиду критического денежного положения, выразил согласие немедленно выплатить жалованье чинам армии по тем нормам числа чинов и окладов, которые были определены в прежнем соглашении.

Вмешательство генерала Марша вернуло вопрос в ту плоскость, в которой он находился ранее. Тот текст, который 10 августа был предложен генералом Маршем приглашенным им русским для подписания «не выходя из комнаты», был составлен в форме двустороннего обязательства. Он заключал в себе с русской стороны признание абсолютной независимости Эстонии, со стороны эстонской – обещание оказать немедленную поддержку вооруженной силой.

На следующий день, 11 августа, министрам демократического правительства Северо-Западной области России было предложено для подписи уже одностороннее обязательство, которое, без всяких гарантий для русского дела, заключало в себе признание абсолютной независимости Эстонии, просьбу, обращенную к представителям союзных держав, добиться от своих правительств признания эстонской независимости, признание генерала Юденича Главнокомандующим, и просьбу, обращенную к генералу Юденичу, начать переговоры с Главнокомандующим эстонской армией.

Генерал Юденич приехал в ночь на 12 августа. Оказалось, что 7 августа в Нарве был генерал Гоф, с которым генерал Юденич вел продолжительную беседу и с ведома которого генерал Юденич составил письмо на имя Главнокомандующего эстонскими войсками генерала Лайдонера. В этом письме генерал Юденич заявлял, что он, как глава русской власти в районе Северо-Западного фронта, признает независимость Эстонии под условием безотлагательного участия эстонских войск в развитии операций на Петроград и далее излагал подробности военно-технического соглашения. Письмо им было вручено генералу Гофу. При этом, в доверительном разговоре с генералом Гофом, генерал Юденич не скрыл, что смотрит на свое признание независимости Эстонии как на вынужденное, и в откровенных выражениях квалифицировал настойчивые требования эстонцев, чтобы он, генерал Юденич, признал эстонскую независимость.

Генерал Гоф, передавая письмо генерала Юденича, вместе с тем передал от своего имени меморандум и в меморандуме повторил те выражения, которые доверительно слышал от

генерала Юденича. Всех подробностей своего разговора с генералом Гофом генерал Юденич нам не передавал. Но у нас осталось впечатление, что письмо генералу Лайдонеру было прямым результатом этого разговора. Далее от генерала Юденича мы узнали, что в русских войсках и собственно на русском фронте в последние дни ничего особенно тревожного не произошло, а что в двух эстонских полках были волнения с признаками роста большевистского настроения.

Что касается отношения Верховного правителя Колчака, то он еще 14 июня из Омска телеграфировал генералу Юденичу: «Верховная власть Российского Правительства, возглавляемая Верховным Правителем адмиралом Колчаком, в губерниях, освобождаемых вверенными Вам войсками, осуществляется Вами именем Верховного Правителя. Поэтому никакого нового правительства на вверенной Вам территории допускать не следует».

На телеграмму «правительства г-на Лианозова» генералом Юденичем была получена телеграмма из Омска от 28 августа, начинающаяся в следующих выражениях: «Осведомившись о перемене управления

Северо-Западной Области, Верховный Правитель повелел передать, что Вам будет оказано всемерное содействие для успешного завершения борьбы с большевизмом в Петроградском районе». И далее опять дважды подчеркивается, что адмирал Колчак по-прежнему продолжает считать высшим представителем местной русской власти – и военной, и гражданской – лично генерала Юденича.

М. Ярославцев[182]
Керстово – Копорье – Воронино (май 1919 года)[183]

Опрокинув 13 мая (н. ст.) большевистский барьер на реках Плюссе и Луге, без отдыха и передышки идут вперед малочисленные части добровольцев Отдельного корпуса Северной армии (О.К.С.А.). Изо дня в день расширяется освобожденная от красных территория Северо-Западной области, но наше положение, кучки белых, еще не прочно: нет ни флангов, ни тыла, снабжение не налажено, резервов нет, где враг, где друг – не знаем. Грозной тучей висит над нами Ямбургский гарнизон в 3½ тысячи курсантов, матросов и красноармейцев. 16 мая (н. ст.) командуемый мною Островский стрелковый полк, пройдя с боями трое суток от реки Плюссы и имея в своем составе два батальона (800 бойцов), с четырьмя пулеметами и при легком обывательском обозе, остановился на ночлег в деревнях Ополье и Ямсковицы, что севернее станции Веймарн. Сторожевое охранение было нами выставлено в сторону Ямбурга у деревень Юхново, Алексеевки, Килли. Ночь прошла спокойно, а на рассвете было обнаружено движение всех сил Ямбургского гарнизона по лесной дороге к Юхнову. Началась перестрелка, большевики приостановились, а затем стали разворачиваться в боевой порядок. Считая, что при значительном перевесе сил противника оборона не выгодна для нас, успех же возможен лишь при энергичных наступательных действиях, я направился в район 2-го батальона и приказал его командиру, храброму ротмистру Рентельну, атаковать врага, не давая ему дебушировать из лесу; командиру 1-го батальона, доблестному подполковнику Васильеву (георгиевскому кавалеру Великой войны), приказал ударить на красных со стороны села Керстова, охватив их левый фланг. Бой разгорелся молниеносно, загремела ружейная и пулеметная пальба. 2-й батальон стремительно обрушился на большевиков, захватив пленных, пулеметы и оркестр, но, к сожалению, подполковник Васильев был убит в самом начале боя в цепях батальона. Укрывшись за естественными валами на опушке леса, красные развили сильный огонь. Их артиллерия безнаказанно била из лесу по нашим цепям и деревням Керстово, Килли, Малли, Заполье, причем начались пожары. Не имея ни одного лишнего человека и не зная, что делается на флангах и в тылу нашего боевого расположения, я выслал в качестве дозора своих вестовых для связи. Скоро у нас сказалась острая нужда в

патронах, и я тщетно взывал к начальнику отряда графу Палену на станции Веймарн, прося прислать патроны и хотя бы одно орудие. До 5 часов вечера продолжался бой, красные не осмеливались напасть на нас и, укрываясь лесом, группами пробирались по проселочной дороге на север к Копорью. Наконец мы получили немного патронов и два орудия, из коих одно сразу испортилось. Другое открыло огонь, и роты островцев двинулись вперед; красные дрогнули и стали спешно отступать. Преследовать их в большом болотистом лесу было немыслимо, и мы ограничились сбором трофеев и вылавливанием из чащи красноармейцев. На следующий день особая команда вытаскивала и приводила в порядок брошенные большевиками на лесной дороге 19 тяжелых и легких орудий.

Островцы отошли на ночь в те же деревни, 19-го числа состоялись похороны убитых, и в тот же день полк с двумя орудиями выступил по дороге на деревни Лялицы, Хотыницы, Коноховицы, Терпилицы и Канаршино. Погода была холодная, ветреная, шли мы небольшими переходами с мерами охранения, собирая брошенное красными имущество и вылавливая в деревнях и лесах красноармейцев. Другие части нашего корпуса подвигались южнее, вдоль железной дороги на Волосово, и еще южнее, в направлении городов Луги, Струги Белые и Пскова. Получив от графа Палена приказание взять местечко Копорье, я направился в село Бегуницы, где еще принял под свою команду Конно-Егерский дивизион с энергичным ротмистром Грюнвальдом во главе. Конноегерям я дал самостоятельную задачу прикрыть наше движение с востока, и они расположились в районе деревень Зябицы, Теглицы и Власово. По данным разведки, в Копорье находились остатки Ямбургского гарнизона (166-й и 168-й полки), новгородские курсанты и Кронштадтский крепостной полк при 6 орудиях. К 3 часам ночи мы подошли к опушке леса, полубатарея стала тут же у шоссе на позицию, 2-й батальон полка занял исходное положение по опушке у села Новоселки, а 1-й, под командой очень храброго офицера штабс-ротмистра барона Унгерн-Штернберга[184], двинулся в обход по болотистой лесной тропинке через деревню Замошье на Ласуны. Вскоре оттуда послышалось дружное «Ура!» и в ответ беспорядочные выстрелы; это роты 1-го батальона ворвались в Ласуны, а затем ударили с тыла на Копорье. Одновременно заговорили наши орудия, и 2-й батальон овладел позицией красных у Кербукова и Новоселок. Из Копорья началась ружейная и пулеметная стрельба, но скоро смолкла, и вся масса красных ударилась в паническое бегство. Наши стрелки, преследуя их, кричали матросам: «Давай клеши!» Победа была полная: очищен

от большевиков весь район до Копорского залива, нам достались запасы продовольствия. Потерь почти не было. Дав полку трехчасовой отдых, я повел его затем в наступление на деревню Глобицы, которая и была взята после перестрелки. Я сильно опасался за свой левый фланг, но приехавший в тот же вечер на автомобиле генерал Родзянко уверил меня, что у деревни Керново сосредотачивается Ингерманландский отряд, который войдет в подчинение мне. Переночевав с мерами охранения в деревне Глобицы, островцы повели с утра наступление на г. дв. и деревню Воронино: началась артиллерийская и ружейная перестрелка. Цепи быстро продвинулись вперед до глубокого оврага, окружавшего Воронино, и здесь наше наступление захлестнулось. Захватили лишь небольшой обоз красных у деревни Лопатинской и к вечеру отошли в исходное положение. Тогда я решил действовать иначе: еще до рассвета отправил 2-й батальон в глубокий обход лесом, через болото, а сам с 1-м снова перешел в наступление с фронта; опять дошли до оврага, шла интенсивная перестрелка, неприятельская артиллерия била по нашим цепям, но давала большой перелет, наша же по г. дв. Воронино. В 3 часа дня в тылу у красных раздалось «Ура!» нашего 2-го батальона; оно было подвачено здесь, и дружной атакой с двух сторон красные были смяты. Нам досталось много пленных, оружия, четыре пулемета, патроны и четырехорудийная курсантская (Михайловского артиллерийского училища) батарея с полной упряжкой; орудия были повернуты курсантами и били картечью по бегущим большевикам. Вокруг, на дворе и в саду валялись трупы, снаряжение, винтовки, дом был избит осколками снарядов и шрапнелью. С пленными перешло много офицеров, служивших у красных по принуждению. По окончании боя с форта Красная Горка прилетели к нам два снаряда крупного калибра и разорвались с оглушительным грохотом, подняв на воздух тучи черной земли и камней. Еще накануне два таких же снаряда разорвались в Глобице, разогнав обозных лошадей и напугав подводчиков.

Я со штабом поместился в доме помещика, в деревне Воронино стал обоз, а роты полка заняли позицию на линии деревни Закорново, фронтом на северо-восток. На следующий день островцы перешли в наступление на Лопухинку и Хожерицы. Из целого ряда боев 1-го наступления на Петроград Северо-Западной армии (тогда еще О.К.С.А.) я выделил три хотя и не самые большие, но зато имевшие особое значение, так как отдавали в наши руки целую область севернее шоссе из Петрограда в Ямбург вплоть до Финского залива. Все эти бои велись с врагом, значительно превосходившим нас силами.

Должен отметить геройское поведение поголовно всех офицеров и стрелков-добровольцев славного Островского полка. Взять Петроград не удалось, но пример горсти храбрецов, их патриотизм и жертвенность да послужат укором тем, кто прятался по тылам, спасая свою шкуру и благосостояние в годы великой борьбы за Родину, а теперь поднимает голову и кричит о своих заслугах и достоинстве. Лишь тем, кто вступился за честь России, – честь и слава, а павшим на поле брани – вечный покой. Усилия белых в беспримерную эпопею 1919 года не пропали даром, а дали глубокие всходы, и мы еще увидим нашу Родину свободной и счастливой. Слава белым борцам, среди которых почетное место занимает Северо-Западная армия!

А. Тершельман[185]
В рядах Северо-Западной армии[186]

Вечер в день нашего приезда провели у Бибикова, слушая его рассказы о Северном корпусе. К этому времени фронт на Петроградском направлении достигал линии Каськово – Ананьково. Части, там находившиеся, были под командой полковника графа Палена (л. – гв. Конного полка). В Лужском и Псковском направлении наступал Балахович. Эстонцы шли южнее Чудского озера. Гдов был уже занят нашими. Падение Пскова ожидали со дня на день. Численность штыков в корпусе определить невозможно, так как каждый день прибывают новые перебежчики, пленные становятся в строй полков, а отдельные начальники мобилизуют местное население в занимаемых ими местностях. При начале же наступления в корпусе насчитывалось не более полутора-двух тысяч. Полки носят характер партизанских отрядов, вначале план действий вырабатывался командирами этих полков сообща, самостоятельные набеги производились по инициативе начальников этих отрядов. Наиболее выдающимися партизанами считались Булак-Балахович (так называемый «батько»), командир Талабского полка Пермикин и Данилов, командовавший отрядом, сформированным из добровольцев Островского уезда Псковской губернии. Этот отряд входил раньше в состав Островского полка, но был впоследствии развернут в полк и получил наименование Темницкого полка, в память лихого набега на деревню Темницы у северной оконечности Чудского озера. Попытки свести отдельные полки и отряды в бригады и дивизии туго прививались – отдельные начальники, привыкшие к самостоятельности, не поддавались этим новшествам.

Разговор коснулся развития военных действий и результатов, которые могли быть достигнуты. В корпусе было много сторонников исключительно партизанского образа действий, таковым был и мой брат. Они были убеждены, что, действуя отдельными отрядами, постоянно находящимися в движении и поднимающими крестьянские восстания, можно лучше всего достигнуть нашей цели – занятия Петербурга. Я не считал такой образ действий достаточным. Партизанские действия в обстановке нашей борьбы с красными были совершенно необходимы, так как при малых потерях давали огромные результаты. Но наравне с ними были нужны и регулярные части, могущие выдержать возможные контратаки красных. Не надо

забывать, что людской состав партизанского отряда настолько ценен, что его грешно подвергать неминуемым большим потерям регулярного боя, а потому партизан надо вовремя выводить из сферы огня. Кроме того, партизанские отряды не могли находиться в постоянном движении – это было физически невозможно, что было доказано как во время первого нашего наступления в мае, так и во время второго, осенью, когда, дойдя уже к подступам Петрограда, люди окончательно измотались и наше движение вперед замерло.

Лесистая местность Петербургской губернии облегчала действия партизанских частей, действия в обход, с тыла. Такая тактика была применена при начале настоящего наступления. Например, отряд капитана Данилова зашел в глубокий тыл красных и захватил в Поповой Горе штаб б. генерала российской армии Николаева. Этот человек был, по словам Бибикова, крайне отрицательной личностью: поступив добровольцем в Красную армию, он всячески добивался порядка в своих частях и был крайне жесток со своими подчиненными. Николаев содержался до решения его судьбы как пленный в Ямбурге.

Крестьянские восстания? Да, они бывали вначале, почти повсеместно, но таковые жестоко и решительно подавлялись карательными отрядами красноармейцев под командой офицеров («редисок»), мобилизованных Троцким. Эти отряды сопровождались политическими комиссарами, следившими за настроениями солдат и в особенности командного состава. Они же нарочитой жестокостью при подавлении сопротивления населения сознательно вводили режим террора. Крестьянские восстания, вызываемые реквизициями и непосильными налогами, за последнее время стали редким явлением. Деревня стала осторожнее. Мужики приветствовали появление белых, но, думаю, достаточно было бы нам увеличить тяготы войны, чтобы их восстановить и против нас. Крестьянин в массе (я не говорю о многих героях, добровольно дравшихся в наших рядах) не был идеологом-антикоммунистом, а верил лишь практике жизни.

Сторонники исключительно партизанского образа действий также недооценивали Красную армию, которая к тому времени уже была достаточно организована, снабжена всем необходимым и в рядах которой находились офицеры, завербованные Троцким или насильно поставленные в строй. Конечно, большинство офицеров и солдат в ней не были надежны, но наличие военных комиссаров и тайных коммунистов в ее рядах делало пропаганду за переход к белым очень трудной. Ведь в каждом своем соседе люди могли предполагать шпиона коммунистической партии.

Следующий день провели в хлопотах по обмундированию.

Вечером снова были у Бибикова. К нему приехала его жена (Александра Владимировна, урожденная Изъединова), которая собиралась ехать за детьми в только что занятый Псков. У коменданта также сидел брат полковника Нефа (стрелка Императорской Фамилии), присланный в Ямбург для связи от Балтийского полка. Этот полк был сформирован из немцев-балтийцев и до конца нашей борьбы под Петербургом сражался с нами. Интересно было описание Нефом личности Булак-Балаховича: он был участником одного из партизанских отрядов, формировавшихся во время Великой войны. Теперешний его отряд был собран на красной стороне, затем под давлением своих офицеров Балахович с частью своего отряда перешел на белую сторону. Это было еще в псковский период борьбы.

Имея много своих агентов среди красных частей, он отлично умел выбрать время для своих смелых набегов на красные тылы. Группы участников этих набегов получали каждая свое задание и работали совершенно самостоятельно. После своего налета на Гдов, где он захватил красное казначейство с 4 миллионами рублей, он стал почти легендарной личностью. Он человек низкой нравственности, нечестный и в политике оппортунист, он жесток, любит расстреливать собственноручно, не жалея в случае проступка и своих людей. Он весьма склонен к грабежу, но здесь на это смотрят снисходительно. Конечно, в этой борьбе, когда даже самое необходимое надо добывать самому, трудно провести резкую грань между реквизицией и военной добычей, с одной стороны, и грабежом – с другой. Поэтому человек со слабыми нравственными устоями легко переходит эту границу. Недаром здесь грабеж в шутку называют «партизанством».

На другой день на железнодорожной станции встретил Михаила Зиновьева (л. – гв. Конного полка), он приехал урегулировать вопрос продовольствия войск, подчиненных графу Палену. Хлеба, отпускаемого эстонцами, далеко не хватало для теперешнего состава армии, паек сведен на $^5/_8$ фунта. Достать у крестьян ничего нельзя – у них у самих не хватает хлеба, а реквизировать, как это делали красные, значит, восстановить против себя население. Обмундирования тоже нет, его приходится снимать с пленных и таким образом одевать своих солдат.

Наконец мое обмундирование было готово: построил фуражку, раздобыл рубашку, черные шаровары у меня были припасены еще из Петербурга, а сапоги взяты с собою из Финляндии. Шинель достать оказалось невозможно, почему я весь поход в Северо-Западной армии проделал в черном пальто, купленном мною на толкучке в Москве, после моего

освобождения из Бутырской тюрьмы.

Из Финляндии прибыла открытым нами путем следующая партия офицеров (л. – гв. Конной артиллерии Унковский[187], Навроцкий[188] и др.) А уже после моего отъезда из Ямбурга также на лайбе прибыли моя жена и Вера Алексеевна Неведомская. Таким образом, явилась возможность многим офицерам выбраться из принудительного безделья в Финляндии и явиться в армию. Вскоре, и, по-видимому, узнавши о нашем бегстве и невозможности задержать офицеров в Финляндии, генерал Юденич начал помогать офицерам ехать в армию нормальным путем, а именно через Гельсингфорс – Ревель.

Вечером, накануне моего отъезда на фронт, нас вызвал на квартиру полковника Бибикова только что приехавший с фронта генерал Родзянко. Он привез известие о переходе на нашу сторону Семеновского полка, полк привел с собою два орудия. Генерал Родзянко одновременно распорядился всем офицерам-артиллеристам явиться к полковнику Исаеву, командиру Псковской артиллерийской бригады, и оставаться в Ямбурге для формирований. Мне удалось от этого отбояриться, заявив, что я хочу служить в одном из отрядов, подчиненных графу Палену, в которых сражаются несколько офицеров, близко мне знакомых по Германской войне. Генерал Родзянко дал на то свое согласие и начал нас расспрашивать о положении в Финляндии. Он был крайне возмущен тем, что штаб генерала Юденича задерживает офицеров, когда они до зарезу нужны здесь для вновь формируемых полков и батарей.

Вскоре в комнату, где мы находились, вошел капитан Данилов. Невысокого роста, стройный, с красивым продолговатым лицом, рука у него после недавнего ранения на перевязи, на груди Георгиевский крест, полученный им в Великую войну. Он происходит из крестьян Псковской губернии, из той части ее, где сохранился старый русский тип лица, без примеси финской крови: орлиный нос, продолговатое лицо, красивый разрез глаз. Узнав, что генерал Родзянко в Ямбурге, он пришел просить, чтобы поскорей повесили бы Николаева. «Он свободно разгуливает по Ямбургу, – возмущенно говорил Данилов, – и того гляди, удерет. Как начальник отряда, взявшего в плен Николаева, я предъявляю права на его шкуру». Родзянко смеется громко и заразительно и обещает скоро назначить суд над Николаевым. Генерал мало изменился с того времени, когда я его в последний раз видел во время войны в Петербурге.

Вернулся поздно вечером на дачу, куда мы с постоялого двора переселились вместе с Николаем Евгеньевичем[189]. Он оставался в Ямбурге и предполагал создать в тылу армии центр

монархической работы. Вскоре при помощи полковника Бибикова он начал издавать газету «Белый Крест». В одном из первых номеров ее, уже будучи на фронте, я прочел заметку: «Нам сообщают, что в Новочеркасск прибыл член Государственной Думы и известный монархический деятель Марков II». Мы, члены Союза Верных, посвященные в тайну капитана Чернякова[190], долго смеялись над этой газетной «уткой», цель которой нам была вполне ясна. Одновременно с началом работы Маркова 2-го мы, офицеры нашей организации, разъехавшиеся по частям армии (Виланд[191], Швабе[192], Неведомский, брат[193] и я, а также многие другие), начали регулярно получать печатаемую в Ямбурге антикоммунистическую пропаганду. Ее мы и распространяли, задерживая в то же время и уничтожая литературу, издаваемую правительством, созданным в Ревеле при Северо-Западной армии. Литература из Ревеля говорила о грехах «старого царского строя» и о том, что он больше не вернется. Фронт был явно монархичен, и можно было с уверенностью сказать, что, если бы кто-либо из министров рискнул прибыть во фронтовые части, он немедленно отбыл бы к праотцам. Между фронтом и тылом было полное идеологическое расхождение. Как известно, министр почты и телеграфа этого правительства, Иванов, впоследствии, в Берлине, стал одним из первых сменовеховцев.

Лег спать с намерением встать пораньше. Сквозь закрывающиеся веки смотрел на грузную фигуру Николая Евгеньевича, который в ночной рубашке встал перед образом и так застыл в молитве. Помолился и я, благодаря Бога, что Он дал мне возможность встать в ряды борцов за правду и правое дело.

* * *

После трехдневного пребывания в Ямбурге, о котором я уже писал, я выехал в штаб полковника графа Палена, расположенный на станции Волосово. Штаб находился в вагонах, недавно захваченных у красных и поставленных на запасные пути. Граф Пален меня вскоре позвал к себе и встретил как старого знакомого, он окончил войну старшим офицером Конного полка и хорошо меня знал по войне 1914–1917 годов. Он интересовался тем, что происходит в Финляндии, спрашивал, отчего не едут офицеры оттуда. Офицеры Северного корпуса возмущены этим и поговаривают о том, что всех не участвующих в походе не следует вообще пускать в Петербург после его занятия нашими белыми частями. Я ему подробно рассказал обо всем происходящем в

Финляндии. Наш приезд на лайбе ясно доказывает, на какие штуки надо пускаться, чтобы выбраться из-под опеки генерала Юденича.

Граф Пален предложил мне поступить в Островский пехотный полк, им же самим сформированный и где находятся штабс-ротмистр Унгерн-Штернберг и Рентельн, мне знакомые по Германской войне как офицеры л. – гв. Конного полка. Я тотчас согласился, но в это время пришел начальник штаба Палена штабс-ротмистр Ведякин и сказал, что требуется артиллерийский офицер для принятия взвода, взятого при переходе на нашу сторону Семеновского полка. Офицерский состав этого артиллерийского взвода мало надежный, командир взвода драпанул ночью обратно к красным, а завтра предполагаются боевые действия, и взводу придется в них участвовать. Судьба моя решилась, и вместо пехоты попал в свой род оружия, правда, вместо конной пришлось командовать пешей батареей.

Долго, почти до часа ночи, ждал штабс-капитана Алексеева, помощника командира Талабского полка, который по получении боевой задачи должен был возвратиться в расположение полка на станцию Кикерино и брал меня с собой. Наконец влезли на паровоз и поехали. На станции Кикерино было пусто, стоял только недавно захваченный у красных бронированный поезд, названный «Талабчанином» по имени захватившего его полка. Пошли по улице дачного места, расположенного у самой станции. Во дворе одной из дач, в предрассветной полутьме, я различил два орудия, вокруг них возились несколько солдат и крестьян, впрягая лошадей. «Вот ваш взвод», – сказал мне Алексеев. Вошли на дачу, где был расположен штаб ротмистра Перемикина, командира Талабского полка. На краю стола при свете чадившей керосиновой лампы написал себе на клочке бумаги предписание принять взвод, Алексеев его подписал, и формальности этим были окончены.

Пошел принимать взвод. Около орудий копошились все те же люди, дополняя веревками недостающие части в артиллерийской амуниции и пригоняя хомуты маленьким мохнатым крестьянским лошадкам. Вызвал командира взвода и предъявил ему мое предписание. Это был обтрепанного вида прапорщик, производства времен Керенского, еврей Давид Рабинович. Вторым офицером был поручик Александр Бандысек, которого я даже и не признал за офицера, он заведовал командой связи. Солдат было 12, лошадей 9, но, кроме двух, остальные не годились в упряжку, так как были сбиты во время похода. Телефонов было два, но один не действовал, версты полторы провода. Не хватало постромок, их заменяли веревками. Люди были мало обученные,

ничего общего с артиллерией не имевшие, разведчики отсутствовали. Я, по правде сказать, растерялся, совершенно не представляя себе, как можно работать при таком положении. Но делать было нечего. Алексеев предупредил, что на заре назначено выступление, и я начал к нему готовиться. Сделал расчет, причем на орудие при всем желании больше трех человек не приходилось, ездовые были крестьяне. Кроме того, при взводе было 10 крестьянских повозок, предназначенных для перевозки снарядов. В кратких словах Рабинович рассказал мне историю возникновения батареи и ее пленения в деревне Выре вместе с Семеновским полком. Батарея формировалась в Орле как противоаэропланная, командир ее, из крестьян Орловской губернии, набирал солдат из своей волости, об обучении никто не думал, орудия ни разу не чистились, и когда я на другой день приказал это сделать, то вследствие запущенности орудий нам это не удалось. Думали только о том, как бы побольше получить обмундирования, солдаты на этом спекулировали. Но вот командиру пришла роковая мысль сделать разговены на первый день Пасхи. За такое контрреволюционное действие он был смещен и лишь благодаря связям в Артиллерийском управлении не расстрелян. На его место был назначен другой командир. В один прекрасный день пришел приказ выступать для отражения белых банд, наступающих на Питер. Тянули жребий, кому выступать, и Рабинович его вытянул, простился с сестричкой и братишкой и собрался ехать, оставив два орудия в Орле. В Гатчине были присоединены к семеновцам, на другой день во время ночевки в Выре были захвачены белыми. Во время похода от станции Сиверская до Кикерина выдержали бой с красным броневиком. До сего времени бедный Рабинович не мог прийти в себя от впечатлений этого дня. По дороге командир сбежал обратно к красным. Они же кое-как дотащили орудия до штаба Талабского полка, на станцию Кикерино. Около трех с половиной часов пришло пополнение из мобилизованных крестьян Губаницкой волости, всего 10 человек, но уже и это сильно облегчило мое положение. Не успели мы лечь, как пришло приказание за подписью командира 2-го батальона Талабского полка капитана Домогацкого[194] собираться в поход.

Ко 2 июня обстановка на Петроградском направлении была следующая: по Балтийской железной дороге наши части находились у станции Кикерино, здесь было спокойно. Севернее, район Губаницы— Клопицы – Ольхово, держали волынцы, дальше, седлая Нарвское шоссе, конноегеря и даниловцы, затем Островский полк и, наконец, у моря отряд ингерманландцев. К этому времени красные, бежавшие почти до самого Красного

Села, перешли в наступление, оттеснили жидкое охранение конноегерей и дошли уже до линии Гомонтово, одновременно ведя беспрерывные атаки на Клопицы отборными матросскими частями. Для ликвидации этого движения были выделены 4 роты талабцев, только что подошедший к нам Семеновский полк и мой взвод. Весь этот отряд под командой подполковника Алексеева должен был составить кулак, задачей которого было восстановление положения на шоссе. Через Сумино, Череповцы мы вышли на шоссе Волосово – Терпилицы. В последней деревне был назначен привал, туда же от Волосова к нам подошли семеновцы под командой гвардии капитана Зайцева.

История этого Семеновского полка известна многим, и все сидевшие в тюрьмах Петрограда знают отлично, что этот полк собой представлял. После Брест-Литовского мира и демобилизации Русской Армии все уроженцы занятых германцами русских областей были сконцентрированы в казармах Семеновского полка, часть из них, во главе с некоторыми офицерами, образовала так называемый полк Городской охраны. Дух этого полка был явно противобольшевистский, но власти им дорожили как единственной дисциплинированной частью, которой можно было поручить охрану государственных учреждений, банков и т. д. Семеновский полк представлял крупную вооруженную силу (до 4000 человек), и большевики боялись его. Кроме боевых припасов в самом Петербурге, у них был еще склад где-то около Стрельны. Как иллюстрацию положения, занятого в Петербурге семеновцами, приведу случай с ныне покойным прапорщиком Навроцким, приехавшим из Финляндии на следующей за нами лайбе. Навроцкий служил в полку Городской охраны и очень деятельно работал в организации П.П. Дурново. Однажды он был арестован. Арест произошел на улице, так как власти, боясь семеновцев, не решились его задержать в казармах. Во время пути на Гороховую, 2, сопровождавший его комиссар зашел в лавочку купить папирос, поручив Навроцкого охране красноармейца. Ударом портсигара по затылку Навроцкий оглушил последнего, бежал и скрылся в казармах. Солдаты заявили, что не выдадут его, а через три дня он вместе с членом нашей же организации Неведомским бежал в Финляндию. По приезде в Северный корпус он был снова назначен в Семеновский полк, принял команду пеших разведчиков и уже в чине штабс-капитана был убит под Царским Селом и похоронен вместе с графом Павлом Шуваловым в ограде Гатчинского собора. По отношению к советской власти семеновцы держали себя аполитично и в частичных выступлениях против власти рабочих и матросов участия не принимали, сохраняя себя

для более решительного момента, то есть до появления белых под Петроградом. Состав полка тщательно подбирался, комплектовался из кадровых солдат или людей, безусловно антибольшевистски настроенных. Но к весне 1919 года полк был сравнен с прочими советскими полками и был принужден выделить несколько маршевых рот, которые ушли на Восточный фронт и, вероятно, полностью перешли на сторону Колчака. Вследствие этого физиономия полка сильно изменилась, хотя полк внешне и сохранил свой антибольшевистский дух. К моменту перехода полка к нам в нем числилось до 3 тысяч, но, по заведенному в то время порядку, солдаты были опрошены о желании служить в наших рядах. Желающих оказалось не так много, и в общем полк оказался немногочисленным и избалованным стоянием в столице. Впоследствии из отказавшихся сражаться с красными был сформирован третий батальон полка, но до конца он был слабее первых двух, так как солдаты все время вспоминали о своем первом решении не воевать с красными. Выступив из Петрограда, Семеновский полк был отправлен в деревню Выру близ станции Сиверская. В тот же день отправил делегатов к нам, и, перерезав всех своих комиссаров и коммунистов, семеновцы перешли к белым.

В Терпилицах мы простояли два часа. Там происходило типичное для Северного корпуса совещание начальников. Кроме Алексеева, Зайцева и меня, прибыл командир конноегерей ротмистр Грюнвальд (кавалергард), принявший полк от полковника Бибикова. От штаба графа Палена была лишь общая директива, а не приказ. Предстоящие действия, по заведенному порядку, решали по сговору между собой начальники отдельных частей. В Терпилицах я получил двух конных разведчиков от Семеновского полка, так как иначе, будучи единственным конным во взводе, я никак не мог справиться со сложной задачей артиллерийской разведки и руководства стрельбой, притом при отсутствии вполне действующих телефонов. Один из них, Званцов, до моего ранения оставался при мне вестовым. Это был сильный и смелый солдат, бывший пехотный разведчик. Далее наш отряд двинулся через Канарщину на Артюшкино, где оказался пост батальона капитана Ставского. Полковник Алексеев со мной выехал вперед.

Положение на участке было неважное. За этот день красные успели занять деревню Ольхово, чем поставили в крайне затруднительное положение Волынский полк, оборонявший деревню Клопицы от непрекращающихся атак красных, половина Клопиц сгорела, зажженная огнем противника. В близлежащих деревнях, куда бежали погорельцы, стоял рев баб и детей.

Деревни Брызголово и Гомонтово были тоже заняты, и цепи красных подходили к Негодицам.

Вечером приехал Перемикин и вызвал меня к себе. Небольшого роста, худощавый, с цыганскими чертами лица, негромким и как будто простуженным голосом он отдавал приказание и намечал предполагаемую операцию – занятие деревни Ольхово. Он вдавался во все подробности и часто ими увлекался. О характере действий артиллерии он не имел никакого понятия, но всегда принимал во внимание все мои возражения. Он был сторонником неожиданных действий, а потому его излюбленным временем для боя была ночь. Крайне бережливый по отношению к своим солдатам, он требовал того же от командиров рот, заставляя их вдумываться в задачу, и был врагом неоправданных результатом дела потерь. Может быть, его бережливость была причиной, отчего он в своих приказах так увлекался подробностями, а быть может, и пристрастие к формам тактических действий. Пришло донесение о занятии красными деревни Негодицы, наши части отошли на Буяницы – Чирковицы. Все это еще больше ухудшало наше положение. Перемикин принял энергичные меры: приказал немедленно выступать Домогацкому, а конным разведчикам собирать по лесу разбежавшихся людей батальона Ставского. Скоро их набрали человек 30, часть из них приказано было отвести в Волосово на предмет отправки в «штаб Урицкого», то есть на тот свет, так как выяснилась их пропаганда в пользу красных.

Вся ночь прошла в ожидании донесения от Домогацкого. Против нас было тихо, справа у волынцев изредка разгоралась сильнейшая ружейная и пулеметная стрельба. Под вечер слышен был бой в стороне Буяницы, как оказалось, Ставский отбивал атакующих его красных. Под утро затрещали выстрелы в направлении деревни Негодицы, но скоро и там все стихло. Наконец, на взмыленной лошади прискакал ординарец от Домогацкого и сообщил о занятии без потерь с нашей стороны деревни Негодицы и взятии 7 пулеметов.

Весь следующий день семеновцы тщетно атаковали Ольхово, но, потеряв несколько человек, отошли. Я попросил Перемикина о переводе меня на другой участок, так как ввиду лесистой местности действия артиллерии здесь были невозможны, стрельба же по карте без приборов была просто немыслима. Около часа ночи через Поддубье – Стойчино прибыл в Негодицы. Соединившись со взводом 2-й батареи Псковской артиллерийской бригады, стал на позиции у деревни Гомонтово. Командир батареи капитан Тенно сообщил мне, что в артиллерийском деле то же, что и в пехотном: запасов амуниции, снаряжения и

снарядов нет. Кое-что ему удалось раздобыть при наступлении, запасных частей у него тоже не было, единственное, чем он мог меня снабдить, были ключи для постановки шрапнельных трубок, которых у меня вовсе не было.

По опушке мызы Гомонтово (имение моего последнего командира бригады барона В.И. Велио[195]), где у меня был общий с Тенно наблюдательный пункт, расположилась цепь батальона капитана Ставского. Этот батальон был спешно сформирован в Ямбурге из пленных красноармейцев. В Ямбург попадали самые отбросы из числа захваченных пленных, так как лучшие люди немедленно становились в наши ряды и оставались в ротах берущих их в плен полков. Худший же элемент отправлялся в тыл. Кадром батальона Ставского послужила конвойная рота, по офицерскому составу и подбору людей стоявшая высоко, она была разбавлена, как я говорил выше, совершенно непригодным и необученным элементом. Получилось крайне небоеспособное соединение – вся энергия начальствующих уходила на обучение солдат элементарным правилам рассыпания в цепь, постановки прицела и т. д. «Мало им подать команду, каждого надо, кроме того, поставить в цепь, а то лягут друг дружке в затылок, начнут стрелять, своих переранят», – жаловались офицеры. Один старший унтер-офицер мне показывал расщепленный об спины своих подчиненных приклад – слов было недостаточно, чтобы управлять ими в бою. Жители мне рассказывали, что при занятии этой деревни несколько солдат этого батальона перешли на сторону красных и стреляли по своим. Впоследствии я это явление наблюдал не раз, но тогда оно меня возмутило, и я пришел к убеждению, что ни за одного из солдат и офицеров своего взвода я ручаться не могу. Это оправдалось, большинство моих подчиненных перебежало к красным, стрелять не хотели, отсыпали порох из снарядов, надеясь, что эти недолеты попадут в мой наблюдательный пункт. В отношении батальона Ставского нахожу, что было поступлено в корне неправильно, – нельзя хорошую часть, составленную из хороших, проверенных солдат, превращать в совершенно непригодную единицу. Таким образом выбиваются лучшие люди, а результат – ноль. Создание и сохранение при штабах надежных частей необходимо, особенно когда при росте армии тыл наполняется всевозможными отрицательными элементами, которые фронт выбрасывает из своего организма за ненадобностью. Всегда существующая обособленность фронта и тыла в этой борьбе сказалась еще ярче, так как в нее примешался элемент политический. Политическая пропаганда в боевой обстановке возможна, но она менее действительна, нежели в тылу, где собираются все отрицательные

элементы. Никогда тыл не огражден от возможности бунта, для подавления которого необходимы надежные части.

4, 5 и 6 июня мы простояли в Гомонтове и вели перестрелку с красными, занимавшими Бегуницу. В ночь с 5-го на 6-е белыми было занято Брызголово, и части Талабского полка постепенно продвигались, занимая Карстолово, Чухонские Голубовицы, Местаново, и должны были продолжать свое движение севернее шоссе до Каськова. На линии Заполье – Волосово – Торосово – Каськово – Мадолицы и т. д. предположено было остановиться, дать отдохнуть войскам и немного разобраться. Переутомление людей чувствовалось во всем: стоило части остановиться, как немедленно люди засыпали. Постоянные ночные действия сильно утомляли солдат. Вследствие утомления происходили иногда паники. Например, у Чухонских Голубовиц часть талабцев испугались своих же и отошли. Отчего это произошло, добиться было невозможно, по-видимому, заснули и спросонья им что-то почудилось. К тому же паек был недостаточен: $^5/_8$ фунта хлеба, изредка селедка и картошка, спасались одним молоком. В случае занятия мыз, где были повсеместно организованы советские хозяйства, производились реквизиции скота и запасов зерна. В большинстве усадеб кой-какой скот еще сохранился и оставались старые запасы зерна. В усадьбах земля обрабатывалась прежними рабочими, в некоторых усадьбах, как, например, в Гомонтове (усадьба барона Велио), были поселены эстонцы, не имеющие возможности вернуться в свои края, другие усадьбы красные реквизировали под клубы, в них устраивались «танцульки» (например, в нашей мызе Анташи), большинство же домов стояло заколоченными, земля не обрабатывалась.

7 июня нами была занята деревня Бегуницы и хутора версты на две вперед. Встал на позицию около деревни, наблюдательный пункт на одном из хуторов, красные окопались по опушке деревень Русские Голубовицы – Малые Лошковицы. Начал пристрелку и долго мучился, пока не добился своего, – люди были скверно обучены, телефонисты врали команды, а мои два помощника (не хочу их называть офицерами) совершенно не умели ни командовать, ни управлять огнем, вдобавок они еще боялись солдат. При мне они стеснялись, и люди подтягивались, но часто, когда я приходил на взвод, заставал офицеров валявшимися вперемешку с солдатами, причем они взаимно называли себя по уменьшительным именам. С первых дней я решил изменить порядок и начал с головы: потребовал ухода обоих офицеров, как не находящихся на высоте офицерского звания.

На рассвете на шоссе, которое мы охраняли, появился

броневик красных. Пехота их панически боялась, и в одну минуту мало устойчивые цепи батальона Ставского начали отходить. В сарае, на котором был мой наблюдательный пункт, появилось несколько беглецов, с большим трудом удалось их выпроводить обратно в цепь. Из-за домов начал показываться броневик, я открыл огонь, он повернул обратно, но долго еще слышалось его временами затихавшее гудение, крестьяне рассказывали, что он попал колесом в канаву и долго в ней возился.

Доходили слухи об успехах на севере, захвачена была батарея курсантов, талабчане успешно продвигались. Под вечер 10-го получено было приказание капитану Ставскому наступать, мне же с орудиями идти непосредственно за цепями для отражения броневиков. Как-то оказалось, что все роты были в расходе, и капитан Ставский, я ехал с ним, с 12 человеками и своим помощником двинулись вперед. Было много шансов за то, что красные отступили, и действительно, окопы их были оставлены. Миновав Русские Голубовицы, мы начали подходить к постоялому двору, стоящему не доходя до деревни Тешково, которую нам надо было занять. У дома стояли три бабы, которые, как мне показалось, делали нам какие-то знаки. Я подъехал к ним с вопросом: «Далеко ли красные?» Но не успел я кончить, как из первых домов Тешкова грянул залп и пули засвистали. Ставский крикнул: «Ложись» – и наша цепь залегла. Я был верхом и представлял интересную цель для красных, пока я галопом скакал к своим орудиям. Орудие мое (из предосторожности я приказал выезжать вперед лишь одному орудию) шло недалеко. Сняв его с передка, стал обстреливать Тешково, но вскоре совсем стемнело, и проливной дождь прекратил всякие боевые действия. Через день части семеновцев и талабчан заняли линию деревень Кандакюли – Сельцо – Новая Слободка – Рукулицы – Каськово. Здесь приказано было остановиться и окопаться.

Во время стоянки около Бегуниц зашел я однажды к поручику Бронину, исполнявшему при Талабском полку должность вроде начальника контрразведки. Через него проходили все пленные, он занимался «искоренением» коммунистов в занятых его полком деревнях. В его прихожей я, к своему удивлению, нашел хозяина хутора, где стояли мои лошади. При моем появлении в его доме этот мужик встретил меня очень радушно, заявил, что он был поставщиком дров двора Великого князя Николая Николаевича, называл меня не иначе как «Ваше Высокоблагородие» и не переставая крыл большевиков. Увидав его среди арестованных у Бронина, я очень удивился. Лет 50, рыжий, с красным, как кумач, лицом, он клялся и божился в своей невинности. «За дитя свое родное страдаю, – говорил он, – она, дочь, действительно

большевичка была, всю избу портретами Троцкого и Зиновьева обвесила, когда же я хотел снять – обещала арестовать, кровопийцей называла за то, что раньше у меня деньги водились. Дурак я старый, сам виноват, в детстве в школу среднюю ее послал, вот и вышла ученая!» Призванные свидетели-крестьяне отмалчивались или давали сбивчивые показания. Ясно было, что они его не любили, но боялись. Потом я выяснил, что этот Емельянов был организатором принудительного сбора молока у крестьян, за это они на него и донесли, но открыто его обвинять все-таки боялись. «Нелегко разбирать эти дела, – говорил Бронин, – вы видите, как трудно от них чего-нибудь добиться, а случается разбирать дела, перед которыми прямо становишься в тупик. Вчера, например, привели ко мне местную учительницу, она одна из немногих учительниц, которые остались в деревнях при большевиках на своем посту, записана в списке сочувствующих, список этот нашел в бумагах Бегуницкого совета. Спрашиваю ее: «Вы коммунистка?» Отвечает: «Нет, я в сочувствующие записалась, чтобы остаться на своем месте, и считаю, что поступила правильно, так как надо же образовывать крестьян, иначе они совсем зверьми станут». Как решить это дело? Крестьяне говорят, что она действительно с большевиками якшалась, но вреда им не делала. Отправил ее в Ямбург – там в тылу могут спокойнее разобрать ее дело».

12 июня стал на позицию у хуторов Новое Кемполово. Впереди линию деревень Сельцо – Рутеницы занимали семеновцы, влево у Каськова стояли даниловцы, с ними взвод капитана Тенно, оба его орудия, для отражения прямой наводкой атак броневиков, были поставлены за валом, служащим оградой Каськовскому саду (имение Зеймарн). К счастью, я уже не стоял на шоссе, так как с моим составом взвода я не был способен исполнить такую задачу. Севернее стояли талабцы, две роты которых все еще стояли под Волосовом. Красные бежали до Кипени, а потому на фронте было тихо. Приказано было отдохнуть и воспользоваться этой передышкой, чтобы разобраться в частях. Первую ночь спал как убитый, так как эти почти две недели спал лишь урывками, два-три часа, по большей части ночью, когда было спокойнее. Ведь я, кроме Званцова, ни на кого не мог положиться и бессменно находился на наблюдательном пункте.

Я начал усиленно заниматься своими солдатами. Тут же на позиции обучал их пешему строю, все приходилось делать самому, так как на своих помощников рассчитывать не мог. За последние дни, во время наступления, я кое-чем поживился: случайно подобрал брошенную двуколку и повозку, а также

походную кухню. Кроме того, особенно радовался захвату трех верст провода, так как имеющийся у меня провод был ниже всякой критики. Но всего этого было мало, в артиллерийском деле невозможно обходиться случайной добычей. Кроме того, я ощущал сильный недостаток в опытных солдатах-артиллеристах, так как своим молодцам я не доверял и не без основания подозревал их в саботаже во время стрельбы. Такое явление, что после пристрелки, при переходе на поражение, я получал снаряды по наблюдательному пункту, убеждало меня в том, что это делалось нарочно, но мои офицеры, боясь мести солдат, не боролись с этой изменой.

В первый же день стоянки я отправил поручика Бандысека к командиру дивизиона, находящегося при графе Палене, полковнику Афанасьеву, в рапорте своем я назвал себя, согласно предписанию, данному мне от штаба Талабского полка, командиром взвода при этом полку. Прочтя мою надпись на рапорте, полковник Афанасьев узрел в ней желание «самоопределиться» и ни одно мое требование не удовлетворил. Меня поведение Афанасьева глубоко возмутило, ему надо было сперва разобраться в обстановке, в которой я начал формирование своего взвода. На его месте я сам связался бы с моим взводом – ведь у меня не было никакой возможности ни съездить к нему, ни кого бы то ни было послать, не имея средств передвижений, кроме одной моей лошади, и будучи на взводе «и воеводой, и водовозом». Другой рапорт написал непосредственно командиру Псковской артиллерийской бригады полковнику Исаеву, к рапорту приложил письмо, в котором изложил все свои нужды и просил извинения за непосредственное обращение, такое же письмо написал и брату. Письма принесли результаты: мне прислали людей, среди них опытного телефониста Федорова и подпрапорщика Винка, из местных чухон. Понемногу батарея пополнялась, потихоньку налаживалось хозяйство, вместо двух разведчиков было уже три, и число телефонистов доведено было до 5. Все это шло ужасно медленно из-за отсутствия спаянности между людьми, отсутствия опытных старых солдат и полной неспособности так называемых офицеров. Штаб Перемикина стоял в мызе Белой, по делам раза два ездил туда. Жизнь в штабе протекала оригинально: никто, кроме адъютанта поручика Машукова, не имел права входить к командиру полка, ел он всегда в одиночестве, подавал старик слуга, и во время принятия пищи никто не допускался. Для меня делалось исключение, однажды во время завтрака он долго беседовал со мною с глазу на глаз, то есть говорил он, я же больше слушал. Он мне рассказывал историю возникновения Талабского полка. После

работы на Юге России Перемикин перебрался в Петроград, здесь, ввиду опасности быть арестованным, ему пришлось определиться в полк, формируемый Булак-Балаховичем. По словам Перемикина, таких полков предположено было формировать 11. Эти формирования были организованы штабом генерала Шварца[196]. Многим хорошо известно имя генерала Шварца как человека, пытавшегося под лозунгом «Армия вне политики» воссоздать Русскую Армию для борьбы с немцами, занявшими в то время Прибалтику. При приближении белых эти полки должны были перейти на их сторону. Планы эти держались в секрете даже от большинства офицеров, а потому, для сохранения своего лица перед красными, Балахович усмирял крестьянские бунты в окрестных деревнях. Попав к Балаховичу, Перемикин вскоре бежал в Псков и через некоторое время, хитростью и подкупом достав у немцев пулеметы, перебрался на Талабские острова (озеро Пейпус), жители которых посылали депутатов к белому командованию, прося взять их под свое покровительство. Кучка добровольцев с островов и несколько человек учащейся молодежи послужили кадром для формирования Талабского полка. Перемикин жил на островах под фамилией Орлов, на противоположном берегу стоял его брат (войсковой старшина), находящийся до поры до времени у красных. Связь между братьями была полная, так что в отношении вооруженных действий со стороны красных бояться не приходилось, зато трудно было с продовольствием, и из-за этого чуть однажды не произошел бунт. После разгрома Северного корпуса под Псковом Перемикин со своим отрядом благополучно выбрался с Талабских островов и присоединился к формировавшимся в то время эстонским белым отрядам. Солдаты верили Перемикину и любили его, так как он был храбр, но и осторожен и очень заботливый командир. Он знал значение продовольствия для психики солдат, и это дело поставил великолепно. Офицеры его ценили и боялись. Другие полки обвиняли Перемикина за то, что он, щадя своих солдат, отходил, не предупреждая соседей. Возможно, что это случалось, хотя я лично этого ни разу не наблюдал. Перемикин высказывал мне свой взгляд, что он всегда предпочитает, не цепляясь за местность, быстрым отходом вывести в случае неудачи свою часть из-под удара и тем ее сохранить. Он считал неправильным отход на виду у напирающего и имеющего успех противника. Собственно говоря, это прием партизанский, пригодный для отряда, имеющего самостоятельную задачу и действия которого не связаны с действиями прочих частей фронта. Еще более крайним выразителем этого взгляда был Балахович, у которого, как я

говорил в предыдущем очерке, каждый боец в случае неудачи выбирался самостоятельно. Полной противоположностью в этом отношении был полковник Ветренко, который тренировал свой Волынский полк на упорной обороне, и действительно, волынцы зубами держались за свои позиции. Волынский полк в основе и по роду действий был регулярным полком, правда, слегка медлительным и осторожным в наступлении, но упорным в обороне. Талабцы смело наступали, но были менее устойчивы при обороне.

В это время попытка привести армию в порядок отразилась и на артиллерии – я получил первый приказ по артиллерии, в котором фронт разделялся на артиллерийские участки. Мой взвод этим приказом присоединялся к 4-й батарее Псковской артиллерийской бригады. Немедленно поехал явиться командиру батареи капитану Петренко[197], взвод которого стоял у села Губаницы. Самого Петренко я не застал, он уехал в Ямбург и Нарву по делам и «немного отдохнуть», как мне сообщил его старший офицер штабс-капитан Бернов[198]. Дело в том, что Петренко на днях под Лисином (юго-восточнее Волосова) потерял орудие. Деревня защищалась двумя ротами талабцев, и для борьбы с броневиком по личному приказанию Ветренко одно орудие 4-й батареи было поставлено в цепи. Талабцы были выбиты артиллерийским огнем красных из деревни. Петренко пытался спасти орудие, но вся прислуга разбежалась, и ездовые, бросив лошадей, удрали. Началось разбирательство этого дела, но трудно было решить, кто виноват. Ветренко ли, отдавший приказ, Петренко ли, потерявший орудие, или талабцы, бросившие его. Под командованием Перемикина это вряд ли случилось [бы] – он предоставлял артиллерийским начальникам полную свободу действий. Большинство пехотных начальников, мало что смысля в нашем деле, требуют неисполнимое и изводятся, когда им доказываешь противное. Но Ветренко нет оправдания, он сам бывший офицер конной артиллерии, получивший Георгиевский крест за отбитие огнем орудий, во время последней войны, атаки венгерской кавалерии. Ставить орудия в цепи можно было со старыми русскими Императорскими частями, но это лишь в редких случаях позволительно делать. В условиях, в которых нам приходилось действовать в Северо-Западной армии, это преступно.

Принят я был в 4-й батарее любезно, но я сразу почувствовал, что мое наличие при орудиях взвода было офицерам не очень приятно – я был старше их и невольно становился им поперек дороги. Вопрос этот я немедленно предложил капитану Петренко при первом же его посещении моего взвода и прямо сказал, что

если стою кому-нибудь на дороге, то могу перейти в батарею брата, которую он формировал в Ямбурге. Петренко от прямого ответа отвильнул. Пользы от присоединения к 4-й батарее я извлек мало, разве только, что мне прислали 5 лошадей, но лишняя инстанция затягивала получение необходимых вещей. Но тень какой-то самостоятельности я все же сохранил. Например, офицеры, присланные мне вместо предположенных к отправке в тыл Рабиновича и Бандысека, являлись с предписанием в 4-ю батарею, но в «распоряжение штабс-капитана Гершельмана».

В боевом отношении стояние на позиции у хутора Ново-Кемполово было однообразно. На второй день нашего стояния красные вели пристрелку по нашим деревням и зажгли деревни Сельцо и Рутелицы. Наша застава в мызе Сельцо (имение Корф) была оттуда выбита. Я также вел пристрелку, между прочим, по нашему имению Анташи. Прибыл офицер Даниил Владимирович Яницкий[199], и я смог отправить Рабиновича и Бандысека.

18 июня я получил приказание от командира батареи перевести свой взвод в район деревни Медники для обстрела участка впереди деревни Мурашово, занимаемой 2 ротами Талабского полка под командованием поручика Горика. Красные первые два дня моего стояния у Медникова держали себя спокойно, лишь атаки на правый фланг нашей группы все продолжались. К этому времени наши части, отойдя от Лисина, остановились у деревни Заполье – здесь кончался правый фланг нашей группы, упираясь в труднопроходимые леса, тянущиеся по берегам реки Луги и далее в Гдовский и Лужский уезды.

В 10-х числах на фронте волынцев перешел весь 2-й советский Конный полк и с ним взвод конной батареи. Весь конский и людской состав пошел на комплектование Конно-Егерского полка. В то же время передавались смутные слухи о занятии отрядом ингерманландцев Красной Горки и о их продвижении до Ораниенбаума, другие говорили, что лишь гарнизон этого форта перешел на нашу сторону, но что форт оставался в руках красных. Вина в том, как потом выяснилось, что момент перехода на нашу сторону гарнизона Красной Горки не был использован, лежала целиком на ингерманландцах. Вместо того чтобы немедля подойти к форту и, использовав общую растерянность большевиков, быстро продвинуться до Ораниенбаума, они два дня медлили и вели переговоры с гарнизоном форта, тогда, когда все коммунисты на Красной Горке были уже перевешаны и сомневаться в искренности этого перехода не было основания. В первый же день восстания Красная Горка сообщила Кронштадтским фортам о своем переходе на сторону белых и требовала их капитуляции; в Кронштадте

поднялась паника, и, подойди в этот момент, как все рассчитывали, английский флот, Кронштадт бы пал. После этого первые искры сомнения в искренности помощи союзников запали в наши сердца. На некоторых фортах поднимался белый флаг, но потом был спущен, по-видимому, происходила борьба. Видя нерешительность ингерманландцев, красные осмелели: обстрелом форта с «Петропавловска» они заставили гарнизон покинуть Красную Горку, после этого обстрела отошли и ингерманландцы, пытавшиеся было продвинуться к Ораниенбауму.

Через два дня по всему фронту начались атаки красных, и для нашей малочисленной армии началось тяжелое время. Пока части были в движении, перевес был на нашей стороне, так как мы превосходили красных в тактическом отношении и духом. Инициатива оставалась в наших руках. Вынужденные остановиться, мы уступили инициативу красным, продолжать же движение было невозможно – части были слишком измотаны. Остановившись, мы растянулись в жиденькую цепь, не имея никаких резервов, а потому успех красных в любой точке фронта немедленно отражался на всей нашей линии.

21 июня красные повели атаку на Мурашове. С 6 часов утра начался обстрел деревни, в это время я уже находился в Медникове, где отдыхал после дежурства на наблюдательном пункте. Немедленно выехал в Мурашово. Пехота занимала окопы. За эти дни стояния было очень мало сделано в смысле укрепления позиции – окопы были только коленные, проволока натянута лишь местами. Обстрел деревни продолжался. Раскисшего Яницкого я отправил в обоз и взамен вытребовал прапорщика Андреева[200], прибывшего 19-го числа ко мне на взвод и перебравшегося из Финляндии так же, как и я, парусом. Красные занимали деревню Болгову. Моя батарея находилась около дома лесничего. Вскоре показались цепи красных. По одному, прячась за кусты, люди начали перебежки влево от Болгова. Открыл огонь – залегли. Прошло некоторое время, они начали подниматься, пришлось их снова положить своим огнем. Такое вялое наступление продолжалось довольно долго, красные то вылезали, то снова прятались в кусты. Наконец показалась уже сравнительно большая цепь, ведущая наступление на весь восточный фас деревни. Застрекотали наши пулеметы, и выдержанными залпами пехота, раскинутая по всей окраине деревни, тоже открыла огонь. Цепь остановилась, залегла и поодиночке стала отходить. После этого усилился артиллерийский обстрел, загорелся сарай. Несчастные крестьяне начали тушить пожар, самоотверженно бегая под обстрелом, они

ведрами носили воду из деревенского пруда и старались не дать распространиться огню. Как только показался огонь, красные прекратили обстрел, но стоило пожару приутихнуть, как немедленно они возобновляли стрельбу и зажигали опять какой-нибудь дом, сарай или баню. В четверти версты впереди и слева находилась роща, где талабцы держали заставу; около 4 часов красные сбили эту заставу, пришлось пристрелять эту новую цель, поручил для практики этим заняться Андрееву, исполнил он это превосходно, хотя, принимая во внимание отвратительную работу номеров, это была задача не простая. Во время одного из обстрелов взвод талабцев бросил свои окопы, я дал об этом знать Горику, но он не принял никаких мер. Это меня удивило, так как обстрел не был силен. Около 11 вечера красные успокоились. Под конец дня нам приходилось мало стрелять, у нас перегорел во время пожара телефонный провод, а кроме того, цепи красных не показывались, осыпая только изредка наших градом пуль.

Обходя во время боя позицию, познакомился с военным врачом Кривошеиным. Во время одного из набегов талабцы заняли деревню, в которой он скрывался вместе с знаменитым басом Филипповым, г-ном Чикиным и одним генералом, который из-за своей неосторожности был тогда же убит. Кривошеин был раньше корпусным врачом, теперь рядовым добровольцем в полку. Только впоследствии, когда Филиппов был назначен уполномоченным Красного Креста, он настоял на том, чтобы Кривошеин перешел в санитарное ведомство. У семеновцев была в тот день лишь демонстрация, но одновременно чуть не вышел большой скандал. Один из телефонистов, с перепугу, вместе со своим аппаратом прибежал в свой штаб и сообщил, что деревня Сельцо занята красными, а находящиеся там роты, вероятно, погибли. Все заволновались, передали об этом в штаб Перемикина, по всей линии это стало немедленно известно, так как почти все телефонные станции, для экономии провода, включались своими отростками в одну общую линию. Приходилось снимать какую-нибудь часть с фронта (резервов ведь не было), к счастью, через некоторое время это недоразумение выяснилось.

Неприятной особенностью нашего фронта было отсутствие видимой связи между соседними частями. Занимались за недостатком сил только деревни, в промежутках между ними изредка ставились заставы, в большинстве случаев ходили лишь дозоры. Между Мурашовом и Торосовом, например, несколько дней связи не было. На дороге между названными деревнями, оба конца которой были в наших руках, обыкновенно стояла красная застава, иногда же наши дозоры проходили до самого Торосова и

связывались с волынцами. Ввиду возможности прорыва по лесу между Мурашовом и Торосовом прямо на деревню Медниково, в последней деревне стояла полурота талабцев, заменявшая в то же время и прикрытие взводу.

После описанной атаки на нашем участке красные держали себя пассивно, но на Торосово, где стояли волынцы, велись сильные атаки. Наступление велось матросами, стоявшими последние дни в деревне Горки в резерве. Выкатив 4 орудия на опушку кустов, находящихся впереди Торосова, они открыли сильнейший огонь по нашим частям. Один из снарядов влетел в господский дом, где было ранено и убито до 10 человек. Рассчитывая на крепость стен и сводчатого потолка подвала, они в нем укрылись, но укрытие оказалось мало надежным. Но волынцы выдержали этот ураганный огонь и, когда показались цепи, встретили матросов убийственным пулеметным и ружейным огнем. Матросы отхлынули, понеся сильный урон.

На другой день получены были сведения о передвижении батареи, находившейся за Волговом, в районе Ожогина. Пленные и перебежчики говорили, что красные решили на нашем участке вести наступление по двум направлениям: на Сельцо и далее на Кемполово, мыза Белая, а также на Торосово. Сведения эти подтверждались тишиной на участке Мурашова, тогда как у волынцев справа и у семеновцев слева продолжались атаки. На нашем участке были часты случаи перехода на нашу сторону красных, все их показания сводятся к следующему: страшное недовольство большевиками и расположение к нам, все пополнение из дезертиров, большое количество их сосредоточено в Красном, питание отвратительное, одни коммунисты едят хорошо, вчера во время атаки на Сельцо люди, пролежав всю ночь в лесу, наутро падали в обморок от слабости. Перед выступлением ропот среди солдат, но беспорядки коммунисты быстро прекращают, было арестовано два человека, которые к вечеру были расстреляны. Когда же их спрашиваешь, отчего так мало бегут, ответ все тот же: боятся, так как за побег семья отвечает. Другие местности не знают, вчера 12 человек ушло, но напоролись на свой же пост и были расстреляны. Наши прокламации с трудом доходят, за этим следят коммунисты и за их чтение арестовывают: «Вот когда вы наступаете, тогда дело другое, спрячешься в кустах и сиди, белые подойдут и заберут, а бежать опасно и трудно!» И невольно приходишь к убеждению, что главная причина редких побегов – инертность людей, «придут и возьмут» – тогда он не отказывается даже сражаться с нами, но чтобы самому решиться, рискнуть – никогда, уж лучше подчиниться, терпеть и плакаться о своей злой доле. Вся Россия в

кустах!

Вследствие непрекращающихся атак красных, настроение на фронте продолжало быть напряженным. Все чувствовали, что стояние на месте для нас зарез, но для перехода в наступление не было достаточно сил, а потому все с нетерпением ждали обещанных союзниками танков. Белый хлеб вот дали, это очень подбодрило солдат. Может быть, и танки придут. Каждый день распространялся слух, что танки выгружены или выгружаются в Ревеле. Приезжие утверждали, что видели их на станции Волосово. «Большущие, как сараи», – говорили они, потом слух опровергался – танк на станции оказывался вагоном бронепоезда.

В Мурашове часто беседовал с местными крестьянами. Особенно любил говорить с 70-летним стариком, с 1873 года промышлявшим извозом в Петербурге. Начал он свой рассказ с перечисления градоначальников и разбора их качеств, причем больше всего он одобрял наиболее строгих. Потом передавал случаи из своей извозчичьей практики: «Стоял я раз у «Северной» гостиницы, тогда она «Знаменской» называлась, выходят два инженера, собирают всех нас, извозчиков, и говорят, что побились об заклад, можно ли от Николаевского вокзала, не выезжая из города, проехать до 8-й линии Васильевского острова, ни разу не переехав через рельсы конки (это было в 1883 году). Кто возьмется и проедет, тому 50 рублей, и все штрафы за езду по левой стороне на их счет. Долго думали, наконец, один из нас вызвался и действительно провез, инженер не знал одного проезда между линиями на острове, им и воспользовался извозчик. А все же 8 рублей штрафов наездил». Или начнет рассказ о том, как рота Павловского полка волочила камень на фундамент Храма Воскресения-на-Крови. Камень этот с давних пор лежал на Аптекарском переулке, против Круглого рынка. При Павле I еще его хотели взорвать и начали даже долбить, но тут как раз проезжала коляска Императрицы, лошади испугались, посему приказано было работу остановить, так до последнего времени долото и оставалось в камне. Узнав мою фамилию, он вспомнил моего деда. Часто маневры Петербургского военного округа заканчивались около нашей мызы Анташи, старика брали возчиком при войсках, для продовольствия или Офицерского собрания, он любил это занятие, тем более что летом работы в Петербурге, как извозчику, было мало. Как-то раз отбой был снова у Анташей. Чьи-то вестовые пустили лошадей пастись на луга. «А я им говорю, не надо, ребята, генерал, что здесь помещиком, строгий, плохо будет. Не послушались, а вышло по-моему. Дед ваш увидал их, да как раскричится, мал он был ростом, а сердитый. Ну и поставили их под шашку».

23 июня получил письмо от Петренко, извещающее меня об уходе его орудий в Ямбург для переформирования и отправки на Лужский фронт. По его словам, к моему взводу должен был быть присоединен взвод, перешедший у Красной Горки, и образована 5-я батарея Псковской артиллерийской бригады под моим командованием. 26-го к вечеру пришел секретный приказ от Перемикина, в котором он говорил, что в случае неудачной ликвидации прорыва фронта Островского полка у Савелыцины предположено отойти на новые позиции. На другой день красные с утра вели артиллерийскую подготовку по участку семеновцев у Сельца и трижды атаковали их. Все атаки были отбиты с громадным для красных уроном; все же один момент был критический, так как у стрелков не хватало патронов, геройски работала команда Навроцкого, ручными гранатами отражая красных, дошедших местами до проволоки.

Утром 27 июня пришел приказ отходить и занять новые позиции. Волынцы продолжали оставаться на месте, твердо отстаивая свои позиции, но от Торосова наш фронт круто поворачивал на запад и дальше шел через Клопицы – Греблово – Малые Лошковицы. Переход на новую позицию был для меня крайне затруднительным делом из-за недостатка лошадей и людей и незнания людьми своих обязанностей. Я продолжал мало доверять солдатам, мне доложили, что среди группы солдат существует план бежать к красным, сообщение оказалось неверным – эта группа солдат до конца оставалась в батарее, – но были другие, которые мне были подозрительны. Боясь оставить людей одних, я шел с телефонистами, убиравшими провод. Вперед на рекогносцировку позиции был послан Яницкий, Андреев, таким образом, оставался пешим из-за недостатка лошадей. Позиция, выбранная Яницким, оказалась неподходящей, а потому пришлось ее менять. Целый день потратили на установку телефона, связь все время прекращалась.

Днем мимо Клопиц на юг проходил Ревельский полк на смену Балтийского у деревни Заполье. Вечером был у семеновцев, штаб которых расположился в господском дворе Ронковицы, за ним в затылок по дороге Ронковицы – Терпилицы стоял мой взвод. Весь штаб был в сборе: Зайцев, Шмеман[201], Эссен[202], начальник конных разведчиков и Навроцкий, долго сидели, беседуя о вчерашних атаках на их полк.

На другой день поехал в Волосово для выяснения своего положения в связи с присоединением ко мне второго взвода, а также хлопотать о имуществе для батареи. Начальником правого артиллерийского участка был назначен капитан Быков, недавно захваченный с батареей советских курсантов, к нему я и думал

обратиться. Тут же у станции стояла 3-я артиллерийская батарея Ревельского полка, которая по сдаче одного орудия должна была слиться с моим взводом. Узнав о моем тяжелом положении, Быков предложил мне принять лошадей и амуницию, освобождающихся после сдачи орудия. Был вызван командир взвода штабс-капитан Квятковский[203], которому Быков изложил положение дела и предложил передать мне лошадей и амуницию. Квятковский никаких возражений не делал, но вскоре появился его помощник, офицер Ревельского полка штабс-капитан Садовский[204], назначенный в батарею за неимением в ней офицеров. Он заявил, что, соблюдая интересы полка, он отказывается сдавать орудие, так как пушки взяты его полком, значит, ему и принадлежат. Быков заволновался, начал звонить Афанасьеву, который подтвердил приказание, но Садовский приказание не исполнил. Пришлось обратиться через Афанасьева к графу Палену, и, наконец, только после третьего приказания Садовский сдал орудие и часть амуниции. Лошадей он категорически отказался сдавать, сказав, что они безусловно принадлежат полку. Быков был в восторге, что его приказание было хоть частично выполнено, и не настаивал. Вообще он производил странное впечатление. Во время Германской войны он себя выказал храбрым офицером, имел Георгия и оружие, здесь же во всем проглядывала какая-то неуверенность, все его приказания носили характер уговора, непременно со ссылкой на старшего начальника, как будто он боялся, что его приказание будет не исполнено. Странным было его отношение к курсантам, из которых состоял захваченный недавно артиллерийский дивизион, командиром которого был Быков. Он сознавал, что они были элементом безусловно ненадежным, знал, что большинство из них тяготеет к красным, но предлагал по отношению к ним полумеры, как, например, взаимное поручительство курсантов, как будто эта мера может остановить от побега человека, нисколько не заинтересованного в судьбе остающихся, жизнь которых, как людей противных ему убеждений, не может быть ему дорога. При мне один курсант спросил его, будут ли их у белых производить в офицеры, на что, вместо замечания о неуместности такого вопроса, Быков отвечал что-то длинное и неопределенное. Назначение меня командиром батареи было еще не решено, а адъютант Быкова поручик Васильев сказал мне, что Быков хлопочет о назначении на эту должность курсового офицера капитана Свежевского[205]. Вообще за последнее время, после взятия батареи Петроградских советских курсантов, в армии оказалось огромное количество курсовых офицеров, старавшихся пристроиться на какую-либо должность. По их

инициативе проектировалось артиллерийское училище (это при артиллерии, едва насчитывающей 6 батарей!). Эти люди не желали идти младшими офицерами в существующие батареи, а потому им нужна была хоть видимость работы. Кроме того, предполагалось разделение артиллерии на отдельные дивизионы и уничтожение названия «Псковская артиллерийская бригада», как совершенно не свойственного артиллерии. По-моему, эта мера была бесцельна и вредна. Каждая часть должна иметь свои традиции и те исторические факты, которые могут укрепить эти традиции. В данном случае название Псковской артиллерия получила как часть, возникшая во время первых формирований в Пскове. Для впоследствии формирующихся частей артиллерии это название, пожалуй, теряло свой смысл, но для старых батарей это имя надо и должно было сохранить.

В Волосове большое оживление. Здесь стоял штаб начальника правого участка полковника Ветренко (он же командир Волынского полка). Против платформы стоит только что созданный бронепоезд «Адмирал Эссен». Весь черный, с тремя орудиями и несколькими пулеметами, он производил внушительное и элегантное впечатление. Он был доморощенной конструкции – броня на нем отсутствовала и была заменена песком, насыпанным между двумя стенками. Благодаря моему близкому знакомству со старшим лейтенантом Качаловым[206], работавшим в свое время в организации П.П. Дурново, мне удалось подробно осмотреть броневик. Впереди находилась платформа с рельсами и шпалами для починки пути; эта же платформа предохраняла поезд от фугасов, так как первая попадала и взрывала фугас. Дальше платформа с 3-дюймовым орудием, поставленным на деревянный полукруг, за ней вагон с вышкой для мелкокалиберного морского орудия, внутри вагона картечница, перекатываемая, в зависимости от цели, на правую или левую сторону, потом пулеметный вагон, паровоз, и в хвосте снова вагон с пулеметами. Большинство офицеров и команды были моряки, почему и терминология у них была морская: вагон для еды и жилья – кают-компания, наблюдательная вышка командира – боевая рубка, правая и левая стороны поезда – борты. Поезду было много работы по охране Волосова от красных бронепоездов, пытавшихся обстрелять станцию и подходивших со стороны Гатчина и по Мшинской ветке.

Тут же на станции суетился мой старый приятель по Выборгу Петр Николаевич Никифораки[207] («Никита во фраке», как мы его называли), поступивший вольноопределяющимся в армию и назначенный ко мне в батарею. Ему было 42 года, он до революции был нотариусом в Коломне, потом участвовал в одной

контрреволюционной организации, был арестован в Петрограде, просидел несколько месяцев и, при помощи нашей организации, бежал в Финляндию почти одновременно со мною. Он искренне увлекался всем, многое предпринимал, мало что кончал, так как до окончания дела, по широте своей натуры, хватался за что-либо новое. Он вбил себе в голову стать офицером, и в этом желании оказался постоянным и добился своего под самый конец борьбы на Петербургском фронте, я был в то время уже эвакуирован после ранения. Я его искренне любил за его добродушие, неиссякаемое остроумие и его милое отношение ко мне. За неимением людей, он попал в Волосово заведующим головным артиллерийским парком (хотя в артиллерии не понимал «ни уха ни рыла»), не спал ночи, волновался и, проявляя кипучую деятельность, был полезен. На нем все события нашей борьбы отражались крайне сильно, и настроение его колебалось от полного отчаяния до неудержимого восторга и надежд. Он меня встретил с восторгом и сообщил о приезде в армию моих выборгских друзей: Неведомского, Виланда и Швабе.

Вернулся в обоз батареи поздно, и на другой день рано утром был разбужен артиллерийской стрельбой. Прискакал в Клопицы и нашел Яницкого уже на другом месте, из-за обстрела он переменил наблюдательный пункт. Вообще в боевом отношении этот офицер мало меня удовлетворял, он был вял и мало интересовался своим делом, одна эта его манера перемены наблюдательного пункта вследствие огня показывала, насколько он не тверд, не говоря уже о развращающем влиянии такой системы на солдат, приучающей их бояться огня. Вскоре приехал Андреев, и мы весь день провели с ним на крыше, с которой вели наблюдение. После артиллерийского огня, долженствующего изобразить артиллерийскую подготовку, красные открыли ружейный огонь по всему фронту, но цепи не появлялись. Через полчаса ружейная стрельба прекратилась, но снова загремели пушки, загорелся дом, за ним другой, и пожар забушевал по деревне, сжигая последние дома и без того сильно пострадавших от прошлых боев Клопиц. Затем снова началась ружейная стрельба, но цепей снова не было видно. Такая инсценировка атак продолжалась еще несколько раз за этот день.

Большинство пуль пролетало высоко над головами, по-видимому, красноармейцы стреляли не целясь – «через сосенку», как острили солдаты, то есть уткнувшись для безопасности головой в землю, отчего дуло ружья поднималось кверху и пуля описывала высокую траекторию. Часто от этой стрельбы страдали тылы, где бывали убитые и раненые. К вечеру пошел дождь, который продолжался всю ночь и все следующие дни.

3 июля, согласно предписанию полковника Афанасьева, поехал принимать взвод, находящийся при Ревельском полку. Командира взвода штабс-капитана Квятковского нашел в деревне Захонье (южнее Волосова), он знакомился с участком. Тут же на чердаке школы, где он установил свой наблюдательный пункт, объяснил ему цель моего приезда и просил вкратце познакомить меня со взводом. Взвод был составлен из мобилизованных Псковской, Новгородской и Петроградской губерний; во время стоянки в столице в батарее вспыхнул бунт, на усмирение которого были посланы артиллерийские курсанты, несколько человек было расстреляно, это обстоятельство поддерживало в солдатах антибольшевистский дух. Во время стоянки на финской границе, после мобилизации слушателей Михайловской артиллерийской академии, во взвод попал Квятковский. С началом нашего наступления на Петроград батарея попала на наш фронт. Офицеры батареи, пользуясь глупостью батарейного комиссара, делали все, чтобы не участвовать в боях с белыми, или же ставили батарею в такое положение, чтобы она легче могла попасть в руки белых. Несколько раз попытки не удавались. Наконец один из взводов, в котором был Квятковский, узнав о восстании на Красной Горке, тоже поднял бунт. Перерезав своих коммунистов и выдержав бой с красными, взвод перешел на нашу сторону. После перехода к нам, ко взводу было присоединено одно захваченное орудие с 30 человеками курсантов, оказавшимися теми, которые усмиряли батарею во время бунта в Петербурге. Две недели длилось сплошное мордобитие – солдаты вымещали свою злобу, в результате 7 курсантов бежали обратно к красным. Таким образом, состав людей, если не считать курсантов, хорош, лошади в отличном состоянии. Под конец Квятковский мне сообщил, что командир Ревельского полка генерал-майор Ежевский против присоединения взвода к моей батарее, считая орудия неотъемлемой собственностью полка.

Пришлось ехать к Ежевскому, который мне повторил то же самое, когда же я ему предъявил свое предписание и заметил, что оно, вероятно, послано мне с согласия начальника дивизии полковника графа Палена, он мне заявил, что это ничего не значит, так как он беседовал с Родзянко, который ему разрешил оставить взвод при себе и обещал назначить командиром взвода кандидата Ежевского, штабс-капитана Гизетти. Не желая ставить себя в глупое положение, я заявил Ежевскому, что принужден подать обо всем этом рапорт, объясняющий причины, мешающие мне исполнить предписание полковника Афанасьева.

Рядом стояла Конная батарея, командиром которой был назначен мой брат и в которую, как конную, пошло большинство

наших офицеров л. – гв. Конной артиллерии.

Последние дни красные вели яростные атаки на деревню Заполье, образующую правый фланг нашей группы. Особенно сильной была атака третьего дня, когда, после длительной артиллерийской подготовки, красные густыми цепями пошли в наступление. Колокольня церкви, где был наблюдательный пункт Конной батареи, сильно пострадала, в ней насчитывалось до 50 попаданий, мой брат был контужен в ухо, его старший офицер штабс-капитан Тихонов[208] ранен в губу осколком снаряда. Но все атаки красных были блестяще отбиты батареей и выдержанным огнем балтийцев. Трофей моего брата – пулемет, подбитый им в момент, когда его устанавливали против его наблюдательного пункта. Интересно, что атаки красных велись прямо на болотистое озерцо, расположенное в 100 метрах от наблюдательного пункта. Таким образом, даже если им удалось бы достигнуть это место, красные были бы принуждены остановиться и обходить озерцо, что было бы под огнем задачей нелегкой. Это показательный пример того, насколько у красных не хватало тактических руководителей.

Безусловно, работа в штабах велась людьми, знающими свое дело, офицерами Генерального штаба, перешедшими на службу Третьего интернационала и находящимися под надзором штабных комиссаров. Примером правильной работы штабов было предпринятое наступление с целью захвата города Ямбурга. Направление движения было вдоль Нарвского шоссе, причем, постепенно опускаясь к югу, шоссе это у 15-й версты перед Ямбургом близко подходило к железной дороге, чем давалась возможность перерезать и последнюю. Имея броневые машины, которых у нас не было, красные на шоссе получили все шансы взять над нами перевес. Отлично учтя это, они неуклонно развивали этот план.

Конная батарея была интересным явлением в рядах Красной армии и показателем того, что, если план генерала Шварца (если таковой правда существовал) о формировании в Совдепии целого ряда антисоветских частей с целью перехода их к белым осуществился бы в более крупных масштабах, он мог бы принести большую пользу белым отрядам. Лично считаю, что такие части, как Конная батарея, могли быть лишь единичными явлениями. Нужно принять во внимание, что в то время общественное мнение считало службу в Красной армии позором для офицера, а потому многие для обеления себя не сумели бы скрыть истинной цели своей работы, следствием этого неминуемо вся организация была бы раскрыта, и коммунисты не остановились бы перед суровыми мерами для ее уничтожения.

Конная батарея была сформирована штабс-капитанами Васильевым и Тихоновым, первый из них, не успевший вовремя перейти к нам, был расстрелян после ухода Тихонова с одним из взводов на нашу сторону. Вся батарея была почти исключительно составлена из кадровых солдат старых частей, большинство кавалеристов, солдат старых гвардейских полков. Одеты они были в мундиры л. – гв. Гусарского Его Величества полка, и форму эту они берегли, и возили с собой в походе, и во время стоянок или отпусков непременно в нее наряжались. Настроение у них было отличное, крайне антибольшевистское, многие из них пострадали от коммунистов, у некоторых кто-нибудь из членов семьи пал жертвой террора. Мой брат был чрезвычайно доволен своей батареей и надеялся создать из нее крепкую и верную часть.

* * *

Рано утром 4 июля пришел приказ об отходе. Нам предстояло отойти верст на 25, почти до станции Молосковицы. Отход этот объяснялся неудачей на левом фланге. Новые наши позиции назывались «второй оборонительной линией». Моя батарея была назначена в правый артиллерийский участок, начальствование над которым было возложено на капитана Голенкина[209] (курсовой офицер), кроме моих 4 орудий, расположенных повзводно у деревень Молосковицы и Княжево, на участке должна была стоять Конная батарея у деревни Смолеговицы. Средний артиллерийский участок подчинен был капитану Быкову, в состав его входили: 3-я батарея – 4 орудия у деревни Ильеши; 57-мм взвод – 2 орудия у деревни Карганы; 1-я тяжелая батарея 42" – 2 орудия у поселка Ливенского. Левый участок – штабс-капитана Тенно[210]: 2-я – 6 орудий у деревень Перелесье, Накково, Урмизно стояли повзводно, 3-я тяжелая батарея 6" – 2 орудия у деревни Щепино. Далее в приказе напоминалось о поддержании связи и предоставлялось право отрешать командиров батарей «в случае нерадивого отношения к связи», как «непонимающего важность поддержания связи». Назначались часы и формы срочных донесений. Вообще, это был первый мне известный документ, который показывал желание командования ввести некоторую регулярность в армию.

К несчастью, кроме столь тяжко караемого нерадения командира батареи, были еще очень важные причины, делающие это поддержание связи почти невозможным, а именно отсутствие средств связи. Надо помнить, что батареи совершенно не получали никакого снабжения. Всякими правдами и неправдами

мне удалось набрать провод для связи батареи с наблюдательным пунктом; аппараты я раздобыл у пехотных полков под угрозой бездействия батареи за отсутствием связи. Батарее разрешалось также вместо телефонной связи посылать ординарца, но опять же – за неимением седел и лошадей, такая роскошь для меня была неосуществима.

Отход производился постепенно, начиная с левого фланга. От Клопиц мы отошли около 2 часов, от Волосова лишь в 7 часов, и сам Ветренко на бронепоезде ушел около 8 часов. На нашем участке была полная тишина, противник нас даже не преследовал. В день отхода мы узнали от жителей, что на фронте Волосова у красных происходили беспорядки в тылу. Тем более тяжело было отходить. Батарея шла от Ронковиц через Терпилицы (имение барона Врангеля), Коноховичи, Малую Вруду, Полобицы на Молосковицы и остановилась на перекрестке дорог Хотыницы – станция Молосковицы, деревня Молосковицы – деревня Коложицы, тут на хуторе и заночевали. Трудный был поход, слабые крестьянские лошади под конец похода выбились из сил и еле волочили ноги, рядом с ними шли их хозяева, бросившие все свое имущество и семьи в оставленной нами местности. Один из них, на деревянной ноге, ехал за ездового в переднем уносе орудия. К батарее присоединились две-три семьи служивших у меня солдат, они везли свой скарб и вели скот. По дороге тянулись обозы беженцев, не желавших оставаться под большевиками, по большей части зажиточные чухонцы-хуторяне. Все они обращались с вопросами, куда им идти, что делать. Мы отходили с тяжелым чувством, было как-то стыдно, а в то же время брала злость, когда думал, что отходили лишь оттого, что наша небольшая горсть белых не в состоянии была выдержать напора красных полков, составленных из людей нам безусловно сочувствующих, но как бараны подчиняющихся своим случайным властелинам-коммунистам. Под конец похода выяснилось, что 7 человек из 12 коренных людей первоначального взвода ушло к красным. Нельзя сказать, чтобы это меня очень огорчило, скорее озлобило, а в сущности, я предпочитал знать их у красных, нежели иметь в батарее скрытых противников. В результате бегство их имело хорошие последствия, замена этих мерзавцев добросовестными людьми немедленно отразилась на качестве стрельбы. К этому времени я уже недостатка в людях не испытывал – из окрестностей наших Анташей ко мне начали стекаться добровольцы. Из уст в уста передавалось, что командир батареи из семьи владельцев мызы Анташи. Я смог даже позволить себе роскошь иметь денщика, рядового одного из гвардейских полков Койти, явившегося ко мне аккуратно и чисто

одетым. Он был уроженцем одной из деревень недалеко от Анташей.

К вечеру добрался до станции Молосковицы, где явился капитану Голенкину. Оказалось, что, вопреки приказу по дивизии, порядок расстановки взводов был изменен, вместо моего 2-го взвода у деревни Молосковицы становилась Конная батарея, так как командир Ревельского полка не пожелал расстаться со своей «артиллерией» и увел мой взвод на свой участок к деревне Смолеговицы. Перечисленные выше артиллерийские позиции могут дать понятие о новом направлении нашего фронта.

Вечером прапорщик Андреев доложил мне о проступке подпрапорщика Винка, не исполнившего мое приказание о дежурстве на позиции батареи. Этот Винк мне не нравился, кроме того, у меня было подозрение, что многие отдаваемые мною распоряжения относительно внутреннего порядка батареи им в точности не исполнялись, а потому я приказал его арестовать и, с просьбой отдать его под суд, отправил его в штаб. Этот небольшой эпизод поднял дисциплину в батарее, но она снова осталась без старшего начальника из нижних чинов.

Позиция была выбрана для взвода на дороге Хотыницы – Княжево. Наблюдательный пункт в деревне Княжево, занятой двумя ротами волынцев (6-й и 7-й). Здесь были заранее подготовлены окопы, но ни один не мог быть использован для обороны, так как их расположение было крайне неудачно. Рота ставилась повзводно, а потому расположение взводных окопов должно было непременно удовлетворять требованию перекрестного огня, что давало возможность взаимной поддержки. Отдохнув немного, волынцы начали трассировать окопы. Оборона деревни была нелегкая, так как к ней близко подходили кусты, по которым противник мог незаметно подойти. Особенно меня беспокоила одна группа кустов, расположенная непосредственно перед моим наблюдательным пунктом, но волынцы ее заняли заставой. Лишь к вечеру второго дня показались красные разведчики.

В 5 часов утра 7 июля я был разбужен моим телефонистом Кащеевым, которому я приказал это сделать при первом же услышанном им выстреле. Я спал, конечно, не раздеваясь и очень чутким сном, а потому я немедленно взобрался на мой наблюдательный пункт на крыше и увидел выбегающую из кустов заставу и за ней цепь красных, преследующих наших с криком «Ура!». Терять время нельзя было, я кубарем слетел с крыши, приказал уводить лошадей и, забрав телефон, начал отходить. Было как раз время, так как красные вбегали в деревню. Из соседних окопов выскакивали ошалелые солдаты и спросонья,

видя бегство своих, удирали тоже, офицерам не было возможности их остановить: рассыпавшись по полю, 60 человек, составлявших роту, ускользали немедленно из рук офицеров, так что через несколько минут все поле опустело. Предупредив батарею, включившись по дороге в провод, я со своим единственным оставшимся при мне телефонистом Федоровым стал собирать провод и отходить на Хотыницы, изредка останавливаясь и давая одиночные выстрелы. Два других моих телефониста исчезли, я думал, они запутались в лесу. Часа через два положение было восстановлено контратакой 7-й роты волынцев, задержавшейся на северо-западной окраине деревни Княжево. К вечеру собралась и вся 6-я рота, недоставало лишь нескольких человек. Мои два телефониста Кащеев и Коробов тоже пропали – верно, перебежали к красным.

Вторую половину дня волынцы укрепляли позицию и успели натянуть ряд проволоки, застава из кустов передо мной была снята. На другой день, около 2 часов, мой наблюдатель Худиков крикнул мне: «Бежит цепь красных», пехота тоже заметила их появление и открыла огонь. Поднявшись на свою крышу, я увидел красноармейцев, выбегающих все из тех же кустов против моего наблюдательного пункта. Волынцы их встретили дружным залпом, один из первых показавшихся красноармейцев перевернулся через голову, точно подстреленный заяц, следующие тоже падали, другие залегали в кустах и открывали огонь. Передал команду на батарею, но телефон, как всегда неисправный, часто прерывался, что мешало управлению огнем. Но все же моя команда дошла, и вскоре я услышал беглый огонь моих двух орудий. Снаряды один за другим со свистом пролетали над нами и с ухающим треском рвались в заранее пристрелянных мною кустах. Из них вскоре начал подниматься густой черный дым от разрывов гранат, которыми я почти исключительно стрелял. А стрелял я ими, так как шрапнели почти не было на взводе.

Стрельба противника смолкла, но прерванный телефон не давал мне возможности остановить огонь и перенести его по убегающим цепям. Немедленно после отбитой атаки наши разведчики бросились в контратаку. В этот момент я увидел, как один мнимый убитый пошевелился и побежал в кусты, я немедленно послал своего Званцова предупредить пехоту. Схватив винтовку, он бросился вместе с пехотой шарить в кустах. Скоро начали приводить пленных, оживший красноармеец оказался командиром атакующей роты 148-го коммунистического полка, на нем было найдено 15 тысяч нерозданного жалованья и некоторые приказы. Было несколько раненых и порядочно

убитых. Раньше, чем переносить или оказывать помощь раненому, наши солдаты добивались ответа: не доброволец ли он в коммунистическом полку, и если да, то сбрасывали с носилок. Одного коммуниста мой разведчик пристрелил, как потом доложил мне, за то, что красноармеец хвастал, будто их полк вчера братался с семеновцами. Сам бывший семеновец, Званцов оскорбился и пристрелил его. Но думаю, что это была лишь придирка: у красноармейца были хорошие сапоги, а у Званцова дырявые. Я подобрал 10 винтовок, которые пошли на вооружение людей моей батареи. Как я уже говорил, за последнее время в батарею стали являться в большом количестве добровольцы, многие – родственники уже служивших у меня людей. Количество чинов сильно росло, а потому, пополнив орудийный расчет, я принялся за формирование команды телефонистов и пеших разведчиков. Телефонисты были нужны в большом количестве, так как их служба требует большого напряжения, я к ним был очень требователен, а потому для отдыха им необходима была смена. Пешие разведчики несли дежурство на наблюдательном пункте, кроме того, необходимо было иметь несколько человек для охраны наблюдателей или захвата одновременно с пехотой имущества, оставляемого при отступлении красными. К несчастью, мне до самого конца не удалось вполне осуществить этот план за неимением офицеров, могущих этим специально заняться.

Ночью красные неожиданной ночной атакой заняли деревню Ильеши. Семеновский полк сильно пострадал. Как мне писал Навроцкий, почти весь 1-й батальон уничтожен, и он сам потерял три четверти своей команды. За последний месяц семеновцы сильно пострадали (16 офицеров, 300 солдат убитыми и ранеными). Теперь стало ясно, что красные попытаются использовать выдвинутое положение Княжева для атаки его со стороны Лаговиц или прямо по дороге Ильеши— Княжево. Перебежчики подтверждали это предположение. И действительно, все последующие дни прошли в ожидании или отбитии атак красных из этого направления: все пространство от Лаговиц до северной окраины Княжева покрыто мелкими кустами, этим кустарником красные и подходили, но благодаря энергии команды разведчиков, которые неизменно этими же кустами обходили цепи красных и фланговым огнем рассеивали их, противник ни разу не доходил до Княжева. Каждый день брались пулеметы и пленные. Все это время красные обстреливали с двух направлений деревню и, наконец, окончательно ее выжгли. Особенно доставалось нашему концу, так как после бегства телефонистов положение моего наблюдательного пункта не было

тайной для красных. В один из таких обстрелов, во время дежурства Яницкого, наш наблюдательный пункт был перенесен на другое место. Этот поступок, не имевший достаточно оснований, заставил меня окончательно отказаться от попыток извлечь из Яницкого пользу как из строевого офицера, и я назначил его заведующим хозяйством. В конце концов и наш сарай, куда я снова перебрался, сгорел, и нам пришлось перекочевать прямо в поле. Безрезультатно атаковывая левый фланг нашего участка у Княжева, красные на правом фланге тоже переходили в наступление и заняли деревни Сирковицы и Ляпицы, но дальше пока не пытались продвигаться. Для восстановления положения на правом фланге 12 июля ревельцы должны были перейти в наступление и вернуть потерянные деревни. Нам было в этот день приказано демонстрировать активность на нашем участке, высылать разведчиков и попытаться захватить контрольных пленных. Артиллерийская демонстрация была непродолжительна, так как секретная телефонограмма предупредила командиров батарей, что снаряды в армии на исходе и отпуск их, до прибытия транспортов из Англии, будет минимальный. Атака на Аяпицы и Сирковицы удалась вполне. 13 июля была произведена перегруппировка артиллерии.

Конная батарея перешла на правый участок, вследствие порчи орудия у меня и в Конной, оба остающиеся целыми были переданы в Конную, люди же моего второго взвода должны были перейти в Молосковицы, куда приходил 2-орудийный взвод образца 1900 года с поручиком Каратаевым.

Неприятности с присоединением ко мне второго взвода все продолжались. На мой рапорт из Волосова полковник Афанасьев ответил, что примет все меры для окончательного присоединения взвода, а пока приказывает действовать так, как будто взвод присоединен, не обращая внимания на заявления командира Ревельского полка, так как скоро последний получит бригаду и тогда вопрос сам собою уладится. Я со своей стороны настаивал на необходимости вопрос этот выяснить и определить, указывая на то, что командовать батареей при таких условиях становится совершенно невозможно. Посланный мною, по приказанию Голенкина, для принятия взвода прибывший 9 июля подпоручик Айон[211] доложил мне, что командир Ревельского полка не допустил его до взвода. В результате, по распоряжению штаба корпуса, штабс-капитан Квятковский был арестован и препровожден на станцию Веймарн. Вся эта история показывает, насколько несовершенной была организация нашей армии. Генерал Родзянко дает будто бы обещание, противоречащее приказу штаба корпуса, командир полка просто отказывается

исполнять этот приказ. В результате генерал Ижевский нисколько не пострадал от всей этой истории, а был арестован штабс-капитан Квятковский, положение которого было действительно глупое: он получает приказания своего артиллерийского начальства, которые командир полка требует не исполнять.

В это время армия наша развивалась и росла. На станции Молосковицы формировался штаб 3-й дивизии, начальником которой был назначен полковник Ветренко, начальником штаба ротмистр Голубев, начальником оперативного отделения капитан Неклюдов[212] (бывший командир Красной Горки). В состав дивизии входили 53-й Волынский полк и два только что сформированных: Красногорский из офицеров и солдат гарнизона Красной Горки и Вятский, 1-я рота которого была переименована из Врудской комендантской команды. Через некоторое время к дивизии был присоединен отряд капитана Данилова, переименованный в Темницкий батальон. Артиллерия была сведена в два дивизиона, моя батарея вошла в состав 2-го дивизиона под названием 1-й батареи, 2-й батареей командовал штабс-капитан Тенно, 3-й – капитан Иванов[213].

Последние дни нашего стояния в Княжеве прошли спокойно, противник не показывался. Одной из характерных черт этой войны являлось отсутствие постоянного соприкосновения с противником. Только перед попытками наступления или атак красные появлялись на опушке леса, в остальное время на фронте была полная тишина, настолько, что мы свободно гуляли за собственной проволокой и собирали землянику, которой в этом году был большой урожай. Например, в день, назначенный для демонстрации (12 июля), наши разведчики свободно доходили до деревни Муромицы, расположенной в версте от Княжева. Вообще, война сводилась к занятию населенных пунктов. Это обусловливалось отчасти лесистой местностью, так как лишь около деревень были пространства, очищенные от деревьев и дававшие свободный обстрел, а дома давали приют солдатам.

16 июля выяснилось движение красных по правому берегу реки Луги. Легко преодолев сопротивление немногочисленных частей 1-й дивизии, красные решительно наступали и заняли уже Сабек (на слиянии рек Луги и Сабы), дальше движение обозначилось по направлению мызы Ивановской (имение семьи Таптыковых). Это движение было нам крайне опасно, так как разрезало армию на две части и, кроме того, создавало угрозу Ямбургу. К счастью, к этому времени в Ямбург прибыли первые эшелоны отрядов светлейшего князя Ливена. Немедленно они были переправлены на станцию Веймарн и посланы для ликвидации прорыва в южном направлении. Отряды эти были

сформированы и навербованы князем Ливеном в Курляндии.

Некоторые роты были сплошь офицерские, они были вооружены Германией, с ними шла батарея, был броневик «Россия». Одетые немцами и выправленные по-немецки, они представляли резкий контраст с оборванными и босоногими чинами Северо-Западной армии. Многие офицеры были вывезены из Киева немцами и этим спасены от неминуемой смерти от рук большевиков. В связи с приходом ливенцев у нас ходил следующий рассказ. В Ямбург приехал английский представитель, ему были выставлены два караула – один от ливенцев, другой от северозападников. Представитель спросил, отчего эти караулы не одинаково одеты, ему ответили, что эти чисто одетые и обутые солдаты снабжаются нашими врагами немцами, а те полуголые люди – нашими друзьями англичанами. В первых же боях ливенцы дрались превосходно, но, к сожалению, понесли большие потери. Слышались обвинения: отчего эти части были посланы в бой, где потеряли многих офицеров, а не были использованы как кадры для новых формирований. Надо иметь в виду, что в тот момент положение армии было крайне тяжелое, перевес сил и инициатива были на стороне красных, у нас не было свободных сил, а потому все вновь прибывающие части должны были быть немедленно использованы для укрепления слабых мест фронта.

Итак, 19 июля положение на Луге было восстановлено, и наши части дошли до деревни Лемовуси, где и остановились по течению реки того же названия. В виде артиллерии в то направление было послано одно орудие, снятое с бронепоезда, люди при нем были моего 2-го взвода под командой поручика Лиона, энергичного офицера, только что прибывшего в батарею из Финляндии. Через два дня прибыл в мое распоряжение поручик Андрей Владимирович Жадимеровский[214] (2-й гвардейской артиллерийской бригады). С остальными людьми 2-го взвода и полученным из починки орудием он пошел на соединение с Лионом. Снова моя чуть не соединившаяся батарея разделилась, причем расстояние между взводами было около 30 верст. Все это очень осложняло командование батареей. К счастью, на 2-м взводе были такие энергичные офицеры, как Жадимеровский и Лион. Правда, не надолго, так как 23-го числа Жадимеровский был тяжело ранен в руку и выбыл надолго из строя. В то же время связь непосредственная между взводами была необходима для всевозможных хозяйственных вопросов: сулили скорую выдачу обмундирования, оно требовалось срочно, так как многие солдаты были без сапог и у большинства была лишь одна смена белья. Положение осложнялось еще и тем, что 2-й взвод снова находился на участке Ревельского полка, и

Ежевский снова делал попытки его с собою связать. К тому же Голенкин, посылая какие-то распоряжения Жадимеровскому через штаб Ревельского полка, от высокого ума называл его «сводным взводом». Это окончательно запутало все – создавалось положение, будто бы взвод снова отделен от батареи. В результате я получил донесение от Лиона (Жадимеровский к этому времени уже был ранен), где он умолял выяснить его положение, оградить от притязаний ревельцев и письменным удостоверением официально назначить его командиром взвода, так как командир Ревельского полка собирается назначить на эту должность кого-то другого. Пришлось подчинить взвод командиру Балтийского полка. Лион энергично устанавливал порядок во взводе, но при этом ему пришлось сместить взводного и некоторых солдат из начальствующих. С одним из первых донесений Лиона я получил «рапорты» четырех курсантов 2-го взвода, в которых они просили меня о производстве их в офицеры, мой ответ был достаточно определенным, чтобы отнять у них всякую охоту еще раз обращаться ко мне с такой просьбой. Не прошло и четырех дней, как вся эта компания еще с несколькими людьми ушла к красным. Все эти хлопоты отнимали у меня много времени, и по правде сказать, это были одни из самых трудных для меня дней, так как, кроме внутренней жизни батареи, мне приходилось почти все время проводить с Андреевым на наблюдательном пункте – атаки красных были направлены с двух сторон, и один человек не мог вести наблюдение и огонь.

Неудача красных на Лужском направлении не прекратила их атаки на фронте 2-й дивизии. Семеновцы были уже оттеснены к Озерцам. После неудачной попытки восстановить положение они отошли дальше на Ушевицы, чем заставили и нас очистить Княжево и отойти на Хотыницы. Взвод встал на позицию на дороге Коложицы – имение Колорицы. Наблюдательный пункт был на одном из домов Хотыниц, мой участок был около 4 верст от деревни Мокрая Ледина до поселка севернее Пролог. Пехотные позиции были хороши, тем более что волынцы немедленно обмотали себя проволокой.

Первые дни было сравнительно спокойно, кроме незначительного наступления на 6-ю роту и постоянного, временами сильного обстрела деревни, мы мало страдали от противника. Наш дом был крепкий, с железной крышей, но представлял завидную цель, так что двор наш был изрядно исковеркан попаданиями, но что же делать, на то война.

На левом фланге наши неуспехи продолжались, 2-я дивизия отступала, теряя орудия. Батарея Тенно их потеряла три, во время

попытки их вернуть был убит один из офицеров батареи и ранен другой. В связи с потерей орудий на его участке был отдан под суд капитан Быков. Он, кроме того, поручился за нескольких арестованных курсантов, которые немедленно по освобождении перешли к красным. Его еще обвиняли в сношениях с красными, но это обвинение было опровергнуто.

Один день для нас был прямо критическим, когда семеновцы оставили Ушевицы, и нам пришлось заворачивать наш левый фланг настолько, что одна из цепей лежала по западной опушке Хотыниц, фронтом на запад. К счастью, положение было восстановлено прибывшей ротой талабцев и самими семеновцами, главным образом командой Навроцкого. Дела наши все более и более ухудшались. Существовал план отхода за Лугу, чтобы за этой преградой дать отдохнуть частям. Но это было связано с оставлением Ямбурга, а владение этим городом имело громадное моральное значение для обеих сторон. Все же, под угрозой отхода за Лугу и обнажения их границ у Луги, удалось принудить эстонское командование к 20 июля выдвинуть два полка на наш левый фланг. Рассчитывая на помощь эстонцев и на подошедших ливенцев, наше командование собиралось перейти в наступление и, как было всем ясно, думало этим контрманевром восстановить положение и удержаться в Ямбургском уезде. Но эстонцы действовали очень вяло, ливенцы же распылялись поротно для восстановления местных неудач на разных участках фронта. Ожидаемая помощь от англичан в виде танков, снарядов, обмундирования и денег все не приходила. В то же время предписываемая экономия снарядов, отсутствие обуви, невыдача жалованья, а также неудачи на фронте сильно понижали настроение солдат. Участились случаи побегов. В Вятском полку были произведены аресты вследствие раскрытого заговора. Шаг за шагом красные подвигались вперед, и в последних числах июля бои уже происходили в 10 верстах от Ямбурга у деревень Килли и Малли. На севере наш фронт шел приблизительно до дороги на Котлы, а затем на Гурлево, Ушевицы, Мокрую Ледину впереди Хотыниц на поселок Прологи – Полобицы, Сырковицы, Яблоновицы, Лемовжа, Осмино и т. д. Один день был крайне тревожным, так как красные заняли деревню Килли. Был отдан приказ об отходе, но Ветренко отказался исполнить его немедленно, и, к счастью, к вечеру положение было восстановлено, причем был захвачен красный броневик. При восстановлении положения работал также эстонский автомобиль «Эстония», самодельная машина, броня которой была собрана из орудийных и пулеметных щитов. Все же Молосковицы понемногу эвакуировались, были увезены поезда и все лишние грузы.

От Хотыниц до станции Молосковицы было рукой подать. Разные дела, хлопоты хозяйственного порядка, а также необходимость полной информации об общем положении заставляли меня, в спокойные дни и оставляя на наблюдательном пункте заместителя, ехать на станцию. Там царило оживление. В вагонах стоял штаб полковника Ветренко, в интендантстве можно было навести справку о возможностях получения снарядов и обмундирования, поклянчить телефоны, провод и т. д. Там же кто-нибудь только что приехавший из Ревеля сообщал ворох новостей, слухов и рассказов из «первоисточника». Однажды на станции меня окликнула жена, работавшая на передовом перевязочном пункте, ее туда по ее просьбе командировал Филиппов, она рассчитывала меня встретить. К этому времени я сильно оброс бородой, и жена меня издали и не признала, не будь на мне желтые финские сапоги. От нее я узнал многое, о чем в приказах и распоряжениях не говорилось.

Со станции я однажды поехал навестить батарею брата. У него был тихий участок, и офицеры батареи, кроме одного дежурного, коротали время в деревне Смолеговицы. К брату приехали из Финляндии два наших молодых офицера л. – гв. Конной артиллерии Николай Зубов[215] и Иван Унковской[216], брат последнего был там же добровольцем в команде разведчиков. Идя мимо кладбища деревни, я заметил на нем непривычной формы каменные кресты. Это были так называемые «шведские кресты», поставленные на шведские могилы в те времена, когда в этом краю велась вековая, упорная и кровопролитная борьба между Россией и Швецией. Эти вписанные в круг высеченные из камня, со своеобразным узором кресты разбросаны во многих местах С.-Петербургской губернии.

Будучи на станции, я побывал, конечно, тоже и у полковника Ветренко. Я его впервые видел в обстановке штаба дивизии, только что ему доверенной. Ветренко привел кадры 53-го Волынского полка из Киева в Псков, где, еще до поражения Германии, предполагались русские белые формирования. В Киеве в то время формировались воинские части лишь украинские. Как офицер Генерального штаба, он был грамотный начальник дивизии, упорный в бою командир и лично храбрый. Кроме желания получить от него поддержку в моей борьбе за 2-й взвод, мне хотелось получить о нем более полное впечатление. Он меня встретил просто и дружественно, при нем жила его жена, тут же вертелся и его четырехлетний сын. Деловой разговор был закончен, подали чай, и жена поддерживала беседу. Как это часто бывает с людьми, не жившими в Петербурге и не представлявшими себе размеров столицы, она начала мне

называть несколько фамилий своих знакомых, спрашивая, не знаю ли я их. Я ответил отрицательно. Полковник, желая, по-видимому, поставить точку на болтовне жены, неожиданно «пошутил»: «А ты их откуда знаешь? Верно, когда была в б…… (публичном доме)?» Я обалдел от неожиданности, но «мадам» Ветренко не смутилась. Можно было поразиться грубости нравов, царящей в семье начальника дивизии. Один из ординарцев рассказывал мне подслушанный разговор: «Ленька (так звали сынишку Ветренко), что ты ищешь?» – спросили мальчишку. «Ах!.. … (последовала матерщина) Мундштук потерял!» – отвечал сынок. (Мне до сих пор не хочется верить рассказу гвардии капитана Джаврова[217], командира 1-го батальона Красногорского полка, о судьбе Ветренко. Джавров его встретил с женой и сыном на Брест-Литовском вокзале, это было незадолго до второй войны. Его поляки высылали в Совдепию по обвинению в шпионстве в пользу советов. – А.С.Г.)

С 21 июля началось оживление на левом фланге нашего участка, а именно на нашем стыке со 2-й дивизией у Мокрой Дедины. Пришлось установить постоянное дежурство на этом участке, так как из Хотыниц наблюдать это место было невозможно. Но так как атаки красных происходили только ночью, то обыкновенно мы приходили на дежурство около 8 часов вечера и оставались всю ночь. Мы чередовались с Андреевым, то есть один дежурил в Мокрой Ледине, другой в Хотынцах, больше офицеров не было, и должен сказать, что в то время Андреев был моим единственным и неустанным помощником. На участке Мокрой Ледины стояла 9-я сотня волынцев, она была составлена из добровольцев Ямбургского уезда стараниями военного чиновника Успенского. Бежал он из Сестрорецка при помощи заведующего тамошней большевистской разведки графа Симонича (ныне расстрелянного красными). Симонич во время войны состоял в русской свеаборгской разведке. Впоследствии поступил в красную разведку и, как знаток Финляндии, был назначен в Сестрорецк. По-видимому, он работал на две стороны, и его агенты в Финляндии, Дак (Дембовский), Ленц и Брокман, доставляли сведения в белые организации, но возможно, что некоторые сведения о Финляндии давались ими и красным. Всю данную ему Симоничем сумму денег Успенский истратил на формирование своей сотни. Командиром был штабс-капитан Полянский[218], просидевший 6 месяцев в псковской тюрьме и не расстрелянный лишь благодаря тому, что все 6 месяцев симулировал сумасшествие. Дежурство из ночи в ночь проходило по шаблону, но в то же время весьма оживленно. Опишу одно из них. Иногда посмотреть, «что такое бой», в гости к Полянскому

приходили сестры из полкового лазарета. Полянский был очень гостеприимный хозяин, остроумный и неистощимый собеседник. Он презабавно пел всевозможные песенки, часто своего сочинения, играл на гитаре и на скрипке, причем великолепно подражал на ней пению канарейки и соловья. Тут же стоял граммофон. Около 12 часов ночи (по большевистскому времени 3 часа утра) с опушки занятого красными леса слышалась команда: «Прямо по белым б…… пальба взводом! Батальон, пли!» – и начинался сущий ад. Бегом, под градом пуль, мы отправлялись на свои места – Полянский к бомбомету, я к телефону. Одновременно начинался артиллерийский обстрел красных. Между прочим, в одну из этих ночей наш стол с недоеденным ужином был разнесен в щепы артиллерийским снарядом красных. Трудно описать ощущения такого боя, который состоит из непрестанных нервных толчков от пролетающих пуль, рвущихся снарядов, взблесков разрывов. По телефону передаешь команду на батарею, но прямой связи нет, а потому пользуешься полковым телефоном. Из штаба полка по тому же телефону справляются, что происходит на участке, ругаешься, чтобы не мешали стрелять, ругаешь батарею за медленный огонь. Грохот стоит такой, что собственного голоса не слышишь. Через полчаса все затихает, но лишь для того, чтобы через полчаса снова возобновиться, и так раза три за ночь. В моменты затишья беседуем с Полянским, делимся впечатлениями, доедаем ужин. Потерь почти не было, однажды все же Андреев был легко ранен в ногу. Или Полянский, вооружившись граммофонным рупором, начинает «дразнить» красных. «Красные, что же вы молчите? Переходите к нам, довольно вам за жидов сражаться. У нас белый хлеб, а у вас вобла». Наконец красные не выдерживают, и слышится ответ: «А у нас есть махорка». – «Махорка! Мы курим лишь английские сигареты». – «Дай закурить!» – слышится голос от красных. «Сейчас!» – кричит Полянский, и вместо сигареток летит 6″ бомба. На время все в лесу затихает. Но не надолго, Полянский их снова задирает, разгово кончается руганью с красной стороны, и для вразумления снова летит 6″ бомба. Подходит Успенский и умоляет прекратить переговоры: «Спать пора». Около 4 часов все затихает, и мы снова закусываем перед сном. Настроение радостное и бодрое – этой перестрелкой мы купили себе спокойный сон до утра. Утром и часто весь день тихо, можно беспрепятственно бродить открыто по окопам, и я возвращаюсь в Хотыницы, не опасаясь получить пулю в лоб.

Днем было по большей части тихо, и я занимался делами батареи. Ходил по деревне, говорил с крестьянами, раздавал им получаемые мною от Н.Е. Маркова прокламации. Когда мы

отступали, я, идя в замке батареи, разбрасывал эти листки по дороге. Раз получил приглашение от семьи моего наблюдателя Худикова «откушать» у него дома, он был из Хотынцев. Семья его была крепкая и крайне антибольшевистская. После дежурств в Мокрой Дедине ложился на наблюдательном пункте и крепко засыпал, но выспаться все же редко удавалось.

Однажды после моего дежурства в Ледине меня навестил командир дивизиона капитан Макаров, с которым пришлось выяснять многие назревшие вопросы. Между прочим, и о положении в батарее штабс-капитана Георгия Иосифовича Квятковского, который вернулся в батарею. По правилам, все офицеры, попадавшие к нам в армию из красной, подлежали суду чести, после чего шли в части, где еще не сразу попадали на должность, а отбывали известный срок под наблюдением своего начальника части. Я настаивал на том, чтобы по отношению к Квятковскому не применялись бы такие правила, и я заявил о своем намерении назначить его старшим офицером батареи. Во всей истории с Ревельским полком он не был виноват, а свою преданность нашему делу доказал своим переходом со взводом к нам. Мое мнение восторжествовало, и Квятковский занял свою должность. Он был симпатичный, но очень простой человек. Уже в эмиграции мне говорили, что он был сыном хуторянина Юга России, кончил Киевский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. К сожалению, он был крайне невезучий человек, и часто при его дежурствах на наблюдательном пункте батарея попадала в какие-нибудь трудные обстоятельства, поэтому я избегал посылать его в рискованные предприятия. Одновременно с ним, около 20 числа, в батарею прибыл штабс-капитан Иван Иванович Демидович[219] и поручик Александр Васильевич Орлов[220], последний был ливенцем. Батарея пополнилась, и у меня явилась возможность послать Андреева на помощь Айону.

1 августа я был вызван временно командующим Волынским полком подполковником Бирком, который сообщил мне о переходе на новую позицию, а возможно, что и окончательном отходе за Лугу. У деревни Килли, как оказалось, красные, обойдя эту деревню, атаковали находящиеся там части конноегерей, сбили их и начали наступление в направлении Тикописи. Веймарн успели эвакуировать, и на совещании в штабе корпуса был решен отход за Лугу.

На нашем участке отход обошелся вполне благополучно. Начали мы его в 9 с половиной часов утра. Стреляли до последней минуты, так как у Мокрой Ледины показалась красная кавалерия, но она скоро скрылась, и мы снялись с позиции

совершенно спокойно.

В деревне Коложицы собрался 11-й батальон волынцев, к которому мы присоединились. Мимо деревни Ястребино мы двинулись на деревни Беседы, Выползово, где встретили Конную батарею с Вятским и Красногорским полками. Далее шли на Забелье – Юрки и перешли Лугу через Муравейный мост. Перейдя реку, мы остановились. Здесь собрались части двух дивизий, штабы, артиллерия, обозы. Теснота была неимоверная, так что, протянувшись немного по дороге, пришлось остановиться прямо в лесу.

Перехода этого я очень боялся, считая его испытанием для большинства моих солдат их преданности нашему белому делу. Батарея к этому времени состояла главным образом из уроженцев Петергофского и Ямбургского уездов. Гдовский уезд, а в особенности местность около озера Самро, где живут «самряки», – совершенно чуждый русским, чухнам и эстонцам, составлявшим большинство населения первых двух уездов. Я был почти уверен в побегах, к счастью, мои опасения не оправдались. Ни один человек не отстал и не исчез, весь ненадежный элемент бежал раньше, и батарея стала, по-видимому, действительно белой.

Единственный инцидент у меня был с Яницким. Он заведовал обозом, и ему было приказано выйти на путь нашего следования к назначенному часу. Конечно, его на условленном месте вовремя не оказалось. Отстав от батареи, я долго его ждал и его появление в бричке, рядом со своей женой, встретил соответственным замечанием. В дороге он, по обычаю, еще пытался «спартизанить» лошадей у Балтийского полка. Все это переполнило чашу моего терпения, и я на первом же переходе отчислил его от батареи и отправил в тыл. Таким образом, и офицерский состав батареи, наконец, был очищен от нежелательных или ненужных элементов.

* * *

Гдовский уезд отделен от северной части С.-Петербургской губернии полосой лесов по обоим берегам реки Луги. Леса эти тянутся во всех направлениях на десятки и сотни верст. Взобравшись на высокую триангуляционную вышку, я прямо ахнул, никогда еще я не видел такой огромной площади леса. Он стоял сплошной стеной, редкие деревни не были видны, скрытые высокими деревьями. Мост у Муравейно, через который мы перешли на южный берег Луги, был в этом районе единственной связью между берегами. 12 верст, отделявшие Муравейно от села Долгая Нива, мы шли бесконечно долго. Обозы застревали в сыпучем песке, измученные лошади, выбиваясь из сил, останавливались. Кое-как добрались до деревни Загорье, где и заночевали. Пока мы стояли, мимо нас проходили части дивизии и прошел штаб корпуса. Проездом Неведомский сообщил мне о смерти Михаила Михайловича Виланда (конногренадера и члена нашей организации), он служил в конноегерях и был убит в одном из последних боев.

Наутро выступили дальше и через район Ликовска – Данилово – Замошье – Кашелевицы— Поречье дошли до деревни Буряжки, где должны были остановиться на отдых. Вся наша дивизия стояла в резерве в этом районе и составляла ударную группу. Белый фронт шел по Луге южнее Ямбурга (севернее стояли эстонцы) до Сабека, от этой деревни по Сабе до Мужича, далее на юг. Второй корпус подходил к Порхову, Острову и Стругам Белым. В случае продвижения вперед – намечался Лужский район.

Из лесистого Прилужского района мы попали в холмистую часть уезда. Высоко в небо поднималась колокольня Ставропольской церкви, на холме высился Козьегорский монастырь. Крестьяне Гдовского уезда сильно отличались от жителей только что покинутых нами уездов. Говор у них был на «а», они растягивали слова. Отличительной особенностью здешних мужиков была полная непривычка к полевым работам, вся тяжесть полевых и домашних работ лежит на бабах. Часто слышалось, как мужик посылает хозяйку запречь лошадь, так как сам не привык это делать. Это объясняется тем, что все мужское население сплошь было на заработках в Петербурге. У многих, очень зажиточных, дома каменные, встречаются и двухэтажные. Зато поля у них чрезвычайно запущены, они не велики, а площадь их еще уменьшается широчайшими межами, чересполосица

невероятная. Мой вестовой Званцов, сам уроженец Гдовского уезда, с презрением говорил, что такая обработка поля и женский труд присущи лишь этой части уезда, в других частях его обработка полей великолепная, многие деревни перешли на хутора. «Здесь не наши мужики, а все больше «самряки». – «Это что за зверь – «самряк»?» – спрашивал я. «Самрки», это что собаку съели! – смеялся Званцов. – Они тут вокруг озера Самро живут».

Жители всех губерний Российской империи имели свои клички. Солдаты ими дразнили друг друга. Уроженцы Петербургской губернии звались «жуликами», Тверской – «козлами», владимирцы были «богомазы», про харьковцев говорили, что они срезали с колымаги Императрицы Екатерины II ее дорожные чемоданы, а потому они с тех пор прозывались «чемоданники», вятских дразнили: «Вятский народ хватский – семеро одного не боятся!» Вятский полк, входивший в состав нашей дивизии, не был очень устойчив, а потому ему приходилось часто выслушивать эту насмешку над собой. Чуя в словах Званцова отголосок какой-то местной басни, я его спросил: «Как же это «самряки» собаку съели?» – и он мне рассказал. «Самряки» собирали сено в копны, вдруг через поле бежит заяц, а за зайцем пустилась вдогонку собака Жучка. Заяц в копну, Жучка за ним. «Самряки» окружили копну и, желая сжарить зайца, подожгли сено. Копна догорела, и «самряки» полакомились жареным зайцем. Только когда все съели, то обнаружили у жаркого длинный хвост. Оказалось, что заяц проскочил копну, а Жучка в ней застряла, и ее зажарили и съели. С тех пор «самряков» и дразнят, что они, мол, собаку съели. Я знал еще по походу в Германскую войну, что, попадая в другую местность, приходилось привыкать к новому созвучию названий деревень, вокруг озера Самро, широкого и болотистого, и названия были особые – Осьмино, Сара-Гора и Сара-Лога; в отличие от близких к Петербургу уездов здесь «запахло Русью»: погосты на холмах, старые церкви, где сохранились служебники времен Петра I. Под Петербургом часто рядом с чухонской деревней находилось русское поселение (например, были Анташи «русские» и «чухонские»), русское население было привезено из средних губерний во время освоения края, после постройки новой столицы. Гдовский уезд, земли которого принадлежали к уделу святой княгини Ольги (название Гдов, как мне говорили старожилы, не что иное, как исковерканное слово «вдовий удел»), был издревле заселен славянами. Для нас положение женщин в этих местах отразилось в том, что большинство подводчиков, возивших снаряды за батареей и составляющих ее обоз, стали женщины. Они постоянно и неимоверно приставали, требуя

смены, или ругались между собой из-за груза. Подводчики, число которых доходило до 40–50, были настоящим бичом в этом походе. Они делились на постоянных, то есть взятых из деревень, занятых красными, а потому не могущих вернуться домой, и на переменных, из ближайших деревень. В них больше, чем в солдатах, выражалось свойство русского народа – неуважение к чужой собственности и наклонность к грабежу, правда, в армии пример подавался свыше. Во время похода подводчиков приходилось иногда выстраивать и через деревни проводить строем, спасая огороды и сады крестьян. Беспрестанно приходилось разбирать случаи кражи, виновниками которых обыкновенно оказывались подводчики.

4 августа к нам присоединился 2-й взвод. После длительной борьбы ему все же удалось вырваться из лап Ревельского полка, но потеряв, к сожалению, одну лошадь, насильственно отбитую у солдата батареи все тем же штабс-капитаном Садовским.

В тот же день я уехал в деревню Валово, где стоял штаб корпуса. Корпусом командовал граф Пален, только что произведенный в генералы. Производство в армии шло быстро, и многие в насмешку называли его «самогонным». В шутку рассказывали о взаимном производстве Родзянко и Крузенштерна. Но, по правде сказать, эти производства были вынужденными, дабы уничтожить некоторые ненормальности. Например, в Талабском полку Перемикин был ротмистром, помощник же его Алексеев – полковником.

В Штабе было много новостей, которые мне сообщил мой друг и член нашей финской группы Неведомский (л. – гв. Конной артиллерии). В связи с приездом генерала Юденича предполагались перемены, была тенденция заменить многих первоначальных работников в штабах людьми, приехавшими с генералом из Гельсингфорса. Говорили о только что приехавших курьерах от Бермондта с предложением соединиться для борьбы с большевиками. Отряды Бермондта-Авалова были чисто немецкой ориентацией, носили лишь вывеску Бермондта, но за ним скрывались немцы, во главе которых стоял фон дер Гольц. Бермондт был сыном капельмейстера Приморского драгунского полка и сам офицер этого же полка, по каким-то причинам он присоединил к своей фамилии титул князя Авалова и стал князем Бермондтом-Аваловым. Он был стойкий антибольшевик, доброй души человек, которого очень любили его подчиненные за его исключительную заботу о своих солдатах и офицерах. По слухам, фон дер Гольц располагал 70 тысячами великолепно обмундированных и снаряженных солдат, набранных из военнопленных и добровольцев. Двигаться, борясь с

коммунизмом, он предполагал прямо на Москву. Присоединение такого крупного отряда к нам могло, конечно, решить участь нашей борьбы на подступах к Петербургу, но наши союзники (это название уже можно было не без основания взять в кавычки) протестовали против возможности соединения с отрядами Бермондта, грозя прекратить выдачу хлеба и снаряжения. О Бермондте ливенцы отзывались не особенно одобрительно, обвиняя его в переманивании к себе многих офицеров, завербованных в их отряды. Но они все же признавали, что отряды Авалова были великолепно снаряжены и обмундированы.

К этому же времени относится план перебазировки всей армии на Псков. Псковская губерния имела преимущество в смысле большего к нам расположения населения, вместе с тем, при продвижении вперед к границам Новгородской и Витебской губерний, мы попадали в места, населенные старообрядцами, представляющими великолепный и надежный элемент для набора добровольцев. При разработке плана наших дальнейших действий надо было иметь в виду, что наша армия не могла стоять на месте, и это не только по политическим и стратегическим причинам, очень важную роль играл вопрос снабжения ее продовольствием и фуражем. При стоянии на месте, местные запасы фуража быстро истощались. Армии было необходимо расширять занимаемую ею территорию. К октябрю месяцу, то есть началу нашего второго наступления на Петроград, можно было считать запасы Гдовского уезда совершенно истощенными и зимовку в нем для нас невозможной. Заготовки в тылу интендантством не делались. Поэтому наступление осенью было для армии необходимо, весь вопрос сводился лишь к выбору наивыгоднейшего направления. Указанные мною причины прямо требовали избрания направления на Псковский район, но зато на стороне Петроградского направления были причины политические – занятие Петербурга, Красного Питера, было бы жесточайшим ударом для авторитета большевистской власти. К началу нашего наступления на Петроград Юденич, как говорили, потребовал от Бермондта присоединения к нам, но тот отказался, за что был объявлен изменником родины. Отказ свой Бермондт мотивировал нежеланием оказаться (подобно Юденичу) армией без тыла. Он справедливо считал Эстонию малонадежным тылом. Он ушел на Ригу. Так наши русские интересы снова столкнулись с интересами западных государств, а в выигрыше оказались большевики.

6-го утром начались занятия в батарее, необходимо было выяснить наличие людей, сделать расчет, произвести занятие при 4-ору-дийном составе. Но отдых наш продолжался недолго, и

вообще это был первый и последний за все существование батареи. Около трех часов пришло приказание выступать на фронт, батарее приказано было присоединиться к 1-му батальону волынцев. Положение на фронте было неважное: застава Ревельского полка, выставленная к востоку от деревни Липы на реке Сабе, целиком с пулеметами перешла к красным, после чего последние, без всякого сопротивления, заняли деревню Липы. Одновременно они повели наступление и у Осьмино, причем заняли эту деревню и Чудиново. Один батальон ревельцев оставался в Сваткове, но его положение было весьма незавидное. Он спасся лишь благодаря неумению красных развивать свой успех. Так и на этот раз, заняв Липы, они расположились в деревне, красноармейцы разбрелись по избам, начали копать картошку и варить ее в котелках. С даниловцами, стоящими в Сабеке, связь была прервана, если не считать тропинки на Дубы, ведь дорога на Липы была единственной, по которой они могли отступить.

Вся 3-я дивизия была поднята на ноги для восстановления положения. Лихим ударом 1-й батальон красногорцев под командой гвардии капитана Джаврова (Николая Соломоновича, офицера л. – гв. Петроградского полка) занял Липы, захватив пулеметы, пленных и рассеяв весь 169-й стрелковый полк. Вятский полк, вместе с Конной батареей, занял Ставотин и Соколки. 1-й батальон волынцев с моей батареей был направлен в Липы. 2-й батальон того же полка пошел на Вяпо.

Наш участок тянулся от Сабека на юг по реке Сабе до выхода на нее дороги из Лип, командиром 1-го батальона был штабс-капитан Миронович[221], считавшийся самым выдающимся офицером полка. В деревне Тарасова Гора вместе с Мироновичем зашли к командиру Красногорского полка полковнику Будзиловичу[222], надо было выяснить положение. Перед занимаемым им домом стояло около 60 человек только что пойманных пленных, некоторых допрашивали, других, подозрительных или явных коммунистов, отводили в поле и пристреливали. Среди пленных было два красных офицера.

В темноту приехали в Липы и зашли к Джаврову, он нам рассказал о сегодняшнем деле: подойдя к Липам, он заметил, что красные беспечно разгуливают по деревне, не выставив впереди никакого охранения, а потому, пробравшись по кустам с южной стороны деревни почти вплотную, красногорцы бросились на ура. Захваченные врасплох красные бежали, не оказывая никакого сопротивления. Их было, по словам пленных, до 300 человек, не захваченные в плен разбежались по лесу, и часть ушла за Сабу, но многие еще до сих пор бродили около деревни, и посланные

дозоры приводили небольшие партии в два-три человека. При нас привели двух человек, из которых один оказался командиром роты. Его фамилия была Доценко, и он был известен волынцам, так как под Волосовом два взвода его роты попались в плен, и на другой день его же люди вызывали его, приглашая тоже перейти к нам. На нем было найдено около 17 тысяч денег, преимущественно царских, – видимо, плод его грабежей. Немедленно деньги, по заведенному обычаю, были распределены между офицерами и солдатами захватившей Доценко роты. Доценко был поначалу определен в запасный батальон, но, заподозренный в большевизме, приговорен к расстрелу, но бежал в момент, когда уже раздетый стоял под дулами винтовок.

Мой наблюдательный пункт в Липах таковым назвать нельзя. Вся деревня почти сплошь окружена лесом, лишь на юго-восток можно наблюдать район в сторону Сваткова. Это скорее был пункт нашей связи с пехотой, с начальником участка занимаемого нашим батальоном отрезка фронта. С утра вместе с Мироновичем поехал для разведки участка по Сабе до Сабека, который был скрыт от наблюдательного пункта лесом. От Лип до Сабека идет большак, река разделяла наши позиции от красных, по берегу стояли редкие заставы волынцев. В этом месте Саба благодаря запруде у Сабека глубока, а потому опасности перехода ее со стороны красных не было, да и большевики, по-видимому, не ждали нас на этом участке и его не охраняли. Мы с Мироновичем ехали все время открыто в дрожках и ни одного выстрела не получили. Зато Сабек красные держали крепко, и высовываться из окопов без нужды не рекомендовалось. Луга в этом месте неширока, и наблюдение за нами было очень тщательное. На лесопильном заводе, стоящем на правом берегу Сабы у ее впадения в Лугу, стоял взвод волынцев, там же жил командир роты, угостивший нас чаем с ворованным из разграбленного пчельника медом.

Приехавший со мною Лион произвел пристрелку, но Сабек на дистанции 7 верст. На другое утро поехал в Сватково, где стоял батальон ревельцев под командой капитана Алексеевского[223], там оказался наблюдательный пункт 3-й батареи 1-го дивизиона, бывшая 4-я батарея, в состав которой я когда-то входил. Штабс-капитан Берков просил меня облегчить их работу, взяв на себя наблюдение у Сваткова. Сделав пристрелку, я послал туда Андреева, сам же после обеда поехал для разведки участка к востоку от Лип. Саба здесь была проходима повсюду. Покрытый мелким лесом, болотистый и в то же время пересеченный оврагами берег реки лишь наблюдался красногорцами, которые, за неимением людей, стояли отдельными заставами, почти не

имеющими между собой связи. Шел дождь, я с трудом нашел в лесу ютившегося в шалаше командира 1-й роты поручика Воронова, рядом с ним сидели, кутаясь в шинели и тщетно пытаясь развести костер, люди его заставы. Вместе с Вороновым пошли к берегу. На противоположном берегу из леса местами поднимался, обозначая заставы противника, дым. Из секрета, к которому мы подошли, хорошо виден был противоположный берег, река была узкая, немного от нее отступя, начинался высокий смешанный лес. «Никаких происшествий не было, – шепотом доложил часовой. – Иногда слышны их голоса, а там вон часовой ихний». – «Где?» – «А вон, под кустом». – «Да где же?» Шинель красного сливалась с местностью, и мы не сразу его различили. «Надо его снять», – решил Воронов и стал прицеливаться. Вооружившись биноклем, я стал разглядывать красного. Он сидел почти открыто, положив винтовку на колени, когда он взглядывал в нашу сторону, я ясно видел его лицо. Воронов долго целился – кусты и дождь мешали ему. Наконец он выстрелил, и красный, не меняя положения, подался вперед, будто осел, и больше не шевелился. В это время из леса к часовому подбежал другой красный, Воронов снова выстрелил, и немедленно из леса раздались ответные выстрелы. Мы притаились.

Когда я садился на лошадь, чтобы выбираться из леса, пришло донесение, что дозор, ходивший на соседнюю заставу для связи, наткнулся на переправившихся на нашу сторону красных. «Вот все время так, – жаловался Воронов, – связи между заставами нет, установить постоянное наблюдение нет возможности – людей нет. Вот так сидишь и каждую минуту ждешь, что обойдут лесом и захватят тепленькими».

Вернувшись в Липы, прямо пошел к Джаврову, он мне сообщил, что действительно, красные перешли на наш берег Сабы и сбили заставу 2-й роты; вчера подобная попытка была ликвидирована контратакой 3-й роты, но сейчас нет чем восстанавливать – все люди в расходе. Подошли люди 2-й роты. В роте было всего двадцать человек, но за эти два дня были потери и больные, и в роте осталось только 14 бойцов. Попытка восстановить положение не удалась, так как красные успели укрепиться на нашем берегу. К вечеру отошли 1-я и 3-я роты, для которых дальнейшее пребывание в лесу было небезопасно. Пошел в батальон волынцев, там было тоже волнение, так как красные могли перерезать дорогу Сабек – Липы, и тогда 1-му батальону оставалась единственная дорога на Дубы, по которой из-за малопроходимости пройти ни повозки, ни кухни не могли. Миронович только что вернулся из Сабека и рассказывал о

печальном случае перехода целого взвода 1-й роты к красным. Этот взвод почти весь состоял из коренных волынцев, набранных из состава 85-го и 86-го красных пехотных полков, перешедших к нам еще зимой. Это были уроженцы Вятской губернии, сделавшие весь поход в полку и на которых, казалось, можно было вполне положиться. «Я в них был вполне уверен, – говорил Миронович, – и ведь как ушли, прямо из-под носа, средь бела дня. Взвод стоял на лесопильном заводе, и мы все, офицеры, сидели тут же, почти рядом в доме. Прибегает часовой, единственный оставшийся, и докладывает, что взвод весь ушел. Выбегаем. Действительно, никого нет, и ружье-пулемет с собой уволокли». – «Какая причина такого ухода, чем он объясняется?» – спросил я. «Да тем, что люди начинают сомневаться в нашем успехе». – «Да и понятно: отступили, половина солдат без сапог, погода вы сами видите какая, а многие без шинелей, жалованье не платят, табаку нет. Часовой рассказывал, что один из солдат плакал, уходя, говорил, что по дому соскучился, не надеется больше побывать в нем: «пускай хоть расстреляют, а родных повидаю».

Воцарилось молчание, мы все понимали эти тяжелые вопросы. Действительно, положение армии было тяжелое. Обещанного обмундирования, сапог, белья не выдавали. Я это знал по своей батарее, знал, что число бессапожных росло, и мне приходилось держать в обозе их, многие солдаты были одеты в платье, бывшем на них при выходе из дому, кто в пиджаках, кто в длинных штанах и городских ботинках, не говоря уже про головные уборы, – встречались фетры, шляпы ит. д. В то же время осень уже надвигалась, начинались дожди, холодные ночи. Жалованье не выдавали из-за отсутствия денег. С табаком было совсем плохо, вернее, его вовсе не было. Счастливые обладатели папиросы выкуривали ее наедине, иначе она делилась чуть ли не по затяжкам. Курили местный табак – самогон, листья ольхи, яблони, клевер, курили мох, выдергивая его из стен изб.

Питание было тоже не идеальное, кроме 2 фунтов хлеба и четверти фунта сала, другие продукты выдавались лишь изредка. Приварка вовсе не было, а потому суп имел вид горячей сальной воды. Ведение батарейного хозяйства отнимало у меня много времени, особый офицер штабс-капитан Демидович занимался исключительно лишь питанием людей. Благодаря его энергии удалось все же кое-как наладить этот вопрос путем безвозмездной реквизиции (денег ведь не было) картофеля у местного населения. Пришлось заняться хлебопечением в батарее, так как выдавали не хлеб, а муку. Мука давалась крестьянам, и они за уплату натурой (мукой) выпекали хлеб для батареи.

До вечера красные, не переставая, накапливались в лесу и

обстреливали Сватково. Рота волынцев была выдвинута из Лип на дорогу к Сабеку, она немедленно вступила в соприкосновение с красными. Красные, по-видимому, хотели движением по левому берегу Сабы на север заставить наши части очистить Сабек. Ночь прошла тревожно, хотя красные и не появлялись перед Липами, но их ждали с минуты на минуту. Джавров отказался от мысли оборонять берег реки, и красногорцы окопались у кладбища и по дороге Липы – Сватково. Ожидался 3-й батальон (полк за несколько дней до того был развернут на три батальона). Приехали Ветренко, Хомяков, Будзилович и вместе с Джавровым и со мною пошли осматривать позиции. Впереди Лип позиция была идеальная, ключом ее было кладбище, но левый фланг уже тянулся по дороге на Сабек по густому лесу, так что подошедшему 3-му батальону волынцев пришлось окопаться прямо по дороге, чтобы иметь хоть какой-нибудь обстрел. Мы отошли версты две от Лип и подошли к окопам 7-й сотни волынцев, красных не было видно, но, по словам командира роты, они лежали недалеко в лесу. Командир волынцев требовал от красногорцев выдвижения на линию реки, но Джавров отказывался это делать, так как опыт доказал, что оборона берега малыми силами невозможна.

Воспользовавшись ротным телефоном, я по приказанию Ветренко начал пристрелку леса впереди новой позиции волынцев. Конечно, сплошной лес мешал мне видеть свои разрывы, но в этой лесистой местности мы, артиллеристы, этим мало смущались и делали переносы огня «на слух». Не успел я дать и двух выстрелов, как красные, верно услыхав мои команды (мы были у самых наших цепей), открыли невероятную ружейную трескотню. Она мешала передаче команд, кроме того, пулей был перебит телефонный провод. Наконец мне удалось пристреляться к их цепи, и тогда стрельба прекратилась. Но через несколько часов она возобновилась с новой силой и продолжалась день и ночь в продолжение двух дней. Цепи красных залегли местами в 50–60 шагах от наших сотен. Особенно тяжело приходилось 9-й сотне, на которую 12 числа красные вели атаки весь день. Против участка 9-й сотни, судя по окопчикам, лежало до 250 человек. Чтобы держать противника в почтительном расстоянии, приходилось не переставая стрелять, рота выпускала в день до 100 цинок. Весь день неугомонный Полянский балагурил и шутил, вместо уставных команд он кричал: «Батальон (вместо «рота», что делалось для устрашения красных) – даешь!» Слово «даешь» было из тех модных слов, которые появляются в среде людей, живущих общей жизнью. Часто неизвестно по какому поводу впервые сказанное, оно становится модным и начинает

употребляться всеми кстати и некстати. Слово «даешь» родилось еще в Ямбургском уезде. Красные, атаковывая наши позиции, кричали: «Даешь Ямбург!», мы им во время наших атак орали: «Даешь Петроград!»

13 августа перестрелка продолжалась, но на другой день, совершенно неожиданно, она прекратилась и воцарилась полная тишина – красные отошли за Сабу. Это отступление объяснилось удачным набегом капитана Данилова на Сара-Гору, а кроме того, тяжелыми условиями, в которых красные находились все эти дни. Судя по брошенным банкам, они все дни питались исключительно овощными консервами.

Вместе с командирами батальонов 1-го и 2-го я обходил новые позиции волынцев (2-й батальон сменил красногорцев у Лип). Окопы были выдвинуты впереди дороги, чтобы обеспечить свободный проезд по ней, но самый берег пехота не занимала, на самый берег она выставила лишь секреты. Очистив наш берег реки, красные продолжали бдительно охранять свой берег. Пробираясь по кустам, слышны были их голоса и шум. Определив место заставы противника, Миронович и Васильев решили, выставив пулемет, обстрелять ее. Но эта затея окончилась очень плачевно. Двумя пулями был тяжело ранен Миронович и убит один пулеметчик, а Васильев легко задет пулей. С большим затруднением удалось вытащить Мироновича, который сильно страдал переломом кости и которому предстояла эвакуация по ужасным дорогам за 50 верст до ближайшей станции железной дороги – Гостицы.

Набег Данилова на Сара-Гору был очень характерен для партизанского образа действий. Деревня эта лежала в 8 верстах от реки Сабы к юго-востоку от Осьмина. Роты даниловцев вошли в нее под видом пополнения и для смены, с востока и с песнями. Обошли деревню лесом, у многих солдат на фуражках были красные звезды. Войдя в деревню, разошлись по ней и затеяли ссору у кухни, требуя себе обеда. Одновременно группу даниловцев проводили в избу, где жили комиссары, и [они] начали принимать участок, выяснять расположение пулеметов и т. д. Ссора у кухни из-за обеда и последовавший за этим условный выстрел служили сигналом для начала действий. Люди Данилова обезоружили комиссаров, захватили пулеметы, начали запрягать обозы и сгонять пленных. Пытавшиеся бежать красноармейцы напарывались на свою же проволоку, которой, по принятой красными системе, для обеспечения от неожиданных нападений была опоясана вокруг деревня. Убегающие нарывались на это заграждение и ловились даниловцами. Этим образом в этот день было захвачено 237 пленных, 4 пулемета и 2 кухни.

Почти одновременно с поиском Данилова отряд, составленный из 1-й роты Вятского пехотного полка (бывшая Врудская комендантская команда под начальством гвардии поручика Канапасевича), и 30 человек Конной батареи, под общей командой моего брата, совершал набег на деревню Сабицы. На участке Вятского полка была полная тишина, и все это время полк и батарея простояли в полном бездействии, зная о тяжелых боях на нашем участке, начальник дивизии вполне одобрил план этого набега, могущего отвлечь красных от сабского фронта. Деревня Сабицы была расположена в 30 верстах в тылу красных, проводниками отряда были братья Родионовы, крестьяне из деревни Мужич. Пройдя лесом до деревни, мой брат атаковал Сабицы с юга. Неожиданность атаки была полная, и южную часть деревни до реки удалось очистить без сопротивления, лишь на северной окраине кучка красных пыталась обороняться и выставила пулемет, но и это сопротивление было сломлено. Потери были – один убитый офицер Конной батареи, прапорщик Дмитриев, уроженец деревни Сабицы, умерший в своем же доме. Захватив 40 пленных, пулеметы, кухни и обоз, отряд благополучно вернулся обратно. Во время набега был убит ротный комиссар, кроме того, около деревни Сяберо были пойманы 3 человека местного коммунистического отряда. Эти два набега – яркие примеры того, какое огромное значение могут сыграть удачные партизанские действия. Благодаря им на нашем участке противник отказался продолжать свои наступательные попытки. Более недели на фронте царила полная тишина.

17-го Ревельский полк был сменен Красногорским и ушел на участок 1-й дивизии южнее озера Самро. Благодаря этой перегруппировке мне пришлось снова дробить батарею. 2-й взвод с Лионом и Андреевым перешел в Новоселье для обороны участка у Осьмина. Наступившее на фронте затишье было для нас не менее опасно, чем попытки наступления красных. При стоянии на месте и несении службы в окопах было еще труднее удерживать наших босоногих и раздетых солдат от побегов – в движении и боях людям было некогда особенно вдумываться в свое положение. Все больше и больше чувствовалась необходимость в удачных наступательных действиях, дабы поддержать в солдатах пошатнувшуюся веру в успех нашего дела. Наступление, по-видимому, предполагалось в районе Пскова, где наши части продолжали двигаться вперед и подходили к Порхову и Острову.

На некоторых участках, как последствие долгого стояния на месте, появились сношения с красными, выразившиеся в меновой торговле хлеба на махорку. У красногорцев однажды у моста в Осьмине произошел целый политический диспут, окончившийся

победой наших. С красной стороны выступали бригадный и полковой комиссары, но ни один красноармеец не был допущен на берег, с нашей же стороны, кроме офицеров, высыпали все солдаты. На все слова комиссаров, доказывающих правоту их дела, наши солдаты отвечали, что они все были под их властью и что второй раз их на это не заманишь. В данном случае этот инцидент был вполне безобидный, но допущение такого общения, по-моему, было опасно, так как оно было первым шагом к братанию со всеми его деморализующими последствиями для армии. Опять же, это явление в гражданскую борьбу просто дико. Непременным, казалось, элементом всякой гражданской войны должна была быть непримиримая вражда сторон, здесь же этого не было. Наш доброволец не питал к красноармейцу вражды и считал естественным, что тот подчиняется и служит мобилизовавшим его коммунистам. «Коммунист другое дело, его надо вешать, а красноармеец, он что, он ведь мобилизованный!» Как будто этот «мобилизованный» не имеет собственной воли. Опять эта инертность, эта как будто жажда быть в подчинении. Исторический призыв варягов: «Придите и владейте нами…» – и в то же время, при ослаблении власти, – бунт. Как все это горько!

Во время этого затишья на батарею приезжал начальник артиллерии корпуса полковник Сулковский. В первое же свое посещение батареи он произвел на меня отрицательное впечатление. Казенный, узкий и совершенно не «полевой» офицер, он совершенно не понимал обстановки, в которой приходилось нам работать. Никакой пользы от его посещения для батареи не было. Проверив работу номеров у орудий, он посоветовал почаще заниматься парком, не подумав о том, совместимо ли это с боевой работой в данной обстановке. Когда я его повез в Сватково впереди линии наших окопов, он заявил мне, что он не сторонник безумной смелости. Из людей батареи он обласкал лишь одного курсанта, назвав его своим «однокашником» по Константиновскому училищу; через несколько дней этот «однокашник» бежал к красным, унеся с собой панораму с орудия. Далее, на мое требование об удовлетворении сапогами в первую очередь батареи, как строевой части, он мне сказал, что в тылу они тоже нужны, так, например, разгрузчики в Нарве все ходят босиком. Он очень удивился, когда я ему ответил, что требую сапоги не из-за гуманитарных соображений, а лишь потому, что отсутствие сапог на фронте может быть причиной побега солдат, в тылу же побег почти невозможен, а потому разгрузчики могут посидеть и без сапог.

В это время, совершенно неожиданно для нас, в Пскове развернулись тяжелые события. После успешного наступления

наши части вдруг начали отступать и 25 числа оставили город. В то же время генерал Арсеньев, командующий корпусом, был заменен в этой должности Булак-Балаховичем, но затем последний был арестован и снова назначен Арсеньев. Как мы узнали, под Псковом произошло следующее. После занятия Пскова эстонцами и вступления в него отрядов Балаховича власть в городе перешла в его руки. При этом режим, установившийся в городе, мало чем отличался от большевистского, разве лишь тем, что все грабежи, вымогательства и казни делались как бы во имя искоренения большевистских элементов. Многие представители богатого купечества, обвиненные в большевизме, сажались в тюрьму и выпускались лишь после выплаты известного куша. Выдавая своим помощникам незаполненные реквизиционные бланки, Балахович допускал производство самочинных реквизиций и таким образом, грабя сам, давал и другим возможность обогатиться. С назначением генерала Арсеньева командиром 2-го корпуса, между его штабом, пытавшимся прекратить все эти безобразия, и Балаховичем началась борьба. Арсеньев был человеком, мало приспособленным к такого рода борьбе. Лично храбрый и способный военный, он ненавидел интриги и политику и, в отличие от Балаховича, не показывался повсюду с блестящей свитой и не плел сети интриг. В конце концов Балаховичу удалось убедить эстонское командование и некоторых русских левых деятелей, что он единственный человек, способный командовать белыми силами под Псковом. У него состоялось соглашение с эстонцами, части которых неожиданно стали отступать, уверяя, что красные надвигаются крупными силами, за ними принуждены были отступить и наши части, которые все время доносили, что на их участках все спокойно, так же как и на соседних эстонских. Перебежчики же от красных в один голос сообщали, что красным войскам был отдан приказ очистить Порхов, когда вдруг пришло известие, что белые пропали с фронта и их пришлось искать целых три дня.

Вся комедия должна была доказать неспособность генерала Арсеньева командовать корпусом и заставить высшее командование назначить его заместителем Балаховича. После этого части должны были снова перейти в наступление и на примере доказать целесообразность этой смены командования. Во время пребывания генерала Юденича в Ревеле генерал Гоф настоял на замене Арсеньева Балаховичем. Поддержанный левыми общественными деятелями, которые были по сердцу английским представителям, Балахович казался Гофу истинным демократическим начальником, единственно способным поднять весь край на борьбу с коммунистами во имя демократии. Приказ

пришел во Псков во время отсутствия генерала Арсеньева, но его начальник штаба генерал-майор барон Велио (барон Владимир Иванович Велио, л. – гв. Конной артиллерии) все же был принужден передать дела полковнику Стоякину, исполняющему обязанности начальника штаба Булак-Балаховича. По возвращении Юденича в Нарву состоялось совещание командиров корпусов и некоторых начальников дивизий. На этом совещании, по требованию собравшихся генералов, Юденич решил арестовать Балаховича, но сам отдать приказ не решился, так что посланный для выполнения этого решения полковник Перемикин приехал в Псков, снабженный лишь приказанием, написанным на листке полевой книжки, за подписью генерала Родзянко, в котором полковнику Перемикину предписывалось, по приказанию Главнокомандующего, арестовать генерала Булак-Балаховича и всех его приближенных. Талабский, Семеновский и Конно-Егерский полки посланы были под видом подкреплений в Псков. Немедленно по вступлении Талабского полка в город начались аресты по указанию барона Велио. Сам Балахович и чины его штаба были арестованы без всяких затруднений, но вслед за тем Балахович ускользнул из-под надзора и бежал к эстонцам, которыми он был принят с распростертыми объятиями. Бегство Булака случилось исключительно по вине Перемикина, который, вместо того чтобы его арестовать, взял с него лишь честное слово, что он не покинет своей комнаты. Приставленному же к нему графу Шувалову (Павлику) было лишь отдано приказание присутствовать при всех разговорах Балаховича. При этом Перемикин даже обещал Балаховичу дать ему возможность проститься с полками. Этим обстоятельством Булак и воспользовался, он вышел из дома и, объехав полки, скрылся у эстонцев. Вся эта история мало отразилась у нас, но красные в связи с неожиданным нашим отходом из-под Пскова сочли эти события за первые признаки разложения нашей армии, о чем они и писали в своих газетах.

Почти одновременно началось наступление красных на нашем участке фронта. Целью своего продвижения они поставили занятие Гдова, единственного оставшегося в наших руках города.

25-го числа началось оживление на фронте к югу от Осьмина. Красные начали теснить расположение даниловцев и 26-го перешли на левый берег Сабы южнее Псоеди (не родилось ли это название из басни о том, как «самряки» собаку съели?), но благодаря стойкости даниловцев, переименованных к этому времени в Темницкий батальон, и удачной стрельбе моего 2-го взвода, дальше им продвинуться не удалось. Ожидался со дня на день наш контрудар в Лужском направлении, ждали лишь

прибытия и подхода на фронт тяжелой артиллерии, прибывшей из Англии. Наступление должны были вести волынцы, почему они 27-го числа были сменены у Лип Уральским полком. Красные продолжали яростные атаки на Псоеди, и им удалось оттеснить даниловцев из этой деревни на Чудиново. Атаки эти поддерживались ураганным огнем артиллерии, сосредоточенной против Осьмина. После одного из таких обстрелов мне предложили посмотреть в старой церкви, построенной Петром Великим, чудесный случай сохранения одного из образов от красной ярости. Коммунисты весь день обстреливали церкви (их было в селе две: старая и новая), считая, что в них скрывается наш артиллерийский наблюдатель. Восточный фас церкви был весь изрешечен шрапнелью, были разрывы и внутри храма. Одна шрапнельная пуля пробила стекло, предохранявшее старую икону, вделанную в киот. Сила удара была такова, что пуля проделала лишь небольшое отверстие в стекле, но, не задев иконы, упала к ногам изображенного на ней святого.

По заведенной нами системе офицерам батареи приходилось содержать наблюдательные пункты, что обусловливалось обширностью участков, в пехотных цепях и пользоваться пехотной связью. Нормально таких наблюдательных пунктов было несколько, и приходилось перебегать от одного к другому. Лион великолепно справлялся со своей задачей, и работа его за эти дни во многом способствовала установившейся доброй репутации батареи. Особенно труден был день 28 августа, когда с 6 часов утра и до 5 вечера пришлось отразить до *4* атак красных на Чудиново и Осьмино. В этот день был легко ранен прапорщик Андреев (вторично) и разведчик Семенов. Отход взвода был крайне рискованный, так как после занятия Чудинова красными цепи красногорцев и наш наблюдательный пункт отходили под фланговым обстрелом. 2-й взвод и здесь показал себя молодцами, до последней возможности не прекращал огня и отходил под пулями наседавшего противника.

Утром 28-го, в момент, когда я садился верхом, чтобы ехать на помощь Лиону, получил приказание перейти с 1-м взводом в распоряжение капитана Данилова. Выехав вперед, я в Ожеве узнал о какой-то нашей неудаче, местные жители говорили, что наши части отступили в районе Соколки – Переволоки, – там стоял Вятский полк и Конная батарея. Весьма слабые в боевом отношении вятцы не выдержали напора красных и спешно отошли в Любитово, где я нашел и моего брата, от которого я узнал обстановку. Сбив Вятский полк и заняв Рель, красные, видимо, продолжали свое наступление на Песье, стараясь глубоким обходом южнее озера Самро перерезать наши тыловые

пути. Сосредоточенный было в районе Любитова Волынский полк был спешно отправлен в Дретно, чтобы обеспечить тыл дивизии. Цепи даниловцев окопались по гребню высокого холма к востоку от деревни Залустижье, красные занимали кусты в 600 шагах впереди. Меня поразила бдительность противника и меткость его стрельбы – стоило высунуться из окопа, чтобы немедленно открывалась стрельба. Было уже несколько раненых и убитых. Положение было напряженное, с левого фланга приходили донесения о непрекращающихся атаках и замечалось накопление красных. По словам Данилова, против него был 11-й коммунистический стрелковый полк. Около 5 часов фронт даниловцев на дороге Залустижье – Чудиново был прорван, и приказано было отходить. К этому времени огонь противника усилился до предела, кроме того, 50 человек людей Данилова, выбранных им из пленных в Сара-Горе, перешли к красным и, не покидая окопов, начали стрелять по своим. Выехав уже из деревни, я вдруг вспомнил, что забыл в избе, где мы сидели, свою карту. Пришлось возвращаться, и я на своей шкуре испытал силу огня, под которым пришлось отступать Темницкому батальону. Карта в то время была весьма ценная вещь, в них чувствовался сильный недостаток, так как тогда еще не появились «самогонки», как в армии называли карты, отлитографированные при штабе армии.

К вечеру части отошли к Ожеву, вследствие этого отошли и красногорцы из Осьмина и уральцы из Лип. Согласно приказа по дивизии, линия обороны намечалась: озеро Самро – Подлисье – Пекинский погост – Тарасова Гора – Ганежи – Дубки, три последние деревни занимали уральцы. Оба взвода стали у деревни Кошелевицы, но на другой же день один из моих взводов был выделен к подошедшим эскадрону и одной роте ливенцев, которые были брошены навстречу наступающей южнее Самро обходной колонне красных.

Первый день прошел сравнительно спокойно, противник, по-видимому, ждал результатов действий своей обходной колонны. На следующий день я был послан на участок Уральского полка, который совместно с Вятским должен был занять деревню Дубы, оставленную уральцами. Этой операцией Ветренко хотел создать угрозу правому флангу наступающей группы противника и отвлечь его от главного направления. Штаб уральцев стоял в Замошье, командовал полком подполковник Рентельн (л. – гв. Конного полка). От позиций рот штаб был отделен непроходимым болотом, для обхода которого приходилось ехать сначала на Осьминские Полоски и, не доезжая версты, следовать по восточному краю болота. Поставив взвод у Сруитина, я вместе с

Квятковским поехал в Ган ежи. Бесконечная связь, огибающая болото, затрудняла стрельбу, но все же нам удалось пристреляться к Дубам и подготовить атаку пехоты, которая заняла деревню, захватив пулеметы и пленных. Одновременно с нашим контрударом красные вели атаки на центр нашего участка около Передников и на Подлисье, пытаясь сбить волынцев, выйти на Поречье – Овсищи и затем перерезать наш единственный путь отступления. Два дня мы простояли сравнительно спокойно, изредка отражая слабые атаки красных, немилосердно сжигавших занятые нами деревни. Наша попытка, развивая успех у деревни Дубы, продвинуться на Липы не удалась – встреченные сильным огнем у дороги Липы – Ганежи, вятцы бежали, увлекая за собой уральцев. День 3 сентября чуть не окончился для нас катастрофой. Вятский полк, не выдержав внезапно атаки красных у Дубов, бежал. Их единственный путь отступления был на Ганежи, то есть вдоль фронта, что они и сделали.

Заражая своим бегством и паникой соседние роты и части, вятцы уже не отступали, а просто бежали. Почти одновременно с Дубами были очищены Ганежи, и красные, видя наш отход, перешли в наступление по всему фронту. Одна за другой были ими заняты Передки, Осьминские Полоски, Тарасова Гора, и лишь даниловцы, загнув свой фланг, продолжали стоять у погоста Пекинского. В штабе Уральского полка царило замешательство, боясь обхода по лесной дороге, Рентельн заблаговременно ушел в Овсищи, часть людей разбежалась, то же произошло и с Вятским полком. Свой взвод я увел в Копелевицы, там царил полный хаос, кроме красногорцев, двух батарей, отдельных людей и взводов Вятского и Уральского полков, здесь стоял, преграждая дороги, еще не успевший уйти обоз. Положение казалось не только критическим, но и безвыходным. В этот момент приехал Ветренко. Энергичными мерами он приказал собирать разбежавшихся вятцев, красногорцам было приказано атаковать Тарасову Гору, в том же направлении был двинут 3-й батальон волынцев, и совершилось чудо, тот перелом в настроении, который «решает исход сражения».

«Ну, – говорили вятцы после того, что Ветренко их покрыл отборной руганью, – генерал исповедовал нас, можно теперь опять в бой идти». Первый батальон красногорцев через час лихим ударом захватил Тарасову Гору. Правда, им помогла случайность: в деревню поначалу вошло три батальона красных, но, узнав, какая горсть ее защищала, начальство распорядилось увести два батальона обратно в Ожево. Только они ушли, как красногорцы ворвались в деревню. Важнейший пункт нашей позиции был снова в наших руках. Наутро ожидалось прибытие

на наш участок батареи 4 5-линейных английских гаубиц, и получено было донесение, что Перемикин с Талабским и Семеновским полками, спешно вызванный из Пскова, подходил южнее озера Самро и вошел в соприкосновение с противником.

Согласно приказа по дивизии, мы должны были с утра продолжать наступление, и мне приказано было подготовить атаку пехоты на Осьминские Полоски. Я занял наблюдательный пункт на крыше одного из домов Тарасовой Горы. Деревня стоит на высоком холме, и обзор был великолепный. Прямо подо мной раскинулся мелкий сырой лес, по которому шла дорога в тыл красным, к югу этот лес переходил в кочковатое болото и дальше в топкие берега озера Самро. У деревни наши окопы поворачивали круто на запад и далее, следуя конфигурации местности, снова шли с юга на север.

Этот бой был один из самых трудных для батареи (из-за поломки материальной части) и в то же время один из наиболее удачных. Я начал пристрелку с дальних целей, главным образом тыловых путей красных. Когда мои снаряды летели над болотом, с него поднимались встревоженные журавли, но вскоре я сосредоточил огонь по Полоскам, подготовляя атаку нашей пехоты. Взвод вел методический огонь на ровных интервалах – я знал, насколько такой огонь действует на нервы противника, иногда же изображал из взвода четырехорудийную батарею, желая создать впечатление «мощной» артиллерии. Вскоре Квятковский мне сообщил по телефону, что одно из орудий вышло из строя, а второе, вследствие поломки пружин накатника, приходится накатывать вручную. Я распорядился сменять номеров у оставшегося орудия, но не уменьшать интенсивность огня. Надо было не давать противнику ни минуты покоя.

Но тут заговорила красная батарея. Она стала сильно обстреливать окопы пехоты, временами перенося огонь по моему наблюдательному пункту. По целому ряду признаков я догадался, что наблюдатель красной батареи расположился в Полосках: туда проскочила двуколка, протянули провод, а главное, при обстреле моего пункта наблюдения было заметно, что он корректирует огонь сбоку, и это было мое счастье, так как при правильном прицеле снаряды рвались в стороне. Наблюдательные же пункты наши были на одном уровне. Необходимо было снять наблюдателя. Я начал в бинокль изучать Полоски. Я считал, что командует батареей малоопытный человек, а потому его наблюдательный пункт должен быть выбран легкомысленно. Из деревни выдвигался дом, за трубой которого, как мне казалось, что-то двигалось. В это время снаряды красных начали ложиться по моей крыше, надо было не медля принимать поединок. Я

начал обстрел дома, прося Квятковского проверять установку каждого выстрела. Один из первых снарядов угодил в трубу выбранного мною как цель дома – посыпались осколки кирпича, дранки и т. д. Огонь красной батареи прекратился. «Знай наших!» – подумал я и приказал передать батарее мою благодарность.

Около 2 часов открыли огонь подошедшие наши гаубицы. Стали они рядом с моим взводом, но офицеры их медлили занять наблюдательный пункт совместно со мной. Тогда я предложил им быть для них передовым наблюдателем, и дело быстро наладилось. Сердце радовалось, видя взрывы их гранат.

Вслед за тем красные попытались повести атаку на наши окопы, это была, по-видимому, их последняя ставка, так как удержать людей в окопах им не удавалось. От меня было видно, как комиссары загоняли красноармейцев в окопы. Встретив дружный отпор нашей пехоты и артиллерии, красные побежали в сторону Ожева. К 5 часам дня Полоски были очищены от красных. Со своими пешими разведчиками я скатился с холма и вбежал в деревню. На дороге лежало тело красного командира батареи. Взрыв моей гранаты сбросил его с крыши, и, описав в воздухе дугу, он с перебитыми руками и ногами упал на дорогу. Судя по найденным на нем документам, он оказался коммунистом Дубинским, ставшим членом партии в апреле 1917 года.

Одновременно с нашим наступлением даниловцы начали продвигаться вперед и заняли Дретно, к вечеру ворвались в Любитово и Ожево. В сумерки того же дня Вятский полк занял Передки. Свернув провод, я перевел орудия в Тарасову Гору. Зная психологию красных, я не боялся ночевать на линии пехоты.

Утром двинулись дальше через Полоски к Передкам. Предстояло занять Лесище, и эта задача была возложена на красногорцев. Не дожидаясь их подхода, мы открыли огонь по деревне Лесище, но вскоре местные жители сообщили, что эта деревня очищена красными, поэтому, собрав пеших разведчиков батареи, я отправился в Лесище, куда вошел одновременно с шедшими другой дорогой красногорцами. По словам жителей, потери красных были очень велики, причем главным образом от огня артиллерии, что красные бежали в панике, доказывала брошенная ими связь. Нам удалось захватить для батареи телефон. Крестьяне нас встречали радостно – за эти несколько дней красные успели порядочно их пограбить, дома были перевернуты вверх дном, все подводы и лошади угнаны с ранеными, которых не успевали даже перевязывать. Не задерживаясь в Лесище, двинулись дальше. 1-й батальон Красногорского полка, после короткого обстрела моим орудием,

занял Новоселье, 2-й батальон – Сватково. К 5 сентября мы вновь заняли наши позиции по Сабе.

К вечеру в Лесище прибыл Ветренко, радостный и оживленный, он нас всех поздравил с успехом и собрал для обсуждения плана действий на завтрашний день. Предполагалось не ограничиться успехом последних дней, а, по выражению Ветренко, «наложить красным по…… так, чтобы отучить от таких выступлений». Ветренко мог бы

быть идеальным начальником, если бы не его скверный характер и невоздержанность на язык, которые вызывали к нему неприязнь. Но его ценили и в случае неудачи ждали его приезда: «Ветренко приедет и все поправит». Правда, большим недостатком было его отсутствие дисциплины, отчего он не раз видоизменял или не исполнял приказания штаба корпуса. В эти дни как раз у него был конфликт с Паленом из-за какой-то грубости, сказанной командиру корпуса.

На следующий день предполагалась переправа через Сабу в районе Псоеди и удар на Луговскую в обход Осьмина.

2-й батальон волынцев, 1-й батальон красногорцев и даниловцы были назначены для производства этого удара. Результат этого дня выразился в захвате 4-орудийной батареи волынцами у Луговой, захвате пленных и очистке всего пространства до Луги на участке Сабек— Хилок. Одновременно талабцы и семеновцы, успешно продвинувшиеся до деревни Мужич, должны были занять Сара-Гору, но из-за медлительности семеновцев эта деревня была занята лишь на другой день, оттуда они погнали красных до деревни Красные Горы, находящейся в 10 верстах от станции Преображенская по Варшавской железной дороге. Там 3-й роте талабцев, под командой штабс-капитана Калмыкова[224], пришлось выдержать яростные, но безрезультатные атаки отряда Шатова. Наш прорыв 6 сентября не прошел без инцидента. Конному взводу, сформированному при батарее брата, было приказано переправиться вслед за пехотой у Псоеди и преследовать неприятеля в направлении на Редежи. В Осьмине к конному взводу присоединился Ветренко. На рысях взвод пошел дальше берегом Сабы. В это время из леса показалась цепь, обстреливавшая взвод. Ветренко скомандовал в атаку, и, развернувшись лавой, взвод бросился на цепь, лишь только в непосредственной близости распознали волынцев. К счастью, жертв не было, лишь пулей была легко задета лошадь Ветренко. На рысях взвод пошел на Редежи и, спешившись, занял деревню, захватив хвост отходящего красного обоза.

Орудия, захваченные в этот день, были разделены между моим братом и мной. У себя я заменил оба орудия 1-го взвода,

окончательно поломавшиеся в последних боях. Люди красной батареи почти сплошь пошли на укомплектование 2-го взвода Конной батареи, таким образом, у брата стало четыре орудия. Себе же взял лишь фельдшера. Ветренко прислал мне трех отборных артиллеристов-разведчиков, будто бы при приближении наших цепей повернувших орудия против своих. Они оказались действительно знающими. Захват батареи волынцами они сводили к трем словам. «Даешь!» – кричали волынцы, подбегая к орудиям. «Берешь», – отвечали красные, а потом началось «огребаешь», так как началось раздевание пленных, смена сапог и отбирание денег. Через несколько дней этих «отборных» людей пришлось расстрелять. По докладу моих разведчиков и рассказу жителей, они оказались коммунистами.

Для полного развития достигнутого успеха было предположено, продолжая удерживать линию реки Луги, наступать в направлении города Луги. В первый же день волынцы атаковали деревню Сабицы и захватили пленных и пулеметы.

Ниже привожу (с сохранением орфографии и пунктуации) дневник, захваченный мною на одном из красноармейцев:

«С. 13. Оташли в 10 остановились на поли часа 3 од ахнули лежали на земли сильно холодно ксвету пошли далше заблудилис невтую дорогу попали вернулис взат утром пришли в дер. Сабицы, варили картошку ели с ягадами и солю.

Сразу сидели вокопах началас руж. и пулиметная стрелба противник бил вупор 4 орудий (это была Конная батарея, наступали волынцы) ним было зажена деревня вдол которой были расположаны наши окопы бой длился чуть не целай день квечеру нам пришлое отступ, сажен в ста от деревни окапалис немного погодя аташли далше и окапалис влесу ночю был мороз.

С. 14. Утром была замечена неприятельская цеп мы все притовилис кбою но раем, что цеп направилис к Сябяру и мы обождали до 2 час отправилис кдеревни Сабицам когда стали подходит кдеревни пошли вопхот кругом ведеревни ужа зашли совсем взатылак но показалас подозритялна оташли немного взат и сразу вернулис на тое же место стали выходит на опушку леса скоторой была хорошо видна деревня котору мы должны были занят Шли вплотную густой цепю противника в деревне ниоказалас. Мы толко что сели вокопы и сразу приказали вернуца взат. влесу нашли поросенка икурицу.

15. вполноч пришли в Бередникова шли дорогой грязно темно было летел дождик пришли в дер. варили суп смясам спали вызбы утром получили продукты хлеб мяса табак к вечеру отправилис

16 Нидоходя дер Сабиц по опушки леса мы расыпалис вцеп

окапалис и лежали окала 6 час перет светам заняли дер Сабицы варили суп смясам днем принесли малоко сметаны грамафон и находилис падаткрытым небом вокопах».

Дневник этот довольно ясно рисует низкий уровень тактических начальников. Слова «заблудилис», «вернулис», «пошли взат», попытки обходов незанятых деревень и т. д.

В то время как мы собирались развить свой успех, красные подвезли новые силы, снятые с ближайших фронтов, среди них несколько испытанных отрядов вроде Шатовского и матросских. Одновременно с занятием нами Сабиц и продвижением дальше матросский отряд сбивает уральцев у Редежей, что вызывает отход на Липы частей Вятского и Красногорского полков на Луговскую и Осьмино. Красные без боя занимают Райково, Сватково. Уральцы разбежались, и их снова собирают у Ганежей. Снова положение становится критическим: талабцы продолжают удерживать Красные Горы, волынцы и даниловцы заняты наступлением и успешно продвигаются вперед, в то же время, если красные разовьют энергичные действия, вследствие разгрома уральцев двум полкам дивизии будет не под силу удержать линию Ганежи – Осьмино – Сара-Гора. Наспех собранная команда из запасных пулеметчиков и конвоя штаба дивизии была выслана для занятия переправы у Райкова. К счастью, у Осьмина было сосредоточено 12 орудий, огонь которых устрашал красных, и они ограничились лишь занятием Сваткова и Лип и дальше не двинулись. Все, как всегда в трудные минуты, ожидали приезда Ветренко, но он подоспел лишь к вечеру.

Раньше, чем оттягивать наступающие полки, он решил разгромить красных у Сабиц, чтобы не дать им возможность преследовать. Заняв деревню и захватив пленных, волынцы начали отходить, талабцы также. Семеновцы же были спешно двинуты на Лесище, где временно находилось 12 человек конвойной команды штаба 2-й дивизии, к ним был присоединен и мой 1-й взвод. Все эти дни единственно, что нас спасало, была полная инертность красных, которые и на другой день ограничились лишь занятием деревни Новоселье.

15-го числа было приказано перейти в наступление и занятием деревень Сватково, Липы, Сабек и Редежи восстановить положение.

Подошедший из-под Красных Гор Талабский полк должен был атаковать Сватково. Семеновцы и уральцы должны были занять Липы, после чего идти на Сабек и, заняв его, связаться с Островским полком. Но этот маневр кончился весьма плачевно для обоих полков. Должен отметить, что в этот день красные действовали отлично. В противоположность принятой ими

системе, они заняли Липы лишь заставой, главные же силы окопались у кладбища. Когда же оба полка втянулись в деревню, одна красная рота обошла Липы с юга и ударила по нашим ротам с тыла. Оба полка разбежались и кучками начали отходить к Дубам. Лишь к вечеру, небольшими группами в 10–15 человек, люди начали собираться в Ганежи, Лесище. Командир Уральского полка полковник Трусов[225], заменивший Рентельна, сообщил, что у него в полку не более 60 человек. Сформированные из 86-го и 89-го красных полков уральцы входили в состав Островского полка, но в июле были выделены из его состава под названием уральцев. Состав офицеров и солдат поначалу был великолепный, но во время июльских боев он понес большие потери и к описываемому мною времени был очень слаб. Во всякой войне потеря кадров – вещь редко поправимая, в гражданской, где нет правильного пополнения, она равносильна гибели полка, а потому нельзя не ценить бережливость Перемикина. В обозе у уральцев было до 450 человек, но они были все без сапог или раздеты, а потому нельзя было и думать о комплектовании полка этим элементом, так как время было уже холодное и все эти люди, ясно, немедленно перешли бы к красным.

В этот день я пережил маленький инцидент, который мог кончиться для меня драмой. Узнав о занятии Лип, я с тремя разведчиками отправился туда. Выезжая из леса (по которому только что, как оказалось, прошла обходная рота красных), я услышал оживленную перестрелку в Липах. Я рысью поспешил туда и увидел бегущих людей Семеновского полка и, в частности, Зайцева, отстреливающегося от наседающих на него красноармейцев. Если бы я подъехал несколькими минутами раньше, я бы или попал в лапы обходной роты, или влип в кашу, происходящую в Липах. Возвращаясь по только что пройденной дороге, чуть не попал под обстрел заставы конвойной роты, принявшей меня за красных.

К четырем часам дня Перемикин решил атаковать Сватково. Его цепи расположились в кустах западнее деревни. После лично произведенной разведки он лично повел своих людей в атаку. С моего наблюдательного пункта, расположенного в пехотной заставе на берегу Сабы, я мог следить за всеми действиями талабцев. Их цепи одновременно вырвались из кустов и с криком «Ура!» побежали к Сваткову. Красные открыли огонь из пулеметов, мой взвод поддерживал атакующих огнем по деревне. Но вот цепи добежали до окраины деревни и ворвались в нее. Я перенес огонь по убегающим, но вскоре его прекратил, боясь попадать по своим, так как заметил, что наши, пройдя деревню, ловили пленных уже на берегу Сабы. Перемикин захватил около

80 пленных, многие красноармейцы тонули в реке, пытаясь вплавь перейти Сабу, и даже те, что выбрались на берег, попадали под огонь пулеметов рассыпавшихся по опушке занятой деревни талабцев. Перемикин потерял в этом бою лишь 2 или 3 раненых, ему помогла случайность: пулеметы красных были пристреляны по буграм, с которых началась атака, между буграми и деревней была долинка, по которой и бежали талабцы во время атаки, так что пули красных летели выше голов атакующих.

К вечеру были заняты и Липы, а на заре следующего дня талабчане неожиданным ударом заняли Сабек, где еще сонными перекололи человек 60 матросов, взятые пленные были расстреляны: «краса и гордость русской революции» была не в фаворе у нас. Положение на нашем участке было восстановлено. Части из Луговой и Редежей были оттянуты на левый берег Сабы, на правом берегу, в виде тэт-де-пона, мы занимали лишь Осьмино. На участке воцарилась сравнительная тишина.

Завершу этот очерк описанием столкновения, происшедшего у меня с полковником Сулковским[226], так как оно очень характерно для нравов нашей армии. Как я упоминал, мною были заменены двумя взятыми у красных орудиями мои две пушки 1-го взвода, пришедшие в полную негодность. Кроме того, я сменил двух окончательно замученных лошадей, панораму и кое-что из амуниции. Через несколько дней я получил от инспектора артиллерии 1-го корпуса следующее предписание: «Командиру батареи 2-го легкого дивизиона. Немедленно выдайте лошадей, подмененных Вами, а также панораму и шесть седел с оголовьями. Полковник Сулковский».

Привез это предписание какой-то подпоручик, верно, из «однокашников» Сулковского. Ему было поручено сделать выводку моей батареи для определения подмененных лошадей и определить взятую амуницию. Выслушав доклад подпоручика, я вскипел: «Что? Я должен делать перед вами выводку моей батареи? Я не скрываю подмены лошадей и т. д., нужных мне в батарее. Я не собираюсь умалять мой авторитет в батарее, допуская проверку моих действий младшим меня в чине. Передайте полковнику Сулковскому, что я отказываюсь исполнить его предписание». Подпоручик удалился.

Немедленно доложил об этом Ветренко. «Да пошлите его к……», – лаконически ответил генерал. Я поехал к капитану Бушену[227], командиру 2-го дивизиона, с тем чтобы подать по команде рапорт, излагающий мою точку зрения и содержащий мой отказ от командования батареей в случае повторения Сулковским его требований. Бушей меня стал уговаривать: «Бросьте, не волнуйтесь, Александр Сергеевич, я все это улажу». И

действительно, я больше ничего по этому поводу не слышал и сохранил и лошадей, и панораму, и седла. Правда, Бушей знал, что я все это делал для поддержания боевого уровня батареи.

* * *

Во время последних боев нам постоянно попадались в руки красные газеты. Из военных обзоров Троцкого видно было, что наша армия ему казалась не опасной. Неожиданное падение Пскова, арест Балаховича объяснялись красными как первые признаки разложения армии Юденича. В то время все внимание Троцкого было обращено на Южный фронт, где успешное продвижение генерала Деникина создавало угрозу Москве. Красные газеты хотя официально и отрицали значение рейдов конных масс Мамонтова[228], но, по-видимому, главный успех Деникина приписывался именно этим отрядам. Наряду со статьями, в которых умалялось значение набегов белой конницы, в газетах появлялись призывы Троцкого записываться в красные конные полки. Все уроженцы Кавказа должны были являться для регистрации и записи в «Красную Дикую дивизию». Наш фронт считался мало боеспособным, хотя всякое наше продвижение должно было встречаться сильным сопротивлением ввиду важности направления и близости к «Красному Питеру». Единственным интересующим большевиков пунктом на занятой нами территории был Гдов, завладение которым давало им козырь для политической пропаганды. Поэтому красные не отказывались от попыток овладеть им. Неудачно ткнувшись на нашем участке, они неминуемо должны были попытаться достигнуть успеха на другом направлении, и действительно, скоро начали приходить сведения об атаках на фронте 1-й дивизии.

Мнение красных о слабости и начавшемся развале нашей армии было неверным. В нашей дивизии настроение солдат очень улучшилось после удачных боев и прибытия на фронт новых орудий из Англии. Правда, эти пушки были в большинстве случаев брак из остатков от прошлой войны, а потому очень быстро портились. Так, например, из четырех орудий, приданных к нашей дивизии, только первые дни были исправны все четыре. После первых же боев две [пушки] испортились и к началу наступления на Петроград остались лишь две, да и те были исправны, пока из них не стреляли. После первых же выстрелов под Гатчиной орудия эти поочередно выбывали из строя. Кроме того, снаряды часто давали недолеты, что объяснялось нашими

артиллеристами неполным сгоранием пороха. Одновременно с тяжелой артиллерией в армию пришли и танки. Сообщали об удачных действиях их под Гдовом.

Существование Северо-Западного правительства мало чем отражалось на жизни фронта. Ближайшая к фронту местность подчинялась военным комендантам, и представителей правительства у нас в тылах не было видно. Изредка с усмешкой передавали слух о том, что на фронт приезжал представитель министерства почты и телеграфа для «урегулирования доставки газеты «Свобода России» в войска» или какой-либо другой со столь же значительным поручением. Общение армии с правительством не существовало, и оно солдат не интересовало. Передавали, что один из министров пытался говорить с солдатами бронепоезда, но в результате его длинной и проникнутой социалистическим духом речи один из солдат заявил ему, что он вполне с ним согласен, что давно пора всех социалистов истребить.

Посылаемые правительством прокламации, выдержанные в чисто демократическом духе, обыкновенно не доходили до фронта, а уничтожались в штабах. Дело пропаганды в армии было поставлено весьма слабо, тогда как у большевиков на это дело было обращено много внимания. При приходе на места, только что очищенные от красных, почти в каждой избе можно было найти номер красной газеты или экземпляр прокламации. Прокламации эти были все на один лад – клевета и ругань по адресу представителей буржуйства, защитниками интересов которых являлись белые армии. Листки эти часто были просто бессмысленны, но написаны простым понятным каждому языком, а тема – близкая всем пролетариям: бей буржуев! В противовес этой энергичной, пропитанной злобой и целеустремленной пропаганде наше правительство выпускало слащавые, неинтересные листки, где объяснялось преимущество общественного образа правления или указывались ошибки, делаемые белыми (например: «Кто виноват в падении Пскова?»). В то же время прокламации, направленные против большевиков, и в особенности те, в которых упоминалась причастность евреев к советскому строю, имели безусловный успех у солдат. За время революции русский народ был приучен к чтению всевозможной пропагандной литературы, часто пленные, попадая к нам, просили дать им почитать «листок». Эта черта использовалась у нас лишь левыми, которые, опираясь на союзников, вели свою пропаганду через газету «Свобода России». Истинное лицо этой газеты открылось лишь позже, когда на ее столбцах появились нападки на офицерство, на знаки отличия в виде погон и т. д.

Генерала Юденича в строевых частях не знали, и ни один солдат его никогда не видел. Он не был «вождем» наших добровольцев, а лишь загадочным лицом, где-то в дальнем тылу владеющим судьбами армии. Как-то один из его генералов приехал на мою батарею, я был на наблюдательном пункте и не мог его оставить, а потому с ним лично не говорил. Мой офицер мне передавал: генерал поздоровался с солдатами, и они ему ответили: «Здравия желаем вашему превосходительству». Генерал был в восторге: «Даже «превосходительство» говорят!» И это вожди. Ветренко со своей площадной руганью был солдатам несравненно ближе этого генерала. Положение генерала Юденича было нелегкое, ему все время приходилось хитрить с союзниками и выворачиваться с членами своего правительства. Среди нас не было ни одного офицера, который относился бы дружелюбно к нашему правительству, утешались тем, что эти министры, собранные по настоянию англичан, будут немедленно разогнаны, как только мы дойдем до Петрограда, то есть как только мы станем настолько самостоятельными, что не будем нуждаться в помощи бывших союзников. Конечно, это было лишь легкомысленное мечтание.

Снабжение из Англии было часто неудовлетворительное, это объяснялось тем, что в Великобритании было сильное движение, которое требовало прекращения снабжения оружием белой России. С одной стороны, иногда орудия приходили без замков, а с другой – случалось, что в транспорте продовольствия вдруг оказывались винтовки, не указанные в накладных. Как будто боролось два течения. Из-за этого в армии усилилось настроение против Антанты и начали раздаваться голоса за дружбу с Германией. Но прискорбная история с Бермондтом лишила нас ожидаемой помощи в виде его отрядов, испортила наши отношения с Эстонией и Латвией и исключила возможность нашего сближения с Германией. К этому же времени относится первая попытка Эстонии заключить перемирие с Советами. Правда, она ничем не кончилась, и правительство Эстонии объяснило свой поступок лишь желанием доказать своему народу, что оно не прочь прекратить войну, но, дескать, требования большевиков совершенно неприемлемы. Такой шаг все же доказывал, насколько наш тыл был малонадежен.

Между тем красные продолжали свой нажим на 1-ю дивизию. Два их батальона, опрокинув сторожевое охранение нашего запасного батальона у деревни Аксентьево, заняли эту деревню, а также деревню Спас. Деревню Усте еще задерживали колыванцы, составляя левый фланг 1-й дивизии, закрепившейся на линии Пустынки— Гнездилова Гора и далее на юг. Кроме того, красные

разведчики были обнаружены у Новых Кракол, к югу от деревни Жог.

Для ликвидации этой группы были сняты с фронта красногорцы, замененные у Осьмина талабцами, и даниловцы, смененные Вятским полком. Весь отряд при 2 гаубицах и 2 орудиях моего второго взвода был к 26 сентября сосредоточен в деревне Жог под командой подполковника Бельдюгина, принявшего Красногорский полк после ухода Будзиловича, который сдал полк после неприятного разговора с Ветренко, назвавшим его сумасшедшим.

Согласно диспозиции, красногорцы должны были занять деревню Новые Краколы, даниловцы же, обойдя озеро Каторское с востока, ударить в тыл красным, занимающим деревни Аксентьево и Спас. Поставив свои орудия на дороге Жог – Извоз, я вместе со своими разведчиками приехал в Извоз. Там все было спокойно. Лишенные всякого боевого пыла люди запасного батальона сидели по домам и не беспокоили красных. Накануне, при отступлении из Спаса, они угнали все лодки с того берега, а потому опасности переправы не было. Большинство людей было без сапог, шинелей было три-четыре, их надевали лишь часовые, становясь на пост.

Наблюдательный пункт я установил на берегу озера, тянувшегося неширокой полосой с востока на запад. Местность в этой части уезда была опять совершенно другая: много тихих озер, сжатых лесистыми буграми, уютные полянки, прямо-таки билибинские пейзажи.

За озером можно было наблюдать, как красные безмятежно бродили по деревне. Мои разведчики не были приучены к таким идиллиям, немедленно завязалась перестрелка, поводом к которой послужил красный всадник, ехавший по берегу озера. Преследуемый нашими выстрелами, он с рыси перешел на галоп, а потом на карьере укрылся за домами.

В это время подошла конвойная рота, и число наших винтовок увеличилось. Рассеивая появившиеся на дороге кухни красных, мы завязали настоящую перестрелку, на наш огонь красные отвечали пулеметами, но ненадолго, готовая к бою батарея быстро заставила умолкнуть красных. Так как наступал час, назначенный даниловцам для атаки Аксентьева, мы перенесли огонь на окопы около этой деревни. Вскоре мы заметили движение в красных окопах, а затем их вообще не стало видно. Когда даниловцы начали подбегать к деревне, поджигая по дороге снопы соломы (это был опознавательный знак), красных уже в деревне не оказалось. Вот выдержка из дневника красноармейца с описанием этих боев:

«С. 24 варили суп во копах днем получили получку рыбу жарили поели полден было приказано наступат на деревн. Аксентево нашему батальону надо было зайти втыл прот. слева вафланга, шли и заблудилис вернулис взат снова отправ. шли лесом болотам тропинкой вышли к дер. Аксентево куда нужно было нидошли 4 вер. сбилис с дороги.

25 Стретилис со 2 батальоном пошли вобхот на деревню Аксентево обошли противн. ни оказался пошли далше дер. Спас окинули цепю противн. стал отстреливаца мы спешно расположилис вдол ручья и открыли огон всем батальоном. Заработала 3 пулемета я стал перебираца через ручей влетел посаму ж… потом бросил ватаку прот. был выбит причем захватили 5 пленых. Днем потшибли курицу варили суп и картошку солю.

26 Ноч прводили спокойна. Днем толки успели сварит суп противн. стал опстреливат из батареи мы схватили горшок и расположилис пд сараем обедат. Снаряды так и рвали рядом нам приказали отступать на деревню Горки контора была занята противником нам надаю была прерывает цеп дорога по которой шли наступат на деревне Спас передана была у него. Мы взяли провожатую и пошли мимо Горок дорога мочен плоха была даже ранге никто наездил были таки болота что приходило распрягать лошадей и тащит на себе отошли 15 в. ночевали на утори спали соломы».

Следующий день провели в Извозе и только к вечеру получили приказ о дальнейшем движении. Одновременно пришло известие о занятии волынцами (9-й роты) хутора Лошево, где было захвачено 60 пленных. Приказ Бельдюгина начинался так: «Противник в составе 163-го и 165-го п.п. бежал; 163-й из деревни Аксентьево в южном направлении, 165-й в направлении Лошево – Сябер – Подледье.

Вверенному мне отряду приказываю продолжать движение через Лошево и занять деревни Большие и Малые Житковицы, после чего выделить отряд для занятия деревень Высокая и Дворец» и т. д.

Во исполнение чего 2-я рота волынцев (одна рота должна была остаться в Лошеве) вместе с 5-й ротой Темницкого полка с двумя орудиями 1-й батареи и 4-й ротой красногорцев должны были атаковать деревни Малые и Большие Житковицы, расположенные в 15 верстах в тылу красных. Оттуда Темницкий батальон (даниловцы) должен был идти на деревни Высокая, Дворец, находящиеся в тылу атакующих Гнездиловую Гору (позиция 1-й дивизии) красных частей, отрезав таким движением пути их отступления на восток.

Назначенное на рассвете выступление началось лишь около 8 часов, так что до Лошева мы добрались лишь к полудню. Там был сосредоточен весь отряд. Меня дружески встретили офицеры 3-го батальона волынцев: «Пришла наша артиллерия, теперь можно двигаться!» Новый командир батальона капитан Павловский[229], весь искалеченный еще в последнюю войну, просидел около полугода в псковской тюрьме. Он просит меня поддержать его в бою, меня трогает и дружеская встреча, и доверие пехоты. Мой старый знакомый по Мокрой Ледине Успенский повел меня показать вчерашних пленных – все мальчишки 17–18 лет, низкорослые, с тупоумным видом, свойственным новобранцам, жевали выданный им белый хлеб, рядом валялись шкуры сушеной воблы, составляющей основное питание красноармейца. «Вы посмотрите, – говорил Успенский, – совсем дети, когда мы вчера бросились в атаку, все с головой забились в окоп. Мои молодцы за ноги их оттуда тащили, а они плачут и просят: «Дяденька, не бей!» – прямо потеха».

Привели проводников, местных крестьян, тут же подошли братья Родионовы из Мужича, и началось совещание. Дорога на Житковицы из Лосева действительно существовала, но переправа через речку Черную у Козьего брода оказалась совершенно непроходимой: «Да там никто и не ездит, только бабы за ягодами ходят, для того жердочка положена, а вы туда с повозками и пушками собрались!» Пришлось выбирать другую дорогу, а именно вдоль озера Горнешного, которая выходила на дорогу Завердужье – Горнешное – Пажино – Житковицы в полуторах верстах от Жилого Горнешного, которое было не в 15 верстах, а в 30 в тылу у красных. Выбора не было, а потому пришлось идти этой дорогой. Я осветил моим офицерам положение и указал им держаться ближе к орудиям, так как я сам буду следовать за пехотной разведкой. Начиналась местность, покрытая малопроходимым лесом и болотами, могли встретиться всякие неожиданности, дорога, по которой нам придется идти, единственная, а потому надо по ней пробиваться во что бы то ни стало.

Лишь около двух часов выступили дальше. Сначала сносная дорога вскоре испортилась и пошла горелым лесом, то поднимаясь, то спускаясь с крутых песчаных бугров. Не успели мы пройти и 7 верст, как авангард остановился. Волынцы обнаружили сильную заставу красных, расположенную так близко от поворота дороги на Пажино, что пройти отряду мимо нее и не быть ею замеченным было невозможно.

Приходилось ее сбить. Со свойственной волынцам медлительностью повели разведку, ища удобного места, чтобы

обойти противника, атака в лоб окопавшейся заставы могла обойтись дорого. Но окопы красных упирались флангами в озера, обход их был немыслим, оставалась лишь атака в лоб. Бельдюгин, не желая обнаруживать в своем отряде присутствие артиллерии, запретил мне стрелять.

На бугре у дороги, поперек которой лежали наши цепи, завязавшие перестрелку с заставой, был большой камень-валун, под прикрытием которого собрались Павловский, Успенский и я. Несмотря на огонь наших пулеметов, красные держались крепко и, казалось, не собирались легко уступить свою позицию. В то же время осеннее солнце уже клонилось к закату, а ночевка в лесу в непосредственной близости противника мало кому улыбалась, а мне с моими пушками и подавно. «Хоть бы вы постарались их сбить, а то так мы еще долго пропутаемся», – говорил мне Успенский. «Так при вас же полковник запретил мне стрелять», – возражал я. «Но не ночевать же так!» – «Знаете что, – сказал я, – несмотря на запрет, все же думаю стрельнуть, авось собьем красных, а если удастся – победителей не судят». Со всех ног Званцов, который неизменно находился при мне, побежал передать мое приказание, и скоро у камня появился мой телефонист с аппаратом и катушкой провода. Чтобы перекидывать снаряды через деревья на такой близкой дистанции, пушки пришлось вкатить на бугор. Гулко, отдаваясь эхом по лесу, прозвучал первый выстрел. Вторая, уже взводная, очередь легла над окопами. Я скомандовал беглый огонь, и гранаты, поднимая фонтаны песка, с треском взрывали окопы красных. «Браво, здорово! – кричал Успенский. – Ура, вперед, ура-а-а!» Он и за ним вся рота бросились в атаку. Оставив телефон за камнем, я с разведчиками и телефонистами побежал за ними. Огонь сначала усилился, но затем разом затих, и, когда я, путаясь в валежнике и траве, добежал до окопа красных, там уже хозяйничали люди 9-й сотни. Было захвачено 14 пленных, которые под конвоем моих разведчиков были отправлены к начальнику отряда. К этому времени уже окончательно стемнело, а потому Бельдюгин решил тут же и ночевать.

Разложив костры, отряд как шел, так и лег по сторонам дороги. В 3 часа пошел дождь, основательно нас промочивший. Начиналась осень.

В 6 часов утра мы уже двинулись дальше. По узкой лесной дороге, еле намеченной колеями, наша колонна медленно углублялась в лес. Со Званцовым и двумя своими разведчиками я присоединился к авангарду нашего отряда. Пройдя верст 5, мы начали приближаться к дороге Горнешное – Пажино – Житковицы, когда разведчики пехоты остановились и шепотом

сообщили о замеченном ими обозе красных. Мы притаились в кустах. Вскоре наши разведчики появились, ведя две крестьянские повозки, нагруженные, как оказалось, скарбом канцелярии 163-го пехотного красного полка. Привели и двух пленных. Один из них, уже пожилой мужчина, с виду из мещан, весь трясясь, клялся, что единственным его побуждением для поступления в Красную армию был голод, другой, мальчишка лет 16, был сыном латыша, командующего одной из рот 163-й полка. Они сообщили, что в 100 саженях в сторону Горнешного находится застава красных, чтобы сбить ее цепь, 9-я сотня волынцев двинулась по густым еловым зарослям. Вскоре крики «Ура!» показали, что застава сбита. Вышли на дорогу, вдоль которой шел телефонный провод, мы немедленно в него включились. Слышался разговор красных комиссаров. Отдавались распоряжения. Из разговора выяснилось, что один батальон 163-го полка на заре был выслан в Пажино. Один из комиссаров жаловался другому: «Никогда не угадаешь, откуда может появиться эта сволочь, – вчера их разведка появилась у Сяберо – Подледье». – «У вас [есть] связь с Горнешным?» – справлялся комиссар из штаба. «Телефон проведен, – отвечали из Пажина, – но сейчас опять не работает». Наш телефонист покатывался со смеху, давая нам послушать этот разговор. «Господин капитан, – упрашивал Павловского наш телефонист, – разрешите вызвать их телефониста из Пажина. Скажу ему, чтобы шел линию проверять с аппаратом, а то у нас всего одна станция». Получив разрешение, он вызывает красных: «Пажино, Пажино, 1-й батальон, что вы, спите, что ли? Мы здесь с ног сбиваемся, а вы там с бабами возитесь. Пошлите проверку с аппаратом по линии!» Красные обещают выслать. Действительно, вскоре разведчики предупреждают, что появился человек на дороге, оказался красным телефонистом, его хватают и заставляют, назвав себя, требовать высылки еще одного телефона и провода.

Двигаемся дальше, выставив заслон в сторону Горнешного. Теперь и спереди, и сзади у нас красные. Находиться с пушками в таком положении невесело, так как боковых дорог до самого Пажина нет и удрать в случае чего некуда. Но не успели пройти и версту, как навстречу нам появились три повозки с ранеными. «Куда едете?» – спрашиваем. «В Лугу». – «Врешь, – смеются солдаты, – в Гдов!» Повозки заворачивают оглобли и едут с нами. Двинулись дальше, но вскоре снова остановка – проваливаясь в грязь, медленно шла местная крестьянская двуколка и трое солдат, – это вызванные по телефону телефонисты с аппаратами и проводом. «Стой, бросай винтовки!» – кричит им разведчик головного дозора. «Брось дурачиться», – отвечает красный. «Да я

же белый». – «Убирайся, полно дурака валять!» – «А это видел?» – из кармана разведчика появляется кокарда. Бледный и трясущийся красный бросает винтовку. «Чисто сработано», – говорит он. В повозке два аппарата и катушки с проводом. Дальше захватываем артельщика, который сообщает, что ротам только что выданы продукты и люди заняты приготовлением обеда, ничего не подозревая. Под самой деревней ловят конного разведчика, высланного батальонным командиром для немедленного восстановления связи с Горнешным. Настроение солдат, несмотря на непрекращающийся дождь, который уже насквозь пропитал шинели, бодрое и веселое.

Подходим к Пажину. 9-я сотня волынцев атакует справа от деревни, 7-я – слева. Я со Званцовым и моими разведчиками становлюсь левее 7-й сотни. Окопы, окружающие деревню, кажутся пустыми. Притаившись, наблюдаем: вот из соломенного шалаша выходит красноармеец, осматривается и, по-видимому, теряя надежду на прекращение дождя, снова залезает в убежище. Мы со Званцовым намечаем себе целью эти окопы, предполагая, что часовой охраняет пулемет. Но вот справа из 9-й сотни кто-то крикнул «Ура!» – и, подхватывая этот крик, люди бегут, изредка останавливаясь, и, приложившись, стреляют. По размокшему полю с криком: «Даешь! даешь! ура!!» – сотни подбегают к деревне, из которой в панике, бросая винтовки и пулеметы, оставив в наших руках обоз, бегут красные. Галопом проносится табун крестьянских лошадей. Деревня пуста, все жители попрятались в подполье. Выбежав на противоположную окраину деревни, видно, как по болотистому выгону, пытаясь укрыться в лес, бегут красные. Вспомнив, что в корпусе я имел знак «За отличную стрельбу», пытаюсь подстрелить бегущих. Одного как будто ранил. Наши преследуют красных, наши пули, ударяясь в болоте, дают мокрые всплески. Подбегая к окопу, вижу торчащие из него ноги, подхожу с криком: «Вылезай!» Весь выпачканный глиной, поднимается местный крестьянин: «Ваше высокоблагородие, я ведь только веял. Ей-богу, я не красный!»

В деревне оставлен обоз, захвачено 4 пулемета. Мне удалось взять целую повозку с разным добром: 40 пар белья, сапоги, шинели, сахар и табак. Все это отправляю на взвод. Тут же я нашел дневник красноармейца, выдержки из которого я уже приводил. Захваченные документы, приказы и газеты очень интересны. В газетах чувствуется сильная тревога относительно положения на Южном фронте, в приказах заметна новая нотка, касающаяся роли командного состава, власть которого расширяется, предписывается дисциплина огня, пленные рассказывают, что коммунисты подбирают всякий брошенный

патрон, по-видимому, в случае продолжения войны коммунисты боятся остаться без патронов. В связи с докладом Троцкого, будто бы заявившего, что к весне боевые запасы Совдепии истощатся, интересно было отметить малейший намек, подтверждающий такое заявление. Новые прокламации были тоже небезынтересны – впервые они были обращены к белому офицерству с призывом служить Советам. Это вместо воззваний, обращенных исключительно к солдатам, предлагавших выдавать своих офицеров по расценке 5000 рублей за каждого, 10 000 – за генерала, 50 000 – за Родзянко и Юденича. Офицеру в случае перехода предлагалась полная амнистия и обеспечивалось место в рядах Красной армии. Этот момент можно считать началом той великой провокации, которой большевики, будто бы отступая от своей прежней системы террора, пытались заманить к себе необходимую им интеллигенцию. Но наряду с этим «Красная газета», как всегда, была насыщена потоками брани против «буржуев». От этого они, конечно, не могли отказаться, это была основа их системы – классовой злобой поддерживать революционный пыл демократии и, непрестанно указывая им разные объекты для ненависти, держать ее в постоянном напряжении, зная, что перерыв может дать возможность опомниться. В отделе «Красной Каланчи» приводилось стихотворение Демьяна Бедного, где выводилась родословная Юденича от Иуды Предателя. «И от этого Иуды Иуденичи пошли», – заканчивалось это произведение «гениального» советского стихоплета.

Население деревни встретило нас исключительно радушно – Пажино выставило добровольческий отряд в 40 человек под командой бывшего фельдфебеля Павлова.

Отдохнув недолго, мы спешили продолжать наш поход. До сих пор красные нас не ждали, но теперь можно было ожидать появления их отрядов и с тыла, и из Житковиц, находящихся в 7 верстах от Нажина в направлении нашего движения к фронту 1-й дивизии, до которой было еще добрых 20 верст.

В авангарде шли даниловцы под командой штабс-капитана Андреева[230]. Было вероятие, что красные, находившиеся в Житковицах, уже предупреждены о нашем появлении, и действительно, включаясь по дороге в телефонный провод, мы могли убедиться, что красные настороже: дежурные телефонисты из Житковиц непрестанно звонили с целью проверить линию, а высланные на линию говорили, что провод цел, но что они боятся отходить далеко от деревни.

Не предупрежденный о выступлении даниловцев, я нагнал отряд лишь под самыми Житковицами. Не дожидаясь прокладки

своего телефона, я побежал дальше с телефонистами даниловцев вперед и вышел из леса в момент, когда уже завязалась перестрелка, заработали и пулеметы, и пули с характерным звуком впивались в стволы деревьев и сбивали листья с веток. Только я успел сделать первые выстрелы, как даниловцы бросились в атаку, я перенес огонь далее, но его скоро прекратил, 2-я рота под командой прапорщика Гауса (ныне покойного) скорым шагом подходила к деревне, не обращая внимание на огонь красных. Цепь ворвалась в окопы красных и погнала их, захвативши пулеметы. Мой перенос огня, как оказалось, принес пользу, наведя панику на уходящий в сторону Дворца обоз красных. На другой день нашли по всему пути брошенные повозки и двуколки, среди доставшихся нам вещей был найден даже корсет жены комиссара.

К вечеру весь отряд, кроме двух рот, оставленных в Нажине, был сосредоточен в Житковицах. К этому времени было получено известие, что наши заставы у Жилого Горнешнего и на Сяберской дороге были сбиты красными. Ожидаемые нами со стороны Пустынки и Лукова части 1-й дивизии, долженствующие наступать нам навстречу, не были обнаружены нашей разведкой. Таким образом, мы оказались совершенно отрезанными от своих. Ко всему, командир 2-го батальона Красногорского полка неожиданно и самочинно тоже появился в Житковицах, очистив без всякого напора со стороны красных деревню Пажино. Все это заставило осторожного Бельдюгина отказаться от плана немедленно двигаться на Дворец – Великую, а раньше восстановить связь с 1-й дивизией. Кроме того, ужасающее состояние дорог, болота и непроходимые леса сильно затрудняли движение. От бескормицы и трудной дороги лошади в орудиях и обозах становились, местами нам приходилось прибегать к помощи пехоты, чтобы вытягивать орудия из трясины. Люди были без хлеба, так как в ротах запасов продовольствия не было. На следующий день даниловцы с моим взводом перешли на эстонские хутора на полдороге между Житковицами и Луговым. Такие хутора были вкраплены в лесах почти повсеместно, владельцы их были эстонские переселенцы, купившие себе эти участки казенного леса, они были зажиточные крестьяне. В этот день части Колыванского полка заняли оставленную красными деревню Луково, и мы установили связь с 1-й дивизией. На хуторе были большие запасы немолотого овса, который с жадностью пожирали мои лошади, не получавшие довольствие два дня. Все последующие дни до 4 октября мы простояли, отдыхая перед ожидаемым наступлением. Деревня Пажино была снова занята нашими частями. Части 1-й дивизии перешли в наступление и

вышли на нашу линию.

Сводки штаба дивизии приносили радостные вести о крупных успехах на Юге России, а также об удачных действиях частей 2-го корпуса, которые, разбив 19-ю красную дивизию, вышли на Варшавскую железную дорогу и заняли станцию Струги Белые. Как следствие этих сведений, настроение в частях улучшалось, кроме того, получена была телефонограмма, извещавшая о прибытии обмундирования в количестве 20 000 комплектов, которые должны были быть распределены сначала строевым частям, а затем тылам. К сожалению, этот приказ был лишь частично выполнен. Во всяком случае, многие солдаты получили английское обмундирование и сапоги, так называемые «танки». Раздача обмундирования породила шутку над псковичами. Как известно, псковичи цекают, то есть вместо буквы «ч» говорят «ц». Так вот, их дразнили: «Псковицане цто англицане, только нареция инаце». Та же телеграмма сообщала о том, что эстонские таможенники чинят нам всякое препятствие, затрудняя пропуск продовольствия и имущества за проволочное заграждение в Нарве.

4 октября нашему отряду в старом составе приказано было перейти в наступление и, заняв деревни Горнешное и Затрубичье, закрепиться на линии деревень Сяберо – Подледье – Завердужье. Сосредоточившись к 10 часам в Пажине, отряд (в авангарде шли даниловцы) двинулся вперед. Сбив заставу у мельницы, начали наступать на Горнешное, откуда мы были встречены пулеметным огнем. Думая, что будет сопротивление, начал налаживать связь с батареей, но в это время справа раздалось «Ура!» – 4-я рота пошла в атаку. Побежали вперед, до деревни было не более полуверсты, по дороге в лесу удалось словить еще нескольких пленных, разбежавшихся после сбития заставы. В деревне стоял кавардак, как это часто бывает непосредственно после атаки: со всех концов сводили и выстраивали пленных, часть роты продолжала преследование, другие люди рыскали по деревне, собирая и растаскивая добычу, которая оказалась богатой: обозные повозки с ящиками советских папирос – накануне происходила раздача табака. Пленных собралось до 70 человек. Все рослые и бодрые на вид ребята, большинство из зеленых, насильно и жестокими мерами согнанные на мобилизацию, многие посидевшие в тюрьмах за дезертирство. Среди них двое офицеров. Один из них, подтянутый и веселый, сдал весь свой взвод целиком, – когда мы подходили, он приказал людям стрелять вправо или влево, но отнюдь не в белых, и действительно, при нашем появлении взвод сложил оружие и выстроился для перехода к нам. Зато другой на вопрос, хочет ли он у нас служить, отвечал, что просит отправить

его в тыл, так как чувствует себя нездоровым, на что штабс-капитан

Андреев отозвался: «А разве служба в строю у красных легче нашей строевой службы?»

Собрав людей, двинулись дальше. Деревня Затрубичье была занята без боя, в ней был захвачен каким-то образом отставший от части только что окончивший советские курсы красный офицер. Одновременно с движением даниловцев на Затрубичье 2-й батальон красногорцев двинулся на Сяберо – Подледье и, перерезав дороги, начал вылавливать остатки 163-го полка. После непродолжительной перестрелки красные очистили и деревню Завердужье, сильно укрепленную и обтянутую проволокой, причем фланги этой позиции были обеспечены озером и болотом. По словам немногочисленных пленных, красные отошли только вследствие панического настроения солдат, которые несколько раз порывались очистить окопы, но каждый раз загонялись в них угрозой поставленных у выхода из ходов сообщения пулеметов. Весь путь отступления красных был усеян брошенными подсумками, винтовками, патронами и прочими предметами снаряжения. В результате дня было захвачено около 200 пленных.

Последующие дни провели спокойно, выжидая приказания о дальнейшем наступлении, причем, оторванные от прочих частей, мы и не подозревали, что предположенное наступление имело целью Петроград. 8-го вечером к 10 часам приехал только что произведенный в подполковники Данилов, к этому времени весь отряд был сосредоточен в деревнях Сяберо – Подледье. Около 12 часов Данилов вызвал меня к себе, у него в избе были собраны командир Красногорского полка, а также командиры батальонов Красногорского и Темницкого полков (Темницкий батальон был только что пополнен 2 ротами и переименован в полк). По сосредоточенным лицам присутствующих понял, что приказ, привезенный Даниловым, немаловажен. «Завтра, 9 октября, в 4 часа утра нам приказано перейти в наступление, одновременно с нами двинется и весь наш фронт. Цель нашего движения – занятие Петрограда», – сказал он мне. Ближайшей задачей нашего отряда была очистка от красных деревень Сабицы, Элемно, Витчины. Одновременно полки нашей дивизии должны были наступать с фронта, очищая весь район до Красных Гор, где мы должны с ними соединиться. Для вселения паники в тылу красных войск три роты даниловцев, избегая пункты, занятые красными, лесными тропами должны были идти и занять деревню Поля, где был расположен штаб красной бригады. Этим движением, кроме того, этот отряд перерезал главный путь отступления красных на нашем фронте. Далее все тот же отряд,

по выполнении этой задачи, должен был занять деревню Накол – переправу через реку Лугу.

1-я дивизия брала направление на город Лугу, а части 2-й и Ливенской дивизий, форсируя переправы у Сабека и Муравейно, шли на линию Балтийской железной дороги.

По словам Данилова, английский флот обещал свою помощь с моря во время нашей операции, и это утверждение не казалось фантастическим, так как незадолго до этого флот предпринимал операцию против Кронштадта и сильно повредил «Петропавловск» и «Андрея Первозванного». Кроме того, наличие танков обеспечивало, казалось, наш успех при прорыве укрепленной линии перед Гатчиной, после прорыва которой падение Петрограда было неминуемо.

Произведенный за отличие в офицерский чин и награжденный Георгием за взятие батареи еще в Германскую войну, Данилов происходил из зажиточных крестьян Псковской губернии Островского уезда. Недостаток образования у него восполнялся природным умом и выдающейся военной сметкой. Эти качества, при изумительном хладнокровии, смелости и находчивости, делали из него выдающегося военного. Занятие более крупных должностей, связанных в то время с неизбежной политикой, было ему, пожалуй, не под силу, зато он был идеальным строевым начальником. Потерпев насилие со стороны коммунистической власти, которая в его уезде была возглавлена евреем, он ненавидел эту нацию, и пленные евреи неминуемо отправлялись в «отряд Урицкого». Его отряд, вернее, кадр отряда сильно отличался от других частей. Собранный из добровольцев, связанных между собой не только общей борьбой с большевизмом, но и происхождением из одной местности, отряд отличался своими специфическими особенностями. Все ценности, например, отбитые у красных, собирались в общую казну, которую по окончании похода предполагалось разделить между участниками. Богатый полковой обоз 2-го разряда представлял собой настоящий склад всякого добра – тут были и кожи, и железо, и прочие материалы, до запаса гвоздей включительно. Складом заведовал один из пяти братьев Данилова непризывного возраста. Другой брат находился при штабе полка, он с виду ничем не отличался от простого крестьянина, но ходил в мягкой шляпе и с зонтиком, своего младшего брата, но командира полка, он называл не иначе как «господин полковник». В обозе, кроме того, жили поправившиеся от ран, но потерявшие возможность служить в строю чины отряда. Так как их родина была занята красными, их единственным домом был полк. Все последующее наступление сделал с Даниловым, с которым благодаря его

трогательному отношению к батарее и ко мне лично у меня сложились чудные отношения. После каждого удачного дела он непременно часть добычи уделял батарее.

Около 4 часов утра, под дождем и в полной темноте, роты начали выстраиваться на дороге. Две роты красногорцев и такое же количество Темницкого полка только что прибыли из запасного полка и еще ни разу не участвовали с нами в боях. Стоя на куче щебня, Данилов их напутствовал в первый бой. В авангарде шел бывший батальон Джаврова (красногорцы), под командой капитана Васильева. Колонна двинулась по узкой песчаной дороге на Сабицу, весь путь был свободен, и лишь в версте от деревни нам пришлось остановиться, так как разведка обнаружила красную заставу. Местность была малоблагоприятная для нас – по обеим сторонам дороги тянулись болота, труднопроходимые и не дающие прикрытия движущейся цепи. Пришлось накопляться поодиночке, но, как только наша цепь закричала «Ура!», красные сложили оружие, сдалось 14 человек. На плечах отступающих красных красногорцы ворвались в деревню и заняли ее без потерь.

После двухчасового отдыха пошли на деревню Элемно. Шедший в авангарде 2-й батальон красногорцев снимал по дороге заставы красных в чухонских хуторах, разбросанных по всей дороге. Я догнал 2-й батальон под самой деревней Элемно у моста через речку того же названия. Здесь, вследствие вырубок, образовалась довольно просторная поляна, на которой я собирался поставить батарею. Позиция была мало удачная, слишком близкая от противника, она простреливалась ружейным огнем, и высокие деревья мешали стрельбе на близкие дистанции, но выхода не было. Действия 2-го батальона развивались медленно. Посланная в обход рота не нашла дороги, могущей вывести ее в тыл красных, болота и лес ограничивали действия узким дефиле по бокам дороги. В ожидании результатов действий вновь посланной роты, подошедший отряд сосредоточился у моста. В это время раздалось «Ура!», и, думая, что это начало атаки, мы бросились вперед, но оказалось, что 2-й батальон атакует лишь последнюю заставу перед деревней. Под сильным огнем противника наши залегли, а люди молодых рот Красногорского полка уткнулись носами в землю и, вероятно закрыв глаза, распластались на земле. Старые солдаты смеялись: «Совсем еще красноармейцы». – «Ничего, – заметил Данилов, – один-другой удачный бой – орлами станут».

С телефонистами начал прокладывать связь и, добравшись до наших цепей, залег у пулемета. Из цепи выносили тело смертельно раненного поручика Хрусталева. Никогда не

унывающий, веселый и остроумный, он всегда вносил комический элемент во все переживания походной жизни. После короткой агонии он скончался. Деревня Элемно была обнесена проволокой, и засел в ней какой-то коммунистический отряд, несмотря на обстрел артиллерией и пулеметами, он стойко оборонялся. С батареи мне сообщили грустную весть о ранении младшего фейерверкера Антонова, недавно прибывшего в батарею с сыном. Это был старый солдат, подтянутый и умевший и себя, и других держать в порядке. Я его назначил начальником обоза 1-го разряда, где у меня возились снаряды. Подвозя снаряды на батарею, он был ранен в грудь. Атака деревни в лоб нам была не под силу, оставалось действовать обходом, но для этого местность была весьма неблагоприятная. Но Данилов, боясь за судьбу посланных им на Поля рот, торопил красногорцев, а потому одна рота снова была послана попытаться обойти деревню. В этот момент огонь красных достиг невероятной силы, а затем мгновенно прекратился. По моим наблюдениям казалось, что красные оставили деревню, и действительно, посланная по моему настоянию разведка в деревне противника не обнаружила.

Уже начало смеркаться, когда отряд собрался в деревню. Отдохнув с полчаса, двинулись дальше по дороге, еле намеченной на карте пунктиром, но, по словам жителей, исправленной и расширенной красными. По девственному болотистому лесу эта дорога тянулась до самых Витчин, причем, кроме трех-четырех хуторов, на всем протяжении не было никаких населенных пунктов. В особенно топких местах был сделан настил из стволов, который был чуть шире колеи орудий. Опять на долю батареи выпал тяжелый переход по болотистой дороге. В полной темноте колонна наша вследствие тяжелой дороги и усталости лошадей страшно растянулась; повозки ломались, лошади падали, загромождая дорогу. Остановка одной повозки задерживала всю колонну, так как объехать ее не было возможности – рядом с дорогой начиналась трясина, по которой еле пробирались пешие, лошади же падали, вязли и вследствие утомления не могли больше подняться. Роты шли отдельными кучками, оставляя за собой пулеметные повозки. Так мы миновали два хутора, но останавливаться нельзя было, требовалась немедленная помощь ротам в Полях, с которыми не было никакой связи. Не доходя третьего хутора, разведчики остановились, впереди в лесу был замечен костер и сгрудившиеся вокруг него повозки и люди. Это была ночевка части красного обоза, отставшего от своих. Наконец, насквозь промокшие, мы дотащились до хутора и там остановились, люди падали от усталости. В единственной комнате хутора вповалку заснули, как только засыпают

беспредельно утомленные люди. Примостившись с Джавровым под столярным станком, я забылся сном часа на два и проснулся оттого, что нога спавшего на станке Данилова уж очень бесцеремонно задела меня по голове. Данилов проснулся одновременно со мной и поднял людей, чтобы идти дальше. За ночь отряд чуть-чуть подтянулся, но некоторые роты, батарея и обоз заночевали по дороге. Не выспавшись, дрожа мелкой дрожью, как это бывает, когда усталый выходишь на утренний туман, пошел дальше. Наконец добрались до хуторов в полутора верстах от деревни Витчины; находящийся там и бежавший при нашем появлении пост поднял тревогу, и наша разведка была встречена из деревни сильным огнем. Витчина была сильно укреплена несколькими рядами проволоки, и позиция обеспечена с флангов болотами и озером. Пока делали разведку и готовили атаку, прошло несколько часов. По распоряжению Данилова, получившего от штабс-капитана Андреева донесение о занятии Полей, батарея была отправлена туда, так как оттуда дорога на Красные Горы была несравненно лучше. Андреев доносил, что при занятии деревни Поля он захватил комиссара бригады, почти целиком команду связи и 17 телефонов (пять из них Данилов подарил батарее), перевязочный пункт. Командир бригады каким-то образом улизнул. Набег этот произвел на красных огромное впечатление, кроме сопротивления у Элемно и у Волынцев, они спешно отходили по всему фронту дивизии. Измученные ночным трудным переходом красногорцы действовали очень вяло, к счастью, красные очистили деревню без боя, потерявшие между собой связь части их бежали в панике.

Выехав вперед, я вдруг неожиданно встретил генерала Родзянко. На своей свежей породистой лошади он объезжал части и подгонял их. Я ему доложил о наших затруднениях, и мы одно время ехали вместе, и он мне рассказал последние новости. Затем, перепрыгнув через какое-то срубленное дерево (я на своей кляче, конечно, не последовал его примеру), он рысью поехал подгонять другие колонны.

Переночевав в очищенной от красных деревне, мы наутро двинулись дальше. Около деревни Сабы встретил Конную батарею, которая устанавливалась на позицию, готовя атаку Вятского полка на Красные Горы. Эта деревня, так же как и Заозерье на восточном берегу озера, была тоже сильно укреплена, и они составляли последние опорные пункты красных для защиты линии Варшавской железной дороги. После сильнейшего артиллерийского обстрела и одновременной атаки красногорцев на Заозерье и Вятского полка на Красные Горы большевики дрогнули и побежали.

С нашей колонной отсюда уже неотлучно шел и генерал Родзянко, крича и требуя движения вперед. Тут же мой брат сообщил мне, что, по всей вероятности, ему придется, вместе с Темницким полком, согласно плану наступления и после достижения нашими войсками линии Сиверская – Волосово, двигаться на Николаевскую железную дорогу, перехватить ее и мешать подвозу подкреплений красных из Москвы. Но затем это, по-видимому, предположение не было исполнено, и движение дивизии происходило по обеим сторонам Варшавской дороги прямо на Гатчину. Со всех сторон обвиняют Ветренко, что он, желая участвовать во взятии Гатчины, не исполнил это приказание. Многие указывают на этот факт как на одну из причин неудачи нашего наступления на Петербург. Я уже указывал на недисциплинированность как на одну из черт характера Ветренко, но эта черта была свойственна и не ему одному, а была общим для всей армии пороком. Большая доля вины лежит на нашем командовании, которое, перестраивая армию на регулярный порядок, слишком мало обращало внимание на вопрос дисциплины (история с присоединением к моей батарее второго взвода – разительный пример). Кроме того, забывают, что при дивизии неотлучно находился помощник Главнокомандующего генерал Родзянко, на которого вина в неисполнении плана наступления ложится сугубо.

После занятия Красных Гор вятцы были двинуты на Бежаны, но эта важная переправа через Лугу была занята лишь на другой день и не без помощи даниловцев, двинувшихся от Полей на Накол и переправившихся через реку.

12-го числа части дивизии пошли дальше по двум направлениям: даниловцы, вятцы и первый взвод моей батареи, переправившись у Бежан, должны были двигаться на станцию Мшинская, после занятия которой Вятский полк должен был дойти до деревни Лизеры, ведя разведку по линии железной дороги. Волынцы же двинуты были на станцию Преображенка, после занятия которой красногорцы поворачивали на юг с целью занять город Лугу, в случае же нахождения там 1-й дивизии – войти с ней в связь.

Весь день 12-го числа мы провозились на переправе. Из-за небольшого размера парома переправа шла очень медленно – в один раз на нем помещалось не более 4–5 лошадей. Кроме того, даниловцы ждали хлеб, который люди не видели уже три дня. Вообще, подготовка к наступлению была ниже всякой критики. При подготовке к наступлению естественно было бы отдать приказ о заготовке частями запаса продовольствия хотя бы дня на три-четыре. Однако это сделано не было, и полки двинулись в

наступление, имея при себе лишь носильный на людях запас, который быстро истощился, подвоз же по непроходимым дорогам и [при] нашем быстром продвижении был совершенно немыслим. А доказательством того, что этот запас можно было сделать, служила батарея, люди которой ни одного дня не сидели без хлеба. Все части, до занятия Гатчины, кормились по большей части от населения, лишь изредка и не полностью получая довольствие из тыла. При стоянии на месте такие временные займы возвращались, но сейчас, вследствие быстрого продвижения, это делать было невозможно.

Уже стемнело, когда мы двинулись. Легкий морозец поверхностно затянул грязь, так что, пока мы шли берегом, дорога была отличная, но зато дальше наше мучение возобновилось, особенно трудны были переправы через речки, как Кемка и другие.

Около часа ночи остановились – надо было дать передохнуть людям и лошадям. Развели костры, и люди легли прямо на землю, я лег тоже. Пошел снег, и, когда встали, все было бело, кроме мест, где лежали люди. Начало чуть-чуть брезжить, когда мы двинулись дальше, оказалось, что пройденная нами дорога была отлична по сравнению с той частью, которую нам предстояло пройти. Широкая просека, по которой мы шли, представляла собой сплошную кашу разбитой и разъезженной грязи. Лошади вязли по колено, повозки останавливались, в орудия приходилось местами впрягать по десять лошадей и с помощью роты солдат протаскивать через особо трудные места. Вскоре увидали брошенную телегу, принадлежащую двум ротам даниловцев, ушедших вперед с задачею перерезать Мшинскую ветку и Варшавскую дорогу. К довершению всех бед, из расспросов проводника выяснили, что наша дорога нас не выведет на станцию Мшинская, а к охотничьему дому в четырех верстах южнее станции.

С только что вернувшимся из госпиталя Жадимеровским, у которого рука хотя и зажила, но оставалась почти парализованной, мы шли во главе батальона с его командиром штабс-капитаном Рождественским. Не дойдя три четверти версты до железной дороги, наши разведчики неожиданно наткнулись на пост красных, которые быстро отступили, но, засев в окопах у охотничьего дома и поддерживаемые огнем бронепоезда, открыли огонь. Красноармейцы упорно оборонялись, для их сбития потребовалась высылка в цепь всех рот. Одновременно с сильным пулеметным огнем бронепоезд открыл огонь из трехдюймового орудия, снаряды которого ложились около вылезающей из грязи батареи. Положение моих пушек было не из приятных – об отходе

нечего было и думать, даже остановиться не было возможности, так как орудие могло затянуть в трясину. Мы переглянулись с Даниловым и поняли друг друга. Я приказал взводу продолжать движение вперед, но действовать пушки не могли, так как нас окружал высокий строевой лес. Выслушав доклад Рождественского об отправке в обход 4-й роты, Данилов приказал остальным ротам усилить огонь и готовиться к атаке.

Минуты тянулись для меня часами, где-то на юге слышна была артиллерийская стрельба, я понимал, что мое единственное спасение было присутствие здесь Данилова.

Не успела пешая связь передать приказание Данилова, как слева раскатилось по лесу до обходной роты. «Выдвигайте ваши орудия, – сказал Данилов, – придется обороняться против броневика». Передав приказание батарее, я побежал к железной дороге. Наши цепи подходили к ней. Кто-то крикнул: «Броневик», и все залегли, но тревога оказалась ложной. Я кричал: «Передавайте по цепи: артиллерия, вперед» – и вот из леса шагом показалось орудие, тщетно ездовые нахлестывали измученных лошадей, стараясь перевести их на рысь, кони, качаясь, еле-еле передвигали ноги. Вместе с цепями орудие выехало на полотно и снялось с передка на переезде. Я влез на крышу сторожки: «Прямой наводкой по дыму броневика» – и номера быстро начали наводить орудие. После нескольких моих выстрелов дым зашевелился. «Сюда идет!» – крикнул кто-то испуганно, но дым не приближался, а удалялся. «Уходит! – уже радостно кричали солдаты. – Даешь Петроград!» Пехота помогала нам, подносили снаряды, и одна за другой наши гранаты летели к красным. Как мне рассказывал начальник станции Мшинская, красные были уверены, что у нас появился бронепоезд, так как, зная состояние дороги, никак не могли поверить, чтобы артиллерия подошла со стороны Бежан.

Выслав связь навстречу идущим от Преображенской волынцам, мы прямо по полотну двинулись к Мшинской. К несчастью, высланные в глубокий обход роты даниловцев не попали вовремя, не взорвали полотна, и красный броневик успел удрать. Включившись в сеть телефона, начали подслушивать разговоры красных: выяснили, что приказано спешно эвакуировать все станции; комиссары жаловались на отсутствие связи и неустойчивость красноармейских частей. Единственными надежными были коммунистические части и отряд еврея Кроля, который был против нас и которого чуть не захватили при его отходе от Мшинской. Почти все взятые нами в этот день пленные были расстреляны, правда, большинство были евреи или рабочие, мало внушающие к себе доверие. Расстрелы у Данилова

происходили быстро и безболезненно для жертвы. Обыкновенно приговоренному и не говорили, с каким намерением его отводят в сторону, а выражение «отправить в штаб Урицкого» было им неизвестно. Отойдя несколько шагов, он получал 3 пули в спину и неожиданно для себя отправлялся на тот свет. Обыкновенно части предпочитали производить расстрелы тут же на месте. Выясненный опросом свидетелей коммунист расстреливался немедленно. В этом сказывалось чувство озлобления, которое все больше росло и с усилением террора большевиков укреплялось во всех антикоммунистических элементах. Расстрел коммуниста – была месть за тех, кто был зверски замучен и казнен его единомышленниками. Как мог иначе рассуждать и поступать крестьянин, разоренный красными и семья которого часто целиком перебита или рассеяна. Припоминаю разговор, слышанный при вступлении наших войск в только что занятую деревню. «Где отец?» – спрашивает солдат-белогвардеец у остававшихся при красных стариков. «Расстрелян». – «А брат?» – «Тоже». – «Жена где?» – «Вместе с матерью в Лугу увезена, говорили, тоже расстреляны». Молчание. «Ну а дом?» – «Сам увидишь». Дом был сожжен. Что делать такому человеку, как не мстить. В батарее брата был солдат по фамилии Гран, брат которого, большевик, выдал отца и родного брата коммунистам. У этого Грана было одно желание, как можно больше уничтожить красных, и действительно, он не пропускал ни одного расстрела и постепенно зверел. Раз, осенью, порученного ему для отвода в штаб коммуниста он за шею петлей привязал к седлу и три версты волочил по пахоте своего врага. Интеллигентные люди поначалу сдерживались, но вскоре, под влиянием обстановки, взгляд на ценность чужой жизни менялся, и убеждение, что «одним коммунистом меньше – свободнее на свете жить» заставляло разрешать вопрос в сторону расстрела. Да, по правде сказать, как может относиться человек к людям, единомышленники которых расстреляли всю семью. Кроме того, еще одно обстоятельство заставляло расстреливать в частях – это была известная нам мягкость тыловых учреждений, которые, в погоне за высшей справедливостью, миловали заведомых преступников. Примером может служить дело пособников Балаховича, дело которых рассматривалось без конца, пока они все [не] удрали в Эстонию. В результате все сроки, когда их казнь могла произвести впечатление, были упущены, и, кроме Стоякина, убитого «при попытке бежать», никто из них не пострадал. Эта бюрократическая формалистика и влияние на эти дела властелинов тыла, «общественных деятелей», заставляла прибегать к симуляции попытки бежать или расстрелу тут же на

месте. Наравне с коммунистами, нерасположением солдат пользовались евреи. Хотя в армии и были случаи службы евреев добровольцами, но случаи эти были крайне редки, я лично знаю лишь один. За кровавые дела своих соплеменников Троцкого, Зиновьева и комиссаров при карательных отрядах платились изредка попадавшиеся среди пленных евреи. Особенно их не любил Данилов. Под Мшинской против нас действовал еврейский отряд Кроля, и среди пленных были евреи. «Русский?» – спрашивает Данилов. «Русский». – «Какой губернии?» – «Гомельской» (?) – «А ну-ка, перекрестись». Молчание. «Уж я сознаюсь вам, вашеблагородие, я жид». – «Ну, ступай. К Урицкому», – тихо прибавляет он, обращаясь к конвойному.

Одновременно с занятием Мшинской, волынцы заняли Преображенскую, после чего красногорцы дошли до города Луги, который заняли почти без боя и передали его частям 1-й дивизии. Этим заканчивался период боев, выведших нас из глухих лесов Гдовского уезда на подступы к С.-Петербургу. Началась последняя фаза боев нашей армии с захватившими нашу родину коммунистами.

* * *

Наконец мы выбрались из болот, лесов и трясин, наконец прекратились мучения наших лошадей и люди смогут больше не месить грязь по колено, наконец наше наступление будет разворачиваться по шоссе. Хотя в каждом мускуле чувствовалась усталость, дух был бодр, и порыв наш не ослабевал. Еще предстоял прорыв укрепленной полосы перед Гатчиной, построение которой было начато еще во время войны с Германией и которая руками согнанного большевиками населения заканчивалась в 1918 году, когда ожидалось наступление германской армии на Петроград. Уверенность в занятии бывшей столицы Российской империи росла с каждым нашим успехом. Мои офицеры спрашивали меня, будут ли даваться отпуска после вступления в город, у каждого были или родные, или друзья, которых надо было посетить. Я предложил им жребием установить очередь. У меня лично не было полной уверенности в конечном нашем успехе, но я об этом, конечно, молчал. Необеспеченность нашего правого фланга и тыла частей, наступающих на город в северо-восточном направлении, была очевидна. Наше наступление было больше похоже на набег, чем на продуманное наступление. Но все же я верил, что Господь Бог даст мне и моей жене радость найти нашу семью и освободить ее из-под власти коммунистов.

Приказ по дивизии от 13 октября начинался так: «Противник в беспорядке отходит по всему фронту при малейшем нашем натиске. Лужская группа красных отходит на Новгород. Части 2-й красной дивизии отходят на Гатчину…» Волосово уже было занято нашей 2-й дивизией. Чтобы в полной мере развить наш успех, приказывалось: 12-му Темницкому полку, 1-й сотне ударной танковой сотни (личная пешая сотня генерала Родзянко, под командой ротмистра Арчаулова), 1-й легкой батарее (2 орудия) выступить в 5 часов утра и к вечеру 14 октября дойти до линии Рождественно – Сиверская. Главным силам: 11-му Вятскому, 53-му Волынскому, Конной батарее, Тяжелой батарее, взводу Легкой батареи и 1-му батальону Красногорского полка к вечеру того же дня дойти до линии Порушино – Торезево – Остров. Арьергард – красногорцы. Как видно, никакого намека на движение в направлении Николаевской железной дороги, вся колонна была повернута на север, передав город Лугу 1-й дивизии.

Но вследствие крайней усталости, мы опоздали с

выступлением. Все же люди полков слегка подкормились запасами, захваченными на Мшинской. Прибыв в Сирочкино в штаб Вятского полка, застал там обычную для него картину: помощник командира полка подполковник Худков[231] играл в карты с одним из чинов штаба, в шутливо-насмешливой форме беседуя с командиром полка полковником Бушманом[232]. На все мои расспросы об обстановке ничего не добился, Бушман мог мне лишь указать, что противник занимает деревню Ящеру, а роты вятцев «пытаются» наступать на деревню. «Попытки» эти начались с утра, но Бушман, привыкший к крайне «осторожным» действиям полка, не удивлялся тому, что эти попытки не давали еще никаких результатов. Не добившись ничего путного от Бушмана, выехал вперед, поставив батарею на позицию. Вправо и влево от шоссе тянулись болота, поэтому орудия были поставлены на обочине дороги. Скоро отыскал цепь Вятского полка и обнаружил заставу красных, которую батарее удалось сбить, но вятцы – не волынцы и вперед не двигались. Наконец я увидал на шоссе двигающуюся с тыла кучку людей, это были разведчики Волынского полка, которые, понукаемые Родзянко, подходили к цепям вятцев, за ними с песнями шел весь полк. Объяснив обстановку, я попросил офицера-разведчика своим продвижением подбодрить вятцев. С полверсты шли без сопротивления, прошли лес, из которого я выбил заставу, но, подходя к деревне, мы были встречены сильным огнем, но вскоре он прекратился, когда атакованные со стороны стеклянного завода красные бежали. В деревне началась полная неразбериха, вместо того чтобы преследовать противника, часть пулеметов начала обстреливать воображаемого противника, солдаты без руководства бродили по деревне, случайные офицеры не распоряжались, а почему-то обращались ко мне за приказаниями. Начали появляться пленные, которыми и занялись солдаты. Чтобы прекратить грабеж, пришлось пустить в ход нагайку – орудие, приобретающее свое старое значение в обстановке боя. Вдруг кто-то крикнул, что в северной окраине деревни задержалось 300 красноармейцев, немедленно все поджали хвосты. Но в это время колонна главных сил, снова построившись, начала втягиваться в деревню. Вперед вышла рота волынцев и бегом двинулась вперед, изредка останавливаясь и поливая огнем скрывающихся в опушке леса красных. Миновав почтовый двор, волынцы развернулись и цепью повели наступление на деревню Покровку, которая оказалась не занятой. Огонь красных все же не прекращался, так как часть их засела в господском доме вправо от дороги, так что, когда мой взвод вышел из деревни Ящеры, по нем был оттуда открыт пулеметный огонь. Благодаря распорядительности Квятковского,

который, невзирая на огонь, снялся с передков и открыл огонь, красные были принуждены отойти.

Вскоре в Покровку подъехал генерал Родзянко и штаб дивизии. Приказано было немедленно продолжать движение вперед: даниловцы, с личной сотней и моим взводом, по шоссе, волынцы с Конной батареей вдоль железной дороги. Тронулись дальше. Генерал Родзянко с находящимся при нем полковником Рыльским шел с нами. В длиннополой кавалерийской шинели, в сапогах «танках» (солдаты так называли тяжеловесные английские сапоги), Родзянко, не обращая внимание на стрельбу, пер вперед, пока не натыкался на нашу разведку, и тогда начинал ругаться, что медленно идут. Весьма общительный и очень мало дисциплинированный вольноопределяющийся моей батареи Никифораки (я о нем упоминал в первом моем очерке) неоднократно обращался непосредственно к помощнику Главнокомандующего для разъяснения своих политических сомнений. «Ваше превосходительство, – вдруг подлетал Никифораки к генералу Родзянко, – ведь вы не пустите в Петроград всю эту сволочь!» – «Какую сволочь?» – недоумевал генерал. «Да наше правительство». Чуждый тонкой политике Родзянко искренне высказывал свой взгляд на дело. «Конечно, не пущу», – успокаивал он Никифораки.

В это время уверенность в падении Петрограда была общая. Лишь один Данилов продолжал твердить, что взятие этого города никакой пользы нам не принесет, считая, что годного пополнения мы там не получим, а навяжем себе на шею голодное и извращенное городское население. Его заветной мечтой был поход на Псковскую и Новгородскую губернии, население которых нам, безусловно, сочувствует. Такой поход сильно бы пополнил ряды нашей армии, которую он считал недостаточно многочисленной для взятой на себя задачи. Но пока что наше движение совершалось настолько легко, что даже создавалось опасение, что солдаты, привыкнув к легким победам, не окажутся достаточно стойкими в ожидаемых боях у Гатчины. По расчету движения, мы не позже как 16-го должны были подойти к оборонительной линии у Суйды, в 8 верстах от Гатчины.

Уже совсем стемнело, когда мы заняли деревню Андреевку, где и заночевали. В 6 часов утра 15-го выступили дальше, и деревни Кузнецово, Порушино и село Рождественское занимались нами после коротких перестрелок. Захватывали пленных, голодные, они набрасывались на хлеб, проклиная коммунистов. Растерянность у противника чувствовалась и проявлялась с каждым днем все больше – все чаще попадались в наши руки отсталые части обозов и т. д. Главной причиной их паники была

быстрота нашего продвижения – Родзянко был прав, когда подгонял нас. Ночлег был назначен в деревне Сиворицы, до которой от Преображенского оставалось 12 верст. Характер населения сильно изменился, все больше чувствовалась близость Петербурга. Дачники из буржуев со слезами на глазах встречали наши отряды, и женщины крестили и благословляли нас. На ходу мы давали детям белого хлеба. Весь вид их говорил о страшных голодовках, которые им пришлось пережить.

С известием о занятии Волосова я начал разрешать отпуска уроженцам Петергофского уезда. Большинство из них уже получали сведения о преследовании их семей, арестах, отбирании скота, а потому, уходя домой, они захватывали с собой винтовки, чтобы на месте расправиться со своими врагами. Я поощрял такие настроения, думая хоть озлоблением пробудить в этом инертном народе волю к борьбе.

От Рождественского пошел с авангардом личной сотни генерала Родзянко. Непривычные к таким переходам люди сотни еле шли, но благодаря присутствию Родзянко, который неутомимо шел с авангардом, мы двигались безостановочно вперед.

Минуя Выру, Кривое Колено, мы вскоре подошли версты на три к Сиворицам. Тут нам удалось изловить местного деревенского милиционера, с красной звездой на фуражке и на груди, он, по-видимому, совершенно не ожидал нашего появления. По его словам, деревня и рядом с ней сумасшедший дом, помещающийся в усадьбе того же названия, были сильно заняты красными, были там и курсанты. Уже в полную темноту подошли к деревне, в ней было тихо, вправо ярко блистал электрическими огнями 3-этажный дом умалишенных, судя по огням, число построек было значительное. Устроили небольшое совещание с командиром сотни ротмистром Арчауловым. Вследствие болезни своего младшего офицера, он оставался в сотне один, наличие же охраны в усадьбе заставляло произвести атаку на деревню и усадьбу одновременно. Решили, что я возьму 12 человек сотни и пойду на господский двор, а Арчаулов с 30 стрелками будет атаковать деревню. Хозяин ближайшего хутора был у меня проводником. По дороге, не останавливаясь, разъяснил людям нашу задачу. Желая использовать неожиданность нашего нападения, я им приказал не увлекаться бесцельной стрельбой, а, дав два выдержанных залпа, бросаться на ура. Но люди меня не знали, не знал и я их, а потому я волновался.

Пройдя около 2 верст по непролазной грязи, начали подходить к усадьбе. «Здесь, – говорил проводник, указывая на

постройки, – живут рабочие, там начинаются павильоны для больных и персонала». – «Сколько их?» – «Около десяти. А там вон главное здание, трехэтажное, вправо электрическая станция, потом контора, канцелярия, конюшни и сараи около скотного двора. Сегодня было приказано начать эвакуацию зерна. Подводы согнали во двор». «С чего начать?» – думал я, пока подтягивались люди. Я решил, что единственно, где может быть охрана, это на электрической станции и в главных зданиях, вряд ли красные стали бы оборонять умалишенных. Кроме того, ввиду малочисленности людей, решил держать их всех вместе, не выставляя постов. Подошел к электрической станции, когда я вошел, рабочие на мой окрик подняли руки, тут охраны не оказалось. Взяв одного рабочего как проводника и заложника, пошли дальше. Рабочий мне сообщил, что комиссар уехал сегодня утром, узнав о нашем приближении, охрана же есть только у телефона в здании конторы. Туда мы и направились. Перед домом, бывшим господским (имение будто бы раньше принадлежало Львовым), расстилался большой круг, на котором были видны следы клумб. Несколько ступеней подъезда были ярко освещены. Ничего не подозревавшие красноармейцы охраны не сразу сообразили, в чем дело, когда я вошел в просторную переднюю, из которой в этаж поднималась широкая лестница. Выставив на крыльце пост, которому было приказано останавливать и временно задерживать всех проходящих, начал осмотр дома. Кроме доктора и персонала, состоящего главным образом из евреек, никого подозрительного здесь не было. По сытым лицам кудрявых «сестричек» было видно, что персонал мало страдал от голода. Комиссар действительно уехал в тот день утром. Продолжая обход помещений, дошли до усадебных построек, в темноте можно было различить крестьянские повозки, собранные здесь для эвакуации запасов зерна и фуража совхоза. Захватив для батареи 7 лошадей из местной конюшни, двинулся в обратный путь. Идти на деревню я не решился, боясь столкнуться с людьми Арчаулова, а пошел обратно на шоссе. Там встретил Родзянко, которому доложил о результатах моей экспедиции, и быстро поехал дальше, чтобы занять бивак для батареи.

За это время Арчаулов, сняв сторожевое охранение красных, без выстрела ворвался в деревню и очистил ее от противника. Так он доложил Родзянко, но очистка была относительная, красные частью разбежались, но частью еще оставались в деревне. Несмотря на это, наши части, усталые и голодные, спешно располагались на квартиры. При этом происходили забавные сценки. Жадимеровский, идя от взвода в офицерский дом, встретил пять человек с винтовками: «Какого полка?» – «Первого

запасного», – отвечают они. «Какого первого запасного?» – «А красного, из Петергофа пришли». – «Что вы тут делаете?» – «Сдаваться идем». – «Идите туда, в том доме штаб». Других просто гнали прочь: «Да идите вы к черту, куда вас девать, идите в штаб!» Красные шли покорно сдаваться в белый штаб.

16-го утром было предположено атаковать укрепленную позицию, которая в этом месте проходила в полутора верстах от Сивориц. Когда накануне вечером я вошел в отведенный офицерам дом, еще не все спали, и Лион мне указал на кушетку, покрытую простыней и приготовленную хозяйкой для меня. Я заснул как убитый, и только проснувшись на другое утро, заметил, что ложе мое пахнет какой-то кислятиной. Во время утреннего чая разговорился с хозяйкой, и она мне со слезами рассказала, что на этой кушетке недавно умер ее единственный сын от тифа. Через несколько дней это на мне и сказалось.

Ожидая выступления пехоты, мы выбрали позицию для всей батареи, так как накануне ко мне присоединился, вернувшись из Луги, мой 2-й взвод. Я стоял на шоссе и изучал расположенные по гребню окопы и считал ряды проволоки, позиция была, по-видимому, серьезно подготовлена. В это время мы увидали спускавшиеся с бугра крестьянские повозки, они возвращались домой из Гатчины, мужики сообщили нам, что окопы не заняты красными. Оказалось, что еще ночью волынцы заняли село Воскресенское на шоссе Сиверская – Гатчина. Таким образом, великолепно укрепленная позиция у Гатчины была сдана без боя, и двери к Петрограду были открыты для нас.

Все же мы двинулись дальше с большим опозданием, люди были сильно утомлены. Через три версты мы наконец увидели Гатчину и одновременно заметили дымки поездов, уходящих в сторону Петрограда и Тосно со станции Гатчино-Варшавская. Прибавили ходу, и батарея, запряженная свежими лошадьми, покатила на рысях по шоссе. Орудия поочередно перекатами снимались с передков и обстреливали уходящие поезда, другие же, перегоняя друг друга, опережали стреляющее. Таким образом, подошли к городу на две версты, дальше надо было быть осторожными, так как появился красный броневик. Все же благодаря панике и частичному разрушению полотна красные оставили на станции пять паровозов и порядочное количество вагонов. Даниловцы заняли деревню Колпаны и приостановились. Город был занят немногочисленными курсантами и 1-м запасным красным полком. В это время слева к нам подошли разведчики Семеновского полка во главе с Навроцким, который через несколько дней был убит под Царским Селом. Левее нас на Гатчину шел Семеновский полк.

Почти одновременно на автомобиле подъехал Родзянко и приказал двигаться вперед. «Что вы ждете, – кричал он, – опять будете в темноту занимать город, надо идти вперед!» Выслали разведку и двинулись дальше. Короткие осенние сумерки уже наступали, когда мы подошли к полотну железной дороги. Подбадриваемые Родзянко, части шли одна за другой и начали втягиваться в город. Шли с песнями. Красивый тенор в личной сотне Арчаулова затянул: «Взвейтесь, соколы, орлами…», даниловцы запели: «Во ку-, во кузнице…», а мой неугомонный Никифораки выводил: «То не тучки, тучки понависли, на поле пал туман, скажи, о чем задумался, скажи нам, Гершельман…» Меся большими шагами грязь, под дождем с головной ротой шел Родзянко. Неожиданно из канавы, из-под самых ног его раздался выстрел, несколько человек бросились туда и извлекли дрожащего от страха красноармейца, который сообщил, что в доме сидят двое курсантов. «За мной!» – крикнул Арчаулов и ринулся в дом, вскоре оттуда с криком и бранью извлекли еще двоих людей.

В этот момент из темноты вынырнул командир 4-й роты, бывшей в разведке. «Тише, ради бога, тише, – шепотом молил он, – наткнулся на курсантов, сейчас их атакую. Не дай бог, огонь откроют – всю колонну перекосят». А ничего не подозревающие полки продолжали с песнями втягиваться в Гатчину. Впереди пылал пожар, говорили, что это горело собрание Кирасирского Ея Величества полка, где помещался совет собачьих депутатов. На пролетке подъехал Данилов. Ко всей этой неразберихе – тьма осенней ночи и мелкий нудный дождь. Поставив трех разведчиков в ближайший двор и видя, что очищение города от противника может затянуться, я приказал батарее отойти немного назад и встать на ночлег в деревне Копаны. Ночевать с пушками в незнакомом и еще не вполне занятом городе мне не улыбалось.

Зашел в дом, где временно поместились Родзянко, Рыльский и Данилов. Скоро раздалось «Ура!» 4-й роты, которая штыками рассеяла курсантов, не успевших приготовиться к обороне. Хозяйка дома тщетно хотела нас соблазнить испеченными ею из картофельной шелухи лепешками и чаем, настоенным на тут же на стене сушившейся траве; пара бледных детей сидела на скамье и с испугом прислушивалась к ружейным выстрелам. Рядом в избе Никифораки попал в объятия какой-то старухи, которая при виде его погон непременно хотела его поцеловать.

Одно за другим приходили донесения о постепенном очищении города. Входит доброволец и докладывает: «Почти уже доехал до вашего дома, как встретил человек сорок, кричу «Кто идет?» – но и офицеры. В бедных окрестностях Петербурга было

мало что грабить, но когда мы покидали Гатчину, упорно ходили слухи про одного штабного офицера, который будто бы увез ценности из местного дворца. У себя в батарее я всячески боролся с грабежом и должен сказать, что мои люди в этом отношении держали себя прилично.

На другой день с утра 2-й взвод выступил с Вятским полком. Согласно вечерней сводке, противник начал оказывать сопротивление, и огонь его броневиков наносил сильный урон не только пехоте, но и нашим батареям. 18-го выступили из Гатчины в направлении на Павловск даниловцы, волынцы и Конная батарея. Красногорцы с моим 1-м взводом двинулись по Тоснинской ветке с целью захватить Тосно и Вырицу и прикрыть наш правый фланг. 4-я рота красногорцев дошла до Вырицы, где захватила два воинских эшелона (около 300 человек), при этом один из них был вызван с соседней станции по телефону. Там же был пленен и пассажирский состав. Благодаря помощи местного населения, красногорцы успешно удерживали свой район. Партизанскими набегами они уничтожали отдельные отряды красных, не давая им сосредоточиться. В то же время 1-й батальон красногорцев продолжал свое продвижение, но дошли они лишь до станции Владимирская, так как у Лисина уже сосредотачивались московские курсанты. Все же благодаря болотистой местности им удалось там удержаться, успешно отражая все атаки красных. За время стояния у Вырицы 2-й батальон сильно разросся, благодаря постоянному притоку добровольцев, кроме того, на лесных и торфяных разработках скрывалось несколько офицеров. В отличие от этой лесистой и болотистой местности окрестности около Петербурга не давали никаких преимуществ.

При наступлении волынцев, даниловцев и вятцев на Павловск, они особенно упорное сопротивление встретили у Царской Славянки. Прибывшие из Петрограда свежие коммунистические и курсантские части не только оборонялись, но и пытались переходить в наступление и яростные атаки. Находившийся на северной оконечности деревни Царская Славянка дворец несколько раз переходил из рук в руки. Верхами, комиссары револьверами и нагайками подгоняли цепи и как звери лезли на наши части. Но все же они успеха не имели благодаря отсутствию у них артиллерии и кипучей энергии Ветренко, который вместе с Даниловым лично водил цепи в атаку. Для поднятия духа нашей пехоты пришлось орудия 2-го взвода выкатывать прямо в цепи и тащить их непосредственно за продвигающейся пехотой. После первых же боев сказался недостаток снарядов, так, например, у Царской Славянки мой 2-й

взвод выезжал на открытую позицию, имея всего-навсего 8 снарядов. Счастье, что красные не выдержали меткого огня взвода и отошли. Вспоминая этот бой, Ветренко говорил Лиону: «Помните, как я ваши пушки вместо пулеметов за цепью тащил!»

Командиры моих взводов слали мне отчаянные донесения с просьбой выслать им поскорее снаряды, но на все мои требования из склада отвечали, что снарядов нет. Говорили, что на днях будет готов мост в Ямбурге, и тогда все будет. Но в отсутствии снарядов был виноват не только мост, который наши инженеры, за отсутствием материала, достроили лишь к моменту начала отступления нашей армии. Вина в недостатке снарядов лежала целиком на нашем гнилом и неустроенном тыле. Мне передавали, что наш тыл начал готовиться к наступлению лишь тогда, когда наши части, сломив сопротивление красных, перешли Лугу и подходили к Гатчине. Когда части требовали боевое снаряжение и продукты, оказалось, что ничего не было подготовлено, что все надо было еще собирать, а тут еще этот мост, который никак не могли починить. Все же, еще не истощенные наши части продолжали сламливать теперь уже серьезное сопротивление красных и шаг за шагом продвигались вперед. 21-го было занято Царское Село Талабским полком, и одновременно наша дивизия заняла Павловск.

Температура у меня подкатывалась к 40 градусам, но никто не догадывался, что у меня тиф, а потому меня пичкали жаропонижающими, которые, конечно, не могли сбить жар. Совершенно неожиданно в Гатчину со своим санитарным отрядом приехала жена. Я не мог встать, а в то же время, после занятия Царского, являлась возможность снестись с нашей семьей. В свое время мы имели через Финляндию сообщение, что старшая сестра жены вместе с нашей дочерью Иринкой из Киева перебрались в Петроград и жили в Царском. Туда на извозчике был послан Званцов. Он вернулся с грустным известием, что сестра жены с нашей дочерью за три дня до занятия нашими войсками Царского Села вернулась к матери в Петроград.

Продвижение наших войск становилось все затруднительнее, и не столько из-за растущего сопротивления красных, сколько из-за отсутствия снарядов на батареях и патронов в ротах. Так, после занятия Павловска и закрепления севернее его, батальон волынцев был двинут на Колпино, занятие которого давало нам в руки Николаевскую железную дорогу. Одновременно взрыв моста на Ижоре лишал бы красных возможности подвозить подкрепления из Москвы. Но, под ой-дя почти вплотную к Колпину, волынцы были принуждены отойти, так как расстреляли все свои патроны, а подвоза не было. Оставалось им лишь издали

любоваться, как один за другим красные эшелоны подходили из Москвы, все более и более увеличивая перевес красных сил на нашем фронте.

Одновременно с переброскими из Москвы, красные подвозили части с Карельского перешейка и с Северного фронта. Конечно, наступление незначительного отряда ингерманландцев под командой полковника Эльвенгрена на Токсово не могло создать серьезной угрозы Петрограду с севера, а поэтому для ликвидации нашей группы красные не побоялись обнажить все фронты на севере. До сих пор остается загадкой, почему генерал Юденич поскупился уступкой Карелии добиться активного участия Финляндии в нашем наступлении на Петроград. Из достоверных источников знаю, что при более удачном ведении переговоров это было бы возможно. В таких случаях надо идти на все, лишь бы главная цель была достигнута.

Итак, красные сосредотачивали все большее и большее количество войск против нас, число их дошло до 53 тысяч. Вместе с тем, за неимением достаточного количества технических средств для борьбы с их броневиками, без снарядов и патронов, наши части были принуждены остановиться, а одновременно с нашей остановкой инициатива действий перешла в руки противника. Поэтому весь последующий период боев под Петроградом свелся для нас к отражению наступательных действий красных. И повторилось то, что было уже раз во время нашего весеннего наступления: не имея резервов, нам для ликвидации наступательных успехов красных приходилось снимать части с фронта. Но как снять уже введенные в бой части, чем их заменить при больших потерях последних дней?

Первый удар красных был направлен на наш левый фланг, который, собственно говоря, из-за наличия Красной Горки висел в воздухе. Наши броневики в этом направлении доходили до Лигово и захватили даже трамвай городской железной дороги, но фактически левый фланг наш опирался на Ропшу. К счастью, эстонские части, не принимавшие до этого времени участия в нашем наступлении, наконец двинулись. Энергичной атакой они опрокинули обходную колонну красных, опиравшуюся на Петергоф – Красную Горку и двигающуюся на Гостилицы – Кипень. Большевики временно отказались от своего плана, а эстонцы, продолжая свое наступление, окружили полукольцом форт Красной Горки.

Наши атаки под Царским продолжались, и к вечеру 23-го 2-я дивизия начала угрожать Пулкову, но в это время Вятский полк, не вы держав атаки красных на линию Павловского парка, бежал в направлении на Царское Село, создавая панику в тылу

наступающих частей 2-й дивизии. Как следствие этого прорыва, Павловск и Царское были нами очищены, и, несмотря на поддержку прибывших танков, наши части не смогли восстановить положение.

Контратаки красных усиливаются благодаря вновь прибывшим к ним частям. Нами оставляется Красное Село, и мы были принуждены отойти ближе к Гатчине, сначала к Онтолово, а затем на линию Петелево – Верево – Н. Бугор – станция Владимирская. К этому времени для укрепления нашего фронта и для создания маневренной группы из-под Луги была вызвана 1-я дивизия. Для ликвидации же нового обходного движения нашего левого фланга красными с фронта снимаются Талабский и Семеновский полки, которые вместе с конноегерями и Конным полком Булак-Балаховича[233] (Юзика) успешно ликвидируют обходное движение и в результате нескольких дней боев заставляют красных отойти почти к самому Красному Селу. Одновременно с обходным движением нашего левого фланга, красные продолжают упорные атаки по всему фронту. Позиции по несколько раз в день переходят из рук в руки. Несмотря на подход 1-й дивизии, отсутствие резервов продолжает чувствоваться, поэтому штаб решается вызвать одну бригаду 4-й дивизии, заменившей около Луги места 1-й. Таким образом, укрепляя одно место фронта, мы ослабляем другое. При перевесе сил противника это не могло не сыграть роковую роль в исходе нашей операции. Действительно, с приходом подкреплений (к 30 октября) мы утвердились, но зато наш правый фланг, имеющий особое значение, принимая во внимание, что вся наша операция носила характер флангового марша, сделался крайне слабым. Достаточно сказать, что на всем протяжении от Чудского озера до правого фланга нашей группы у Вырицы стояло всего-навсего: Отдельная бригада, Запасный полк 2-го корпуса и одна бригада 4-й дивизии. При таком положении всякое движение красных от Пскова, или от Струг Белых, или из района Луги выходило в тыл группы, стоящей на подступах к Петрограду.

К 23 октября я настолько оправился, что смог встать, но сильная слабость мешала мне сразу вернуться на батарею. Пошел в штаб 1-го корпуса, который помещался в здании гимназии. Все работающие там офицеры не спали несколько ночей, бледный и измученный Неведомский, к которому я зашел, сильно осунулся за это время и на мой вопрос: «Как дела?» – отвечал: «Не выгребаем!» – и перечислил все трудности работы: неналаженность тыла, который не смог вовремя поправить мост через Лугу, из-за этого отсутствие подвоза боевого снаряжения войскам, не говоря уже о населении Гатчины, которое ничего не

получало уже несколько дней. В только что начавшей издаваться в Гатчине приехавшим с юга бывшим атаманом Войска Донского Красновым газете «Приневский Край» Куприн советовал жителям затянуть еще на одну дырочку свои кушаки и вооружиться терпением. Но жители уже давно только этим и занимались, что постепенно все больше и больше затягивали свой кушачок. Для многих долгожданные белые войска не принесли с собой ожидаемого хлеба, уверенности же в своей безопасности тоже не было. Всякое колебание фронта немедленно становилось известным в городе, часто сея панику среди населения. Особенно печальна была картина, когда через город бесконечной вереницей потянулись обозы беженцев из оставляемых нами Царского и Павловска. Лишь под самый конец нашего пребывания в Гатчине американским Красным Крестом было налажено питание детей. «А где же английский обещанный флот?» – допрашивал я Неведомского, он лишь махнул рукой. Англичане снова, и не в первый раз, оказались изменниками, вполне сознательно посылая на истребление своих недавних союзников. Неудача нашего «набега» на Петроград становилась ясной, главной причиной того, что мы не «выгребали», было отсутствие резервов, которые мы могли бы противопоставить напирающим лавинам красных. А откуда было взять эти резервы?

В местном соборе шла служба, после которой священник сказал «нейтральную» проповедь, чувствовалось, что люди, не могущие с нами уйти, боялись открыто выражать свои чувства. В церковной ограде виднелись две свежие могилы, украшенные белыми цветами. На одном из крестов значилось имя убитого под Царским Навроцкого. Рядом с ним безымянная могила графа Павла Шувалова, убитого в рядах Талабского полка там же. Я его помнил студентом в Петербурге, в первое время эмиграции он сразу начал работу по созданию антибольшевистского фронта. Сознание, что эти жертвы напрасны, что эти люди погибли зря, меня грустно настроило. По улицам заметно было оживление, присущее всякому месту, где сосредоточивался тыл армии. Кроме возникшего управления генерал-губернатора (генерал Глазенап), местного комендантского управления, в Гатчине оказалась неизвестно для чего созданная «комиссия по сбору трофеев» (генерал князь Оболенский[234]) и другие организации, роль которых мне была вовсе неясна. Такие учреждения были прямо вредны, давая возможность нежелающим сражаться – отсиживаться в тылу. Количество лиц, прибывших «на фронт» со специальной целью участвовать в нашем победоносном шествии на Петроград, было настолько велико, что конвойная рота штаба была вся в разгоне по всевозможным почетным караулам и

постам. Все это дало возможность эстонским и красным газетам издевательски объяснять наши неудачи присутствием 53 генералов в армии, насчитывающей 20 тысяч штыков.

25 октября выехал на 2-й взвод батареи, расположенный у деревни Малое Руссолово, наши части тогда только что отошли от Царской Славянки и стали на позиции перед Гатчиной. Пренеприятное ощущение въезжать в сферу огня без определенного дела и когда не знаешь обстановки. Большинство наших батарей поддерживало редкий огонь, противник отвечал тем же. Свернув от Романовки с Царскосельского шоссе на Павловское, въехал в деревню Горки, где встретил Данилова, наблюдающего за постройкой моста через Ижору у Большого Руссолова. «Для ваших пушек мост строю», – сказал он мне. «Благодарю, господин полковник, мост здесь совершенно необходим. Если противник займет Новые Бугры, и мои пушки, и пехота будут отрезаны и могут быть загнаны в воду». Расспросив его о положении на фронте и состоянии полков, узнал мало утешительного. Хотя новая позиция очень удачна, но зато количество штыков сильно поубавилось, особенно большие потери у волынцев из-за отсутствия снарядов и патронов, полки сильно потерпели от броневиков. «Хотел, забрав одну из своих рот, идти в Гатчину наводить порядок в тылу, – продолжал Данилов, – и заодно повесить Сулковского за нераспорядительность, из-за которой мы потеряли столько людей». В кратких словах он мне рассказывал о боях под Царским, о геройских и неравных схватках на подступах к Петрограду, стоивших столько лучших жизней. Он мне говорил, что на одном из совещаний кто-то ругал артиллерию за слабую борьбу с броневиками, но представители 3-й дивизии заявили, что своими батареями они вполне довольны. Данилов еще раз мне пересказал о действиях Лиона под Царской Славянкой, о сбитии Жадимеровским прямой наводкой пулеметов красных и о лихом поединке орудия Конной батареи с красным броневиком «Черномор». Губительным огнем бронепоезда наши части были сбиты со своих позиций и, кроме одной роты даниловцев, бежали. В это же время наши две батареи, за отсутствием снарядов, молча наблюдали, как в упор расстреливались наши роты. Все побежало. Но в это время из Гатчины на грузовике прибыла незначительная партия снарядов. На галопе выдвинутое орудие Конной батареи открывает огонь прямой наводкой, броневик отходит и положение восстанавливается. Больно и стыдно было слушать повествование о том ужасном положении, в котором очутилась армия вследствие недостатка подвоза, а поэтому неудивительно, что строевое офицерство, на глазах которого гибли лучшие люди

и сотоварищи, кричало об измене. Действительно, то, что творилось в тылу, и бездействие начальства для искоренения этого зла было близко к измене.

Во взводе меня встретил Лион. Раненый несколько дней тому назад Андреев был эвакуирован в тыл. Жадимеровского я отправил в тыл отдохнуть, так как нестерпимая боль раненой руки не давала ему покоя ни днем, ни ночью. На взвод был прислан новый офицер, поручик Степанов, вскоре откомандированный по моей просьбе в другую батарею, как малопригодный офицер. Он принадлежал к партии офицеров, высланных на фронт после чистки тылов, произведенной особо назначенной комиссией. Кроме множества укрывшихся сухопутных офицеров, в тылу было сосредоточено порядочное количество морских офицеров в так называемом морском управлении, флот же весь состоял из одного «Китобоя». Лучшие элементы, конечно, нашли себе применение, служа на бронепоездах, а также в полевых штабах и пехотных частях, но большинство пребывало в тылу. На участке перед взводом часть позиции занимал недавно сформированный в Гдове Печерский полк, в его ряды были влиты и некоторые моряки. Формирование полка было еще, собственно говоря, не закончено, командный состав, мало подготовленный и незнакомый с подчиненными, был не на высоте. Кроме входившего в него так называемого «французского легиона», эта часть никуда не годилась. Наличие таких полков надо учитывать при желании доискаться причин наших неудач под Петроградом. Непонятно было также, отчего люди легиона, прибывшие, правда, из Франции, продолжали именовать себя «легионом» и носить французское обозначение чинов и званий.

Взвод стоял у Малого Руссолова, наблюдательный пункт был в Пеггелеве. С утра вместе с Лионом пошел в Пеггелево, чтобы сменить Степанова и ознакомиться с расположением наших частей на фронте. При нашем подходе к деревне противник открыл огонь, но мы все же благополучно дошли до наблюдательного пункта, где нашли Степанова.

Наши части, как я уже указывал, лишь накануне вечером заняли новые позиции, а потому лишь сегодня можно было ожидать более или менее серьезных действий на нашем фронте. Действительно, уже с утра начался обстрел позиций волынцев на нашем правом фланге, в достаточной мере досталось и нам – снарядами был пробит дом и поврежден двор нашего наблюдательного пункта, все же нам удалось работать весь день и удачным огнем умерить пыл красных батарей. Позиции наши, в сущности, были великолепные, и, не будь нашей

малочисленности, они могли быть нами превосходно обороняемы. Первый день прошел вполне благополучно, но утром следующего дня вятцы были сбиты со своего лесного участка правее деревни Новые Бугры на левом фланге нашей дивизии. Отдельные группы людей быстрым шагом, стараясь избежать своих и чужих офицеров, уже шмыгали мимо батареи. Многие, по-видимому пытавшиеся переправиться вброд через Плюссу, были мокрые по пояс и измазаны речным илом. Выставив конный пост в сторону леса, на рысях поехал в Горки к Данилову, это было около 7 часов утра. Там Данилов уже принимал свои меры; его конные разведчики, рыская по полю, ловили беглецов, кого-то уже успели расстрелять, несколько человек уже выпороли, а главное, стоящая в резерве рота была послана для восстановления положения, и действительно, положение было восстановлено и захвачено несколько пленных. Попытки красных наступать на других участках успеха не имели, но главный удар их, по-видимому, предполагался на позицию волынцев у шоссе.

29-го числа, прорвавшись на правом фланге расположения волынцев, красные обошли 2-й батальон и ударили по 1-му, стоявшему в резерве, батальону. Стоявшая неподалеку Конная батарея еле унесла ноги. В это время мы с Даниловым обходили расположение полка, перестрелка у волынцев нас мало беспокоила, мы не учитывали их потери и забывали, что это были не старые волынцы. Взволнованный телефонист прибежал сообщить, что волынцы отступают и красные атакуют правый фланг расположения даниловцев. Отдав распоряжение об усилении этого фланга, Данилов через Малое Руссолово, мимо взвода, выехал на шоссе, я поехал с ним. При мне, кроме Званцова, было еще трое конных разведчиков. По шоссе, в полном беспорядке, кто рысью, кто шагом, крича и обгоняя друг друга, драпали повозки обоза волынцев. Бежали пешие люди, многие уже без винтовок. При помощи моих разведчиков я стал заворачивать пулеметные повозки и отдельных людей, таким образом медленно подвигаясь к линии цепей. Впереди батареи лежала жидкая цепь 1-го батальона. Командир 3-го батальона Павловский тщетно старался собрать своих людей. 2-й батальон сильно пострадал, в 6-й роте осталось человек 10–15. Красные заняли деревню Луково и, засев в крайних домах, обстреливали нас. По шоссейной канаве вместе с капитаном Васильевым вылезли вперед. Отдельных людей у красных видно не было, но по выстрелам можно было обнаружить, где они засели. Кое-как наладив связь со взводом, открыл огонь. «К вам на помощь идем», – с улыбкой сказал мне солдат, согнувшись, тащивший пулемет. На скорую руку установив его, пулеметчики начали

обстрел. Одновременно 1-й батальон даниловцев начал свое наступление из-за правого фланга своего расположения. Местами красные подались назад, но восстановить положение не удалось. Ночь была тревожная. Мост у Большого Руссолова оказался сломанным, всю ночь его чинили, и только с зарей нам удалось перевезти орудия на другой берег, так как старая позиция вследствие описанной неудачи была небезопасна.

30-го был предположен контрудар на Луково. С утра обе батареи гвоздили деревню, но только днем, с приходом броневой машины, нашим цепям удалось занять деревню, захватив несколько пленных курсантов и 8 башкирских лошадей. Но не успели наши части закрепиться, как были выбиты контратакой красных. Снова занять деревню не удалось, так как броневик уже ушел и вернуться не смог. К сожалению, у нас в армии было очень мало бронемашин (всего две), между тем они могли бы быть большой помощью при наступлении. Насколько танки, из-за своей малой подвижности, были мало пригодны для нашего «киргизского» (как выразился один англичанин) ведения войны, настолько броневые машины могли сыграть огромную роль при нашем продвижении ввиду наличия хороших дорог в окрестностях Петербурга. Присланные из Англии танки, не говоря уже о скверном их качестве, мало были пригодны вследствие своей неспособности проходить большие дистанции. За все время большие танки участвовали лишь раз в бою – при втором наступлении на Царское Село. После стоверстного похода всю машину пришлось разбирать. Сделав наступление на Царское и обратно, танки были увезены в тыл и больше в боях не участвовали. Великолепное оружие при позиционной войне, танк мало применим в войне полевой, и в особенности при наших полукустарных действиях, когда подвижность является важнейшим требованием боя.

Одновременно у Нового Бугра, дома которого были видны от Руссолова, происходила подготовка атаки 4-й дивизии на незадолго перед этим занятые красными окопы. Собравшись в штабе Волынского полка, Ветренко, Хомяков, Данилов, мой брат (26-го легко раненный в руку, пока выносил раненых прапорщика Унковского и телефониста) и я обсуждали новую линию, занятую дивизией в результате последних боев. Хомяков умолял уменьшить его участок, ссылаясь на то, что некоторые его роты совершенно уничтожены. Офицеров нет, убыль огромная. Он просил дать ему в виде пополнения мобилизованных в Гатчине, сводимых в то время в Гатчинский полк. Присутствующие указывали, что, хотя красные продолжают свои атаки, но напор их как будто ослабел, это объяснялось, по-видимому, теми

колоссальными потерями, которые они понесли. Так, один из московских курсантских полков, пришедший в составе 1500 человек, к сегодняшнему числу, по словам пленных, насчитывает лишь 106 бойцов. Потери красных доказывались еще и тем, что отдельные части у них сводились в одну, например, 40 взятых в Лукове пленных принадлежали к восьми различным частям.

Вошедший начальник команды связи доложил, что на шоссе творится что-то странное, мы вышли посмотреть. У Нового Бугра перестрелка усиливалась, и наши части, казалось, отходили, одновременно по шоссе к нам шла какая-то толпа, над которой развевались белые знамена. Мы недоумевали, и лишь полученная из соседнего штаба телефонограмма разъяснила наше недоумение, в ней читалось: «Части Вознесенского полка атаковали Новые Бугры, но, отбитые огнем противника, отошли в исходное положение. Во время отхода к ним присоединилось 400 человек Петроградского рабочего полка».

Положение нашей оборонительной линии было подобно туго натянутой нитке, которая непрестанно рвалась в различных местах. Пока что удавалось вновь соединить концы и связать их в узелок, но каждый такой узел – восстановление положения – стоил нам жизней лучших и быстро убывающих офицеров. Посланная на поддержку соседней дивизии рота даниловцев чуть не попалась вся в лапы красных, командир роты поручик Крылов[235] вырвался уже из рук ведущих его красноармейцев. Две вновь сформированные роты даниловцев бежали на другой день со своего участка, не выдержав атаки красных, и бросили два пулемета. Вследствие отсутствия теплой одежды, солдаты не выдерживали бессменного сидения в окопах и, оставляя в них часовых, старались согреться в ближайших домах. Под личным руководством Данилова положение было дважды восстановлено, но эти операции стоили 5 офицеров убитыми и несколько десятков солдат. Наши силы таяли, а пополнить их было нечем.

К вечеру того же дня в Руссолово прибыл капитан Свежевский со взводом вновь сформированной и впервые появившейся на фронте 1-й батареи 3-го дивизиона. Командовал батареей капитан Иоммерт[236]. Свежевский был назначен помощником командира дивизиона – неизвестно для чего, вероятно вследствие «избытка офицеров», созданная должность. Командиром дивизиона был подполковник Винокуров[237]. Бушэн, исполняющий должность командира несуществующего (вследствие поломки пушек) гаубичного дивизиона, очень метил на должность Винокурова и подводил под него мину. На другое утро эта батарея должна была сменить мои два орудия у Большого Руссолова, которые уходили на соединение с 1-м взводом у

деревни Сабры, [в] расположение Красногорского полка.

Шли мы через Гатчину, с тем чтобы ночевать в деревне Загвоздке и наутро по Тосненской ветке идти на Сабры. В Гатчине зашел к Неведомскому, на мой вопрос о положении дел он лишь махнул рукой. По карте он мне показал наше расположение и рассказал об успехе группы Перемикина, который на нашем левом фланге у Кипени при помощи бэби-танков парализовал действия обходной красной колонны и подходил к Красному Селу. Дальше перешли к общим вопросам, а именно к трудности работы при существующей розни между отдельными начальниками. Вражда между Ветренко и Перемикиным заставляла штаб избегать ставить их на соседние участки. Неудовольствие некоторых начальником штаба корпуса ротмистром Ведякиным еще углубилось действиями штаба генерала Юденича, который для привлечения Перемикина и Ведякина на свою сторону произвел их через чин, первого в генерал-майоры, второго в полковники, чем многих восстановил против них.

В этот момент вошел начальник 4-й дивизии генерал князь Долгорукий (Александр Николаевич, бывший командир Кавалергардского полка; в полку его прозвище было Губошлеп) и сообщил о только что полученном им донесении от командира его бригады, оставленной на Лужском направлении: под напором красных бригада очистила город Лугу и отошла к северу, в данный момент она удерживается по течению реки Луги, но командир бригады не ручается за стойкость своих полков. Таким образом, наш Тришкин кафтан все же продрался, обозначившуюся угрозу обхода нашего правого фланга нечем было залепить. Под этим впечатлением я уехал из штаба и, переночевав в Малой Загвоздке, наутро выступил в Сабры на участок Красногорского полка.

К красногорцам я пришел как к старым друзьям, и встреча у них была исключительно милая и радушная. Отличительной чертой этой компании для меня и некоторых моих офицеров были удивительные приятельские и дружественные отношения, которые у нас установились с пехотными частями. Не говоря уже об офицерах, но и солдаты очень отличали и ценили некоторые батареи. Благодаря подобранному мною хорошему составу офицеров и нашей дружной работе, всегда на виду и в постоянной связи с пехотой, пехота наглядно видела результаты огня батареи, значение же артиллерийского огня в этой борьбе было огромно, особенно принимая во внимание малую устойчивость бойцов. Всех нас пехота знала, некоторые из нас ходили даже под кличкой. Меня, например, солдаты за глаза

называли «рыжий капитан» благодаря масти отросшей за поход у меня бороды. На этот раз я не видался с красногорцами давно. При обходе позиции заходил почти во все роты, повсюду приходилось останавливаться, пить чай, принимать подношения для батареи в виде сахара, табака и т. д.

Вечером сидел у Джаврова и слушал его рассказы о боях под Тосно и Вырицей. В это время из штаба дивизии был звонок и сообщение о том, что мою батарею предположено снять с участка красногорцев. «Не пустим, – смеясь говорил Бельдюгин, – мы к ней привыкли и сработались, оставьте ее у нас». Началась торговля, во время которой я был куплен красногорцами за мешок сахара. Все это было, конечно, шуткой, но за ней крылось искреннее ко мне отношение.

В Сабрах мы пробыли недолго, в 4 часа вечера я был вызван в штаб полка, помещавшийся на полустанке Сабры, в международном вагоне, захваченном на станции Вырица поручиком Усачевым[238] вместе с составом курьерского поезда. Подполковник Бельдюгин[239] прочел мне приказ об отходе наших войск и об оставлении Гатчины. Красногорский полк должен занять позицию от деревни Сиверской до деревни Мельницы и связаться вправо с 4-й дивизией, влево с волынцами, которые займут позицию от деревни Мельницы до деревни Сиворицы, дальше стояли вятцы до Шпаньково включительно, оттуда начинался фланг соседней дивизии. Даниловцы были в резерве и должны были вести разведку на юг для определения местоположения 4-й дивизии. Отход начался в половине седьмого. По мере отхода взрывали мелкие мосты и снимали железнодорожные стрелки, лишь под утро пришли в Прибыт-ково, где и расположились. Батарея стала на позицию, я поехал на рекогносцировку, но уже к вечеру получил приказание перейти в расположение Вятского полка у деревни Шпаньково. В Прибыткове нас сменила батарея Иоммерта. Опять шли всю ночь, маршрут был вдоль фронта, за неимением другой дороги, по линии застав. Прошли благополучно и дошли до штаба Вятского полка. По дороге заезжал в имение моего покойного двоюродного брата Димитрия Федоровича Гершельмана – мызу Шпаньково. Как стол ровные и без единого камня поля стояли необработанными, дом заколочен, инвентарь реквизирован или разграблен. Ключи от дома у старосты. Как мне сказали, крестьяне упорно не хотели или боялись обрабатывать помещичью землю.

В Вятском полку узнал обстановку, крайне меня удивившую. Согласно приказа, исходящего из штаба (к этому времени руководство нашими действиями, вплоть до указания участков

полков, исходило уже непосредственно из Нарвы), соседний Чудской полк уже с утра отошел на предположенную линию обороны на высоте станции Волосово. В то же время наша дивизия никакого еще приказания не получала, у Шпанькова фланг наш кончался, фронт же Чудского полка начинался в 8 верстах в тылу.

Возвратясь на батарею, сел с офицерами закусить, как вдруг вбегает Званцов с докладом, что, по сообщению жителей, станция Елисаветино занята красной кавалерией. Елисаветино было верстах в трех к северу от нас. Выведя батарею на дорогу и сняв одно орудие с передка, отправил 5 человек конных разведчиков на станцию. Через полчаса мои люди вернулись и доложили, что на станцию будто бы приходил конный разъезд красных курсантов и, захватив там случайно болтавшегося чина нашей армии, ушел в направлении на Гатчину. Выставить пост на станцию Вятский полк был не в состоянии – как всегда, все роты были в разгоне. День прошел спокойно, лишь в 11 часов ночи пришел приказ об отходе на новую оборонительную линию, которая проходила приблизительно как наш фронт в конце июля, а именно: правый фланг у Заполье, далее на Лисино – Торосово – Каськово и т. д. Подавшись на юг, чтобы избежать обозные колонны, идущие вдоль железной дороги, через Пятую Гору, Калитино, Лисино пришли в деревню Захонье, где остановились. Правый участок Загорье – Заполье и хутора на полдороге к Лисину занимали красногорцы. У Лисина стояли волынцы с Конной батареей, пересекая железную дорогу до лифляндских хуторов, дальше вятцы с 1-й батареей нашего дивизиона. Ввиду ожидаемого нападения со стороны Гатчины броневиков, участок у железной дороги был поручен английской батарее, так как незадолго до этого был получен циркуляр, требующий экономии русских снарядов – они были на исходе.

День 5 ноября прошел почти незаметно, под вечер пришедшие даниловцы начали располагаться в Захонье, а потому мы были принуждены перейти на хутора, где предполагалось поставить батарею на позицию. Наутро вместе с Орловым отправился в Заполье, куда телефонисты уже тянули линию, там стоял 2-й батальон красногорцев, впереди в Лемовже находилась застава. Все время через деревню кучками проходили отставшие беженцы, главный поток которых из-под Царского, Гатчины, Павловска и других мест уже успел пройти. Это количество беженцев являлось показателем того, на чьей стороне были симпатии населения.

Был легкий морозец, и все солдаты поголовно грелись по избам. На мой вопрос, что он сделал для обороны своего участка

от нападения броневиков, командир роты мне ответил, что люди его слишком устали, чтобы посылать их на работу по порче железнодорожного пути – ветки на Мшинскую. Но какое-то предчувствие меня продолжало мучить, и, установив наблюдательный пункт на одном из домов деревни, я пошел в деревню Загорье к командиру батальона капитану Гинсбергу и обратился к нему с тем же вопросом, указывая, что порча полотна в этом месте не затруднительна, так как недалеко есть деревянный мост, который легко можно разобрать или сжечь. Со своей стороны, я не могу пристреляться к этому мосту, так как впереди находится наша застава. Гинсберг мне ответил то же самое, что и командир роты: «Люди устали, а кроме того, застава в Лемовже нас предупредит об опасности». Ничего не добившись, я ушел. Не успел я пробыть и десяти минут в доме наблюдательного пункта, ругаясь на беспечность пехоты, как телефонист Федоров доложил: «С заставы сообщают, что замечен дым паровоза!» Приказав немедленно уводить лошадей, я вышел из дома. В дверях столкнулся с взволнованным разведчиком. «Бронепоезд красных подошел!» – кричал он. Выбежал на дорогу и глазам своим не верю – вплотную к деревне стоял бронепоезд, на переднем пулеметном вагоне в черном штатском пальто стоял, по-видимому, комиссар и смотрел на меня в бинокль. Я тоже навел на него свой бинокль. Передавая команду на батарею, заметил полное отсутствие наших цепей, а потому крикнул разведчику, чтобы предупредил пехоту. «Господин капитан! Смотрите, цепь вправо!» Действительно, по полю по направлению к церкви бежала цепь, одновременно из-за полотна железной дороги, в шагах 100 от меня, выскочила цепь и, увидав нас, остановилась. Желая окончательно убедиться, что все это не недоразумение, я им крикнул: «Какой части?» – «А ты какой?» – ответило несколько человек, и цепь взяла на изготовку. Сомнения не могло быть. Оглянувшись, увидел, что ничего не подозревавшая пехота продолжает сидеть по домам. Махнул Орлову и телефонисту Федорову, чтобы бежали вправо через забор, сам бросился бежать по дороге. В тот же момент ошалевший разведчик Викторов бросился мне под ноги, я упал, и одновременно град пуль просвистал у меня над головой. Вскочил и побежал дальше. «Держи! Лови! Держи золотопогонную сволочь!» – раздавалось за мной. Все это происходило в мгновение ока, описывать это только надо время. В тяжелых английских «танках» было тяжело бежать, но я был молод. Мои люди скользнули между домов в поле, надо было поднять пехоту, а потому я продолжал идти по шоссе. В этот момент нагнал шагом едущего моего разведчика с заводной лошадью Викторова

и вскочил на нее. Только я сел, как почувствовал сильный удар по левому колену. Рейтузы были распороты во всю ширину, через секунду показалась кровь. На фронте завязалась перестрелка, залпы по мне всполошили пехоту. Что делать? Надо было немедленно передать батарее приказ открыть огонь, с этим распоряжением отправил разведчика Суворова. Сам же поехал спешно поднять на ноги стоявший в резерве Темницкий полк. Командир батальона не хотел мне верить. «Вот доказательство», – показал я свое окровавленное колено. Приехал на батарею; Квятковский уже двигался вперед, чтобы установить новый наблюдательный пункт. Позвали фельдшера, у меня оказалась сквозная рана в колене, но каким-то чудом сустав не был задет. Пришлось ехать в обоз, стоящий в Роговицах, оттуда в извозчичьей пролетке двинулся в тыл. Был небольшой мороз, и наступила ночь. Лошадь мелкой рысцой трусила по шоссе. Я думал ехать в штаб корпуса, при котором был перевязочный пункт, в котором была Вера Алексеевна Неведомская, но, доехав до станции Вруда, решил эвакуироваться стоящим там поездом для раненых. Меня охватило чувство невероятной усталости – ранение, сидящая во мне болезнь, а главное, эти долгие месяцы непрестанного напряжения и бессонных ночей, связанных с ответственностью за свои пушки, вдруг вылились в апатию и нежелание продолжать ночное путешествие в трясучей пролетке.

Меня погрузили в вагон, и лишь к вечеру другого дня наш поезд добрался до Ямбурга. Наш состав поставили на какие-то запасные пути; мост через Лугу был починен лишь 6 ноября, то есть в день моего ранения. Я лежал на досках и думал, что мне делать и как выбраться из грязного вагона, полного раненых. В этот момент услышал голос жены, спрашивающей, не здесь ли лежит капитан Гершельман. Я откликнулся, и скоро меня на грузовике доставили в расположенный в Ямбурге госпиталь. Эту ночь я спал как убитый, уход был нормальный, кроме жены, меня навестил мой старый командир генерал барон Велио, незадолго до того сдавший должность начальника штаба корпуса на псковском фронте. Через день меня перевезли в Нарву, в госпитале я встретил Андреева и Унковского. Там же меня навестил отец жены, Александр Александрович Мосолов[240], только что приехавший в Ревель из Парижа. Он предполагал поселиться в Гельсингфорсе и оттуда постараться выписать из Петербурга жену, сына, двух дочерей и нашу девочку. Он меня поздравил с великолепным отзывом, который ему дали в штабе армии о моих действиях на фронте: «одна из лучших батарей». Я вспомнил, как несколько месяцев тому назад я на станции Кикерино принимал две пушки, в которые веревочными

постромками были впряжены крестьянские лошади, безногого ездового, отсутствие телефонов… Когда меня ранили, орудия были запряжены сильными лошадьми, было 11 телефонов, 20 верст провода, великолепный состав офицеров и солдат. Недаром, как говорится в песне, «он не спал, не дремал – батарею обучал…». Благодаря хлопотам моей жены я избежал все трудности эвакуации, которая была весьма слабо налажена. Поезда с ранеными шли от Гатчины до Ямбурга 3–4 дня, в дороге раненых почти не кормили, в теплушках, спешно приспособленных для перевозки раненых, не было ни воды, ни чая, ухода никакого, так как при поездах персонал отсутствовал. Через гатчинский подвижной госпиталь ежедневно проходило не менее 500 человек, и так все время боев с 18-го по 28 октября, и их еле поспевали вывозить.

В Нарве мне вскрыли рану. Вскоре старшая сестра госпиталя баронесса Розен зашла ко мне и посоветовала мне просить об эвакуации в Юрьев, так как были опасения, что линия фронта может продвинуться к городу. Я с радостью согласился на ее предложение и просил записать на этот транспорт Унковского и Андреева.

Состояние моего здоровья было удовлетворительно, единственно, что внушало недоумение, был небольшой жар. Когда мы прибыли в 1-й Юрьевский эстонский госпиталь, меня, по заведенному порядку, опустили в ванну, но горячей воды не было, а потому ванна была холодная. К вечеру у меня поднялся жар, и я заболел вторым припадком возвратного тифа. Через неделю температура снова поднялась и достигла 41 градуса с дробью. Это был кризис, к ночи началось потение, и к заре температура упала на 35 и 3. Я был настолько слаб, что меня пришлось поддерживать два дня впрыскиваниями камфары, в первый день спас Унковской, позвав вовремя сестру. Это было уже в начале декабря.

Состав нашей палаты подобрался из воспитанных офицеров, кроме Андреева и Унковского, лежал талабчанин Калмыков и еще один офицер. Благодаря нашему тихому и скромному поведению персонал всячески шел нам навстречу и старался исполнять наши просьбы. Через объявление в газете мы связались с внешним миром, начали получать газеты и письма. В госпиталь мне прислали выписку из приказа по Северо-Западной армии за № 315 от 9 ноября 1919 года о производстве меня за боевые отличия в подполковники. Болезнь задерживала заживление раны, лишь после третьего припадка она загноилась и начала затягиваться. Немного окрепнув, я выписался из госпиталя и перебрался в Ревель, где вскоре мы с женой получили визу на

въезд в Финляндию, где нас ждал ее отец.

В Ревеле собралось много наших гвардейских конно-артиллеристов: барон Велио, Колзаков[241], мой брат, я, Щербачев[242], Унковской, Зубов, Киселевский[243]. Был устроен дружеский ужин. Мы часто собирались в гостинице «Золотой Лев», где жили Неведомские. Я ходил на костылях и как-то вышел на улицу подышать свежим воздухом. Вид у меня был достаточно обтрепанный и жалкий, чем я возбудил жалость старушки немки-балтийки. Она подошла ко мне и сунула мне милостыню, не желая ее огорчить, я низко поклонился и поблагодарил. Эта мелочь долго у меня хранилась как память.

К счастью для меня, я не пережил всей тяжести унижения нашей армии, происшедшего не столько от причин, зависящих от нас, сколько от ряда мер, предпринятых эстонским правительством. Наши союзники англичане («Антантины сыны», как их стали называть в армии) молча смотрели на это организованное истребление русских белых полков и пальцем не пошевелили, чтобы как-нибудь помочь нам. Люди как мухи гибли от болезней – достаточно сказать, что количество больных достигало 16 000 человек, когда в армии числилось немногим больше 20–25 тысяч. Эстония считала, что роль Русской Белой армии уже окончена. После того, что наши Белые полки помогли изгнать большевиков из пределов Эстонии зимой 1919 года, после того, что мы в продолжение 9 месяцев прикрывали ее границы, Эстония решает уничтожить эту армию, как лишнюю помеху для заключения своего позорного мира с ворами и убийцами – большевиками.

Со своей стороны англичане, потеряв надежду на использование Белых армий для своих корыстных целей – получения концессий на севере России, хладнокровно присутствовали при медленной смерти тысяч людей, поверивших им. Белая армия больше не выгодна Англии, значит, она должна быть уничтожена. Какими же путями это сделать, все равно, – это лишь подробности. Таким образом погибла наша Белая армия.

Считаю своим долгом отметить, что случаи эксцессов солдат по отношению к своим офицерам, в отличие от развала Российской армии в прошлую кампанию, были очень редки. Достославные сотрудники «Свободы России», общественные деятели, друзья и ставленники англичан делали все от них зависящее, чтобы эти эксцессы вызвать: в целом ряде статей порицалось поведение офицеров, солдаты призывались к насилию над своими начальниками в смысле снятия погон. Снова наше многострадальное офицерство из спасителей превращалось в кровопийцев. Когда же, наконец, кончится это издевательство?!

* * *

Я снова оказался в эмиграции. Часто друзья и знакомые в Гельсингфорсе задавали мне вопрос: «Отчего кончился неудачей ваш поход на Петроград?» Отвечу лишь на этот вопрос, так как анализ всех причин нашей неудачи завел бы меня слишком далеко. Тут было и отсутствие «вождя» во главе нашей армии, и недостаток снабжения, и разнобой между фронтом и тылом, и предательство союзников, и т. д. Почему-то все вопрошающие были убеждены, что задачей нашей армии было исключительно занятие Петрограда, ее непосредственным назначением. Со взятием бывшей столицы связывали обязательный конец Гражданской войны и как будто даже роспуск нашей армии. По-видимому, и наше командование было проникнуто этим крайне поверхностным взглядом, иначе было непонятно, как могло оно предпринять столь трудную операцию, как взятие Петербурга, при тогдашнем состоянии нашей армии. Вся операция ведь носила характер набега. Поэтому на вопрос, могли ли мы взять Петроград, отвечаю: да, могли, если бы успели подойти к городу до прибытия красных подкреплений из Москвы; если бы генерал Ветренко раньше перехватил Николаевскую железную дорогу и смог бы задержать подвоз курсантских частей, и т. д., и т. д., то есть ставлю занятие Петрограда в зависимость от причин чисто случайных. Но тут же оговариваюсь, что совершенно не представляю себе, что бы было с нашей армией после занятия города, в котором мы получили бы 800 тысяч голодного населения в тылу и очень мало солдат на фронте. И дальше указываю, что от Невы и до Чудского озера у нас стояла бы редкая цепь, которая не смогла бы сдержать наступление даже незначительных красных отрядов. В то же время до перенесения нашей армейской базы в Петроград вся питающая армию железная дорога Нарва – Петроград оставалась бы под угрозой ударов Красной армии. Ведь мы начали наше наступление движением на восток, а затем повернули на северо-восток и подставили свои тылы ударам и из Луги, и из Струг Белых, и из Пскова. Как только обозначились эти удары, нам пришлось отступить.

Взгляд, что со взятием Петрограда настанет перелом у большевиков, по-видимому, твердо сидел в головах наших начальников, кроме того, многие недооценивали как самих коммунистов, так и их Красную армию. Большевики были гораздо сильней, чем большинство думало, и потеря «Красного Питера» хотя и была бы большим для них ударом, но далеко не окончательным, оставалась еще Москва в их руках. То время,

когда по Петрограду равнялась вся Россия, прошло безвозвратно, и «Белый Петроград» не сделал бы всю Россию белой. Красная армия, очень слабая в тактическом отношении, обладала все же стройной системой, организованной бывшими офицерами русского Генерального штаба. Не то Троцкий, не то Аралов будто бы говорили: «Для меня, как неспециалиста, дважды два может быть 5 или 6, иногда 4, а для «спеца», при всем его желании саботировать, всегда дважды два равняется четырем».

Наше командование имело право предпринять такой труднейший маневр, каким являлся фланговый марш на Петроград, лишь в случае наличия достаточного количества резервов для отбития удара, направленного на нашу коммуникационную линию. Такими резервами нельзя считать слабые части 4-й дивизии и Запасный полк 2-го корпуса.

Вина в нашей неудаче безусловно в большой степени лежит на наших так называемых союзниках. Их снабжение было скверное и пришло слишком поздно: армия была неодета, некоторые артиллерийские части получили оружие и прибыли на фронт уже к началу нашего поражения (батарея Иоммерта в 3-й артиллерийский дивизион). Но главная их вина в том, что они толкали нашу армию в наступление на Петроград, обещая для этого помощь на море своим флотом и эстонскими частями с суши, и еще в том, что наш и без того слабый тыл они еще ослабляли, внося рознь своими интригами и давлением в смысле образования «демократического» Северо-Западного правительства.

Но союзники себя особенно подло показали в самое тяжелое для армии время, в декабре 1919 года, когда армия умирала от болезней и голода, стиснутая между большевиками и враждебно к нам настроенными эстонцами.

Конечно, наше командование сделало большую ошибку, что не смогло сговориться с Финляндией. Последняя требовала от нас признания своей самостоятельности, генерал же Юденич на это не шел. Генерал А.А. Мосолов мне лично передавал содержание своего разговора с маршалом Маннергеймом, который взял на себя роль посредника между финнами и нами. Единственным условием финнов было признание их самостоятельности. И тогда они бы добровольцами ударили на Петроград…

Светлейший князь А. Дивен
Ливенцы и Северо-Западная армия[244]

Я, после двухдневного отдыха на пароходе «Princess Marguerite», 31 июля вечером приехал к Гунгербургу у устья Наровы. Навстречу мне был выслан катер под Андреевским флагом. Радость увидеть этот дорогой нам флаг была велика. Верстах в трех от Нарвы нас встретил катер с командующим армией генералом Родзянко, его супругой и моим помощником и заместителем полковником Дыдоровым, которого я отправил уже раньше для встречи наших частей при прибытии их в Нарву.

От него и узнал, что наш первый батальон, восторженно встреченный в Нарве, сразу был пущен в бой и тут же заработал себе славу захватом нескольких деревень, причем в наши руки попалась значительная добыча, особенно много пулеметов. От большевиков было получено известие, что появление новых частей, одетых в германскую форму и идущих в бой во весь рост, произвело ошеломляющее впечатление на красных.

Генерал Родзянко любезно пригласил меня остановиться у него на занимаемой им богатой даче Половцевых. С генералом Родзянко я виделся в последний раз в Либаве в феврале того же года. От него я узнал о Северо-Западной армии следующее:

Когда генерал Родзянко прибыл в Ревель, то Псковская, так называемая Северная, армия переформировалась в Северный корпус, которым командовал полковник Дзерожинский. Боевая деятельность была незначительная, но эстонцы устойчиво держались на противобольшевистском фронте, воодушевляемые сильно пробудившимся национальным чувством. Отношения к русским вначале были хорошие, но начали портиться, когда дошли слухи о нежелании Колчака и Деникина признать независимость Эстонии. Русские части стояли в феврале в двух группах. Одна действовала в районе Нарвы, другая южнее Юрьева в Псковском направлении, и продвинулись к концу месяца – первая до Нарвы на правый берег Наровы, а вторая подошла верст 18 до Пскова. После Пасхи Главнокомандующий эстонской армии генерал Лайд онер приказал сменить части 2-й бригады на Юрьевском фронте и перебросил их на Нарвский фронт.

В мае генерал Родзянко начал наступление на этом фронте, результатом коего было занятие станции Веймарн графом Паленом, а затем и Ямбурга. Таким образом, к концу мая было три боевых участка: южный (Гдовский) по реке Желчь до реки Плюссы, под командою полковника Балаховича, средний от реки

Плюссы до Сабека под командою полковника Дзерожинского и третий от Сабека до Финского залива под командою графа Палена. Южнее расположения корпуса эстонцы самостоятельно заняли Псков. В начале июля левый фланг двинулся до Капорья и начал подходить к Гатчине.

В это же время произошло кончившееся неудачей восстание гарнизона Красной Горки. Давно уже доходили слухи о желании гарнизона Кронштадта и Балтийского флота перейти на сторону белых, но ими постановлено было не сдаваться ни англичанам, ни эстонцам, а лишь русскому Главнокомандующему. Первым восстал гарнизон Красной Горки, которому ингерманландцы обещали поддержку английского флота. Эту поддержку испрашивал также генерал Родзянко через капитана 1-го ранга К. Но англичане, очевидно имевшие план захватить в свои руки русский флот, Красную Горку не поддержали. Кронштадт и флот не примкнули к восставшим, а открыли огонь по фортам Красной Горки, уничтоживший и форты, и жилые дома. Два дня гарнизон держался, ожидая поддержки от Северо-Западной армии. Но все сообщения кем-то перехватывались, и, по причинам еще не разъясненным, поддержка не подоспела, и гарнизон сдался ингерманландцам, которые ограбили его и зря расстреляли тех коммунистических комиссаров, которые раньше передались восставшему гарнизону, получив обещание, что они не будут подвергнуты расстрелу.

Во время всех этих событий генерал Юденич, которому был подчинен фронт, находился в Финляндии. Вокруг него собралась масса русских офицеров, из которых он намеревался сформировать кадр для русской армии, долженствовавший с помощью Финляндии начать одновременно с армией Родзянко наступление на Петроград.

Переговоры между русским министром иностранных дел в Париже С.Д. Сазоновым и финляндским правительством и генералом Маннергеймом затянулись и не достигли цели. В июне генерал Маннергейм подал в отставку, и надежда на выступление Финляндии исчезла.

В конце июня генерал Юденич впервые прибыл в Нарву и посетил фронт вплоть до Пскова, здороваясь с частями и благодаря их за службу от имени Верховного правителя. В организацию армии он не вмешивался и на этот раз ограничился ознакомлением с положением, не давая никаких новых указаний.

Корпус в это время уже развернулся в армию, называвшуюся первоначально Северной и переименованную затем, по просьбе генерала Марча, в Северо-Западную – в отличие от Архангельской армии генерала Миллера.

Армия подразделялась на два корпуса: первый корпус генерал-майора графа Палена, занимавший северный участок фронта впереди Нарвы, а второй корпус генерал-лейтенанта Арсеньева, занимавший фронт впереди Пскова.

В конце июля генерал Юденич, потеряв надежду на выступление Финляндии, переехал со своим штабом в Нарву и с этого времени начал лично руководить действиями Северо-Западной армии.

Он нашел здесь положение чрезвычайно запутанным. С одной стороны, он находился в полной зависимости от союзников, которые при малейшем расхождении с ним во взгляде грозили прекратить снабжение, с другой стороны, он, как и армия, всецело зависел от эстонцев, обозленных тем, что русское правительство имени Колчака не желало признать их независимости. Наконец, в самой армии генерал Юденич, как совсем ей чужой, не пользовался необходимым авторитетом, психологический же момент играет в добровольческой армии гораздо более решающую роль, чем в войсках регулярной армии. К этому надо прибавить еще массу интриг, явных и подпольных, среди высшего командного состава и их многочисленных штабов.

Снабжение армии было самое плачевное. О теплой пище уже давно не было помина. Единственное, что выдавалось, – это было 2 фунта американского белого хлеба и полфунта американского сала. Жалованье не было выдано за два или три месяца. Можно ли удивляться тому, что при таких обстоятельствах армия, перешедшая к позиционной войне, начала добывать себе необходимое на местах, чем, конечно, возбудила против себя неприязненные чувства населения, еще недавно встречавшего восторженно Белую армию как освободительницу от ига большевиков.

Снабжение, обещанное еще в июне англичанами, все не прибывало, и настроение падало, в особенности когда в середине июля из Либавы прибыл первый эшелон ливенцев, великолепно одетых, обутых и снаряженных из германских источников и получавших, как всем было известно, свое жалованье совершенно правильно 1-го, 11-го и 21-го числа каждого месяца. Контраст между ними и войсками, снабженными союзниками, говорил не в пользу последних: англичане поняли это, и через 10 дней после прибытия ливенцев прибыл 5 августа первый пароход с оружием и снаряжением.

Во всех распоряжениях английских представителей чувствовалась сильная нервность под влиянием страха перед усилением германского влияния. Эта нервность особенно рельефно выразилась в приказании генерала Марча, переданном

генералу Юденичу в ультимативной форме – о сформировании в Ревеле Северо-Западного русского правительства, причем дан был список лиц, долженствовавших войти в состав правительства, с угрозою, что, если это правительство не будет сформировано в течение 40 минут, всякая поддержка русской армии будет немедленно прекращена. Так создалось Северо-Западное правительство Лианозова.

Видя такое безвыходное положение Юденича, и эстонцы стали обращаться с ним все с большей неприязнью. Эстонская армия, за исключением нескольких хороших полков на фронте, недоброжелательно, даже враждебно смотрела на русских и творила им, где могла, неприятности. Доверия не было никакого. Благодаря ненадежности эстонских частей в конце августа нами был потерян Псков. За несколько дней до его падения Ямбург был занят большевиками.

Положение армии было весьма стесненное на небольшой территории Гдовского и Ямбургского уездов с угрозою справа от Пскова, с Чудским озером в тылу, с морем на левом фланге и с эстонцами в Нарве и за рекой Наровою. Как штаб Главнокомандующего в Нарве, так и правительство Лианозова в Ревеле находились на территории республики Эстонии.

Я лично, по состоянию своего здоровья, прибыв в Нарву, на фронт выехать не мог и прожил около месяца гостем у генерала Родзянко. Части, привезенные мною из Курляндии, вопреки данному мне обещанию, не были оставлены сплошной группою, а были разбиты и распределены между несколькими дивизиями. Почти ежедневно заходил я в штаб генерала Родзянко и генерала Юденича, чтобы оформить привезенный мною отряд как единицу Северо-Западной армии, будь то под названием корпуса или дивизии. Последнее, наконец, удалось. Отряд был переименован в дивизию, а именно в 5-ю (Ливенскую), вошедшую в состав 1-го корпуса генерал-лейтенанта графа Палена. Батальоны развернулись в полки, получившие следующие наименования:

1) 17-й Либавский (1-й Ливенский полк) – 850 штыков.

2) 18-й Рижский (2-й Ливенский полк) – 150 штыков.

3) 19-й Полтавский (3-й Ливенский полк) – 350 штыков.

4) Стрелковый дивизион – 250 штыков.

Тяжелых орудий – 1.

Легких – 6.

Броневиков – 2.

Авиационный отряд – 7 аппаратов.

Исполняющим должность начальника дивизии, ввиду моего состояния здоровья, назначен был полковник Дыдоров, беззаветно храбрый, преданный своему делу, безупречной

честности офицер, пользовавшийся искренним доверием всех чинов отряда.

Штаб корпуса, который прибыл со мною, был расформирован, и чины штаба получили новые назначения. Начальник штаба генерал-майор Янов был назначен главным начальником снабжения Северо-Западного фронта. Инженер действит. ст. сов. Зелли, бывший начальник Либаво-Ромейской железной дороги, получил поручение построить вновь взорванный мост через Лугу у Ямбурга, корпусный врач д-р Стороженко получил назначение по санитарной части. Некоторые чины вернулись в штаб дивизии.

Ввиду ухудшившегося здоровья, я решил вызвать к себе моего заместителя полковника Дыдорова и дал ему общие инструкции, как вести начатое мною дело. Сам я, простившись с некоторыми из своих частей, стоявших около Нарвы, решил уехать лечиться за границей, получив от генерала Юденича поручение работать в Лондоне и Париже в пользу армии. Это мною и было исполнено. В Лондоне я сделал в присутствии военного представителя подробный доклад о положении армии и в Париже доложил о том же генералу Чебышеву и начальнику французского Генерального штаба генералу Вейгану. От последнего мне удалось получить обещание выслать в Ревель обмундирование, по крайней мере на дивизию, но катастрофа Северо-Западной армии под Петроградом помешала исполнению этого обещания.

На дальнейших событиях на Северо-Западном фронте я не буду останавливаться. Поход описан подробно самим Александром Павловичем Родзянко, а также в вышедших в 1920 году в Гельсингфорсе записках белого офицера. Я вкратце лишь сообщу о действиях моего бывшего отряда, переименованного в 5-ю (Айвенскую) дивизию.

В конце августа эстонцы отдали большевикам Псков, и первый корпус отступил под нажимом красных на Лугу, разрушив мост у Ямбурга. Несмотря на отступление, армия усилилась благодаря богатой добыче оружия и подвижного состава и благодаря переходу многочисленных красных частей, а также благодаря сокращению фронта, что было необходимо для будущего наскока. Обещанное давно англичанами снаряжение и оружие до начала августа все не приходило. Прибытие частей Ливенского отряда, хорошо одетых и снаряженных немцами, подействовало на англичан, и в первых числах августа стали прибывать первые транспорты. Повлияло на англичан также решение старших начальников, в случае неполучения от англичан обещанного, передать Нарвский участок эстонцам и перейти на юг к Пскову, базируясь на Латвию, а посредственно, конечно, и на немцев в Курляндии.

В начале сентября настроение армии сразу поднялось, когда стало прибывать обильное снаряжение и обмундирование. Жалованье стало выдаваться в денежных знаках Северо-Западного правительства.

Началась подготовка к наступлению на Петроград, которое задумано было отдельными колоннами. На правом фланге фронта против Пскова стояла отдельная бригада генерал-майора Ижевского, левее его колонна № 2 – 1-я дивизия генерал-майора князя Долгорукова, в которую входил конный полк Булак-Балаховича. Севернее шла колонна № 3 – 1-я дивизия генерал-майора Дзерожинского, далее колонна № 4 – 3-я дивизия под личным руководством генерала Родзянко, который по приказанию генерала Юденича был назначен помощником Главнокомандующего (Юденич, несмотря на сопротивление всех старших начальников в армии, лично принял командование армией). К 5-й колонне принадлежала группа войск генерала Ярославцева; колонна № 6 – 5-я дивизия (князя Айвена) под начальством полковника Дыдорова, и колонна № 7 – танковый ударный батальон и мелкие команды под начальством полковника Хомутова, далее на участке от шоссе Нарва – Красное до залива должны были продвигаться эстонцы, при условии, если они не встретят сопротивления со стороны красных.

Операция на Петроградском фронте распадается на два периода. Первый период от 28 сентября по 9 октября был подготовительным, с 10-го же октября началось общее наступление. В первый период 4-я дивизия под личным руководством своего храброго начальника дивизии генерала князя Долгорукова наступала от Гдова в направлении Струги Белые, которые окончательно были взяты 4 октября. 6 октября противник потерпел здесь крупное поражение с потерей большого количества оружия и пленных, 8 октября части 2-го корпуса на правом фланге окончательно разбили красных в Псковском направлении. 8 октября продвинулись до озера Сяберского, окончив, таким образом, подготовительное наступление правым флангом. 10 октября перешла в наступление дивизия генерал-майора Ярославцева и сбила неприятеля у переправы через Лугу в озера Сабек и Редежи. Одновременно полки Ливенской дивизии в ночь с 10-го на 11 октября сбили противника у более северной переправы через Лугу, у Муравейно, и с боем продвинулись вперед и утром 11 октября вышли на Балтийскую железную дорогу у станции Веймарн, где им пришлось выдержать серьезный бой с противником в Среднем Поле. Танки 7-й колонны дошли до Ямбурга, но, ввиду разрушенного состояния взорванного 5 августа моста через Лугу, не могли, к сожалению,

быть переправлены, что значительно затруднило операции против Петрограда и, в частности, выход дивизии к железной дороге и шоссе. На этом фронте разгром Красной армии был особенно решительным. Ливенцы энергично продвинулись на Молосковицы, а дивизия генерала Ярославцева на Волосово. При этом молниеносным наступлении все колонны действовали самостоятельно, потеряв между собою связь. Связь было некогда устанавливать. Только благодаря тому, что приказ был написан на несколько дней, что каждая колонна рассчитывала на себя и верила, что другие не подведут, вышло так, что приказ был выполнен до его последнего дня расписания и на линии Троице-Сергиев Посад – Горелово – Дудергоф – Гатчина— Царское Село войска армии вошли в полное соприкосновение и установили связь. Решительную роль сыграл на этом участке и Конно-Егерский полк, под командою полковника Бенкендорфа, заместившего умершего полковника Гринвальда. Он лично выдвинулся в тыл отступавших красных, произведя панику и таким образом облегчив продвижение главных сил.

Ливенская дивизия почти нигде не задерживается и теснит неприятеля вплоть до Кипени и Ропши, откуда дивизия берет через Высоцкое направление на Красное Село. Вечером 15 октября, после удачного взятия села Высоцкого, каковой удаче весьма способствовали два броневика-автомобиля, взобравшихся с полковником Дыдоровым в одном и с полковником Соболевским[245] в другом на Высоцкую возвышенность и обстрелявших окопы большевиков, полковником Дыдоровым было решено на военном совете начальников частей, при их молчаливом согласии, несмотря на переутомление войск, идти сейчас же на Красное Село.

До 2 часов ночи 16 октября дано было время на обед и отдых войск. В 2 часа ночи Ливенская дивизия выступила тремя колоннами на Красное Село, каковое должно было быть взято обходным движением. На рассвете 16 октября Либавский полк[246] под командою лихого командира генерал-майора Радена двигается из Русской Капорской на Каукази, а оттуда, обходя Преображенский редут, выскакивает на линию железной дороги у Скачек. Одновременно Рижский полк[247], не дожидаясь результатов этого обхода, с утра повел фронтовое наступление. Полтавский полк[248] был двинут через местечко Ропша. Красные, не ожидая такого быстрого продвижения ливенцев, собрались со своими обозами в Красном Селе, куда прибыл Троцкий и где происходило в это время военное совещание, почему ливенцам особенно легко было взять Красное и навести панику на большевиков. Этот успех дал возможность войскам отдохнуть

сутки спокойно.

В 7 часов 30 минут Рижский полк с веселым пением, под радостные крики местных жителей вошел в Красное и там соединился с остальными вовремя подошедшими полками своей дивизии. Отсюда полковник Дыдоров старается установить связь с колонной генерала Ярославцева, что правее его, и обеспечивает свой левый фланг Конно-Егерским полком, производившим разведку в направлении Стрельны и Петергофа. Так как колонна ливенцев прибыла в Красное Село почти на сутки раньше, чем предполагалось по приказу командира корпуса, то для выяснения положения под Гатчиной полковник Дыдоров снаряжает захваченный в Красном эшелон, грузит один из батальонов и направляет его в Гатчину.

Оказалось, что Гатчина 16 октября уже была занята одновременно с запада дивизией генерала Ярославцева и с юга – дивизией, которою командовал генерал Родзянко. Последний повел энергичную атаку на Красные Горы. 13 октября перерезал железную дорогу у станций Мшинская и Преображенская. Положение Луги – безнадежно, и части 1-й дивизии генерала Дзерожинского в тот же день занимают ее. Неутомимый генерал Родзянко от Мшинской двигается на север, занимает станции Дивенская и Суйда и к вечеру 16 октября входит в Гатчину.

17 октября в Гатчину прибыл со своим штабом граф Пален.

В это же время генерал Ветренко получает приказание от генерала Родзянко энергично продвинуться до станции Тосно Николаевской железной дороги и взорвать пути, для того чтобы прекратить красным возможность подвозить подкрепления из Москвы. Это приказание генерал Ветренко преступным образом не исполнил, и он является поэтому одним из главных виновников неудач следующих дней и катастрофы под Петроградом. К Петрограду подтягиваются все части правого фланга за исключением отдельной бригады генерал-майора Ежевского, которая оставлена единственным заслоном против Пскова. Этим заканчивается второй самый главный период наступления.

Так как в связи с продвижением Северо-Западной армии к Петрограду фронт армии увеличился, то на каждую колонну пришелся такой большой участок охранения, что позиционно охранять его не представлялось возможности. Необходимо было все время продвигаться до конечной цели боевого приказа, то есть до Петрограда, где возможно было ожидать необходимое пополнение не только количественно, но и качественно. Вследствие же того, что генералом Ветренко преступно не был выполнен приказ о занятии Тосно, произошла заминка в

продвижениях. Большевики подвезли подкрепления, и опасно было, что инициатива могла перейти к ним; ко всему этому, у ливенцев левый фланг оказался совершенно открытым, так как эстонцы не пошли за Северо-Западной армией. Левый фланг к северу от Ропши и весь тыл к северу от шоссе Нарва – Красное Село оказался свободным для действий большевиков, и только их растерянность позволила ливенцам свободно оперировать первые дни нахождения в Красном.

Для того чтобы выжидать возможного продвижения, не беспокоясь за неожиданный охват левого фланга, и чтобы не давать возможности большевикам спокойно собирать свои силы, 18 октября Ливенская дивизия вновь перешла в наступление в Стрельницком и Лиговском направлении, имея на своем левом фланге Конно-Егерский полк. 18 октября с боем были заняты деревни Малое и Большое Пинккорово и Владимировка, а 20 октября части дивизии подошли к Стрельницкой подставе и до самых окрестностей Лигова. К этому времени подошла и часть Балтийского полка. (Балтийский полк в Эстонии под командою полковника Вейса с первых дней прибытия на Северо-Западный фронт весьма часто участвовал в боях рука об руку с ливенцами, вследствие чего установились особенно дружеские отношения. Были случаи, когда в боевой участок Балтийского полка входила вся Ливенская дивизия, но часто было и так, что Балтийский полк входил в состав дивизии четвертым полком.) Это был кульминационный пункт приближения к Петрограду, так как события на левом фланге стали складываться не в нашу пользу. Тут сказались катастрофические последствия неисполнения генералом Ветренко приказания о занятии станции Тосно, и Троцкий стал перебрасывать неимоверные количества красных войск, которые вскоре своею численностью должны были вырвать инициативу из наших рук. Тут сказались также последствия незанятия вовремя Пулковских высот, благодаря категорическому отказу английского полковника Карсона дать для этой операции танки. 3-я дивизия, занявшая Павловск и Царское Село, попала в тяжелое положение и, несмотря на попытки перейти в наступление, 25 октября должна была отойти на линию Он-толово.

На левом фланге в эти дни стало сказываться отсутствие обещанной английским флотом поддержки. Красная Горка, не находившаяся под обстрелом флота англичан, была использована как база для накопления красных сил, которые под защитою заградительного огня красного флота повели наступление в обход левого фланга Ливенской дивизии. Красные продвигаются до Ропши, занимают в ночь на 28 октября Русское Капорское.

Либавский полк 24-го перешел в наступление и 24-го выбил отсюда большевиков. В течение всей ночи и всего дня 25 октября колонны противника, одна за другой, штурмовали наши окопавшиеся части и сотнями гибли от меткого огня цепей ливенцев. Однако, ввиду больших потерь с нашей стороны и геройской смерти командира Либавского полка генерал-майора барона Радена, держаться долго на этой позиции было немыслимо, и к вечеру 25-го Русское Капорское вновь перешло в руки большевиков, после чего определилась и судьба Красного Села, откуда ливенцы отошли к деревне Кавелахты.

Тут впервые части 1-й эстонской дивизии, державшиеся пассивно во время всего наступления, снялись со своего места у Гостилиц и энергичными движениями ударили во фланг красных. Благодаря этому большевики должны были отказаться от своего движения на Волосово в тыл всей армии и поспешно вернулись на свое исходное положение в Петергоф.

Отказавшись от попытки еще раз наступать на Гостилицы, большевики 26 октября двинули обходную колонну прямо из Кипени на Касково. Ливенская дивизия в это время была расположена по левому берегу реки Пудости и у Старо-Сыворен на Гусколово и дальше на Кезель. Главнокомандующий решается поддержать левый фланг и перейти здесь к активным операциям на Киень. Для этого направляется под командою полковника Перемыкина ударная группа из Талабского, Семеновского, Конно-Егерского и Булак-Балаховича полков с двумя французскими танками, называемыми «Бэбэ». С этими силами, к которым прибавились еще личная сотня генерала Родзянко, десантная рота и танковый батальон, Перемыкин оперирует в течение двух дней и 31 октября врывается в Ропшу. В этот же день большевики повели энергичный нажим на ливенцев в районе деревни Малкино. Полтавский полк под командою полковника Бобошко встретил лавину советских войск ужасающей по силе огня стрельбой, и башкирские батальоны и финские красные курсанты не смогли выбить ливенцев с их позиций за речкой Пудостью. Для восстановления положения Перемыкин 1 ноября атакует и занимает Высоцкое. Большевики начали отступать по всей линии западнее Красного Села. Ливенцы переходят в наступление, и Конно-Егерский полк уже ведет разведку у Красного Села, когда получено было приказание об общем отступлении, ввиду неблагоприятно сложившихся обстоятельств на правом фланге фронта.

С 24 октября Троцкому удалось восстановить связь с Псковом, перебросить обходным путем 11-ю советскую дивизию в район Струги Белые, откуда красные, захватив 2 ноября Лугу, начали

наступление на Гдов, не встречая почти никакого сопротивления за отсутствием каких-либо белых сил. В районе реки Желиги генерал Арсеньев задерживает наступление и 3 ноября даже сам переходит в наступление, но спасти положение он не может. Севернее его 11-я дивизия взяла направление прямо на Нарву, а кавалерийский полк противника занял Гдов, рассеяв единственную караульную команду, находившуюся там. Ввиду подхода красных к Ямбургу, Главнокомандующий спешно оттянул от Петрограда всю армию. Идут арьергардные бои. 4 и 5 ноября 5-я (Ливенская) дивизия выдерживает тяжелый бой у деревни Губаницы и, благодаря меткому артиллерийскому огню гаубичной батареи подполковника Андерсона и Стрелковому дивизиону[249] полковника Казакова, задерживает наступление красных. 7 ноября Северо-Западная армия заняла свои исходные позиции под Ямбургом. 8 ноября большевики окончательно заняли Гдов, а 14-го и Ямбург.

Насколько морально трудна была задача для ливенцев по продвижению к Петрограду, имея в виду необеспеченность левого фланга, можно судить по тому, что начальник штаба полковник Соболевский 7 ноября, прибыв в Ямбург, нервно заболел и должен был уехать в Нарву, откуда не мог уже вернуться. Старший адъютант по оперативной части штабс-капитан Зейберлих дотянул до 14 ноября, после чего тоже окончательно заболел и в строй уже не смог вернуться.

Северо-Западная армия оказалась припертой к эстонской границе. Дни ее были сочтены.

Эстонцы в это время вели мирные переговоры с большевиками в Юрьеве. Отношение их к русским стало явно враждебно, и они, где могли, нападали на русские части с целью грабежа. Договора между Главнокомандующим Северо-Западной армии и Эстонским правительством о судьбе армии в случае отступления на эстонскую территорию не было. Англичане после неудачи под Петроградом потеряли всякий интерес к армии и не поддержали ее даже нравственно перед эстонским правительством. 1-я дивизия отошла через Скарятину Гору и была разоружена эстонцами, части 4-й дивизии, припертые к Криушам, были в безвыходном положении. Ливенская дивизия отчаянно защищалась около Низова и Усть-Жердянки. В деревню Низы приезжали англичане с переводчиком капитаном Бреем (бывший Александрийский гусар) к исправляющему должность начальника Ливенской дивизии и просили задержаться у Низов 12 часов, обещая за это, что эстонцы ливенцев не разоружат, если бы пришлось им отойти за реку Нарову. Ливенцы продержались 25 часов у Низов, а затем сутки у Усть-Жердянки, и, несмотря на это,

они были разоружены и ограблены эстонцами так же, как и прочие. Англичан у переправы совсем не было.

Ливенская дивизия вела бой в болотах против Нарвы. Холода стояли по времени года необыкновенные. Мороз доходил до 20 градусов. Хлеба не было, готовить горячую пищу было негде. Эстонские начальники, даже сам командир 1-й дивизии генерал Теннисон, издевались бесчеловечным образом над русскими. Ко всем бедствиям армии присоединилось еще большее бедствие беженцев, число коих было больше 10 000. Перейти границу эстонцы не разрешали. При трескучем морозе они должны были ночевать в лесах и на шпалах железной дороги. Все переболели сыпным тифом. Средств дезинфекции не было. Врачи и сестры при таких условиях также заражались и умирали. Вообще, картина бедствия такова, что если бы это случилось с армянами, а не с русскими, то вся Европа содрогнулась бы от ужаса.

Американский и Датский Красный Крест сделали сверхчеловеческое в смысле помощи, но бедствие превосходило размеры возможной помощи. Кто был крепок – выдержал, остальные умерли.

В середине декабря ливенцы в последний раз вступили в бой с красными, когда последние у деревни Вязки перешли Нарову и благодаря бегству с позиций эстонского полка прорвались в тыл и наскочили на 3-й Ливенский Полтавский полк. Однако он задержал наступление красных и с помощью подоспевших эстонских подкреплений отбросил большевиков за реку Нарову.

В конце 1919-го и начале 1920 года произошли напоследок крупные перемены в командном составе. Полковник Дыдоров, вследствие разногласий со штабом корпуса из-за своего прямого и крутого характера и вследствие несогласия си. д. начальника штаба корпуса полковником Видякиным с его тактикой отступления, сдал 20 ноября дивизию генералу Перемыкину, который, прокомандовав всего несколько дней, передал ее генералу Бобошко, который и провел дело ликвидации дивизии. Полковник Дыдоров хотя официально командовал бригадою 1-й дивизии, но остался не у дел и посвятил последующие месяцы в Эстонии делу перевода ливенцев на их родину в Латвию и организации переведенных на положение беженцев бывших чинов Северо-Западной армии.

В высшем командовании тоже произошли перемены. Генерал Родзянко 21 ноября был откомандирован генералом Юденичем в Лондон для доклада о положении чинов армии. Сам генерал Юденич был в Ревеле арестован Балаховичем и увезен в направлении Юрьева. Лишь энергичным вмешательством французского представителя полковника Хюстеля эстонцы его

освободили и вернули в Ревель, откуда он вслед за сим с другими высшими чинами отбыл через Ригу за границу. Командующим армией был назначен генерал Глазенап, в свое время предназначавшийся к должности Петроградского генерал-губернатора и прибывший в Гатчину к моменту катастрофы с многочисленным штабом офицеров – героев тыла. Прокомандовал Глазенап не долго: обращая много внимания на отдачу громких приказов, он ничего не делал для облегчения участи заурядных чинов армии.

В январе 1920 года эстонцы начали мирные переговоры с большевиками. Северо-Западная армия была оттеснена в Эстонию, где ее преследовали, оскорбляли и разоружали. Русских начали убивать на улице, запирать в тюрьмы и концентрационные лагеря, вообще притеснять всякими способами. С беженцами из Петроградской губернии обращались хуже, чем со скотом. Их заставляли сутками лежать при трескучем морозе на шпалах железной дороги. Масса детей и женщин умерли.

22 января был отдан приказ о ликвидации армии. Председателем ликвидационной комиссии был назначен генерал-лейтенант граф Пален, и генерал Глазенап тоже уехал. Чины бывшей Северо-Западной армии, обезоруженные и ограбленные начисто эстонцами, были расселены по лесам и болотам Эстонии, где в тяжелых условиях физического труда при плохом питании и почти без одежды провели месяцы жалкого существования. Уроженцы Латвии, а затем и Польши и Украины легальным и нелегальным путем покидали территорию Эстонии. Летом 1920 года удалось вывести под начальством генерал-майора Бобошко несколько эшелонов, направленных в Польшу, находившуюся еще в состоянии войны с Советской Россией, где они вошли в состав 3-й Врангелевской армии под командою генерала Перемыкина. На фронте эта армия была не долго, а именно в Волыни. Поляки заключили с большевиками перемирие, а затем мир, и эти части, вполне брошенные, не достигнув соединения с армией генерала Врангеля, отступили на польскую территорию, где были разоружены и посажены в концентрационные лагеря. Часть бежала в Германию.

Часть ливенцев в 1920 году начала в сентябре перебираться через Марсель в Крым, но большинство за ликвидацией Врангелевской армии застряло во Франции, где приискивало себе заработок физической работою в городах и в нескольких основанных генералом Юденичем из оставшихся средств Северо-Западной армии сельскохозяйственных колониях.

Честь героям, положившим за высокую идею воссоздания России свою жизнь. Могилы их в Красном Селе и Гатчине громко

говорят об этих богатырях, которые носили с честью белый крест на рукаве, являясь истинными идейными крестоносцами, положившими жизнь свою, чтобы освободить родную землю. Честь всем героям этого похода, которые вновь доказали, к чему способен русский солдат при самых ужасных условиях.

Не место здесь разбираться в причинах, приведших к этому печальному результату. Критика событий может быть ценной, только если она беспристрастна, а для этого нужно иметь в руках материалы, которые сейчас еще недоступны. Но что уже теперь можно сказать, это что вину нельзя сваливать на одного, а что мы должны принять во внимание стечение всех обстоятельств. Конечно, очень сомнительную роль при наступлении на Петроград сыграли эстонцы, в особенности тем, что они не обеспечили левого фланга и не сумели вести переговоров с гарнизоном Красной Горки. Только уже при отступлении присутствие их на левом фланге спасло армию от охвата с этой стороны.

Отсутствие английского флота, задачей коего был обстрел Кронштадта и Красной Горки и обеспечение левого фланга армии от десантов с моря, имело катастрофические последствия. Отсутствие его объясняется тем, что он был отозван для участия в обороне Риги от наступления Бермондта.

Почему Бермондт решился выступить вообще, и в данный момент в особенности, конечно, всегда останется загадочным. Еще за месяц до наступления на Петроград генерал Юденич был лично в Риге и вызывал к себе Бермондта, но Бермондт к нему не явился, после чего Юденич его объявил изменником русского дела.

Полковник Бермондт, называвший сам себя также князем Аваловым, был человеком весьма тщеславным и воображал, что может идти против большевиков только во главе собственной армии, которой он дал наименование Западной Добровольческой. Германцы, и в особенности генерал граф фон дер Гольц, великолепно учитывая эту черту его характера, сумели воспользоваться ею, чтобы уговорить его предпринять наступление на Ригу с русскими его войсками именно в то время, когда Юденич начал свое наступление на Петроград. В германских интересах, как их понимали германские военные, лежало, чтобы наступление Юденича не удалось, так как освобождение Петрограда с помощью союзников означало бы укрепление их влияния в столице, а следовательно, и в организации будущего русского правительства. Можно поэтому предполагать, даже если этого нельзя доказать документально, что Бермондт сознательно или бессознательно (это безразлично)

действовал в интересах германской политики во вред интересам России. Почему его правительство, во главе которого стоял человек безупречной честности, несомненно преданный России, сенатор граф К.К. Пален, тоже пошло по тому же пути, можно объяснить лишь непониманием общего положения, политической близорукостью и слишком большим доверием к полководческим талантам Бермондта.

Но вина лежит также и в общем руководстве, где чувствовался недостаток сильной воли. Нельзя не упомянуть о неладах и интригах среди высшего командного состава и их штабов. Снабжение армии, когда она быстро продвигалась, технически было плохо налажено, в особенности благодаря отсутствию железнодорожного моста у Ямбурга. Конечно, и дисциплина в некоторых частях армии была не на должной высоте, и вообще к армии примкнула масса элементов нравственно нечистых, запачкавших своими действиями доброе имя армии. Но, повторю, честь героям, положившим за высокую идею воссоздания России свою жизнь, за попытку освободить родную землю от господства преступных извергов человечества – коммунистов и их споспешников и наймитов. Но стыд и срам тем, которые в минуты общего подъема опозорили имя добровольческой Северо-Западной армии и осквернили тот крест, которым армия гордится. Да поймет наконец будущая Русь, что против извергов и преступников, какими являются вожаки коммунистов, можно бороться лишь с чистыми руками, доказывая не словами, а делом, что идейные крестоносцы приходят единственно для того, чтобы сломить ту нечистую антихристианскую силу, которая временно восторжествовала на Руси. Победа над большевиками из победы военной должна обратиться в победу нравственную; пока этого не будет, никакие военные победы, как бы блестящи они ни были, не дадут России того возрождения, ради которого ведется братоубийственная война.

Результат неудачной борьбы с большевиками в 1919 году означает для России дальнейшее расчленение ее, усиление новых окраинных государств, распространение власти советов на всю русскую территорию от Белого и Балтийского морей до Черного и Каспийского и укрепление в России системы, приводящей страну к полному истощению ее благосостояния.

Для Западной Европы успех большевиков означает усиление крайне левых революционно настроенных партий, тормозящих постоянными забастовками возвращение народов после войны к нормальной жизни. Если оценить убытки, уже понесенные Западной Европой и еще предстоящие ей, то ясно будет, что даже

с деловой точки зрения выгодно было бы истратить своевременно хотя бы и крупные суммы на победную борьбу с большевизмом в России, чем дать большевистской заразе в Европе принять затяжной характер.

Для России, быть может, этот печальный исход окажется целебным. Русские патриоты поймут, наконец, что против крайних элементов коммунизма нельзя бороться во имя каких-нибудь расплывчатых неопределенных либеральных лозунгов. Необходимо выдвинуть против анархии лозунг сильной власти, а против антихристианского социализма – лозунг христианства. Последний лозунг предполагает высокий нравственный уровень русских патриотов, и если последняя година испытания приведет Россию к нравственному возрождению на христианских началах, то можно будет сказать, что и это время не прошло без пользы для человечества и для России.

А. Енш[250]
С белым крестом[251]

Был тысяча девятьсот девятнадцатый год.

Распласталась на здании окружного суда пятиконечная колючая звезда, корчился в узорной тени листвы бородатый Маркс на бульваре – он в сумерках напоминал сатира. Трепались по ветру плакаты со стен: – Смерть врагам трудового народа!

Глухо вбивал в вечернее небо свои удары церковный колокол. Жемчужными ожерельями сверкали свечи в полутьме, в голубых волнах ладана дрожали косые лучи, и тихо звякало кадило. Усталый священник молился о державе Российской:

– Господи, помилуй!

Отец лежал больной. Странно белели на одеяле сложенные руки, и золотыми кольцами вилось по пальцам солнце. Совсем другими казались сверху глаза. Тихо, одними губами он сказал:

– Не будет России без Царя.

* * *

Сгустились сумерки над Россией, дымилась кровь. Государь был убит. Судорогами расходилась смута. На Красной площади в Москве стоял с винтовкой китаец и щурил раскосые азиатские глаза – казалось, он усмехался.

В те страшные дни священным заветом были прощальные слова Императора:

– Твердо верю, что не угасла в наших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине.

Молча умирали русские люди на полях.

Воронками кружилась пурга, заметая дороги, столбом поднимался снег – ни умять, ни притоптать. Из Острова и Пскова, в буран, шла горсть офицеров и солдат неизвестно куда, с врагом на пятах. Днями голодали и крепче завязывали на онучах телефонные провода, отставшие погибали. Без шинелей лежали на морозе и стреляли раненые с дровен, ледяные затворы горели в руках. Песенники выступали вперед и от стужи приплясывали, убитых хоронили сугробы. Весною, в талую воду по первой траве ходили в атаки босиком, патроны отбивали у противника. Так начался Северный корпус – с боем прошел он Прибалтику и вышел на Нарову, насчитывая тысячи штыков. Без отдыха, не зная смены, без поддержки, раздетые, сражались и побеждали,

сынками звали бабы в деревнях. Перед летом, когда отшумели первые грозы и пролетели журавли, пошли в наступление. В смелом порыве был опрокинут неприятель и смят, трудные переходы сменяли блестящие подвиги. С музыкой переходили полки, население встречало хлебом, сдалась Красная Горка, и под угрозой стал Петроград. Северо-Западная армия подходила к своему Китежу.

* * *

В трех десятках верст от города шел фронт, и месяцы стоял он на месте, извиваясь. Переплетались голод и террор, каждое утро с оберточной бумаги кричала о мировой революции «Правда»: бастуют английские рудокопы, в Баварии республика советов, против интервенции рабочие всех стран. Замерло все, притаилось – о союзниках говорили, о Колчаке, считали дни.

Неожиданно город был взят. Утро началось обыкновенное, лавочник сказал:

– Пригнали красноармейцев из России, – и стало больно от этих слов.

Высоко показались аэропланы, затрещала на крышах пулеметная стрельба.

А после полудня поспешно закрывались магазины, опускали железные шторы. Улицы почернели от народа, были бледные, тревожные лица у всех. Беспорядочно двигались солдаты, верхами, пешком, громоздились телеги. Кричали исступленно, били лошадей. Раздались выстрелы на бульваре, прохожие бросились в подъезды – многие двери были на запоре. Сразу стало пусто. Лишь две девушки в папахах набекрень с винтовками за плечами еще долго кружили переулками – они попали в тупик. Жуткое время надвинулось.

Уже смеркалось при входе войск. Конный проскакал, первая редкая цепь прошла на торопях. С опаской, робко сначала выходили за ворота люди, вновь запрудили тротуар.

Громкими криками встречали солдат; запыленные, в касках, проходили ряды, звучали шаги. На перекрестках собирались толпы, передвигались – казалось, они чего-то ждут.

На углу, у суда лежал навзничь труп, уткнувшись, на нем были высокие сапоги. Из разбитого черепа выступил мозг грязной губкой, запеклась лужа черной крови.

– Так им и надо, злодеям, – проговорила женщина и ткнула ногой.

Провели улицей двоих, один был бородатый и большой, а

другой маленький и сморщенный. Он смешно припрыгивал, и в руке его болтался котелок красной тусклой меди. Бежали следом мальчишки, крича:

– Коммунистов поймали, комиссаров!

Кольцом обступили стрелка. Измученный, молодой, почти мальчик, он грустно опирался о винтовку.

– Наша рота первая пробилась и захватила переправу под огнем. С полуночи шли не отдыхая.

Продвинулась девушка и подняла черную вуаль, зарыдала:

– Почему раньше не пришли вы? Убили братьев моих, на прошлой неделе – обоих.

Закусив губу, она ушла – и расступилась толпа, давая дорогу. А молодой солдат оправдывался виновато:

– Не могли мы наступать, не было снарядов тогда.

Хлестнули по воздуху выстрелы, стреляли из домов, где-то близко совсем. Сгорбились люди и расходились.

– Ведь это немцы пришли, – неожиданно отчетливо явилась мысль, зародилось смутное чувство.

Ночью горело. В черном небе за окном полыхало огненное зарево и погасло на рассвете.

* * *

Город превратился в лагерь. Все полно было войск, площадь заставили фургоны, по улицам ходили патрули. Женщины казались нарядней.

Набирали добровольцев в Русский Отряд, тянулся по двору длинный черед. Офицеры были в погонах, гимназисты, студенты, красноармейцы жались боязливо. Говорил веснушчатый вихрастый солдат.

– Так я не скрываю, что у них служил. По мобилизации шел, тверские мы. Отлучился я это время из роты, да и отстал, а тут стрельба пошла. Всю ночь я в канаве пролежал и выйти боюсь, уже наутро пошел прямо на караул. Так и так, говорю, что хотите, то и делайте, а я еще под Варшавой воевал. Ты коммунист? – спрашивают. Ну а какой я коммунист, разве такие они бывают. Твое, говорят, счастье, иди к нам поступай, белым хлебом кормят. Я и пришел, я сам тверской, Кашинского уезда – может, знает кто.

– Господа, адмирал Колчак Самару взял, – крикнул артиллерийский подпоручик, вставая на носки, – вот газета! Да здравствует великая, единая Россия!

Ответили радостно и громко. Мальчикомандиреалист отвернулся, в глазах его были слезы.

На лестнице замолкли голоса, скрипели ступени. Закрылась дверь. У окна сидел полковник, откинулся на стул назад, играя пером, – я подошел к столу:

– Студент, в войсках не был.

– Завтра с вещами в двенадцать часов. Следующий.

В больнице лежал отец, он сильно изменился. Что-то новое было в знакомых до боли чертах, может быть, тени у глаз.

– Плохо со мной, – сказал он. – Если случится что, помни, ты старший.

– Папа, я записался в отряд.

Долго молчали. Пахло из сада зеленым листом, и впервые почувствовалась весна. Золотыми квадратами ползло по полу окно и удлинялось.

– Ну, иди с Богом. Может, не увидимся больше.

– Не надо, папа.

Отец перекрестил меня широким крестом, мы поцеловались. Жгло в глазах.

На следующий день, в обед, нас построили во дворе, выравняли. Тяжело опустился полковник с крыльца, замерил все. У ворот пригорюнилась баба.

– Чины нашего отряда подчиняются уставу до семнадцатого года. Война ведется нами до полной победы над большевиками. Увольнение возможно только по инвалидности или при расформировании.

Он остановился, мы стояли неподвижно.

– Согласны вы служить?

– Согласны, – раздалось среди тишины.

– Поздравляю вас с зачислением в отряд.

Он сделал несколько шагов. По шеренге прошло движение, и глубоко вздохнула грудь.

– Кто старший по чину?

Выступил вперед штабс-капитан и козырнул.

– Вот списки. Доставьте добровольцев в штаб.

– Слушаюсь.

Он сделал полуоборот.

– Направо, шагом марш!

Мы повернулись и пошли. На небе было большое блестящее солнце.

* * *

В польских лагерях жили русские солдаты, им было некуда идти. Тянулись дни.

В офицерском бараке от скуки вольноопределяющийся писал дневник. Скверный был у него почерк, с одного взгляда ничего не понять, и не любил он, когда заглядывали через плечо в его тетрадь.

Вот отрывки этих записей.

«Пятница, 2 мая. Не знаю, что делать дальше. Хочется домой, хотя бы взглянуть, что там. У Ковеля, говорят, можно перейти границу – но ведь не вырваться назад. А остаться нельзя. Чувствовать и переживать этот кошмар – и молчать, не в силах помочь. На Родине быть чужим. Боже, когда это кончится? Вечерами сжимается сердце от песен.

Воскресенье, 4-го. Отношение к русским враждебное, выбраться бы скорей. Возле Пинска формируется офицерский отряд, но не тянет туда, все равно не будет толка.

Среда, 7-го. Хорошо выспался. Познакомился с русской девушкой, вышло это нелепо. На нее напала собака, стараясь ухватить зубами платье, а она беспомощно озиралась – пришлось вмешаться мне. Может быть, глупо, но я снова почувствовал себя мальчишкой.

Пятница, 9-го. Во сне я видел батюшку. Он прошел мимо меня с винтовкой, и я не мог его окликнуть: был связан рот. Будь что будет, свой долг перед Россией я выполню. А если вернусь домой, то сумею в своих поступках дать отчет. Только бы встретить всех живыми.

Понедельник, 12-го. Итак, решено. На юг пробраться не удалось, но записался в армию генерала Юденича. Завтра предполагается отправка во взятый Петроград, маршрут – Либава, Данциг, Гельсингфорс.

Четверг, 15-го. Нашел земляка, он не так давно оттуда. О родных ничего не знает, все там изменилось, и улицы называются по-иному. При нем тронулась Волга. Вечером я бродил с Галиной по полям, она рассказывала о себе, и не понять, что было в детстве и что вчера, – она и теперь ребенок и на белом свете одна. Мать умерла, отца расстреляли, а ночью ушла и ищет какую-то тетушку.

Понедельник, 19-го. Записался в западную группу армии генерала Юденича. База – Либава. Этот фронт неважный, но везде можно пользу принести. Все равно, только бы ехать.

Суббота, 24-го. Был у всенощной. Галка говорит, что молится о радости жизни. Когда она вдруг замолчит, хочется погладить ее по волосам.

Вторник, 27-го. Все сидим на месте, и кажется, что не будет конца. Годы проходят, а нет ни знаний, ни опыта – когда же жить? А если нам не суждено, то с честью бы погибнуть за святое дело.

Ведь уже четырнадцать месяцев, как мы не то беженцы, не то пленные, не то еще черт знает что. Предлагают ехать на Мурман, но все равно не отправят, да и подальше от англичан.

Четверг, 29-го. Едем в армию. Эта весть всех встрепенула, не верилось даже. Вчера на толчке продал лишние вещи, некоторые будут не нужны и чтобы не возиться. И тут же проигрался в лото – случилось в первый и последний раз. Вечер провел с Галиной, она опиралась на мою руку, и сердце ее билось громко. Она не хочет оставаться и собирается с нами сестрой или добровольцем, только волос ей жалко. Отец бы позволил, и ее не узнают, потом заплакала.

Вторник, 3 *июня.* Встал рано, написал письма, настроение было неопределенное. К радости примешивалась грусть разлуки с близкими теперь людьми. На вокзале нам выдали деньги. На небе не было ни облака – дай Бог, чтобы наш путь и вся последующая жизнь были таковы. Начинает темнеть. Пробегают поля и леса. Кажется, что едем после долгого отсутствия домой. А закроешь глаза – и на самом деле так».

* * *

Майское наступление окончилось, части с боем отходили, сдерживая натиск превосходящих сил. Армия возросла и завоевала тыл. По всему фронту шли упорные атаки противника.

* * *

13 июля, в воскресенье утром, мы прибыли в Ямбург.

Солнцем был залит вокзал, напирала толпа, горели нарядные разноцветные платки – грянула музыка. Зазвучали медные трубы, барабанный бой, звенели бубны. На путях бежали, спотыкаясь о рельсы, шумели, строились, замолкали и равнялись ряды, поворачивались головы. Ухал выстрел, раздалась команда:

– Смирно!

Эхом перекатилось издали, все приближаясь:

– Слушай, на караул!

Беззвучно блеснули и застыли винтовки, заиграли на них лучи. На платформе, окруженный офицерами, командующий встречал войска, почтительно наклонился адъютант в белых аксельбантах. Поднималась к высокому небу молитва Русской армии.

– Коль славен наш Господь в Сионе, не может изъяснить язык.

Откинулся народ. Подобрав штыки, плечом к плечу, друг другу вслед, отбивая тяжелый шаг, проходили, и одним дыханием, как толчком, отвечали роты, ударяя на последний слог:

– Постараемся, ваше превосходительство!

* * *

Тихий уездный город, издали видны одни колокольни и главы церквей. Тянутся заборы вдоль песчаных улиц, ржавеют вывески. В трактире роились мухи, и на покосившемся бильярде все шары падали в один угол. По запущенному парку гуляли швеи.

– По случаю теплой погоды позвольте вас проводить.

– Ах, нахал!

* * *

В полночь выступили. Город спал, глухо отзывался топот ног. Неподвижно чернели вагоны, летели фонари в невидимых руках. В темноте разместились, заревел паровоз, рванулся поезд и загромыхал. На станции, в лесу, выгрузились и пошли, занялось утро. Вытянулась по дороге колонна, завернула, запели впереди.

* * *

4 июля, в понедельник, вольноопределяющийся нашей роты на привале, сидя на пне, записал в дневник:

«Начинается новая боевая жизнь. Сейчас мы пообедаем и пойдем, в трех верстах отсюда находятся большевики. Еще не могу себе представить, какое будет чувство, пугает неизвестность. Я никогда не стрелял в человека, это будет такой же русский. Как бы хотелось, чтобы этот первый бой был за нами».

* * *

Деревню мы заняли безлюдную – особенная, редкая тишина лежала над ней. На березовой опушке выставили посты, горечью трав напоен воздух. Хлопал лист лопуха. Несколько дней прошло спокойно, и вернулись из леса крестьяне. Старый дед с пробитым

морщинами лицом, как у Чудотворца Николая, крепко засел на печи и оттуда медленно расставлял слова. Темный он, и ему все равно умирать, а только бес одолел. Хлеб отбирают, скотину и ту переписывать стали, опять земля, так она не всякому нужна – вот коммуна. За грехи все, Бога забыли, не стало правды у людей, и потому ушел Государь. За Уралом скрывается он в скиту, молится и слезы считает, и пролитую кровь.

– Так сказано в Писании и сроки назначены – шесть лет. Тогда он вернется и будет крестьянским Царем.

В пятницу в полдень выступила 3-я рота, и тотчас с другой стороны из рощи показался неприятель. Затрещали выстрелы, и по дороге вскачь понеслась конная разведка. По тревоге мы заняли окопы, и было приказано молчать. С громким криком приближались всадники, поднимая тусклую пыль. Сверкнули наголо шашки, и слышался топот, – уже были видны отдельные кони и различались лица. Судорожно корчились над спуском пальцы и рябило в глазах.

– По кавалерии пальба, – растягивалась и вдруг оборвалась команда: – Взвод, пли!

Раздались, перекатились по полю выстрелы, подхваченные лесом, придушенные, смолкли вдали. Грянули снова и рассыпались. Присели передние кони и повалились, прыжками вытаскивал ногу из стремени солдат и упал. Все завилось и метнулось клубком.

* * *

Перед вечером нас сменили, и мы пошли колеями, взрытой дорогой, было сухо и пыльно. Взвилась и полилась широкая песня:

– Перед ротой капитан, перед ротой капитан хорошо маршировал.

За золотыми полями синела даль, терпко пахло медуницей, и розовела кашка. Легко ступала нога, не слышно было винтовки на плече, полная дышала грудь.

– Эй, эй, любо да люли, здравствуй, милая моя!

Низкое солнце било в глаза, и слабый ветер бежал. Смолкла в погорелой деревне песня и снова отозвалась. Из пепла и камней торчали черные дымоходы. Обуглились ветви белых берез.

– Деды всплакнули, рукою взмахнули: Божья, знать, воля идти на врага.

Погасли последние лучи, и серыми стали облака, тени протянулись через всю дорогу. Расходился грязью перекресток. У

околицы нас встретил тяжелый капитан, запыхавшись.

– Благодарите поручика, он погоны увидел в бинокль – мы собрались стрелять.

– Ну, нас тоже так просто не возьмешь.

– Мы устроили вечеринку.

Капитан махнул рукой. С темных крылец и скамеек доносился визг и смех, что-то белело. Бездумно шли и молчали. К дороге подступил бор лохматой стеной, и мягче сделались шаги, впереди были спины 1-го взвода. Вдруг окрик:

– Кто идет?

– Свои.

– Какого полка?

Мы дошли до усадьбы. Была ночь, усеянная звездами, и в ней блудили ружейные выстрелы.

* * *

Безоблачным утром мы двинулись дальше, дорога шла сосняком и было свежо. Томила усталость и тянуло ко сну, взводный угрюмо ворчал. У загиба остановились, за стволом стоял часовой и прислушивался. Занялись, пулеметы сняли с подвод – они были как звери, вот встряхнутся и побегут. Мы расступились и пропустили 7-ю роту вперед. Молча и с поднятыми головами она пошла и пропала за поворотом, – было жутко и в то же время жаль, что не мы повели наступление. В тишине с лязгом примыкал кто-то штык.

– Посмотрю я на тебя, настоящий ты будто солдат и все на месте. Только самого главного нет – тридцать пятого винтика.

– Иди ты к черту, дурак!

Застучали выстрелы, как будто рубили дрова, завизжали пули. Спокойно сидел на камне полковник, тростью чертя на песке. Девочка-подводчица спрятала на ладони лицо – вздрагивала тонкая косица.

– Нет хуже этого стука, когда долго не был в бою. Потом снова привыкнешь.

– Скорей бы начать.

Затихло, и обочиной мы зашагали узкой, твердой тропой. Поручик впереди не оборачивался, пригрело солнце. За лесом в пустых окопах валялись винтовки, патронташи. Было брошено пулеметное гнездо, точно деревянные лежали убитые – у одного, вывернувшись, упиралась в насыпь нога.

– Ранен, – проговорил кто-то позади.

– Шальная, от ней не уйдешь.

Были раскиданы красные повозки, вели навстречу пленных с опущенными головами, и не хотелось на них смотреть. Попадались раненые и носилки – как много крови в человеке.

– А хорошо мы шли, и вы им покажете.

– Будь спокоен.

– Ефрейтор, как вы пленного ведете? Сзади нужно идти.

Потянулся зеленый молодняк, подорожник рос. Шли глубокие колеи и расплывались. Поручик смял и бросил папиросу:

– Налево!

Мы свернули, рассыпались. Густо было и просвечивало наверху. Проваливались ноги, били ветви по лицу. Неожиданно вокруг начался треск сухой лучины, и запели пули тонким свистом, по-комарино-му. Хотелось броситься на землю, но мы побежали вперед. Щелкнули затворы, взлетели винтовки – в яме с хворостом засели два человека, дернулись и замерли без звука. Казалось, нужно остановиться и что-то сделать, но вдруг выпала мысль. На опушке легли, и разом сузился горизонт.

– Когда ты услышишь пулю, она уже пролетела. Ей и поклонишься.

– Смотреть вперед, на неприятеля!

Опрокинулось небо бездонным куполом, как куча грибов лежала деревня перед нами, поблескивали стекла. Пряло солнце в траве, и нельзя себя было представить раненым или убитым.

– Высоко берет, – сказал кто-то, и невольно поднялись глаза.

Сердито рявкнуло орудие позади, ширкнул птицей снаряд и лопнул впереди, как стакан. Дымом и пылью разорвалась земля.

– Перелет, опять – эх, не умеют они.

– Этот попал, там ползут.

Направо пулемет, как ящерица, рвал воздух, плашмя лежали по бокам номера. Поднимались, злобно крича. Мы побежали, брызнуло пулями. Сквозящим березняком обогнули и ворвались в деревню. Стояли избы с закрытыми ставнями и не отворяли нигде, мычала корова. За забором прятались солдаты и вдруг подняли руки, гурьбой двинулись и стали. Темные, большебородые, последний молодой – каждый имел свое лицо. У одного был табак, и он вытряхивал пальцем кисет.

– Ты много не бери, чтобы хватило на всех.

– Господин поручик, куда пленных девать?

– Стреляли они?

– Мобилизованные мы.

– Я, ваше благородие, старый унтер-офицер.

За улицей опять начался лес. Шли гуськом, на соснах трещали шишки. Связь обрывалась и потерялась, отвечало эхо –

ржавое болото тянулось в стороне, пахло хвоей и грибами. Сбились кучей, у поручика потемнели глаза.

– Прямо вперед, на дорогу!

Синим пологом поднялось небо за стволами, неожиданно остановились, прежде чем выйти из деревьев. Нас встретил огонь, дрогнули люди. Схватился раненый за руку другой рукой и выронил винтовку. Встал крик и треск, пищали пули. Мы в поле перебегали и ложились, выстрелы шли. Тело было легким, шумела кровь в ушах.

– Не отставать!

Слепило солнце, приплюснулась деревня за рекой. Обезмолвилась, мы спустились под откос. Быстро неслась вода, журчала горька, опирались прикладами и перепрыгивали по камням. Все торопились, но не стремился никто быть первым.

«Та-та-та», – рассыпал пули, точно бусы, пулемет и стал нанизывать.

Сердце забило раздельно, тяжелыми, медленными толчками. Мы приникли к земле. Роились пули, змейками вставала пыль. Мгновенной тенью метнулся огромный шмель, шелковой рубахой прошуршала шрапнель, высоко сверкнула желтая звезда, ударило, как градом в окно, поплыл дымок. Прозвенел, падая, пустой стакан.

– А-а-а, – послышался стон, и притворно кто-то закричал.

И вдруг почувствовалось все тело, до пальцев на ноге, и захотелось сжаться – оно занимало столько места. Казалось, что сейчас вопьется пуля и что это уже однажды было пережито.

– Так до темноты не уйдешь.

– Ты патроны береги.

– Теперь бы закурить.

Рассеялась стрельба и замолкла, мы продолжали лежать. Из опушки выдвинулась цепь, растянулась темной лентой. Перетаскивали пулемет – он упирался, спотыкался. Тогда мы бросились напрямик по деревянному мосту, все держались вместе. Нетерпеливо застучали в дверь, босоногая девка вынесла чашку молока – она была как жеребенок и пахла яблоками. Оскалила беличьи зубы.

– На, подержи винтовку.

– Боязно мне.

– А нас ты не пугаешься?

– Нет, молодых не страшно.

С двух концов входили в деревню солдаты, вздрагивало длинное орудие, прислуга тряслась на передках. Были видны бабы и дети и среди них мужики. Солнце скрылось за ощетинившимся лесом, чище становилось небо, и вышла бледная

луна.

* * *

Ночью спать не пришлось. В низком беззвездном небе хрипя неслись снаряды. Как будто гремела железная телега. Иногда на них не обращали внимания, но страшны были другие, и тогда ждали разрыва. Загорелись избы красным огнем, и неумолчно трещали. Голосили бабы и бегали мужики. Лошади толпились, путая постромки, бесясь, звеня недоуздками. За деревней мяли, топтали высокую рожь, она не ложилась. В проросшей земле рыли окопы. Незаметно позеленел восток, и в смутной дали появились густые, черные цепи. Пулеметчик припал к пулемету и одной дрожью задрожали оба, заливаясь серебром. Вспышками усеялось поле. Опять и опять вставала мушка, толкая плечо. Кричал прицел.

– Тринадцать!

– Двенадцать!

Поднялись цепи, пулемет поперхнулся и стал неподвижен.

– Аенту, ленту, номер!

Звон стоял в ушах. О том, что будет, не думали.

* * *

21 июля, в понедельник, вольноопределяющийся записал в дневник:

«Мы были в боях, наша рота показала себя. Много было новых для меня ощущений. Хуже всего пулеметы, но в общем чувствуешь себя спокойно – я ни за что не дал бы заметить другим свой страх».

* * *

В дождь выступили, земля была сырая, и дорогой мы присаживались на брошенных патронных ящиках. В деревне разместились в покинутых избах, в раскрытых сундуках пестрели тряпки, и поодиночке возвращались крестьяне. Через два дня мы выбили противника из укрепленных позиций в лесу и стали заставой.

Погода была жаркая, млело небо. Далеким громом доносилась канонада. На пригорке дремали усадьба с белой

колоннадой и тиной подернутый пруд. Но в доме не было целого окна, горы разбитой посуды и взломанные шкафы, крапива росла у крыльца. Садовник обещал смотреть за могилами.

Красный закат за стволами и золотистый туман на полях. Потом зыбкая ночь и на луне длинные тени. С деревьев что-то сыплется, неясный шелест, как дождь, в вышине. Вдруг выстрел.

– Та!

Отзывается глубина, все замирает. Чудится движение у оврага. Зажмуришь глаза и снова их откроешь: нет ничего. Дрожит высоко голубая звезда.

– Та-та!

Бледнеет сумрак, и запах трав пряный, на сапогах роса. Ломая хворост, пробирается чащей лось на водопой.

– Та!

Пламя костра, мигают отсветы в вершинах, лежит офицер.

– Разрешите, господин поручик. Не спится.

Отодвинулся и поднял лицо. Две половины – черная и красная, и не видно – двадцать пять лет ему или пятьдесят. Затянулся, и дым у него, чудилось, выходит из волос. Темными листьями шелестят слова:

– Я помню другую ночь, ничего нельзя забыть. У меня был образцовый сад – я каждое дерево знал, что садил мой отец. В одну ночь все вырубили, так, просто. Но о саде, быть может, я не думаю вовсе. У меня была жена, она заплетала волосы перед сном и тогда казалась девочкой. Откинет косу, а пальцы уже перебирают вторую. И вдруг пьяные крики.

– Лучше не надо. Нам будет тяжело встречаться.

– С тех пор я считаю убитых.

Он опустил голову, на лицо упала тень, и только руки горят как в крови. Слышатся шорохи ветра.

* * *

2 августа, в субботу, вольноопределяющийся записал в дневнике: «Расстрел у нас называется отправкой в Могилевскую губернию».

* * *

Почему мы ушли за Лугу, никто не знал. Утром вернулись в деревню с заставы, ночью нас сняли с гулянки. Красными гривами полыхали на поле дымные костры, жались друг к другу нарядные

девки, была примята, притоптана кругом трава. С громким криком впрягали в телеги лошадей, тянула тонкую ноту гармонь – мы с песней пошли. За краем дороги волновалась темная рожь, теплый ветер дул навстречу.

– Кому мои кудри, кому мои русы доставалися расчесать.

Только наутро, при переходе через реку, стало ясно, что мы отступаем. Текла вода. Стоял над глубоким обрывом полковник, освещенный розовым солнцем, ничего не говорило его лицо. Грудились у спуска подводы. По одному сводили коней, осторожно ступавших передними ногами. Размытая глина оползала. Толпились, кричали солдаты:

– За оглобли бери ее, черт! Правее держи, правее!

– А ты что здесь за командир? Без тебя хороши.

На подводах переправились стоя – вода струилась по ногам. Фыркали кони. Кручею поднимались наверх, плечами подпирая задки. Блестели вымытые колеса.

– Поддержи, разом бери! Э-эх!

Уже на этом берегу, в ожидании сбора, заговорили о прорыве. Какой-то полк не устоял, эстонцев винили. День начинался жаркий – клонилась тяжелая рожь, и на межах синели васильки.

* * *

3 августа, во вторник, вольноопределяющийся записал в дневнике:

«Мы в походе, идем в тыл. Люди шагают бодро, во всех взводах свои песни, не смолкают. Недели, проведенные на фронте, связали нас, и рота стала мне родной. Я знаю, что в каждом могу быть уверен, как в себе».

* * *

Река осталась позади, уходила дорога за холмы. Черный куст вдали топорщил ветку, точно звала куда-то рука. Змеей расползся обоз. Дребезжала кухня, на запятках подмигивал хромой кашевар:

– Что ж, я вас плохо кормил, ребята?

– Молчи, не то утопим во щах.

Большими переходами шли, стояли в деревнях, двигались дальше. С песнями смыкались в ряды, растягивались далеко; скрипели подводы. Утром окутывала роса, блестела на затворах, жгло в полдень солнце, на плечах давила винтовка, к вечеру тускнело кругом, по пятам следовали длинные тени. То жаркие

были дни, то лили дожди. Тогда темнело все, полно было водой, пахло шинелями.

Стягивались, перемешались части. С пехотой сталкивались на перекрестках, закуривали, спрашивали земляков. Повозки с ранеными ехали шагом, с сеном воз – на счастье вырывали пучки. Проходила конница, догоняли всадники, качаясь в седлах. С железным грохотом застряло орудие в тонкой луже у моста. Гикали, хлестали лошадей ездовые.

Дорога была все одна – поля, леса, перелески, луга, деревни, села, белые церкви. Один день был похож на другой. Лаем встречали собаки, звенели у колодцев ведра, скрипели журавли, по улицам метались квартирьеры и ругались. Крестьяне считали нас своими, и только из-за яблок были ссоры; их солдаты сбивали ночью в садах. На стоянках повторяли строевые учения, перебегали, ложились. Подпоручик никак не мог втолковать семь главных частей винтовки.

В деревнях собирали сходы и требовали лошадей.

Наконец настало ясное утро. Калачом свернулся обоз и лег, как-то сразу затих. Рыжели пропаленные кострами дыры в траве. Отделилась, вытянулась лентой голова и оторвалась. Толстый артельщик стоял на перепутье и говорил нам вслед бессмысленные слова:

– Уж вы там тово, а мы тоже всегда.

Частью пошли, начинались низкорослые сосны. В воронках от снарядов ржавела вода, белели деревья на перегонах. На полянах в лесу пахло кострами, в козлах стояли винтовки, и распоясанные солдаты выглядывали из шалашей. Мы штыками раздвинули кусты. Хлопотливо стучал вдали пулемет, как дятел, внизу переливалась вода. Мы вернулись на реку.

* * *

1 августа, в воскресенье, вольноопределяющийся записал в дневнике:

«Мы стали на позицию. Сегодня при смене заспорили подводчики. Размахивая кнутовищем, наступала скуластая Дунька, а чужой старик топоршил бороду, но крепко стоял на своем – что его полк лучше. И только на довод, что у нас и форма своя, особая, и что англичане нас знают, он замолчал и отъехал в сторону».

* * *

В начале августа полуторамесячное наступление противника было сломлено. Отдав Ямбург, наши части остановились на линии реки Луги. Фронт затих, и только на юге продолжались крупные бои: потом пал Псков.

Армия восстанавливала и пополняла свои силы. Наш отряд был развернут в дивизию – мы стали первой ротой первого полка. Вторую составляли из пленных и перебежчиков, а в третью вошли по призыву окрестные крестьяне. Поручик принял батальон, и ротным сделался прапорщик.

Потянулись будни позиционной войны.

* * *

В болотах и лесах темным телом распласталась река, повернулась и обвалила берега. Золотом сверкает на солнце чешуя.

Черная деревня торчит на бугре, точно выползла утром из чащи и к вечеру снова в нее уйдет. Уже потянулись к опушке гумна и бани, но избы еще в раздумье ждут. Как на зеркало, загляделась на воду и не оторвется крайняя над склоном – а на что ей, сутулой?

Не хотят и крестьяне жить в лесных берлогах. Широкие здесь девки, бабы полногрудые – у них ветер в голове. Мужиков подняла и разметала война, а старики, известно, упрямы – одна надежда у них на Бога.

– Не волки мы, чтобы быть в бору. Вот из села ушли, и все сгорело дотла. Может, Господь помилует и так.

Так все и остались, только скот угнали на поляны, а в деревне засела застава. Она весь берег, как оспой, изрыла окопами и гвоздями. В сараях на соломе солдаты закурили табак, а в крайней избе поместился поручик – только окна завесили одеялом. Не смолкала перестрелка на реке; по утрам будил бомбомет, и к избам начала пристреливаться артиллерия. Теперь уж им не уйти.

* * *

Была ночь предосенняя, сухая. Деревня спала мертвым сном. Насупился бор, впросонках шепталась река. Улицу вымеривал шагами часовой – в каждую сторону пятьдесят. На углу он постоял, потом вскинул винтовку и снова зашагал.

– Спокойно все.

У сарая в тени закурили торопливо, подтянули ремни, поправили подсумки и пошли. Два человека в дозор. Оставшийся взглянул на небо, нашел в звездах ковш, зевнул и повернулся к дверям:

– Через час сменить посты.

А те двое шли просекой, потом тропой и дальше берегом. Лизала, глодала песок вода, тянуло прохладой, и стлался туман.

– Ты перебежчик?

– Нет, пленный.

– Охотой шел?

– Нет, по назначению. Не спрашивали нас.

– Ну и что?

– Ничего. Все одно где служить.

Был в чаще овраг, поросший буквицей; немолчно журчал на дне его ручей, слышный только ночью, – казалось, не выбраться отсюда никогда. В окопе под коряжистым обрывом стоял пост. Опутали черные корни упавшую глыбу огромной паутиной. Лунный луч метнулся за рекой и застыл. Побежал камень и зазвенел.

«Та-та-та», – сорвал три выстрела пулемет на той стороне, и по веткам чиркнула пуля.

– Кто идет?

– Свои, дозор.

В полевом карауле на даче топили забором камин. Серым пеплом затягивались угли, колыхались тени. Лежа на локтях на полу, непонятно и путанно говорил о правильной жизни солдат.

– Ну, правду все равно не найти. У Бога она.

– Так зачем ты живешь тогда?

– А черт его знает! Это одно рассуждение.

Шли вдоль берега в ельник, приостановились. Не шевелились деревья, зашумели вдруг и снова стали неподвижны. В заводи вздрагивали светляками звезды. Вынырнула, унырнула с тихим плеском рыба.

– Та-тах!

Загорелась красная вспышка, сделалось темнее, пронесся выстрел и еще долго звучал под водой, перекидываясь с берега на берег. Не спеша тот отдернул затвор, опустил винтовку, и дальше пошли.

– Ты что все позади идешь? Не уйду.

– Да. Не уйдешь.

– От них не бегал и от вас не убегу.

Над болотом было влажно и тихо, плыл месяц серебряным рогом. Оторвалась тень и покатилась. Стороною следовал волк, осторожно хоронясь.

– У них-то лучше, что к дому близко. Все как-то тянет.

Корчила рожи поваленная сосна, волосами вились растрепанные корни. В елях, в колючем можжевельнике, прятался секрет. Загибалась река, мурлыкали, ластились к берегу волны, плыли по воде раскаты далекой стрельбы. Задувались звезды одна за другой. Упала подгнившая ветка.

– Кто идет?

– Свои, дозор.

Светлела ночь, зеленели черные листья. В лесной трущобе в яме потухал костер, тянулся по воздуху голубой дымок. Укутанные шинелями лежали солдаты вокруг, прапорщик, согнувшись, обхватил колени руками и далекими глазами глядел вперед.

– Донесете поручику: у меня сегодня ночью перебежал унтер-офицер вплавь, с поста. При смене нашли только винтовку.

* * *

30 августа, в субботу, вольноопределяющийся записал в дневнике:

«Вчера утром наша батарея обстреляла противоположную деревню. Попадания были хороши. А перед полуднем стали бить по заставе, и первые четыре снаряда разорвались возле избы. По телефону было слышно, как наблюдатель корректировал огонь, но успели его прервать. Почему-то он считал, что хутор на том берегу. Контужены капитан и один из стрелков. Сегодня в нескольких местах были попытки большевиков перейти реку, но везде отражены».

Того же дня, вечером:

«Правее прорвались большевики. Часть полка отошла, мы также собираемся, чтобы не быть отрезанными».

* * *

Посты и дозоры, три смены по два часа, а через сутки в полевой караул вперемежку со второй ротой – кто их знает. Из деревни мы перешли на хутора.

Хозяева были чухонцы. Вспугнутой курицей носилась старуха с утра – за всем не доглядеть, – потом устанет и сядет у печки. А старик болтался больше так. Молчит, молчит и вдруг подойдет и вынет трубку.

– Ползут там, ты начальнику скажи. Как бы не было чего.

– Ничего не будет, это смена у них.

Поднимались за рекой обгорелые трубы, как пни. Утром, в обед и под вечер спускались оттуда бабы и девки за водой, а они не могут не говорить. Вся деревня нам была знакома. А одна была девка, Марфушка, так та приходила белье полоскать. Ну, не выжимать же его молча, зато и речиста была – язык без костей. Крикнешь:

– Марфа, что слаще меда, скажи?

– Бабий подол тебе, озорник. – Уж она отгадала, а будь ближе – отогрела бы мокрым жгутом.

Раньше и с красноармейцами был у нас разговор. Выйдет, бывало, маленький прапорщик на берег и во все горло зовет: эй, кто там, поговорим. А там в кустах покажется высокий человек в кавалерийской шинели, комиссар. И пойдут они лясы точить на разные политические темы – тут тебе и революция, и старый режим, и золотые погоны, и Западная Европа, и Америка. Прапорщик был как кипяток – сначала будто ничего, а потом как забурлит, как вскинется. Комиссар же походил на веретено – ему все пункты подавай, во-первых и во-вторых, и наматывает, и наматывает. А мы лежим начеку, винтовки на боевом взводе – на всякий случай. Только как дойдут они до точки, прапорщик махнет рукой и отойдет: черт с ним со всем. А комиссар бы рад, да мы не даем: довольно, стрелять будем. Так всегда эти разговоры и кончались перестрелкой. По правде сказать, прапорщик смешной был: короткий, в куцей шинели. Говорил он нескладно, путаясь в собственных словах, – наберет их полный рот и подавится. Но мы его постоянно считали правым.

– Тот что баба, – говорил густобородый солдат второй роты. – Ты ему слово, а он тебе десять. А что толку в бабьих словах?

В то время мы выменивали также табак. Мы станем на этом берегу, они на своем. Сначала сговоримся, что давать, а потом начнутся пререкания, кому переплавляться – нам, добровольцам, нельзя, а они все мобилизованные.

– Эй, кто там у вас прячется в кусты?

– Да это часовой.

– Так пускай выйдет и положит винтовку.

Тогда переплывал красноармеец, в одной фуражке. Вылезет из воды, весь мокрый, станет навытяжку и руку к козырьку:

– Здравия желаю, ваше благородие. Так что явился в ваше распоряжение…

– А ты бы остался у нас, что тебе там делать? Верно, ефрейтор?

– Никак нет, младший унтер-офицер. Только нельзя мне – у них брат.

Табак был у него в фуражке, сало и хлеб он завязывал в узел на спину и отправлялся обратно.

Но потом утонул перебежчик, другого ранил поручик, не стало комиссара-соловья, и части против нас сменились – мы стали брать друг друга на мушку, и были потери.

И вот мы однажды пообедали, поспали на сеновале и вышли на реку. Знойный день был и ни ветра. Свистнула пуля, и раздался выстрел. Кто-то сказал:

– А может, они так стреляют, зря. Мы ведь им неизвестны.

– И то правда. А ты втолкуй!

Мы засели в окопе, положив винтовки на вал.

– Товарищи, а товарищи!

– Щи, – ответило эхо.

– Товарищи!

– Щи.

– Ну, ребята, стреляй. По кусту бей, там он сидит.

Мы дали залп, и выстрелы зазвенели в ушах. После одной обоймы зашевелился куст.

– Чего вам? – донеслось через реку.

– Ага, заговорил! Ты какой губернии?

– Псковской.

– Земляк, значит!

– Чево?

– Земляк, говорю! А уезда?

– Порховской.

– Ага! А я Островской! Слышишь, Островской!

– Знаю.

– А как же, ты земляк мне, и вдруг комиссарам служишь, а? Нешто ты не понимаешь, что не православные они, а?

– А вы за помещиков идете.

– Это вас коммунисты смущают! Коммунисты, говорю, смущают! А мы за это самое, как его, Учредительное собрание стоим! Чтобы весь народ, значит, собирался! И чтобы земля крестьянам была! Земля, говорю, чтобы крестьянам была!

– Слыхали мы эти сказки, товарищи, пора забыть. Еще Керенский баял.

– Керенский дурак, слышишь?! А я тебе хоть и земляк, а не товарищ! Это ты брось!

– А как тебя, господином называть? Так теперь господ нету – вышли все.

– А вот мы тебя сейчас поучим, раз ты обращения не понимаешь! Стреляй, ребята, патронов не жалей!

Пошла стрельба. Сначала мы, потом из деревни ответили, вправо кто-то затрещал, вмешался пулемет, и по всему участку

началась перестрелка. Умолкнет, раздастся одинокий выстрел, другой, и снова все загремит. Только под вечер кончилось, когда затенились склоны. Тогда вышла баба с ведром и черпнула воды.

– Эй, тетка, как живешь?

– А вы, товарищи… земляки, – поправилась она, – не стреляйте, пожалуйста, в окна, такая к вам просьба от нас. Вот давеча бабу поранило и девку, а одну так убило совсем. А солдаты вам велели сказать, что не сидят они в избах – есть у них блиндажи.

– А девку-то какую убило?

– Ивана Петрова Марфушка, брательника держала на руках. Так вы уж постарайтесь.

* * *

8 сентября, в понедельник, вольноопределяющийся записал в дневнике:

«Вчера вечером тяжело был ранен один из старых добровольцев, надежды нет. Пуля пробила подсумок и разорвала патроны. Было темно, шли редкие выстрелы, и вдруг раздались залпы. Я побежал на берег – часовой лежал в кустах, по животу его ползли желтые огни. Он крикнул: все спокойно!»

* * *

Нас разбудили ночью. Впотьмах разобрали винтовки и вышли на улицу. Нависло небо овчиной, накрапывал дождь. Мелькали солдаты черными тенями, где-то в избах горели янтарные огни. Слышались сдавленные голоса, отдаленные выкрики.

– Становись, скоро ли там?

Возрос и замер шум. Слились плечи. Кашлянул кто-то.

– Кто чужую винтовку взял? – раздался тонкий голос в стороне.

– Какой ты солдат, – ответил бас. – Солдат бабу может перепутать ночью, а винтовку должен знать.

Хочется спать, дремлешь, опираясь на штык. Зябко.

– Что за дурак построил нас в самой грязи?

– Тише, не рассуждать в строю!

Это взводный. Зацокали, захлопали удары подков, храпнула лошадь. Поздоровался кто-то.

– Вот и начальник, должно быть, ефрейтор.

Снова тихо, путаются мысли, слипаются веки.

– Винтовку убери! Глаза выколешь, черт!

– Первая рота, шагом марш!

Задвигалась темная масса, оторвалось плечо. Смешались ряды, с лязгом сцепились штыки. Привычным шагом мы пошли. Пропел на задворках петух, собака брехала. Во дворах молотили хлеб, и пахло ржаной соломой. Потянулось поле черным простором.

– Вот тебе вместо отдыха и набег. Как будто только мы и есть.

– Говорят, без первой роты разведчики не идут. Да и то, куда им.

Светлел восток, по небу разливалась липкая муть. Резче выделялись винтовки, плечи и каски солдат, выступали темные обочины. Сапоги выплескивали лужи.

– А мне так кажется, нарвемся мы, что не узнаем своих.

– Мне бы только сапоги там найти, одно название осталось.

– А мне бы куртку кожаную, комиссарскую.

– Гостинец бы достать Клавдюшке, это где мы ночью были. Эх, девка!

– Покажут там тебе такую Клавдюшку!

У перекрестка свернули на поля, прыгали через канаву по одному. Расплывалась земля, вязли ноги, тяжелыми сделались сапоги. Как-то сразу выползла, раздвинулась землянка из полутьмы. Вилась проволока, потухал костер. Дремавший солдат вскочил, подхватив винтовку руками. Брызнули и рассыпались искры. Столпились, присели солдаты, офицеры собрались у огня. Загорались погоны, проваливались рты. В низкую дверь вышел, нагнувшись, батальонный командир, красный от пламени.

– Прапорщик, вы с добровольцами первой роты перекинете мост через быки. Займете деревню и двинетесь дальше.

– Быки пристреляны, нам лучше на лодках перейти.

– Прапорщик, я вас не спрашиваю, а приказываю.

Прапорщик повернулся и отошел от костра, разом потускнев. Хмурыми были в сумраке лица солдат, падали тяжелые капли.

– Все мы добровольцы, по назначению надо.

В тумане пошли как в молоке, сыро было и глухо. Огромные призраки вставали и расплывались, вырастали неожиданно они. Не было ни звука, одни шаги только. Хрустнула ветка под ногой – громко, нет, чуть слышно.

– Ванька, это ты?

– А что?

– Так, ничего.

Забурлило впереди. Оторвалась, зашуршала и комом плеснулась земля. Черной глыбой дымился бык.

– Не кури, ты, дьявол, увидят!

В мокрой траве, над обрывом легли. Наклониться хотелось и слушать. Бесформенным пятном поднялся навстречу часовой и вздрогнул:

– Пора.

В тягучем рассвете, беззвучно скользя, подавались лодки – из канавы наверх и вниз под откос, дальше от берега по камням и к быку. Корягами протягивались руки. Холодела зеленая вода, занозилась ладонь.

– Тише, в воду не бросай.

Вдруг хлестнул выстрел, как удар бича, шаром пробежал над рекой. Раскатистое эхо проснулось в лесу. По телу побежали струйки. Долгое и жуткое настало молчание. Хлопнул снова выстрел, загремел железом залп. Сорвались, зарокотали пулеметы. Сжались, остановились солдаты, задвигались. Крик стоял:

– Доски, доски, давай!

– Оглох ты, дьявол!

– Доски, доски, давай!

Как от молнии упала кудрявая береза с высоты, низко пронесся черный, громадный звук, шлепнулся в воду. С ревом вырвался столб, разлетелись брызги.

– Мина, – коротко сказал кто-то в возникшей тишине.

Спадал туман, бурела та сторона. Текла вода, в заворотах кружила, глотала. Плющились о камни пули. Ржавыми котлами громыхала река.

– Не глуши ты под самым ухом, черт! Куда бьешь?

Нестерпимо было стоять, хотелось в камень врасти и спрятаться. Лопнуло небо голубой полосой, брызнула и покачнулась серая завеса, клубясь. Вспыхнул солнечный свет. Швырком пронеслось над головой и глухо, как в бочке, рвануло впереди: ударила наша батарея – мы бросились вперед…

* * *

18 сентября, в четверг, вольноопределяющийся записал в дневнике:

«Вчера выдавали белье, отбитое у большевиков, мне досталась рубаха. Все сильно обносились, но не хотят раздевать убитых. Землянку мы кончили и уже перебрались в нее, печку думаем принести из деревни. Большевики по обещанию не мешали работе, и мы их похвалили. Кругом много грибов и ягод: я варю варенье».

* * *

Настала поздняя осень, и мы ушли в землянки в лесу. Пролетели журавли, и паутина перетянулась везде. Все побурело, в яме помутилась вода. Шелестел непрерывно дождь. Ночи наступили темные, ощупью ходили дозоры. Не смолкала ругань, ежась от холода, выжигали рубахи над кострами. По небу носились рваные тучи, набухла река. Топорщились захватанные карты. Единственную книгу выкурили до корешка – это была «История цивилизации» Бокля. Задремав у очага, взводный опалил усы.

В землянке второго взвода было тесно, но тепло. Трещали в печке дрова. Только изредка ветер с воем прорывался в трубу, выедая дымом глаза или сквозь плетеную дверь хватался за ноги студеными руками.

– Закутай двери, черт! Вестовых нету!

– А ты, хоть ефрейтор, не ругайся – всяких мы видали. Ну и холод.

– Беда. Замерзнем, как раки.

– Не замерзнем, а в наступление пойдем. Чай у вас есть?

– Ты не шуми, пришел и сиди. А чаев у нас нету – не трактир. Смирнову сказывать сказку.

– Что я за рассказчик? Так только слыхал, как люди говорят. Вот был у нас отделенный, в ту еще войну, точно по книге читал. И медаль имел. Впрочем, я не отказываюсь.

Он затянулся, бросил окурок в огонь и пихнул поленья сапогом. Раздумчиво спросил:

– А про что сказывать? Про то, как нанимался солдат работником к попу, про то, как женился солдат на королевской дочери, как обманул солдат черта – много их.

– Нам поскладней.

Он задумался, все молчали, потом встряхнул головой и заговорил нараспев, на «о» – был он с верхней Волги.

«– Шел солдат из похода в бессрочный отпуск. Шел он и думал горькую думу. Пять лет служил он верой и правдой, а нет у него ничего: ни кола, ни двора и голову негде приклонить. Долго шел он разными дорогами, и настала ночь. Завернулся солдат в шинель и лег под куст.

Только идет это мимо странница, к земле пригибается.

– Солдат, тебе холодно?

– Нет, в шинели тепло.

– Солдат, отдай мне шинель.

– Шинель – казенная вещь и не имею права, а вот тебе три копейки.

Отдал солдат последний алтын, а сам дальше пошел и попал на мельницу. А мельница не простая была – валит деревья ветер, а крыла не шелохнутся. Сразу всякому видать – нечистая тут сила, а солдату хоть бы что. Не такие дела приходилось делать.

Перекрестился солдат и постучался. Стучал он, стучал, а никто не откликается. И решил солдат выломать дверь. Налег он и двинул плечом, а она только затрещала. А наверху отворилось окно и выглянул мельник.

– Кто там жив в поле человек? – кричит.

– Пусти, – отвечает солдат, – ночевать, добрый человек.

– Нет на свете добрых людей и ночевать не пущу. А коли хочешь, служи у меня работником.

Видит солдат – податься ему некуда, подумал, подумал и говорит:

– Отворяй.

И поступил солдат в работники на мельницу».

– Тише, стреляют.

– Ванька в дозоре, не может он без стрельбы.

– Ты поди, узнай.

Поднялся нехотя Степанов, пробираясь по ногам. Упала винтовка.

– Спокойно, говори!

«– И поступил солдат в работники на мельницу. Служба легкая была, а уговор простой. Надо ему, солдату, ходить вокруг котла круглый год, а заглядывать нельзя. А жалованья был положен бочонок медных денег.

Помылся в бане солдат, надел новую рубаху и стал ходить. День ходил, второй ходил. Сначала скучно было, потом привык: ходит да посвистывает. Полгода ходил он и не утерпел.

«Дай, – подумал, – загляну».

Поднял крышку солдат, а котел пустой. Только открыть он открыл, а закрыть не может, что-то не пускает. А мельник тут как тут.

– Нарушил ты, солдат, зарок, – говорит. – Но если хочешь, служи еще один год – за серебро.

И опять заходил солдат вокруг котла. Целый год ходил, и осталась только неделя. А к котлу так и тянет. Солдат старается подальше, а рука поднимается сама – а там опять ничего.

– Ну, солдат, – говорит мельник, – если хочешь, служи еще третий год, заслужишь золота бочонок.

И третий год ходил солдат вокруг котла. Он весь год проходил, не заглянул и пошел за расчетом. Видит мельник – делать нечего, и выкатил бочонок. А под ним пол так и ходит, гнется – червонцы одни.

– Бери, – говорит, – солдат, все твое. А то, коли хочешь, я тебе три слова вместо них скажу. Аюбое выбирай.

Подумал солдат, подумал и проговорил:

– Сказывай слова, все равно пропадать.

А мельник:

– Вот тебе три слова – солдат, иди домой.

Плюнул солдат, накинул на плечи котомку и пошел».

– Ловко, однако.

– Э, черт, в свою землянку не попадешь! Что за дьяволы тут винтовки понаставили, чтоб им черт!

Холодом раскрылась дверь, просунулся в черное отверстие штык и от дождя мокрая каска. Это вернулся дозор.

* * *

10 октября, в пятницу, вольноопределяющийся записал в дневнике:

«Погода плохая, идет дождь. Большевики два раза устраивали демонстрации. Мы сменяемся и завтра наступаем – дай Бог успеха и здоровья».

* * *

В ночь на 11 октября мы пошли в наступление. О нем уже две недели говорили крестьяне окрестных деревень – они до снега хотели вернуться в избы из леса. Мы его также ждали; зазимками приближалась зима. Тогда же слышно стало о танках, а что за танки, никто толком не знал. Спорили о том, как перейдут они реку: мосты не выдержат, а вброд – зальет. К тому времени пришло английское обмундирование, и весь полк стал другим.

Днем нас сменили с заставы, вечер провели мы на хуторах. Догорала заря, когда мы вышли из леса. Стоги сена чернели, на полуобнаженных ветвях качались красные гроздья рябины, клочилась зелень. Все полно было людьми, дорогу заставили телеги, паслись в стороне стреноженные кони. Навстречу прошла девка за водой, качая бедрами. Остановилась, засмеялась, отвернулась. Звенели на коромысле ведра. Прапорщик стоял на крыльце, заслоняя от солнца рукою глаза.

– Ну как, ребята, застоялись – размяться пора.

Составили винтовки, скинули подсумки. В сумерках разложили костры. Вздрогнули тени, отступили. Кучками собирались, освещенные снизу. У солдат на груди были большие

белые кресты.

– Приказ такой, чтобы своих узнавали. И вам дадут.

– Это у вас в обозе не знают своих, у нас они все наперечет.

Пахло дымом и навозом, гомон стоял от голосов. Переобулись, надели чистое белье. Подсумки набили патронами. Растопырив пальцы, набирала баба хлеб в подол.

– А вы-то как будете, родные? Тоже ведь не легкое дело у вас.

– Что с ним тащиться! Черт его знает, что будет.

В темном углу под навесом громким шепотом прощался с девкой фельдфебель. Лебедино белела рука. Разбирали, чистили винтовки, примыкали штыки. На корточках кипятили чай в котелках, поставив их на кирпичи. К костру подошел поручик – черная угловатая тень его вытянулась и переломилась на заборе.

– Ну, как моя рота? Не хуже первой стала?

– Молодцы, господин поручик. Только далеко им до нашей.

– А вот увидим. У меня все старые солдаты.

Ночью пошли, долго ждали сбора. Вызвездило, пропадала дорога во мгле. В лощине у реки нас неожиданно обстреляло орудие и так же внезапно замолкло. Мы разбились по лодкам, по одному спустились к воде корнистой тропой. Пахло прелью. Вспыхивали стволы винтовок, погасали. Низко над лесом стояла зеленая звезда, дрожал ее отблеск в тусклом зеркале реки. Неумолчно шумела вода, тихо плескалась прибрежная волна. Смутный шорох был кругом. Хотелось прислушиваться и неслышно ступать. Донесся выстрел с той стороны, огненной лентой взвилась, рассыпалась в черном небе ракета. Все разом встрепенулось, загудело.

– Садись быстрее! По лодкам!

Накренился край, черпнул воды, прикладами оттолкнулись. Из темной раковины берега вырвались на середину реки. Звенела стеклянная струя, от весел летели брызги.

– Сиди ты на месте, черт, без тебя обойдутся!

Скрипя, врезалась лодка в песок. Качнуло, столкнулись штыки. Залила ноги вода. По откосу бежали наверх, трава была мокрая от росы. Цепью залегли, держа винтовки впереди. Шипели сосны.

– Третий полк еще не переходил. В штабе говорили.

– А я тебе говорю, что третий полк матросов разбил и захватил комиссаров.

– Тише там. Ну вас к чертовой матери с третьим полком!

Встали и лесом пошли. Махали ели ветвями, кололись. Вверху чуть слышен был сдавленный гул, вдали замирал хвороста хруст. Под ногами дрожали, хлюпали трясины. Колючая проволока тянулась, обрывались пустые окопы, ползли

телефонные провода. Разом наполнила все ружейная трескотня, точно вдруг тысяча птиц защебетала – и не понять было откуда стреляли.

– Первая рота вперед, ура!

Спотыкаясь бежали. Лес оборвался, открылась дорога. Стихла стрельба. Стояли деревья стеной по сторонам, подглядывала чаща. Жуткая повисла вокруг тишина. Ни ель не шелохнется, не скрипнет сосна. Выслали боковой дозор, он валежником затрещал, пропал. Шагом пошли.

– Осмотреть сеновал! Иванов за старшего!

Неожиданно вышли в поля. Изгороди пошли, межи, шуршала картофельная ботва. Бледные тени ложились, ударил мороз. Огородами ворвались в деревню, по рыхлым грядам, рассыпались по дворам. Горели окна желтыми огнями, настежь раскрыты были двери. Искрились вспышки винтовок, трещоткой трещал пулемет. За деревней окопались наспех. Звенели лопаты, тяжелыми комьями скатывалась вниз мерзлая земля. Клубился пар.

– Отстал я и вижу, лезет в окно. Я туда! У плетня спотыкнулся, другой поднимается с земли, за штык хватает. Я вырвался, размахнулся, хрястнуло только. Так вместе с винтовкой упал. А того руками задушил. Царапался, черт!

– Эх, не люблю я окопы, сам себе будто могилу роешь.

– Ты не разговаривай, копай.

– Да ну их к дьяволу. Все одно вперед идти.

– А наш малыш отличился. Руки в карманах, карабин на ремне, каска надвинулась на глаза – деньги давай. А их пять человек стоят, винтовки в одной руке, в другой кошельки.

Неслышно сзади подошел поручик, остановился. Посыпался с шорохом песок.

– Не нужно окопов и посты снять.

Мы повернулись и медленно пошли. Молчала ночь, зелены были звезды. Расстилалась улица впереди, углы домов. Робко белели стволы берез, серебрилось поле вдали. Громкие раздались голоса, распахнулась светом дверь. Упали черные тени.

– Первой роты нет никого?

– Есть, а зачем?

– Раненого пристрелить – красноармейца.

Опрокинут был на заборе разбитый горшок, как осклабленный череп. Протяжный стон поднимался с земли. Вплотную стали, наклонились над бледным лицом с черными губами. Смертью горели глаза – такие глаза должны быть у загнанного волка. Пронесся улицей ветер, порывом, взвивая кверху пыль.

– Ну, так что?

– Иди ты к черту, не согласен!

Удушливо пахло жаром из избы, стукнул приклад. Разместились тесно на скамье, на печке, на полу – в темном махорочном дыму. Свешивалась вниз голова, клонило ко сну. Зажимали винтовку колени.

* * *

Наступление началось. Встало холодное утро, за ночь выпал снег, иней белел на ветвях. Солнце было красное, как медный щит. Почерневший дорогой шли, кутаясь в шинели, подняв воротники. Вились тучей над деревней грачи, хрипло лаяли собаки. В ложбине волнами клубился туман, жадно булькала вода. На мосту над ручьем стоял часовой и провожал нас глазами.

В тот день, свернув с дороги, мы лесом подошли к деревне. На опушке стали, было видно четко и далеко. Поручик поднял винтовку.

– Р-раз, р-раз, – раскололся выстрел и пробудил тишину. Грянул залп и перекатился. По полю, падая, побежали солдаты. Останавливаясь, протягивали винтовки вперед, затворы выкидывали.

Большаком мы двинулись дальше, слева все время доносилась далекая стрельба. Крестьяне по пути выносили воду, и мы долго пили из деревянных ковшей. Пересмеивались девки. Перед вечером мы вышли на линию железной дороги. Издали нас встретил пулеметный огонь. Впереди было голое поле, полк остановился. Первым выступил второй батальон, развернулся и залег. Быстро меняли форму облака, выстрелы рассыпались дробью. Тогда наша рота пошла в атаку в лоб, по дороге, в рост. Пробежал ветер. Коротким ударом мы заняли станцию. Текли блестящие рельсы, за полотном по ветру ходил бурьян. Стреляли в стаканы телеграфных столбов, и гранатами подорвали путь: пытался подойти бронепоезд. Долго стоял в синем небе белыми клочьями дым.

Мы ночевали на постоялом дворе, тяжелый сон будила тревога. В глухой беззвездной ночи мы лежали в мерзлой траве, подслушивая чью-то придушенную пальбу, пулеметы и рассыпчатое «Ура».

* * *

14 октября, во вторник, вольноопределяющийся записал в

дневник:

«Идем вперед, почти не встречая сопротивления. Конноегерцы, говорят, заняли станцию Волосово, где были встречены музыкой. Мы взяли под вечер и захватили там котелок с только что сваренной картошкой. Ночью, в походе, по колонне стали передавать: атаку поддерживать общим криком. В обозе перепутали и вдруг, среди поля, позади, раздалось громовое «Ура». Не зная в чем дело, мы рассыпались в цепь и ожидали противника с тыла, а большевики покинули следующую деревню».

* * *

Проселками шли, большой дорогой. Ночами заморозки были, днем томила жара. Двигались в пыли ряды солдат, по выбоинам громыхало орудие, дребезжало, скрипели подводы. Головные роты сменялись поочередно, впереди их шагал неизменно седой генерал. Трудно было идти ему, он много раз был ранен – но не хотел он уставать. Деревни брали с боя, толпами сдавались пленные. Оборванные, в куцых шинелях, в опорках, лаптях, вятские, костромские, тамбовские больше, искали среди них земляков. Когда их бывало немного, возвращали винтовки, зачисляли в ряды, и они шли дальше вместе с нами. Не то их выстраивал командир, говорил им о России Великой, о поруганной вере православной, и они слушали молча.

– Нам нужны только добровольцы. Кто не хочет воевать, тех мы отправим на работы в тыл.

Отбирали табак, меняли английские танки на высокие сапоги. Вчерашние пленные одевались, раздевая новых. Спрашивали всюду, как много осталось до Петрограда. Все ближе становилось, считали переходы. Но не могли себе представить, как мы его возьмем. Почудились уличные бои, разбитые окна, опрокинутые трамваи, то казалось, что шумными криками нас встретит толпа, колокольный звон будет переливаться.

Где-то в деревне нашли солдат, спокойно куривших на завалинке.

– Вы кто, какие будете?

– Так что, война кончилась, а мы пришли домой из Красной армии.

– Идем к ротному, он разберет.

В пегих полях, на расплывшейся грязью дороге, спрятался починок из богатых изб. Чухонки с волосами как лен, с лицами, точно свежевыстиранными, скалили зубы.

– Что, белых солдат не видели, красавицы?

– Нет, были весною, да не такие, – в Петроград они шли.

– А какие, черт возьми? И мы туда идем.

– Те зря не болтали, сразу кофей пить пошли.

– Эх, пропадешь с вами, бабы! Ну, все равно, угощайте.

И дальше было село, мы вечером вошли в него. В сумерках священник со спутанными волосами, торопливо, перебивая себя, говорил, как в июне ждали белых и они не пришли, что он все бросит и с нами уйдет. Не один он, все.

– Батюшка, ведь мы вперед идем, на Петроград.

– Да, да, дай вам Бог! А когда обратно пойдете, не оставьте. Нет сил терпеть.

* * *

Желтые скошенные поля; зеленые луга, по небу тянутся темной лентой леса. Столбы пыли поднимают ноги.

– Э, черт, хоть деревня какая.

– Поменьше бы их. Как деревня – бой.

– Черт с ним, потом отдохнешь. Разве хлеб бросить?

– Погоди, есть придется.

– Найдем. Винтовку не бросишь, а с него не пропадешь.

Затянул кто-то песню, зарвался и разом замолк.

– Гляди: бабы.

– Эй, тетки, ступайте с нами воевать!

– Ох уж эта ваша война. А вы какие будете?

– Свои, тетка, свои. Аль не узнала?

– Все-то теперь свои. И откуда только берутся?

Хлопнул одинокий выстрел впереди, другой раздался, третий. Далеко по взгорью раскинулось село. Горит на солнце зеленоглавая церковь. Синее небо было в белых облаках.

– Вот и деревня твоя, дождался.

Затрещали винтовки, застрочили пулеметы швейными машинами, прошивая воздух. Мы сошли с дороги и сели на обочину. Громыхают подводы, тычась оглоблями, гремят щиты, кони ржут, отчаянная слышится брань. Медленно прошел солдат, мерно раскачивая руку в багровом рукаве. Забилась лошадь, понесла. Белобородый мужик лежит на подводе – от толчков припрыгивает голова.

– Деда напрасно убило, ему хлеб молотить.

– Пуля не спросит про хлеб. А может, и у меня молотить некому дома.

На дорогу выкатили орудие, повернули, навели. Колеса

скрипят в песке.

– Эй, трехдюймовки, живее!

– Пехота, не пыли!

Артиллерийский подпоручик поднял бинокль к глазам. Он похож на огромную ночную птицу.

– Прицел ноль-ноль-два, трубка шестьдесят.

– Есть.

– Огонь.

Рвануло воздух, рассыпалось битым стеклом. Свистнул, удаляясь, снаряд. Орудие подпрыгнуло, подалось назад и задумалось. Послышался вдали слабый разрыв.

– Господин поручик, прикажите вперед идти. Оглушат нас, дьяволы.

Поручик не ответил, взводный погладил длинный ус.

– Нельзя, потому мы прикрытие, вроде как бы заслон.

Пули визжат над нами, по дороге бьет пулемет. Шипя ушла одна в канаву. Кто-то вздрогнул, подобрал выше ногу.

– Первая рота, влево!

Разом поднялись и пошли, надвинулись друг на друга. Передние стали.

– Куда лезете на подводы, места мало!

Сбились кучей, пули падали дождем. Засунув руки в карманы, с ноги на ногу переступали – голову держали прямо.

– Что мы за пулеглоты, всех не переловишь.

– А ты плюнь, на черта они тебе.

Щелкают пули, взбивая пыль. Вдруг какая-нибудь неожиданно громко ударит в землю и войдет в нее.

– А еще первая рота, добровольцы тоже!

– Не вашему брату учить нас. Артиллерист, туда же!

– Приставлен к орудию и крути там. А где не спрашивают, не суйся. Так-то!

Посреди дороги стоял прапорщик, лицо у него было строгое. Он тряхнул головой:

– Первая рота, вперед! За мной!

Прапорщик повернулся, побежал. Полы серой шинели широко развеваются по ветру. Дрогнула грудь. Мелькает орудие, подводы, солдаты остаются позади. Впереди широкая дорога, за ней небо встает голубой стеной.

– Кавалерия идет!

Над прыгающим пулеметом возятся солдаты, что-то невнятно кричат.

– Первая рота, налево в цепь!

Путаются ноги в вязкой траве, спотыкаются, скользят.

– Чертово поле! На то дорога, чтоб бежать, один черт!

Взводный упал, с головы слетела каска. Встал, бежит дальше. Тонкие русые волосы поднимаются ветром.

– Влево, влево бери!

Раскинулась по полю цепь. Залегла, перебежала дальше. Испуганное взглянуло снизу лицо. Подуло пулями.

– Первая рота, вперед! Не ложись!

Осталась цепь за нами, их стало жаль. Стучит сердце молотком, радостно и жутко.

– Влево, влево бери!

Тяжело бежит Степанов, закусив губу. Иванов дико кричит широко раскрытым ртом, захлебываясь. Подпоручик высоко размахивает тростью:

– Эй, Степашка, хорошо! Знай наших!

Обдала холодом щеку пуля, кто-то упал. Не встал. Кто?

– Влево, влево бери!

За изгородью выросли солдаты с винтовками в руках, они в серых папахах. Все сразу смешалось – выстрелы, крики.

– В штыки их, сдавайся, ура!

Они поднимают руки, закрывают лицо и падают мешком, еще палец нажимает спуск. Только мозг отлетает тряпкой. Встало близко совсем белое лицо со страшными глазами, как у серны, и пропало. Кто его убил – не все ли равно. В селе шла беспорядочная стрельба.

– Каменный сарай, сарай занять!

Загоготал пулемет, захлебнулся, замолк. Из-за угла за домом стреляют в упор, прижавшись к стене. Длинными прыжками убегает солдат, далеко отбросив винтовку. У околицы остановились, прерывалось дыхание.

– Дальше не ходить, – голос поручика сорвался.

Впереди овраг, по мосту движется серая масса. Мы стреляем вниз.

– Броневик уходит, бей по нему!

– Эх, гранаты бы!

– Поставить пулемет, никто не уйдет!

Мелькает черная мушка, накаляется ствол, с лязгом выскакивают гильзы. Поручик зажал щеку. Алая кровь струится по пальцам, тяжелыми каплями падает.

И вдруг стало совсем тихо – желтеют поля, горит на солнце зеленоватая церковь, синее небо в белых облаках. Прожужжала большая муха, и лопнула тишина, как туго натянутый пузырь. Стучат винтовки, отбивают пулеметы дробь, крики сливаются в гул.

– Ура-ра-ра-а!

Село было взято, по бурьяну спустились в овраг и вышли на

дорогу. Песчаное поле было кругом, вереском поросшее. Красный командир идет навстречу, папаха слегка набекрень.

– Звезду сними, тебе говорят!

– Я старый офицер.

– Как вы смеете это теперь говорить?

Потупились глаза, отвисла прыгающая губа. С песней мы вернулись, пыльные, грязные.

– «Взвейтесь, соколы», – звенящим с легкой дрожью голосом запел прапорщик.

– «Взвейтесь, соколы, орлята. Полно горе горевать».

Звучит, несется песня, шире становится шаг, тверже нога.

– «То ли дело, то ли дело под шатрами в поле лагерем стоять».

Пустынно село. Лежат убитые с ощеренными ртами, черная кровь и желтые мозги. Взнузданный конь водит по воздуху широкими ноздрями. В носилках жалобно тихо кто-то подвывает.

– Какой роты?

– Первой, в живот.

– Пристрелите, все равно уж.

– Жить будешь, домой отпустят.

Провели пленных. Они жмутся кучей, быстро исподлобья озираются вокруг. Болтаются руки.

– Перчатки снимай!

– Что ты, ему холодно будет.

– Не надо тогда. Надевай обратно.

Мы стояли у забора, обшаривал кто-то солдатские мешки. Подошел прапорщик, тряхнул головой – спадали на лоб длинные волосы.

– Это вся рота?

– Вся, господин прапорщик. Больше не осталось.

Ружейный залп раздался. Глухие, короткие выстрелы за сараем – черная работа войны.

– Целую бригаду, говорят, разбили. Генерал благодарил нашу роту.

– Да, показали себя.

Долго стучали в избу. Мелькнет в окне пугливая баба и спрячется.

– Не бойся, мать, все кончено. Воды бы нам.

– Чево пужаешься, тетка, не разбойники какие мы, за правду идем.

В это время отделенный, рябой ефрейтор, протянул мне лист бумаги. Лист был белый, почтовый, с голубкой в углу. Крупными детскими буквами были набросаны стихи, загибались книзу строки.

– Читай, ты лучше грамоту знаешь.

– Где ты взял?

– А черт его знает. Нашли, отобрали.

Стихи говорили о розах, о любви. Нескладные, смешные стихи. «Твоя Таня» – это подпись. Я знаю эту Таню: худая девочка в коричневом платье, белый передник, большие, спрашивающие глаза. «Решите мне задачи по алгебре», – сейчас скажет она и улыбнется. Когда она улыбается, у нее ямочки на щеках. Но это не та ведь Таня. А может быть, и та, такая же – та Таня тоже любила смешные стихи.

– Слева по дороге идут!

Пробежал часовой, запыхавшись, держа винтовку за ствол, впереди себя.

– Первая рота направо, в цепь! Пулеметчики, вперед!

Мы побежали. На дороге раскинул руки убитый. Подбородок был детский, заостренное смертью лицо. Раскрылись застеклившиеся глаза. Не ему ли Таня писала стихи – может быть, и ему, такому же. Я перепрыгнул через него. Крепко рука сжимает винтовку.

* * *

Прямой тракт пролег по полям. Без начала, без конца – все идти по нему, идти. Солнце перевалило за полдень, багряное садилось. В закате кровавились белые стаканы телеграфных столбов, проволока золотилась. Хрустел щебень под ногами, на дорогу падали большие тени. Сбились ряды, растянулись. Неумолчно вполголоса рассказывал кто-то позади, поддакивал другой. Назойливо долетали слова, кружились, пропадали. Не хочется говорить в такую пору, помолчать хорошо. Кажется, будто все это уже было когда-то, только когда?

Небо сгущалось, меркло, когда на дороге стала деревня. Отделилась разведка, быстро ушла вперед. Избы слились в одну кучу, ближе прижались друг к другу, покорно ожидая неизвестной судьбы. Выстроились роты, подтянулись ряды, прибавили шаг. В деревне не было красных, и крестьяне попрятались. Босая девчонка в белом платке стала посередине улицы и с пальцем во рту пристально, исподлобья уставилась на нас.

– Проглядишь глаза, егоза, на парней зариться будет нечем!

– Белые пришли, – заголосила вдруг девчонка, со всех ног убегая.

Что-то пропало в окне. В калитку со двора выглянул мальчишка в большом, упавшем на уши картузе.

– Где староста у вас, парнишка?

– Какого старосту вам?

– Да ты что, старосту не знаешь, брат!

– Староста у нас помер, теперь председатель.

Вынырнул, как из-под земли, лохматый мужик, подвернулся, завертелся, заюлил, словами засыпал:

– Малый он, не смыслит. Что староста, что председатель – ему одно. А вам что надо?

– Подводы сменить, отец.

– Всех коней угнали, вот те бог! Какие там подводы – у Ивана Митрича разве.

Погладил бороденку и снял шапку, повертел ее в руках, крякнул и громко, через улицу, крикнул:

– Кобыла у Ивана Митрича где?

– Где? В подводах, чай, сам же назначал, – звонко, по-бабьему откликнулось напротив.

Мужик почесал затылок, надел шапку опять и развел руками.

– Вот слушай: чтобы подводы были, не то искать пойдем сами.

Издали тихий, как вздох, донесся орудийный выстрел. Дрогнуло, пронеслось, загрохотало. Снова ухнуло, заухало. Улицу вымело. За темными полями мигали зарницы, небо бороздили снаряды долгими полетами. Мы переходили с места на место, вышли за деревню, путаясь в заграждениях, зашли за гумно. Высоко в воздухе лопалась, сверкая, шрапнель: с грохотом рвались где-то в стороне гранаты. Кто-то закурил. Из скрещенных ладоней вырвалось неожиданно белое пятно света и озарило снизу лицо.

– Вот оно, брат, как. А ты думал, голыми руками возьмешь? Нет, брат!

– Ничего. Вот танки придут, мы им покажем.

– А ты их видал, эти самые танки? То-то и оно, брат, не то еще будет.

– Прорицатель какой, сущая ворона. А на черта нам эти танки, без них обойдемся!

Над головами завыло жутко, близилось, росло, ткнулось – настало пустое мгновение, втянулись головы в плечи, ожидая удара. Оглушительно рванул за гумном разрыв, затряслась земля. Тяжелое безмолвие окутало деревню, упала ночь.

– Вот и все, а ты испугался.

– Погоди, брат, и ты попугаешься.

Набились в избу, с краю. Неровно, трепетно светилась лучина, завертываясь красным углем, вспыхивала в большом зеркальном трюмо. Надрываясь, плакал ребенок, и молодуха,

почти девочка, с веснушчатым лицом, подкачивала и уговаривала, то с сердцем бранила его. В углу копошился над сбруей широкий мужик.

– Вы добровольцы, надо быть?

– Добровольцы. А тебе на что?

– Да так, строги гораздо. Солдат не такой.

Выступили ночью, под звездами. Белым платом ложилось на улицу окно, и блестели винтовки при переходе через свет в темноту. Кривился оконный крест на зеленых шинелях. За околицу вышли на дорогу, было холодно со сна.

Темная стояла ночь, осенняя. Светлел под ногами тракт, по небу стлалась дорога Млечного Пути. Поднимались черные столбы, и уходили вспять, мигали высокие звезды. Кучками шли, повзводно, щетинились штыки. Обманчивые тени возникали – двигался кто-то, исчезали. Крутилась мысль, все возвращалась, топталась на месте и не поймать ее было словами.

– Ты видел окопы, самый бетон? Вот тут бы им и держаться.

– Наша теперь берет. А где тот парень, что собирался к нам поступать?

– В разведчики приняли. От матери прятался он на задворках.

Выросла в ночи деревня, в молчании застыла. Угрюмая, себе на уме. Быстро прошли по сторонам, в черной тени домов, чуть холодела спина за каждыми воротами. Гулко застучали удары прикладов в дверь, колыша мрак:

– Эй, хозяин, вставай!

– Не хочешь, громче стучи!

– Эй, хозяин, вставай!

– Ломай ты к чертовой матери дверь, проснется!

И вдруг послышалось из дома, из-за самой двери:

– Чево там, я, чай, слышу-то, не оглох.

– Ну, так выходи!

– А для чево-то?

– Выходи, говорят, увидишь!

Вдоль улицы стали, обхватив винтовки руками, опираясь на них. Собрались у плетня командиры полков. Полковник был грузный, в каске, меднобородый, голос у него как из бочки. Наш генерал сухой, весь подобрался, с седыми усами, в фуражке. Корявый мужик, как гриб, стоял посередине. Далеко на небе повисла луна.

– Красные войска проходили? – строго спросил генерал.

Метнул глазами мужик и потупился, скрестив на палке руки. Вдруг заговорил:

– Намедни-то все от них черно было, без оглядки-то бежали. Вотто перехватить их надо было.

– Ладно. Куда шли?

– Прямо по шоссе бежали-то. Тогда-то и надо было вам, всех бы взяли.

– Ладно. А другая дорога есть здесь?

– Есть-то и другая, только-то окольная она, проселками. А давеча-то, как они бежали, как куропаток переловили бы.

– Ладно. Ты говорил уже.

Генерал шагнул вперед и остановился в раздумье, заложив руки назад.

– Вот что, полковник. Придется прямо идти, ближайшим путем. Я вперед, вы следом. А там разойдемся – мы направо, вы налево пойдете.

Всколыхнулся всем телом полковник, загудел:

– Мне спокойней все время за вами идти, но вам это насколько удобно?

И снова открылась темная, безмолвная равнина, а на ней тракт пропадал вдали. Высились столбы, как обугленные, буравили небо звезды и уходили вглубь. Что-то черное маячило далеко и не настигнуть его было, вот оно стало близко совсем, но сгинуло вдруг и опять зачернело впереди.

– Слыхали, курсанты Красного Села хотят нам сдаться без боя.

– Где слыхать?

– Только боязно им, расстрелов страшатся.

– А самим расстреливать не страшно, поди?

Шли цепью по одной стороне и на обочинах присаживались. Угрюмо, настойчиво гудели телеграфные столбы, проволока дребезжала. Четко выступали холодные, круглые каски, черные торчали штыки. Прапорщик на дороге то расплывался туманным пятном, то выделялся резким силуэтом. Стройный, широкобедрый.

– Идешь это по Невскому и смотришь, кого бы не толкнуть. Барышни всякие, генералы – так все время во фронте и стоишь. Народу тысяча.

– А вы помните: Петербургу быть пусту.

Внезапно загрохотало во мгле. На дорогу вскачь вынеслась подвода.

– Стой! Ты кто такой?

– Красный я, курсант. А вы?

Вспыхнул выстрел, хлестнул ночь. Шарахнулась испуганная лошадь. Неожиданно громкая раздалась команда:

– Первая рота, направо в цепь! Ложись!

Мы бросились на край дороги. Звякнули затворы, щитом прогремел пулемет. Разом опустилась и прилегла к земле

тишина.

– Не стрелять, передавай дальше. Не стрелять!

Прапорщик стал над нами, зорко присматриваясь в мглистую тьму.

– Разведка курсантов в лес ушла, мы взяли пулемет.

– Товарищи, сдавайся! Ничего не будет! Товарищи!

Опоясали поле крики, навстречу лес шумел. Ровно, жалобно шелестели макушки, недовольно скрипели стволы.

– Товарищи, не бойся! Товарищи!

Потом шли дальше. Роились звезды, звучали провода. Ветер, налетая, завывал на штыках. Лаяла где-то в стороне собака, и лай ее то был далекий, глухой, то звонкий, совсем близкий. Казалось, что день был давно, и ночь будет тянуться без конца.

– Сдадутся тебе курсанты, жди!

– И ждать не надо. Тут кто кого.

Холодела винтовка. Склонился кто-то над краем дороги, тускло блеснул погон.

– Это военное поле. Я помню маневры юнкером, мне было двадцать лет.

– Завтра у «Медведя» расскажете, тряхнем стариной.

Заволакивали небо тучи, дрожали в просветах звезды и гасли. Робко звенел на лужах лед, пробиралась стужа под шинель и в рукава. Вдали обозначился город темной полосой, повернул тракт и стал. Остановилась мысль, вся насторожилась. Защербился забор, к нему жались березы, распустив по ветру голые ветви. Крадучись шли, с винтовками наперевес. Там кто-то есть.

– Эй, кто там, отвечай! Стрелять будем!

– Я тут.

– А ты кто?

– Крестьяне мы.

Зашуршали листья, надвинулась изба. Почесываясь, в рубахе вышел мужик и прислонился к косяку.

– Ты что ночью ходишь?

– Замки проверяю. Лихое нынче время.

– Ты разведку курсантов видел?

– Прошли они. Видел.

Выделились черные крыши домов в фиолетовых клочьях неба, провалами сквозили дворы. На углу остановились, застилалась улица туманной пеленой. Ни движения, ни звука, не было ни одного огонька. Лица казались бледными. Сзади, мягко стуча, подошел тяжелый броневик, из раскрытой дверки сквозила по дороге светлая, желтая полоса. В нее ступил генерал, и губы его были плотно сжаты.

– Вы говорили, корнет, что знаете местность?

Стукнули каблуки, прозвенели шпоры.

– Так точно, ваше превосходительство. Но я бывал лишь с той стороны.

– Что за стороны? Не знаете, так надо молчать.

Мы пошли направо. Покосился фонарь. За темным, блестящим окном чуть колыхнулась занавеска, или это только показалось. Громко стучали шаги по мостовой.

* * *

17 октября, в пятницу, вольноопределяющийся записал в дневник: «Петроград в двадцати пяти верстах».

* * *

Город военных маневров и дач, жители ездили на извозчиках. Широкая улица пролегла, сквозят березы по сторонам, екатерининская церковь поднимается ввысь, застыл дворец, желтым ковром стелятся листья по крыльцам, кружатся на перекрестках. На карте Российской империи, распятой в исполкоме на стене, город не значился.

– Ну, эта карта неправильная, потому что на самом деле город есть, – после раздумья твердо заявил Иванов, и все согласились с ним.

* * *

На седьмой день наступления мы остановились. В городе соединились полки, и пришел обоз. Пала Гатчина, и была восстановлена с армией связь. Всюду с боем продвигались части на плечах противника.

Восьмое утро было холодное. Дул колючий ветер, и шел снег с дождем, но к полудню неожиданно прояснилась погода – задымились шинели. Тогда мы построились, как на парад, и пошли. Толпились женщины. Старая старушка, вся в морщинах, высоко подняла сухими руками тяжелую икону:

– Да благословит вас Господь!

Переливалось на ризе серебро, молча проходили ряды, замирала в переулке песня. Было весело идти. За окраиной, на холме, мы стали. Вдали сквозь золотой туман сиял на солнце купол Исаакия, как алмаз. Шепот прошел, как в церкви,

перекрестился солдат.

– Вперед!

В голубом дне шла канонада, и черные воронки наполнялись водой. Медленно вытягивался из проселка на дорогу полк тысяченогий, стояли дыбом штыки, точно волосы, и блестели. На укатанном щебне возникал бой, и каждая пядь поливалась кровью. Казалось, толчками передвигались марионетки, и кто-то нарочно кричал. Мы бросились вперед, и бежали курсанты, останавливались, и мы опускались на колено. Прирастали винтовки и били без отдачи, поворачивались пулеметы и прыгали, как собаки на цепи. На расстоянии 200 шагов и на протяжении одной ленты. Потом мы поднимались и брали пленных.

* * *

18 октября, в субботу, вольноопределяющийся записал в дневник: «Когда стреляешь в упор и видишь раскрытые глаза или дергающееся веко, слегка холодеют виски».

* * *

Третью ночь лежим мы в канаве у моста, и каждую ночь оттуда из темноты подходят они. Щелкают тогда винтовки, хлопают пулеметы, бухают орудия, вспыхивает всполохами небо – к станции идет красный бронепоезд. Оттянуты стрельбой руки, черные точки мелькают в глазах, жужжат по-осиному пули. Шипя, тупорылый «максим» выводит несложный напев, высунув огненный язык, робко звеня, падают в кучу пустые гильзы.

– Ленту!

Когда все умолкает, из канавы поднимаются скользящие тени, пропадают, раздаются гулкие выстрелы в тишине – так кукует кукушка. Раненых находят по стону, их пристреливают. Ползут по небу голубые полосы прожекторов, нащупывают, ищут, замирают. Бледнеет заревом восток – там Петроград.

Длинны ночи на посту, когда стоишь, прислонясь к телеграфному столбу, – все прежнее кажется сном. Свисает проволока черными жгутами, ветер тихонько подвывает. Темь. Выглянут далекие звезды и снова закроются бархатным сукном. Дождь моросит. Жуткими выстрелами вздрагивает мрак. Почему нет смены? За полем мреет розовато.

Днем мы уходим на дачи. В погребе живет чиновник с семьей

– он надел вылинявшую фуражку с кокардой, дочь его ставит самовар. А смешной старик начинает длинные разговоры о революции, о войне. Он – за Учредительное собрание, а там что будет. Протирает очки, щуря испуганные глаза. Запыхавшись, вбегает хозяйка, у нее съели соленые огурцы. Взводный хватается за ус:

– Чтобы наши солдаты? Никогда. Нигде на нас не было жалоб.

– Это она так, может, не было никаких огурцов. Ведь не было, Маша?

А сын, вихрастый болван, должно быть выгнанный гимназист, потихоньку расспрашивает нас о конных полках – он хочет бежать из дома. Дочери семнадцать лет, мать ее прячет.

Мы спим на мягких диванах, прапорщик бренькает на рояле. Это наши дачи. А там, что дальше, за дорогой, – черт его знает.

Ночью стреляют оттуда, днем нет никого. Вчера дозор наткнулся в крайнем доме у леса на красноармейцев – их сдалось пятнадцать двоим. На одном были высокие кожаные сапоги, их взял фельдфебель.

– Я утром за хлебом ходил. Пройти нельзя от трупов. Дух от них. Кто-то их раздел.

– Жители, кому больше? Они хуже солдат теперь.

– Ну так они черные совсем, а у одного руки нет. Собаки, не то волки съели. И чего их не убирают?

– А кому убирать-то?

– Жителей заставить нужно. Что на них смотреть?

Сыро в канаве. Мы повалили забор, но одна нога в воде, никак ее не пристроишь. Не надо было фельдфебелю сапоги отдавать. Наши были пленные, наши и сапоги. Славная дочь у старика, тихая. Поговорить бы с ней – о звездах, о цветах, так, чепуху какую. Написать в альбом стихи. Красивое имя – Нина. Черный вздымается к небу телеграфный столб, он снизу кажется огромным.

– Там на дачах осталась красная летучка, вот бы с сестрами познакомиться нам.

– Да недурно бы, совсем наоборот.

– Доктор, верно, коммунист. Ну а с ним особый разговор – перепугаются.

– Ну а потом?

– А потом отпустим. Расшаркаемся этак ножкой: ступайте, сударыни, вы свободны.

– Опасно туда идти.

Шуршит ветер перегнившими, обледеневшими листьями, завывает в крыше. Опять сорвалась нога и хлюпнулась в грязь.

Закурить – в рукав можно. Да, Нина. Это, должно быть, ее куклы в шкафу. Недавно бросила, а может, и теперь играет исподтишка. А что, если в самом деле завтра пойти на те дачи. Так ноги отморозишь, а может быть, полушубок найдешь. Тепло, вероятно, в полушубке, зато и тяжел он. Но когда дальше пойдем, его можно будет бросить.

– Стой, кто идет?

– Свои, дозор.

– Какой роты?

– Первой.

– Фамилия?

– Васильев, не слышишь по голосу, дурак!

* * *

20 октября, в понедельник, вольноопределяющийся записал в дневник:

«Вчера вдвоем зашли в дом, казавшийся пустым, но нас встретила хозяйка. Она давно ждала белых и все думала, какие они и на каком языке говорят, и была рада, что мы русские. Напоила нас чаем и даже откуда-то вытащила заветную бутылку коньяка».

* * *

Звучат по-разному пули. То стрекочут стрекозой, то поют по-комариному, жалобно и тонко, то жужжат как шершни. Иногда ударят в землю рассыпавшимся горохом, иногда впиваются вкрадчиво, иногда чавкают. Одна щелкнет пастушечьим бичом, другая прозвенит оборванной струной или свистнет пролетающей пчелой, дунув холодной струей. На взлете пуля шипит, точно подняла голову в траве змея. Но молчит та, что бьет, – ее не услышишь. Тяжелым жерновом падает она на грудь, в сердце впивается ледяная мгла, и внезапно наступает тишина.

«Вот и смерть», – только удастся подумать, или, может быть, сразу вспомнится все, и то, что давно забыто, или нет ничего – тонки, как паутина, последние мгновения, и не знает о них никто.

Ночь как синее стекло. Гудела земля, точно пустая. У щеки был приклад. Пулеметы, осклабясь, жевали ленты, винтовки со стуком вбивали пламенные гвозди в темноту. Кричали по-звериному люди, ползли раненые червями. Волнами спелой ржи колыхались цепи. Они шли и шли, поливали пули. Убивали,

чтобы не быть убитыми, огромными бичами ударяли по полю пушки. Золотыми дугами летели по небу снаряды. В черном дыме горели дачи, и было странно светло, как не бывает ни днем, ни в лунные ночи. По дороге прорвался, пылающий щелями, броневик, как змей. На фланге, налево, вплотную подошли, хватали за штыки. Командир батальона пал с застывшей улыбкой и пробитой головой – он не ложился. Дырявым мешком вздувалось тело впереди. Тот солдат не добежал пяти шагов от красных к белым, волоча пулемет. В лужу под мостом забился раненый и поросенком визжал. Штыком его достали, он был комиссар. Как туман, упала тишина и завязла в ушах, снопами лежали убитые. Разорвался выстрел и повис.

* * *

21 октября, во вторник, вольноопределяющийся записал в дневник: «Обшаривать трупы брезгливо».

* * *

Еще одна атака была отбита ночью: наступали матросы и курсанты. Чувство обстрелов томило во сне, одеревенела закинутая за голову рука.

На рассвете мы пошли дозором по улице к станции. В смутных сумерках всюду, уткнувшись в канавы, прижавшись к заборам, валялись трупы. Огромные были раны и лужи крови, становилось липко во рту. Осторожно переступали и не хотелось задевать. Кто-то позади подбирал себе сапоги. В одну дачу постучали, там калитка от ворот захлопывалась пружиной, и ее держали. Босой мужик, запахивая горстью волосатую грудь, рассказывал, как прятался в огороде матрос, а перед зарею бежал, оторвав доску. Дыру осматривали и просовывали головы, потом ее велели заколотить. Когда мы вернулись, все еще спали, разметавшись, вповалку, с открытыми ртами и как попало. Мешали протянутые ноги, и неожиданная злоба поднималась против знакомых в каждой мелочи людей. Душно было.

Утро проснулось простое, грело солнце. Иней потемнел, растаял на лужах ломкий лед. У чиновника ночью пуля пробила окно, стеклянными брызгами разлетелась висячая лампа. Он только махнул рукой. Молча, на коленях, подобрала в фартук осколки хозяйка. Дочь остановилась в сенях, сложив на синем платье белые руки, и лукаво вскинула глаза – тоненькая вся.

– Скажите, больше не будут стрелять?

– А вы очень боялись, барышня?

– Дико, такой был ужас!

Мы сидели в канаве, на двери, снятой с петель в сарае, когда на участке слева поднялась сильная стрельба, долетали пули и зарывались. Сливались выстрелы, и слышались крики. Противник нащупал и бросил на фланг большие силы. Второй батальон дрогнул и ушел от дороги, штыковые были схватки, и положение восстановлено. После боя всегда ощутительно отсутствие звуков.

Тогда получен был приказ об отступлении. Без шума, в молчании покидали свои окопы роты поочередно и отходили. Были везде разбросаны патроны и обоймы, низко нагнувшись, тащили солдаты пулемет, как черепаху. Ящики не взяли. Только мы остались – блестел на солнце песок, веял ветер. Никто не знал, как долго мы лежали.

– Справа по одному, – перебежала змеей команда, передаваясь.

На опушке мы накапливались. Из-за стволов было видно, как обочиной дороги, прячась, без выстрела, со штыками наперевес продвигались курсанты – их узнавали по длинным шинелям.

– Все здесь, теперь не отставать! – жесткие были слова, и стучало в груди.

Наспех застегивая подсумки, побежали, прапорщик впереди. Впервые мешала винтовка, били полы по ногам и расходились. Чудилось, что настигает кто-то, приложился. Шумели деревья, и через просеку светлела даль – не оглянуться было, тряслось ржавое место. С полком мы соединились на пыльной дороге и шагом пошли. На ходу строились роты, зелеными волнами колыхались плечи.

– Тяжело, точно мы виноваты. Сколько легло и раненых много.

– Фланги не выравняли, мы бы продержались.

– И населения жаль.

Шли солдаты, слышался шорох движения. Стороною плелась понуро лошадь, тщетно пытаясь вмешаться в ряды, – ее отгоняли. Жуя губами, она уткнулась в забор и большими скорбными глазами смотрела нам вслед. Вдруг в небе возник снаряд и стал приближаться. Никто не сказал ничего. Стальными ножницами разрезал он воздух и со звоном рванулся впереди, взбивая черную землю. Напряглись лица и побледнели. С ревом, свистом и визгом протягивались сзади огромные лапы. Внезапно упали все вокруг, грохнуло, засыпал песок, толкнуло, и раздался крик. Прошелестел осколок, кружась.

– Господин прапорщик, не уходите.

– Что ты, я ведь тут.

И еще снаряд мучительно навис над головой, как огромная глыба, – обрушился. Мелькнул перед глазами приклад с судорожно стиснутой на нем рукой, и торопливо забилось далекое воспоминание – ударился, не разорвавшись. Встали и отряхнули землю с шинелей, странное спокойствие овладело. Раненого положили на подводу, порой он вскрикивал, и рядом пошел санитар. На поле ложились гранаты и лопались, и перестали, точно кому-то зажали рот.

– Говорят, раненых оставили на дачах.

– А ты видел? Так молчи.

– И черт вас знает, выдумывают всегда.

Мы обогнали повозку и обходили ее. На горе домашней рухляди сидела молодая женщина, и высоко белели голые ноги. Тяжелыми шагами ступал мужик. Небо было голубое.

* * *

22 октября, в среду, вольноопределяющийся записал в дневник:

«Мы отходили спокойно, опасаясь только броневиков. Но это временно, и мы верим, что не сегодня-завтра будем в Петрограде. Ожидаются танки».

* * *

В городе мы стояли два дня, было тревожно. В окрестностях не прерывались бои, и разрывались тяжелые морские снаряды. На улице учили строю пленных солдат, отчетливо подсчитывали шаги: ать, два, три. В церкви при мерцании тонких свеч отпевали наших офицеров, тихо читал священник под артиллерийский гром, и вздрагивали старые стены. С женщинами мы делились хлебом, а в лавке рассматривали долго наши деньги, держа их на свет. Мы разместились в комиссариате и спали на столах; приласканный пес не отходил ни на шаг от нас, и сторож, черный, как жук, неслышно вырастал за плечами и молча стоял.

– Ты что?

– Я. Известно.

Перед вечером он предложил нам взломать несгораемый шкаф.

На четырнадцатую ночь мы получили продукты и выступили в темноте. Мерзли руки и лицо. Глухие орудийные выстрелы

слышались точно подземные. На поле чуть видна была косилка, и ее назвали танком. В пепельном рассвете, расстреляв посты, мы захватили деревни врасплох и остановились. За полем тяжело рождалось утро.

* * *

25 октября, ночью, в субботу, вольноопределяющийся записал в дневник:

«Все спят. Надо и мне отдохнуть и забыться от всего пережитого – прошедший день навсегда останется в памяти. Идя вперед, не думаешь ни о чем и знаешь, что помогут свои. Но когда все торопятся, падают пули и преследует неприятель и знаешь, что нет пощады, тогда испытываешь страх. Вчера была выбита половина полка, и от ружейной пули пал командир. Меня в роте считали убитым – значит, долго жить. В три часа мы из деревни двинулись вперед, и только спустились в открытое поле, как нас встретил настильный огонь. Рассыпавшись в цепь, мы в первый раз пошли в атаку перебежками, местами почти ползком. Так мы добрались до канавы и залегли. Позади раздавались стоны тяжело раненных, в них продолжали стрелять, и они замолкали. Нас 10 человек, с поручиком во главе, бросились вперед, но попали в болото. Двое были ранены, у меня разбило приклад, и стало трудно держать винтовку».

* * *

Тяжелый сапог стал на солому у головы, пахнуло мокрой кожей. Обдала холодом лицо пола шинели.

– Этих вперед клади.

– Он помрет по дороге.

– Все равно.

О ком говорят: обо мне, о том, кто лежит рядом? Я не вижу его, но знаю, он здесь. За столом солдат с красным разорванным рукавом медленно в такт раскачивает туго забинтованную руку. Это Герасимов, фельдфебель третьей роты, – но его, может быть, нет. Так показалось. На кровати, под образами, корчится, дико воет чье-то тело, мечется в лампаде огонек – но, может быть, и этого нет. Ничего нет. Но тот, кто лежит рядом, он есть. Непрерывно, захлебываясь, точно нарочно, он стонал:

– А-а-а.

Мелькнул сапог, отвисла рука. Жгучая боль клещами

защемила бок.

– Тише!

Темно, фыркает лошадь. Говорят не то близко, не то далеко.

– Куда мне таких?

– Не рассуждай, ты!

Это был подводчик. У него большая лохматая борода, такую бороду я где-то видел. Но где?

– Сдвинь их, они свалятся. Какой бестолковый!

На лицо упала рука в шершавом рукаве. Кто-то застонал, и не узнать было – я или тот, кто лежит рядом.

– Н-но, трогай!

Дернуло, тряхнуло. На дороге у канавы сидит мужик в кумачовой рубахе, распоясавшись, и бьет на щебень камни. Удар и треск – и падает за куском кусок. Равномерно сгибается оттопыренный палец на ноге.

– Но, но, черт, что стал!

Кипит на столе самовар. Белыми клубами вырывается, шипя, пар. Чайник все тот же, старый, над голубой каймой надтреснут край.

– Вам чай покрепче?

– Нет, я ранен.

– Это ничего. Только сахару возьмите больше.

Темно и пыль во рту. Наклонилось бородатое лицо, и пристально смотрят глаза.

– Пить. Дайте пить.

– Где я ночью пить достану в поле?

Зеленое поле, вдали лес, и в горле горячее дыхание. Согнувшись, рядом бежит солдат. Он выпрямился, выронил винтовку и упал, откатилась фуражка.

– Вперед, вперед, ура!

Заколыхалась под ногами трясина, выступила вода. За кочками залегли. Обтер затвор и всунул обойму, нужно переставить прицел. Размахнувшись, ударил кто-то палкой по спине.

– Это прикладом. Но они ведь далеко, в лесу.

Ночь, вздыхают пушки, идет далекая стрельба, скрипят подводы, на небе белые звезды.

– Что мы стоим?

– Там бой, слышишь?

На лице рука – того, кто лежит рядом. Она холодная.

– Подводчик, руку убери!

– Господи, бросить все и бежать!

– Подводчик, руку убери!

Грохоча вертятся колеса – большое черное, маленькое

блестящее. Напряженно гудит ремень и шипит. И так без конца, и вдруг пропало.

– Слава богу, выехали на дорогу.

– А куда мы идем?

– В город.

Да, рука, она холодная, и ее нужно снять с лица. Тот, кто лежит рядом, умер.

– Подводчик, руку убери!

Ухватились руки за жесткую траву. Небо, как в детстве, голубое. Выдвигая винтовку вперед, отползает солдат в зеленой шинели. Тонкий, точно на нитке, слышится стон, кузнечиками чиркают пули.

– Разбили их, теперь им не удержаться.

– Нам все равно, только бы в подводах не угнали.

– А все-таки.

Солнце заходило в крови, ветер кучил облака, вставал туман. Чавкнула, чмокнулась сочная пуля. Скованы ноги, свинцом налита грудь, пальцы перебирают стебельки.

– А-а-а.

Тот, кто лежит рядом, умер – один, в темноте. Жабой подпрыгивает на лице холодная рука.

– Подводчик, руку убери!

Серый душный коридор, а за ним провалом пустота или Бог. Хорошо, если светло и женщина держит руку и смотрит в глаза.

– Подводчик, руку убери!

Качнулась и снова упала холодная рука. Аипкая кровь связала рот и заструилась по губам. Раскаленные гвозди разорвали бок. Испуганно обернулся подводчик и дернул вожжами. Застучал камнями распоясанный мужик. Часто, часто.

Темно, фыркает лошадь. В ночи вырезаны золотые окна, как глаза. Пересохли губы, тяжело дышать. К подводе подошли, заговорили далекими, глухими голосами.

– Двоих привез.

– Один помер дорогой, другой был жив.

– Осторожней, под ноги бери.

Холодная рука скользнула по щеке и бессильно упала, качнулся сапог с приподнятым носком. Это был тот, кто лежал рядом, он не имел лица. Теплым дыханием обдала лошадиная морда, свет окутал глаза.

* * *

Над изголовьем склонилась сестра. Белеет косынка, совсем

близко темные глаза. Она улыбнулась:

– Легче стало?

– Хорошо, сестрица.

Хорошо лежать в белых мягких подушках, лежать без дум. Закроешь глаза, и что-то струится, кружится, как пылинка в солнечном столбе, и кажется, что кто-то сучит длинную нитку веретена. Только крюк мешает, черный крюк посередине потолка – все смотришь на него. И ночи страшно, ночи, когда щемит, ноет бок, когда тело горит, когда стонут кругом и уносят завернутые в белые простыни тела. Но ночь проходит, наступает утро, и все стихает – только крюк по-прежнему чернеет.

– Слыхать, большую победу одержали ваши. Войну, может, кончать скоро. Дай им Бог, а то житья не было при красных – спички и те по карточкам выдавать стали. Да хорошо, давали бы, о прочем не говорю.

Это нянька. У нее морщинистое лицо и заскорузлые ладони. На соседней кровати тяжело заворочался раненый и приподнялся на руках:

– За Россию умираем.

– Нельзя вам, ложитесь.

Идет обход. Толстый шумный врач в белом халате наполнил собою палату.

– Ну как, все здоровы?

– Все.

– Молодцы!

– Дайте закурить, господин доктор.

– Курить нельзя, а вот коробочку от папирос – подарю. С картинкой.

У соседней кровати он остановился. Нагибаясь, вполголоса заговорил фельдшер:

– Ранение в живот, тяжелый случай. До вечера.

Они прошли дальше. Там раненый офицер, он перешел от красных. Молча лежит он часами, беспокойно водя рукой по груди. Когда совсем тихо, слышится бред солдата в углу о гнедой кобыле:

– Запахать нужно, будет мороз.

Сумерки вползают в окно, синеют стекла, по углам роятся темные тени. Исчез крюк, и вспомнилось бессмысленное слово. Кровать качнулась и поплыла.

Вдруг вздрогнуло тело. Яркий свет горит, стоны, громкие голоса.

Веет холодом в раскрытые двери, и выносят носилки.

– Няня, что случилось?

– Отходят ваши.

На соседней кровати в смятых подушках лежит пожелтевшее обточенное лицо.

– Отходят, няня?

– Отходят, отходят, милый, давай одеваться. Снарядов, сказывают, нет, или подкрепление не пришло. Нам эти дела непонятны. За шею обними меня. Не дал вам Бог, скоро и тебя возьмут.

В дверях столпились солдаты, толкаясь и шумя, схлынули разом. Кто-то, подняв руку, крикнул:

– Последняя подвода уходит, кто может – иди пешком.

Вскочил раненый, выбежал на середину, уцепился за стол, пошатнулся. Его подхватили, уложили, держали.

– Я сам дойду, пустите. Пустите меня.

– Всех возьмут, никого не оставят.

– Яс краю сяду, боком. Мне бы только опереться рукой.

Холодно, кто-то стонет в углу. Закрыты двери. У стола сидит нянька, подперев ладонью лицо.

– Няня, скоро за нами придут?

– Скоро.

Глухо пробили часы в коридоре. Раз.

– Скоро, няня?

– Скоро.

Открылась дверь, беззвучно вошла сестра. Стала в ногах.

– А эти?

– Этих оставили, не было подвод. Слабые они.

Отвела глаза, потупилась. Частой дрожью задрожала нога.

– Сестрица, говорите, бросили?

– Не бойтесь, я пойду узнаю. Может быть, подводы найду. Вас ведь только трое.

Она ушла. Отхлынула кровь, и стиснулись зубы, лежал не двигаясь. Нянька оправляет пустые постели, кто-то стонет в углу. Подошла, украдкой сунула яблоко в руку:

– Внучка прислала тебе. Я ей говорила.

– Страшно, няня.

Она склоняется и выпрямляется над кроватями, стряхнула градусник и смотрит на свет. Глухо бьют часы в коридоре. Раз.

Вернулась сестра:

– Я вам правду скажу. Поезд ушел, в городе войска нет.

– Сестрица, дайте яду.

– Не надо. Белые могут вернуться.

– Нас добьют.

– На поле добивают, здесь госпиталь.

– Сестрица, не уходите. Не отнимайте руку.

Тихо, совсем тихо. Кто-то стонет в углу, скрипнула половица,

дрогнуло окно. Ни мысли, ни жалобы – было пусто все.

– Можно их раздеть. Покойника почему не унесли?

Погашен свет, тускло теплится зеленая лампада на столе. За окнами ночь, как черная вата. В гуле ветра слышится с перебоями торопливый стук пулемета, тяжело ложатся разрывы. Ноет бок, и тянутся нити от него к вздрагивающему свету. Туже натягиваются, вяжутся в крепкий узел. Не мигая смотрят глаза. Что за чепуха?

– Заверни курить, санитар.

– Так доктор не позволил ведь.

– Какой тут к черту доктор!

– И то правда, чего их слушать, докторов.

Дрожит от лампы на столе круг света. Санитар наш, ярославский, он огородником был. Борода козлом, изжеванная. Поправил фитиль.

– И Ивана Вановича знал, как же. Барин, а чудак – веселый был человек.

Кто-то стонет в углу, губы слиплись жаром.

– Кто здесь?

– Я, пятой роты.

– Тебе не страшно?

– Что делать…

Щемит бок. Над головой закружился, заскрежетал огромный жернов. Сквозь дым приблизилась нянька, черными губами зашептала:

– Скоро. Я видела вашего начальника разведки. Скоро вернутся. Молчать велел. Тебе одному говорю. <…>

Мутнеет темное зеркало окна, в синем тумане колеблются черные прутья. Четко вьется крюк на потолке. Куда ни смотришь, все возвращаются к нему глаза. Соседняя кровать затянута до изголовья одеялом.

А наутро пришли они. Пятеро с винтовками, со шпорами, в красных фуражках. Испуганно встрепенулась дремавшая нянька.

– Белогвардейцы где?

Быстро вошла сестра, заслонила собою кровать. Розовые зайцы бежали по потолку, шарили ищущие взгляды.

– Оставьте их, товарищи, они тяжелые все.

– Мы только посмотрим на них. Какие такие они.

Жмутся в раскрытых дверях сиделки, сторонится сестра. Один отделился, подошел, нагнулся и смотрит в глаза страшными серыми глазами. Примкнут к винтовке стальной штык.

– Вот, товарищи, за что они шли: за царские кокарды!

– Это не его фуражка. Тот умер.

– Не бойтесь, сестрица, не тронем. Там трибунал разберет.

Он отошел, красным мелькнула звезда, кто-то застонал в углу. Солнечный столб дрожит на полу, кружится пыль. Неслышно подошла сестра, положила руку на глаза.

Теплые, чуть влажные пальцы, на безымянном пальце холодеет перстень. Тихо спросила:

– Лучше?

– Спасибо, сестрица.

Г. Тан[252]
Из записной книжки[253]

Июнь, 1-го. Озеро Иегель под Ригой. Пулеметная рота светлейшего князя Ливена размещена в домах на Петроградском шоссе у озера Иегель. Ротой командует капитан Эшольц, хозяйством заведует капитан Юрген сон[254], заведует оружием прапорщик Крузе[255]. Все родом из Эстонии.

7-го. Рига. Вчера под Венденом убит мой брат, служивший в «Landeswehr».

10-го. Вейсенгоф (в 6 верстах от Вендена). Рота хорошо размещена в школьном доме. В нескольких верстах от нас эстонский фронт. Цель нашей переброски сюда – заняться сторожевым охранением, но мы совершенно пассивны к эстонцам.

14-го. Вейсенгоф. Пять офицеров перевели в пехоту. Наш фельдфебель убит эстонцами при покупке сена для лошадей.

16-го. Вейсенгоф. Производили по окрестным хуторам обыски для поимки укрывающихся большевиков.

18-го. Вейсенгоф. Сегодня приехал капитан Дыдоров и приказал готовиться к уходу.

19-го. Вейсенгоф. Получили нового батальонного командира полковника Канзи. Арестовал 4 немецких солдат за браконьерство.

20-го. Рамоцкое. Нас сменил немецкий отряд «Михаэлис», и весь Ливенский отряд отправился походным порядком на станцию Рамоцкое (15 верст), где нас посадили в вагоны и отправили в Ригу. В Ригу прибыли в 11 часов ночи.

21-го. Рига. В 10 часов вечера наш эшелон отправился дальше на Либаву. Отмечаю, что 80 процентов нашей роты состоит из интеллигентов. На должности рядовых – гардемарины, юнкера флота, кадеты последних классов, юнкера, лицеисты, гимназисты и др.

22-го. Либава. Наш эшелон прибыл к вечеру в Либаву, и мы остались ночевать в вагонах. Поезд был подан на военную платформу. Чернь относится к нам враждебно, интеллигенция, наоборот, весьма радушно. По приказанию англичан эвакуируются остатки немецких войск.

23-го. Либава. Рано утром прошли по главным улицам города в отведенное нам помещение, недалеко от Кургауза. Наша дисциплинированность произвела впечатление на либавцев и успокоила их, так как после ухода немцев боятся грабежей черни.

24-го. Либава. Получено известие, что немцы заключили с

Антантой мир.

25-го. В нашей части введены регулярные ежедневные занятия с утра до 5 часов пополудни.

26-го. Несмотря на заключенный мир, сегодня в присутствии высших американских, английский и французских чинов был торжественно уничтожен германский памятник, стоявший на плацу против Кургауза. В почетном карауле участвовала наша офицерская рота. Настроение было у всех подавленное. Полковник Канэп, заместитель полковника Дыдорова, является и начальником Либавского гарнизона.

27-го. Сегодня прибыл на пароходе «Саратов» латвийский президент Ульманис. Отряд ливенцев был наряжен в почетный караул. Оставшийся ландесвер перешел в наш отряд. Среди них есть и германскоподданные.

29-го. Эстонцы начали наступать на Ригу и стоят у озера Иегель. Ландесвер будто бы потерял в боях 500 человек. Полковник Канэп ведет с англичанами переговоры о снабжении нас продовольствием и жалованьем. До сих пор получали все от немцев.

Июль, 1-го. Англичане дальше обещаний не идут. Они обещали нам лучшее снаряжение, амуницию, хорошее жалованье. Но мы до сих пор сидим без денег.

4-го. Получили, наконец, жалованье, но… латвийскими деньгами, которые населением очень неохотно принимаются. Пища стала хуже, ибо стали получать от латышского правительства.

6-го. Ходят слухи о каком-то переводе нас куда-то. Ожидают почему-то прибытия нашего шефа, светлейшего князя.

8-го. Вместо светлейшего князя, приехал полковник Аебедев. Англичане решили спешным порядком посадить нас на транспорты и куда-то отправить. Созвали немедленно собрание из старых ливенцев, которое было весьма бурным, и выразили свое неудовольствие по отношению к англичанам.

9-го. Получено срочное приказание отправить наш отряд в Нарву для наступления на Петроград. Весь день пехота грузилась на громадный океанский пароход. Артиллерия, кавалерия и пулеметная рота должны ждать еще своего парохода для транспорта. Светлейшему князю, как и полковнику Дыдорову, о нашей отправке ничего не известно.

10-го. Ходили на пристань провожать нашу пехоту. Пароход громадный, английский, трехтрубный, приспособленный для пассажиров. В час дня покинули Либаву. Меня назначили адъютантом при пулеметной части.

11-го. Сегодня приехал полковник Дыдоров.

12-го. Полковник Дыдоров навестил сегодня нашу роту и обещал нас встретить в Нарве.

13-го. Слухи – будто нас отправляют сухим путем через Митаву в Ревель.

14-го. Узнал подробности убийства Царской семьи в Екатеринбурге.

17-го. Рано утром прибыл в гавань транспорт «Холсатия», который нас отвезет в Нарву. Вся команда почему-то приуныла. Жалованье все еще не получено.

18-го. Весь день грузили обоз и лошадей. Транспорт немецкий прескверный и тесный. Либавцам не нравится, что последние ливенцы уезжают.

19-го. День прошел в погрузке. Стояла жаркая погода, люди были навеселе и ходили последний раз компаниями по городу. В два часа ночи снялись с якоря.

20-го. Балтийское море. На море непогода, и многих укачало, особенно офицерских жен и сестер. Лишь к вечеру утихло.

21-го. На море дивная погода. Издали показался Ревель. Стали на рейд, а вечером поехали дальше на Нарву по Финскому заливу в сопровождении английского крейсера.

22-го. Усть-Нарова. Рано утром стали на якорь в устье Наровы, против Гунгербурга. Обоз людей и лошадей перегрузили на баржи и отправили вверх по Нарове в Нарву, что длилось до поздней ночи. От темноты в трюмах парохода пострадало зрение лошадей. Генерал Родзянко с своей супругой приехал на катере нас встречать. Переночевали на пристани. Была тихая теплая ночь.

23-го. Нарва – Ямбург. С восходом солнца грузились на поезд и поехали в Ямбург, где нас встретили с музыкой. Жители радостно нас провожали по улицам, веря, что с приходом ливенцев дела пойдут блестяще и Петроград уже не за горами. Ливенцы были прекрасно обмундированы (все новенькое германское обмундирование с русскими эмблемами). Говорили, будто наша пехота в боях уже отличилась. Ночную стоянку разбили в нескольких верстах от Ямбурга в немецкой колонии Новый Луцк.

24-го. Луцкая колония. Капитан Дыдоров с адъютантом ночевали в нашей избе. Утром прискакал на прекрасном гунтере генерал Родзянко. Мы любовались, как его лошадь с места перескочила высокую плеть. В девять часов утра вышли походным порядком из Луцкой колонии по Капорской дороге, на Килли, откуда в деревню Малли, где заняли позицию. По дороге наш конвой расстрелял в лесу одного пленного большевика. Обоз отправили в тыл. Ездил квартирьером. Места красивые. Слухи –

будто весь Ливенский отряд будет переведен сюда.

25-го. Деревня Малли. С раннего утра сильная стрельба. Но мы особого внимания на это не обращали. В 2 часа дня непредвиденно неприятель наступал на нашу деревню, но с тыла. В первую минуту создалась паника, но подпоручик Силгайль скоро собрал всех и наступал цепью. Оказалось, что красные по болотистому лесу обошли наш незащищенный левый фланг и заняли несколько деревень, забрав при этом одну нашу батарею. К вечеру, однако, мы вернули наши старые позиции, причем был взят один неприятельский броневик, 9 пулеметов и 300 пленных. Деревня Килли переходила из рук в руки.

26-го. Деревня Малли. В течение дня незначительная перестрелка. Около 2 часов ночи неприятель открыл по нас ураганный огонь из орудий.

27-го. Деревня Малли. Начавшаяся рано утром стрельба к *4* прекратилась. Из-за стрельбы пришлось перевести телефон. Вернулся из отпуска ротный командир штабс-капитан Эшольц. После обеда переехали в деревню Новоселки в штаб Уральского полка, ввиду перегруппировки войск. Командир и его офицеры очень милые люди. Бывшие кавалеристы гвардейских полков. Здесь позиция спокойнее.

30-го. Деревня Новоселки. День провел в окопах. Настроение солдат, как и командного состава, самое великолепное. Неприятельская артиллерия постреливает.

Августа, 2-го. Ополье. Рано утром забили тревогу. Было приказано немедленно сложиться и отступить с обозом на Веймарн. Еле выбрались оттуда. Оказалось, что красные нас опять обошли, на левом фланге лесом, а правее взяли Лястицы. Только к вечеру остановились в Веймарне на переезде железнодорожного пути. Я с 4 пулеметчиками поехал ночью обратно в Новоселки к ротному командиру, где пришлось всю ночь не спать, ввиду беспрерывной стрельбы.

3-го. Новоселки – Муравейно. Красные за ночь настолько зашли нам в тыл на левом фланге, что пришлось с боем отступить по всему фронту. Вина тому наша беспечность. Наша пулеметная рота укрепилась на перекрестке двух дорог, среди голого поля, против деревни Алексеевки. Нам приказали задержать наступление неприятеля во что бы то ни стало; сообщили, что дадут знать, когда отходить. Весь день шел ожесточенный бой. Неприятельский броневик три раза пытался прорвать фронт на нашем перекрестке, но был нашими броневиками («Россия» и эстонский броневик) каждый раз отбит. Наступая на красный броневик, наш («Россия») вдруг завяз одним колесом. Чтобы спасти нашу машину, один из офицеров «России», невзирая на

свист пуль вокруг машины, вышел из броневика, схватил толстое бревно, валявшееся в канаве, и во весь рост нес его 100 шагов до машины. Бросив бревно поперек дороги, он помешал этим приблизиться красному броневику. «Россия» тем временем выбралась из ямы и начала медленно отступать. В этом бою был убит один офицер из команды «России», по фамилии Кононов. Пуля прошла через дозорную трубу броневика и попала прямо в лоб. К вечеру положение стало почти безвыходным. Мы находились под перекрестным огнем неприятеля с трех сторон. Оказалось, что на флангах давно отступили, не дав нам знать. Пришлось по открытому полю и под сильным огнем отступить. С большим трудом вынесли пулеметы и каким-то чудом спаслись. Отходили всю ночь через Веймарн до Муравейно.

4-го. Муравейно – Ложгалово. В 10 часов выступили дальше. Дорога весьма скверная (песок), но живописная. Прошли около 30 верст на юг. К вечеру догнали свой обоз в местечке Ложгалове, где и ночевали, отдохнули и привели себя в человеческий вид. Удивительно, что за 5 лет службы мне всегда приходилось отступать.

5-го. Ложгалово – Говорово. Прошли за этот день больше 30 верст. На дороге встретились со своим отрядом и капитаном Дыдоровым. Было жарко и лошадям трудно. Нас поместили в 3 верстах от штаба в маленькой деревне Говорово.

6-го. Деревня Говорово. Говорово довольно большая деревня, но небогатая. Население смотрело на нас сперва недружелюбно, но потом стало доверчиво и кормить роту и лошадей бесплатно. По вечерам устраиваются на улице танцы под гармошку. За кражу картошки двое добровольцев наказаны 5 днями ареста.

7-го. Деревня Говорово. Вечером большое гулянье наших солдат с деревенскими девицами. Веселились и танцевали при луне до глубокой ночи. Пели хором народные песни. Чисто русская картина.

8-го. Говорово. Ездил утром с поручением в штаб дивизии. К вечеру приехал к нам поручик Юренберг и дал нам точную картину о положении дела нашей армии. Картина не отрадная. Англичане остались такими же торгашами, как и раньше.

Поздно вечером пришла телеграмма о выступлении всей боевой части Ливенской дивизии.

9-го. Говорово. В 2 часа ночи с 8-го на 9-е число наша боевая часть роты выступила в поход на деревню Монастырек, для ликвидации красного прорыва. Настроение у солдат весьма бодрое.

10-го. Говорово. Ликвидировали два прорыва красных.

13-го. Говорово. Наши части, Балтийский полк и Конно-

Егерский объявлены, в случае прорыва красных, ударной группой. Балтийский полк – одна из лучших частей на фронте. Командный состав состоит из эстонского (немецкого) дворянства. Командир полка – полковник Вейс. Полк имеет образцовый отряд кавалерии из собственных лошадей, свою саперную часть и артиллерию. Полк подчинен эстонскому командованию.

19—20-го. Ложгалово. Был занят письменными делами роты. Капитан Дыдоров произведен в подполковники, полковник Раден – в генерал-майоры.

21-го. Ложгалово. Ходим каждое воскресенье в церковь. Церковь красивая, стоит на возвышенности. Она всегда полна военными. После обеда было солдатское представление с военной музыкой. Офицеры пили кофе в собрании штаба дивизии. Вечер провели на поле, где потешались разными играми. Принимали участие чины штаба, подполковник Р., подпоручик Келлер[256], штабной врач, сестры милосердия и др.

22-го. Получили неблагоприятные для нас сведения. Высшее начальство, чуя наше нерасположение к союзникам (в данном случае к англичанам), хочет нас разбросать по корпусам. Но этот номер не пройдет.

Октябрь, 1-го. Один из наших полков совершил маленький набег. С нами вместе приехали из Либавы на Нарвский фронт несколько германских офицеров. Один из них служит летчиком, другой у нас, в нашей пулеметной роте. В нашей части есть и турецкий офицер. Когда высшее начальство, штаб армии, об этом узнало, оно приказало всех иностранцев немедленно уволить. Тогда мы им дали фамилии Петровых, Ивановых и т. д. Один из них, лейтенант Шаллер, сегодня отправился в Германию.

2-го. Ложгалово. Наша дивизия переставила часы на два часа вперед. Вчера 1-й Ливенский полк совершил набег на ту сторону реки Луги, причем забрал один пулемет. Один человек ранен. Солнечный день. Англичане широко снабжают нас обмундированием. Уже половина дивизии одета в английское. Офицерам пока ничего не дают.

5-го. Получаем регулярно газеты, чисто английской ориентации.

6-го. На фронте успехи. Южная часть нашего фронта подходит к Пскову на 23 версты, кроме того, 2-я дивизия продвигается вперед, взяв Струги Белые. Вернулся из Нарвы подпоручик Силгайль.

Армия усиленно снабжается английским обмундированием. Дали нашей роте.

8-го. Ложгалово. С фронта приятные сведения. Наши части продвигаются все дальше на Псков. На днях будет наше

наступление. У нас связь с Деникинской армией.

9-го. Саперы Ливенской дивизии спешно заготовляют материал для моста над Лугой. Благодаря стараниям ротного командира поручика В. саперы самая образцовая рота.

10-го. День ясный и солнечный. В дивизии идут приготовления к предстоящему наступлению. Вечером перебрался в нашу деревню штаб корпуса. Ночью почти без боя наши полки перешли реку Лугу. Второй дивизией взята Луга.

11-го. Наши части продвинулись вперед до железной дороги. На дворе грязь по колено. День прекрасный, ясное небо.

12-го. Наши части продвигаются быстро.

Взято много пленных, 3 бронированных поезда, 6 орудий. Красные сдаются без выстрела. Воевать не хотят.

Наши части прошли Волосово. Сведения, что Бермондт под Ригой.

14-го. С рассветом двинулись в путь всем обозом и запасными частями вдогонку нашим войскам на Красносельское шоссе. Прошли через деревню Мануйлово до Среднего Села. Из-за скверного корма лошади дальше идти не могут. Дорога сносная. Белыми взяты Гатчина и Красная Горка. Ливенцы стоят под Красным Селом.

15-го. Деревня Среднее Село. Двинулись дальше через Веймарн до деревни Куты, где остановились на ночлег. Ингерманландцы высаживают десант. Дорога грязная. Дожди.

16-го. Куты. С утра двинулись дальше и в 4 с половиной часа пополудни прибыли в Гомонтово. Ливенцами взято Красное Село и вся Башкирская дивизия в полторы тысячи человек, которая считалась самой боевой.

17-го. Гомонтово. Сегодня дошли до Витина. По направлению к Кронштадту слышна сильная канонада. Погода самая отвратительная, ветер, дождь со снегом, грязь по уши.

18-го. Витино. Шли дальше по Красносельскому шоссе. Обоз остался ночевать в деревне Высоцкое. Мы (группа офицеров) дошли до Красного Села. В Красном Селе большое оживление. Полки выходили на позицию брать Лигово. Красная батарея стреляла по городу и попадала в церковь рядом с нами, где мы находились. На улице стояли отобранные от красных несколько броневиков. Молодежь из интеллигенции записывается в Белую армию. Наше дивизионное начальство шикарно устроилось в доме Управления Императорскими Дворцами. Наши штабные прапорщики показывали нам свои трофеи, найденные ими в этом доме и других местах, как: кавалерийские палаши, оружие из старых коллекций и т. д.

19-го. Село Высоцкое. На передовой позиции шла всю ночь

сильная стрельба из всех трех родов оружия. Бой происходил в пяти верстах левее от нас. Наш левый фланг очень жидкий. Взято много пленных. Убиты в бою капитан Зелерт, первый герой дивизии, и наш пулеметчик Кнаггис – рижанин.

20-го. Деревня Вилози (Красносельский лагерь). Сегодня наша дивизионная пулеметная рота перешла на новое место в деревне Вилози, под Красносельским лагерем. Передвижение произошло, ввиду шаткого положения на левом фланге, у Ропши.

21-го. Красносельский лагерь. С самого утра сильная стрельба на фронте. Наш 1-й Ливенский полк немного отступил. Красное Село сильно обстреливается, много раненых жителей. Днем было спокойно, и наши держатся стойко.

22-го. Красносельский лагерь. День ясный. В Красносельском лагере оставлено красными много интересного. Один из сторожей лагеря, бывший гвардейский унтер, собирался открыть нам склады артиллерийских снарядов, если возьмемся их вывезти. Мы об этом сообщили штабу, но определенного ответа не получили. Наши грузовики, привезя на фронт муку, могли бы на обратном пути в Нарву забирать снаряды, но этого почему-то не делают. На фронте артиллерийская стрельба. В Красное Село прибыло подкрепление в лице 4 полков.

23-го. Сильная артиллерийская стрельба со стороны красных. Неприятель наступает большими силами. Бой принял характер европейской войны. Они бросают в бои свои лучшие войска. Держимся стойко. Потери во втором полку.

24-го. Идут бои. Наши восстановили старое положение. Красные упорствуют. Они ловят в Петрограде на улицах мужчин и гонят на фронт. У пленных вид штатских – в шубах, поддевках, в галошах и котелках. В Петрограде на Загородном проспекте вырыты траншеи. При первом наступлении наши разведчики-ливенцы подходили к Путиловскому заводу. Наш 1-й Ливенский полк сильно пострадал. Убит командир полка генерал барон Раден и подпоручик Лакс. Есть много раненых. Высшее командование растерялось и передало командование фронтов полковнику Дыдорову, который требует подкреплений.

25-го. Красносельский лагерь. По всему фронту сильные бои. На левом фланге прорыв, а на правом мы наступаем. К 4 часам пополудни положение стало угрожающим. Нам пришлось оставить Красное Село и занять позиции в Кавелахти у Дудергофа. Вся беда в том, что нет резервов. Мы отошли немного в тыл. Шли всю ночь по шоссе через красивую Гатчину. Гатчина полна экипажами, штабами и примазавшимися к ним офицерами. В глаза бросалась несуразная беготня и упаковка вещей. Мы остановились в деревне Салози. На северной стороне неба в 8

часов вечера ясно была видна вертикальная комета.

26-го. Деревня Салози. Отправились дальше на восток в деревню Тяглино. На фронте спокойно. От красных к нам перелетело два аэроплана.

27-го. Деревня Большое Тяглино. Дождливая погода. Сведений с фронта нет, но там, по-видимому, все благополучно.

28-го. Деревня Большое Тяглино. Двинулись дальше по направлению к Волосову. Остановились в дачной местности у станции Кикерино. Жители Кикерина на нас смотрят косо. На фронте дела поправляются. Генералом Родзянко ликвидирован прорыв у Кипени. Туда отправились ударные группы и танки.

29-го. Станция Кикерино. Подоспел бы вовремя Бермондт, мы бы взяли Петроград. Вместо этого, он разрушил половину Риги артиллерийским огнем.

30-го. Кикерино. На дворе стоит все время маленький мороз. Прибыл наш Особый полк, укомплектованный из пленных красных, под командою полковника Лебедева. С фронта сведения – будто мы по всему фронту понемногу наступаем.

Красные сдаются массами. Мороз.

Ноябрь, 2-го. Кикерино. С фронта неотрадные сведения. Гатчина спешно эвакуируется. Противник наступает большими силами по направлению к Гдову, чтобы нас обхватить кольцом. Взял Лугу обратно. Красные сдаются полками.

4-го. Клопицы. Нами сдана Луга. Идет выравнивание фронта.

6-го. Имение Раскулицы. Солнечный морозный день. Мы продолжаем отступать по всему фронту. Причина тому – на фронте нет смены. Люди неделями не получают возможности выспаться, ходили первое время на морозе без шинелей и одеял, вместо теплой пищи, получают довольствие на руки в сыром виде. Вместо хлеба дают муку. На дворе мороз. В имении красивый парк.

7-го. Лялицы. Не успели прошлой ночью расположиться, как пришло приказание двинуться дальше. Усталые шли всю ночь по Красносельскому шоссе. Ярко светила луна. Наблюдал частичное лунное затмение. Попутные деревни битком набиты войсками. С трудом расположились в деревне Лялицы. На дворе сильный мороз.

8-го. Деревня Дубровка. Рано утром двинулись дальше, и в 2 часа прошли город Ямбург на Нарву. Остановились в деревне Дубровке в весьма скверных условиях. Ямбург имеет вид военного лагеря. Пока у нас на правом фланге не было войска, красные успели пройти за Ложгалово. Положение скверное.

9-го. Деревня Дубровка. Живем в маленьком помещении. Тесно. К нам пристали беженцы. Мороз.

10-го. Деревня Дубровка. В нашей маленькой комнате разместилась семья помещика из Дивенской, тоже беженцы.

11-го. Дубровка. Ясный морозный день. Бои где-то у Гдова. Взято 300 пленных, да толку мало.

12-го. Дубровка. Солнечный день. В течение дня проехало много обозов и войска по шоссе на Нарву. Сдают Ямбург. Красные у Прилуги. Все войска идут через Нарву на Гдов. Положение корявое.

13-го. Низы. Встали до рассвета и двинулись на Нарву. Было очень холодно. Лошади поминутно падали и еле продвигались, было скользко и подковы без шипов. Эстонцы к нам открыто враждебны и готовы нас уничтожить. Под Нарвой у проволочных заграждений толпа беженцев, которых эстонские часовые ругают и не пропускают. Люди остаются с детьми на ночь на морозе и на снегу. Редкая черствость эстонцев. Пришли в Низы. Войска тьма. Помещений абсолютно нет.

15-го. Низы. С фронта сведения, что красные заняли деревни Медвежек и Черное. Большая ошибка высшего начальства, что разрешало офицерам и чиновникам жить со своими семьями. В какую деревню ни придешь, все занято частными лицами. Из ста тысяч человек, считающихся на казенном довольствии, приходится 20 тысяч штыков. На дворе холод.

16-го. Криуши. С утра некоторое волнение среди войска. Части и обозы стали спешно выезжать в тыл, и к обеду Низы опустели. Мы уехали в 1 час дня на Криуши по прескверной дороге. Было холодно, ветрено и гололедица. Подводы скользили с дороги в канаву или болото. Пробирались среди нескончаемого обоза через Усть-Жердянск и ночью прибыли в Криуши на Нарове у границы Эстонии. Деревня битком набита войском. Несмотря на мороз, двери хижин открыты, и оттуда валит пар. Там негде яблоку упасть. Расположились на ночь у костров среди поля и мерзнем.

17-го. Криуши. Провели неважную ночь, ибо спать не приходилось. Лицо от костра горело, а спина мерзла. Ветер разносил искры, которые выжигали дыры на шинелях. Ветер перешел в шторм. Эстонцы ставят препятствия к переходу через границу (река Нарова служит границей). Ждем конца переговоров нашего правительства. Хлеба нет, выдают муку, которая у костра неприменима. Располагаемся еще на ночь у костра.

18-го. Криуши. За прошлую ночь у костра все почернели. В два часа утра на 18-е число нас подняли на ноги, перевели все части обоза через Нарову на три версты вглубь, в лес, где и разместились как могли. Остаток ночи провели у костра и ждали весь день дальнейшего перехода, но напрасно. Предстоит еще

ночь у костра. Лес болотистый. Мороз сильный, не менее 18 градусов.

19-го. Около шоссе на Мецкюль. Трудно спать на морозе, без укрытия. Выстроили что-то вроде шалаша. Продувает. Землянки не строим, ибо лес на болоте. Лес, однако, редеет с поразительной быстротой. Люди начинают заболевать. Лошадям нет корма. Нам дают муку, и мы печем блинчики у костра, что не может заменить хлеба.

20-го. Холод все усиливается. О сне и думать нечего. Ежимся у костра и прожигаем по неосторожности то одеяло, то пальто или сапоги. С полверсты от нашего лагеря эстонские солдаты напали на подпоручика Силгайля, побили его и отняли револьвер и кинжал с поясом. Среди эстонских солдат сильно развито хулиганство. Ежедневно нападения с грабежами, особенно воруют лошадей. Говорят, что в Нарве такие же хулиганы убили русского офицера, князя Вяземского, бросив его со скалы в Нарову. Леса больше нет, его весь вырубили.

Заходил к нам подпоручик Юренберг с печальными известиями о всеобщем положении на фронте и эстонских отношениях. Видно, что нашему походу конец. Все только и думают, как убраться отсюда.

22-го. По дороге на Замокрос. Сведения, что наша дивизия уйдет отсюда в глубь Эстонии, к вечеру оправдались. При проходе деревни Черное эстонская застава, пропуская наши обозы и войска, отнимала у нас оружие, патроны, пулеметы, сабли и др. Только у офицеров и 10 солдат оружие не отняли. Дорога шла по узкой и высокой дамбе через болотистые места. Тяжелые фургоны скользили задними колесами и благодаря узкой дороге скатывались вместе с лошадьми вниз по дамбе в трясину. Большей частью не было возможности спасать ни обоз, ни лошадей, которые с каждой минутой все больше тонули. Чтобы освободить несчастных животных от страданий, их на месте пристреливали. Я по дороге насчитал 300 павших лошадей. Шли всю ночь. Было темно и холодно. Ноги еле двигались. Усталость невероятная.

23-го. Замокрос (Эстония). К 1 с половиной часу ночи прибыли в Замокрос. Все избы были переполнены солдатами до того, что пришлось остаток ночи просидеть на пороге одной избы. Итак, это восьмая ночь под открытым небом, при 15–20 градусах мороза и без горячей пищи. Говорят, что при стоянке в лесу в одной части замерзло 6 человек солдат.

24-го. Деревня Замокрос. Прошлая ночь на соломе показалась раем. Только вши, которых развелось несметное количество, не давали покоя.

Наша армия накануне развала. Мы во власти эстонцев. Положение на днях должно выясниться. Юденические деньги, которыми нас наградили, нигде не принимаются. Вечером приехал с фронта полковник Дыдоров и утешает хорошими известиями.

25-го. На дворе оттепель, и глубокий снег усиленно тает. Решили ликвидировать роту и людей отпускать домой на родину. Нет смысла оставаться.

26-го. Наши дела все хуже. Начинаем отпускать людей, и сами скоро улетучимся. Эстонцы относятся к нам вызывающе: они нападают на наши обозы, крадут лошадей и вещи. Им мало того, что мы им оставили на границе, много составов поездов, паровозов, орудий, лошадей и др.

29-го. Дамл опять жалованье ненужными деньгами Юденича.

30-го. Несмотря на воскресенье, настроение неважное, ибо положение невыясненное. Упаковал ненужные вещи для отправки в Юрьев, к капитану Эшольцу. Перемена в командном составе. Какой смысл? Накупил почтовых марок Северо-Западной армии. Латвия принимает к себе и офицеров.

Декабрь, 1-го. Русская газета сообщает, что Русская армия перестала существовать и войска будут интернированы в Цернове и Гап сале. Вот так положение! Надо удирать, пока не поздно. Вечером вернулся из Нарвы подпоручик Силгайль и сообщил, что латвийский представитель отправляет желающих в Латвию. Запись только несколько дней. Решил завтра уехать, ибо эстонцы приступают к интернированию. Подпоручик Вундерлих из батареи и еще 80 человек уже уехали.

2-го. Нарва. Встал в 6 часов утра, до 9 покончил дела с ротой, уложил вещи, распрощался с оставшимися и вместе с поручиком Силгайлем отправился пешком в Нарву. С трудом удалось записаться у латышского представителя из-за плохого знания латышского языка. Капитана Эшольца поразил мой отъезд, и он неохотно отпустил меня. Полковник Дыдоров приказал сперва подать копию свидетельства на увольнение. По окончании всех формальностей мы сердечно распрощались с полковником Дыдоровым и его супругой. На днях они хоронили своего единственного маленького сына. Маленький Юрий был любимцем всех ливенцев.

Павлов
Ливенцы (письмо с фронта)[257]

Они прибыли на фронт в то время, когда фронт изнемогал от полного отсутствия резервов, под сильным давлением неприятеля. Первое впечатление было – немцы. Но, несмотря на ненавистную германскую форму, их новое и удобное обмундирование явилось предметом зависти всего фронта. И вооружены они были хорошо, и снаряжены… А у нас люди ходили изорванные, разношерстные; многие босиком, без погон и кокард. Мало чем отличались от красноармейцев.

– Вот как немцы помогают! Это вам не англичане. Ситный да четверть фунта сала – всего и видели. Уж если теперь кто скажет, что танки пришли, пока своими руками не пощупаю – не поверю. И уж если не дают – так скажи, что не дадим, а то сколько крови-то зря!

Крови «зря» было пролито много. Ждали транспорта со снаряжением и держались во что бы то ни стало на линии фронта, непосильно длинной, не отступали вовремя. Было решительно обещано снаряжение к определенному сроку и продовольствие. С этим можно было идти вперед. Ведь резервов не было. Солдатам говорили: держитесь, танки придут… мы им вместо снарядов булочки белые с аэропланов бросать будем. Так мечтали.

Увы! «Булочек» только-только для своих хватало. Не было папирос, сахару, круп.

А ливенцы рассказывали, как хорошо их кормили немцы в Митаве, давали им сигары и коньяк, жалованье вперед заплатили…

– И не все ли равно, кто поможет, немцы или англичане? Немцы столько-то десятков тысяч своего ландесвера предлагают, уже в Митаве все готово, только их сюда англичане не пускают; сами не помогают и им не дают! Эх! А в Питере-то, в Питере люди мрут как мухи – не все ли равно, кто поможет. Кажется, если черт придет, так и это хорошо.

Национальная гордость была подавлена. Они страдали. И видели ливенцев, которым повезло, которые были у немцев.

Готовы были забыть и то, за что сражались пять лет, и проклятие Бреста, и то, что немцы и сейчас – враги!

Что они поддерживали большевиков и сейчас поддерживают их!

Что, наконец, пустить немцев на фронт – это значит

совершить предательство, потому что немцам не выгодно брать Петроград.

Это же их лаборатория – Петроград. Там выделываются ядовитые газы, от которых задохнутся Франция и Англия…

Пусть мучаются эти русские свиньи – фатерланд вздохнет свободно, когда во Франции будет большевизм.

А потом… когда «начнется» на Западе, можно будет освободить и Россию. Заключить с ней союз. И тогда-то Россия будет в наших руках. Вся Восточная Европа… и Сибирь – какие богатства!

Этого они не понимали.

И гордо носили ливенцы свою германскую форму, проклятое клеймо фабрикантов большевизма, и завидовал им весь фронт, босой и раздетый.

О! Немцы получили хорошие проценты за помощь Ливенскому отряду. Симпатии всего фронта были на их стороне.

Немцам нужно приобрести влияние не только у большевиков, но и у белых. По возможности помогать тем и другим. Пусть продолжается подольше гражданская война в России.

Какое им дело до того, что льется русская кровь! А если все-таки осилит и на Восточном фронте Антанта, и займут белые войска Петроград, нужно подготовить заранее почву, чтобы не упускать союза с Россией.

Но какая странная судьба!

Крайние левые – большевики – обмануты немецкими агентами злым миражем – утопией.

И крайние правые обмануты теми же немецкими агентами – тоже утопией.

Ведь они хотят восстановить в России все, как было, точно не переживаем мы уже три года страшную катастрофу, точно можно строить жизнь не из жизни самой, а из мозга – разумом. Не считаясь с действительностью.

Ливенцы в этом неповинны. Их немецкие симпатии, столь недоброкачественные, к счастью, не пошли дальше платонических воздыханий.

А дрались они как львы. И умирали честно за родину. Среди них были офицеры и солдаты, бежавшие от большевиков в Литву и в Польшу, были освобожденные поляками из тюрем Петлюры, где самостийные палачи мучили их не хуже большевиков, были воины, перенесшие немецкий плен.

И как только открылись регистрационные пункты в Варшаве, в Риге, они пошли на голос России.

Пока звучит еще этот голос, пока жива еще эта тяга – никакие страдания не убьют нас. Через заблуждения и раскаяние, через

борьбу и раны – мы обретем нашу великую Родину и снова создадим железную армию – на страх врагам!

Г.Е. С-в[258]
В Северо-Западной армии[259]

В «Памятке Ливенца» я встретил напечатанный приказ командира корпуса от 5 сентября 1919 года за № 96—2, где говорится о 2-м полку. Все сказанное в равной мере относится и к Стрелковому дивизиону, вошедшему в состав 2-го полка. Дело идет о прорыве красных под деревней Шимы. Я, к сожалению, не могу указать точно числа этого прорыва, потому что я дневника не вел. А если меня спросят, почему я не вел дневника, то я могу дать самый простой ответ: во-первых, мы, солдаты дивизии светлейшего князя Ливена, как только приехали из Митавы на Северо-Западный фронт, не имели свободного времени в месяц более как дня три. А во-вторых, у нас голова была занята так же, как и сейчас, когда я пишу эти строки, только одним – как бы поскорее освободить дорогую нам нашу Родину Россию от всей засевшей там разной инородной сволочи.

Поэтому я хочу описать без всякого преувеличения тот самый прорыв, который ни один стрелок бывшего Стрелкового дивизиона дивизии светлейшего князя Ливена забыть не должен, так как мы в бою за Шимы потеряли убитым любимого нашего г-на штабс-ротмистра Ильяшевича.

В конце августа месяца 1919 года, после небольшого перехода, мы остановились в большой деревне Старополье. Простояв в ней не более суток, мы получили приказ командира дивизиона г-на полковника Козакова собраться с полной походной, в чем с нашей стороны задержки не было (и вообще никогда не бывало). Взяв с собою одни мундиры, винтовку, патронташи, по нескольку штук гранат, и – айда, хлопцы, глушить красных! Шли скоро, что называется по-ливенски. Дорога идет лесом. Шли не долго. Дорогу пересекает болото, через которое проложен мост (деревянный). От моста до деревни версты полторы – чистое поле, засеянное ячменем.

Перешли поле и дошли до самой деревни Шимы. Справа и слева от деревни озера. На короткое время располагаемся в деревне, потом занимаем наскоро вырытые окопы, причем влево от деревни Козиру выставляем полевые караулы. Нас было три эскадрона: 1-й, 2-й и 3-й. Первым эскадроном командовал полковник Синегуб[260], вторым – полковник Ильяшевич, и третьим – штабс-ротмистр Ильяшевич, брат полковника. Часть 1-го эскадрона была в конном строю. Общее число нас было не более как человек 100. 2-й эскадрон занимает правый конец деревни и

одновременно перерезает дорогу, ведущую от Малых Шим в Большие Шимы. 3-й эскадрон занимает позицию левее второго эскадрона, не теряя с ним связи. 1-й эскадрон садится по коням и выезжает на разведку по направлению Малые Шимы. Мы с напряженным настроением ожидаем, что они нам привезут нового. Ожидать нам пришлось не долго. Смотрим – катят наши разведчики, приехали и говорят, что красные наступают и не далече. Силы численностью много больше наших (их был целый полк).

Но мы все-таки не очень их испугались, а приготовились, стоим и дожидаем: пущай идут, только поскорее, потому что мы долго ждать не привыкли.

Смотрим – идут. Показалась 1-я цепь, и мы их подпустили шагов на 80, а потом пошла… понесла… давай, ребята, пока не поздно! Смотрим: красные валятся как снопы. Много убитых, раненые стонут. Два раза они пытались было перейти в атаку и кричали «Ура!», но напрасно! Ротмистр же Ильяшевич ходит поверх окопов во весь рост и навскидку из карабина расстреливает приближающихся к нему красных, а сам говорит: «Ага! Красная босота соляна, кажется! Мы вас встретим!»

Бой продолжался более двух часов. Красные напирали, но мы с частой ружейной стрельбы по команде ротмистра Ильяшевича перешли на стрельбу залпом. Залпом стреляли 40 человек, а залп выходил как с одной винтовки. Наши залпы пришлись красным не по вкусу, и они заметно смутились и с нашего левого фланга стали было бежать обратно в лес.

Вдруг положение меняется. Во втором эскадроне портится пулемет и исправить его нет возможности. 2-й эскадрон начинает отходить за деревню. Положение наше становится скверным. Тогда ротмистр Ильяшевич дает приказание отходить и 3-му эскадрону, причем на задержку остаются добровольно 10 человек с ротмистром Ильяшевичем во главе. Остаются, кроме ротмистра Ильяшевича: прапорщик Соколов[261], прапорщик Сибиркин[262], унтер-офицер Мохно, унтер-офицер Сорокин, унтер-офицер Петр Позняков (убитый под Темницкими хуторами при разведке от устья Жердянки), стрелок Синеговский, младший унтер-офицер Сергей Годунов, стрелок Начаткин (попал в плен к красным у деревни Горелово и тут же ими был расстрелян) и я – старший унтер-офицер Царской армии 14-го Гренадерского Грузинского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича, Великого князя Алексея Николаевича полка.

Прапорщик Соколов, прапорщик Сибиркин, старший унтер-офицер Сорокин, старший унтер-офицер Позняков, стрелок Начаткин и я – все Тульского отряда. Все мы 10 человек были в

окопах до тех пор, пока дали возможность отойти за деревню нашим двум эскадронам.

Тем временем красные заняли половину деревни и уже успели около часовни собрать митинг. Ротмистр же Ильяшевич отдал нам приказание войти в деревню. Мы оставили окопы и по переулку вышли в центр деревни. Красные заметили нас, и некоторые из них поспешили к нам навстречу и говорят: «Товарищи, идите сюда к нам, выведите своих золотопогонников и вам ничего не будет». Тогда мы остановились, и они думали, что мы предадим своих начальников. В этот момент ротмистр Ильяшевич скомандовал: «По красной босоте! Взвод… пли!» Грянул залп выстрелов и взрыв нескольких гранат, и ихнего митинга как не было. Только послышались стоны раненых.

Мы же, отстреливаясь на ходу, стали отходить за деревню. Красные успели тем временем поставить пулеметы на крышах домов и стали нас обстреливать. Мы только успели взойти на мост, что через болото, смотрим… свалился полковник Долгов (начальник пулеметной команды). Когда мы подошли, смотрим: он ранен в ногу. Эта первая наша жертва в бою за деревню Шимы. Его взяли на лошадь и отправили в тыл. Мы же всем дивизионом, отойдя версты две от моста, решили, что красные не скоро опомнятся и сразу наступать не будут. По приказанию командира дивизиона полковника Козакова, весь дивизион рассыпался в цепь, перерезав тем дорогу на Старополье. В сторону Шимы выставлена застава, от которой выдвинуты полевые караулы. Затем мы остались в таком положении на всю ночь в ожидании красных, но они за ночь еще не очухались и поэтому наступать не решились. Довелось бы это нам – такая сила, – так мы бы их гнали и днем и ночью, но убежать от нас они бы не успели.

Пролежали в цепи до утра, а наутро к нам подошел наш 2-й полк. Командиры, обсудив положение на месте, решили: наш стрелковый дивизион должен выслать от себя разведку в стороны Шимы и занять всем дивизионом позицию по берегу озера, что правее деревни, а 2-му полку перейти через болото в обход и занять позицию от озера влево. Но так как 2-й полк не был знаком с расположением места, то из нашего дивизиона им были даны провожатые, в числе которых находился и я. Мы свернули с дороги влево и подошли к болоту лесом. Болото широкое, и воды много, а кроме того, очень топкое. Но мы думали, что мы не такие тяжелые, чтобы потонуть, а когда мы стали переходить, то оказались совсем легкими. Ну и поперли! В первую очередь, конечно, за собою тащим «максимки», и они оказались тоже легкими, как гидропланы, так и наезжают нам на ноги. Смотрим… не успели промокнуть, а уже на другом берегу болота.

Ну и слава Богу, сейчас неожиданно и негаданно к красным с визитом явимся. Здравствуйте пожалуйста! Вышли на берег, встряхнулись, и вся вода с нас так и стряхнулась, сразу сухие. Ну а теперь айда, хлопцы! А то красные, наверное, нас заждались.

Пошли опушкой леса и дошли до самой деревни. Недолго думая командир отдает приказ открыть стрельбу по деревне из винтовок и по очереди из пулеметов. Когда мы открыли стрельбу по деревне слева, то наш стрелковый одновременно открыл стрельбу по деревне справа. Красные не знают, откуда обороняться, но наш стрелковый дивизион через озеро наступать не мог, а потому им – красным – надо было обратить главное внимание на нас, а пока они обращали внимание, мы по цепи получили приказание: в атаку! Ура! До деревни было идти полем шагов 300. Вышли на открытое поле, и со стороны красных открылся слабый ружейный огонь. Мы на ходу стреляем из винтовок и бросаем гранаты. Мы уже подходим близко к деревне, как вдруг с правого конца деревни застрочил по нас пулемет, который я сразу обнаружил и показал, где он стоит, шедшему со мною рядом автоматчику. Этот сразу поставил автомат и дал очередь по красному пулемету. Смотрю… как покатился под горушку красный пулеметчик! А остальные номера пустились удирать, и вот мы все с криком «Ура!» подходим ближе к деревне. Красные видят, что их пули отдаются об наши каски, не выдерживают нашего напора, покидают деревню и в беспорядке бегут. Мы занимаем деревню. 3 одноколки с патронными ящиками, 2 пулемета, несколько винтовок, полевой телефонный аппарат и тут же оказались убитые, раненые и пленные.

Как погиб ротмистр Ильяшевич.

Когда красные стали бежать из деревни, стреляя по нашему дивизиону, ротмистр Ильяшевич, стоя во весь рост, стрелял убегающих красных как ворон. Но вот одна вражеская пуля попадает ему в живот и навылет, и наш всеми нами уважаемый и незабвенный г-н ротмистр Ильяшевич падает на землю, как скошенный сноп. Ему оказывает первую помощь фельдшер стрелкового дивизиона младший унтер-офицер Василий Сод очков тут же на месте. Потом его кладут на повозку и отправляют в тыл. На второй день он прекратил борьбу со смертью и утром тихо скончался.

Посвящаю своему отважному командиру

С чертами, смертью просветленными,
Передо мною ты лежал,
И долго взорами холодными я

В смысл твой тайный проникал.
На лбу кудрей твоих откинутых
Какой покой и красота!
И этих губ, навеки сдвинутых,
Какая дивная черта!
Да! В мире злобном и поруганном
Ты был лишь гость, а не жилец,
И сердцем жизнию испуганный,
Ты отдыхаешь наконец!

Д. Котомкин[263]
Отправка на Северо-Западный фронт[264]

20 июля, как раз в день праздника мира, мы стали грузиться на транспорт «Холсатия», стоявший в Либавском порту, чтобы ехать сражаться с большевиками на Северо-Западном фронте. Пехота наша уже уехала. О ней мы получали самые разноречивые известия. Некоторые говорили, что пароход-транспорт «Принцесса Маргарита» наскочил на мину, другие же рассказывали о благополучном прибытии его к месту назначения, в Северо-Западную армию, и что наши уже имели несколько ударных боев с большевиками. Но те и другие в одинаковой мере ругали англичан – виновников нашего отъезда. Ругали не потому, что не хотели воевать, нет, – каждый понимал, что он записался в отряд не для несения гарнизонной службы, а для борьбы с большевиками. Были возмущены тем подлогом, который совершили англичане, чтобы выжить нас возможно скорее из Либавы, ибо, очевидно, они боялись, как бы мы не пошли на соединение с немцами в Митаву. В один прекрасный день, после чтения приказа, нам стало известно, что английской миссией в Либаве получена телеграмма от генерала Юденича с приказом немедленно выехать нашему отряду на Северо-Западный фронт. В действительности никакой телеграммы получено не было, тем более что Юденич еще не принял командования над Северо-Западной армией, а тем паче над нами. К сожалению, в это время ни князя Айвена, ни капитана Дыдорова – фактического начальника отряда – не было в Либаве. Этим-то и воспользовались англичане, заручившись согласием полковника Канепа, за что последний по приезде в Северо-Западную армию получил (за соучастие) генерал-майора. Ехать нам не хотелось, ибо все мечтали о соединении с отрядом Келлера и ландесвером, чтобы двинуться сообща на Москву. В особенности ехать не хотелось после рассказов командира нашей роты, капитана Эшольца, и других офицеров, которые едва унесли ноги из-под Пскова при разгроме большевиками Северной армии в 1918 году. Говорили они о странных порядках с В. армии (из Северной армии образовалась после переформирования Северо-Западная армия), о том, что солдаты в ней ходят босиком и в рванье, вместо одежды. Много они говорили, да простит им Бог прегрешения вольные и невольные. Англичане крупно волновались, отправляя пехоту, боясь, что приедут из Митавы князь и Дыдоров; поэтому отправка пехоты была скорее похожа на

поспешное отступление, чем на отъезд на фронт.

Дело происходило ночью. Около коммерческого училища, где мы стояли, горят факелы, при свете которых происходит отправка. Солдаты бегают к подводам, стоявшим рядом с училищем, выносят патроны, быстро укладывают, покрывают сверху брезентами и, не дожидаясь следующих, уезжают к транспорту. Ночью же транспорт вышел в море. Из нашего отряда осталась только батарея, стрелковый дивизион и пулеметная рота. Англичане требовали и нашего отъезда, а за неимением места на пароходе предлагали погрузиться только с пулеметами, оставив двуколки и лошадей до следующего транспорта. Наше начальство не согласилось, сославшись на то, что без лошадей и двуколок мы не сможем принести никакой пользы. На другой день приехал из Митавы капитан Дыдоров и узнал об отъезде пехоты. Но было уже поздно. Сейчас же запросили князя в Митаву: что предпринять? Князь ответил: «Ввиду того что большая часть отряда уже уехала, то остается только одно: как можно скорее соединиться с нею». Недели через полторы пришел из Германии транспорт «Холсатия» с латвийскими военнопленными. На этом-то пароходе мы и поехали.

Фронт

Лес идет до самой деревни Килли. Это фронт. Вчера Килли взяли большевики. Утром наши отбили обратно. Утренняя пулеметная стрельба – это и был бой. Пред деревней при выезде из леса лежат убитые лошади.

Деревня Килли довольно большая, но дома все разрушены, некоторые совсем сгорели. Посреди деревни речка, тут же плотина с мостиком через дорогу. Кое-где валяются сорванные погоны и фуражки наших или большевиков. С погонами оперировали, очевидно, товарищи. В деревне сейчас стоит Даниловский отряд, говорят, это специалисты по части тыловых операций и обходов. Спрашиваем, где неприятель. Да тут везде, ибо налево сразу же загиб и конец фронта, потому что там начинаются непроходимые болота. По этим-то болотам и пробираются частенько товарищи. Самая линия фронтовых застав находится впереди за кустами. Приблизительно полверсты отсюда. На всякий случай вокруг деревни вырыты одиночные окопы. Мне деревня эта не нравится, очень уж она похожа на мышеловку. В деревне помещается штаб Островского полка. Место для штаба весьма неподходящее. Простояв часа два, двигаемся направо по фронту и немного вперед до деревни Малли, приблизительно в версте от Килли. Будем обедать здесь.

За деревней стоит Островская батарея. Нужно сказать, что наша Ливенская батарея осталась по каким-то причинам в Нарве, стрелковый дивизион тоже, за исключением раньше упомянутых всадников, которые будут держать связь. Только что расположились обедать, как начался артиллерийский обстрел, но снаряды лопаются дальше. Это большевики нащупывают батарею. Она тоже отвечает. Впереди деревня Керстово с большой церковью, там находится застава. Впереди первый взвод, а второй и наш третий вправо. Место безлесное – поле версты на три. По полю стоят заставы, в саженях 70 одна от другой. На этих заставах мы и будем стоять. Мы останавливаемся с пулеметом на третьей, считая от имения. Наша застава, пожалуй, удобнее всех. Впереди окопчик, довольно удобный. Маленький лесок, вернее, кусты сзади, на опушке стоят наши шалаши. Перед заставами полевая дорога, а за ней один ряд проволоки. Ее могло и не быть, ибо она не сможет служить защитой. Больше похожа на загородку для скота, чем на проволочные заграждения. Впереди, посреди поля стоит одно дерево. За полем лес – там красные. Нужно сказать – в этом месте позиция очень удобная. Вряд ли красные пойдут по открытому полю. Устраиваемся в шатрах, сделанных из жердей и соломы. Размещаемся в них по двое. Пулеметы поставили в гнездо. Двуколку же с лошадьми и ездовыми поместили в кустах шагов на сто в тыл. Придется для лошадей сделать какое-нибудь прикрытие на случай наступления красных, а то при стрельбе мы можем остаться без них. Плохо то, что воды поблизости нет. Придется ходить за полверсты назад к речке.

25 *июля*. Красные с 12 до 2 часов ночи обстреливали артиллерийским огнем деревню Керстово, что левее нас. Главным образом церковь, думая, что там наблюдательный пункт. Возможно, что там он и есть. Стреляют большей частью шрапнелью. У красных несколько батарей – слышно по полету снарядов. Одна из них правее нас, так что снаряды летят мимо по линии фронта. Насколько все же зрение опережает слух: сначала видна вспышка, через полминуты звук, в это время уже виден разрыв, а потом слышен весь полет и звук разрыва. Хотя трехдюймовки, но как будто бы летит и разрывается что-то громадное. Утром бегу на речку мыться и притащить воды. Жалко, нет чаю, мы так давно его не пили. Сегодня перешли на английское довольствие. Приехала кухня, привезла кофе и по два фунта белого хлеба. Поправляя гнездо для пулемета и роя помещение для лент, наткнулся на старые человеческие скелеты, очевидно, шведских времен.

У кухни встретил пулеметчика Боровского с первого пулемета 1-го взвода. Говорит, что позиция у них скверная. Стоят

они левей Керстова, на железнодорожной насыпи. Кругом кусты. Налево от них еще несколько пехотных застав, а там и конец фронта, ибо болото непроходимое, как указано на карте. 2-е отделение их взвода, с Бочарниковым первым номером, потребовали в деревню Килли для охраны штаба Островского полка. Спрашиваю – отчего стрельба. Не знает. Видимо, в тылу, по направлению болот. Должно быть, красные забрались туда. Оказывается, это здесь часто бывает. Когда мы только что приехали в Ямбург, было то же самое. Взяв суп, который оказался премерзким, и по кусочку сала на человека, возвращаюсь назад. Стрельба заходит в тыл, все дальше и дальше. Слышно, как пулеметы отбивают дробь. Изредка стреляют орудия, и белые дымки шрапнелей появляются за деревней Новоселки, находящейся, выражаясь по-военному, прямо в затылке у нас.

Пришел пулеметчик соседней заставы, говорит, что поручик Силгайль вызывает охотников отбивать неприятеля. Идет Заботкин, Гольд и я. Подходим к заставе. С нами девять добровольцев и три офицера. Выходим к имению. На мосту между имением и деревней Малли стоит эстонский броневик «Эстония». Тут же на дороге валяются два убитых красноармейца. Довольно далеко забрались. Солдаты с броневика говорят, что они только что выгнали красных из деревни Горки. Сейчас они идут в Керстово, ибо с наблюдательного пункта видели за деревней броневик красных. Несмотря на сильный пулеметный огонь бронебойными пулями, он не двинулся с места. Может быть, его подбила наша артиллерия. Идем его забирать. Мы идем в деревню Горки, а автомобиль едет дальше. Не проходит пятнадцати минут, как «Эстония» возвращается назад, таща за собой броневик красных «Смерть белогвардейцам». В Горках встречает нас командир пехотного батальона и благодарит. Рассказывает, что красные, пробравшись по болоту, вышли с тылу на Килли, взяли ее, оттуда бросились на Горки и Малли, а часть их пошла глубже в тыл на Заполье. Теперь в их руках осталась одна деревня Килли. Спрашиваем его, где же наш пулемет 1-го взвода. «Право, не знаю, – был в деревне Килли, когда ее брали красные». Вот так история. Неужели они попали в плен? Полковник сообщает, что на Килли послан слева батальон полка. Мы говорим, что идем туда же. Звонит куда-то по телефону, сообщает о нашем прибытии, просит теперь не беспокоиться за левый фланг, ибо туда отправили, как он говорит, 12 ливенцев-пулеметчиков. Это льстит нашему самолюбию, ибо, видно, все же о нашем отряде он весьма и весьма хорошего мнения. Идем к Килли. По ржаному полю справа кусты, слева за полем лес, по которому мы шли вчера из Ямбурга к фронту.

Рассыпались в цепь. Решили сначала войти в лес и оттуда выскочить на деревню. Подходим ближе к лесу, из деревни красные заметили, начинают обстреливать. Вошли в лес, прилегли пока там. Направо от нас видны люди в серых шинелях, идущие от деревни. Это отступает обратно пехотный батальон. Сзади солдаты тащат пулемет, – вероятно, это пропавшее отделение 1-го взвода. Так оно и есть. Выходим к ним. Поручик Силгайль спрашивает офицера, почему они отступают, – нет патронов. Мы помогаем вести пулемет и тащить ленты. Наши ругаются. Красные окружили деревню. Им приходилось поминутно перетаскивать пулеметы через речку с одной стороны деревни в другую и отстреливаться, пока была возможность. Наконец, видя, что дело может скверно кончиться, оставили деревню. Хорошо, что все благополучно обошлось. Ранен только один Генчке, и то легко – в пальцы.

Отошли передохнуть в окопы, вырытые в поле заблаговременно. Приехала двуколка с патронами и бинтами. Наша артиллерия и миномет начинают гвоздить по деревне. Поручик Силгайль говорит:

– Не сидеть же нам тут до ночи, надо идти вперед. К тому же действительно вспотевши холодно сидеть.

Вылезаем из окопа, пулемет оставили пехоте и опять также цепью с карабинами идем на деревню. Теперь уже прямо по ржи. Немного неприятно. Ноги путаются о стебли. Во ржи валяются убитые. Верхняя одежда снята, лежат в белье. Теперь ясно видна на лицах убитых грязь и пыль, как будто бы по фарфоровой кукле намазали грязью. Все таким же спокойным шагом идем в гору по картофелю к деревне. Стрельба вначале была ярая, теперь она постепенно стихает.

Вбегаем в деревню. На мостике плотины стоят человек пятнадцать, желающих сдаться. Они адски перепуганы, губы дрожат, видно, как колотятся зубы. Услыхав русскую ругань, немного смелее идут навстречу, бросают винтовки и гранаты в сторону, показывают почти полные подсумки, объясняют, что они не стреляли в нас. Конечно, мы их как следует припугнули. Силгайль кричит:

– Бейте вы ваших сволочей комиссаров.

– Рады бы, да не можем, больно уж большой присмотр за нами, – отвечает один.

Сдаем их пришедшей пехоте, часть которой пошла кругом деревни по опушке леса. Идем по деревне. Нет-нет, из избы вылезет товарищ, просится в плен. Большинство изб разрушено. С другого конца деревни, метров за 600–700, видна большая группа товарищей около леса. Машем им руками и кричим, чтобы они

шли сдаваться. Они делают то же. Остановились, толкуют что-то. Увидев подошедшую пехоту, бросают ружья и бегут сдаваться, только трое из них отделаются и улепетывают лесом. Мы из деревни открыли стрельбу. Один из них подскочил и свалился, а двое вернулись. Мы хотели бежать к убитому, но прапорщик Погге сказал:

– Господа, довольно. Пора возвращаться назад.

Пехота потом рассказывала, что при убитом комиссаре нашли браунинг и несколько сотен николаевских денег. Жаль, что мы не подбежали к нему тогда. Возвращаемся с триумфом назад. Тот же полковник встречает нас и радостно угощает папиросами. Видно, он очень нам благодарен. Поручик Силгайль пишет донесение. «25 июля при прорыве фронта, благодаря специалистам-пулеметчикам 2-го отделения первого взвода и 12 охотникам-добровольцам, таким-то и таким-то, положение на фронте восстановлено. Неприятель потерял убитыми 20 человек и пленными около 300 человек».

С радостным сердцем возвращаемся на свой пулемет как раз к ужину. Поручик Ланге сообщает приятную весть, что Заботкин, Гольд и Котомкин, ввиду усталости, ночью дежурить не будут. Приятно! Кроме того, уверен, что сегодня ночью после данного красным назидательного урока можно спать спокойно.

Наступление на Петроград

11 *октября.* Часов в 12 дня прапорщик Циммерман, придя от ротного командира, сообщил по секрету Заботкину и мне:

– Сегодня ночью мы наступаем.

Слава Богу, наконец-то давно жданный день наступил. Новым нашим солдатам мы и виду не подали, а сообщили, чтобы были убраны лишние вещи на одну из подвод. Приехала телега с патронами. Заботкин, по обыкновению, набрал патроны не только в подсумки, но и в карманы, кроме того, взял их еще 70 штук, специально зашитых в полотняную ленту. Ранцы, одеяла, котелки и другие вещи положили на телегу, покрыли их брезентами и завязали сверху, чтобы дорогой не потерять чего-нибудь. Около 6 часов приходит связь от командира роты с приказом двинуться к штабу батальона. Живо захватили пулемет и 20 штук лент. Перекрестясь, трогаемся в путь. По дороге к штабу попадаются мужики и бабы, везущие ближе к фронту бревна – части моста, предварительно сделанные понтонерами. На хуторе, где стоял штаб, мы оставили подводу с вещами. С нами пойдет одна боевая с пулеметом. Выдают хлеб и сало на три дня. Вернее, даже без всякого счета, так как обоз не сможет следовать за нами, потому

что нет моста. Узнаем подробности. Первым будет переправляться третий батальон, потом первый, а за ним уже наш второй. Прикрывать переправу будет наш пулемет. Это льстит нашему самолюбию. Вероятно, здорово придется поливать из него. Между прочим, Шишов остается при обозе. Отговорился тем, что нет шинели и плохие сапоги. Просто струсил. Отчего же я, находясь в таком же положении, не отказываюсь? Пятая рота осталась на прежней позиции. Она устроит демонстрацию против моста.

Ночь с 11-го на 12-е. Вот мы и у места переправы. Расположено оно направо от деревни Муравейно, при впадении маленькой речонки в реку Лугу. В речке стоят лодки, привезенные сюда заранее, несколько больших баркасов и челноки. Берег высокий. Позиция тут была отличная. Выставили наш пулемет. Приготовили его к бою. Сейчас только 10 вечера, переправа же будет в 12. Постепенно стягиваются войска. Солдаты, находящиеся на заставе, просят не шуметь, ибо здесь при малейшем движении красные посыпают снарядами. Действительно, после произведенного у лодок шума слышу свист приближающегося снаряда. Над нашими головами разорвались две шрапнели, осыпав нас ветками елок, под которыми мы стояли. После такого привета мы забрались в блиндаж. Сделан он чудесно: глубоко под землей, несколько накатов толстых бревен. Видимо, здесь стояли солдаты умнее нас и не желали подвергать себя неприятностям. Достаточно было посмотреть на воронки, чтобы устроить хорошее убежище. Одна из минометных воронок такой величины, что в нее свободно можно поместить телегу вместе с лошадью. В блиндаже тепло, устроена печка. Перед предстоящим боем солдаты отдыхают. Красный свет от огня освещает их спящие лица. Тишина нарушается только храпом. Присаживаюсь с Заботкиным к огню. Последний вскоре засыпает. Около часу приходит наш прапорщик:

– Пора, идемте!

Мигом вскакиваем, захватив карабины, и выходим к пулемету. Несмотря на то что мы знаем о наступлении, как-то не верим. Тихо. Говорим шепотом. Луна светит ярко. Заботкин еще раз проверяет прицел. Становлюсь на колени рядом с пулеметом. Удобнее подавать ленту. Господи, благослови! Сейчас лодки выйдут из речки в Лугу. Показывается челнок, на нем двое, за ним две лодки, сзади – сколоченные челноки. Все они соединены друг с другом веревками. Гребут плохо. Доехали до середины Луги. Когда лодки подошли почти к противоположному берегу, послышался возглас: «Ой-й, белые идут». Затем два-три выстрела. Лодки пристают к берегу. Высадив первую партию в несколько

человек, уезжают за следующими. Мы слышим, как с противоположного берега кричат нам пулеметчики Огурского:

– Вы смотрите, не стреляйте по нас.

– Сейчас к вам приедем, – отвечаем мы.

Артиллерия красных, получив известие о нашей переправе, начинает посыпать нас снарядами. Но прицел взят неверный, и они лопаются левей, не причиняя нам вреда, если не считать двух раненых шрапнелью, что не помешало им участвовать в дальнейшем наступлении. Отчего-то многие снаряды не разрывались. Первые группы переехавших раскинулись цепями и, предварительно обстреляв кусты и лес, двинулись вперед, изредка бросая ракеты. Пройдя шагов на 200–250 в глубину, они образовали нечто вроде предмостной защиты на случай внезапного возвращения красных. Артиллерия противника прекратила огонь. Наверное, удирает, не надеясь на восстановление фронта. Переправа нашего арьергардного второго батальона скорей походила на увеселительную поездку, чем на форсирование неприятельской позиции. Ехали с песнями, нисколько не стесняясь. Погрузив пулемет на баркас, перебрались благополучно на ту сторону. Река была взволнована всплесками весел. Подхватив пулемет и ленты на руки, идем быстрым шагом к деревне Поречье, занятой уже 1-ми 3-м батальонами. Уже взято несколько пленных. Было условлено в течение трех дней не брать пленных, чтобы не обременять себя, но по случаю такой удачной и веселой переправы отправили их к лодкам, чтобы там они сами попросили перевезти их к нам в тыл. Войдя в Поречье, увидели, насколько оно разрушено нашей артиллерией за время стоянки на Луге. У одной избы не было стены и части крыши. От другой остались груды бревен, кирпича от печи и разного мусора. Это работа нашего миномета. В деревне вдоль всего берега окопы. Тут была большая застава. Интересно посмотреть было отсюда на нашу позицию. Часть пехоты пошла по берегу брать заставы товарищей. Заставы пусты. Немного позже Балтийский полк должен перейти Лугу у Клена. Передохнув немного, двигаемся вслед за 1-ми 3-м батальонами, ушедшими в наступление на деревню Юрки, находящуюся в четырех верстах от Поречья. Дорога ужасная. Вследствие дождей такая грязь, что еле вытаскиваем ноги. Пулемет приходится нести на руках. Часть выданного хлеба дорогой выбросили, ибо не в чем его нести. На рассвете подходим к Юркам, забирая в плен отставших от своих отступающих частей красноармейцев. Показываем им дорогу к месту переправы. Все равно никуда не убегут. Интересные разговоры с ними. Выходят они неуверенно, как зайцы из леса, – без винтовок.

– Что ж ты не бежал?

– Да я бы убежал, да только упал, да грудь об пенек ушиб.

– А где ж винтовка?

– В лесу.

– Ступай принеси!

Через несколько минут тянет ее из леса и подает нам. Показываем дорогу на Поречье, куда они и отправляются. Не доходя немного до деревни, остановились. Ожидаем подводы из Юрок.

Утро холодное. Иней. Из набранных красноармейских винтовок разложили костер. Уже раньше 1-й батальон с боем занял Юрки, захватив один пулемет и 25 пленных. Погрузив пулемет на обывательскую подводу, шествуем дальше. В Юрках не останавливались. У одной из изб валяются два расстрелянных коммуниста. Здесь стояла неприятельская артиллерия, уехавшая за несколько часов до прихода первого батальона. Два часа идем без всяких задержек. Слева слышна сильная упорная стрельба. Стрелковый дивизион наступает на мызу Ивановскую, где, по слухам, засел батальон коммунистов. Близ деревни Городни видим своих конных разведчиков, скачущих к нам назад с шашками наголо. Городня, занятая красными, собирается оказать сопротивление. Роты рассыпаны в цепь. Первый батальон идет в обход с левой стороны. Наш второй – прямо на деревню. Третий в резерве. В десять минут все кончено. Стоявшая в деревне инженерная рота смята. Взяты два пулемета вместе с прислугой. Они перед этим пили чай.

– Мы кольтисты и пьем чай, – ответили они на вопрос, когда их брали.

Всего захвачено около 30. Пять человек убито. С нашей стороны ранен солдат.

Заняв деревню, расположились на привале позавтракать.

Через час вышли дальше. Иногда по пути встречаем деревню, но красных нет. Сегодняшняя задача – перерезать Балтийскую железную дорогу до станции Молосковицы. В одной из встречных деревень захватили четыре пулемета без единого выстрела. Часам к пяти подходили к Молосковицам. Бабы с радостным криком бросались навстречу.

– Голубчики, наконец-то и вы пришли.

Перед приходом нашего полка красные хотели угнать весь скот, но, услышав о нашем приближении, бросились наутек, отказавшись от своей затеи. До станции чисто поле версты на три. Красные еще на станции. Очевидно, хотят дать отпор. Издали заметна их суматоха. На станции пыхтят паровозы. По дороге от Ямбурга показывается белый дымок, и товарный поезд катит

мимо станции к Петрограду, за ним другой, а сзади бронированный. Боятся, как бы мы их не обстреляли. Обидно, опоздали на каких-нибудь полчаса, а то все три были бы наши.

Как потом мы узнали, первый был с хлебом, а второй с красноармейцами. Но вот на станции затрещали пулеметы. Бронированный поезд пока еще там. Пули засвистали над головами. Было приказано снять пулеметы с подвод, а потом спуститься в канавы, тянущиеся вдоль дороги. Наступление началось.

Часть первого батальона послана в обход справа, чтобы отрезать путь бронепоезду. Седьмая рота третьего батальона – влево. Полк по канавам двинулся прямо на станцию. Броневик, заметив обходный маневр, обстрелял бешено из пулемета и, дав несколько выстрелов из орудий, отошел от станции к Волосову.

Пройдя три четверти версты полем, мы выскочили из канав и одновременно с обходными частями, крикнув «Ура!», бросились к станции. Красные, не выдержав сильного пулеметного огня и натиска пехоты, кинулись наутек. На станции было взято пять пулеметов, обоз, четыре лошади и советский склад с теплым бельем, мылом, папиросами и сахаром. Особенно пригодились папиросы; в них чувствовался сильный голод. Подорвав пути, мы развели костры, выставили посты и расположились на ночь. Темнело. Мы сделали сегодня 25 верст и не спали предыдущую ночь. Задача наша была блестяще исполнена.

Только что мы приняли все меры предосторожности, как увидели идущий со стороны Волосова бронепоезд, вероятно, тот, что ускользнул от нас при занятии станции. Подойдя на версту, он пустил пару снарядов и убрался восвояси, очевидно зная, что наша вторая дивизия быстро наступает по другой дороге и может его отрезать от Гатчины.

16 октября. Выступаем опять часов в 10. Ночью был сильный дождь. Дорога очень испортилась, а идти придется параллельно шоссе, чтобы обшарить деревни, лежащие вне его. Может быть, там есть еще красные. Ноги скользят по грязи. У меня сапоги начинают лопаться по швам. В них забирается жидкая грязь. Очень неприятно. Кажется, нет худшего ощущения, чем сырые ноги.

Скоро должны выехать на шоссе перед Кипенью. Красных нигде не оказалось. Крестьяне опять говорят, что все большевики удрали в Кипень.

– Сколько их? – спрашиваем мы.

– Ой, батюшка, видимо-невидимо.

Возле шоссе поднимается стрельба. Опять заплевались пулеметы. Бежим позади первого батальона – он сегодня

головной. Перед шоссе маленький хутор. На крыльце одной избы фельдшер перевязывает раненного в живот. Не останавливаясь, быстро идем дальше. Поле. Наш проселок идет перпендикулярно Ямбургскому шоссе.

По канавкам вдали видны серые убегающие фигурки. Это башкиры. Они поджидали нас, думая, что мы пойдем по шоссе. Случайно мы на них наткнулись во фланге. Пулеметы были выставлены вдоль канав и открыли огонь. Им не понравилось. Нас с этой стороны не ожидали. Они сочли за лучшее дать тягу в Кипень. Конечно, это были только их разведчики и охотники, желающие первыми встретить нас. Быстро выбежав на шоссе, наши успели еще обстрелять убегающих из наскоро поставленного пулемета.

Направо имение. Туда наши тоже заглянули. Теперь тащат одного фрукта. На голове шапочка пирожком с зелеными кантами, на рукаве на зеленом фоне красная звезда и такой же полумесяц. Его подвели к Радену.

– Кто вы такой?

– Я командир Башкирского батальона, бывший штабс-капитан, – улыбаясь, говорит он.

Его, конечно, сейчас же расстреляли, тут же в сторонке. Черт знает что! Штабс-капитан и батальонный в добровольческой башкирской дивизии!

Ждем, пока подтянется полк, чтобы идти дальше. Наш подвозчик-мужик уверяет, что он ранен в ногу, но после осмотра, сделанного нами, выясняется, что врет. Может быть, с перепугу при стрельбе он действительно и ушиб ее.

Кусты кончаются, и мы видим деревню Кипень. Перед нею поле, примерно с версту. Место неудобное: ровно, ни кустика, ни холма. Работа будет всему полку. Наша рота случайно прикомандирована для прикрытия орудия, подъехавшего к опушке кустов. Весь остальной полк идет по канавам, которые выручают нас уже много раз. Нам видна вся картина боя, хотя мы сами и не участвуем.

Вот в деревне заметили. Поднялась стрельба. Пулеметов, судя по слуху, масса. Пули часто летают и к нам. Рота ложится, чтобы не терпеть напрасно урона. Только офицеры одни стоя наблюдают за боем. Попросил бинокль у одного из них, но ничего не могу заметить. Орудие снято с передка, и лошади увезены назад к обозу. Из него начинают стрельбу по деревне. Видно, как там разрываются снаряды. Вот наши подходят ближе и выскакивают из канав на шоссе и на поля, цепями бегут к деревне. Подхватив пулемет, мы с нашей ротой тоже бросаемся на помощь полку. Хотя это лишнее, так как полк почти в деревне.

Пули еще свистят и сыплются из нее, и пулеметы работают. Да, это не простые красноармейцы.

В правой канавке, недалеко от деревни, лежит наш убитый офицер – прапорщик Скудри. Пуля попала ему в голову в то время, как он со своей ротой выскакивал из канавы на шоссе. И теперь еще в судорожно сведенных руках держит винтовку, как будто хочет посадить кого-то на штык. Немецкая шинель залита кровью, и на съехавшей набок каске видна дырка от пули против виска.

Немного дальше, тоже в канавке, лежит раненый, около которого хлопочет фельдшер. Нагоняем полк и влетаем в деревню, передав пулемет Федорову и Вагину. Из-за угла еще виден уезжающий броневой автомобиль, минутой раньше обстреливавший шоссе. Шоссе в двух местах перекопано красными, дабы преградить дорогу нашим броневикам, которых с нами еще нет.

Один из солдат, увидя прятавшегося за избу башкира, схватил его за шиворот и тут же расстрелял, несмотря на то что последний, видя скверный оборот дела, ухватился за крайнее средство, а именно: бросился к нашему стрелку и, схватив его в объятия, думал держать так до тех пор, пока первый пыл боя остынет, но наш оттолкнул его и в ту же минуту, не целясь, выстрелом в голову свалил его.

Из деревни несется какой-то дикий вой. Влетев туда, видим картину: человек триста башкиров стоят в одной куче, подняв руки, и от страха воют, да такими голосами, что нам становится жутко. Попади мы в их лапы, воображаю, что бы они с нами сделали. Видя, что мы возьмем деревню, они стреляют до последней крайности прямо в упор, а теперь, когда удирать было поздно, сдаются. Некоторые из пулеметчиков стреляли до тех пор, пока не подбежишь к самому пулемету. Нескольких мы убили прямо прикладами.

В деревне около въезда валяются убитые. Один даже положен на носилки. Может быть, был важная шишка. Солдаты снимают с убитых те вещи, которые им нужны, а также меняют сапоги у пленных – все равно им новых не надо в тылу.

У красных человек 15 убитых, есть раненые и, как я говорил, 300 башкиров пленных. С нашей стороны убит один прапорщик Скудри и человек 5–6 ранено. Бой продолжается один час.

Несколько человек наших бежит через деревню в другой конец. Шоссе там идет круто под гору, а затем лесом до села Высоцкого, которое стоит в *4* верстах на высокой соседней горе.

Обратно в деревню едет удиравшая было раньше, но теперь пойманная двуколка красных.

По дороге лежат вещевые мешки, разбросанные в панике красными, валяются также шинели, шапки и другие вещи, которые мы собрали в двуколку.

В гору поднимаются одиночные пленные. Некоторые из них расстегивали гимнастерки и показывали кресты, давая понять, что они не башкиры. Сзади идет тип с самой азиатской рожей и тоже роется на груди. Хочет обмануть нас, якобы он тоже имеет крест.

Возвратившись обратно в деревню, я увидел, как наши срывают с одного дома красный флаг. Тут был совдеп. Пленных повели для допроса, чтобы выяснить. Коммунистов набралось несколько человек. Сегодня очень большая удача. Мы так ловко растрепали башкирскую дивизию. Перед боем многие боялись в душе за исход сражения.

Красные выбрали хорошую позицию. Поступали они вполне правильно, не разбиваясь на мелкие группы, чтобы дать нам отпор в начале наступления, а стянули в одном месте силы, которые, к счастью, мы так ловко разбили.

Собираюсь закурить махорку, мешочек которой я нашел на дороге. Вдруг крики:

– Кавалерия слева!

Мигом рота выстраивается в каре, чтобы прямо на штыки принять ее при въезде в деревню. Схватив наш пулемет, ставим его за бревна, наваленные около изб. Наводим живо на дорогу и ждем встречи.

Но приготовления напрасны. По дороге едет взвод конных-егерей. Там идет наш второй полк, и они несут связь. Понимаю теперь, как приятны неожиданные встречи конницы для пехоты. Невольно екнуло сердце при одном слове «кавалерия». Неудивительно, мы только что выдержали серьезный бой, а тут снова неожиданность.

Передохнув немного, выступаем на Высоцкое. Только что успели спуститься под гору, как вдали слева видим идущую массу людей с флагами. Хотели было переменить направление и даже успели уже обстрелять их. Оказывается, это была та же разбитая башкирская часть в количестве 700 человек, шедшая со своим знаменем сдаваться в плен второму полку. После того как мы ее разбили, она бросилась наутек к Ропше, но, увидев подходящий к деревне второй полк, сочла за благо без дальнейшей стрельбы сдаться. Известие это моментально же передали конноегеря.

У нас неприятная поломка пулемета. Произошла она потому, что, приготовляясь обстреливать шедших башкирцев, Вагин и Федоров, ставя пулемет, неосторожно сломали надульник. Заботкин побежал за запасным надульником в Кипени к обозу, а

полк двинулся дальше.

Положив пулемет на телегу, идем в хвосте. Наступает темнота, а нам предстоит, вероятно, дело не менее крупное, чем Кипень, ибо еще с царского времени в Высоцком сделали хорошие проволочные заграждения и бетонные окопы.

На полпути догоняют два наших броневика «Россия» и «Гроза», последний был взят недавно в Ямбурге. По виду узнаю, что это тот самый броневик «Гроза белогвардейцев», с которым мы имели дело под Алексеевской 1 августа.

Сквозь тонкий слой свежей краски внимательный глаз может заметить слово «белогвардейцев», которое было закрашено нашими.

В одном из броневиков едет сам полковник Дыдоров. Большевики начинают первый раз за все время наступления обстрел артиллерийским огнем. По выстрелам слышно, что батарея стоит не в Высоцком, а дальше. Снаряды ложатся в лесу, не мешая нашему движению. Наши броневики, подойдя к деревне, въезжают в нее задом.

К нашему изумлению, стрельбы не последовало. Большевики перенесли артиллерийский обстрел на Кипень. Мы, волнуясь от неожиданной тишины в Высоцком, рысью поднимаемся по длинному отлогому подъему. Броневики выезжают обратно, найдя деревню пустой.

К Дыдорову едет докладывать мотоциклетист, что третий полк прибыл в Кипень.

За частым проволочным заграждением, что на склоне горы, глубокие, в человеческий рост, окопы с бойницами. Удивительно, отчего красные не удержались: тут такая позиция, что нам пришлось бы попыхтеть.

Деревня производит впечатление мертвой. На улицах ни души. В избах пусто. Едва вышли из Высоцкого, как поднялась канонада. В наступившей темноте можно было видеть расположенные полукругом многие батареи.

В 12 часов вышли на Красное Село. До него 10 верст. Идем по грунтовой дороге рядом с шоссе, дабы не вызвать шумом артиллерийского огня противника и не дать раньше времени заметить нас.

Заботкин принес печальную весть. Кнагис, пулеметчик 3-го полка, наш шестнадцатилетний друг по пулеметной роте капитана Эшольца, убит в первый день наступления под мызой Ивановской. Пуля сорвала ему полчерепа. Говорят, что у него было предчувствие смерти во время раздачи бинтов перед боем. Он отказался от них, сказав, что ему не надо. Славный был малый. Царство ему небесное! Что делать, все мы под Богом

ходим. Не он первый, не он последний. В Высоцком его похоронят. Сначала хотели везти за собой плоть до Петрограда, но труп начал портиться.

В ближайшей деревне от Высоцкого почему-то остановились, но через полчаса тронулись снова. Опять перестроились. Мы идем авангардом.

Не доходя до Красного Села версты две, при свете луны увидели левее от дороги хуторки, а на шоссе черное пятно. Подошли ближе. Это окопчик. Стоит пулемет «максим» и около, завернувшись в шинель, спит солдат. Растолкали его. Со сна хотел заорать, но вовремя заткнули рот. Это курсанты, шедшие на помощь башкирам в Кипень. Не думая, что мы можем ночью двинуться дальше, они спокойно устроились на хуторах, выставив пулемет на дорогу. Их 60 человек. После бессонных ночей постовой заснул.

Одна рота отправилась на хутор взять их. Подойдя к избам, закрыли выходы и тут же переловили их, как цыплят. «Максим» отдан нам, ибо наша рота его взяла. Это, пожалуй, лучше, так как на нашем пулемете чувствуется недостаток германских патронов. Эстонцы отняли в Ревеле целый транспорт снаряжения, обозлившись на надписи, которые были сделаны на вещах, а именно: «Нашим русским друзьям от немцев».

Броневые автомобили опять едут вперед. Вот и оно!

Войдя в Красное Село без сопротивления, поворачиваем вправо по дороге к Гатчине.

Третий полк, идущий сзади, занимает Красное, мы же идем мимо лагерей дальше. Забавный случай с броневиками: когда они ехали в Красное, навстречу едут в коляске и на подводах товарищи. Кричат нашему автомобилю:

– Ну, что нового на фронте?

– Да так, ничего особенного, – отвечают с автомобиля.

– А вы какой части?

– Мы квартирьеры. Должна прийти инженерная рота.

– Слезай! Руки вверх! Мы ливенцы, – приказывают наши, направив на них револьверы. Их, голубчиков, и забрали тут же. Сидящий в коляске от страху свалился с нее.

Наш полк едва бредет от усталости. Еще бы, мы сегодня сделали порядочный конец, и была большая работа. Скоро рассветет. Шоссе идет около железнодорожного пути. Сейчас будет Дудергоф на берегу озера и станция.

Впереди раздается крик:

– Кто идет?

Кричит еврей – слышно по голосу. Некоторые отвечают ему наугад пароль, кто «Замок», кто «Винтовка» или просто «Свои,

товарищи».

Он, видимо, сообразил и выстрелил. Раз, два. Выстрелы сиротливо щелкают в темноте. К нему побежали наши. Еще несколько выстрелов, и все тихо. Ему пришел конец.

Рассвет едва брезжит. Видны очертания станции, а напротив на горе – Дудергоф. Местечко красивое. В будке поймали еще несколько человек, там их пока и заперли.

Занялись порчей пути. Две колеи. Спросили у будочника, по какой должен идти поезд. Нет с собой пироксилина. Связав несколько немецких гранат, подложили их под указанный путь. Гранаты взорвались, но рельсу только выгнуло, и поезд спокойно мог пройти. Тогда, наложив массу валявшихся рядом шпал и уперев некоторые шпалы дороги, мы отошли на горку, чтобы на случай бронированного поезда было удобнее его обстреливать, не находясь в близком от него расстоянии. Орудие поставили рядом с рельсами, направив его в сторону Гатчины. Стали ждать.

Едва успели забраться на горку, как показался от Гатчины поезд. Товарный, красные вагоны. Мигом сбегаем вниз. Убрав лошадей с пулеметами за станционную будку, ложимся рядом с пехотой, рассыпавшейся в цепь с одной и с другой стороны пути.

Артиллеристы дают выстрел по поезду. Мимо. Поезд уже рядом. Открываем стрельбу по вагонам. Сначала кажется, что они пусты, но, присмотревшись внимательно, вижу в одном из них сквозь отодвинутую дверь фигуры растянувшихся на полу людей. Огурский обстреливает из пулемета. С поезда отвечают, хотя в такой суматохе трудно разобрать, ибо треск наших, залегших с другой стороны, даже заглушает шум поезда.

В одном из вагонов, качаясь, горит фонарь. Не видя другой цели, стреляю в него. Брызги стекол, и фонаря нет. Конечно, не знаю, может быть, это и не мой выстрел.

Поезд идет по другому пути, а не по указанному стрелочником и заваленному нами. Наконец последний вагон проплыл мимо. Все равно не уйдет в Петроград. Наши в Красном Селе.

После ухода поезда подвода с нашим пулеметом уезжает в Красное. Мы забыли привязать лошадь, и та, испугавшись стрельбы, бросилась по дороге. Заботкин побежал за ней.

Полк едет в Дудергоф. Поднимаемся в гору. Только начинаем размещаться по избам, как показывается другой поезд, тоже товарный. Орудие устанавливают для обстрела. Первый же выстрел попадает в паровоз. К удивлению нашему, поезд продолжает путь, хотя ход замедлен. Воображаю испуг машиниста.

Ура! Поезд идет по испорченному пути. Вот он подходит к

наложенным на пути шпалам и останавливается, но, к удивлению нашему, не потому, что ему мешают шпалы. Он сбрасывает их с пути как ни в чем не бывало. Машинист решил, вероятно, лучше остановиться, чем ждать новых сюрпризов.

День прошел спокойно. Пользуемся случаем почистить пулемет и самих себя привести в порядок. Ночью, выставив посты, отдыхаем.

Стоя на дежурстве, видел огни Петрограда. Ах, поскорей бы туда. Вот было бы ликование.

18 октября. Приехал полковник Дыдоров. Поздоровавшись и поздравив с удачей, произнес речь.

– Орлята! – сказал он. – Заветная мечта скоро осуществится. Мы у ворот Петрограда! Еще усилие – и он наш. Главные успехи мы сделали. Сейчас другие части нашей армии стоят под Гатчиной. Может быть, ночью она даже взята, но на всякий случай надо прийти к ним на помощь и заодно очистить окрестности от неприятеля, а потому второй батальон отправится сейчас для удара на Гатчину с тыла, а первый и третий пойдут в Красное Село. С Богом, орлята, на пушного красного зверя!

Сделали пробу взятого у курсантов «максима» и отправили в Красное свои германские пулеметы.

Выступаем. По дороге селение. Стоит чей-то обоз. Навстречу, подняв руки, идут сдаваться в плен красные. Это курсанты пулеметной роты со всеми пулеметами, лошадьми и двуколками. Некоторых частей у пулеметов нет.

– Зачем же вы их испортили? – строго спрашиваем мы. Оказывается, самые ярые большевики, разбросав и попортив замки, удрали. Сдавшиеся остались по своему желанию. Один из них говорит, что в лесу есть еще один пулемет. Взяли его с собой, чтобы он показал место, а других под легким конвоем при захваченном обозе отправили в Красное Село. В лесу нашли скрытый пулемет в полной исправности. Курсанта, показавшего его, без дальнейших разговоров взяли в роту. На нем форменная шапочка-перелетка. Она как-то режет глаз среди наших фуражек и касок.

Из Гатчины слышим колокольный звон. Дыдоров не ошибся – она взята. Послав троих узнать подробности, остановились на привал. Дальше идти нет смысла, Гатчина взята. По дороге от нее к Царскому Селу двигаются наши. Их серые колонны на расстоянии сливаются. Кажется, что движется что-то целое, большое.

Вернулись посланные. Рассказывают подробности взятия Гатчины. Взял ее Талабский полк. Наши заметили на одной из улиц веревку, перекинутую из дома в дом. На ней повешено семь

комиссаров. Население настроено празднично.

Накрапывает дождь. По грязи шлепаем обратно. Задача наша кончена. Пришли в Тайцы, там уже стоит Уральский полк на отдыхе. К батальонному прибежал какой-то штатский с просьбой урегулировать его дельце.

Заключается оно в следующем: уральцами пойман один красный, бывший комиссар по продовольствию; он совершенно разорил и ограбил отца этого штатского. Теперь местный священник и два офицера-уральца ручаются за арестованного, и, таким образом, обвинитель боится, что тот уйдет от заслуженного наказания.

К вечеру приходим в Красное Село. Останавливаемся в бывшем дворце. Боже, как он загажен! До нас тут стояли красноармейцы. Стены и те исцарапаны разными надписями. Про пол уже и говорить не стоит, это – хлев. Ни стула, ни стола, даже дверные ручки сняты. Многие стекла побиты и заткнуты соломой.

Мы поместились отдельно от пехоты, в двух комнатах сторожихи. Там и тепло, и довольно чисто. Сторожиха же ушла в нижний этаж, там живет какая-то женщина с дочерьми. Мы их просили сделать нам жаркое из мяса, которое я достал по дороге в Гатчину.

У курсантов в одной из телег нашли целую воловью ногу. Рота решила сварить суп. Но, размыслив, что для всех это будет мало, я стащил с ротной повозки мясо и спрятал под брезент около пулемета, то есть попросту украл.

Бифштексы нам сделали отличные, поджарив на шпеке с картофелем. Мы, конечно, пригласили с нами пообедать и женщин. Они говорят, что давно не ели так вкусно. Дочери пожилой женщины рассказывали о встрече 3-го полка. Многие бросались к нашим на шею, целовали, плакали. Полк наш отдыхает. Мы в резерве.

19 октября. Насколько был сильный бой, можно судить по тому, что один из наших офицеров умер, как выяснилось, от разрыва сердца. Он страдал сердцем и раньше, а теперь не выдержал сильного напряжения. И немудрено. После боя у меня мундир был мокрый насквозь от пота.

Впереди Сергиев Погост, но он еще в 9 верстах, а теперь мы должны взять дачи. На протяжении 9 верст они стоят отдельными усадьбами недалеко друг от друга. Оттуда-то и идет стрельба, упорная и сильная. Это засели коммунары. Пленные в Владимировке показали, что их три тысячи. Сначала они сделали такой предательский маневр: вышли навстречу с белым флагом, подняв руки кверху, и, когда наши, не подозревая их уловки, подошли поближе, то красные бросились в канавки и оттуда

начали стрельбу. За ними был спрятан пулемет, из которого открыли огонь. За свою доверчивость мы поплатились двумя убитыми и несколькими ранеными.

Видя такой оборот, наши озверели. Сломив сопротивление предателей, бросились в штыки на первую усадьбу. Наш батальон бежит уже сейчас бегом на помощь.

Первая усадьба очищена от коммунистов нашим 1-м головным батальоном, несмотря на сопротивление. Они настолько упорно держатся, что приходится брать каждый дом отдельно и вытаскивать прямо за шиворот стреляющих в упор и бросающих гранаты коммунистов. К сожалению, нам приходится видеть только эту картину, не принимая в ней участия непосредственно.

Подбежав к первым домам, мы видим только валяющихся убитых около мостика, в канавах и на дороге. В стороне санитар перевязывал одного нашего раненого. Осколок гранаты разорвал ему живот. Сквозь бинт кровь проступает алыми пятнами. Кишки, вывалившиеся наружу и наспех сложенные обратно, в нескольких местах торчат из-под бинта, как розовая гофрированная бумага. Бедняга сильно страдает. Лицо искажено от боли.

Таща за собой прыгающий «максим», бежим с потными лицами к следующей усадьбе, отделенной от первой ровным полем, перерезанным в двух местах канавами, наполненными водой. Перескакивая через одну, я видел брошенный туда пулемет, но поднимать его нет времени. Успеем потом.

Из усадьбы летят роем пули. Иногда земля взлетает от разорвавшегося снаряда, но в жаре ничего не замечаешь. Скорей бы, скорей добраться до усадьбы. Чем ближе к неприятелю, тем больше шансов на успех.

По полю тоже лежат мертвые. Это бежавшие из первой усадьбы и застигнутые нашими пулями. Около дач маленький лесок. Каждый домик – крепость. Пулеметы работают с крыш, из окон, из-за всякого прикрытого места и угла.

В одном из окон видна фигура стреляющего «товарища», но вот он, как-то глупо кивнув, исчезает – убит.

Наши «Ура» не кричат. Работают с крепко сжатыми зубами. По-моему, без криков должно казаться гораздо страшнее. Сопротивление также встречаем упорное. Работают иногда штыками. С одной крыши снимаем забравшегося с пулеметом «товарища». Один из них с пробитым черепом падает вниз.

Около дач, на шоссе, где больше всего было засевших, убитые лежат один на другом. О взятии в плен никто не заикается. Их нет.

Вот из одного дома вытаскивают нескольких упирающихся

коммунистов. Их тут же кого расстреливают, кого прикалывают. Ни звука о пощаде, ни звука о помиловании. Видно, что сошлись смертельные враги, и пощады ждать нечего. Не просят.

Приехал с броневиком полковник Дыдоров.

– Что, братцы, жарко? Ого, сколько навалено, – говорит он, увидев кучи трупов.

Барон Н. Будберг
Северо-Западная армия генерала Юденича и петроградская операция 1919 года[265]

В этом году исполняется сороковая годовщина, как Северо-Западная армия генерала Юденича, несколькими стремительными ударами опрокинув силы красных у Ямбурга и южнее, колоссальными переходами, и в несколько дней, подошла к Петрограду. Царское Село, где стоят наши родные казармы, было уже взято белыми, но через два дня снова отдано красным. Царское послужило поворотным пунктом. Оно было кульминационной точкой успеха Северо-Западной армии, являясь в то же время местом, от которого началось отступление. Полагаю, что небезынтересно будет прослушать рассказ участника этой операции. Я вел в походе дневник, записывая все мало-мальски интересное. Разумеется, чтобы не слишком увеличить повествование, я смогу здесь представить только краткую сводку и некоторые выдержки из дневника.

Прежде всего позволю себе несколькими словами охарактеризовать положение на фронте. Северо-Западная армия генерала Юденича, при зарождении своем в городе Пскове названная «Отдельным Псковским корпусом», бывшим под началом генерала Вандама, а после полковника Нефа (л. – гв. 4-го Стрелкового Императорской Фамилии полка), уже 13 мая 1919 года сделала первую попытку захватить Петроград. Тогда последовательно были взяты Ямбург, Волосово, Кикерино, Елисаветино. Кронштадтский форт Красная Горка перешел на сторону белых, и вся Ингерманландия была освобождена из-под ига большевиков. К сожалению, неблагоприятное стечение различных обстоятельств заставило армию отойти и 4 августа того же года снова отдать Ямбург. Благодаря тому что в это критическое время прибыли из Курляндии свежие силы дивизии светлейшего князя Ливена, дальнейшее наступление противника было задержано, и наши войска закрепились на новых позициях вдоль реки Луги.

Началось переформирование армии, организовался на новых началах тыл (образование Северо-Западного правительства). Армия численно сильно увеличилась, и в конце концов было сформировано пять дивизий: 1-я – генерала Арсеньева, 2-я – генерала Ярославцева, 3-я – генерала Ветренко, 4-я (бывшая Балаховича) – князя Долгорукова и 5-я – Ливенская, под командованием полковника Дыдорова. Я, как старший адъютант

штаба корпуса светлейшего князя Ливена, в армию прибыл 2 августа, то есть как раз тогда, когда северозападники, поддержанные ливенцами, отстаивали последний клочок русской земли между Ямбургом и Нарвой. Штаб армии находился в Нарве, армией командовал генерал Родзянко (бывший комполка Офицерской кавалерийской школы), начальником штаба был Генерального штаба генерал Вандам. Всем же движением на северо-западе руководил Главнокомандующий генерал Юденич. Пробыв в Нарве некоторое время, я, по расформировании штаба, был командирован во 2-ю дивизию, где получил назначение командира личного конвоя начальника дивизии. Живя в маленькой деревушке Гдовского уезда, при постоянном общении со штабом дивизии, я хорошо знал не только настроение в полках, но и проекты и чаяния высшего командования. Определенно говорилось о скором новом наступлении на Петроград. Думали операцию эту провести в более широком масштабе, опираясь не только на свои силы, но рассчитывая на помощь союзников, то есть англичан, а также Финляндии и Эстонии. Наконец, в первых числах октября уже настойчиво и упорно стали носиться слухи, что не сегодня-завтра весь фронт двинется вперед.

Настроение солдат и офицеров было отличное; все рвались в бой.

Расположение частей в это время было следующее: на левом фланге армии, против Ямбурга, стояла 5-я дивизия и части 1-й. Влево от этой группы к самому заливу подходили эстонцы. Далее вправо 2-я дивизия, затем 3-я и 4-я. Армия еще не вполне была готова к наступлению, но, учитывая настроение бойцов, их колоссальный подъем и желание драться – был отдан приказ 9 октября начать штурм неприятельских позиций. 5-я дивизия и часть 1-й должны были взять Ямбург, продвигаясь вдоль железной дороги Ямбург – Петроград, чтобы затем широким фронтом занять район влево от железной дороги. 2-я дивизия и некоторые другие части под общим руководством генерала графа Палена (кавалергард) должны были, опрокинув противника впереди себя, держать направление влево, чтобы не отрываться от 5-й дивизии и уже дальше вести наступление вдоль железной дороги, двигаясь вправо от нее. 3-я дивизия должна была идти на Лугу, а оттуда на Павловск. 4-я дивизия остается на месте и служит заслоном на Псков. 1-я частью в резерве. Правый фланг начал маневрировать, днем или двумя ранее, 2-я же, центральная, дивизия снялась 9 октября рано утром. Ночью была сильная артиллерийская подготовка, а с рассветом малочисленные, но прекрасно сбитые полки бросились вперед.

Порыв был настолько силен, что противник на всем фронте оказался опрокинутым уже в первые полчаса и бежал в панике. Дальнейшее наступление шло, как и предполагалось, чрезвычайно успешно: 12 октября была взята станция Волосово, 13-го – Кикерино, 14-го – Елисаветино и Войсковины. 15-го – станция Сиверская, 16-го – Гатчина и Красное Село. Утром 17 октября начальник дивизии, а вместе с ним и я въезжали в Гатчину. Город производил совершенно мертвое впечатление. Редко было видно человека на улице, кроме, конечно, военных. Я заходил, между прочим, и во Дворец. В нем на первый взгляд все было в прекрасном порядке. Мы не долго пробыли в городе и скоро, вместе с полками, двинулись дальше.

Теперь позволю себе сделать несколько выписок из дневника, который вел в походе.

20 октября. Деревня Перелесино. Только что приехали на новое место. В штабе получено радостное известие о взятии нами Царского Села. Наши части прошли весь город и вышли к вокзалу, за который и прогнаны красные. Позиция в данный момент в верстах трех за Царским. Штаб Талабского полка переехал, а мы на его место. Недавно пошли в бой танки. Они получили определенную боевую задачу и, между прочим, должны пройти по всему городу. Воображаю удивление и испуг жителей, когда они увидят эти огромные машины.

Кроме Царского Села, взят также Павловск. Это дело 1-й дивизии, и там сейчас стоит ее штаб. Теперь самое главное – как можно скорее пробиться до Николаевской железной дороги, чтобы перерезать сообщение Петроград – Москва. Удача в этом направлении отняла бы у красного командования возможность подвести к Петрограду свежие войска. Теперь на участке нашей 2-й дивизии мы имеем дело почти исключительно с курсантами и коммунистическими отрядами, которые дерутся отлично, так что нашим усталым полкам, особенно Талабскому, приходится тяжело. Красные все время наступают, причем большую помощь оказывают им бронированные поезда, которые гораздо лучше оборудованы, чем наши. Держать Царское очень трудно. Были моменты, когда положение становилось критическим, но все же удавалось благополучно удержать позицию за собой. Наше наступление приостановилось. Перерезать Николаевскую железную дорогу пока не удалось.

22 октября. Деревня Онтолово. Вчера около часу дня, если не ошибаюсь, красные большими силами начали общее наступление и главный удар повели прямо на стык нашей дивизии с 3-й, причем чрезвычайно действовали их бронированные автомобили,

из которых один даже прорвался в Царское Село. Наш 13-й полк не выдержал и стал отходить, результатом чего был общий отход всей дивизии верст на шесть. Наш штаб до последней минуты оставался на старом месте в деревне Перелесино. Мимо нас по шоссе проезжали обозы полков, кухни, проходили раненые. Но все это делалось с удивительным спокойствием и в большом порядке.

23 *октября.* Положение наше очень невеселое. Красные, пользуясь удачным расположением железных дорог, поддерживают свои беспрерывно наступающие пехотные части отлично оборудованными и вооруженными бронированными поездами. Главное несчастье то, что у нас совершенно отсутствуют резервы, которыми можно было бы заменить уставшие полки. В пылу наступления усталость не замечалась, а теперь она сказывается, и все-таки как офицеры, так и солдаты держатся отлично, выказывая себя настоящими героями. Царское Село держали и теперь в блестящем порядке отступали какие-нибудь полторы тысячи. Я уверен, что со стороны красных на этом участке было сконцентрировано раз в десять больше.

24 *октября.* Деревня Новый Бугор. Сегодня поздно ночью мы опять отошли на новые позиции. Наш штаб переехал в деревню Новый Бугор. Это уже, так сказать, последний этап до Гатчины, которая всего лишь в 10–15 верстах. Сегодня на фронте довольно спокойно; красные, вероятно, собираются с новыми силами, но и мы не дремлем – в помощь к нам из-под Пскова и Гдова идет 1-я дивизия. Ее ждут не сегодня завтра. В связи с этим вырабатывается план нашего общего контрнаступления, венцом которого должно быть взятие Царского Села и Пулковских позиций, после чего дорога на Петроград будет открыта.

25 *октября.* Сегодня всю ночь шел сильный бой. Наше положение не совсем удовлетворительное, так как 3-я дивизия снова немного отошла. Однако мы все еще не падаем духом. Прибыла из-под Пскова и пошла на фронт 1-я дивизия. Ее поместили между нашей 2-й и 1-й (втиснули). Конечно, это немного облегчит наше положение. 5-я дивизия в бою с матросами, высадившимися у Петергофа, потеряла командира своего 1-го полка генерала барона Радена, бывшего моряка, героя защитника Пекина, получившего тогда орден Святого Георгия.

25 *октября.* Гатчина. Вчера, приблизительно в полночь, меня с полуэскадроном послали в Гатчину найти подходящие для нас всех квартиры. Штаб выступил позднее, часа в три утра. Была прелестная, теплая ночь, хотя довольно темная. Сколь неприятно вылезать из нагретой кровати, столь очаровательно было проезжать верхом, мелкой рысью, сквозь окружающее нас

невозмутимо спокойное царство сна. Ехали все время по шоссе. Обогнали один из танков, который стоял и возился со своим мотором. Между прочим, мне передавали офицеры, служащие в танках, что, собственно говоря, машины, присланные нашими союзниками-англичанами, никуда не годятся: то к пулеметам нет подходящих обойм, то гусеницы очень поношены и часто рвутся и т. д. Часов около трех утра был в Гатчине.

27 октября. Сейчас получил известие, что противник взял Красное Село и что Ливенская 5-я дивизия немного отошла. Положение Гатчины становится довольно неприятным. На фронте сегодня спокойно, и я, воспользовавшись этим, проехал к брату, в штаб 1-й дивизии.

28 октября. На фронте идет сильный бой, особенно в 3-й и 5-й дивизиях. У нас сравнительно спокойно, хотя фронт в верстах восьми от штаба. Из разговоров начальника дивизии с начальником штаба можно заключить, что Гатчину хотят во что бы то ни стало держать, а с прибытием на наш фронт всей 1-й дивизии предполагается даже образовать ударную группу для контрнаступления.

29 октября. На фронте довольно спокойно, хотя сегодня слышна артиллерийская перестрелка, так как все это происходит в непосредственной близости от города.

30 *октября.* Ночью шел сильный бой и сейчас продолжается. Противник почти беспрестанно обстреливает наши позиции артиллерийским огнем; у него гораздо больше орудий, чем у нас. Вообще артиллерия у красных стоит на должной высоте, и в снарядах у них изобилие. Поговаривают, но пока еще под большим секретом, что Гатчину придется оставить. План о нашем контрнаступлении так, вероятно, и не придется привести в исполнение.

31 *октября.* Сейчас узнал, что нам из-под Гдова перебрасывается 4-я дивизия. Дивизия эта отличается своими дикими нравами, но, с другой стороны, и лихостью. В довершение ко всем неприятностям дня, получено сведение, что красными взята Луга, причем так неожиданно, что наши небольшие команды, находящиеся в городе, не успели вовремя уйти и были захвачены. Взятие противником Луги является для нас чрезвычайно неприятным фактом, и особенно если связать это с переброской почти всех наших сил на Гатчинский фронт. Таким образом, весь Гдовский уезд, а с развитием операции и железная дорога Нарва— Гдов, то есть, иначе говоря, наш тыл, может в самом ближайшем будущем попасть под удары противника. Как наше командование будет реагировать – трудно сказать, так как свободных резервов у нас уже больше нет: единственное, что

можно сделать, – это снова снять какую-нибудь часть с нашего фронта и бросить ее навстречу противнику позади нас. Но, увы, это тот же «тришкин кафтан».

Вот что говорят мои записки. Была оставлена Гатчина. Наше отступление продолжалось. Но это не было отступление разбитой армии. Малая силами, но великая доблестью своих солдат и офицеров, измученная и голодная, Северо-Западная армия под давлением превосходящих сил противника и из опасения быть окруженной, возвращалась тем же путем на свои исходные позиции. Геройски защищая каждую пядь родной земли, она 15 ноября 1919 года снова переходила реку Лугу.

Итак, нам понадобилось всего лишь 11 дней, чтобы дойти до столицы России и видеть Св. Исакий, а большевикам – 25, чтобы заставить нас, не имевших ни резервов, ни тыла, измученных постоянными боями и переходами, отступить назад.

Г. Цельмин
Под Петроградом[266]

В Дудергофе мы простояли 14, 15 и 16 октября. Утром 16 октября мы получили сведение, что Гатчина взята, и нам был дан приказ идти в Красное, куда мы и прибыли в полдень. В Красном мы простояли всего лишь ночь и утром 17 октября отправились в Сергеево. Сергеево лежит всего в 13 верстах от Петрограда и в 8 верстах от Красного.

За время нашего пребывания Красное сильно обстреливали большевики. Должно быть, шпионы донесли им о нашем уходе, ибо, как только мы покинули Красное, большевики начали обстреливать дорогу, по которой мы двинулись. В 2 верстах от Красного мы наткнулись на врага. Он оказывал сильное сопротивление. Мы продвигались вперед чрезвычайно медленно и прибыли в Сергеево вечером, беспрерывно борясь с большевиками. У нас в этот день были довольно тяжелые потери, между прочим, пал подполковник Скудра. Вечером на помощь нам был послан броневик. Так как наступила ночь, мы остановились в Сергееве и окопались около дороги, ведущей из Петрограда в Ораниенбаум и Петергоф. Части раскинулись вправо и влево от места, где упомянутая дорога соединяется с дорогой, ведущей из Красного в Петроград.

Перед нами, на расстоянии одной версты, лежала железнодорожная линия Петроград – Ораниенбаум. Мы ее разрушить не смогли, так как большевики засели за железнодорожной насыпью, и не было никакой возможности ночью пробиться к ней. Кроме того, наши силы были так малы (1-й полк, Стрелковый дивизион без лошадей, эскадрон конных егерей – 500 человек), что дальше наступать мы не могли: за Сергеевом начинаются Петроградские предместья, и большевики нас там просто задавили бы. Справа от нас, в Лигове, боролся наш 2-й полк.

Позиция наша была выгодной, так как между железнодорожной насыпью, где стояли красные, и нами находился болотистый луг, не дающий никакого прикрытия. Мы спешно замаскировали наши пулеметы. 1-й полк стоял в центре, на правом фланге Конная дивизия, а на левом – конноегеря. В ту же ночь большевики нас два раза атаковали, но были отбиты.

18-го рано утром большевистский бронированный поезд прибыл из Петрограда и стал нас обстреливать артиллерийским и пулеметным огнем. Израсходовав все снаряды, он вернулся в

Петроград за новым запасом и через несколько часов вновь начал обстрел. Значительных потерь мы не понесли. Мы видели разгрузку новых частей, прибывших из Петрограда. 18-го большевики с короткими промежутками атаковали нас 7 раз, но были отбиты, потеряв огромное число людей. Наши пулеметы метко стреляли, и мы могли наблюдать за форменным скосом цепей, вышедших на расстоянии 600–700 шагов. Мы видели, как комиссары гоняли своих солдат ударами плоской стороной шашек. После каждой атаки мы брали пленных, так как многие из красных оставались лежать на лугу и после отступления своих прокрадывались к нам под огнем большевистских пулеметов.

В ночь на 10 октября был убит пулей в голову капитан Зелерт. Память его всегда будет чтиться в нашей среде. Он был героем. Его любили солдаты. Я его знал особенно хорошо, мы были друзьями. В Курляндии стояли рядом. Он был погребен в Красном.

Утром 19 октября два броневика прибыли из Петрограда и, остановившись около железнодорожной насыпи, обстреляли нас. Третий броневик, шедший в направлении от Ораниенбаума, нас обстреливал слева. Наш броневик стал на перекрестке обеих дорог и со своей стороны стал бить по вражеским броневикам. К сожалению, у нас почти что не было бронебойных пуль, и вряд ли наш огонь произвел желаемое действие, но, несмотря на это, красные броневики не решились приблизиться. 19 октября большевики вновь произвели ряд безрезультатных, чрезвычайно кровавых атак: наступали лучшие войска, состоящие из тверских курсантов и матросов. Эти войска никогда не сдавались, должно быть, они знали, что их ожидает у нас.

После беспрерывных боев в течение 17, 18 и 19 октября мы с нетерпением ждали подкрепления. Наши солдаты были до такой степени утомлены, что в промежутках между боями засыпали на позиции с винтовкой в руках.

Вместо подкрепления, мы получили приказ отступить на Красное. Это было для нас большим разочарованием: мы надеялись наступать дальше на Петроград. С того дня всякая надежда взять Петроград была потеряна, и это удручающе повлияло на воинственный дух наших солдат.

По получении приказа мы дождались очередной большевистской атаки, которую, как и всегда, отбили, и медленно стали отступать под огнем артиллерии.

Короткое расстояние между Сергеевом и Красным мы прошли в несколько часов. Было светло, когда мы прибыли в Красное.

При отступлении к нам присоединилось много местных жителей, не желавших остаться у красных. Это и была часть

несчастных беженцев, переживших столько ужасов в Нарве.

Прибыв в Красное, мы надеялись выспаться, но это нам не удалось.

Последние три дня погода была сырая, мы с ног до головы были покрыты грязью. Но нам был дан приказ отправиться на аэродром (в 4 верстах от Красного). Оказалось, что большевики упорно его атакуют. Темной ночью – рука едва была видна перед глазами, ведь осенние ночи в Петербурге особенно темны, – мы отправились в путь. Шел тонкий холодный дождь. Спустя несколько часов мы прибыли на аэродром. Пришлось занять позицию. Боя ночью не было, но мы сильно пострадали от артиллерийского огня. Большевики обстреливали аэродром из орудий самых разных калибров, даже из 11-дюймовых, стрелявших из Петрограда. Иногда начинался ураганный огонь. 22-го утром мы отступили в лежащие вблизи казармы. В течение нескольких часов, несмотря на сильный артиллерийский огонь, мы спали как мертвые.

У аэродрома мы остались до 23 октября, то борясь, то отдыхая, если можно назвать отдыхом сон под беспрерывным артиллерийским огнем. 23-го под вечер аэродром и окружающие его здания были разрушены обстрелами и пожаром.

23-го ночью мы вернулись в Красное, где узнали, что нам сейчас же надо отправиться в Русское Капорское. Большевики высадили десант у Ораниенбаума и продвигались к Красному, угрожая окружить его. Мы должны были предотвратить обход Красного.

Мы двинулись в Русское Капорское и прибыли туда на рассвете. Не дав ни одного выстрела, полк забрал в плен около 500 человек, между прочим, 50 кавалеристов. Русское Капорское лежит сравнительно высоко на холмах, с которых ясно были видны купола Ораниенбаума, в 2 верстах лежащий болотистый луг, за ним песчаные дюны, огражденные колючей проволокой. Там находились вырытые во время Великой войны, для защиты Петрограда, окопы.

С холмов мы ясно видели продвижение, на расстоянии 3 верст от нас, большевистских частей, занимающих упомянутые окопы и укрепления. Наша артиллерия (у нас было с собою 2 легких орудия) обстреляла красных, но, к сожалению, у артиллеристов не было шрапнелей, а имелись лишь гранаты. Большевики стали нас обстреливать. Около 12 часов дня генерал Раден дал приказ идти в наступление. Нас было всего 400 человек. Мы двинулись по болотистому лугу, не дающему никакого прикрытия. Генерал Раден возлагал надежды на храбрость 1-го полка. Но настроение было удрученное, и солдаты,

благодаря беспрерывным боям, в особенности за последние 3 дня, чрезвычайно устали. Удрученность и усталость сильно повлияли на смелость полка.

Большевики открыли точный, меткий пулеметный и ружейный огонь. Одновременно артиллерия сильно обстреливала нас шрапнелью.

Одним из первых пал генерал Раден, смертельно раненный в горло. Почти половина наших пулеметчиков также пала, многие были ранены.

Мы не могли дальше наступать и легли на мокрый луг. Большевики продолжали нас обстреливать, но, к нашему счастью, они не перешли в контратаку, которая могла бы закончиться весьма печально для нас. Мы отступили в Капорье.

На наш запрос по телефону (телефонное сообщение с Красным еще не было прервано) нам был дан приказ во что бы то ни стало держать Русское Капорское. Нам было обещано подкрепление.

Пользуясь мраком ночи, мы по возможности подобрали наших убитых и раненых и подготовились к ожидающейся большевистской контратаке. Ночь на 25 октября прошла тихо. Утром мы заметили, что большевики готовятся к наступлению. В то время как красная артиллерия обстреливала нас шрапнелями, наши орудия, истратив почти все снаряды, лишь время от времени отвечали одиночными выстрелами.

Наши пулеметы также сильно пострадали во время последних боев, а привести их в порядок мы не имели возможности.

Итак, когда большевики к 9 часам утра 25 октября бросились в атаку, часть наших пулеметов совершенно молчала, а другая отвечала лишь в недостаточной мере на огонь большевиков. Несмотря на это, мы в течение 2 часов отбивали красных. Телефонное сообщение с Красным было прервано, так что оттуда сведений не поступало. К 11 часам мы заметили, что красные нас обходят справа и слева. Было решено отступить на Красное в 12 часов. Я был ранен в живот и выбыл из строя. У меня еще хватило сил приказать забрать пулеметы; к сожалению, это удалось лишь частично, и некоторые из наших пулеметов попали в руки большевиков, как и наши орудия.

Сделав себе перевязку, я постарался догнать уже далеко отступивший полк. Большевики заняли Капорское и уже выдвинулись вперед. Я считал свое положение безнадежным, так как мог продвигаться лишь очень медленно. Моему спасению я обязан главным образом поручику Циммерману, который меня не покинул, поддерживал и вел, одновременно отстреливаясь от большевиков. С большим трудом и под беспрерывным огнем

большевиков, мы чудом добрались до шоссе, ведущего от Капорского в Красное. На этом шоссе начали собираться остатки нашего полка.

В. Андреев[267]
Гатчина[268]

Наше победоносное шествие на Петроград было в полном разгаре. Опьяненные победами, наши немногочисленные, но сильные духом бойцы, презирая усталость, голод и всякие лишения, с каким-то азартом шли вперед.

Хотелось скорей нанести последний удар и окончательно освободить из-под гнета и кровавых кошмаров свои родные очаги.

И вот с такими чувствами мы наконец у подступов Гатчины (со стороны Луги). Это был для нас первый крупный русский город. Наш первый батальон Темницкого полка (под командою лихого полковника Алексея Даниловича Данилова) был назначен в авангард. Бойцы подтянулись, шли стройно в ногу, в сознании, что идут на святое, великое и чистое дело. Два трехдюймовых орудия громыхали позади колонны, и это придавало нам еще больше бодрости и сознания нашей силы.

Наконец нашим взорам представилась Гатчина. В ясный осенний день она показалась нам сказочной. Город как бы замер в осенней прозрачной дымке. Только у Варшавского вокзала наблюдалась жизнь – там маневрировало несколько паровозов. Предполагая, что красные спешно эвакуируют город, решили помешать им в этом или просто навести у них смятение.

Бравый и лихой командир батареи А. Гершельман на карьере выкатил вперед свои орудия и открыл меткий огонь по вокзалу. Паровозы начали курсировать более нервно, а некоторые из них скрылись. Батальон ускорил шаг, и Гатчина стала быстро приближаться. Батарея беспрерывно держала вокзал под огнем.

Так подошли мы почти вплотную к Гатчине и остановились перевести дух в маленькой деревушке (насколько мне помнится – Колпино), примыкающей к предместью города. Красные дали несколько орудийных залпов, по всей вероятности из броневика, – и смолкли. Начинало вечереть.

Подъехал генерал Родзянко. Высказав мнение, что Гатчина оставлена красными, он приказал батальону идти в город.

Выслав одну роту вперед, батальон продвинулся в предместье Гатчины, Александровскую слободу. Не встретив по пути противника, предположили, что город очищен и что предосторожности излишни, – и раскатистое «Взвейтесь соколы орлами» прорезало глубокую тишину и прокатилось по кварталам предместья. Но не успели затянуть следующую, как командир передовой роты донес, что, по рассказам жителей, в городе есть

красные. Не веря в такую возможность, продолжали петь. И только после вторичного подтверждения о том, что в городе красные, – песни были прекращены.

Начинало темнеть. Вдруг от передовой роты устное донесение, что встретились с красными, залегшими густой цепью по железной дороге, которую нам надо было перейти, чтобы попасть в город. Так как цепь красных не стреляла и якобы приняла в темноте нас за своих, то командир роты поручик Баранов вступил в переговоры-пререкания, чтобы выиграть на всякий случай время.

Как раз в это время весьма кстати подоспел наш командир полка полковник Данилов, в самых трудных положениях не теряющий хладнокровия и присутствия духа. Его изощренная изобретательность в способах борьбы с врагом была настолько велика и пагубна для последнего, что красные боялись одного его имени.

После того как батальон тихо и незаметно подошел вплотную к передовой роте, все еще отвлекавшей разговорами красных, под личным руководством командира полка была незаметно развернута одна рота.

Здесь русская мудрая поговорка «Все, что ни делается, – к лучшему» оправдалась вполне. Петь песни, вступая в город, который по ни на чем не основанному предположению якобы оставлен противником, – была преступная неосторожность, но в данном случае неосторожность эта послужила нам на пользу.

Как выяснилось уже потом, красные не стреляли, чтобы не делать излишнего переполоха, – они поджидали песенников, – и никак не думали, что эти «песенники», пользуясь наступившей темнотой, так быстро и незаметно вырастут перед ними в грозную цепь. Для них песенка была уже спета. Несколько дружных залпов с нашей стороны, короткий удар врукопашную – и красная цепь смята вместе с пулеметами, не успевшими сделать ни одного выстрела.

Не допуская возможности, чтобы красные обладали выдержкой, позволяющей им подпустить нас вплотную, я невольно спросил пленных:

– Да кто же вы, наконец, черт возьми, – белые или красные?

– Красные, – был покорный и плаксивый ответ.

Среди пленных (это были курсанты) оказалось даже два их командира – офицеры старой армии, которые впоследствии служили в нашем полку.

– Не задерживаться на месте, с Богом вперед! – крикнул командир полка, и батальон кинулся дальше, напрямик по проспекту Императора Павла I. Уже не встречая более на своем

пути препятствий, докатился он до казарм 23-й артиллерийской бригады, под аркой, заняв противоположный выход из города. Впоследствии выяснилось, что главные, довольно крупные, силы противника были сосредоточены в районе Варшавского вокзала, и ликвидировать их удалось только на второй день утром.

Была уже темная ночь. Вокруг жуткая тишина. Только в юго-западном направлении изредка слышалась отдаленная ружейная трескотня. Всем нам было немножко страшно, но в общем у каждого на душе было весело и лихо. Шоссе, на котором мы остановились, было чуть ли не единственным выходом из города на Петроград, не считая, конечно, Варшавского вокзала. Каждый поэтому невольно сжимал винтовку и был готов ко всяким сюрпризам.

Послышался шум подходящего от Петрограда поезда. Не доходя до вокзала, поезд остановился. Кучка пассажиров направилась прямо на нас. Слышен был авторитетный бас:

– Я же говорил вам, что у этой арки обязательно будет стоять застава, – раз поезд остановили, не допустив до города, – значит, что-то не так.

– Бог с ними, только бы нас пропустили домой, – отвечал женский голос.

– Здравствуйте, товарищи!

– Здорово, граждане! Откуда вас нелегкая несет ночной порой?

– Домой, товарищи, из Петрограда, сделайте милость, пропустите, товарищи!

– Ладно, проходи, проходи, не до вас тут, только не задерживайся по дороге!

Толпа торопливо засеменила мимо солдат и скрылась в ночной тьме, ничего не подозревая.

И опять тишина и томительное ожидание.

Наконец, уже со стороны города, послышались шаги и конский топот. Какая-то колонна шла прямо на нас.

– Стой! Кто идет?

– Свои!

– Кто свои?

– Гатчинских командных курс…

– Бросай оружие! Сдавайся!

Колонна шарахнулась в стороны, и несколько ослепительных и преувеличенно громких в ночной тишине выстрелов в упор ударило по слуху.

Дружные залпы и лента пулемета с нашей стороны последовали в ответ непокорным курсантам и настолько подбодрили наших врагов, что уже через минуту не слышно было

топота… убегавших обратно в город.

Прошло не более часа. Вправо от нас, невдалеке, что-то загорелось. Зловещим светом зарева осветились верхние окна и крыши домов. Стало брать нетерпение. Хотелось поскорее установить связь с главными силами, но посылать людей для этой цели было довольно рискованно, к тому же никто хорошо не знал плана города. Все мы в Гатчине были впервые.

Опять послышался шум идущих на нас, и опять из города. Подобрались.

– Кто идет?..

Большой неожиданностью, на этот раз уже для нас, были дружный залп и раскатистое «Ура!».

Батальон не замедлил достойно приветствовать смельчаков. После короткой схватки в наших руках оказалось до двух десятков курсантов, несколько лошадей, много оружия. С нашей стороны – убит фельдфебель и несколько стрелков ранено.

И опять наступила тишина, но тишина зловещая, прерываемая коротким ржанием перепуганных лошадей и беспрерывными стонами раненых курсантов, оставленных на поле боя своими товарищами. Нам было не до них. Наконец и это стихло. Видимо, легко раненные разбрелись, а тяжелые – впали в беспамятство.

Стрелки присмирели. Не было слышно веселых шуточек и сдержанных хохотков. Сосредоточенно-серьезные лица смотрели вопросительно.

– Не унывай, ребята, нас не оставят! Если Данилыч сам посылал нас вперед, то уж он, наверное, не забыл о нас.

И серьезные лица освещались надеждой, расплываясь в доверчивые улыбки.

Но что же будет дальше? Где наши и что они делают? И что еще предстоит нам впереди? Хорошо еще, пока скрыты ночной темнотой, а что, если до утра не произойдет соединения с главными силами?

Но мрачные мысли оказались напрасными. Со стороны города в третий раз послышался шум осторожных шагов. Затаив дыхание, батальон нервно и напряженно насторожился! Все было наготове, чтобы по первому сигналу открыть огонь.

– Кто идет?

– Свои!

– Какой части?

– Говори скорее, или мы откроем огонь!

– Не стрелять по своим! – крикнул неожиданно ошеломляюще знакомый голос.

– Капитан Рождественский?!

– Я, конечно, и не один, а с батальоном. Давно вас ищу. Никак тут не разберешь – где свои, где чужие.

– Братцы! Так это наш четвертый батальон! Не стрелять! Свои, свои, даниловцы!

Слава Богу, наконец-то!

Фон Зауэр
Наступление на Петроград[269]

10 октября. В 2 часа ночи батарея обстреливала окопы противника у моста и деревни Поречье. Легкая батарея противника обстреляла роту 1-го полка, пытавшуюся на лодках из устья реки Верцы переправиться через реку Лугу. Наша батарея, при помощи боковых наблюдателей, пристрелялась по ней и заставила ее замолчать. Батальон 1-го полка незаметно переправился и с криками «Ура!» бросился на противника, открывшего сильнейший ружейный и пулеметный огонь. 1-й полк его сбил и стал преследовать, взяв деревню Юрка и деревню Донец, держа направление на станцию Молосковицы. В то время как 1-й полк брал деревню Донец, переправился 3-й полк и Стрелковый дивизион. 3-й полк с 4 нашими орудиями повел наступление по дороге Юрка – Беседа— Коложицы, имея у деревни Беседы бой и понеся здесь потери. Стрелковый дивизион с 1-м взводом батареи имел сильный бой у мызы Ивановской и, сбив коммунистов, повел наступление на станцию Веймарн и деревню Опалье. 3-е орудие шло с 1-м полком. В это время 2-я дивизия переправилась у Сабека и Редежи и наступала в направлении на станцию Волосово; 3-я дивизия на Красные Горы, станцию Преображенская и оттуда вдоль железной дороги на Гатчину; 1-я дивизия на Дугу и станции Батецкая, Оредеж, 4-я и 6-я дивизии должны были перерезать железную дорогу Дуга – Псков, ведя активную оборону и отнюдь не беря Пскова, требовавшего крупных сил… Слева сводный отряд генерала Глазенапа взял Ямбург.

11 октября. Ночью красные, отступающие из-под Ямбурга и мызы Ивановской в деревню Коложицы, напали с тыла на 3-й полк, но, понеся большие потери убитыми и пленными, были отброшены. К вечеру дивизия подошла до линии деревни Гомонтово.

12 *октября.* Имея бой у Каскова, к вечеру дошли до линии Анташи.

15 *октября.* Взяли Витино. Наступавшая на 2-й полк башкирская дивизия была обстреляна огнем батареи, и 2-й полк взял 800 пленных при 7 пулеметах.

16 октября. Дивизия вечером с боя взяла деревню Кипень. Два броневых автомобиля ливенцев, преследуя противника, ворвались в село Высоцкое, чем не дали возможности противнику остановиться у Высоцкого на сильно укрепленной позиции и

нанесли ему сильные потери. Поздно вечером 1-й полк взял село Высоцкое. Ночью дивизия пошла на Красное Село: 2-й полк с 1-м взводом батареи через Ропшу, 1-й полк с 4-м орудием через Высоцкое, 3-й полк с 3-м орудием через Высоцкое, но по линии между 1-ми 2-м полком. В 2 часа ночи подошли к окраинам города и, по сигнальным ракетам, взяли Красное Село. Красные отступили на Петроград и Царское Село; курсанты окопались в «Главном Лагере». В 7 часов утра два орудия заняли позицию в самом городе у перекрестка Лиговского и Стрельненского шоссе для обслуживания участка 2-го полка и Стрелкового дивизиона (деревня Владимировка – станция Скачки), одно орудие помогало 3-му полку брать «Главный Лагерь», а другое было с 1-м полком на правом фланге дивизии. Неполучение сведений о том, в чьих руках Гатчина, не позволяло двигаться далее… Ночью все орудия собрались вместе.

18 октября. Батарея обстреливала деревню Владимировку и Стрельненское шоссе, делая подготовку для наступления 1-го полка, бравшего группу деревень у деревни Владимировки, обходом слева. 1-й взвод батареи под сильным артиллерийским огнем бронепоезда противника по открытому месту в 3 версты продвинулся за 1-м полком и к вечеру стал у перекрестка Волконского и Стрельненского шоссе. 2-й взвод весь день обстреливал пехоту и бронепоезда противника.

19 октября. Артиллерийский огонь с обеих сторон. С бронепоездов противника стреляли 120-мм морские пушки. 1-й взвод помогал 1-му полку отбивать упорнейшие атаки противника и круглые сутки боролся с бронепоездом противника.

20 *октября.* 2-й полк взял станцию Горелово и деревню Константиновку. 2-й взвод занял передовую позицию между двумя шоссе на самой северной окраине города и весь день вел огонь по пехоте и бронепоездам противника. 1-й взвод вел непрерывный огонь по наступающим матросам и курсантам, отбивая с 1-м полком многие упорные атаки, обстреливая броневые автомобили и бронепоезда противника и выдержав поединок с одним из бронепоездов на открытой позиции (убито 2 лошади и ранено 2 солдата). Артиллерия и 5 бронепоездов противника вели сильный огонь по нашему расположению. Со стороны Красной Горки и Кронштадта временами доносилась сильная канонада – шел бой с английской эскадрой.

21 *октября.* Тяжелая артиллерия противника сбила 2 наблюдательных пункта 2-го взвода и обстреливала позиции обоих взводов, 2-й взвод в районе станции Горелово рассеял наступающего противника и частью его уничтожил, а своим огнем заставил бронепоезда противника отойти к станции Лигово. Весь

день 1-й взвод с 1-м полком отбивал упорнейшие атаки противника с фронта и с флангов. Вечером, ввиду значительного численного превосходства сил противника и его глубокого обхода обоих флангов, 1-й полк отошел к Красному Селу, а 1-й взвод присоединился к батарее. Со стороны Кронштадта и Царского Села – сильнейшая канонада.

22 *октября.* Круглые сутки артиллерия противника, тяжелая и легкая, обстреливала наблюдательные пункты и позицию батареи. Ранено 2 и контужено 3 добровольца. Батарея вела непрерывный огонь по противнику, препятствуя дальнейшему его продвижению и передвижениям.

23 *октября.* Вся батарея стала на новую позицию западнее перекрестка шоссе на Красное Село и сразу же пристрелялась по всем важным пунктам участка Константиновка – Аннино. Артиллерия противника обстреливала позицию батареи редким, а ее наблюдательные пункты и окопы 2-го и 3-го полков – ураганным огнем. Стреляли 10-дюймовая тракторная батарея и 12-дюймовые пушки с моря (по предположениям, с «Севастополя»). Летало несколько гидро- и аэропланов противника.

24 *октября.* 2-й взвод, под командой поручика Астапова, ушел в деревню Русская Капорская, для поддержки контрнаступления 1-го полка. 1-й взвод весь день обстреливал колонны, цепи и обоз противника в районе Рюмки – Аннино – Торики – Константиновка, выбив огнем красных из некоторых пунктов, отбив частичные атаки и рассеяв скопления. Вечером огнем взвода был прекращен ружейный и пулеметный огонь противника по разведчикам 3-го полка, без потерь поэтому произведших удачную разведку в районе Аннино – Никорово, где обнаружили пехоту, конницу, броневой автомобиль и обоз. В 22 часа взвод выпустил по деревне Аннино около 100 химических снарядов, благодаря чему, по показаниям пленных, убито, ранено и отравлено свыше ста человек и убит комиссар полка. Около 3 часов ночи огнем взвода было отбито наступление красных на Конно-Егерский полк. До вечера 1-й полк с 2-м взводом вел тяжелый бой, но, наткнувшись на сильно укрепленную и оборудованную позицию, при сильном численном превосходстве противника, имея в начале успех, принужден был отойти. Убит командир 1-го полка генерал барон Раден.

25 *октября.* Весь день красные пытались наступать по всему фронту, но всюду были отбиты. Артиллерия их, пополненная многими подошедшими батареями, вела сильный огонь по нашему расположению. В 16 часов на 2-й взвод, стоящий в версте за нашей цепью, неожиданно справа и сзади выскочили красные,

прорвавшие нашу линию на стыке 1-го Конно-Егерского полка, и с криками «Ура!» бросились к орудиям, открыв сильный ружейный огонь. Орудия открыли огонь, но, так как трубки английских шрапнелей всегда стоят «на удар», а перестановка занимает время, – огонь не смог остановить противника. Прислуга, отстреливаясь из винтовок, прорвалась, унеся панорамы и прицелы. Убито 8 лошадей и ранено 4 добровольца. Вследствие этого прорыва и последующей, почти полной гибели полка, пришлось всему Красносельскому участку отойти на линию Кавелахтских высот. Остатки взвода с остатками 1-го полка отошли в деревню Большая Истинка.

26 *октября.* Батарея перешла в деревню Большая Пудость для отдыха.

27 *октября.* Батарея перешла в деревню Петрово в распоряжение командира Балтийского полка, прикомандированного к нашей дивизии.

28 октября. На рассвете батарея заняла позицию у Тусколова фронтом на север и до вечера вела огонь по красным, находящимся в районе Кипень – Высоцкое – Кайнавази. Вечером, ввиду отхода наших частей справа, батарея отошла и заняла позицию на северной окраине Кезелев.

29 октября. Весь день батарея вела огонь по красным в тех же районах, выбив их из окопов восточнее Кайнавази.

30 *октября.* Артиллерийский огонь с обеих сторон. Огнем батареи красные выбиты из окопов на окраине Кайнавази, и рассеяны их цепи на участке Стрелкового дивизиона.

31 *октября.* Утром деревня Кайнавази взята нами. Одно орудие выезжало на линию нашей пехоты севернее Сквориц и обстреливало тыл противника. Артиллерия противника его обстреляла. Вечером батарея заняла старую позицию Тусколово.

1 *ноября.* Целый день батарея обстреливала красных, препятствуя их наступлению и рассеивая их скопления. Вследствие прорыва справа, батарея с пехотой отошла в деревню Большое Ондорово, заняв позицию на его восточной окраине и войдя в подчинение командира 1-го полка.

2 *ноября.* Батарея отошла в мызу Кемполово, где стала на позицию.

3 *ноября.* Батарея перешла в мызу Медниково, где стала на позицию на ее юго-восточной окраине для обслуживания 3-го полка, имея наблюдательные пункты в Муратове и Кондакюля.

4 и 5 *ноября.* Пристрелка и редкий огонь.

6 ноября. Вечером крупные силы противника повели наступление на деревню Сельцы и на левый фланг 3-го полка. Батарея открыла сильный огонь, чем остановила противника

против 3-го полка и фланговым огнем уничтожила несколько цепей красных. 1-й полк, находящийся справа, отошел. Батарея заняла поэтому новую позицию у деревни Ронковицы.

7 ноября. Около 9 часов батарея рассеяла огнем крупное скопление противника у мызы и деревни Медниково, что помешало наступлению красных.

8 ноября. Батарея, по приказанию командира дивизиона, отошла в резерв в город Ямбург, где стала квартиробиваком.

9 ноября. Батарея стала на позицию в деревню Алексеевку для обслуживания Уральского п.

10 и 11 ноября. Батарея отбивала упорные атаки противника и, вследствие нескольких прорывов то справа, то слева, отходила в Тикопис и потом опять возвращалась.

12 ноября. Батарея заняла позицию у мызы Падожской с Уральским полком.

13 *ноября.* Батарея вела сильный огонь по наступающим колоннам противника, рассеяв их и частью уничтожив. Огнем батареи противник выбит из Луцка.

14 ноября. Батарея взяла позицию у шоссе между Ново-Пятницкой и Дубровкой на участке Уральского полка.

15 *ноября.* Батарея пошла на присоединение к своей дивизии.

16 ноября. Батарея заняла позицию у деревни Черное на участке Стрелкового дивизиона. Командир батареи, капитан Зауэр, вступил в исп. обязан, начальника артиллерийского участка. Во временное командование батареей вступил поручик Вихман.

17 *ноября.* Батарея заняла позицию западнее деревни Кривая Лука.

18 ноября. Батарея заняла позицию на южной окраине деревни Низы.

Командир батареи вернулся, поручик Вихман приступил к исполнению своих обязанностей.

19 ноября. 4-я дивизия отступила с юга. Батарея вела сильный огонь по наступающим красным со стороны деревни Кривая Лука.

20 ноября. Батарея заняла позицию в лесу севернее «Плюсских переправ» (шоссейный и железнодорожный мосты).

25 *ноября.* По приказанию командарма, батарея заняла позицию на участке 1-го Эстонского полка на левом берегу реки Наровы против впадения в нее реки Плюссы.

До 28 ноября батарея оставалась на этой позиции, ведя огонь по деревням Низы, Усть-Жердянка, Черново, Большая Жердянка, по скоплениям красных и по их цепям. Позиция батареи открытая, в пехотной цепи для фланкирования «Плюсской переправы». Этот период боев, а также последующие бои – борьба

за обладание Нарвой – отличались крайним упорством, при сильнейшем артиллерийском огне с обеих сторон (артиллерия до 10-дюймовой пушки), при атаках, доходивших до штыковых схваток, при огромных потерях красных, ходивших в атаку колоннами, будучи в некоторых случаях предварительно одурманенными алкоголем и наркотиками. Моментами ураганный артиллерийный огонь обнимал фронт море-Сала – Дубровка – Плюсса – Вязки, по своей интенсивности напоминая огонь Великой войны.

29 ноября. Вечером красные прорвали наше расположение правее батареи, захватив две 45-линейные гаубицы, и вскоре в тылу батареи началась ружейная стрельба и крики «Ура!». Будучи окруженными, люди батареи с эстонским прикрытием, вынув затворы, панорамы, прицелы и пр., прорвались сквозь кольцо красных, унеся своих двух раненых. С подходом резерва с помощью огня батарейных пулеметов перешли в контратаку и восстановили положение. Несмотря на продолжающийся ружейный огонь противника, батарея взялась в передки и, отойдя к северу на 1 км, заняла новую позицию, откуда все следующие дни вела огонь по наступающим красным.

В конце января 1920 года, по приказанию инспартарма, ввиду расформирования Северо-Западной армии, батарея сдала всю материальную часть и конский состав 1-й батареи 1-го Эстонского артиллерийского полка штабс-капитану Паолу.

Весь личный состав батареи перешел в Ивангород и расположился по квартирам, ожидая решения своей участи.

Ввиду крайней скученности и отсутствия квартир (квартиры были, но эстонцы, до крайности враждебно к нам относившиеся, их не давали), появилась эпидемия сыпного и возвратного тифов, а в конце февраля и брюшного. Ввиду преступного отношения «диких» эстонцев, эпидемия приняла грозные размеры, и эти месяцы в Нарве – сплошной кошмар. На некоторых дворах и в некоторых помещениях трупы валялись неделями. Мертвых вывозили на санях, сложенных как дрова, и бросали часто без всякого погребения за город. Каждый день многочисленные похоронные процессии. Больные находились и в частных домах, и в госпиталях. Санитарные условия были ужасны. Отсутствие белья. Эстонцы запретили русских пускать в бани. В некоторых лазаретах стояла такая грязь и вонь, что было невозможно дышать. Больные ходили под себя, и никто этого не убирал. Моча просачивалась из верхних этажей и капала на больных в нижних. Наконец эпидемия стала косить и местное население, и эстонские войска. Зараза дошла до самого Ревеля. Тогда эстонцы (да и то, кажется, под давлением Америки) принялись за борьбу и немного

улучшили положение, но, «кажется, болеть уже скоро никого не останется» – так стали поговаривать.

Приказ по армии от 21 января гласил о расформировании, но оно надолго затянулось, и только в первых числах марта, по сдаче всей отчетности и дел ликвидационной комиссии, батарея прекратила свое существование. Часть людей в госпиталях (кандидаты на тот свет), часть уже покинула нас, перейдя в загробный мир, а небольшая группа еще живых принуждена была поступить дровосеками на лесные заготовки.

К. Дыдоров
Ливенцы в Северо-Западной армии[270]

В июле мы получили приказ, переданный нам англичанами, среди которых был капитан Брей, – бывший офицер Русской армии, александрийский гусар, – перейти в Северо-Западную армию к генералу Юденичу. Приказ исполнили, но англичан ругали и ругаем за их медвежью услугу вовсю. Мне пришлось спешно ехать вперед для переговоров с генералом Юденичем, Родзянко и другими генералами. Впечатление от переговоров было самое корявое, но стараниями англичан отряд уже был перевезен, и ничего изменить уже было нельзя. Очень и очень плохую услугу оказал отряду один из моих старших офицеров, некий полковник – Янович-Канеп, возмечтавший занять пост князя Айвена или еще больший и в личных, но отнюдь не в общих народных интересах продавшийся за 30 серебреников. Если встретитесь когда-нибудь с ним, будьте осторожны. За свои слова я отвечаю.

Отряд сразу с парохода попал в бой. Так как у нас люди были готовы на все, лишь бы бить большевиков, то и успех от первого боя был отличный, и в армии сразу заговорили о ливенцах, с одной стороны, с восторгом, а с другой – с завистью. Завидовали, что мы пришли хорошо одетыми, хорошо обутыми и отлично вооруженными и снаряженными, но все… германцами…

С англичанами у меня произошли схватки (достаньте и прочтите изданные в Гельсингфорсе «Записки белого офицера»). Князь Ливен, кое-как став на ноги, приехал в Северо-Западную армию, но его переговоры не дали утешительных результатов, и он уехал и от армии, и от Юденича, и от Родзянко, и от спившегося Вандама, и от чиновника Малявина, и от всех интриг, и от всего, что было в избытке нечистого в армии, поручив мне дотягивать дело так, как я его вел, считаясь со своею совестью. Он надеялся за границей больше сделать, да и здоровье требовало лечения. Раны еще не зажили.

Отряд развернули в дивизию, отобрав от нас и броневик, и аэроплан, и две гаубицы, и шесть легких орудий и т. д., и т. д., в распоряжение армии, и поставили все в тыл. Смирились, думая, что это для общей пользы. Я остался за князя Ливена и за него командовал дивизией.

Было много интриг, много неприятностей, но все же, дождавшись наступления, рванули на Петроград и подошли к нему почти вплотную.

К сожалению, здесь против Латышской армии и народа выступил Бермондт-Авалов. Эстонцы начали говорить о мире: «тетя»[271] наша ничего нам не могла подвезти, объясняя все забастовками английских рабочих, в армии воры проявили максимум своей деятельности, нужно было у себя в тылу организовывать комендатуры, на что расходовалось много людей, а полки пополнялись лишь красноармейцами. Армия остановилась для передышки и, раз остановившись, уже не смогла держаться. Начальники еще сделали несколько усилий, и солдаты напряглись, но это, по-моему, окончательно их вымотало, и славное наступление перешло в бесславное и ужасное отступление.

Пробовали было дорогой останавливаться и драться в открытом поле, но после подобных проб дело только ухудшилось, и армия не смогла удержаться даже на заранее приготовленных позициях. Вот к чему приводит работа самодельных стратегов.

Мой начальник штаба полковник Соболевский нервно заболел, его заместитель подполковник Решетников[272] измотался, оперативный адъютант совершенно отупел, и его пришлось отправить в тыл на отдых, а затем в госпиталь. Я кое-как держался, но, конечно, вымотался, изнервничался и так ругался со штабом корпуса, как еще никогда.

Генерал граф Пален, командир корпуса, отдался своему начальнику штаба Видякину, эрзац-офицеру, который в это время уже не годился для боевой операции, хоть и был честным человеком.

Вы знаете, что я отличался и прежде резкостью, а тут с Видякиным обнаглел и чистил его вовсю, и потому, что сам себя считал идейным и честным борцом с большевиками, и потому, что год борьбы с ними дал мне опыт и имя, и потому, что мои предупреждения оказались верными, и потому еще, что к непосредственным бойцам я был гораздо ближе, чем они.

Князь Ливен все не приезжал, хотя у нас его все с нетерпением ждали и верили, что он выручил бы свое детище из дальнейшей гибели. Прибывшие из Парижа письма князя Ливена читались нарасхват, но сам он из-за плохого состояния раны не приезжал. Этим воспользовались наши недоброжелатели и, когда мы стали около эстонской границы и не были в состоянии не только перейти в контрнаступление, но и удерживать позиции в наступившие морозные ноябрьские дни, тут штаб корпуса, с разрешения армии, попробовал поставить нового начальника Ливенской дивизии (теперь пятой).

Сперва приехал генерал Перемыкин, потом командовал полковник Бобошко, но ни один из них армии уже не спас. Дни

пребывания армии около эстонской границы были для войск ужасны. В пределы Эстии армию не пускали – в это время в Юрьеве заключали мир, – а держаться не было ни сил, ни возможности.

В момент армейских, политических, стратегических и тактических неудач из армии начинают уезжать сперва генерал Родзянко, потом Юденич, его начальник штаба генерал Вандам, генкварт генерал Малявин и пошло, и пошло. Что-то хотел сделать генерал Глазенап, но он оказался человеком несерьезным – в результате быстро вылетел из пределов Эстонии. В Риге он выругал эстонцев так, что они, обозлившись, все вымещали на еще не разбежавшейся бывшей армии, затрудняя и жизнь и возможность выбраться из Эстии. Латыши тоже стали внимательней относиться к чинам армии, имевшей таких несерьезных руководителей. Развал армии дошел до апогея. Кое-как кто-то из агентов «тети», за цену всего, что было в армии ценного, чуть ли не включительно до обручального кольца на руке и креста на груди, добился выпуска нас на территории Эстонии, и тут пошла косить армию вошь.

Через границу нас пропускали с условием сдачи оружия. Под предлогом розыска оружия нас обыскивали, и во время обыска эстонцы брали все, что им нравилось.

Не приходится говорить о том, что они делали с вещами, которые были на повозках, но, обыскивая персонально, они сдирали золотые часы даже у таких лиц, как командир корпуса генерал Арсеньев. В этом случае, чуть ли не при помощи «тети», часы были отданы, но в общем жаловаться было некому, а потому и царил произвол.

Я, сдав дивизию 18–20 ноября 1919 года, выбыл окончательно из строя и потому еще, что и женка, и Юрочка, которые не хотели больше со мной расставаться, после «прелестной» жизни под владычеством большевиков в Риге заболели, и я хоть раз имел возможность о них позаботиться. К сожалению, это было уже поздно для Юрочки. 1 декабря он умер; похоронили его в Нарве. Умер он от воспаления легких, простудившись во время отступления.

…Мы нелегально (без ведома эстонских властей) жили в Нарве у сердобольных людей до тех пор, пока это было возможно. Тиф в Нарве и вообще в расположении армии свирепствовал ужасно. Люди умирали, как мухи осенью. Тут было что-то ужасное. Два раза перебираясь с одного пункта расположения в другой, мы все же относительно прилично устроились. Я продолжал числиться командиром бригады, но отказался от всякой работы с лицами, подобными Глазенапу, а таких за

последнее время в армии набралось более чем достаточно. Поселился я в центре интернированной армии, но все же в 14 верстах от своей, теперь 5-й дивизии (все-таки наименование «Ливенская» уничтожили – сменою начальников дивизии). Начали поговаривать о перевозке солдат армии по всему земному шару (в Бразилию тоже предполагалось), но уехать удалось лишь «балаховцам» (это авантюрист, но о своих работниках заботится до конца) и отдельным лицам, имевшим какие-нибудь документы, доказывающие их принадлежность к какому-нибудь вновь образовавшемуся государству. За неимением иного выхода, некоторым пришлось отправиться в Совдепию «на милость победителя». По большей части такие приходили прощаться со слезами на глазах. Участь этих лиц, как слышно, была незавидной, а ведь среди ушедших были прекрасные люди, мечтавшие не о большевистской России. Некоторых же эстонцы безжалостно выгоняли за свою пограничную проволоку и таким образом отдавали их в руки врагов. Протесты даже иностранцев почти не помогали. Особенно нетерпимо к русским относился старый русский офицер полковник Тениссон, командир 1-й Эстонской дивизии. Другие были более или менее сдержанны. Мир Эстонии с Совдепией был заключен. Северо-Западную армию послали в леса и болота на работы и поставили в такие условия, что каждый бежал куда мог, лишь бы уйти вон из пределов своей бывшей союзницы Эстии, которой в свое время оказали очень большую помощь. В это время ко мне началось форменное паломничество. Все хотели выбраться куда угодно, лишь бы не сидеть в Эстии. Веру в армейское начальство потеряли, так как каждый начальник считал почему-то за благо обманывать армию разными обещаниями. Я тоже ничего сделать не мог за весьма редкими исключениями. Ко мне приходили отчаявшиеся люди и говорили: «Вы нас вывезли из нашей родины, вы и дайте нам возможность туда вернуться». Большинство людей в отряде было из Латвии. Я имел возможность оставить Эстию еще в январе 1920 года – у меня были необходимые документы и в консульстве были необходимые указания, но «удрать» от тех, кто со мною шел в опасные минуты боя, я не решился и вот остался среди тифа с женкой для того лишь, во-первых, чтобы хоть словом, а иногда и делом кое-кому кое-как помочь, во-вторых, чтобы пробовать стучаться всюду и искать какого-нибудь выхода, и, в-третьих, чтобы никто мне здесь, в Латвии, не смел бы сказать, что я их бросил. Так до 15 февраля 1920 года я работал в самом центре бывшей армии, после же 15 февраля мы перебрались в Юрьев, где мне было легче работать, так как из Юрьева я имел возможность ездить по всей Эстии без особых на то разрешений, в случае же

надобности мне эти разрешения выдавали из штаба 2-й дивизии, кроме этого, здесь же, в Юрьеве, были мои хорошие офицеры, решившие мне помогать. В марте 1920 года я был на Русском съезде в Ревеле. Здесь в качестве товарища председателя я работал по улучшению положения русских людей, а по закрытии съезда в Юрьеве работал в Комитете эмигрантов, где был казначеем и где мне удалось многое сделать для своих чинов.

Провожало нас из Юрьева очень и очень много народу; провожали нас очень тепло: жене поднесли много цветов, и мы тронулись в беженском поезде на Ригу.

К. Ар-ский
Генерал-партизан Булак-Балахович[273]

Неписаные законы войны всегда выявляют «легендарных героев». Таковыми иногда бывают заслуженные военачальники, иногда простые солдаты типа Кузьмы Крючкова в Первую мировую войну. Наряду с проявленным действительным военным талантом и храбростью, подвиги их с течением времени обрастают все более и более фантастическими подробностями.

Во время Гражданской войны в Северо-Западной армии таким «героем» был, как сам он себя называл, «атаман крестьянских и партизанских отрядов батько Булак-Балахович». Однако, в отличие от других «легендарных», имел он, помимо поклонников, немалое число недругов, приписывавших ему всевозможные злодеяния и рисовавших его как авантюриста и чуть ли не разбойника.

Цель настоящей статьи на основании имеющихся материалов из истории Северо-Западной армии попытаться объяснить ряд ошибок, допущенных этим безусловно незаурядным человеком.

Его биографические данные очень скудны. С достаточной точностью можно лишь проследить его военную карьеру: в Первую мировую войну Станислав Никодимович Булак-Балахович пошел добровольцем и в 1915 году за боевые заслуги был произведен в прапорщики. В начале 1916 года направлен в партизанский отряд Лунина. В конце войны был тяжело ранен, вынесен с поля боя и отправлен на лечение. В конце 1917 года вступил в полк, подчинившийся большевикам, и был избран командиром полка. Посланный из города Луги для борьбы с организующейся Белой армией, полк Балаховича под Псковом у станции Торошино перешел к белым и сразу же начал активные действия против большевиков. При переходе Балахович был произведен в ротмистры, а за удачный набег на город Гдов, где было захвачено казначейство, склад оружия и 7000 пленных, произведен в чин полковника. В короткий срок из пленных он организовал пехотную дивизии и ею командовал. По прибытии в армию генерала Юденича, в начале наступления на Петроград, был произведен в генерал-майоры.

Любопытно то, что, несмотря на личную недисциплинированность Балаховича, впоследствии вызвавшую обострение отношений между ним и другими генералами, в его отряде была железная дисциплина. Солдаты его боготворили, и именно они составляли легенды о своем «батьке». Любили его за

предприимчивость, за заботы о своем отряде, за то, что в боях он всегда был среди своих солдат, воодушевляя их своим примером.

Прекрасные отношения были у него с бок о бок воевавшими эстонскими войсками. Видимо, и им импонировала храбрость и лихость «батьки». Благоволил к нему и Главнокомандующий эстонской армией генерал Лайд онер, неоднократно оказывавший ему свое содействие.

После ухода немцев Псков был занят советскими войсками, однако ненадолго. В мае 1919 года эстонские части заняли Псков, а через неделю в город вошел отряд Балаховича, заменивший эстонцев, ушедших на отдых. До этого полк Балаховича вел непрерывные бои с красными под Псковом, но и из Пскова он почти ежедневно выезжал за город, вступая в бой с большевиками, и всегда возвращался с добычей: отбитым оружием, возами с провиантом и пленными. Из числа последних многие вступали в отряд «батьки», равно как и жители Пскова и его окрестностей. Прием в отряд был крайне прост и основан на практике Запорожской Сечи: пришедшего добровольца «батько» спрашивал: «Большевиков не любишь?» – «Нет». – «За национальную Русь сражаться согласен?» – «Согласен». – «Ну, тогда заполни анкету и отправляйся в казармы».

В своих книгах В. Горн («Гражданская война на Северо-Западе России») и Г. Кирдецов («У ворот Петрограда»), уделяя много страниц Балаховичу, в сгущенно мрачных тонах описывают его пребывание в Пскове, подавленное настроение жителей и стараются представить его как некоего Соловья-разбойника, садиста и создать впечатление, что там, где прошел «батько», его сопровождает плач и скрежет зубовный…

Но другой историк, Нео-Сильвестр, в своей беспристрастной статье «Батько Булак-Балахович» описывает псковские события в несколько ином освещении:

«…Головы всех повернулись к началу улицы, где показались верховые балаховцы, сдерживающие толпу, а за ними конвойные с ружьями наперевес. По середине улицы шли пять смертников с перевязанными назад руками. Позади на вороной лошади ехал батько со свитой. У первого столба шествие остановилось… шествие двинулось в нашу сторону, и я видел все, что происходило. У фонарного столба балаховцы остановились. Конвойные тащили к фонарю упиравшегося парня лет 25 и поставили его около столба. К нему подъехал батько.

– Коммунист?

– Был, а тепереча не коммунист, – ответил смертник.

– Все так говорят, когда попались. В Бога-то веришь?

Спрашиваемый молчит.

– Граждане, кто берет на поруки этого человека? – обратился батько к народу. Общее тягостное молчание… – Так, значит, никто не хочет брать его на поруки? – И батько поднял кверху хлыстик – роковой знак «повесить».

Балаховцы быстро накинули петлю на несчастного, но последний вдруг с каким-то остервенением освободился от пут и рванул петлю, причем сорвал ворот рубашки, обнаружив загорелую грудь, на которой висел медный крестик.

– Отставить! – прогремел батько. – Откуда у тебя крест на груди?

– Матка повесила, когда в солдаты уходил, – глухо ответил смертник.

– Счастлив ты! Знать, молитва матки твоей дошла до Бога! Ты свободен! Отпустить его! – приказал батько, трогая поводья.

Толпа дрогнула: по ней, хранившей до сих пор гробовое молчание, прокатился одобрительный гул, обратившийся быстро в подлинную овацию по адресу батьки.

– Правильно! Ай да батько! Оно действительно, молитва матери великое дело! – раздавалось в толпе.

– Ур-а-а! – вдруг прокатилось по улице. Батько ехал с довольной улыбкой на лице, держа руку под козырек. Он хорошо знал, что в глазах народа он сделался героем».

Каковы же были отношения генерала Балаховича с высшим командованием Северо-Западной армии?

Как истый партизан, Балахович признавал только собственную власть над своими войсками, что позволяло ему, при известных обстоятельствах, действовать без промедления, используя благоприятные моменты. Само собой разумеется, что старые кадровые генералы, привыкшие к субординации и безоговорочному подчинению, не могли примириться с подобным своеволием, тем более что при малочисленности армии и отсутствии резервов это могло вызывать самые неблагоприятные последствия. По свидетельству В. Горна, генерал Юденич говорил о Балаховиче: «С военной точки зрения он преступник, но все же молодец, полезен в теперешней обстановке».

Ко времени наступления армии на Петроград отношения генералов с Балаховичем достигли высшего напряжения, и сильный нажим на генерала Юденича заставил его отдать приказ об аресте Балаховича и некоторых чинов его штаба, а также о разоружении его личной сотни. Исполнение приказа было поручено полковнику Пермыкину, который весьма тактично это и выполнил. Однако арест этот был весьма несвоевременным и имел для Белой армии пагубные последствия: Балахович из-под ареста бежал к эстонцам, а вслед за ним покинули фронт и его

войска. Командир эстонских частей на этом участке фронта полковник Пускар заявил, что один держаться больше не может, и отошел по направлению к Изборску. Учтя это, большевики усилили нажим, и 26 августа Псков был ими занят.

24 августа генерал Юденич подписал приказ об исключении Балаховича из списков армии. В. Горн, со слов генерала Юденича, передает, что генерал не хотел подвергать Балаховича длительному аресту, так как считал, что сам он не скверен, но окружающие его – сплошь уголовные преступники. Изоляция Балаховича имелась в виду на время очистки его от этих негодяев… Юденич хотел отпустить Балаховича в Литву, но полковник Юзеф Балахович, брат «батьки», сказал Юденичу: «Не отпускайте его, он вам поклянется, что бросит интриги, и, когда будет обещать, честно будет верить, что исполнит, а потом встретит кого-нибудь и опять повернет все вверх ногами, уж очень он безволен». Арестом Балаховича были недовольны англичане и генерал Лайдонер.

Несомненно, темным пятном на биографии Балаховича лежит арест генерала Юденича в Ревеле, накануне предполагаемого отъезда генерала в Гельсингфорс, в ночь на 28 января 1920 года. Однако дело это настолько неясно, что установить степень участия в нем Балаховича чрезвычайно трудно. Сведения, которыми мы располагаем, грешат не только разногласием, но и явным неправдоподобием. Так, супруга генерала Юденича в своих воспоминаниях говорит, что в номер гостиницы, занимаемый генералом, ворвались «с десяток партизан Балаховича, с ним во главе, в эстонской форме… Приехав на вокзал (с арестованным генералом Юденичем), уже не застали там поезда, идущего прямо на Москву. Пришлось взять стоявший на вокзале, идущий только до границы… Так эстонскому правительству и не удалось или выполнить один из пунктов мирного договора с большевиками, или что-то выторговать от них ценою выдачи генерала Юденича».

Как правильно указал в своем письме в редакцию «Часового» полковник Генштаба Эстонии В. Саарсен: «Мирный договор с Советами доступен как в русском, так и в эстонском тексте, и в нем нет и не могло быть ни одного пункта, где бы говорилось о выдаче кого-либо Советам. Да и практически не было никакой возможности кого-либо отправить «прямым поездом в Москву», ибо такового прямого поезда в Москву не было уже потому, что мост через Нарову был взорван, и движение по нему возобновилось гораздо позже».

Вполне понятно, что договора о какой-либо выдаче существовать не могло, так как эстонские политические деятели прекрасно понимали, какой это имело бы резонанс во всем мире

и какая опасность возникла бы для только что народившейся республики. Пример Ялты в то время еще не был продемонстрирован.

Ошибки А.И. Юденич можно лишь объяснить тем нервным состоянием, в котором она была во время ареста мужа.

В 1920 году Балахович предложил маршалу Пилсудскому помощь в начавшейся войне с большевиками. Около 10 000 офицеров и солдат были перевезены в Брест-Литовск, где очень быстро была сформирована Русская Народная армия, которая все время пополнялась пленными и была доведена до 2000 человек. Русская армия входила в состав польских войск до заключения перемирия с большевиками. Балаховичу был сохранен чин генерал-майора. В Польше, как и в Белой армии, войска Балаховича проявляли чудеса храбрости, и им поручались самые ответственные задания. Как иллюстрацию, можно привести воспоминания генерала Матвеева, описанные им в частном письме:

«Когда началось польское контрнаступление от Вислы, войска Балаховича шли в ударной группе армии ген. Сикорского и им была дана серьезная задача взять г. Пинск. И Пинск был взят к вечеру 15 августа (ст. стиль). Всю ночь с 15-го на 16-е красные беспрерывно атаковали Пинск, желая отбить его, но безрезультатно. Из Пинска успел выскочить только командующий армией со штабом. В наших руках осталась вся санитарная часть, интендантство, 15 миллионов рублей в разной валюте и бронепоезд. Все трофеи, кроме 5 тысяч сапог, мы сдали польскому командованию, сапоги же я приказал распределить по полкам. Этот эпизод имел решающее значение: не возьми мы Пинск, польское контрнаступление могло бы не удаться, так как красные переформировывались в Гродно и начали наступление на Варшаву. Когда мы взяли Пинск, г. Кобрин был в руках 15-го красного кавалерийского полка, командир которого, не зная, что Пинск занят нами, по телефону сообщал нам обстановку, и это продолжалось до утра.

В приказе по армии ген. Сикорский выразил нам благодарность, а маршал Пилсудский позднее принял Балаховича у себя во дворце. В 1921 г. ген. Балахович сказал мне, что Пилсудский распорядился награждением крестами «Виртути Милитари» ген. Балаховича, Юзика и меня, но кресты до нас не дошли».

Такой явный недоброжелатель Балаховича, как представитель польского правительства при русских формированиях К. Вендзягольский, который сам сознается, что «он (Балахович) ни в какой степени не был героем моего романа», должен был

признать: «Боевые действия дивизии Булак-Балаховича, которую он сам, а за ним его офицеры называли «армией», заслуживали чуть ли не ежедневных похвал и отличий русского военного начальства, так как, по справедливости, ни дивизии в целом, ни ее подразделениям, включая единичных всадников, нельзя было отказать в совершенно исключительной, почти фантастической отваге, предприимчивости и решительности, распаляемой, очевидно, ежедневно какой-то особою ненавистью к большевикам, не как к обыкновенному противнику, а как к личному заклятому врагу».

Однако в Польше, как и в Северо-Западной армии, не было недостатка в людях, старавшихся представить войска Балаховича как сборище головорезов и бандитов. Обвинения были все те же: казни и грабежи. Конечно, балаховцы не давали пощады коммунистам, и в особенности чекистам.

Что же касается грабежей, то, несомненно, таковые имели место. Оставив в стороне историю средневековых войн, вспомним только наше столетие. Неповинны ли в грабежах были армии всех воюющих народов во время Первой и Второй мировых войн?

После заключения Польшей мира с Советами десятки тысяч русских офицеров и солдат были интернированы «в хотя и гуманных, но формально принудительных лагерях», как пишет К. Вендзягольский. Конечно, понятие «гуманный» весьма широкое. Во всяком случае, у сидевших в польском лагере Тухоль (прежде лагерь для военнопленных) понятие о гуманности несколько иное.

Благодаря содействию знакомого по Белой армии офицера генерал Балахович приехал в Беловежскую Пущу, где, сделавшись директором лесных разработок, имел возможность помогать своим соратникам, вызволяя их из лагерей и предоставляя работу. В 1939 году Балахович был мобилизован в польскую армию и участвовал в обороне Варшавы.

Детали трагического конца генерала Балаховича до сих пор не выяснены с достаточной точностью. Уже вскоре после того, как он обосновался в Беловежской Пуще, на него было организовано покушение, но по ошибке жертвой оказался его брат Юзеф. Что же касается генерала Балаховича, то сведения о его убийстве расходятся. По одной версии, он согласился на уговоры друзей покинуть Варшаву и подальше скрыться от глаз гестапо. Решив на прощание «кутнуть», он возвращался утром домой и на улице Саска Кемпа был остановлен немецким патрулем. Балахович ударил по руке палкой державшего револьвер гестаповца и был застрелен. По другой версии, когда генерал проходил по тротуару почти против Виленского вокзала, его нагнал какой-то черный

автомобиль, в котором сидели 4 или 5 человек в штатском. Как по команде, все выстрелили из револьверов в спину Балаховичу. Возникла паника, во время которой убийцы исчезли. Вскоре после этого немцы арестовали заместителя Балаховича есаула Яковлева[274], который был отправлен в концлагерь Аушвитц, где и погиб в апреле 1941 года.

Кем же в действительности был Булак-Балахович? Искателем приключений, авантюристом, беспринципным атаманом разбойничьей шайки, каким стараются представить его недоброжелатели? Или лихим воином, горячим патриотом России, ненавидящим до мозга костей большевиков и считавшим, что единственным правильным видом борьбы с ними является война партизанская? У нас нет достаточно документальных доказательств, чтобы безоговорочно осудить или оправдать его действия. Большая часть архивов Северо-Западной армии пропала, архивы эстонской армии, которые могли бы дать ценные сведения, вероятно, сохраняются и «исправляются» в недоступных недрах советских учреждений. Однако всякий суд, в том числе и суд истории, требует, наряду с обвинительным материалом, привести и оправдательный. Сейчас чаша весов Фемиды наполнена ошибками «батьки», его преступлениями, действительными и вымышленными. Не следует ли сперва положить на другую чашу положительные качества: его военные подвиги, заботу о своих соратниках, до конца дней непримиримость к большевикам, и уже только после этого делать выводы.

В своей статье Нео-Сильвестр пишет о письме, полученном из Польши от одного из соратников Балаховича, в котором приводятся слова «батьки»: «Я знаю, некоторые из вас посмеивались над моим увлечением Тарасом Бульбой, который был естественный тип средневековья, но любил я его не столько за это, а за упорную непримиримость к врагу, за стойкость в христианской вере, свободолюбие и преданность своим товарищам. Он и погиб страшной смертью за эти идеалы. Я убежден, что скоро настанут страшные времена, которые по силе человеконенавистничества, жестокости и преследования христиан и вообще верующих в Бога превзойдут не только средневековье, но и жуткую эпоху ассирийских и египетских царей. Да, господа, скоро еще нам придется отвечать на вопрос: «Во Христа веруешь?», причем утвердительный ответ будет требовать немедленной защиты, с оружием в руках, христианской цивилизации. Поверьте мне, вопрос будет так поставлен, или победить, или влачить жалкую жизнь раба и лизать пятки большевистского хама!»

Нео-Сильвестр называет Балаховича романтиком. Может быть, это самое правильное определение мировоззрения генерала-партизана.

Б. Пермикин[275]
О Северо-Западной армии[276]

Предельно быстрый успех, с первых же дней нашей боевой активности, был бы совершенно невозможен, если бы не было желания: 1) крестьян – освободиться от красной и немецкой оккупации; 2) желания «красных» талибских рыбаков; 3) «красных» двух дивизионов Балаховича; 4) матросов Чудской военной «красной» флотилии.

В первые же дни нашей боевой активности все они соединились с нами и положили основание будущей Северо-Западной армии.

Наш успех продолжался до предстоящего дня, присоединением к нам, в глубоком красном тылу, в полном составе «Полка Внутренней Петроградской охраны» (он нес охрану всех большевистских учреждений Петрограда). Одновременно с этим полком была присоединена к нам и «красная» батарея близко от города Гатчины. Этот полк был разоружен, и снова мною на том же месте вооружен, и сейчас же, с нами и с его батареей, он получил новое боевое крещение, в глубоком красном тылу против красных. В нем не было ни одного процента коммунистов, которых сами солдаты выбросили из своих рядов. Он был переименован на том же месте в Семеновский полк, так как в нем были семеновцы. С Семеновским полком мы выросли в бригаду, и так росла Северо-Западная армия.

Наконец, к нам перешел «красный» гарнизон Кронштадтского форта Красная Горка, с матросами и офицерами. К этому форту мы не могли бы даже приблизиться.

С первых дней нашей боевой активности, то есть до перехода к нам двух дивизионов Балаховича и Чудской военной флотилии, немецкому командованию приходилось считаться со своими солдатами, не желавшими нарушать свою мирную и долгую жизнь никакими «осложнениями» с большевиками, но при первом нажиме красных немцы без боя бросили Псков, что и послужило причиной нашего отступления.

Вы пишете: 1) «…Германское командование передало (я прибавляю: нам) пять военных пароходов, крейсировавших в водах Псковского озера». Чудская военная флотилия была не в Псковском, а в Чудском озере, в своей базе, и в распоряжении комиссаров Петрограда, а потому она не могла быть передана нам немцами.

Нам пришлось подкупить двух немецких сторожей склада с русским оружием, для того чтобы получить винтовки и два пулемета и перенести их завернутыми в рогожу на маленький речной пароходик «Елизарьев». Наша группа состояла из пятнадцати рыбаков Талабских островов, бежавших от большевистских методов. К этим рыбакам я присоединил четырех офицеров.

Ночью не ожидавшие нас в красном тылу, перепуганные нашей стрельбой красноармейцы были разоружены, а на рассвете, по мудрому совету рыбаков, я мобилизовал все мужское население островов.

Никаких попыток взять обратно острова у красных не было. Если бы они могли, то уничтожили бы своей артиллерией дома рыбаков, с их семьями, когда у нас не было ни Чудской военной флотилии, ни артиллерии. Почему они не могли на острова послать ни одного снаряда за все время наших боевых действий, я поясню потом.

Для доброй и правильной памяти Северо-Западной армии даю наше понимание: все офицеры – от младших до самых старших – делились нами на годных или не годных в Гражданской войне. Не годные были те, кто в очень сложных и тяжелых условиях не проявлял достаточной и быстрой инициативы в боях, как и в защите населения.

Таких, насколько это было возможно, мы просили нас оставить, но чаще они сами нас оставляли!

Я даю только один пример непримиримости к большевикам населения. Через несколько дней после нашего захвата островов присланная к нам ночью из Петрограда коммунистка (невестка рыбака) уговаривала жен рыбаков, чтобы они повлияли на своих мужей и сыновей и в эту же ночь связали и отправили офицеров на красный берег. Она обещала, от имени комиссаров Петрограда, всем полное прощение – иначе все их семьи будут уничтожены орудиями, уже посланными из Петрограда. В то время у нас не было ни Чудской военной флотилии, ни артиллерии. Реальность этой угрозы, о которой сразу же узнало все население, была понятна каждому. Рыбаки попросили меня отправить эту коммунистку обратно на красный берег, чтобы она могла передать петроградским комиссарам их рыбацкий ответ, что я и сделал.

После перехода к нам двух дивизионов Балаховича и Чудской военной флотилии только благодаря помощи населения красные не могли подойти к берегу. Предупрежденные о каждом их движении, мы неоднократно на рыбацких лодках переплывали на красный берег. Бои для нас всегда были удачны, а потому

красные не могли послать на острова ни одного снаряда.

Все просьбы населения красного берега дать им оружие, чтобы они могли поднять восстание, я отклонял, так как наши силы для нашего наступления были тогда недостаточны.

До нашего наступления на Петроград благодаря помощи населения из красных глубоких тылов мы знали почти о каждом движении красных частей, что давало нам возможность быстрых и всегда удачных действий. Так, русское население поддерживало нас до последнего дня Северо-Западной армии.

Большевики понимали и значение для всего Белого движения потери Петрограда, и мы сразу познакомились с очень многими их методами, которые теперь узнали все народы.

Северо-Западная армия при генерале Юдениче была объединена из двух русских корпусов. До этого один корпус находился под покровительством эстонского командования, как и под особым покровительством англичан.

Генерал Юденич, как и другие, задолго до нашего наступления на Петроград знал опасения командующего эстонской армии генерала Лайдонера, что Эстония при победе Белых армий лишилась бы своей самостоятельности.

Генерал Юденич стал и Главнокомандующим Северо-Западного фронта. В этом качестве, к сожалению, ему не удалось подчинить находящихся в Латвии отрядов Бермондта. Точных данных об их численности (но они известны) я не имею, но мы знали, что они были нам необходимы для наступления на Петроград. Вряд ли кто-либо мог не понимать значения перехода в наши руки многомиллионной красной столицы.

У генерала Юденича было большое и блестящее прошлое, известное всем нам. Но горечь против него понятна, так как он взял на себя всю ответственность, которая кончилась для нас всех катастрофой, непонятной для нас.

Но «мешать» генералу Юденичу «мешали».

Мешали эстонцы, не пожелавшие нашей победы, а потому эстонская армия осталась на своих границах, что для нас не было неожиданностью.

Мешали англичане, которые дали нам четыре или шесть, но не более самых старых и не годных для похода танков.

Наше наступление на Петроград началось 9 октября и кончилось 21-го, то есть длилось 13 дней. Паника красных была так велика, что когда мои талабчане с наступлением темноты вошли в Царское Село, то я видел, как на Царскосельском вокзале толпы красноармейцев бросались в вагоны и лезли на паровозы.

Если бы англичане – о чем мы все просили – дали бы нам не старые танки, и для каждой отдельной колонны, наступающей на

Петроград, он был бы взят со скоростью пехоты, то есть в 3 или 4 дня.

Дважды дорога на Петроград была свободна: когда мы вошли в Царское Село, где я получил приказание с несколькими полками перейти в район Ропши, так как красная колонна обошла левый фланг нашей армии и подходила к эстонской границе. Эта красная колонна вернулась обратно, когда мы перерезали ей путь отступления к Петрограду, и была совершенно нами разбита. Это был последний резерв Петроградского гарнизона, собранный из коммунистов, как и людей, собранных на улицах Петрограда. От пленных мы узнали, что дорога на Петроград была свободна.

Мы получили приказ от штаба армии отойти к эстонской границе, так как к ней подошли московские части, а наш штаб армии ушел в Нарву, когда наша армия не растаяла в боях под Петроградом, а набухла взятыми нами в плен красноармейцами.

А. Куприн[277]
Купол святого Исаакия Далматского[278]

Добрая осень

Осень 1919 года была очень хороша на севере России. Особенно глубоко и сладко-грустно чувствовалась ее прохладная прелесть в скромной тишине патриархальной Гатчины. Здесь каждая улица обсажена двумя рядами старых густых берез, а длинная тенистая Багавутовская улица, пролегающая через весь посад, даже четырьмя.

Весной Гатчина нежно зеленеет первыми блестящими листочками сквозных берез и пахнет терпким веселым смолистым духом. Осенью же она одета в пышные царственные уборы лимонных, янтарных, золотых и багряных красок, а увядающая листва белоствольных берез благоухает, как терпкое старое драгоценное вино.

Урожай был обилен в этом году по всей России. (Чуден он был и в 20-м году. Мне непостижимо, как это не хватило остатков хлеба на 21-й год – год ужасного голода.) Я собственноручно снял с моего огорода 36 пудов картофеля в огромных бело-розовых клубнях, вырыл много ядреной петровской репы, египетской круглой свеклы, остро и дико пахнувшего сельдерея, репчатого лука, красной толстой упругой грачевской моркови и крупного белого ребристого чеснока – этого верного противоцинготного средства. Оставались неубранными лишь слабенькие запоздалые корешки моркови, которых я не трогал, дожидаясь, пока они нальются и потолстеют.

Весь мой огород был размером в 250 квадратных сажен, но, по совести могу сказать, потрудился я над ним весьма усердно, даже, пожалуй, сверх сил.

Зимой ходил я с салазками и совочком – подбирал навоз. Мало толку было в этом жалком сухом навозе – его даже воробьи не клевали. Помню, однажды, когда я этим занимался, проходила мимо зловредная старушенция, остановилась, поглядела и зашипела на меня: «Попили нашей кровушки. Будя!» (Этот идиотский лозунг выбросила революция.) Собирал я очень тщательно зимой золу и пепел из печек. Достал всякими правдами и неправдами несколько горстей суперфосфата и сушеной бычьей крови. Пережигал над плитой всякие косточки и толок их в порошок. Лазил на городскую колокольню и набрал там мешок голубиного помета (сами-то голуби давно покинули

наш посад, вместе с воронами, галками и мышами, не находя в нем для себя пропитания).

Тогда все, кто могли, занимались огородным хозяйством, а те, кто не могли, воровали овощи у соседей.

Труднее всего было приготовить землю под гряды. Мне помог милый Фома Хамилейнен из Пижмы. Он мне вспахал и взборонил землю. Я за это подарил ему довольно новую фрачную пару (что мог сделать мой честный, добрый чухонец с этой дурацкой одеждой?) и собственноручно выкопал для него из грунта 12 шестилетних яблонек. Я купил их три года тому назад в питомнике Регеля-Кессельринга. Сам посадил с любовью и ухаживал за ними с нежностью. Раньше, щадя их детский возраст, я им не давал цвести, обрывал цветения, но в этом году думал разрешить им первую роскошь и радость материнства, оставив по две-три яблочных завязи на каждой. Очень жалко было расставаться с яблоньками, но трезвый, будничный картофель настоятельно требовал для себя широкого места.

И ведь, как на грех, на соблазн, выдалась такая теплая, такая чудесная осень! На оставшихся у меня по границе огорода шести яблоньках-десятилетках, поздних сортов, плоды никогда еще не дозревали: их мы срывали перед морозами, закутывали в бумагу и прятали в шкаф до Рождества. Теперь же на всех шести налились и поспели такие полные, крепкие, нарядные, безупречные яблоки, что прямо хоть на выставку.

А цветов в этом году мне так и не довелось посадить. Побывал раннею весною в двадцати присутственных местах Гатчины и Петрограда на предмет получения разрешения на отпуск мне семян из социализированного магазина, потратил уйму денег, времени и нервов на проезды и хлопоты, ничего не смог добиться и с озлоблением плюнул.

Простите, что я так долго остановился на этом скучном предмете и отрываюсь от него с трудом. Мне совсем не жалко погибшей для меня безвозвратно в России собственности: дома, земли, обстановки, мебели, ковров, пианино, библиотеки, картин, уюта и прочих мелочей. Еще в ту пору я понял тщету и малое значение вещей сравнительно с великой ценностью простого ржаного хлеба. Без малейшего чувства сожаления следил я за тем, как исчезали в руках мешочников зеркала, меха, портьеры, одеяла, диваны, шкафы, часы и прочая рухлядь. Деньги тогда даже не стоили той скверной бумаги, на которой они печатались.

Но по правде говоря, я бы очень хотел, чтобы в будущей, спокойной и здоровой России был воздвигнут скромный общественный монумент не кому иному, как Мешочнику. В пору пайковых жмыхов и пайковой клюквы это он, мешочник, провозил

через громадные расстояния пищевые продукты, вися на вагонных площадках, оседлывая буфера или распластавшись на крыше теплушки, всегда под угрозой ограбления или расстрела. Конечно, не ему, а времени было суждено поправить хоть немного экономический кризис. Но кто же из великомучеников того времени не знает из горького опыта, как дорог и решителен для умирающей жизни был тогда месяц, неделя, день, порою даже час подтопки организма временной сытостью, отдыха. Я мог назвать много драгоценных для нашей родины людей, чье нынешнее существование обязано тяжкой предприимчивой жадности мешочника. Памятник ему!

Повторяю, мне не жаль собственности. Но мой малый огородишко, мои яблони, мой крошечный благоуханный цветник, моя клубника «виктория» и парниковые дыни-канталупы «Женни Линд», – вспоминаю о них, и в сердце у меня острая горечь.

Здесь была прелесть чистого, простого чудесного творчества. Какая радость устлать лучинную коробку липовым листом, уложить на дно правильными рядами большие ягоды клубники, опять перестлать листьями, опять уложить ряд – и весь этот пышный, темно-красный душистый дар земли отослать в подарок соседу! Какая невинная радость – точно материнская.

Так, впрочем, бывало раньше. К середине 19-го года мы все, обыватели, незаметно впадали в тихое равнодушие, в усталую сонливость. Умирали не от голода, а от постоянного недоедания. Смотришь, бывало, в трамвае примостился в уголку утлый преждевременный старичок и тихо заснул с покорной улыбкой на иссохших губах. Станция. Время выходить. Подходит к нему кондукторша, а он мертв. Так мы и засыпали на полпути у стен домов, на скамеечках в скверах.

Как я проклинал тогда этот корнеплод, этот чертов картофель. Бывало, нароешь его целое ведро и отнесешь для просушки на чердак. А потом сидишь на крыльце, ловишь разинутым ртом воздух, как рыба на берегу, глаза косят, и все идет кругом от скверного головокружения, а под подбородком вздувается огромная гуля: нервы никуда не годятся.

Пропало удовольствие еды. Стало все равно, что есть: лишь бы не царапало язык и не втыкалось занозами в нёбо и десны. Всеобщее ослабление организмов дошло до того, что люди непроизвольно переставали владеть своими физическими отправлениями. Всякая сопротивляемость, гордость, смех и улыбка – совсем исчезли. В 18-м году еще держались малые ячейки, спаянные дружбой, доверием, взаимной поддержкой и заботой, но теперь и они распадались.

Днем гатчинские улицы бывали совершенно пусты: точно

всеобщий мор пронесся по городу. А ночи были страшны. Лежишь без сна. Тишина и темнота, как в могиле. И вдруг одиночный выстрел. Кто стрелял? Не солдат ли, соскучившись на посту, поставил прицел и пальнул в далекое, еле освещенное окошко? Или раздадутся подряд пять отдаленных глухих залпов, а затем минутка молчания – и снова пять уже одиночных, слабых выстрелов, Кого расстреляли?

Так отходили мы в предсмертную летаргию. Победоносное наступление Северо-Западной армии было подобно для нас разряду электрической машины. Оно гальванизировало человеческие полутрупы в Петербурге, во всех его пригородках и дачных поселках. Пробудившиеся сердца загорелись сладкими надеждами и радостными упованиями. Тела окрепли, и души вновь обрели энергию и упругость. Я до сих пор не устаю спрашивать об этом петербуржцев того времени. Все они, все без исключения, говорят о том восторге, с которым они ждали наступления белых на столицу. Не было дома, где бы не молились за освободителей и где бы не держали в запасе кирпичи, кипяток и керосин на головы поработителям. А если говорят противное, то говорят сознательную святую партийную ложь.

Красная армия

Мы все были до смешного не осведомлены о внешних событиях; не только мы, уединенные гатчинцы, но и жители Петербурга. В советских газетах нельзя было выудить ни словечка правды. Ничего мы не знали ни об Алексееве, ни о Корнилове, ни об операциях Деникина, ни о Колчаке. Помню, кто-то принес весть о взятии Харькова и Курска, но этому не поверили. Слышали порой с Севера далекую орудийную пальбу. Нас уверяли, что это флот занимается учебной стрельбой. В мае канонада раздавалась с северо-запада и стала гораздо явственнее. Но тогда некого было спрашивать, да и было лень. Только полгода спустя, в октябре, я узнал, что это шло первое (неудачное) наступление Северо-Западной армии на Красную Горку. Впрочем, в том же мае мне рассказывал один чухонец из Волосова следующее: к ним в деревню приехали однажды верховые люди в военной форме, с офицерскими погонами. Попросили дать молока, перед едой перекрестились на красный угол, а когда закусили, то отблагодарили хозяев белым хлебом, ломтем сала и очень щедро – деньгами. А садясь на коней, сказали: «Ждите нас опять. Когда приедем, то сшибем большевиков и жизнь будет как прежде».

Я, помню, спросил недоверчиво:

– Почем знать, может быть, это были большевистские шпионы? Они теперь повсюду нюхают.

– Не снай. Може, пионы, може, правда белые, – сказал чухонец.

Жить было страшно и скучно, но страх и скука были тупые, коровьи. На заборах висели правительственные плакаты, извещавшие: «В виду того что в тылу Р.С.Ф.С.Р. имеются сторонники капитализма, наемники Антанты и другая белогвардейская сволочь, ведущая буржуазную пропаганду, – вменяется в обязанность каждому коммунисту: усмотрев где-либо попытку опозорения советской власти и призыв к возмущению против нее, – расправляться с виновниками немедленно на месте, не обращаясь к суду». Случаи такой расправы бывали, но, надо сказать правду, – редко. Нас томили беспрестанные обыски и беспричинные аресты. Мысленно смерти никто не боялся. Тогда, мне кажется, довольно было поглубже и порешительнее затаить дыхание, и готов. Пугали больше всего мучения в подвале, в ежеминутном ожидании казни.

Поэтому старались мы сидеть в своих норах тихо, как мыши, чующие близость голодного кота. Высовывали на минуту носы, понюхать воздух, и опять прятались.

Но уже в конце ноября началось в Красной армии и среди красного начальства какое-то беспокойное шевеление.

Приехал неожиданно эшелон полка, набранного в Вятке, и остановился за чертой посада в деревянных бараках. Все они были как на подбор, такие же долговязые и плотные, такие же веселые и светло-рыжие и с белыми ресницами, как Шаляпин. Ладные, сытые молодцы. Не знаю, по какой причине им разрешили взять с собой по два или три пуда муки, которую они в Гатчине охотно меняли на вещи. Мы пошли в их становище. Там было уже много народу. Меня тронуло, с каким участием расспрашивали они исхудалых, обносившихся, сморщенных жителей. Как сочувственно покачивали они головами, выразительно посвистывали на мотив: «Вот так фу-унт!» – и, сплюнув, говорили:

– Ах вы, бедные, бедные. До чего вас довели. Нешто так можно?

Потом их куда-то увезли. Но эти «вятские, ребята хватские» не пропали. Во второй половине октября они почти все вернулись в Гатчину в рядах Белой армии, в которую они перешли дружно, всем составом, где-то под Псковом. И дрались они лихо.

Вскоре после их отхода Гатчина вдруг переполнилась нагнанной откуда-то толпой отрепанных до последней степени,

жалких, изможденных, бледных красноармейских солдат. По-видимому, у них не было никакого начальства и о дисциплине они никогда не слыхали. Они тотчас же расползлись по городу в тщетных поисках какой-нибудь пищи.

Они просили милостыню, подбирали на огородах оставшуюся склизкую капустную хряпу и случайно забытые картофелины, продавали шейные кресты и нижние рубахи, заглядывали в давно опустевшие помойные ямы. Были все они крайне удручены, запуганы и точно больны: вероятно, таким их душевным состоянием объяснялось то, что они не прибегали тогда к грабежу и насилию.

Недолго прожили они в Гатчине. Дня три. В одно ясное, прохладное утро кто-то собрал их в бесформенную группу, очень слабо напоминавшую своим видом походную колонну, и погнал дальше по Варшавскому шоссе. Я видел это позорное зрелище, и мне хотелось плакать от злобы, жалости и бессилия: ведь как-никак, а все-таки это была русская армия. Ведь «всякий воин должен понимать свой маневр», а эти русские разнесчастные обманутые Иваны – понимали ли они хоть слабо, во имя чего их гнали на бойню?

Не оркестр шел впереди, не всадник красовался на серой лошади, и не знамя в футляре покачивалось золотым острием высоко над рядами. Впереди тащилась походная кухня, разогретая на полный ход. Густой дым валил из ее трубы прямо назад и стлался низко над вооруженной ватагой, дразня ее запахом вареной капусты. О зловещий символ!

И что это была за фантастическая, ужасная, кошмарная толпа! Сгорбленные старики и желтолицые чахоточные мальчуганы, хромые, в болячках, горбатые, безносые, не мывшиеся годами, в грязных тряпках, в ватных кофтах и жалких кацавейках, одна нога босиком, другая в калоше, всюду дыры и прорехи, ружья вверх и вниз штыками, и иные волочатся штыками по земле. Уже не в Вяземской ли лавре собралось это войско, которое проходило мимо нас с поднятыми носами и жадно раздувавшимися ноздрями?

На другой день мы снова услышали канонаду, на этот раз яснее, ближе и в новом направлении. Очевидно, теперь морская эскадра для своей учебной работы переместилась на юго-запад от Гатчины. Но как будто в этом направлении нет моря?

К полудню этого же дня странная суматоха, какая-то загадочная беготня, тревожная возня началась во всегда пустых, безлюдных улицах Гатчины. Невиданные доселе, совсем незнакомые люди таскали взад и вперед сундуки, узлы, корзинки, чемоданы. Наехали в город окрестные мужики на пустых телегах.

Бежали опрометью по мостовой какие-то испуганные бабы со связками соломы и с веревочными бунтами на плечах. Очевидно, кто-то переезжал или уезжал. Мне было неинтересно кто.

Но перед вечером мне понадобилось выйти из дому. На Соборной улице я встретился с одним чудаком. Он всегда рекомендовался густым басом, оттопыривая вбок локоть для рукопожатия и напруживая по-бычьи шею: учитель народной средней школы. Фамилии его я не знал. Он был, в сущности, неплохой малый, хотя и пил вежеталь большими флаконами, каждый в одно дыхание.

Он подошел ко мне:

– Знаете, что случилось? Все советские выезжают нынче ночью спешно в Петроград.

– Почему?

– Кто знает? Паника. Пойдемте посмотрим.

На проспекте Павла I, на Михайловской и Бомбардирской улицах густо стояли груженые возы. Чего в них не было – кровати, перины, диваны, кресла, комоды, клетка с попугаем, граммофоны, цветочные горшки, детские коляски. А из домов выносили все новые и новые предметы домашнего обихода.

– Бегут! – сказал учитель. – Кстати, нет ли у вас одеколонцу Ралле, вспрыснуть счастливый отъезд?

– К сожалению, нету. Но как вы думаете, сколько же в Гатчине проживало большевиков? Смотрите – целый скифский обоз.

Учитель подумал:

– По моему статистическому расчету, включая челядь, жен, наложниц и детей, а также местных добровольцев и осведомителей – не менее четырехсот.

Колеса сцеплялись, слышались щелканье кнута, женские крики, лай собак, ругань, детский плач. Пахло сеном, дегтем и лошадиной мочой. Темнело. Я ушел.

Но еще долго ночью, лежа в постели, я слышал, как по избитому шоссе тарахтели далекие телеги.

Смерть и радость

На другой день, в прекрасное золотое с лазурью, холодное и ароматное утро, Гатчина проснулась тревожная, боязливая и любопытная. Пошли из дома в дом слухи… Говорили, что вчера была в ударном порядке сплавлена в Петербург только лишняя мелочь. Ответственные остались на местах. Совдеп и ЧК защищены пулеметами, а вход в них для публики закрыт. Однако советские автомобили всегда держатся наготове.

Говорили, что из Петербурга пришел приказ: на случай окончательного отступления из Гатчины взорвать в ней бомбами дворец, собор, оба вокзала и все казенные здания.

Уверяли, что в Гатчину спешит из Петербурга красная тяжелая артиллерия (и эта весть оказалась верной). Но болтали много глупостей. Выдумывали шведов и англичан, уже разрушивших Кронштадт и теперь делающих высадку на петербургской стороне. И так далее.

Пушечные выстрелы доносились теперь с юга, откуда-то с Преображенской или даже с Сиверской. Они стали так ясны, четки и выпуклы, что казалось, будто стреляют в десяти, в пяти верстах.

За последние четыре года я как-то случайно сошелся, а потом и подружился с одним из постоянных гатчинских отшельников. Это был когда-то властный и суровый редактор очень влиятельного большого журнала. Теперь он проживал стариком на покое в гатчинской тишине и зелени; заметно присмирел и потеплел, да, в сущности, и в свою боевую пору он только носил постоянную маску строгости, а на самом деле был добрейшим человеком, только этого журнальные люди не умели раскусить. Он мне давал читать свои переводы древних писателей и особенно пленил меня Лукианом, Эпиктетом и Марком Аврелием. Он не скучал со мной, а для меня беседы с ним были всегда занимательны и поучительны. Что же? Почему так стыдно человеку признаться в том, что он всегда, даже до глубокой старости, рад пополнять недостаток знания?

Я узнал также, что С. Н., весьма скупой на комплименты и душевные излияния, относился ко мне с большим доверием, – узнал, однако, по очень печальному и тяжелому поводу и, конечно, не от него.

Два его сына – Николай и Никита – оба ушли на Великую войну. Первый, как кадровый офицер, в самом начале войны, второй – охотником в конце 1916 года. Оба погибли: один от тяжелого ранения, другой от тифа, через малый промежуток времени.

В одном из первых месяцев 1917 года я получил письмо от человека, которого я не знал лично. Он был товарищем Никиты дважды: по гатчинскому реальному училищу и потом по артиллерийскому дивизиону. Меня-то он, конечно, знал. В маленьком провинциальном посаде я весь был на юру, вместе с моими собаками, лошадью, медведем, обезьяной, участием во многих вечерах и концертах и кое-какими приключениями.

Он писал мне о смерти обоих братьев. О том, что лично он не решился известить об этих ужасных событиях престарелого отца,

потому что сам видел его пламенную, трепетную, безумную любовь к сыновьям. В конце концов он трогательно просил меня взять это очень сложное дело на мое разрешение, совесть и умение. Старик отец, по его словам, не раз писал Никите обо мне в тоне добром и доверчивом. Я решил промолчать. И в самом деле, что было бы лучше: убить милого, обаятельного человека жестокой правдой или оставить его в решительном чаянии и неведении?

И я молчал почти два года.

Это было нелегко. С. иногда глядел на меня такими проницательными, спрашивающими глазами, будто догадывался, что я о чем-то важном осведомлен, но не хочу, не могу сказать.

Особенно тяжело было скрывать эту тайну в те последние дни, о которых я сейчас пишу.

Каждый день перед полуднем старик заходил за мною. Мы шли на железнодорожный варшавский путь и долго простаивали там, прислушиваясь к пушечной, все крепнувшей пальбе, глядя туда, на юг, вслед убегающим, суживающимся, блестящим рельсам. Порой он говорил мечтательно:

– Дорогой друг мой. Завтра, послезавтра придут англичане (оказывается, и он верил в англичан) – и принесут нам свободу. А с ними придут мои Коля и Никитушка. Загорелые, басистые, в поношенных боевых мундирах, с сияющими глазами. Они принесут нам белого вкусного хлеба. И английского сала, и шоколаду. И немного виски для вас. Я буду так рад представить вам молодых героев.

И опять мы всматривались в убегающую даль, точно принюхиваясь за десятки верст к запаху порохового дыма.

Не дождался бедный, славный С. – ни своих милых сыновей, ни даже прихода Северо-Западной армии. Он умер за два дня до взятия Гатчины. А письмо Никитиного товарища так и осталось лежать у меня в американском шкафчике. Тот, кто живет теперь в моем доме, если и нашел его, то, наверное, бросил в печку. А если и отнес его на рассмотрение тому, кому это надлежит, – я спокоен. Никого в живых из семьи С. (мир его праху) не осталось.

И еще одна смерть.

Рядом с нами, еще в дореволюционное время, город построил хороший двухэтажный дом для призрения старух. Большевики, завладев властью, старушек выкинули в один счет на улицу, а дом напихали малолетними пролетарскими детьми. Заведовать же их бытием назначили необыкновенную девицу. Она была уже не молода, со следами бывшей роковой красоты, иссохшая в дьявольском огне неутоленных страстей и неудач, с кирпично-красными пятнами на скулах и с черными глазами, всегда

горевшими пламенем лютой злобы, зависти и властолюбия. Я не мог выдержать ее пристального ненавистнического взгляда.

Как она смотрела за детьми, видно из того, что однажды вся ее детвора объелась какой-то ядовитой гадостью. Большинство захворало, одиннадцать детей умерло. Трупы было приказано доставить ночью в мертвецкую при госпитале, залить известью и вынести за город. Об этом рассказывал Федор, служивший раньше у меня дворником, философ, пьяница, безбожник, кривой на один глаз – и мастер на все руки. Особенно влекло его к профессиям отчаянным. Он работал на собачьей свалке, ловя и убивая бродячих собак, служил в ассенизаторском обозе, а потом поступил сторожем в мертвецкую; в промежутках же брался за всякую работу. Он-то и рассказал мне о том, как приходили к нему ночью матери отравленных детишек и как он, Федор, выдавал опознавшим трупы этих детей, беря по сто рублей за голову. Цена небольшая, но денатурат был сравнительно недорог.

Как-то раз к нам во двор забежала девочка из этого приюта, лет двенадцати, но вовсе карлица, в старушечьем белом платочке и с лицом печальной больной старушки. Она рылась в помойке.

Нам удалось побороть ее одичалость, кое-как помыть ей руки и рожицу и покормить тем, что было дома. Звали ее Зина. У нас она немножко облюднела. Пришла еще раз и еще, а потом даже привела с собой шершавого веснушчатого мальчугана, осиплого и дикого, как волчонок.

Но однажды, едва она вошла в калитку, как за нею следом бешеной фурией ворвалась надзирательница. Ее страшные глаза «метали молнии». Она схватила девочку-старушку за руку и поволокла ее с той деспотической небрежностью, с какой злые дети таскают своих несчастных изуродованных кукол. И она при этом кричала на нас в таком яростном темпе, что мы не могли бы, если бы даже и хотели, вставить ни одного слова:

– Буржуи! Кровопийцы! Сволочь! Заманивают малолетних с гнусными целями! Когда вас всех перестреляют, паршивых сукиных детей!

И все в том же мажорном тоне.

Потом прошло с полмесяца. Как-то утром я стоял у забора. Вижу, надзирательница толкает по мостовой большую тачку, а на ней небольшой гробик, наскоро сколоченный из щелевок. Я понял, что тащила она детский трупик на кладбище, чтобы свалить в общую яму, без молитвы и церковного напутствия.

Но как раз перед моими воротами колесо тачки неудобно наскочило на камень.

От толчка живые швы гроба разошлись и из него выглянуло наружу белое платьице и тоненькая желтая ручка.

Надзирательница беспомощно оглядывалась по сторонам.

Я крикнул ей:

– Погодите, сейчас помогу.

Захватил в доме гвоздей, молоток и кое-как, неумело, криво, но прочно заколотил гроб. Вбивая последний гвоздь, спросил:

– Это не Зина?

Она ответила, точно злая сучка брехнула:

– Нет, другая стерва. Та давно подохла.

– А эту как звать?

– А черт ее знает!

И влегла в тачку всем своим испепеленным телом.

Я только подумал про себя: «Упокой Господи душу неизвестного младенца. Имя его Ты Сам знаешь».

Другой женщине я бы непременно помог довезти гроб, хотя бы до шоссе…

Много еще было невеселого. Ведь каждый день нес с собой гадости. Но теперь во мне произошел какой-то легкий и бодрый поворот.

Пушки бухали все ближе, а с их приближением сникала с души вялая расслабляющая тоска, бессильное негодование, вечный зелено-желтый противный рабий страх. Точно вот кто-то сказал мне: «Довольно. Все эти три года были дурным сном, жестоким испытанием, фантазией сумасшедшего. Возвращайся же к настоящей жизни. Она так же прекрасна, как и раньше, когда ты распевал ей благодарную хвалу».

Сидел я часто на чердаке, на корточках, счищал сухую грязь с картофелин и размышлял: если учесть налипшую землю да еще то, что клубни подсохнут, то тридцати шести пудов не выйдет. А все-таки по три фунта в день наберется, по фунту на персону. Это громадный запас. Только уговор: умеренно делать широкие жесты.

И в то же время я пел диким радостным голосом чью-то нелепую песенку на собственный идиотский напев:

Тра-ля-ля, как радостно,
На свете жить так сладостно,
И солнышко блестит живей,
Живей и веселей…

Яша

Когда вошел славный Талабский полк в Гатчину – я точно не помню: знаю только, что в ночь на 15, 16 или 17 октября. Я еще

подумал тогда, что дни второй половины октября часто бывали роковыми для России.

Накануне этого дня пушечные выстрелы с юга замолкли.

Город был в напряженном, тревожном, но бодром настроении. Все ждали чего-то необычайного и бросили всякие занятия.

Перед вечером – еще не смеркалось – я наклал в большую корзину корнеплодов, спустив их пышную ботву снаружи: вышел внушительный букет, который предназначался в презент моему старому приятелю-еврею за то, что тот изредка покупал мне в Петербурге спирт.

Да, надо сознаться, все мы пили в ту пору контрабандой, хотя запретное винокурение и грозило страшными карами, до расстрела включительно. Да и кто бы решился укорить нас?

Великий поэт и мудрец Соломон недаром приводит в своих притчах наставление царю Лемуилу, преподанное ему его матерью:

«Не царям, Лемуил, не царям пить вино и не князьям сикеру».

«Дайте сикеру погибающему и вино – огорченному душою».

«Пусть он выпьет, и забудет бедность свою, и не вспомнит больше о своем страдании».

Когда я пришел к нему на Николаевскую, все домашние сидели за чайным столом. Хозяина уже третий день не было дома, он завертелся по делам в Питере. Но его стул на привычном патриаршем месте, по милому старинному обычаю, оставался во время его отсутствия незанятым: на него никому не позволяли садиться. (Впрочем, и в крепких старинных русских семьях кое-где хранится этот хороший завет.)

Был там какой-то дальний родственник, приехавший две недели назад из глухой провинции, – седой, худой, панический человек. Он все хватался за голову, утомлял всех своими жалобами и страхами, ныл, как зубная боль, распространяя вокруг себя кислоту и уныние.

Был еще немного знакомый мне мальчик, Яша Файнштейн. Он носил мне тетрадки своих стихов на просмотр и оценку. Муза его была жалка, совсем безграмотна, беспомощна, ровно ничего не обещала в будущем, питалась гражданскими мотивами. Но в самом мальчике была внутренняя деликатность и какая-то сердечная порывистость.

Он блуждал по комнате, низко склонив голову и глубоко засунув руки в брючные карманы. Разговор, по-видимому, иссяк еще до меня и теперь не клеился.

Через полчаса притащился очень усталый хозяин… Увидев мою свадебную корзину, он слегка улыбнулся, кивнул мне

головою и сказал:

– Только двести (он говорил о количестве граммов). Вам следует сдачи.

Потом он стал рассказывать о Петербурге. Там беспокойно и жутко. По улицам ходят усиленные патрули красноармейцев, носятся сломя голову советские автомобили.

Обыски и аресты увеличились вдвое. Говорят шепотом о близости белых частей…

Поезд, на котором он возвращался домой, доехал только до Ижоры. Станционное начальство велело всем пассажирам очистить его. Из Петербурга пришла телеграмма о совершенном прекращении дорожного движения и о возвращении этого поезда назад – в Петербург.

Пассажиры пришли в Гатчину пешком, узкими малоизвестными дорогами. С ними шел мой добрый партнер в преферанс и тезка – А.И. Лопатин, но по своему всегдашнему духу противоречия шел, не держась кучки, какими-то своими тропинками. Вдруг идущие услыхали его отчаянный пронзительный вопль, на довольно далеком расстоянии. Потом в другой раз, в третий. Кое-кто побежал на голос. Но Лопатина не могли сыскать. Да и невозможно было. Путь преграждала густая вонючая трясина. Очевидно, бедный Лопатин попал в нее, и его засосало.

Что-то незначительное вспоминал хозяин из новых столичных впечатлений, и вдруг… молчавший доселе Яша взвился на дыбы, точно его ткнули шилом.

– Стыдно! Позор! Позор! – закричал он визгливо и взмахнул вверх руками, точно собирался лететь.

– Вы! Еврей! Вы радуетесь приходу белых! Разве вам изменила память? Разве вы забыли погромы, забыли ваших замученных отцов и братьев, ваших изнасилованных сестер, жен и дочерей, поруганные могилы предков?

И пошел, и пошел кричать, потрясая кулаками. В нем было что-то эпилептическое.

С трудом удалось его успокоить. Это с особенным тактом сделала толстая, сердечная, добродушная хозяйка.

Вышли мы вместе с Яшей. Он провожал меня. На полпути он завел опять коммунистический валик. Я не возражал.

– Все вы скучаете по Царю, по кнуту, по рабству. И даже вы – свободный писатель. Нет, если придет белая сволочь, я влезу на пожарную колонну и буду бичевать оттуда опричников и золотопогонников словами Иеремии. Я не раб, я честный коммунист, я горжусь этим званием.

– Убьют, Яша.

– Пустяки. В наши великие дни только негодяи боятся смерти.

– Вспомните о своих братьях, евреях. Вы накличете на них грозу.

– Плевать. Нет ни еврейского, ни русского народа. Вредный вздор – народ. Есть человечество, есть мировое братство, объединенное прекрасным коммунистическим равноправием. И больше ничего! Я пойду на базар, заберусь на крышу, на самый высокий воз и с него скажу потрясающие гневные слова!

– До свидания, Яша. Мне налево, – сказал я.

– До свидания, – ответил он мягко. – Простите, что я так разволновался.

Мы расстались. Больше я его никогда не видел. Судьба подслушала его.

Я спал мало в эту ночь, но увидел прекрасный, незабвенный сон.

На газетном листе я летал над Ялтой. Я управлял им совсем так, как управляют аэропланом. Я подлетал к вершине Ай-Петри. Подо мной лежал Крым, как выпуклая географическая карта. Но, огибая Ай-Петри, я коснулся об утес краем моего аппарата и ринулся вместе с ним вниз. Проснулся. Сердце стучало, за окном серо синел рассвет.

Тяжелая артиллерия

Встал я, по обыкновению, часов около семи, на рассвете, обещавшем погожий солнечный день, и, пока домашние спали, потихоньку налаживал самовар.

Этому мирному искусству – не в похвалу будь мне сказано – я обучился всего год назад, однако скоро постиг, что в нем есть своя тихая, уютная прелесть.

И вот только что разгорелась у меня в самоваре лучина и я уже готовился наставить коленчатую трубу, как над домом ахнул круглый, плотный пушечный выстрел, от которого задребезжали стекла в окнах и загрохотала по полу уроненная мною труба. Это было посерьезнее недавней отдаленной канонады.

Я снова наладил трубу, но едва лишь занялись и покраснели угли, как грянул второй выстрел. Так и продолжалась пальба весь день до вечера, с промежутками минут от пяти до пятнадцати.

Конечно, после первого же выстрела весь дом проснулся. Но не было страха, ни тревоги, ни суеты. Стоял чудесный, ясный день, такой теплый, что если бы не томный запах осыпающейся листвы, то можно было бы вообразить, что сейчас на дворе конец мая.

Ах, как передать это сладостное ощущение опьяняющей надежды, этот радостный молодой озноб, этот волнующий позыв к движению, эту глубину дыхания, это внутреннее нетерпение рук и ног?

Мы скоро узнали, что стреляет из Гатчины тяжелая артиллерия красных (слухи не соврали, ее все-таки привезли из Петербурга). Говорили, что установлены были частью около обелиска, воздвигнутого Павлом I и названного им «коннетаблем», частью на прежнем авиационном поле. Они бухали без передышки. Но белые молчали.

Кажется, достаточно было поводов для домашней тревоги. Но – диковинная вещь, уверенность, или вера, или жажда веры! Это чувство идет не от уст к устам, не по линии, даже не по плоскости. Оно передается в трех измерениях, а почем знать, может быть, и в четырех. Мне никогда не забыть этих часов беспечного доверия к жизни и ощущения на себе спокойной благосклонности синего неба.

Или мы все уж так отчаянно загрязли в поганом погребе, где нет света и ползают мокрицы, что обрадовались допьяна тоненькому золотому лучику, просочившемуся сквозь муравьиную скважину?

Я не знал, куда девать времени, так нестерпимо медленно тянувшегося. Я придумал сам для себя, что очень теперь необходимо вырыть из грядок оставшуюся морковь. Это было весело. Корни разрослись и крепко сидели в сухой земле. Уцепишься пальцами за головку и тянешь: нет сил. А как бахнет близкий пушечный выстрел и звякнут стекла, то поневоле крякнешь и мигом вытащишь из гряды крупную, толстую красную морковину. Точно под музыку.

Не сиделось десятилетней дочери. Она, зараженная невольно общим сжатым волнением и возбужденная красивыми звуками пушек, с упоением помогала мне, бегая с игрушечным ведром из огорода на чердак и обратно. Время от времени она попадала в руки матери, и та, поймав ее за платье, тащила в дом, где уже успела забаррикадировать окна тюфяками, коврами и подушками. Но девочка, при первой возможности, улизывала опять ко мне. И так они играли до самого вечера.

Куда била Красная армия – я не мог сообразить: я не слышал ни полета снарядов, ни их разрывов. Только на другой день мне сказали, что она обстреливала не Варшавскую, а Балтийскую дорогу. Вкось от меня.

Белые молчали, потому что не хотели обнаружить себя. Их разведка выяснила, что путь на Гатчину заслонен слабо. И надо еще сказать, что Северо-Западная армия предпочитала опасные

ночные операции дневным. Она выжидала сумерек.

И вот незаметно погустел воздух, потемнело небо. На западе протянулась узенькая семговая полоса зари.

Глаз перестал различать цвет моркови от цвета земли.

Усталые пушки замолкли. Наступила грустная, тревожная тишина.

Мы сидели в столовой при свете стеаринового огарка – спать было рано – и рассматривали от нечего делать рисунки в словаре Брокгауза и Ефрона.

Дочка первая увидела в черном небе зарево пожара. Мы раздвинули занавески и угадали без ошибки, что горит здешний совдеп, большое, старое, прекрасное здание с колоннами, над которым много лет раньше развивался штандарт и где жили из года в год, потомственно, командиры синих кирасир.

Дом горел очень ярко. Огненно-золотыми, тающими хлопьями летали вокруг горящие бумажки.

Мы поняли, что комиссары и коммунисты и все красные покинули Гатчину.

Девочка расплакалась: не выдержали нервы, взбудораженные необычным днем и никогда не виданным жутким зрелищем ночного пожара. Она все уверяла нас, что сгорит весь дом, и вся Гатчина, и мы с нею.

Насилу ее уложили спать, и долго еще она во сне горько всхлипывала, точно жаловалась невидимому для нас кому-то очень взрослому.

«Дома ль маменька твоя?»

Я курил махорку и перелистывал в «Брокгаузе» прекрасные политипажи: костюмы ушедших сто- и тысячелетий. Жена чинила домашнее тряпье. Мы оба – я знал – молча предчувствовали, что вот-вот в нашей жизни близится крупный перелом.

Души были ясны и покорны. Мы никогда в эти тяжелые годы и мертвые дни не пытались обогнать или пересилить судьбу. Доходили до нас слухи о возможности бежать из России различными путями. Были и счастливые примеры, и соблазны. Хватило бы и денег. Но сам не понимаю что: обостренная ли любовь и жалость к родине, наша ли общая ненависть к массовой толкотне и страх перед нею, или усталость, или темная вера в фатум – сделали нас послушными течению случайностей; мы решили не делать попыток к бегству.

Иногда, правда, шутя, мы с маленькой путешествовали указательным пальцем по географической карте.

Евсевия еще помнила, смутно, бирюзовое побережье Ниццы и

– гораздо отчетливее – вкусные меренги из кондитерской Фозера в Гельсингфорсе. Я же рассказывал ей о Дании по Андерсену, об Англии – по Диккенсу, о Франции – по Дюма-отцу.

В пылком воображении мы посетили все эти страны неоднократно. Судьбе было угодно показать нам их в яви, почти не требуя от нас никаких усилий для этого. Утверждаю, если человек бесцельно, беззлобно и беззаботно мечтает о невинных пустяках, то они непременно сбудутся, хотя бы и в очень уменьшенных размерах…

Кроме того, мы, голодные, босые, голые, сердечно жалели эмигрантов. «Безумцы, – думали мы, – на кой прах нужны вы в теперешнее время за границей, не имея ни малейшей духовной опоры в своей родине? Куда вас, дурачков, занесли страх и мнительность?»

И никогда им не завидовали. Представляли их себе вроде гордых нищих, запоздало плачущих по ночам о далеком, милом, невозвратимом отчем доме и грызущих пальцы.

Вдруг по низкой крыше нашего одноэтажного домика прокатился и запрыгал железный горох… Застрекотал вдали пулемет. Ясно было: стреляют в самой Гатчине или на ближайших окраинах. Мы переглянулись. Одно и то же воспоминание мелькнуло у нас.

В мае 1914 года в Гатчине, на варшавском пути, чья-то злая рука подожгла огромный поезд, груженный артиллерийскими снарядами. Всего взорвалось последовательно тринадцать вагонов. Но так как снаряды рвались не сразу вагонами, а часто-часто, один за другим, то эта музыка продолжалась с трех часов утра до семи. До нас долетала шрапнельная начинка и развороченные шрапнелью стаканы, уже на излете. Опасности от них большой не было. Нужно было только не высовываться из дома.

На наших глазах один стакан (а в нем фунтов восемь – десять) пробил насквозь железный тамбур над сенями, другой сшиб трубу с прачечной, третий снес с замечательной ловкостью верхушку старой березы. Шрапнельная дробь все время как град стучала по крыше. Мы потом насобирали полное лукошко этих веских свинцовых шариков, величиной с вишню.

Наш дом тогда очень мало пострадал. Гораздо больше досталось художнику М., дом которого у самого пути, шагах в пятидесяти от рельсов. Снаряды пробивали насквозь марсельскую черепицу и падали на чердак… Художник потом насчитал восемьдесят пробоин. Человеческая жертва была одна: убило стаканом какую-то старушку на Люцевской улице.

Но у нас была забота посерьезнее материального ущерба. В то

время в нашем доме помещался маленький лазарет, всего на десять раненых солдат. Он всегда бывал полон, хотя, конечно, состав его менялся. На этот раз десятка была как на подбор, самая душевная, удалая и милая. Все наши заботы о них солдаты принимали с покровительственным добродушием старших братьев. Тон установился серьезный и деловой; во всех отношениях – суровая и тонкая деликатность. Только в минуты прощания, перед возвращением на фронт, в грубой простоте раскрывались на минутку, тепло и светло, человеческие сердца. Да еще в легких мелочах сказывалась скрытая, не болтливая дружба. Но я, кажется, уклоняюсь в сторону.

Пусть расскажет когда-нибудь Н.Н. Кедров о том, как чутко слушали у нас солдаты его чудесный квартет, как широко и свободно благодарили, как глубоко и умно понимали красоту русской песни, восстановленной в строжайших формах, очищенной, как от ржавчины, от небрежности и плохого вкуса. Настоящими добрыми хозяевами тогда показывали себя солдаты… А как они слушали Гоголя!

Но в тот день с ними сладу не было. Они рвались вон из лазарета, в халатах, в туфлях, без шапок, как были.

– Сестра! Сестрица! Да пустите же нас. Ведь надо расчепить поезд. Ведь страшного ничего нет. Пустое дело.

И не будь крепких невидимых вожжей в руках маленькой женщины, конечно, все десятеро удрали бы на вокзал, расцеплять поездной состав. Кстати, он и был потом расцеплен. Это сделал тринадцатилетний мальчуган, сын стрелочника. Он спас от взрыва девять двойных платформ, нагруженных снарядами для тяжелых орудий.

Я ведь почему об этом говорю. Я допускаю, что все эти дорогие моему сердцу чудесные солдаты: Николенко, Балан, Дисненко, Тузов, Субуханкулов, Курицын, Буров и другие – могли быть потом вовлечены мутным потоком грязи и крови в нелепую «борьбу пролетариата». Но русскому человеку вовсе не мудрено прожить годы разбойником, а после внезапно раздать награбленное нищим и, поступив в монастырь, принять схиму.

Прострочил пулемет и затих. Тотчас же, где-то в ином месте, неподалеку, заработал другой. Остановился. Коротко, точно заканчивая перебранку, плюнул в последний раз дробью и тоже замолк.

И долго стояла такая тишина, что только в ушах звенела да потрескивал слабо фитиль свечки. И вот где-то далеко-далеко раздалась и полилась солдатская песня. Я знал ее с моих кадетских времен. Не слышал ее года уже три, но теперь сразу признал. И, как будто улавливая слова, сам запел потихонечку

вместе с нею:

Из-под горки да из-под крутой
Ехал майор молодой,
Держал Сашу под полой,
Не под левой, под правой.
Держит Сашу под полой.
С Машей здравствовался.
Здравствуй, Маша. Здравствуй, Даша,
Здравствуй, милая Наташа.
Здравствуй, милая моя. Дома ль маменька твоя?
Дома нету никого,
Полезай, майор, в окно.
Майор ручку протянул…

Жена, пробывшая всю Японскую войну под огнем и знавшая солдатские песни, засмеялась (после какого длительного промежутка!):

– Ну уж это, конечно, поют не красные. Иди-ка спать. Завтра все узнаем.

Я лег и, должно быть, уже стал задремывать… Как вдруг вся земля подпрыгнула и железным голосом крикнула на весь мир:

Донн!

Но не было страшно. Мгновенно и радостно я утонул в глубоком, впервые без видений, сне.

Шведы

Повторяю: точных чисел я не помню. Не так давно мы с генералом П.Н. Красновым[279] вспоминали эту быль, отошедшую от нас в глубину семи лет, и наши даты значительно разошлись. Но сама-то быль сначала была похожа на прекрасную сказку.

Кто из русских не помнит того волшебного, волнующего чувства, которое испытываешь, увидев утром в окне первый снег, нападавший за ночь! Описать это впечатление в прозе невозможно. А в стихах это сделал с несравненной простотой и красотой Пушкин.

Вот такое же чувство простора, чистоты, свежести и радости я испытывал, когда мы вышли утром на улицу. Был обыкновенный солнечный, прохладный осенний день. Но душа играла и видела все по-своему.

Из дома напротив появилась наша соседка г-жа Д., пожилая и очень мнительная женщина. Поздоровались, обменялись

вчерашними впечатлениями. Г-жа Д. все побаивалась, спрашивала, можно ли, по нашему мнению, безопасно пройти в город, к центру.

Мы ее успокаивали. Как вдруг среди нас как-то внезапно оказалась толстая, незнакомая, говорливая баба. Откуда она взялась, я не мог себе представить.

– Идите, идите, – затараторила она, оживленно размахивая руками. – Ничего не бойтесь. Пришли, поскидали большевиков и – никого не трогают!

– Кто пришли-то, милая? – спросил я.

– А шведы пришли, батюшка, шведы. И все так чинно, мирно, благородно, по-хорошему. Шведы, батюшка.

– Откуда же вы узнали, что шведы?

– А как же не узнать? В кожаных куртках все… железные шапки… Большевицкие объявления со стен сдирают. И так-то ругаются, так-то ругаются на большевиков!

– По-шведски ругаются?

– Какое по-шведски! Прямо по-русски, по-матерну, да так, что на ногах не устоишь. Так-то, да разэдак, да эдак-то…

И посыпала, как горохом, самым крутым и крупным сквернословием, каким раньше отличались волжские грузчики и черноморские боцманы и какое ныне так легко встретишь в советской литературе. Ужо очень в задор вошла умиленная баба. Мы трое стояли, не смея глаз поднять друг на друга!

– Говорю вам, шведы!

Отвязались от нее. Пошли дальше. На правом углу Елизаветинской и Багавутовской, около низенького, зеленого, точно игрушечного пулемета, широко расставив ноги, в кожаной куртке и с французским шлемом на голове торчал чистокровный швед Псковской губернии. Был он большой, свежий, плотный, уверенный в себе, грудастый. Его широко расставленные зоркие глаза искрились умом и лукавой улыбкой.

Увидев меня через улицу (на мне было защитного цвета короткое пальто и мохнатая каскетка), он весело мотнул мне головой и крикнул:

– Папаша! Вам бы записаться в армию.

– За тем и иду, – ответил я. – Это где делается?

– А вона. Где каланча. Да поглядите, сзади вас афишка.

Я обернулся. На стене было приклеено белое печатное объявление. Я прочитал, что жителям рекомендуется сдать имеющееся оружие коменданту города, в помещении полиции. Бывшим офицерам предлагается явиться туда же для регистрации.

– Аадно, – сказал я. И не утерпел, чтобы не поточить язык: – А

вы сами пскопские будете?

– Мы-то? Пскопские.

– Скобари, значит?

– Это самое. Так нас иногда дражнят.

* * *

Все просторное крыльцо полицейского дома и значительная часть площади были залиты сплошной толпой. Стало немного досадно: не избежать долгого ожидания очереди, а терпения в этот день совсем не было у меня в запасе.

Но я не ждал и трех минут. В дверях показался расторопный, небольшого роста юноша, ловко обтянутый военно-походной формой и ремнями светлой кожи.

– Нет ли здесь господина Куприна? – крикнул он громко.

– Я!

– Будьте добры, пожалуйте за мною.

Он помог мне пробраться через толпу и повел меня какими-то нижними лестницами и коридорами. Меня удивляло и, по правде сказать, немного беспокоило: зачем я мог понадобиться. Совесть моя была совершенно чиста, но в таких случаях невольно делаешь разные возможные предположения. Я же, как ни старался, не мог придумать ни одного.

Он привел меня в просторную полуподвальную комнату. Там сидел за письменным столом веснушчатый молодой хорунжий: что он казак, я угадал по взбитому над левым ухом лихому чубу (казаки его называют «шевелюр», ибо при езде он задорно шевелится). Ходил взад и вперед инженерный офицер в светло-сером пальто. И еще я увидел стоящего в углу моего хорошего знакомого, Иллариона Павловича Кабина, в коричневом френче и желтых шнурованных высоких сапогах, очень бледного, с тревожным, унылым лицом.

Офицер сказал ему:

– Я попрошу вас удалиться в другую комнату и там подождать.

Потом он подошел ко мне. Он был вовсе маленького роста, но полненький и щеголеватый, в своей прежней довоенной саперной форме, весь туго подтянутый, с светло-стальными глазами в очках. Он назвал мне свою фамилию и сказал следующее:

– Я извиняюсь, что вызвал вас по тяжелому и неприятному обстоятельству. Но что делать? На войне, в особенности гражданской, офицеру не приходится выбирать должностей и обязанностей, а делать что прикажут. Я должен вас спросить

относительно этого человека. Я заранее уверен, что вы скажете мне только истину. Предупреждаю вас, что каждому вашему показанию я дам безусловную веру. В каких отношениях этот человек, господин Кабин, находился или находится к советскому правительству? Дело в том, что я сейчас держу в руках его жизнь и смерть… Здесь контрразведка.

О, как мне сразу стало легко. Я действительно мог сказать и сказал о Кабине только хорошее.

Да, он был комиссаром по охране Гатчинского дворца и его чудесного музея. Но таким же комиссаром назывались и пришедшие потом на его место граф Зубов и господин Половцев, чьи имена и убеждения выше всяких сомнений. Впоследствии он был комиссаром по собиранию и охранению полковых музеев и очень многое спас от расхищения. Кроме же этого, он всего неделю назад показал себя и порядочным человеком, и хорошим патриотом. В его руки, путем взаимного доверия, попали портфели Великого князя с интимной, домашней перепиской. Боясь обыска, он пришел ко мне за советом: как поступить ему. Так как меня тоже обыскивали не раз, а мешать сюда еще кого-либо третьего мне казалось безрассудным, то я предложил эту корреспонденцию сжечь. Так мы и сделали. Под разными предлогами услали его жену, двух стариков и четырех детей из дома и растопили печку. Ключа не было, пришлось взломать все двадцать четыре прекрасных сафьяновых портфеля и сжечь не только всю переписку, но и тщательно вырезать из углов золототисненые инициалы и короны и бросить их в печку. Согласитесь – поступок не похож на большевистский.

– Очень благодарю вас за показание, – сказал поручик Б. и потряс мне руку. – Всегда отрадно убедиться в невинности человека (он вообще был немного аффектирован). Господин Кабин! Вы свободны, – сказал он, распахивая дверь. – Позвольте пожать вашу руку.

Прощаясь с ним, я не удержался от вопроса:

– Кто вам донес на Кабина?

Б. поднял руки к небу:

– Ах, боже мой! Еще с пяти часов утра нас стали заваливать анонимными доносами. Видите, на столе какая куча. Ужасно.

В коридоре Кабин кинулся мне на шею и обмочил мою щеку.

– Я не ошибся, сославшись на вас. Вы – ангел, – бормотал он. – Ах, как хотел бы я в серьезную минуту отдать за вас жизнь…

Тогда ни он, ни я не предвидели, что такая минута настанет и что она совсем недалека.

Широкие души

Когда я выбрался боковым выходом из полицейского подземелья на свет Божий, то был приятно удивлен. В соборе радостно звонили уже год молчавшие колокола (церковный благовест был воспрещен советской властью). Кроткие обыватели подметали тротуары или, сидя на корточках, выщипывали полуувядшую травку, давно выросшую между камней мостовой (проснулось живучее, ничем не истребимое чувство собственности). Над многими домами развевался национальный флаг, Белый-Синий-Красный.

«Что за чудо, – подумал я. – Большевики решительно требовали от нас, чтобы мы в дни их торжеств, праздников и демонстраций непременно украшали жилища снаружи кусками красной материи. Нахождение при обыске национального флага, несомненно, грозило чекистским подвалом и, почти наверное, расстрелом. Какая же сила, какая вера, какое благородное мужество и какое великое чаяние заставляли жителей хранить и беречь эти родные цвета?»

Да, это было трогательно. Но когда я тут же вспомнил о виденной мною только что горе анонимных доносов, которые обыватели писали на своих соседей, то должен был признаться самому себе – что я ничего не понимаю. Или это та широкая душа, которую хотел бы сузить великий писатель?

И сейчас же, едва завернув за угол полицейского дома, я наткнулся на другой пример великодушия.

Шло четверо местных учителей. Увидев меня, они остановились. Лица их сияли.

Они крепко пожимали мою руку. Один хотел даже облобызаться, но я вовремя закашлялся, закрыв лицо рукой. «Какой великий день! – говорили они. – Какой светлый праздник!» Один из них воскликнул: «Христос воскресе!», а другой даже пропел фальшиво первую строчку пасхального тропаря. Меня покоробило в них что-то надуманное, точно они «представляли».

А учитель Очкин слегка отвел меня в сторону и заговорил вполголоса, многозначительно:

– Вот теперь я вам скажу очень важную вещь. Ведь вы и не подозревали, а между тем в списке, составленном большевиками, ваше имя было одним из первых в числе кандидатов в заложники и для показательного расстрела.

Я выпучил глаза:

– И вы давно об этом знали?

– Да как сказать?.. Месяца два.

Я возмутился:

– Как? Два месяца? И вы мне не сказали ни слова.

Он замялся и заежился:

– Но ведь согласитесь: не мог же я. Мне эту бумагу показали под строжайшим секретом.

Я взял его за обшлаг пальто:

– Так на кой же черт вы мне это сообщаете только теперь? Для чего?

– Ах, я думал, что вам это будет приятно…

…Ну и отличились же вскоре эти педагоги, эти ответственные друзья, вторые отцы и защитники детей!

Одновременно со вступлением Белой армии приехали в Гатчину на огромных грузовых автомобилях благотворительные американцы. Они привезли с собою – исключительно для того, чтобы подкормить изголодавшихся на жмыхах и клюкве детей, – значительные запасы печенья, сгущенного молока, рису, какао, шоколаду, яиц, сахара, чая и белого хлеба.

Это были канадские американцы. Воспоминания о них для меня священны. Они широко снабжали необходимыми медицинскими средствами все военные аптеки и госпитали. Они перевозили раненых и больных. В их обращении с русскими была спокойная вежливость и истинная христианская доброта – сотни людей благословляли их.

Со своей североамериканской точки зрения, они, конечно, не могли поступить более разумно и практично, как избрать местных учителей посредствующим звеном между дающей рукой и детскими ртами. Ведь очень давно и очень хорошо, с самой похвальной стороны известен престиж американского учителя в обществе.

Но известно также – по крайней мере нам, – что в России «особенная стать».

Таким густым, обильным потоком полилось жирное какао в учительские животы, такие живописные яичницы-глазуньи заворчали на их учительских сковородках, такой разнообразный набор пищевых пакетов наполнил полки учительских буфетов, комодов, шкафов и кладовок, что добрые канадцы только ахнули. Да надо сказать, учительницы, которым доверяли детские столовые, оказались не лучше.

Но эти злые мелочи не отвратили и не оттолкнули умную американскую благотворительность от прекрасного, доброго дела.

Они только, через головы русской общественности, вынесли чисто практическое решение: «Мы теперь должны позаботиться сами, чтобы на наших глазах каждая ложка и каждый кусок попал в детские рты по прямому назначению».

Так и сделали. Я не особенно старался воображать себе, какое

мнение о русском обществе увезли с собой домой, в Канаду, славные американцы.

Вот еще нелепая встреча: расставшись с учителями, я подряд встретился с господином К. Это был очень приличный, довольно значительный чиновник, не знаю какого ведомства. Я был знаком с ним только шапочно. Всегда он был холодно вежлив, суховато обязателен и на гатчинских жителей поглядывал немножко свысока. Он был коллекционером, собирал красное дерево и фарфор. В Гатчине много находилось этого добра и за дешевые цены. Когда-то здесь жили Орлов, Потемкин и Павел I. Екатерина бывала частой гостьей во дворце, где камни и паркеты создавались по рисункам Растрелли и Кваренги. Там жизнь была когда-то богатая и красивая.

Господин К. поздоровался со мной необычайно оживленно.

– Поздравляю, поздравляю! – сказал он. – А кстати, ходили уже смотреть на повешенных?

– Я о них ничего не слыхал.

– Если хотите, пойдемте вместе. Вот тут недалеко, на проспекте. Я уже два раза ходил, но с вами, за компанию, посмотрю еще.

Конечно, я не пошел. Я могу подолгу смотреть на мудрую таинственную улыбку покойников, но вид насильственно умерших мне отвратителен.

Господин К. рассказал мне подробно, что были утром повешены гатчинский портной Хиндов и какой-то оставшийся дезертир из красных. Они взломали магазин часовщика, еврея Волка, и ограбили его. Хиндов взял с собой только швейную машину. Красноармеец захватил с собой несколько дешевых часов. Волк в это время был с семьей в городе. Грабителей схватила публика и отдала в руки солдат. Обоих повесили рядом на одной березе и прибили белый лист с надписью: «За грабеж населения».

Было еще двое убитых. Один не известный никому человек, должно быть яростный коммунист. Он взобрался на дерево и стал оттуда стрелять в каждого солдата, который показывался в поле его зрения. Его окружили. Он выпустил целую ленту из маузера и после этого был застрелен. Запутался в ветках, и труп его повис на них. Так его и оставили висеть.

А другой… да, другой был несчастный Яша Файнштейн. Он выполнил свое обещание: влез на воз с капустой, очень долго и яростно проклинал Бога, всех царей, буржуев и капиталистов, всю контрреволюционную сволочь и ее вождей.

Его многие знали в Гатчине… Некоторые лица пробовали его уговорить, успокоить. Куда! Он был в припадке бешенства. Его

схватили солдаты, отвезли в Приоратский парк и там расстреляли.

У него была мать. Ей слишком поздно сказали о Яшиной иеремиаде. Может быть, если бы она подоспела вовремя – ей удалось бы спасти сына. Она могла бы рассказать, что Яша год назад сидел в психиатрической лечебнице у д-ра Кащенко, в Сиворицах.

Ах, Яша! Мне и до сих пор его остро жалко. Я не знал ничего о его душевной болезни.

Да и первый коммунист – не был ли больным?

Разведчик Суворов

В помещении коменданта была непролазная давка. Не только пробраться к дверям его кабинета, но и повернуться здесь было трудно. Однако, буравя толпу и возвышаясь над ней целой головой – черной, потной и лохматой, – прокладывал себе путь в ее гущине рослый, веселый солдат без шапки и кричал зычным, хриплым голосом, точно средневековый вербовщик (по-своему он был красноречив):

– Записывайтесь, гражданы! Записывайтесь, православные! Будет вам корчиться от голода и лизать большевикам пятки. Будет вам прятаться под бабьи юбки и греть ж… на лежанке. Мы не одни, за нами союзники: англичане, французы! Завтра придут танки! Завтра привезут хлеб и сало! Видели небось, как перед нами бегут красные? Недели не пройдет, как мы возьмем Петербург, вышибем к чертовой матери всю большевистскую сволочь и освободим родную Россию. Слава будет нам, слава будет и вам! А если уткнетесь в тараканьи щели – какая же вам, мужикам, честь? Не мужчины вы будете, аг… Тьфу! Не бойтесь: вперед на позиции не пошлем – возьмем только охотников кто помоложе и похрабрее. А у кого кишка потоньше – тому много дела будет охранять город, конвоировать и стеречь пленных, нести унутреннюю службу. Записывайтесь, молодцы! Записывайтесь, красавцы! Торопитесь, гражданы!

Очень жалко, что я теперь не могу воспроизвести его лапидарного стиля. Да, впрочем, и бумага не стерпела бы. Его слушали оживленно и жадно. Не был ли это всем известный храбрец и чудак Румянцев, фельдфебель первой роты Талабского полка?

Я решил зайти в комендантскую после обеда, кстати захватив паспорт и оружие. Не успел я раздеться, как к моему дому подъехали двое всадников: офицер и солдат. Я отворил ворота. Всадники спешились. Офицер подошел ко мне, смеясь.

– Не узнаете? – спросил он.

– Простите… что-то незнакомое, но…

– Поручик Р-ский.

– Батюшки! Вот волшебное изменение. Войдите, войдите, пожалуйста.

И мудрено было его узнать. Виделись мы с ним в последний раз осенью 17-го года. Он тогда, окончив Михайловское училище, держал экзамен в Артиллерийскую академию и каждый праздник приезжал из Петербурга в Гатчину к своим стареньким родственникам, у которых я часто играл по вечерам в винт: у них и встречались.

У нас было мало общего, да и не могу сказать, чтобы он мне очень нравился. Был и недурен собой, и молод, и вежлив, но как-то чересчур весь застегнут – в одежде и в душе; знал наперед, что скажет и что сделает, не пил, не курил, не играл в карты, не смеялся, не танцевал, но любил сладкое. Даже честолюбия в нем не было заметно: был только холоден, сух, порядочен и бесцветен. Такие люди, может быть, и ценны, но – просто у меня не лежит к ним сердце.

Теперь это был совсем другой человек. Во-первых, он потерял в походе пенсне с очень сильными стеклами. Остались два красных рубца на переносице; а поневоле чуть косившие серые глаза сияли добротой, доверием и какой-то лучистой энергией. Решительно он похорошел. Во-вторых, сапоги его были месяц не чищены, фуражка скомкана, гимнастерка смята, и на ней недоставало нескольких пуговиц. В-третьих, движения его стали свободны и широки. Кроме того, он совсем утратил натянутую сдержанность. Куда девался прежний «тоняга»?

Я предложил ему поесть чем бог послал. Он охотно без заминки согласился и сказал:

– Хорошо было бы папироску, если есть.

– Махорка.

– О, все равно. Курил березовый веник и мох! Махорка – блаженство!

– Тогда пойдемте в столовую. А вашего денщика мы устроим… – сказал я и осекся.

Р-ский нагнулся ко мне и застенчиво, вполголоса сказал:

– У нас нет почтенного института денщиков и вестовых. Это мой разведчик, Суворов.

Я покраснел. Но огромный рыжий Суворов отозвался добродушно:

– О нас не беспокойтесь. Мы посидим на куфне.

Но все-таки я поручил разведчика Суворова вниманию степенной Матрены Павловны и повел офицера в столовую.

Суворову же сказал, что, если нужно сена, оно у меня на сеновале, под флигелем. Немного, но для двух лошадей хватит.

– Вот это ладно, – сказал одобрительно разведчик. – Кони, признаться, вовсе голодные.

Обед у меня был не бог знает какой пышный: похлебка из столетней сушеной воблы с пшеном да картофель, жаренный на Сезанном масле (я до сих пор не знаю, что это за штука, сезанное масло; знаю только, что оно, как и касторовое, не давало никакого дурного отвкуса или запаха и даже было предпочтительнее, ибо касторовое – даже в жареном виде – сохраняло свои разрывные качества). Но у Р-ско-го был чудесный аппетит, и, выпив рюмку круто разбавленного спирта, он с душой воскликнул, разделяя слога:

– Вос-хи-ти-тель-но!

Расцеловать мне его хотелось в эту минуту – такой он стал душечка. Только буря войны своим страшным дыханием так выпрямляет и делает внутренне красивым незаурядного человека. Ничтожных она топчет еще ниже – до грязи.

– А разведчику Суворову послать? – спросил я.

– Он, конечно, может обойтись и без. Однако, не скрою, был бы польщен и обрадован.

За обедом и потом за чаем Р-ский рассказывал нам о последних эпизодах наступления на Гатчину.

Он и другие артиллеристы вошли в колонну, которая преодолевала междуозерное пространство. Я уже не помню теперь расположения этих речек: Яны, Березны, Соби и Желчи; этих озер: Самро, Сяберского, Заозерского, Газерского. Я только помнил из красных газет и сказал Р-скому о том, что высший военный совет, под председательством Троцкого, объявил это междуозерное пространство абсолютно непроходимым.

– Мы не только прошли его, но протащили легкую артиллерию. Черт знает, чего это стоило, я даже потерял пенсне. Какие солдаты! Я не умею передать, – продолжал он. – Единственный их недостаток – не сочтите за парадокс – это то, что они слишком зарываются вперед, иногда вопреки диспозиции, увлекая невольно за собой офицеров. Какое-то бешеное стремление! Других надо подгонять – этих удержать нельзя. Все они, без исключения, добровольцы или старые боевые солдаты, влившиеся в армию по своей охоте. Возьмите Талабский полк. Он вчера первым вошел в Гатчину. Основной кадр его – это рыбаки с Талабского озера. У них до сих пор и говорок свой собственный, все они цокают: поросеноцек, курецька, цицверг. А в боях – тигры. До Гатчины они трое суток дрались без перерыва: когда спали – неизвестно. А теперь уже идут в Царское Село. Таковы и все

полки.

– Смешная история, – продолжал он, – случилась вчера вечером. Талабцы уже заняли окраины Гатчины со стороны Балтийского завода, а тут подошел с Сиверской Родзянко со своей личной сотней. Они столкнулись и, не разобравшись в темноте, начали поливать друг друга из пулеметов. Впрочем, скоро опознались. Только один стрелок легко ранен.

– Я ночью слышал как-то резкий взрыв, – сказал я.

– Это тоже талабцы. Капитан Аавров[280]. На Балтийском вокзале укрылась красная засада. Ее и выставили ручной гранатой. Все сдались.

Р-ский собирался уходить. Мы все в передней задержались. Дверь в кухню была открыта. Я увидел и услышал милую сцену.

Матрена Павловна, тихая, слабая, деликатная старая женщина, сидела в углу, вытирая платочком глаза. А разведчик Суворов, вытянув длинные ноги, так что они загородили, от угла и до угла, всю кухню, и развалившись локтями на стол, говорил нежным фальцетом:

– Житье, я вижу, ваше паршиво. Ну ничего, не пужайтесь боле, Матрена Павловна. Мы вас накормим и успокоим и от всякой нечисти отобьем. Живите с вашим удовольствием, Матрена Павловна, вот и весь сказ.

Р-ский уехал со своим разведчиком. *Я* провожал его. На прощание он мне сказал, что меня хотели повидать его сотоварищи артиллеристы. Я сказал, что буду им рад во всякое время.

Возвращаясь через кухню, я увидел на столе сверток.

– Не солдат ли забыл, Матрена Павловна?

– Ах, нет. Сам положил. Сказал – это нашему семейству в знак памяти. Я говорю: зачем? Нам без надобности, а он говорит: чего уж.

В пакете был белый хлеб и кусок сала.

Хромой черт

День этот был для меня полон сумятицы, встреч, новых знакомств, слухов и новостей. Подробностей мне теперь не вспомнить. Такие бесконечно длинные дни и столь густо напичканные лицами и событиями бывают только в романах Достоевского и в лихорадочных снах.

Идя к коменданту, я увидел на заборах новые объявления: белые узкие листки с четким кратким текстом: «Начальник гарнизона полковник Перемикин предписывает гражданам соблюдать спокойствие и порядок» – и больше ничего.

Комендант принял меня, поднявшись мне навстречу с кожаного продранного дивана. Наружность его меня поразила. Он был высок, худощав, голубоглаз и курнос. Вьющиеся белокурые волосы в художественном беспорядке спускались на его лоб. Похож он был на старинные портреты военных молодых героев времен Отечественной войны 1812 года, но было в нем еще что-то общее с Павлом I, бронзовая статуя которого высится на цоколе против Гатчинского дворца. Взгляд его был открыт, смел, весел и проницателен; слегка прищуренный – он производил впечатление большой силы и твердости.

Я «явился» ему по форме. Он оглядел меня сверху вниз и как-то сбоку, по-петушиному. С досадой прочитал я в его быстром взоре обидную, но неизбежную мысль: «А лет тебе все-таки около пятидесяти».

– Прекрасно, – сказал он любезным тоном. – Мы рады каждому свежему сотруднику. Ведь, если я не ошибаюсь, вы тот самый… Куприн… писатель?

– Точно так, господин капитан.

– Очень приятно. Чем же вы хотите быть нам полезным?

Я ответил старой солдатской формулой:

– Никуда не напрашиваюсь, ни от чего не откажусь, господин капитан.

– Но приблизительно… имея в виду вашу профессию?

– Мог бы писать в прифронтовой газете. Думаю, что сумел бы составить прокламацию или воззвание…

– Хорошо, я об этом подумаю и разузнаю, я сейчас напишу вам препроводительную записку в штаб армии. Теперь же отбросьте всякую официальность. Садитесь. Курите.

Он пододвинул мне раскрытый серебряный портсигар с настоящими богдановскими папиросами. Я совсем отвык от турецкого табака. От первой же затяжки у меня томно помутнело в голове и блаженно закружилась голова.

Когда комендант окончил писать, я осторожно спросил о событиях прошедшей ночи.

Лавров охотно рассказывал (умолчав, однако, о недоразумении с пулеметами). Еще ночью был назначен комендантом города командир 3-го батальона Талабского полка полковник Ставский. Он тотчас же занял товарный вокзал с железнодорожными мастерскими и так нажал на рабочих, что к рассвету уже стоял на рельсах, с готовым паровозом, ямбургский поезд. Недаром он, по прежней службе, военный инженер. Утром Ставский опять принял свой батальон, чем был чрезвычайно доволен, обязанности коменданта возложили на капитана Лаврова, к его великому неудовольствию. Эти изумительные

офицеры Северо-Западной армии боялись штабных и гарнизонных должностей гораздо больше, чем люди, заевшиеся и распустившиеся в тылу, боятся назначения в боевые части. Таков уж был их военный порок. Бои были для них ежедневным привычным делом, а стремительное движение вперед стало душевной привычкой и неисправимой необходимостью.

– Возражать против приказания у нас никто и подумать не смеет, – говорил Лавров. – Ну вот я, скажем, комендант. Прекрасно. Они говорят: ты хромой, тебе надо передохнуть. Да, действительно, я хромой. Старая рана. Когда сблизимся – большевики мне всегда орут: «Хромой черт! Опять ты зашкандыбал, растак-то и растак-то твоих близких родственников!»

Но ведь я же вовсе не расположен отдыхать. Ну да, я – комендант. Но душа моя вросла вся в 1-ю роту Талабского полка. Я ею командовал с самого начала, с первого дня формирования полка из талабских рыбаков, когда мы бомбами вышибали вчера большевиков из комиссариатов и совдепов.

– Как – вчера? – лукаво спросил я.

Он махнул рукой с беспечной улыбкой:

– Пустяки. Главное то, что я вот сижу и обывательскую труху разбираю, а семеновцы и талабцы уже поперли скорым маршем на Царское, и моя рота впереди, но уже не под моей командой. Впрочем, скоро вы ни одного солдата в Гатчине не увидите. Мы наши боевые части всегда держим на окраинах, по деревням и мызам, а городов избегаем. Только штабы в городах. Соблазна много: бабы, притоны, самогон и все такое.

Я, вспомнив об утренних повешенных громилах, спросил:

– Ну как же без солдат можно ручаться за порядок в городе?

– Будьте спокойны. Вы видели только что расклеенные объявления? Видели, кто их подписал?

– Полковник Перемикин, – сказал я.

– И баста. Точка. Теперь, правда, уже не полковник, а генерал. Сегодня после молебна генерал Родзянко его поздравил с производством. Но все равно, раз начертано его имя, то можете сказать всем гатчинским байбакам, что они могут спать спокойно, как грудные младенцы.

– Строг?

– В бою лют, стрелками обожаем. В службе требователен. В другое время серьезен и добр, но все-таки надо вокруг него ходить с опаскою, без покушений на близость. Зато слово его твердо, как алмаз, и даром он его не роняет.

– Шутки с ним, значит, плохи?

– Не рекомендовал бы. Он развлекается совсем по-своему. Да

вот, сегодня, всего часа три назад, что он сделал! – Лавров вдруг громко, по-юношески расхохотался. – Подождите, я сейчас расскажу вам. Только отпущу этих четырех. (Надо сказать, что во все время нашего разговора он не переставал спокойно подписывать бумаги, отдавать приказания и принимать разношерстный народ.)

– Ну, теперь послушайте. Это – потеха.

И он передал мне следующее, что я передаю как умею.

По случаю благополучного занятия Гатчины назначен был в соборе молебен (звон к нему я слышал утром), а после него парад, который должен был принять генерал Родзянко. В храм прибыло все военное командование, все свободные от службы офицеры, присутствовал, конечно, и Перемикин, тогда еще полковник, а через полчаса генерал.

Но в начале богослужения у него вдруг всплыла в голове беспокойная мысль. Он за нынешний день отдал бесчисленное количество приказаний и в их числе распорядился, чтобы было перерыто, около Вайволы, шоссе, ведущее на Петербург. Город был почти пуст, а по данным разведки, где-то на полпути к северу задержалась большая красная часть с броневиком германского типа. От нее всегда можно было ожидать внезапного налета. И Перемикин

затревожился: точно ли было понято его приказание и приведено ли оно в исполнение.

Наконец он не утерпел. Подал головою знак своему адъютанту, и они потихоньку вышли из церкви на площадь, где дожидался их быстроходный автомобиль Перемикина с двумя шоферами-финнами, которые уже давно были известны своим баснословным финским хладнокровием, позволявшим им выполнять точно, безукоризненно и находчиво самые безумные виражи.

Быстро проскочили они Гатчину, артиллерийские казармы, заставу, Орлову рощу. У Вайволы толпились на шоссе люди с кирками, мотыгами и лопатами. Шли с предельной скоростью. На миг почудилось Перемикину, что перед ним мелькнула и тотчас же уплыла назад рассыпанная цепь пехоты. Он хотел уже остановить мотор. Но было поздно. За поворотом выросла красноармейская застава. Двое солдат с ружьями наперевес бежали к автомобилю,

При таком положении – все дело в находчивости… Перемикин приказал автомобилю остановиться, а сам вместе с адъютантом, как был в золотых погонах, высунулся и стал делать красноармейцам подзывающие жесты. Те не успели еще подбежать, как Перемикин издали закричал:

– Скорее, товарищи, скорее! За нами гонятся белые! Мы едем сдаваться красному командованию! Дорога каждая минута! Укажите, как здесь проехать в красный штаб! Да, впрочем, чего лучше, доставьте нас туда сами. Полезайте-ка, товарищи! Живо!

Оторопелые красноармейцы послушно полезли в автомобиль. Дверца захлопнулась. Перемикин послал озиравшемуся назад финну быстрый кругообразный знак указательным пальцем. В ту же секунду два револьвера уперлись в лбы красных солдат.

– Клади оружие!

Мотор круто повернулся назад и полетел стремглав в Гатчину.

В церкви пели «Спаси, Господи, люди твоя», когда в нее вошел незаметно и бесшумно Перемикин. Сдав своих языков конвою, он еще успел прослушать короткую, прекрасную проповедь отца Иоанна и отсалютовать шашкой на параде генералу Родзянко, поздравившему его с генеральским чином.

Но уже пора было мне откланяться. Лавров добродушно просил меня заходить почаще: «Вам нужны всякие впечатления, а я каждый день здесь буду торчать до глубокой ночи».

Я спохватился:

– Кому здесь сдают оружие?

– Спуститесь вниз, в контрразведку.

Обрывки

Только вчера (15 января 1927 года) вспомнил я о моей старинной записной книжке и с великим трудом отыскал ее в бумажном мусоре. Это даже не книжка, а побуревшие клочки бумаги, без переплета, исписанные карандашными каракулями; большинство страниц пропало бесследно.

Хлопотливый день моей явки к коменданту уцелел и помечен 17 октября. Выписываю скорее по догадкам, чем по тексту то, что тогда впопыхах занесено.

17 октября.

От Л. – в штаб корпуса. Это бывшая учительская семинария. Никогда не был. Прекрасное здание (внутри), большие залы. Свет, паркеты. Адъютант типичный штабной. Шикарный френч, лакированные сапоги, белые руки. Сам длинный, тонкий, вымытый. Пробор. Напоминает мне о старом знакомстве. Не вспомнил. Сделал вид: как же, как же. Фамилия птичья. Забыл. Смотрели на карту, чтобы меня ориентировать в положении. Штука: он плохо разбирается, читает карту «от топографической печки».

Начальник штаба Видягин. Рослый, хорошо сложен, сильный,

строгий. Загорел густо, в оливковый цвет. Прилаживал и примерял полковничьи погоны (сегодня произведен; одна полоска лишняя). С ним, должно быть, тяжело. Ходит по кабинету. Большие шаги, крепко стучит каблуками. Весь прям, и грудь напружена. Голова бодливо опущена, руки за спиной, хмурится, лицо выражает важность и глубокую мысль. Наполеон?

Оба спрашивали о Горьком, о Шаляпине (то же и Лавров). Хотелось рассказать о словах Троцкого («Правда») на высшем совете (давно): «Гатчину отдадим, а бой примем около Ижорки, в местности болотистой (Лопатин) и очень пересеченной». Не решился. Все-таки не свой, полушпак. Оборвут.

В. спросил меня, не соглашусь ли я взять на себя регистрацию пленных и добровольцев. Конечно, не по мне, но… «Слушаю, господин полковник». Отпущен ты благосклонно. Однако суровая здесь атмосфера. Да и надо так.

Зашел в контрразведку. Там опять Кабин. Сдал наган казаку с веснушками и шевелюром. Он улыбнулся немного презрительно и горько: «Я бы свое оружие никогда не отдал». Мальчик! Портсигар в руках находчивого человека стоит больше, чем револьвер в руках труса. А сколько было людей невинно продырявлено дураками и рукосуями. Савинков мне говорил (1922 год, Ницца): «Верьте, заряженный револьвер просится и понуждает выстрелить». Но в отместку подхорунжему я сказал: «Я не жалею. У меня дома остался револьвер системы Мервинга, с выдвижным барабаном. Он не больше женской ладони, а бьет как браунинг». И правда, этот хорошенький револьвер лежал у меня между стенкой и привинченной к ней ванной. Его могла извлечь оттуда только маленькая рука десятилетней девочки.

Кабин провожал меня. Сказал:

– Поручик Б. предлагает мне служить в контрразведке. Помогите: как быть?

Я:

– Регистрировались?

– Да.

– В таком случае это предложение равно приказу.

– Но что делать? Мне бы не хотелось.

Я рассердился:

– Мой совет – идите за событиями. Так вернее будет. Ершиться нечего. Вот я оказал вам случайную помощь… Нет, нет, это был просто долг мало-мальски честного человека. Поручик Е. требует услугу за услугу. Но ведь и в контрразведке вы сами можете послужить справедливости и добру, и притом легко: только правдой. Видите, какой ворох доносов?

Простились.

И надо сказать, он безукоризненно работал на этом месте, сделав много доброго. Он живой, напористый и чуткий человек. Притом с совестью. Пишет теперь премилые рассказы.

Зашел на вокзал посмотреть привезенные танки. Ромбические сороконожки, сколопендры. Ржаво-серые. На брюхе и на спине сотни острых цеплячек. Попадет в крутой овраг и, изгибаясь, выползет по другому откосу. В бою должны быть ужасающими. Их пять. Вот имена, пишу по памяти: «Доброволец», «Капитан Крами» (веское наименование), «Скорая помощь», «Бурый медведь»… Стоп, зало (справиться). Господи. Будет ли?

Куплю погоны поручичьи, без золота, у Сысоева в лавке старых вещей. Это уже в четвертый раз их надеваю: Ополченская дружина, Земгор, Авиационная школа и вот – Северо-Западная армия. Дома мне обещали смастерить добровольческий угол на рукав. Устал… Сейчас приехали артиллеристы: Р-ский и еще четыре. Что за милый, свежий, жизнерадостный народ. Как деликатны и умны. Недаром Чехов так любил артиллеристов.

Расспрашивают о нашем бытии, о красных повелителях. Жалеют, сочувствуют, возмущаются. И в конце концов непременно все-таки расспросы о Горьком и о Шаляпине. Право, уже мне надоело рассказывать.

Они рассказали много интересного. Между прочим: та вчерашняя отчетливая пальба, которая так радостно волновала меня и Евсевию, шла не от коннетабля и не с аэродрома, как мне казалось, а несколько южнее. Стрелял бронепоезд «Ленин», остановившийся за следующей станцией после гатчинского Балтийского вокзала.

– Черт бы его побрал, этот бронепоезд, – сказал с досадой капитан Г. – Он нам уже не раз встречался в наступлении, когда мы приближались к железнодорожному пути. Конечно, он немецкого изделия, последнее слово военной науки, с двойной броней ванадиевой стали. Снаряды нашей легкой артиллерии отскакивали от него, как комки жеваной бумаги, а мы подходили почти вплотную. И надо сказать, что на нем была великолепная команда. Под Волосовом нам удалось взорвать виадук на его пути и в двух местах испортить рельсы. Но «Ленин» открыл сильнейший огонь – пулеметный и артиллерийский – и спустил десантную команду. Конно-Егерский полк обстреливал команду в упор, но она чертовски работала. Не могу представить, какие были в ее распоряжении специальные приспособления! Она под огнем исправила путь, и «Ленин» ушел в Гатчину.

С огорченным лицом Г. помолчал немного, потом продолжал:

– Должен сказать, что виной отчасти были наши снаряды. Большинство не разрывалось. Мы наскоро сделали подсчет: из ста

выстрелов получилось только 19 разрывов. Да это что еще! Нам прислали хорошие орудия, но все без замков. «Где замки?» Оказывается – «забыли»…

– Но кто же посылал орудия и снаряды? – спросил я.

Г. помялся, прежде чем ответить.

– Не надо бы… Но скажу, по секрету… Англичане…

Прежде чем уехать, я, забыв мудрое правило «не напрашиваться и не отказываться», попросил их прислать за мной артиллериста с запасной лошадью, чтобы приехать к ним на позицию.

– Лошадь, – сказал я, – мне все равно какая будет, хоть крестьянская клячонка. Но если возможно…

Они уехали, обещав мне сделать это. Условились о времени. Но так и не прислали. Полсуток в Гатчине – это была их последняя передышка. Дальше – они все втянулись в непрерывные бои, вплоть до отступления, и отдохнули только в Нарве, горьким отдыхом.

Газета

Итак: я готовился к кропотливой работе по регистрации и не могу сказать, чтобы это будущее занятие рисовалось мне в чертах занятных и привлекательных. Предвидел я, что полковник Видягин крутоват и требователен, но этого я не боялся. Мне почему-то верилось, что он скоро ко мне присмотрится и привыкнет и впоследствии, – почем знать, – может быть, даст мне возможность увидеть, услышать и перечувствовать более яркие вещи, чем механическая возня по записыванию пленных и добровольцев. Судьба послала мне иное.

Прибыть мне приказано было в учительский институт на другой день к десяти часам, но в половине десятого за мной заехал полковник Б. на автомобиле и отвез меня в штаб Глазенапа. Он представил меня генералу Краснову. Заочно мы знали друг друга, и встреча эта была для меня приятна. Петр Николаевич осведомил меня, что сейчас приедет Глазенап и разговор будет о возможности создать в Гатчине прифронтовую газету. Я ни на минуту не забывал того, что хотя передо мной сидит очаровательный человек, Петр Николаевич, автор путешествий и романов, которые я очень ценил, но что для меня он сейчас Ваше Высокопревосходительство, генерал от кавалерии. В Северо-Западной армии, в служебных сношениях все тянулись в ниточку. Впоследствии я ближе узнал П.Н. Краснова, и воспоминания о нем у меня самые благодарные, почтительные и дружеские. Но если человек вкусил с десяти лет тягость воинской

дисциплины, то потом возврат к ней сладостен.

Вошел быстрой, легкой походкой, чуть позванивая шпорами, генерал Глазенап, он же – генерал-губернатор всех областей, отторгнутых от большевиков.

Я залюбовался им. Он был очень красив: невысокий, стройный брюнет, с распушенными черными усами, с горячими черными глазами, со смуглым румянцем лица, с легкостью хорошего кавалериста и свободными движениями светского человека. Он был участником Ледяного похода, водителем многих отчаянных конных атак.

Говорить с ним было совсем не трудно, тем более что П.Н. Краснов понимал дело и поддерживал меня. Газета, по его мнению, необходима. Вопрос в типографии и бумаге. О деньгах заботиться не надо: на днях выходят из печати новые кредитки Северо-Западного правительства. Руководителем и моим непосредственным начальником будет генерал Краснов. Через сколько времени может выйти первый номер, по моим расчетам?

Я стал делать оговорки:

– Сможет ли генерал Краснов дать сегодня же передовую статью?

– Да, часа через два-три.

– Есть ли в штабе последние красные газеты и можно ли из них делать вырезки?

– Есть, можно, но только для первого номера в виде исключения. Обычно прежде всего газеты поступают в штаб для сводки.

– Нет ли иностранных газет, хотя бы не особенно свежих?

– Найдутся.

– Есть ли в штабе бумага?

– Есть, но только писчая, почтового формата.

– Разрешено ли мне будет, в случае если в типографии нет бумаги, реквизировать ее в каком-нибудь магазине?

– Можно. Только дайте расписку, а счет присылайте в канцелярию… Все? – спросил генерал.

– Как будто все, ваше превосходительство, – ответил я. – Только…

Вот тут-то я себя мысленно похвалил. Во всех деловых переговорах и контрактах я никогда не упускал мелочей, но всегда забывал самое главное. А теперь нашел:

– Только должен предупредить, что наборщики самый гордый и капризный народ на свете. Этих «армии свинцовой суровых командиров» можно взять лишь добром. Деньги теперь – ничто. Но если выдать им хотя бы солдатский паек, то они наверное будут польщены таким вниманием.

– Хорошо. Обратитесь к моему заведующему хозяйством. Я предупрежу. А все-таки: когда же мы увидим первый номер?

– Завтра утром, – брякнул я и, признаться, прикусил язык.

Генерал Глазенап весело рассмеялся:

– Это по-суворовски!

Генерал Краснов поглядел на меня сквозь золотое пенсне с чуть заметной улыбкой. Я поспешил оговориться:

– Конечно, это не будет номер «Таймса» в тридцать две страницы и выйдет не в пятистах тысяч экземпляров. Но… позвольте попробовать.

Генерал Глазенап сказал:

– Словом, я передаю вас генералу Краснову. Он без сомнения понимает в этом деле более меня. Затем желаю полного успеха. Извините, меня ждут.

О самом главном, о названии газеты, труднее всего было столковаться. Я не раз присутствовал при крещении периодических изданий и знаю, как тяжело придумать имя. Каждое кажется устаревшим, похожим на какое-то другое имя, мало или чересчур много звучащим, трудно выговариваемым и т. п. Впоследствии, когда войдет в силу привычка, – всякое название становится удобным.

Мы всячески комбинировали «Свет», «Север», «Неву», «Россию», «Свободу», «Луч», «Белый», «Армию», «Будущее». П.Н. Краснов нашел простое заглавие: «Приневский Край». Мелькнул у меня в голове дурацкий переворот: «При! Невский край». Но каждое наименование и можно перебалаганить. Все равно: на десятом номере обомнется и станет привычным.

Вот здесь, в Париже, мне часто намекают, что я, может быть, писатель, но, во всяком случае, не журналист. Я не возражаю. Но ровно в 2 часа дня 19 октября, то есть через 28 часов, я выпустил в свет 307 экземпляров первого номера «Приневского Края». Отличная статья П.Н. Краснова о Белом движении пришла аккуратно, вовремя. По справедливости, хотя и очень мягко, сделал мне П.Н. выговор за то, что не послал ему корректуры (занести было всего два шага). Прекрасную оберточную рыжую бумагу я реквизировал в магазине Офицерского Экономического Общества. Наборщиков оказалось трое: сын хозяина типографии, длиннорукий, длинноногий лентяй и ворчун, скверный наборщик, но, к счастью, физически сильный человек; второй знал кое-как наборное дело, но страдал грыжей и кашлял; третий же был мастер, хотя и великий копун, медлитель и мрачный человек.

Станок был если не Гуттенбергов, то его внучатый племянник. Он печатал только в одну полосу. Чтобы тиснуть

продолжение, надо было переворачивать лист на другую сторону. Приводился он в действие колесом, вручную, в чем я принимал самое живое участие.

Я уже успел сдать в печать стихи (правда, не новенькие), статью под передовой, отчет о параде, прекрасную проповедь отца Иоанна и характеристику Ленина (я сделал ее без злобы, строго держась личных впечатлений). Кроме того, я вырезал и снабдил комментариями все интересное, что нашел в красных газетах. Я также продержал обе корректуры. Словом: Фигаро здесь, Фигаро там.

Часам к одиннадцати ночи люди устали, но ропота не было. Я сбегал за пайками и предложил их, по-моему, вовремя и деликатно. Сказал: «А кстати, вот ваш ежедневный паек». Это их так взбодрило, что они и на мою долю отрезали холодного мяса, свиного сала и белого хлеба. Утром заканчивали работу вдвоем: я и мрачный тип.

Господа журналисты, работали ли вы в таких условиях?

Этот станок, этого верблюда, мы таскали с собой потом в Ямбург, в Нарву, в Ревель. Разбирали и собирали. Главный его недостаток был в медлительности работы. Вертеть колесо, да еще дважды – занятие нелегкое.

Первый номер расхватали в час. Цена ему была полтинник на керенки. Почему мы не брали по пятьсот рублей? Не понимаю. Впрочем, разницы между этими суммами не было никакой. И мы сами не знали, куда девать вырученные деньги. Наняли было корректоршу (она же и кассирша), но через час пришлось ее уволить: никуда не годилась.

Красные уши

Нелегка была вначале газетная работа при оборудовании дела самыми примитивными способами и средствами. Но мне она доставляла удовлетворение и гордость. Тем более, что вскоре дело наладилось и пошло ровно, без перебоев. Все тот же внимательный, памятливый и точный комендант Лавров по моей просьбе распорядился, чтобы при разработке пленных красноармейцев опрашивали: нет ли среди них мастеров печатного дела. На третий же день мне прислали двух. Один рядовой наборщик, весьма полезный для газеты, другой же оказался прямо драгоценным приобретением: он раньше служил в синодальной типографии, где, как известно, требуется самая строгая, интегральная точность в работе, а кроме того, у него оказались точный глазомер и находчивость настоящего метранпажа. Вблизи Гатчины мы откопали бумажную фабрику,

заглохшую при большевиках, но с достаточным запасом печатной бумаги.

П.Н. Краснов давал ежедневно краткие, яркие и емкие статьи, подписывая их своим обычным псевдонимом Гр. Ад. (Град было имя его любимой скаковой лошади, на которой он взял в свое время много призов в Красном Селе и на Concours Hippigues в Михайловском манеже). Он писал о собирании Руси, о Смутном времени, о приказах Петра Великого, о политической жизни Европы. Оба штаба (генерала Глазенапа и графа Палена), жившие друг с другом несколько не в ладах, охотно посылали нам какие возможно сведения и распоряжения. Напечатали два воззвания обоих генералов и Главнокомандующего генерала Юденича. Наняли двух вертелыциков. Работали круглые сутки в две смены. Довели тираж до тысячи, но и того не хватало.

Красные газеты получали аккуратно и в изобилии: от пленных и через разведчиков, ходивших ежедневно в Петербург, в самое чертово пекло, разнюхивать события. С чувством некоего умиления читал я в них лестные строки, посвященные мне. Из одной заметки я узнал, что штаб Юденича помещается в моем доме и я неизменно присутствую на всех военных советах в качестве лица, хорошо знающего местные условия. Василий Князев почтил меня стихами:

Угостил его Юденич коньяком,
И Куприн стал нам грозиться кулаком.

Что-то в этом роде…

Пролетарский поэт Демьян Бедный отвел мне в московской «Правде» целый нижний этаж, уверяя, что я ему показался подозрительным еще в начале 19-го года, когда вел в Кремле переговоры с Лениным, Каменевым, Милютиным и Сосновским об издании беспартийной газеты для народа. Это правда: о такой газете я и хлопотал, но не один: за мной стояла большая группа писателей и ученых, не соблазненных большевизмом. Имелись и деньги. Затея не удалась. Мне предложили заднюю страницу «Красного пахаря». Но красный – какой же это пахарь? И зачем пахарю красный цвет? Я уехал в Петербург ни с чем.

Но Демьян, слушавший, неприглашенным, наши переговоры, уже тогда решил в уме, что я обхожу советскую власть «змеиным ходом».

Это все, разумеется, вздор… Печально было то, что, внимательно вчитываясь в красные петербургские газеты, можно было уловить в них уши и глаза находящихся в Гатчине.

Из крупных гатчинских коммунистов никто не попался белым

(кстати, дважды они упустили из рук Троцкого в Онтоло и в Высоцком, находя каждый раз вместо него лишь пустое, еще теплое логовище). Ушел страшный Шатов, однажды приказавший расстрелять женщину, заложницу за мужа-авиатора, вместе с грудным ребенком, которого у нее никак нельзя было отнять.

Улизнул Серов, председатель гатчинской Чека, кумир гимназисток-большевичек, бывший фейерверкер царской армии: на псковском фронте он вызвал из строя всех прежних кадровых офицеров, числом около пятидесяти, велел их расстрелять и для верности сам приканчивал их из револьвера. Перед казнью он сказал им: «Ни одному перекрасившемуся офицеру мы не верим. Свое дело вы сделали, натаскали красных солдат, теперь вы для нас – лишняя обуза».

Ушел неистовый чекист Оссинский. В его квартире нашли подвал, забрызганный до потолка кровью, смердящий трупной вонью. Исчез палач-специалист Шмаров, бывший каторжник, – убийца, который даже всегда ходил в арестантском сером халате, с круглой серой арестантской бескозыркой на голове. Он как-то на Люцевской улице, пьяный, подстрелил без всякого повода и разговора, сзади, незнакомого ему прохожего, ранил его в ногу, вдруг освирепел, потащил его в ЧК (тут же, напротив) и дострелил окончательно.

Поймали белые одного только Чумаченку, захватив его в Красном. Этот безобидный человек-пуговица заведовал пищевыми припасами и называл себя «Король продовольствия». Никому он зла не делал, наивно упивался высотой своего положения и был забавен со своим всегда вздернутым носом-пуговичкой. На него сделали донос.

Словом, ушли тузы и фигуры. Осталась дребедень. Но, прячась за нее, какие-то неуловимые, многознающие и пронырливые люди сообщались с красным командованием, посылая ему в Петербург сводки своих наблюдений. Разыскивать их было некогда и некому. И – вероятнее всего – это они намеревались устроить в Гатчине провокационный погром.

Как-то вечером зашел я к моему приятелю еврею. У него застал смятение и скорбь. Мужчины только что вернулись из синагоги. У дедушки Моти, старейшего из евреев, во время молитвы впервые затряслась голова и так потом не переставала трястись. Добрая толстая хозяйка просила меня взять к себе на время ее пятилетнюю девочку Розочку, а та прижалась к ней и плакала. Все они были смертельно напуганы уличными сплетнями и подметными анонимными письмами.

В тот же вечер, руководствуясь темным инстинктом, я передал эту сцену полковнику Видягину. Его сумрачные глаза

вдруг вспыхнули.

– Я не допущу погромов, с какой бы стороны они ни грозили! – воскликнул он. – Жидов я, говорю прямо, не люблю. Но там, где Северо-Западная армия, там немыслимо ни одно насилие над мирными гражданами. Мы без счета льем свою кровь и кровь большевистскую, но на нас не должно быть ни одного пятна обывательской крови. Садитесь и сейчас же пишите внушение жителям.

Через полчаса я подал ему составленное воззвание. Говорил в нем о том, что еще со времен Екатерины и Павла I живут в Гатчине несколько еврейских фамилий, давно знакомых всему городу, честных тружеников, небогатых мастеров, людей, совершенно чуждых большевистским идеям и нравам. Говорил о Едином Боге, о том, что не время в эти великие дни сеять ненависть. Упомянул в конце о строгой ответственности и суровой каре, которая постигает насильников и подстрекателей.

К ночи воззвание было подписано графом Паленом и скреплено начальником штаба. На другой день оно было расклеено по заборам.

Пишу об этом так подробно, потому что мне лишний раз хочется подтвердить о полном доброты, нелицеприятном, справедливом отношении Северо-Западной армии ко всем мирным гражданам без различия племен и вероисповеданий. Об этом подтвердят все участники похода и все жители тех мест, где эта армия проходила.

А вот в ревельской газете «Свободная Россия» Кирдецов, Дюшен и Башкирцев позволили себе оклеветать эту истинно рыцарскую армию как разбойничью и грабительскую, говоря не о тыле, а о доблестных офицерах и солдатах похода-легенды.

Немного истории

Северо-Западная армия не была одинока в борьбе с большевиками. По условиям своего созидания и формирования, Северный корпус с первых своих дней оказался тесно связанным с Эстонской республикой и с ее молодой армией. Боевое крещение получили части Русского корпуса, защищая Эстонию от вторжения большевистских войск. До мая 1919 года все операции Северной армии происходили на эстонской территории. Отсюда причины союзных отношений между обеими армиями. В период существования Северного русского корпуса эти отношения были оформлены заключенными договорами. Однако, в момент превращения Русского корпуса в армию, положение сторон изменилось. Эстония была освобождена от большевиков, и

русская армия сражалась на русской территории.

По этим соображениям русская армия вышла из подчинения эстонскому главнокомандованию и в лице генерала Юденича получила собственного руководителя, назначенного Верховным правителем России. Были раньше планы о возглавлении армии генералами Гурко и Драгомировым. Но имя победителя Эрзерума более импонировало.

Не имея собственных портов, ограниченная размерами территории, Северо-Западная белая Россия принуждена была, а с нею и Северо-Западная армия, базироваться на Ревель и Эстонию. Между тем Эстония была уже свободна от большевиков, имела свыше чем 80-тысячную армию и в существенной помощи Белой армии уже не нуждалась. Прежний взаимный договор отпадал. Требовалось новое договорное соглашение, и почва для него нашлась, но очень волнующая. С одной стороны, сформированное в августе 1919 года Северо-Западное правительство поспешило признать полную и вечную независимость Эстонии и дало гарантию требовать этого признания всеми великими державами, Верховным правителем России и всеми областными ее правительствами. За это Эстония согласилась оказывать помощь белой России в ее борьбе с большевиками и обещала помочь генералу Юденичу при походе на Петербург. (Однако когда наступление на Петербург началось, то эстонские войска в нем участия почему-то не приняли…)

Предполагался подобный же взаимный договор с Финляндией, и она также искала к нему путей. Он не состоялся. Вопрос об его осуществлении зависел, главным образом, от бывших русских дипломатов, эмигрировавших в Париж. Они отказали. Почему? Энергичный напор на красных со стороны Финляндии решил бы судьбу Петербурга в два-три дня.

* * *

Высший совет командования Белой армии сознавал, что общее состояние тыла в политической обстановке еще не вполне отвечает требованиям немедленного наступления.

Но строевые начальники, видевшие настроение своих солдат, твердо знали и чувствовали, этот бодрый, воинственный дух необходимо поддержать именно переходом от метода обороны, изнурявшей боевые части и понижавшей их боеспособность, к решительному и быстрому наступлению.

Дух и воля армии одержали верх. Главное решилось наконец на открытие военных действий. Впрочем, за необходимость

наступления говорили громко следующие доводы:

1) Эстония под влиянием своих социалистических партий уже намеревалась вступить в мирные переговоры с Советской Россией.

Заключение такого мира лишило бы Северо-Западную армию и военной поддержки Эстонии и пользования для военных целей портами и железными дорогами Эстонии.

2) Успехи Деникина, при его движении на Москву, привлекли в тот момент внимание всего красного главнокомандования. Чтобы отразить его победоносное наступление, напряглись все советские силы. Угроза Петербургу в эти дни значительно облегчила бы задачу Деникина.

3) Необходимость взятия Петербурга до наступления холодов. Главная цель взятия Петербурга – освобождение от террора, от холода и голода несчастного населения столицы. Ввоз необходимого продовольствия и предметов первой необходимости возможен лишь до прекращения навигации, которая с конца ноября уже связывается замерзающим Петербургским портом.

4) Обещанная поддержка военного английского флота, действия которого находились в зависимости от наступления морозов.

5) Великолепный дух белых солдат, оторванных, однако, от родины и семьи, не мог бы выдержать своего напряжения до конца весны и в течение зимы сменился бы унынием и всеми его последствиями.

6) Командование Красной армии прозевало возрождение духа и силы Северо-Западной армии. Оно продолжало ее считать не вполне боеспособной и не боялось ее. Поэтому многие красные части были переведены на другие фронты и соотношение сил на стороне Северо-Западного фронта было в данный момент очень благоприятным для наступления Белой армии.

Наступление было решено.

Я пламенный бард Северо-Западной армии. Я никогда не устану удивляться ее героизму и воспевать его. Но ведь есть на свете и проза. Много способствовало подъему духа в Северо-Западной армии появление наконец давно обещанной, так долго жданной помощи от французов и англичан, в виде первых транспортов обмундирования, танков, орудий, снарядов, ружей. Солдаты, по прибытии первых грузов, ожили духом. Они удостоверились собственными глазами, что старые друзья и союзники по войне с Германией решительно хотят помогать белым армиям в их борьбе с большевиками. Сапоги, хлеб, шинель и оружие – это все, что нужно воину, кроме убеждения, что война имеет смысл. Голодный, босой, невооруженный солдат – хороший

материал лишь для бунта или для дезертирства. Глупость говорила ходячая поговорка удалых прежних военачальников: «Я своим солдатам три дня есть не дам, так они врага с кожей и костями слопают, так что они без вести пропадут и назад не вернутся».

Активные операции Северо-Западной армии против Петербурга могли развиваться в двух направлениях. Большинство старых генералов, недавно прибывших на фронт Гражданской войны и не знавших ее условий, настаивали на том, что необходимо обеспечить себя взятием Пскова и лишь после этого открыть движение на Петербург.

Но командный состав, из числа тех, кто с первых дней существования Северо-Западного корпуса находились в нем и знали его боевые качества, решительно настаивали на ином плане. В гражданской войне, говорили они, гораздо вернее проявлять быстроту и натиск. Все здесь зависит от психологического момента. Если нам стремительно удастся уловить его, то красный Петербург не спасут ни наши обнаженные фланги, ни обходное движение советских полков! Эта упругая стремительность должна вызвать растерянность среди командного состава Красной армии, пробудить уснувшие надежды в антибольшевиках в советской армии и в Петербурге, создать благоприятные условия для восстания рабочих масс и так далее.

Этот план восторжествовал. Страшная стремительность, с которой Северо-Западная армия ринулась на Петербург, действительно вряд ли имела примеры в мировой истории, исключая разве что легендарные суворовские марши.

Партизанский дух

Передо мною лежит брошюра: «Октябрьское наступление на Петроград и причины неудачи похода. Записки белого офицера». Это единственный печатный материал, посвященный походу. Автор не назван. (Говорят, сохранились кое-где полковые и дивизионные архивы. Но ими воспользуется со временем усидчивый историк.)

Книжка ценная, составлена ясно, толково, со знанием дела, с любовью к родине, с горячей скорбью о трагической судьбе геройской Северо-Западной армии. Я вынужден ею пользоваться для того, чтобы не заблудиться в чрезвычайно сложных и путаных деталях наступления. Надо сказать, что она не только подтверждает все мною слышанное и лично наблюденное, но и проливает на события верный свет. Лишь в оценке неудач армии

у меня несколько иной взгляд, чем у талантливого автора, очевидно, доблестного кадрового офицера прежней великой российской армии. Но книгу его я усердно рекомендую любителям.

* * *

Говорили многие потом, разбирая критические операции Северо-Западной армии, что в ней было слишком много партизанского духа. Но какой же могла быть армия добровольцев, всего в 20-тысячном составе, в дни братоубийственной Гражданской войны, в сверхчеловеческой обстановке непрестанных, на все стороны, боев, дневных и предпочтительно ночных, с необеспеченным флангом, с единственной задачей быстроты и дерзости, со стремительным движением вперед, во время которого люди не успевали есть и высыпаться? Так почему же эта армия не разлагалась, не бежала, не грабила, не дезертирствовала? Почему сами большевики писали в красных газетах, что она дерется отчаянно? Отчего Талабский полк, более всех Других истекавший кровью, так доблестно прикрывал и общее отступление, а во дни Врангеля, год спустя, пробрался поодиночке из разных мест в Польшу, к своему вождю и основателю генералу Перемикину, чтобы снова стать под его водительство? Да только потому, что каждый стрелок в ней, каждый конник, каждый наводчик, каждый автомобилист шел освобождать сознательно свою родину. Совсем забыты были у них разность интересов и отдаленность губерний Псковской и Тамбовской. Оттого-то их с такой теплой душой встречало и с терпкой печалью провожало крестьянство, которое безупречно служило им в качестве возчиков, проводников и добрых хозяев. Оттого-то белый солдат и мог свободно проявлять самое важное во всякой и самое драгоценное в гражданской войне качество – личную инициативу.

Еще говорили об отсутствии единой главноначальствующей воли и указывали на это как на причину отсутствия ответственности у должностных лиц, которые не хотели отбросить самостоятельных партизанских приемов и руководились личными соображениями.

Формальный глава армии существовал. Это был генерал Юденич, доблестный, храбрый солдат, честный человек и хороший военачальник. Но из всех русских известных современных полководцев, которые сумели бы мощно овладеть душами, сердцем и волею этой совсем необыкновенной армии, я

могу представить себе только генерала Лечицкого. Генерал Юденич только раз показался на театре военных действий, а именно тотчас же после взятия Гатчины. Побывал в ней, навестил Царское Село, Красное и в тот же день отбыл в Ревель. Конечно, очень ценно было бы, в интересах армии, если бы генерал Юденич, находясь в тылу, умел дипломатически воздействовать на англичан и эстонцев, добиваясь от них обещанной реальной помощи.

Но по натуре храбрый покоритель Эрзерума был в душе – капитан Тушин, так славно изображенный Толстым. Он не умел с ними разговаривать, стеснялся перед апломбом англичан и перед общей тайной политикой иностранцев. Надо сказать правду: он раз проявил несомненно большое достоинство. Это было в тот день, когда английский генерал Мэрч (или Гоф?) велел в срок сорока минут составиться Северо-Западному правительству, хотел начать договорной акт параграфом: «Войдя в Петербург и свергнув большевистскую власть, эстонцы, при помощи Северо-Западного правительства и его армии, устраивают Россию на демократических началах».

Этой глупости не выдержало закаленное сердце старого воина. Он протестовал так решительно, что бритый англичанин с огромным подбородком должен был сдаться.

Единый вождь в этой особенной войне должен был бы непременно показываться как можно чаще перед этим солдатом. Солдат здесь проявлял сверхъестественную храбрость, неописуемое мужество, величайшее терпение, но безмолвно требовал от генерала и офицера высокого примера. В офицерском составе уживались лишь люди чрезмерно высоких боевых качеств. В этой армии нельзя было услышать про офицера таких определений, как храбрый, смелый, отважный, геройский и так далее. Было два определения: «хороший офицер» или, изредка, «да, если в руках». Там генералы Родзянко и Пален, оба высоченные гиганты, в светлых шинелях офицерского сукна, с оружием, которое в их руках казалось игрушечным, ходили в атаку, впереди цепей, посылая большевикам оглушительные угрозы. Там Перемикин ездил впереди танка, показывая ему путь под огнем из бронепоездов, под перекрестной пальбой красных цепей, сидя на своей серой лошади.

Что же касается того, что военачальники руководствовались лишь личными соображениями, выходя из общего плана, то вряд ли это верно.

По объявлении похода армия пошла в наступление семью колоннами, каждая в ином направлении. Неминуемо случалось то, что колонны теряли связь в болотистых и лесных местностях,

тем более что красные, отступая, не только перерезали телеграфные проволоки, но и срубали столбы. Двигались они, руководимые каким-то звериным чутьем, птичьим инстинктом, но пришли вовремя и еще при сближении помогали одна другой в атаках энергичной поддержкой. Вот вам и партизанская война.

Был, правда, один ужасный, прискорбный случай сознательного неповиновения генерала приказу. Я говорю о генерале – офицере Генерального штаба Ветренко… О нем после. Но нельзя же на одном несчастном случае строить огульные выводы.

Лунатики

Состав северозападников не был постоянным: он имел текучий, меняющийся характер.

Во время весеннего налета на форт Красная Горка значительная часть гарнизона перешла, без боя, на сторону белых: образовался Красногорский полк. Ушли к белым посланные против них вятичи – вот и Вятский полк.

В тот же период двинуло красное командование и в тыловой обход белых Семеновский (бывший лейб-гвардии) полк – «полк внутренней охраны Петрограда», как его называли официально. Странным, загадочным, непонятным было существование Семеновского полка после революции и особенно отношение к нему большевиков. Этот полк, так круто расправившийся с московским восстанием в 1906 году, жил в прежних казармах, по прежнему укладу, нес караульную службу по охране Государственного банка, Казначейства и других верных пунктов и как бы находился под особым покровительством. Зайдя в тыл белых у Выры, он с музыкой перешел в Северо-Западную армию, убив сначала своих комиссаров и красных фельдфебелей (один из них застрелился). Полк так и сохранил навсегда свое старинное Петровское имя.

Проходили иногда сквозь состав Северо-Западной армии необыкновенные, удивительные части, характера, так сказать, гастрольного. Таков был, например, знаменитый Тульский батальон. О нем до сих пор старые солдаты и офицеры Северного корпуса вспоминают со смехом и с восхищением.

В пору бешеного нажима большевиков на крестьян, когда предавались огню, разрушению и сравнивались с землею (речь Троцкого) целые села и деревни, произошло маленькое чудо. Вооружившись как попало, этот отряд пошел наудалую разыскивать то самое место, где бьют большевиков. Блуждая по лицу земли Русской, они, кажется, хотели попасть к Деникину, но

попали сначала к Петлюре, потом в Польшу. У Петлюры им «шибко не показалось», поляки их не приняли. Наконец, в Пскове им удалось набрести на настоящих истребителей большевизма. Тут они и остались, поступив в распоряжение Северного корпуса, под наименованием Тульского батальона.

Я до сих пор не знаю, никогда не мог добиться: кто из командования считался главным, непосредственным начальником туляков. Дрались они с несравненной, безумной храбростью. Вышибать неприятеля из деревень, брать молниеносной атакой мосты и другие узкие опасные проходы – было точно их любимой специальностью. Побежденным они никогда не давали пощады. В крепких, жестких руках из Тульского батальона мог бы выработаться превосходный боевой материал. И надо сказать, что среди офицеров Северного корпуса было достаточно людей с железной волей. Однако подчинить туляков хотя бы первым, основным началам воинской дисциплины оказалось немыслимым. Так они успели озвереть в долгом гуртовом бродяжничестве. Таких грабителей, мародеров, плутов и ослушников свет не видывал. Ни наказания, ни уговоры на них не действовали. Пришлось при основательной чистке Северо-Западной армии перед походом на Петербург расстаться с удивительным Тульским батальоном, то есть, вернее, с его жалкими остатками, ибо большинство туляков погибло в боях. Жили грешно – умерли с честью.

Формировались полки и добавлялись, можно сказать, по ходу. Иногда по составам батальонов можно было проследить историю полка, как историю земли по геологическим наслоениям. Вот, например, знаменитый Талабский полк:

1-й батальон: рыбаки с Талабских островов (Великое озеро, близ Чудского). Это основа и первый кадр.

2-й батальон: старообрядцы и жители подгатчинских сел (вторые – превосходные проводники).

3-й батальон: вятичи и пленные матросы (матросы были превосходными бойцами).

Во все три батальона в значительном количестве вошла учащаяся молодежь Ямбурга и других ближних мест. Большинство этих юношей не вернулись домой. Погибли.

Да! Великую, кровавую, святую жертву родине принесли русские юноши и даже мальчики на всех фронтах, во всех боях ужасной Гражданской войны.

По этому списку можно догадаться о путях полка.

О Талабском полке и о 2-й дивизии, в которую он входил (Островский – 500 штыков; Талабский – 1000; Уральский – 450; Семеновский – 500; и эти числа лишь в начале похода) – о них

мне придется упоминать особенно часто. И вовсе не потому, что эти части отличались от других боевыми или легендарными чертами. Нет, все полки в Северо-Западной армии были выше похвал, и об их великих подвигах думаешь невольно теперь как о великой сказке. Я порой недоумеваю: почему это никогда не слышно и в газетах нет ничего о вечерах, собраниях или Обществе северозападников. И мне кажется, что эти люди сделали так много непосильного для человека, преодолели в такой громадной мере инстинкт самосохранения, пережили такое сверхчеловеческое напряжение физических и нравственных сил, что для них тяжким стало воспоминание.

Так, лунатик, перешедший ночью по тонкой гибкой дощечке с пятого этажа одного дома на пятый другого, – взглянет днем с этой высоты вниз, и у него побледнеет сердце и закружится голова.

Нет, только волей случайности мне удалось больше всего слышать о 2-й дивизии и чаще входить в общение с талабчанами. Кроме того, эти части по капризным велениям военной судьбы принуждены были – в наступлении на Петербург, в боях вокруг Гатчины, Красного и Царского и в отступлении – играть, поневоле, ежедневно тяжелую и решительную роль.

Вот, вкратце, несколько боевых дней 2-й дивизии. Обратите внимание на числа.

9 октября. Конница начинает активные операции. Правофланговый полк дивизии, под энергичным руководством своего командира полковника Перемикина, на рассвете переходит в наступление в районе озера Тягерского и решительным ударом занимает ряд неприятельских деревень.

10 октября. Талабский полк развивает достигнутый успех, занимает деревню Хилок, переправляется через Лугу, укрепляется в деревне Гостятино. Островцы с боем переправляются через Лугу у Редежи. Семеновцы атакуют красных у Собской переправы.

11-го ночью Талабский полк подходит к станции Волосово, давая возможность белой кавалерии продолжать свою задачу.

12-го Талабский полк подлетает к станции Волосово и с налета опрокидывает находящиеся здесь красные части.

13–16 октября. Полки Островский и Семеновский. Бои в Кикерине, Елизаветиной, у Шпанькова, стычка на гатчинских позициях. Вечером 16-го Талабский полк под Гатчиной.

17 октября. Без остановки в Гатчине полки 2-й дивизии (теперь под начальством генерала Перемикина) опрокидывают и сминают засевшие около города красные отряды и заставы, немедленно идут дальше и занимают позиции Пеггелево – Шаглино.

18 октября. Части дивизии широким фронтом продвигаются к Царскому. Талабский полк к вечеру выбивает из деревни Бугор противника.

19 и 20 октября. Ожесточенные, непрерывные бои около деревни Онтолово. Перемикин отказывается от фронтового движения и предпринимает обходное. Отборные курсанты и личная сотня Троцкого его встречают пением Интернационала. Атаки талабцев дважды отбиты. Коммунисты сами пытаются перейти в наступление. Громадную помощь красным оказывают бронепоезда «Аенин», «Троцкий» и «Черномор», свободно маневрировавшие по Варшавской и Балтийской железной дороге, 20-го утром в Гатчину прибыли новые (французские) танки и спешно отправлены в Онтолово. Однако доблестные талабцы взяли-таки упорно оборонявшуюся деревню и заставили красных отступить. К вечеру 20-го бригада 2-й дивизии сбила противника и подошла к Царскому.

21 октября. Бой за обладание Царским. 2-й батальон Талабского полка на рассвете исполняет обходную задачу и неожиданным ударом занимает Царскосельский вокзал.

Итого тринадцать дней беспрерывных боев. Затем следует переброска дивизии на левый фланг для ликвидации прорывов в Кипени и Волосове. И все – без отдыха. Жутко подумать, на что способен может быть человек!

Купол Святого Исаакия Далматского

В день вступления Северо-Западной армии в Гатчину высшее командование дает приказ начальнику 3-й дивизии генералу Ветренко: свернуть немедленно на восток, идти форсированным маршем вдоль ветки, соединяющей Гатчину с Николаевской железной дорогой, и, достигнув станции Тосно, привести в негодность Николаевскую дорогу, дабы прервать сообщение Москва – Петербург.

Ветренко ослушался прямого приказа. Он продвигается к северу на правом фланге, подпирает слегка наступление Перемикина, затем под прикрытием 2-й армии уклоняется вправо, чтобы занять Павловск. На тревожный телеграфный запрос штаба он отвечает, что дорога Гатчина – Тосно испорчена дождями и что Павловск им необходимо взять в целях тактических. Совсем непонятно, почему Главнокомандующий не приказал расстрелять Ветренко и не бросил на Тосно другую часть; вернее всего предположить, что под руками не было резервов.

Но упустили время. Троцкий с дьявольской энергией швырял

из Москвы эшелон за эшелоном отряды красных курсантов, коммунистов, матросов, сильную артиллерию, башкиров… Разведка Талабского полка по распоряжению Перемикина быстро пробралась к Тосно. Но было уже поздно. Подступы к станции были сплошь забаррикадированы красными войсками.

Северозападники склонны объяснить непростительный поступок Ветренко его героическим и честолюбивым стремлением ворваться первым в Петербург. Сомневаюсь. Офицер Генерального штаба должен был понимать, что его упущение дало красным возможность усилить свою армию вдвое, да еще прекрасным боевым материалом. Более, чем множество других печальных обстоятельств, – его преступление было главной причиной неудачи наступления на Петербург.

Товарищеское мнение смягчило его вину, ибо «мертвые сраму не имут», а Ветренко, по слухам, скончался от тифа. А между тем впоследствии оказалось, что Ветренко не только выздоровел, но с женой и малолетним сыном перешел к большевикам. Таким образом, если даже 18 октября он и не замышлял измены и предательства, то, во всяком случае, его поведение в эту пору явилось для большевиков громадной услугой, а для него самого козырным тузом.

Утром я сидел по делу у бессонного капитана Ааврова. При мне пришел в комендантскую молодой офицер 1-й роты Талабского полка, посланный в штаб с донесением. Он торопился обратно в полк и забежал всего на секунду пожать руку старому командиру. Он был высокий, рыжеватый, полный, с круглым, потным, безволосым лицом. Глаза его сияли веселым, рыжим – нет, даже золотым светом, и говорил он с таким радостным возбуждением, что на губах у него вскакивали и лопались пузыри.

– Понимаете, господин капитан. Средняя Рогатка… – говорил он, еще задыхаясь от бега, – это на север к Пулкову. Стрелок мне кричит: смотрите, смотрите, господин поручик, кумпол! кумпол! Я смотрю за его пальцем… а солнце только-только стало восходить… Гляжу, – батюшки мои, господи! – действительно, блестит купол Исаакия, он, милый, единственный на свете. Здания не видно, а купол так и светит, так и переливается, так и дрожит в воздухе.

– Не ошиблись ли, поручик? – спросил Лавров.

– О! Мне ошибиться, что вы! Я с третьего класса Пажеского знаю его как родного. Он, он, красавец. Купол святого Далматского! Господи, как хорошо!

Он перекрестился. Встал с дивана длинный Лавров. Сделал то же и я.

Весть эта обежала всю Гатчину, как электрический ток. Весь

день я только и слышал о куполе Святого Исаакия. Какое счастье дает надежда. Ее называют крылатой, и правда, от нее расширяется сердце и душа стремится ввысь, в синее, холодное осеннее небо.

Свобода! Какое чудесное и влекущее слово! Ходить, ездить, спать, есть, говорить, думать, молиться, работать – все это завтра можно будет делать без идиотского контроля, без выклянченного унижающего разрешения, без грубого вздорного запрета. И главное – неприкосновенность дома, жилья… Свобода!

После обеда в корпусном штабе был другой офицер, кажется, Семеновского полка. Он рассказывал, что один из белых разъездов, нащупывающий подступы к Петербургу, так забрался вперед, что совсем невдалеке мог видеть арку Нарвских ворот. Позднее другой разъезд обстрелял какой-то из трамваев, в которых Троцкий перебрасывал пачки курсантов на вокзалы.

Быстротечные, краткие дни упоительных надежд! На правом фланге белые пробирались к Пулкову II, где снова могли бы перехватить Николаевскую дорогу. Слева они заняли последовательно Тайцы, Дудергоф, Лигово и докатывались до Дачного, намереваясь начать поиск к Петергофу. Божество удачи было явно на стороне Северо-Западной армии.

Красные солдаты сдавались и переходили сотнями. Калечь отправлялась в тыл для обучения строю. Надежные бойцы вливались в состав белых полков и отлично дрались в их отрядах. У полководцев, искушенных боевым опытом, есть непостижимый дар узнавать по первому быстрому взору ценного воина, подобно тому как настоящий знаток лошадей, едва взглянув на коня, узнает безошибочно его возраст, нрав, достоинства и пороки.

Этим даром обладал в особенно высокой степени генерал Перемикин…

Этот необыкновенный человек обладал несомненным природным военным талантом, который только развивался вширь и вглубь от практики трех войн.

Злобности и мстивости не было у белых. Когда приводили пленных, то начальник части спрашивал: «Кто из вас коммунист?» Нередко двое-трое не задумываясь, громко и как бы с вызывающей гордостью откликались: «Я!» – «Отвести в сторону!» – приказывал начальник. Потом происходил обыск. Случалось, у некоторых солдат находились коммунистические билеты. Затем коммунистов уводили, и, таким образом, коммунисты в тыл не просачивались.

Многие коммунисты умирали смело. Вот что рассказывал офицер, которому, по наряду, пришлось присутствовать при расстреле двух коммунистов:

– По дороге я остановил конвой и спросил одного из них, красного, волосатого, худого и злющего: «Не хочешь ли помолиться?» Он отрыгнул такую бешеную хулу на Бога, Иисуса Христа и Владычицу Небесную, что мне сделалось противно. А когда я предложил то же самое другому, по одежде матросу, он наклонился к моему уху, насколько ему позволяла веревка, стягивающая сзади руки, и произнес тихо, с глубоким убеждением:

– Все равно Бог не простит нас.

Об этом «все равно Бог не простит…» стоит подумать побольше. Не сквозит ли в нем пламенная, но поруганная вера?

Курсанты дрались отчаянно. Они бросались на белые танки с голыми руками, вцеплялись в них и гибли десятками. Красные вожди обманули их уверениями, что танки поддельные: дерево-де, выкрашенное под цвет стальной брони. Они же внедряли в солдат ужас к белым, которые, по их словам, не только не дают пощады ни одному пленному, а напротив, прежде, чем казнить, подвергают лютым мукам.

Но и красные солдаты, а впоследствии курсанты и матросы, в день плена, присевши вечером к ротному котлу, не слыша ни брани, ни насмешки от недавних врагов, быстро оттаивали и отрясались от всех мерзостей большевистской пропаганды и от привитых рабских чувств.

– Прохожу я вдоль бивуака, – рассказывал мне один офицер, – вдруг чую, пахнет настоящим табаком, не махоркой. Тяну по запаху, как пойнтер. Смотрю, сидит в кругу незнакомый оборванный солдат и угощает соседей папиросами из бумажного пакета. Спрашиваю – откуда табак? Тот вскочил, видно, прежний еще солдат: «Так что еще утром раздавали паек, ваше благородие».

А один стрелок из рыбаков, не вставая (на отдыхе и за едою стрелки не встают), говорил на чистом талабском языке:

– Он только цицас пересодцы. Есцо сумущаетцы. Ницого парень. Оклемаетсцы.

А еще дальше пленный солдат объясняет, что терпеть до слез нельзя, когда белые поют… Про «Дуню Фомину» услышал, так и потянуло:

– Это тебе не тырнационал…

Большевики, должно быть, понимают, что песня порой бывает сильнее печатной прокламации. Полковник Ставский отобрал в Елизаветине у пленного комиссара донесение по начальству: «Идут густыми колоннами и поют старые песни…»

Перемикин говорил нередко стрелкам:

– Война не страшна ни мне, ни вам. Ужасно то, что братьям

довелось убивать братьев. Чем скорее мы ее покончим, тем меньше жертв. Потому забудем усталость. Станем появляться сразу во всех местах. Но жителей не обижать. Пленному первый кусок.

– Для большевиков всякий солдат, свой и чужой, – ходячее пушечное мясо. А для нас он прежде всего человек, брат и русский.

Отступление

Нет ничего в мире мудрее, вернее и страшнее русской поговорки: «Пришла беда – отворяй ворота».

Божество удачи отвернулось от самоотверженной горсточки железных людей, составлявших Северо-Западную армию. Теперь уже не ошибкам полководцев и, подавно, не качеству армии, а лишь стихийному нагромождению ужасных событий можно было приписывать трагическую судьбу.

Наступили холодные, дождливые дни и мокрые ночи, черные, как чернила, без единой звезды. По ночам было видно, как за непроницаемой тьмой далей полыхали зарева пожаров и бродили по небу, склонясь к земле, длинные, голубоватые лучи прожекторов. И там же воображение рисовало невидимых бессонных героев и страстотерпцев, совершающих, ради счастья родины, несказуемо великий подвиг.

Тревожные слухи дошли об неудержимом откате армии Деникина. Они оказались роковой правдой.

Англичане, обещавшие подкрепить движение белых на Петербург своим военным флотом, безмолвствуют, и лишь под занавес, когда большевики, в безмерно превосходных силах, теснят, окружают Белую армию и она уже думает об отступлении, лишь перед Красной Горкой появляется английский монитор и выпускает несколько снарядов с такой далекой дистанции, что они никому и ничему вреда не приносят.

Англичане обещали оружие, снаряды, обмундирование и продовольствие.

Лучше бы они ничего не обещали!

Ружья, присланные ими, выдержали не более трех выстрелов, после четвертого патрон так крепко заклинивался в дуле, что вытащить его возможно бывало только в мастерской.

Их танки были первейшего типа (времен войны Филиппа Македонского – горько острили в армии), постоянно чинились и, пройдя четверть версты, возвращались, хромая, в город. Французские «Бебе» были очень хороши, но командовали ими англичане, которые уверяли, что дело танков лишь производить

издали потрясающее моральное впечатление, а не участвовать в бою. В своей армии они этого не посмели бы сказать. Они развращали бездействием и русских офицеров, прикомандированных к танкам. Один Перемикин умел заставить эти танки продвигаться в гущу боя. Однажды, когда англичане, сидевшие в «Бебе», отказались идти вперед, Перемикин слез с коня и постучался в дверцу. Вышел высокий белокурый офицер в английском военном платье. Перемикин поглядел на него и спросил:

– Кто вы?

Тот отвечал по-английски:

– Офицер британской армии.

Перемикин гневно повысил голос:

– Я спрашиваю: какой вы нации?

– Русский, ваше превосходительство.

– Так передайте англичанам, что если ровно через три минуты танк не двинется вперед, то я вас всех расстреляю.

Танк двинулся.

Англичане присылали аэропланы, но к ним прикладывали неподходящие пропеллеры; пулеметы – и к ним несоответствующие ленты; орудия – и к ним неразрывающиеся шрапнели и гранаты. Однажды они прислали тридцать шесть грузовых пароходных мест. Оказалось – фехтовальные принадлежности: рапиры, нагрудники, маски, перчатки. Спрашиваемые впоследствии англичане с бледными улыбками говорили, что во всем виноваты рабочие-социалисты, которые-де не позволяли грузить материалы для борьбы, угрожающей братьям-большевикам.

Англичане обещали американское продовольствие для армии и для петербургского населения; обещали добавочный комплект американского обмундирования и белья, на случай увеличения армии новыми бойцами, переходящими от большевиков. И действительно, эти обещания они сдержали. Ревельские склады, интендантские магазины, портовые амбары ломились от американского хлеба, сала, свинины, белья и одежды; все эти предметы служили предметом бешеной тыловой спекуляции и растрат. В Белую армию разновременно влилось около двадцати тысяч красных, солдат и жителей-добровольцев, но все они были разуты, раздеты и безоружны. К тому же их вскоре нечем стало кормить. А английский представитель в Ревеле Мэрч (или Гоф?) уже сносился по телефону с петербургскими большевиками.

Несмотря на то что железнодорожный мост через Нарву, разрушенный большевиками, был восстановлен в середине наступления, продовольствие просачивалось тоненькой струйкой,

по капелькам. Не только жителям пригорода невозможно было дать обещанного хлеба – кадровый состав армии недоедал. На требование провианта из тыла отвечали: продовольствие предназначено для жителей Петербурга, после его очищения от большевиков, и мы не смеем его трогать; изыскивайте местные средства. Удивительная рекомендация: снимать одежду с голого.

Лучше бы англичане совсем ничего не обещали, чем дать обещание и не исполнить его. Голодного не насытить хлебом из папье-маше, жаждущего не напоить морской водой.

Северо-Западное правительство было бессильно. Из него, вскоре после его основания, вышли покойный ныне В.Д. Кузьмин-Караваев, А.В. Карташев и М.Н. Суворов, возмущенные обращением англичан Мэрча (или Гофа) с русскими людьми и русскими интересами. В 1920 году они втроем выпустили брошюру о Северо-Западном правительстве, которую, несмотря на ее деловую сухость, ни один русский не может читать без волнения и гнева. Но авторы ее не могли сказать всего до конца. В послесловии они упоминают, что многих вещей им в теперешние дни нельзя писать, но что они непременно вернутся к ним при других обстоятельствах. Так и не вернулись.

После этого ухода состав Северо-Западного правительства оказался ничтожным. Но остался в нем до конца событий один человек, принимавший горячо и близко к сердцу тяжелую судьбу армии, а также боли, нужды и лишения беженцев. Это – С.Г. Лианозов. Спокойствие его, выдержанность и независимость умели пробивать эгоистическое равнодушие англичан, и за все, что он сделал для русских, глубокая ему признательность.

Северо-Западная армия изнуряется и тает в бесчисленных боях. Все резервы пущены в дело. Инициатива переходит в руки красных. Дивизия генерала Дзерожинского – последний ресурс – подкрепляет правый фланг фронта, но большевики делают на левом прорыв наших войск у Кипени. Ликвидация прорыва поручается генералу Перемикину.

Он с Талабским и Семеновским полками спешно перебрасывается с правого на левый фланг. Он присоединяет к себе в ударную группу еще два полка и два французских танка «Бебе», только что привезенных из Финляндии. Перед вечером (27-го) занимает Первелево, вечером того же дня комбинированным обходом занимает Кипень и шлет в Витино вслед обходной колонны большевиков Конно-Егерский полк. Затем бои в Каскове, Сокули, Волковицах. Приходит на помощь Родзянко с танковым десантным батальоном и со своей личной сотней. Удивительный был воин Родзянко. Он как будто бы, после момента, когда Юденич перенял у него главнокомандование,

нигде не состоял и никому не подчинялся. Но едва стоило какой-нибудь части, исполнявшей почти несбыточное назначение, очутиться в тяжелом положении, он каким-то чудом являлся на помощь со своей сотней и с прихваченными по пути вспомогательными средствами. Правда, был он по натуре великолепный и нетерпеливый всадник.

Далее идут Малково, шоссе Кипень – Гатчина, Ропша, куда Перемикин врывается на плечах большевиков и захватывает грузовик, орудия и 400 пленных. Затем Высоцкое и Высокая. Генерал Перемикин надеется занять к утру Красное. Но вдруг несчастные события на правом фланге заставляют штаб дать Перемикину распоряжения прекратить всякие операции против Красного Села и принять участие в общем отступлении.

Перемикин телеграфировал главнокомандованию: «Передо мной свободная дорога на Петербург. Войду без препятствий». Второй приказ из штаба, и разъяренный лев подчиняется.

Талабский полк покидает Гатчину после всех. Он обеспечивает мелкими, но частыми арьергардными атаками отступление армии и великого множества беженцев из питерских пригородов. Наступает зима. У Нарвы русские полки не пропускаются за проволочное ограждение эстонцами. Люди кучами замерзают в эту ночь. Потом Нарва, Ревель и бараки, заваленные русскими воинами, умирающими от тифа. В бараках солдаты служили офицерам и офицеры солдатам. Но это уже не моя тема.

Я только склоняю почтительно голову перед героями всех добровольческих армий и отрядов, полагавших бескорыстно и самоотверженно душу свою за други своя.

А. Юденич[281]
Воспоминания[282]

После захвата власти большевиками мы перебрались на квартиру, в то время свободную, адмирала Хоменко на Каменноостровском проспекте, в доме Страхового общества «Россия». В доме была масса различных большевистских учреждений. Соседство было не из приятных. Но старший дворник, когда мы переезжали, сказал Н.Н.[5] «Генерал, будьте покойны, мы вас убережем».

По приезде в Петроград Н.Н. пошел в Государственный банк, чтобы взять какую-то сумму денег из своих сбережений. Чиновники, узнав, что пришел генерал Юденич, обступили его, горячо его приветствовали и посоветовали немедленно взять все деньги на руки, где бы они ни были, продать недвижимость и сохранять все у себя. Тогда мы продали дом в Тифлисе и земли в Кисловодске. Насколько был полезен их совет, мы поняли только впоследствии, когда оказались в эмиграции. Средства эти дали возможность и нам жить, и многим… многим помочь.

* * *

Н.Н., назначив Ликвидационную комиссию и передав командование Северо-Западной армией генералу Глазенапу, приехал из Нарвы в Ревель за мною, чтобы уехать из Эстонии. Накануне нашего отъезда в Гельсингфорс вечером собрались наши друзья. Когда они ушли, распрощавшись с нами и пожелав нам счастливого пути, вдруг раздался стук в дверь. Я не хотела открывать, но слышу голос хозяйки гостиницы: «Госпожа Юденич, вам надо открыть дверь, так как здесь прокурор и эстонская полиция». Я открыла дверь, и в комнату ворвалось с десяток партизан Балаховича с ним во главе, в эстонской форме, так как они в свое время дезертировали из Северо-Западной армии к эстонцам. Я спросила, что им нужно. Балахович на это ответил: «Мы приехали просить генерала проехать с нами в ближайшее имение, дня на 2 или 3 для получения от него нужных нам справок, после чего он вернется к вам». Я сказала, что буду сопровождать мужа. Н.Н. шепнул мне: «Оставайся». Очень медленно я собрала ему вещи, вложив туда и револьвер, после чего мы все спустились вниз. Там в зале ждал адъютант Н.Н., капитан Покотило[283], с револьвером, который заявил, что будет

сопровождать генерала. Балахович на это заметил: «Очень хотел бы иметь такого адъютанта». Все вышли из гостиницы, разместились по саням, и Балахович приказал ехать на вокзал. Бывшие с этой бандой дезертиров эстонские полицейские заявили, что по закону они обязаны заехать сначала в комендатуру. Там они звонили министру внутренних дел Галату и получили в ответ: «Делать, что приказано». Все это взяло известное время, что оказалось очень важным, так как, приехав на вокзал, уже не застали там поезда, идущего прямо на Москву. Пришлось взять стоящий на вокзале, идущий только до границы. Н.Н. и его адъютанта посадили в разных купе под охраной вооруженных эстонских солдат.

Поезд был уже много часов в движении, когда внезапно его остановили, не доехав до пограничной станции, откуда шел путь на Москву и… картина переменилась. Охрана была снята с купе, в которых были Н.Н. и его адъютант, а под охрану были взяты Балахович и его окружение. Поезд вернулся до ближайшей станции, где вагон с Н.Н. и арестованным Балаховичем был отцеплен и через несколько минут был прицеплен к поезду, идущему в Ревель.

Что же произошло за это время в Ревеле?

Гостиница, где я осталась, была окружена эстонскими солдатами, которые никого не впускали и не выпускали из нее. Капитан Алексеев, бывший в то время в той же гостинице, служивший во французской миссии переводчиком, вышел из гостиницы, так как он был во французской форме и его эстонцы пропустили. Выходя, он мне сказал, что постарается сделать все возможное, чтобы вырвать Н.Н. из рук Балаховича. Он сейчас же ночью поехал к командующему армией Эстонии генералу Лайдонеру, но тот его не принял. Тогда капитан Алексеев зашел к сыну генерала Щербачева[284], присланного отцом к Н.Н. из Румынии в его штаб, и они вместе поехали в миссии: французскую, английскую и американскую, и довели до сведения о происшедшем с Н.Н. представителей этих миссий. Представители этих трех государств в то же утро потребовали созвания Совета эстонских министров и заявили им, что требуют немедленного возвращения генерала Юденича, и если к 6 часам вечера он не будет в Ревеле, то они все покинут Эстонию. Эстонцы, видимо, поняли, что перестарались.

Нетрудно себе представить, в каком я была состоянии, когда мне утром, после бессонной ночи, доложили, что меня хочет видеть представитель английской миссии полковник Александер. Он приехал ко мне с предложением немедленно переехать в Английскую миссию и рассказал о требовании представительств,

предъявленном эстонскому правительству о возвращении генерала Юденича не позже 6 часов вечера в Ревель. Я поблагодарила его за приглашение, сказав, что охотно им воспользуемся, как только вернется мой муж. Через несколько минут после его ухода докладывают, что начальник штаба эстонских войск просит принять его. Он мне предложил не покидать гостиницы, говоря, что я буду здесь находиться под охраной эстонского штаба и правительства. Я ответила, что только что приняла приглашение представителя Английской миссии, у них мне будет спокойней, а доверять эстонцам не могу после того, что случилось с мужем.

Тяжело тянулось время до 6 часов вечера, когда действительно вернулся Н.Н. с адъютантом, представителями миссий, адмиралом Нилкиным[285] и генералом Глазенапом. С общего одобрения решили переночевать в этой злополучной гостинице, как это и было неприятно, раз нам гарантировал безопасность эстонский штаб. Утром мы переехали в Английскую миссию к гостеприимному хозяину полковнику Александеру.

Так эстонскому правительству и не удалось или выполнить один из пунктов мирного договора с большевиками, или что-то выторговать от них ценою выдачи генерала Юденича.

* * *

Однако выехать из Эстонии было не так просто. Эстонское правительство, не имея средств, требовало от Н.Н. передачи им всех средств, находящихся в Лондонском банке, переведенных адмиралом Колчаком на нужды Северо-Западной армии. Но хотя этот план эстонцев и был разрушен союзными миссиями, однако эстонское правительство настаивало на выдаче генералом Юденичем обязательства, что «все капиталы и имущество, где бы они ни находились, находящиеся сейчас и в будущем в его распоряжении, он обязан сдать эстонскому правительству сейчас и в будущем». Только по получении такого обязательства эстонское правительство обещало дать Н.Н. разрешение на выезд. Н.Н. категорически отказался дать такое обязательство. Это нахальство эстонского правительства очень поразило полковника Александера и его штаб.

Надо было найти выход и спасаться. Н.Н. убедил меня выехать одной в Финляндию, так как ему с капитаном Покотило будет удобнее самим найти возможность покинуть Эстонию. После долгих хлопот Совет министров дал мне право на выезд, и я переехала Финский залив.

Полковник Александер предложил Н.Н. быть готовым ежеминутно к отъезду. И действительно, благодаря его содействию Н.Н. был переправлен в Ригу с адъютантом в специальном поезде Английской миссии.

Неоценимую услугу оказал полковник Александер Н.Н., но за это его не поблагодарило его начальство…

* * *

В Латвии чины Английской миссии преподнесли Н.Н. чудный старинный кубок с выгравированным на нем гербом XVI века и надписью по-английски: «От некоторых офицеров Английской миссии в Прибалтике». Кубок этот хранится в Русском Военном музее в Сан-Франциско, США.

* * *

Будучи в Копенгагене, Н.Н. был принят Вдовствующей Императрицей Марией Феодоровной. Императрица много расспрашивала Н.Н. о его службе в армии и о Белом движении. При прощании Императрица выразила желание встретиться со мною. На другой день я представилась Императрице.

* * *

Будучи в Лондоне, Н.Н. считал себя туристом, почему и не делал никаких официальных визитов и отказался встретиться с репортерами, что их очень огорчило. Единственный, кому Н.Н. сделал визит, – это сэр Уинстон Черчилль, так как он единственный, кто старался помочь Белому движению и, видимо, предугадывал опасность коммунизма для всего мира.

Н.Н. не считал англичан союзниками, так как они были противниками восстановления России. Это не было в их интересах.

* * *

В Париже Н.Н. сделал визит русскому послу Сазонову. На вопрос Сазонова, почему не удалось наступление на Петроград со стороны Финляндии, Н.Н. ответил: «Благодаря вам». Сазонов

вскочил удивленный. Н.Н. сказал: «Вы помешали моему соглашению с генералом Маннергеймом, который за содействие Белому движению требовал признания независимости Финляндии. Ведь мое обещание, которым генерал Маннергейм готов был удовлетвориться, не имело бы силы закона, а вы и в этом меня не поддержали».

* * *

В русском консульстве Н.Н. узнал от г-на Базили о крушении Южного фронта, о генерале Врангеле и его ответе на телеграмму Н.Н. с предложением в его распоряжение себя, остатков военных сил, материала и денежного фонда в Лондоне.

Там же Н.Н. узнал, что «Совет Послов» во главе со Львовым, куда вошел и Савинков, впоследствии перешедший к большевикам, потребовал, чтобы все остатки средств, ассигнованных вождям Белого движения, были переданы этому Совету и что посол Гулькевич, не сообщив ничего Н.Н. и не получив от Н.Н. указаний, сдал этому Совету остаток от фонда для Северо-Западной армии.

Через несколько лет направленной Н.Н. с письмом к этому Совету в Париже г-же Кальпш, обратившейся за помощью для устроенных ею в Эстонии госпиталей для русских изувеченных воинов, в этом Совете ответили, что денег у них больше не осталось, и на удивленный вопрос ее добавили: «Так между пальцами и разошлись».

* * *

Похоронен Н.Н. был с воинскими почестями и бесконечным количеством венков, сначала в Каннах в Нижней церкви, но потом я гроб его перевезла в Ниццу и похоронила на кладбище «Кокад». При похоронах Н.Н., как кавалера ордена Почетного легиона, полагалось воздание воинских почестей от Французской армии, но г-н Даладье, бывший тогда военным министром, запретил их. Да будет это на его совести… Военные французы, кавалеры этого ордена, были возмущены до глубины души таким запрещением.

Комментарии

[1] **Светлейший князь Ливен Анатолий Павлович,** р. 16 ноября 1873 г. в Санкт-Петербурге. Гимназия, Санкт-Петербургский университет (1895), Николаевское кавалерийское училище (экзамен) (1896). Ротмистр Кавалергардского полка. Георгиевский кавалер. В 1918 г. участник организации добровольческих частей в Прибалтике. В январе 1919 г. сформировал и возглавил «Либавский добровольческий стрелковый отряд», с января 1919 г. командующий Либавской добровольческой группой, соединившейся с Северо-Западной армией; с лета по декабрь 1919 г. начальник 5-й пехотной дивизии. Тяжело ранен 24 мая 1919 г., с июля 1919 г. за границей. Полковник (с 6 августа или 22 мая 1919 г.). В эмиграции в Париже и Латвии. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г., в 1931 г. возглавлял Общество взаимопомощи военнослужащих в Латвии. Умер 3 апреля 1937 г. в Кеммерне (Латвия).

[2] Впервые опубликовано анонимно (без согласия автора) в Архиве Русской революции. Т. II. Берлин, 1922, под названием «Из секретного доклада. О причинах неудачи борьбы с большевиками на Северо-Западном фронте». Более полный вариант см.: Памятка Ливенца. 1919–1929. Рига, 1929. В настоящем издании текст приводится в основном по последнему изданию, за исключением некоторых фрагментов, которые в первом издании изложены более подробно.

[3] **Миллер Евгений Людвиг Карлович,** р. 25 сентября 1867 г. в Динабурге. Из дворян Санкт-Петербургской губ. Николаевский кадетский корпус (1884), Николаевское кавалерийское училище (1886), академия Генштаба (1892). Офицер л. – гв. Гусарского полка. Генерал-лейтенант, представитель Ставки при итальянской главной квартире. В белых войсках Северного фронта; с 15 января 1919 г. генерал-губернатор Северной области, член правительства: заведующий отделом иностранных дел Главнокомандующего Северного фронта, с мая 1919 г. Главнокомандующий войсками Северной области, с 10 июня 1919 г. Главнокомандующий войсками Северного фронта, с сентября 1919 г. Главный начальник Северного края, с марта 1920 г. заместитель председателя ВПСО. В эмиграции Главноуполномоченный Главнокомандующего Русской Армией в Париже, с марта 1922 г. начальник штаба Русской Армии, с ноября 1922 г. помощник Главнокомандующего Русской Армией. С 1 сентября по 23 декабря 1924 г. начальник 1-го отдела РОВС, с

декабря 1923 г. состоял при Великом князе Николае Николаевиче, с 29 апреля 1928 г. помощник председателя РОВС, с 26 января 1930 г. председатель РОВС, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба. Состоял также председателем Объединения офицеров 7-го гусарского полка, Общества взаимопомощи бывших воспитанников Николаевского кавалерийского училища, Общества северян. Похищен советскими агентами в 1938 г. в Париже и расстрелян 11 мая 1939 г. в Москве.

[4] **Барон Маннергейм Карл Густав Эмиль Карлович,** р. 4 июня 1867 г. Гельсингфорский лицей, Николаевское кавалерийское училище (1889). Генерал-лейтенант, командир л. – гв. Уланского Его Величества полка, начальник отдельной гвардейской кавалерийской бригады, начальник 12-й кавалерийской дивизии, командир 6-го кавалерийского корпуса. Георгиевский кавалер. В эмиграции в Финляндии. Главнокомандующий Белой армией, к маю 1918 г. очистил Финляндию от красных, до июля 1919 г. регент Финляндии, с 1939 г. Главнокомандующий финской армией. Фельдмаршал. Умер 27 января 1951 г. в Швейцарии. Похоронен в Хельсинки.

[5] Командующий германскими войсками в Прибалтике.

[6] **Фон Неф Генрих Карл Тимолеон Генрихович,** р. 2 октября 1880 г. в Эстляндской губ. Пажеский корпус (1900). Полковник л. – гв. 4-го стрелкового полка. Георгиевский кавалер. В Северо-Западной армии с октября 1918 г.; с ноября 1918 г. командир 3-го Режицкого стрелкового полка Северной армии, с 22 ноября 1918 г. командующий Отдельным Псковским добровольческим корпусом, с июня 1919 г. начальник группы Северного корпуса, затем начальник запасных частей Северо-Западной армии (зачислен в сентябре 1919 г.), с декабря 1919 г. в резерве чинов при штабе армии. Генерал-майор (с 25 июля 1919 г.). В эмиграции в Эстонии (Таллин), на 23 ноября 1938 г. член полкового объединения, затем в Германии. Умер в 1950 г.

[7] **Булак-Булахович Станислав Мария Никодимович-Михайлович,** р. 10 февраля 1883 г. Из крестьян Ковенской губ. Произведен в офицеры за боевое отличие (1915). Штабс-ротмистр 2-го уланского полка. В Северо-Западной армии с 2 ноября 1918 г. (перешел с отрядом от красных), произведен в ротмистры, с ноября 1918 г. подполковник, организатор и начальник пехотной дивизии, с 1919 г. начальник южного участка Северного корпуса, с мая 1919 г. полковник. Генерал-майор (с июня 1919 г.). 24 августа 1919 г. исключен из армии и бежал в Эстонию. С 1920 г. командующий Русской Народной армией в Польше. Остался в Польше, директор лесных разработок. Убит 10 мая 1940 г.

в Варшаве.

[8] **Микоша Леонард Иванович.** Капитан. Георгиевский кавалер. В Северо-Западной армии (зачислен с основания армии); в октябре – ноябре 1918 г. начальник внешней обороны Пскова Псковского добровольческого корпуса, в мае 1919-го подполковник в Георгиевском полку Северного корпуса, с июня 1919-го, в декабре 1919 г. командир 1-го пехотного Георгиевского полка. Полковник (с 1 сентября 1919 г.).

[9] **Бибиков Георгий Евгеньевич,** р. *6* апреля 1881 г. Из дворян Владимирской губ. 1-й кадетский корпус (1893) (не окончил), Пажеский корпус (1900). Полковник л. – гв. Уланского Ее Величества полка. Георгиевский кавалер. В Северо-Западной армии; с октября 1918 г. командир конного партизанского отряда Отдельного Псковского добровольческого корпуса, с декабря 1918 г. заместитель командующего Отдельным Псковским добровольческим корпусом, с января 1919 г. начальник конного отряда, с 17 мая 1919 г. комендант Ямбургского уезда, с 5 августа 1919 г. в распоряжении Военно-гражданского управления, с декабря 1919 г. в Конно-егерском полку. В эмиграции в Германии, член «Союза Верных» и Союза офицеров Российской Армии и Флота, с 1920-х гг. во Франции, затем на Восточном побережье США. Умер 27 сентября 1971 г. в Нью-Йорке.

[10] **Фон Розенберг Владимир Германович.** Николаевское кавалерийское училище (1910), академия Генштаба. Ротмистр л. – гв. Кирасирского Ее Величества полка. Осенью 1918 г. участник монархической организации Н.Е. Маркова 2-го, вел подпольную работу в Красной армии. В Северо-Западной армии; инициатор и организатор Северной армии в Пскове, с 12 октября 1918 г. обер-квартирмейстер, с 16 ноября по 24 декабря 1918 г. начальник штаба Отдельного Псковского добровольческого корпуса, с 30 декабря 1918 г. по январь 1919 г. начальник штаба Либавского отряда, до 12 июля 1919 г. начальник военного отдела формирования 2-го Русского добровольческого корпуса в Берлине. В эмиграции на 1 января 1921 г. член объединения л. – гв. Кирасирского Ее Величества полка в Берлине.

[11] Воспоминания А.П. Родзянко приводятся ниже.

[12] Балтийский ландесвер. Добровольческое антибольшевистское формирование в Прибалтике. Инициатором его создания выступил в октябре 1918 г. капитан 1-го ранга барон Г.Н. Таубе. Формирование началось в конце октября 1918 г. в Риге при участии ротмистра светлейшего князя А.П. Ливена и капитана К.И. Дыдорова; 15 ноября было приступлено к формированию Рижского отряда охраны Балтийского края, в который входила и Русско-Сводная рота (капитан Дыдоров), и на

первом этапе практически все командование состояло из русских офицеров (командование предлагалось передать генералу Юновичу). Комплектовался остзейскими немцами: местной молодежью и служившими как в русской, так и в германской армиях. В середине ноября 1918 г. было сформировано 4 отряда, тремя из которых командовали офицеры русской службы, а также чисто русский отряд капитана К.И. Дыдорова и 3 латышские роты (всего около 1000 человек); обучением всех частей руководил русский полковник фон Струве. В составе ландесвера имелись батальоны, почти полностью состоявшие из офицеров. Ротами и эскадронами командовали русские офицеры остзейского происхождения. В союзе с латышскими национальными частями и русскими добровольческими отрядами вел тяжелые бои с собранными со всех фронтов и брошенными в Латвию красными латышскими полками. Позже (в мае – июне 1919 г.) вел также бои с эстонской армией. В январе 1919 г. в ландесвер поступило много германских офицеров и солдат-добровольцев, и он был преобразован по германскому образцу. Вследствие этого все русские офицеры оставили свои посты, и большинство, за исключением молодых, служивших рядовыми, вышли из его рядов, объединившись в Ливенском отряде. В июле по требованию англичан все германские офицеры покинули ландесвер, а осенью он был преобразован в латышский полк. Для его чинов был установлен нагрудный знак в виде черного железного прямоугольного креста, на который наложен такой же золоченый крест меньшего размера с лилиями на концах. Командиры: генерал барон Фрейтаг фон Лорингофен (октябрь 1918-го – январь 1919 г.), майор Флетчер (январь – июль 1919 г.), капитан 1-го ранга барон Г.Н. Таубе (с июля 1919 г.). Начштаба – полковник фон Рихтер. Командиры подразделений: лейтенант барон Мантейфель (убит), граф Рейтерн-Нолькен (убит), полковник барон Клейст, барон Ган, полковник Борнгаупт, полковник барон Деллингсгаузен, полковник В.Ф. Рар, капитан К.И. Дыдоров, граф Эйленбург, Гольдфельд, барон Раден, барон Энгельгардт, Мальмеде, ротмистр Реймерс и др.

[13] Воспоминания К.И. Дыдорова приводятся ниже.

[14] **Граф фон дер Пален Алексей Фридрих Леонид Петрович,** р. 22 марта 1874 г. Санкт-Петербургский университет (1895), Николаевское кавалерийское училище (1897). Полковник, старший офицер л. – гв. Конного полка, командир стрелкового полка 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Летом 1917 г. руководитель офицерской организацией в Петрограде. В Северо-Западной армии с января 1919 г.; в начале 1919 г. командир батальона Островского полка, в мае 1919 г. начальник боевого

участка, с 30 мая 1919 г. генерал-майор, командир 1-го стрелкового корпуса; с 22 января 1920 г. председатель ликвидационной комиссии Северо-Западной армии, затем начальник 2-й стрелковой дивизии в 3-й Русской армии в Польше. Генерал-лейтенант (12 октября 1919 г.). В эмиграции в Латвии. Умер *6* июля 1938 г. в Вайтенфельде.

[15] **Барон Фрейтаг фон Лорингофен Леон Балтазар Гастон,** р. в 1870 г. Николаевское кавалерийское училище (1893). Офицер л. – гв. Кирасирского Его Величества полка, командир 5-го пограничного конного полка. Генерал-майор. С декабря 1918 г. командующий Балтийским ландесвером.

[16] **Барон Ган Карл.** Поручик (ротмистр) 12-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. С декабря 1918-го по 17 июля 1919 г. начальник 1-го кавалерийского отряда Балтийского ландесвера, с 17 июля 1919 г. командир батальона Балтийского ландесвера. Подполковник.

[17] Имеется в виду **барон Вальтер Вильгельмович Драхенфельс.**

[18] **Барон фон Клейст Георгий Эммануил Артурович,** р. в 1877 г. В службе с 1897 г., офицером с 1899 г. Полковник 13-го гусарского полка. В феврале 1919 г. командир роты Ливенского отряда.

[19] **Эшшольц Владимир Владимирович,** р. в Эстляндской губ. Штабс-капитан. С марта 1919 г. командир пулеметной роты Ливенского отряда. В Северо-Западной армии (зачислен с 20 июля 1919 г.), в июне 1919 г. командир пулеметной роты в 1-м полку 5-й пехотной (Ливенской) дивизии, в декабре 1919 г. командир пулеметной роты той же дивизии. Капитан. В эмиграции в Эстонии, с 1931 г. возглавлял группу Союза Ливенцев в Юрьеве.

[20] **Бирих Вильгельм Генрихович.** Подполковник. В Северо-Западной армии; в феврале 1919 г. заведующий хозяйством Ливенского отряда, в мае 1919 г. начальник штаба того же отряда, с 15 октября 1919-го и в декабре 1919 г. командир 17-го пехотного Либавского полка. Полковник (с 19 декабря 1919 г.).

[21] Поручик Бакке был позже адъютантом штаба Западного корпуса, летом 1919 г. помощник старшего адъютанта штаба отряда князя Ливена.

[22] **Андерсон Ф.Н.** Поручик артиллерии. В Северо-Западной армии; в марте – апреле 1919 г. командир взвода батареи Балтийского ландесвера, командир батареи Ливенского отряда, с *6* августа 1919 г. штабс-капитан. Подполковник (к ноябрю 1919 г.).

[23] **Зелерт Ганс,** р. 30 июня 1897 г. в Гольдингене

Курляндской губ. Сын арендатора. 2-я Ораниенбаумская школа прапорщиков (1915). Штабс-капитан 85-го пехотного полка. В Добровольческой армии с конца 1917 г. в офицерской роте подполковника Чернова, затем в 3-й Киевской школе прапорщиков. В январе 1918 г. взят в плен, бежал, в марте 1918 г. в отряде полковника Дроздовского, с мая до лета 1918 г. в отряде полковника Семилетова в Донской армии. С февраля 1919 г. в Ливенском отряде в Прибалтике, с мая 1919 г. командир роты, с лета 1919 г. командир 3-го батальона 1-го полка 5-й (Ливенской) дивизии Северо-Западной армии. Капитан (с 1919 г.). Убит 19 октября 1919 г. под Лиговом.

[24] Имеется в виду полковник Рар, имени которого князь Ливен не называет по причине нахождения в то время его родственников на большевистской территории. Рар Владимир (Эрвин) Федорович, р. 23 января 1880 г. в Аренсбурге. Из дворян Лифляндской губ. Аренсбургская гимназия (1899), Алексеевское военное училище (1901). Полковник, командир батальона 4-го гренадерского полка. Участник боев в Москве в октябре 1917 г. во главе кадет 1-го Московского кадетского корпуса. Осенью 1918 г. командир 4-го отряда Балтийского ландесвера, с начала 1919 г. помощник командира отряда светлейшего князя Ливена. Умер от тифа 18–24 марта 1919 г. в Митаве.

[25] **Потоцкий Дмитрий Николаевич,** р. 5 ноября 1880 г. Из дворян, сын офицера. Пажеский корпус (1900), академия Генштаба (1909). Офицер л. – гв. Казачьего полка. Генерал-майор, начальник 7-й Донской казачьей дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; с ноября 1917 г. комендант и командующий войсками Ростова. Взят в плен в декабре 1917 г., бежал в Киев, с конца 1918 г. председатель комиссии по вопросу о военнопленных, с начала 1919 г. в Германии, уполномоченный Красного Креста. В 1920–1923 гг. военный агент и представитель Главнокомандующего в Югославии. В эмиграции в Югославии, Франции и Алжире; с 1931 г. секретарь Офицерского общества лейб-казаков, на 1934 г. член-кандидат главного правления Союза пажей, с 1946 г. в США. Умер 31 марта 1949 г. в Нью-Йорке.

[26] **Монкевиц Николай Августович,** р. 22 ноября 1869 г. 2-й кадетский корпус, Павловское военное училище (1889), академия Генштаба (1895). Офицер л. – гв. Литовского полка. Генерал-лейтенант, начальник штаба 4-й армии. Георгиевский кавалер. В Вооруженных силах Юга России; с марта по декабрь 1919 г. начальник Русской миссии в Берлине от ВСЮР; с 1925 г. в распоряжении генерала Кутепова в Париже. В ноябре 1926 г. исчез из Парижа.

[27] **Бельгард Алексей Валерианович.** Сын полковника.

Училище правоведения (1883). Гофмейстер, сенатор, чиновник Главного управления по делам печати. В апреле – мае 1919 г. в Берлине. Участник формирования русских частей в Германии и Прибалтике. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г. В эмиграции в Германии. Умер в 1942 г.

[28] **Юденич Николай Николаевич,** р. 18 июля 1862 г. в Москве. Из дворян Минской губ., сын директора Землемерного училища. Московское земледельческое училище (1879), Александровское военное училище (1881), академия Генштаба (1887). Офицер л. – гв. Литовского полка. Генерал от инфантерии, Главнокомандующий армиями Кавказского фронта. В Северо-Западной армии; с 5 июня 1919 г. Главнокомандующий российскими вооруженными сухопутными и морскими силами в Прибалтийском районе. В эмиграции во Франции. Умер 5 октября 1933 г. в Каннах (Франция).

[29] **Зейберлих Роберт Фридрихович (Федор Федорович)** (2-й). Поручик. В мае 1919 г. адъютант светлейшего князя Айвена. В Северо-Западной армии (зачислен с 20 июля 1919 г.); в ноябре – декабре 1919 г. старший адъютант по оперативной части штаба 5-й (Ливенской) дивизии. Штабс-капитан. В эмиграции в Латвии, с 1931 г. возглавлял группу ливенцев в Риге.

[30] **Бермондт Павел Рафаилович** (по усыновлению – князь Авалов Павел Михайлович), р. 17 марта 1884 г. Сын капельмейстера Сибирского стрелкового полка. Произведен в офицеры за боевое отличие. Штабс-ротмистр. Георгиевский кавалер. В августе 1918 г. начальник контрразведки Южной армии в Киеве; летом 1918 г. начальник вербовочного пункта той же армии на Украине, осенью 1918 г. начальник добровольческого отряда на Украине, с февраля 1919 г. формировал «Партизанский конно-пулеметной отряд» в Германии, затем командующий Западной Добровольческой армией в Прибалтике. Генерал-майор. После неудачного наступления на Ригу отошел в Германию. В эмиграции в Германии, в Югославии, с 1944 г. в США. Умер 27 декабря 1973 г. в Нью-Пальце (США).

[31] **Вырголич (Верголич) Евгений Павлович,** р. в 1883 г. Из дворян, сын генерал-майора. В службе с 1903 г., офицером с 1904 г. Полковник Отдельного корпуса жандармов. В июне 1919 г. прибыл из Германии в Ливенский отряд и формировал русский добровольческий отряд в Митаве, затем командир 3-го отряда Западного корпуса.

[32] Так называемая Русская Западная армия. Создана в начале 1919 г. в Прибалтике русскими антибольшевистскими силами, придерживавшимися ориентации на Германию. Зародышем армии

(возникшей в самом начале 1919 г. «Группы генерала графа Келлера») послужила Зальцведельская конно-пулеметная команда. Формирование выросшего из нее Отряда имени графа Келлера проходило в Митаве. К маю 1919 г. (тогда он именовался Отдельным добровольческим партизанским отрядом имени генерала графа Келлера) в нем было 3500 человек, в мае прибыли полковники Евреинов и Анисимов с 250 добровольцами каждый. 29 мая перебазировался в Митаву. К лету 1919 г. отряд насчитывал уже 4–5 тысяч человек. Вместе с Отрядом полковника Вырголича и Ливенским отрядом с 6 июня 1919 г. входил в Западный корпус Северной армии. После отбытия ливенцев в Северо-Западную армию 28 июля 1919 г. включил в себя Отряд полковника Вырголича и стал именоваться Западный Добровольческий имени графа Келлера корпус. В середине августа 1919 г. насчитывал около 6 тысяч человек, среди которых около 2 тысяч офицеров (в основном вернувшихся из германского плена). Ввиду большого числа офицеров, в нем временно с учебными целями были созданы офицерские роты по родам оружия. Включив в себя оставшиеся в Прибалтике немецкие войска, корпус развернулся в Русскую Западную (или Западную Добровольческую) армию, насчитывавшую до 50 тысяч человек.

Армия включала 1-й Западный Добровольческий имени графа Келлера и 2-й Западный Добровольческий корпуса и чисто немецкие формирования: Железную дивизию (майор Бишоф) и Германский легион (капитан фон Зиверт). После совещания с представителем генерала Юденича глава армии Бермондт-Авалов был 5 сентября 1919 г. назначен Юденичем командующим всеми русскими частями, сформированными в Курляндии и Литве, и предполагалось, что его армия будет наступать совместно с Северо-Западной армией. Однако в этом случае от армии, насчитывавшей в общей сложности 55 или 51–52 тысячи человек (вместе с около 40 тысячами немецких добровольческих частей), при переброске (речь шла только о русских частях) осталось бы до *6* — 7 тысяч человек. Вела бои против большевиков в районе Двинска, но 8 октября 1919 г., отказавшись выполнить приказ Юденича, Бермондт-Авалов начал наступление на Ригу, создав собственное Западное Центральное правительство. Потерпев неудачу в боях с поддержанной англичанами латвийской армией, армия (до 20 тысяч человек) в начале декабря 1919 г. отошла в Германию. При этом из ее состава в Северо-Западную армию отправился только Конный полк. В Германии оба корпуса армии сведены в «Русский отряд на территории Германии», размещенный в лагере Альтенграбен, а затем в Магдебурге (к июню 1920 г. около 5 тысяч человек).

Отличительной эмблемой армии был белый восьмиконечный православный крест 9 см высотой (галун или тесьма), нашитый на левом рукаве. Для чинов армии *6* сентября 1919 г. был установлен знак в виде черного мальтийского креста, а также учреждены памятная медаль золоченой бронзы с изображением святого Георгия Победоносца, поражающего копьем дракона (1919), и орден в виде черного мальтийского креста с серебряным черепом и скрещенными костями над ним (1920).

Командующие: полковник (генерал-майор) П.Р. Бермондт-Авалов, генерал Эбергардт (с 19 ноября 1919 г.), генерал-майор Д.В. Альтфатер (ноябрь 1919 г. – 1920 г.). Начштаба – полковник Чайковский. Инспектор артиллерии – генерал-майор Д.В. Альтфатер.

[33] Отряд полковника Вырголича. Русский добровольческий отряд, формировавшийся в начале 1919 г. в Митаве, а потом в Шавлях полковником Вырголичем в основном из имевшихся в Польше русских отрядов (к 15 февраля 1919 г. их было там всего 1050 человек, из которых несколько десятков офицеров). К маю 1919 г. насчитывал до 1200 человек, затем не более 1500. Вместе с Отрядом графа Келлера и Ливенским отрядом входил в Западный корпус Северной армии. После отбытия ливенцев был 28 июля 1919 г. включен в Западный Добровольческий имени графа Келлера корпус и затем составил в Русской Западной армии 2-й Западный Добровольческий корпус.

[34] Западный корпус Северной армии. Создан 6 июня 1919 г. из русских добровольческих соединений, действующих в Литве, Курляндии и Лифляндии: Ливенского отряда, Отряда имени графа Келлера и Отряда полковника Вырголича. Назван так в отличие от Отдельного корпуса Северной армии (бывший Псковский Добровольческий корпус), действующего в Эстляндии. После отбытия ливенцев в Северо-Западную армию 28 июля 1919 г. преобразован в Западный добровольческий имени графа Келлера корпус, затем развернувшийся в Русскую Западную армию.

[35] **Янов Георгий Дмитриевич,** р. 1 апреля 1864 г. Симбирская военная гимназия (1882), Константиновское военное училище (1884), академия Генштаба (1895). Генерал-майор, начальник этапно-хозяйственного отдела штаба 10-й армии. С начала июля 1919 г. начальник штаба формируемого Западного корпуса отряда светлейшего князя Ливена, с июля 1919 г. начальник снабжения Северо-Западной армии, с 30 ноября 1919 г. в резерве чинов при штабе армии. В эмиграции в Эстонии. Умер около 1930 г. в Ревеле.

[36] **Энглер Виктор Иосифович,** р. в 1876 г. В службе с 1895 г.,

офицером с 1897 г. Полковник. Летом 1919 г. начальник военно-судной части отряда светлейшего князя Ливена, с июня 1919 г. начальник судной части Западного корпуса Северо-Западной армии. В эмиграции в Литве, к 1939 г. церковный староста в Ковно.

[37] **Фон Зеля Роман Александрович.** В службе и классном чине с 1891 г. Действительный статский советник, начальник Либаво-Роменской железной дороги. Летом 1919 г. заведующий передвижением войск отряда светлейшего князя Ливена, с июня 1919 г. начальник передвижений Западного корпуса, с августа 1919 г. главный начальник снабжения Северо-Западного фронта.

[38] Воспоминания барона Н. Будберга публикуются ниже.

[39] **Козаков Николай Александрович,** р. в 1877 г. В службе с 1894 г., офицером с 1896 г. Подполковник (полковник) 10-го уланского полка, командир 10-го драгунского полка. Георгиевский кавалер. В декабре 1917 г. командир «украинизированной» части. С 1918 г. в гетманской армии; летом 1918 г. в Ахтырке, 5 июля 1918 г. назначен командиром 11-го Одесского конного полка. В Северо-Западной армии (зачислен с 1 июня 1919 г.), в июне 1919 г. командир кавалерийского дивизиона Ливенского отряда, в августе— сентябре 1919 г. командир стрелкового дивизиона 2-го полка Ливенской дивизии, в ноябре – декабре 1919 г. командир Стрелкового дивизиона 5-й пехотной дивизии, с 19 декабря 1919 г. командир Полтавского полка. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Полковник. Эвакуирован на корабле «Лазарев». На 18 декабря 1920 г. в составе 2-го кавалерийского полка в Галлиполи. В эмиграции во Вранье (Югославия). Умер 16 сентября 1970 г. в Югославии.

[40] **Верховский Сергей Захарович,** р. в 1862 г. Из дворян Смоленской губ., сын офицера. 1-й кадетский корпус (1881), Константиновское военное училище (1883). Генерал-майор, начальник 102-й бригады государственного ополчения и береговой охраны Рижского залива. Георгиевский кавалер. В Северо-Западной армии (зачислен с 30 июля 1919 г.); с 22 мая 1919 г. в Ливенском отряде в Риге, в июне 1919 г. командир 2-го батальона, в декабре 1919 г. командир запасного батальона 5-й пехотной дивизии, затем начальник запасных частей армии; в эмиграции в Латвии, член правления Общества взаимопомощи военнослужащих российской армии. Умер 21 января 1936 г. в Риге.

[41] **Ромейко-Гурко Василий Иосифович,** р. 8 мая 1864 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян Смоленской губ., сын генерал-фельдмаршала. Гимназия, Пажеский корпус (1885), академия Генштаба (1892). Офицер л. – гв. Гродненского гусарского полка.

Генерал от кавалерии, начальник 1-й кавалерийской дивизии, командир 6-го армейского корпуса, Главнокомандующий армиями Западного фронта. Георгиевский кавалер. В июле 1917 г. арестован, в сентябре 1917 г. выслан за границу. В эмиграции в Италии. Член РОВС. Умер 9 —10 февраля 1937 г. в Риме.

[42] **Бискупский Василий Викторович,** р. 27 июня 1878 г. 2-й кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1897). Офицер л. – гв. Конного полка, 16-го гусарского полка, командир 1-го драгунского полка. Генерал-майор, командующий 3-й кавалерийской дивизией. Георгиевский кавалер. С 1918 г. командующий войсками гетмана в Одессе; 20 июля 1918 г. назначен и. о. командира 1-й конной дивизии. В эмиграции в Германии, в июле – сентябре 1919 г. глава Западнорусского правительства в Берлине, участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г., с 1936 г. начальник управления по делам русской эмиграции в Германии. Генерал от кавалерии (по КИАФ). Умер 18 июня 1945 г. в Мюнхене.

[43] **Князь Ширинский-Шихматов Кирилл Алексеевич,** р. 26 августа 1894 г. Училище правоведения (1917). Офицер с 1915 г. Штабс-ротмистр л. – гв. Конного полка. Состоял при представительстве ВСЮР и Северо-Западной армии в Польше; в июне 1919 г. организатор отправки пополнений из Польши в отряд светлейшего князя Ливена. В эмиграции во Франции, на ноябрь 1951 г. казначей объединения л. – гв. Конного полка. Умер 22 марта 1972 г. в Париже.

[44] Этот отряд был создан из бывших красноармейцев, мобилизованных большевиками и восставших под руководством капитана М.А. Стрекопыто-ва, которому после боев удалось вывести восставших на территорию, занятую польскими войсками.

[45] **Дыдоров Климент Иванович,** р. 23 января 1885 г. в Санкт-Петербурге. Из крестьян Костромской губ., сын заводского служащего. Императорское Техническое училище, Владимирское военное училище (1908), курсы академии Генштаба (1917). Капитан, и. д. начальника штаба 18-й пехотной дивизии. В начале 1918 г. организатор добровольческого отряда в Риге, с октября 1918 г. участвовал в организации латвийской армии. С 15 ноября 1918 г. командир русской роты Балтийского ландесвера, с февраля 1919 г. командир Русской роты, влившейся в Ливенский отряд 8 марта 1919 г.; с апреля 1919 г. помощник командира, с 24 мая 1919 г. командир Ливенского отряда, с 22 мая 1919 г. (с 10 августа 1919 г.) подполковник. До 20 ноября 1919 г. начальник 5-й (Ливенской) дивизии в Северо-Западной армии; в декабре 1919 г. помощник начальника 5-й пехотной

дивизии, командир бригады 1-й дивизии (нового формирования). Полковник (с ноября 1919 г.). В эмиграции в Латвии, председатель Режицкого отдела Общества взаимопомощи военнослужащих в Латвии, в 1931 г. возглавлял группу ливенцев в Режице. Умер 10 марта 1938 г. в Режице (Латвия).

[46] Впервые опубликовано: Памятка Ливенца. 1919–1929. Рига, 1929.

[47] **Цельмин Георгий Иванович,** р. в 1882 г. Капитан. С начала 1919 г. в Ливенском отряде. В Северо-Западной армии (зачислен с 10 июля 1919 г.); в декабре 1919 г. в 17-м пехотном Либавском полку. В эмиграции в Германии. Умер в 1958 г. в Берлине.

[48] Впервые опубликовано там же.

[49] Имеется в виду полковник В.Ф. Рар (см. выше).

[50] **Погге Иван Николаевич** (1-й). Прапорщик. В марте 1919 г. в Ливенском отряде, в мае 1919 г. командир пулеметного отделения, в июле

1919 г. в пулеметной роте Ливенского отряда. В Северо-Западной армии (зачислен с 10 июля 1919 г.); в 1-м полку 5-й пехотной дивизии, в декабре 1919 г. в 19-м пехотном Полтавском полку.

[51] **Барон Раден Фердинанд Владимирович,** р. 3 июля 1863 г. в Ревеле. Из дворян Курляндской губ. Морской корпус (1886). Капитан 1-го ранга (в отставке с 1910 г.; с 1916 г. на службе полковником). Генерал-майор (с 23 ноября 1917 г.), командир 82-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В начале 1919 г. командир взвода и командир роты в Балтийском ландесвере, с мая в Ливенском отряде, с 22 мая командир роты, затем помощник командира 1-го полка, летом 1919 г. командир 17-го Либавского полка 5-й дивизии Северо-Западной армии. Убит 25 октября 1919 г.

[52] **Северин Александр Александрович.** Прапорщик. С весны 1919 г. в Ливенском отряде. В Северо-Западной армии; фельдфебель 1-й роты в 1-м (затем 17-м Либавском) полку 5-й пехотной (Ливенской) дивизии, летом

1920 г. в 3-й Русской армии в Польше. Прапорщик. В эмиграции во Франции. В 1931 г. возглавлял группу ливенцев в Омекуре (Франция). Подпоручик. Умер 28 августа 1971 г.

[53] Впервые опубликовано: Часовой. Сентябрь 1954. № 345.

[54] Впервые опубликовано: Памятка Ливенца. 1919–1929. Рига, 1929.

[55] **Трейман Макс Рудольфович.** С весны 1919 г. в Ливенском отряде. В Северо-Западной армии; на 15 ноября и в декабре 1919 г. квартирмейстер 4-го пехотного Гдовского полка.

Чиновник военного времени (с 8 июля 1919 г.).

[56] **Реймерс Эдгар Иван Герман Эдуардович.** Ротмистр. Весной 1919 г. начальник конной части Ливенского отряда.

[57] Ротмистр германской армии Мальмеде с января 1919 г. был командиром 3-го отряда Балтийского ландесвера, 25 января – 11 июля 1919 г. командир батальона ландесвера.

[58] **Фон Зауэр.** Штабс-капитан. В начале 1919 г. командир взвода в Русской роте Балтийского ландесвера, с февраля 1919 г. старший офицер 1-й батареи Ливенского отряда, в мае – ноябре 1919 г. командир той же батареи в Северо-Западной армии. Капитан.

[59] Впервые опубликовано: Памятка Ливенца. 1919–1929. Рига, 1929.

[60] Впервые опубликовано: Служба связи Ливенцев и Северозападников. Декабрь 1930. № 3. Публикация представляет собой доклад К.И. Дыдорова об участии и роли Русского отряда светлейшего князя Ливена в деле освобождения Риги, сделанный им в Риге 22 мая 1930 г.

[61] **Барон Будберг (Беннингсгаузен-Будберг) Николай Анатольевич,** р. в 1894 г. Петергофская школа прапорщиков (1915). Штабс-капитан л. – гв. 1-го стрелкового полка. С февраля 1919 г. в отряде светлейшего князя Ливена, летом 1919 г. старший адъютант штаба отряда. В Северо-Западной армии (в списках армии с 31 июля 1919 г.); с августа 1919 г. начальник конвоя начальника 2-й стрелковой дивизии, затем в декабре 1919 г. в штабе 2-й стрелковой дивизии. Штабс-капитан. В эмиграции в Эстонии (Куреса-ар), на 27 ноября 1927 г., 1935–1939 гг. член полкового объединения; с 1963 г. представитель Гвардейского объединения в Германии, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 8 февраля 1981(1971) г. в Детмольде (Германия).

[62] Впервые опубликовано: Памятка Ливенца. 1919–1929. Рига, 1929.

[63] **Барон фон дер Остен-Сакен Готгард Генрихович,** р. 9 ноября 1878 г. в Курляндии. Морской корпус (1904). Капитан 2-го ранга, начальник хозяйственной части Або-Аландской позиции. В мае 1919 г. в Ливенском отряде. В эмиграции в Германии, член Суда чести Союза взаимопомощи служивших в российском флоте в Берлине. Покончил самоубийством 25 января 1934 г. в Берлине.

[64] **Брац Курт.** Весной 1919 г. в Балтийском ландесвере. В эмиграции в Германии. Штаб-лейтенант запаса флота. Умер после 1929 г.

[65] Впервые опубликовано: Памятка Ливенца. 1919–1929. Рига,

1929.

[66] Впервые опубликовано: Военная Быль. Ноябрь 1964. № 70.

[67] **Фон Беккер Альфред Альфредович,** р. 9 октября 1876 г. Полковник л. – гв. Московского полка. В Северо-Западной армии; в мае 1919 г. в отряде светлейшего князя Ливена. Полковник. В эмиграции в Германии, в 1931 г. возглавлял группу ливенцев в Берлине, с 1935 г. в отделе РОВС в Германии, к 1 мая 1939 г. член полкового объединения. Умер 12 мая 1945 г. в Берлине.

[68] **Чайковский Петр Павлович,** р. в 1876 г. В службе с 1895 г., офицером с 1897 г., академия Генштаба. Полковник 11-го драгунского полка. В 1918 г. в русском добровольческом отряде в Киеве. С 18 марта 1919 г. начальник штаба и заместитель командующего Русской Западной армии. С декабря 1919 г. в Германии.

[69] **Барон Энгельгардт Максимилиан Р.** Полковник л. – гв. Литовского полка. Летом 1919 г. комендант штаба отряда светлейшего князя Ливена, затем в Русской Западной армии. В эмиграции в Германии. Умер в 1950-х гг. там же.

[70] **Прокопович Анатолий Анатольевич.** Полковник. В Северо-Западной армии; летом 1919 г. помощник коменданта штаба Ливенского отряда, затем комендант того же штаба, затем комендант штаба 2-й стрелковой дивизии Северо-Западной армии; в декабре 1919 г. начальник штаба 2-й пехотной дивизии.

[71] Воспоминания М.В. Ярославцева публикуются ниже.

[72] **Лебедев Дмитрий Дмитриевич.** Полковник гвардии. Летом 1919 г. прибыл из Германии к светлейшему князю Ливену; во 2-м батальоне Ливенского отряда. В Северо-Западной армии (зачислен с 15 июля 1919 г.); в октябре 1919 г. командир Особого полка, в декабре 1919 г. командир запасного полка 5-й (Ливенской) пехотной дивизии. Умер от тифа в январе 1920 г. в Нарве.

[73] **Чубаров Александр Геннадьевич.** Морской корпус (1908). Поручик л. – гв. 1-го стрелкового полка (был в плену). Летом 1919 г. прибыл из Германии в отряд к светлейшему князю Ливену. В Русской Западной армии в 1-м пластунском полку, с 17 октября 1919 г. командир 1-го батальона. Награжден орденом. С декабря 1919 г. в Германии. В эмиграции во Франции с 1931 г. и на ноябрь 1951 г. секретарь и представитель на Европу объединения л. – гв. 1-го стрелкового полка. Умер 18 мая 1962 г. в Ницце (Франция).

[74] **Альтфатер Дмитрий Васильевич,** р. 23 мая 1874 г. В службе с 1891 г. Михайловское артиллерийское училище (1894), Михайловская артиллерийская академия (1900). Георгиевский кавалер. Генерал-майор, командир л. – гв. 1-й артиллерийской

бригады, инспектор артиллерии и командир 39-го армейского корпуса. Арестовывался в январе 1918 г., затем с 7 сентября 1918 г. командир 1-й тяжелой артиллерийской бригады и инспектор артиллерии в гетманской армии. С мая 1919 г. инспектор артиллерии в Добровольческом имени графа Келлера корпусе и в Русской Западной армии, с ноября 1919 г. – Особого русского отряда в Германии, с 9 января 1920 г. командующий русскими войсками в Германии. Награжден Мальтийским крестом 3-й степени. До 1926 г. глава русской колонии в Целле. Умер 15 октября 1931 г. в Больтерсене (Германия).

[75] **Галактионов Георгий Фролович.** Поручик. В июне 1919 г. командир роты в Ливенском отряде. В Северо-Западной армии (зачислен с 10 июля 1919 г.); летом командир роты в 3-м полку 5-й (Ливенской) дивизии, в декабре 1919 г. в 17-м пехотном Либавском полку.

[76] Впервые опубликовано: Памятка Ливенца. 1919–1929. Рига, 1929.

[77] **Штабс-капитан И.С. Коноплин** в начале 1919 г. служил в отряде Бермондта-Авалова, тогда подчиненного светлейшему князю Ливену, впоследствии – в Русской Западной армии.

[78] Приводится по изданию: Памятка Ливенца. 1919–1929. Рига, 1929.

[79] Впервые опубликовано: Историк и Современник: Историко-литературный сборник. Берлин, 1922.

[80] **Граф фон дер Пален Константин Константинович.** Училище правоведения (1882). Тайный советник, сенатор. В Русской Западной армии; с 6 октября 1919 г. председатель Совета Управления при командующем армией и управляющий отделом внутренней и внешней политики. В эмиграции в Германии. Умер в 1923 г.

[81] **Черниловский-Сокол Александр Данилович.** Полковник. С 1918 г. в гетманской армии; 30 ноября 1918 г. назначен командиром 7-го легкого артиллерийского полка. В Русской Западной армии; с сентября 1919 г. руководитель военного отдела, с 6 октября 1919 г. член Совета Управления при командующем армией. Генерал-майор (с 1919 г.).

[82] **Скоропадский Павел Петрович,** р. 3 мая 1873 г. в Висбадене. Праправнук гетмана Украины в начале XVIII века И.И. Скоропадского. Пажеский корпус (1893). Офицер л. – гв. Конного полка, командир 20-го драгунского полка, л. – гв. Конного полка. Генерал-лейтенант, командир 34-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. После «украинизации» корпуса продолжал им командовать в войсках Украинской народной республики до 29 декабря 1917 г. В марте 1918 г. возглавил

опирающуюся на офицерство организацию «Украинская народная громада». Руководитель переворота, результатом которого стало упразднение 29 апреля 1918 г. Украинской народной республики и провозглашение Украинской державы во главе с гетманом. 14 ноября 1918 г. провозгласил федерацию Украинской державы с будущей небольшевистской Россией. В результате начавшегося тогда же петлюровского восстания 14 декабря 1918 г. вынужден был отречься от власти и выехал в Германию, где погиб при бомбардировке 26 апреля 1945 г. в Меттене (Бавария).

[83] **Римский-Корсаков Александр Александрович. В** службе и классном чине с 1871 г. Тайный советник, сенатор, член Государственного Совета. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быховец (освобожден 27 сентября 1917 г.). С лета 1919 г. начальник гражданского управления Русской Западной армии (в сентябре 1919 г. отказался от участия в правительстве), был связан с командованием Северо-Западной армией, с 6 октября 1919 г. член Совета Управления при командующем Русской Западной армией, управляющий отделом судебных дел. В эмиграции в Германии. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г. Умер 13 сентября 1922 г. в Берлине.

[84] **Князь Кропоткин Николай Дмитриевич,** р. в 1893 г. Николаевское кавалерийское училище (1914). Штабс-ротмистр л. – гв. Конного полка. В Русской Западной армии; осенью 1919 г. рижский губернатор от армии. В эмиграции во Франции. Умер 29 ноября 1958 г. в Париже.

[85] **Дурново Петр Петрович.** Сын действительного статского советника. Александровский лицей (1903), офицером с 1904 г., академия Генштаба. Офицер л. – гв. Конного полка. Полковник, старший адъютант штаба Гвардейского кавалерийского корпуса. Летом 1918 г. организатор антисоветской офицерской группы в Петрограде. В Русской Западной армии; с 1919 г. член финансовой комиссии для помощи армии в Берлине, до 1 декабря 1919 г. и. д. генерал-квартирмейстера армии, с декабря 1919 г. по 6 января 1920 г. начальник штаба русских войск в Германии. На 1 июня 1921 г. в эмиграции в Югославии (в Белграде). Умер после 26 апреля 1931 г.

[86] **Сергей Николаевич Оношкович-Яцына** окончил Александровский лицей в 1916 г. В эмиграции в Париже. Умер после 1929 г.

[87] Впервые опубликовано: Часовой. Июнь 1958. № 388.

[88] **Гоштовт Георгий Адамович,** р. 15 сентября 1891 г. Из дворян. Пажеский корпус (1910). Ротмистр л. – гв. Кирасирского Ее Величества полка. Весной – летом 1918 г. в монархической

организации в Москве. С 10 октября 1918 г. начальник главного вербовочного бюро Северной армии в Пскове, с 1919 г. начальник военной миссии Северо-Западной армии в Польше. Полковник (с 1919 г.). В эмиграции, на декабрь 1924 г. секретарь Распорядительного комитета Гвардейского объединения, на 1 января 1927 г. член объединения л. – гв. Кирасирского Ее Величества полка, с 1934 г. член правления общества друзей «Часового», в 1941–1945 гг. в Париже, член организации «Русское Национальное Движение», на ноябрь 1951 г. секретарь Исторической комиссии Гвардейского объединения и секретарь объединения л. – гв. Кирасирского Ее Величества полка. Умер 8 декабря 1953 г. в Париже.

[89] **Граф Келлер Федор Артурович,** р. 12 октября 1857 г. в Курске. Приготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища, офицерский экзамен при Тверском кавалерийском юнкерском училище, Офицерская кавалерийская школа. Произведен в офицеры за боевое отличие в 1878 г. Командир л. – гв. Драгунского полка (1906–1910), начальник 7-й кавалерийской дивизии. Генерал от кавалерии, командир 3-го кавалерийского корпуса. Предполагаемый возглавитель Северной армии. 19–26 ноября 1918 г. Главнокомандующий всеми вооруженными силами на территории Украины в гетманской армии; в ноябре – декабре 1918 г. в Киеве. Убит петлюровцами 21 декабря 1918 г. в Киеве.

[90] Воспоминания Б. Пермикина публикуются ниже.

[91] Впоследствии 6-й Талабский полк. Сформирован в Псковском Добровольческом корпусе в октябре 1918 г. как Талабский отряд из добровольцев-рыбаков Талабских островов Псковского озера. В ноябре 1918 г. насчитывал 400 штыков. В начале 1919 г. входил в состав 2-й бригады, с июля

1919 г. – 2-й пехотной дивизии Северо-Западной армии. К началу октября 1919 г. имел 1000 штыков. В декабре 1919 г. в полку насчитывалось 100 офицеров. Командиры: штабс-ротмистр (полковник) Б.С. Пермикин (октябрь 1918 – 20 ноября 1919 г.), полковник Н.Н. фон Гоерц (с 20 ноября 1919 г.). Командиры батальонов: капитан Бояринцев, капитан (подполковник) Ставский, капитан Домогацкий.

[92] Впоследствии 5-й Островский полк. Сформирован в Псковском Добровольческом корпусе в октябре 1918 г. в Острове. Насчитывал 500, в ноябре – 700 человек. В начале 1919 г. входил в состав 1-й бригады, с июля 1919 г. – 2-й пехотной дивизии Северо-Западной армии. К маю 1919 г. имел 800 штыков (2 батальона), к октябрю – 500. В декабре 1919 г. в полку насчитывалось 98 офицеров. Командиры: полковник Казимирский

(октябрь 1918 г.), полковник А.Ф. Дзерожинский (ноябрь 1918 г.), полковник Ананьин (весна 1919 г.), полковник М.В. Ярославцев (май – июнь 1919 г.), полковник В.А. Алексеев (с июня 1919 г.). Командиры батальонов: полковник граф А.П. Пален, ротмистр Э.В. фон Рентельн, подполковник Васильев (убит), штабс-ротмистр барон К.А. Унгерн фон Штернберг.

[93] **Дзерожинский Антон Федорович,** р. 30 января 1867 г. Из мещан Могилевской губ. Смоленская Александровская гимназия (1886), Виленское пехотное юнкерское училище (1890) (офицером с 1891 г.). Полковник, командир 89-го пехотного полка, командующий бригадой 23-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В Северо-Западной армии (зачислен с 12 октября 1918 г.); с октября 1918 г. командир 2-го Островского полка Отдельного Псковского добровольческого корпуса, с конца декабря 1918 г. по 25 мая 1919 г. командир Северного корпуса (Северной армии), затем командир бригады и начальник боевого участка корпуса, с июня 1919 г. начальник 1-й пехотной дивизии, с 7 июня 1919 г. генерал-майор. Генерал-лейтенант (с 12 октября 1919 г.). В эмиграции в Польше. Умер в 1941–1944 гг. в Варшаве.

[94] Впоследствии 9-й Волынский полк. Сформирован в Псковском Добровольческом корпусе в октябре 1918 г. Находился в Пскове и предназначался для Южной армии (кадры этого полка были переданы гетманом Скоропадским графу Ф.А. Келлеру в начале ноября 1918 г., до того полк входил в 1-й Волынский кадровый корпус гетманской армии). Насчитывал 200 человек. В декабре 1918 – начале 1919 г. входил в состав Западного (с 17 декабря – Восточного) отряда и 2-й бригады, с июля 1919 г. – 3-й пехотной дивизии Северо-Западной армии. К началу октября 1919 г. имел 200 штыков. В декабре 1919 г. в полку насчитывалось 89 офицеров. Командиры: подполковник (полковник) Д.Р. Ветренко (октябрь 1918 – июнь 1919 г.), полковник И.П. Хомяков (с июня 1919 г.), подполковник Бирк (врио, июль – август 1919 г.).

[95] Южная армия. Формировалась летом 1918 г. в Киеве союзом «Наша Родина» (герцог Г. Лейхтенбергский и М.Е. Акацатов), имела монархическую и прогерманскую ориентацию. В июле 1918 г. при союзе в Киеве было образовано бюро (штаб) армии, которым руководили полковники Чеснаков и Вилямовский, имевшее целью вербовку добровольцев и отправку их в Богучарский и Новохоперский уезды Воронежской губ., где формировалась 1-я дивизия генерал-майора В.В. Семенова. Начальником штаба армии был приглашен генерал-майор К. К. Шильдбах, начальником контрразведки армии в Киеве в августе 1918 г. был будущий создатель Русской Западной армии

подполковник П.Р. Бермондт (князь Авалов). В августе началось формирование 2-й дивизии генерал-лейтенанта Г. Г. Джонсона в Миллерове и штаба корпуса. В течение 3 месяцев по всей Украине было открыто 25 вербовочных бюро, через которые отправлено в армию около 16 тысяч добровольцев, 30 процентов которых составляли офицеры, и около 4 тысяч в Добровольческую армию через Донского атамана П.Н. Краснова. В Пскове вербовочное бюро армии возглавлял подполковник Бучинский. В конце августа были сформированы эскадрон 1-го конного полка (полковник Якобсон) в Черткове и пехотный батальон в Богучаре. В штаб армии начали поступать предложения от целых офицерских составов кавалерийских и пехотных полков, сохранивших свои знамена и штандарты, вступить в армию при условии сохранения их частей.

Идею создания армии активно поддерживал гетман П.П. Скоропадский. Именно он передал в армию кадры 4-й пехотной дивизии (13-й Белозерский и 14-й Олонецкий полки), из которых планировалось еще весной создать Отдельную Крымскую бригаду украинской армии. Кроме того, Южной армии были переданы кадры 19-й и 20-й пехотных дивизий, почти не использованные в гетманской армии. Именно они послужили основой для

1-й и 2-й дивизий Южной армии. Немецкое командование, видя в Добровольческой армии силу себе враждебную, препятствовало поступлению в нее добровольцев, поощряя, напротив, комплектование Южной армии, в результате чего многие офицеры были дезориентированы и в итоге не попали ни в одну из них.

Предполагалось, что Южная армия будет действовать вместе с Донской, и П.Н. Краснов требовал перевода этих формирований в Кантемировку. 30 сентября 1918 г. Донской атаман издал приказ о формировании Особой Южной армии из трех корпусов: Воронежского (бывшая Южная армия), Астраханского (бывшая Астраханская армия) и Саратовского (бывшая Русская Народная армия) во главе с генералом Н.И. Ивановым (начштаба генерал Залесский). Осенью 1918 г. она насчитывала более 20 тысяч человек, из которых на фронте находилось около 3 тысяч бойцов. После перевода частей Южной армии в район Черткова и Кантемировки, обнаружилось, что их насчитывается едва 2000 человек, в т. ч. не более половины боеспособных. К октябрю боевой элемент Южной армии исчислялся всего 3,5 тысячи человек. К концу октября, после четырех месяцев формирования, армия насчитывала едва 9 тысяч штыков. Она (теперь под названием «Воронежский корпус»; генерал-лейтенант князь Н.П. Вадбольский) была передана Северо-Восточному фронту Донской

армии, и 7 ноября 1918 г. генерал Семенов со своей дивизией выступил на фронт. Однако в ноябре при 3000 штыков на фронте армия имела в тылу более 40 штабов, управлений и учреждений и в ней числилось около 20 тысяч человек. Части армии, действовавшие на Воронежском направлении, понесли большие потери. В феврале – марте 1919 г. они были переформированы и вошли в состав 6-й пехотной дивизии ВСЮР.

[96] **Ветренко Даниил Родионович,** р. 26 декабря 1882 г. в ст. Боргустанской Терской обл. Сын личного дворянина. 2-я Житомирская гимназия, Киевский университет (не окончил), Константиновское артиллерийское училище (1907), академия Генштаба (1917). Офицер 15-й конно-артиллерийской батареи. Капитан, и. д. начальника штаба 35-го армейского корпуса. С

1918 г. в гетманской армии; помощник начальника оперативного отдела Главного управления Генштаба, 24 сентября 1918 г. утвержден в чине войскового старшины со старшинством с 22 августа 1917 г. С лета 1918 г. формировал в Киеве для Южной армии 53-й пехотный Волынский полк, с которым в октябре 1918 г. перешел в Псков. В Северо-Западной армии (зачислен со дня формирования); в ноябре 1918 – начале 1919 г. командир Сводного отряда (два полка) Северного корпуса, с 7 апреля 1919 г. полковник, с 24 июля, в декабре 1919 г. начальник 3-й пехотной дивизии. Генерал-майор (с 24 июля 1919 г.). В эмиграции в Польше, в марте 1927 г. арестован как советский шпион, в 1928 г. выслан в СССР, где находился в заключении до 1930-х гг. Умер 16 марта 1949 г. в Аенинграде.

[97] **Фон Штейн Александр Федорович,** р. в 1873 г. В службе с 1894 г., офицером с 1896 г. Полковник л. – гв. Семеновского полка. Летом 1918 г. в монархической организации в Петрограде. В Северо-Западной армии; с октября 1918 г. в Северном корпусе в Пскове, командир отряда внутренней охраны Пскова. В эмиграции к 1928 г. в Литве, член полкового объединения, участник монархического движения. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г. Умер 23 февраля 1960 г. в Германии.

[98] **Данилов Алексей Данилович.** Поручик. В Северо-Западной армии (зачислен с 15 октября 1918 г.); с октября 1918 г. командир партизанского отряда в Псковском районе, с января 1919 г. штабс-капитан, начальник Талабского отряда, с февраля 1919 г. начальник партизанского отряда 1-й стрелковой бригады, с июня 1919 г. во 2-й дивизии Северного корпуса, капитан; осенью 1919 г. командир 1-го батальона, в сентябре – декабре 1919 г. командир 12-го Темницкого гренадерского полка. Полковник (с 12 октября 1919 г.). В эмиграции в Латвии, с 1929 г.

в Риге.

[99] **Вандам Алексей Ефимович,** р. 17 марта 1867 г. в Минской губ. Из солдатских детей. Виленское пехотное юнкерское училище (1890) (офицером с 1892 г.), академия Генштаба (1899). Офицер л. – гв. Гренадерского полка. Генерал-майор, начальник штаба 23-й пехотной дивизии, командующий той же дивизией. Георгиевский кавалер. В Северо-Западной армии; в октябре 1918 г. возглавил формирование Северной армии в Пскове, с 12 октября по 16 ноября 1918 г. командир Отдельного Псковского добровольческого корпуса; до 22 ноября 1918 г. командующий им; с 21 июня по 24 ноября 1919 г. начальник штаба Северо-Западной армии. В эмиграции в Эстонии. Умер 16 сентября 1933 г. в Ревеле.

[100] **Малявин Борис Семенович,** р. 30 июля 1876 г. в Волынской губ. 3-й Московский кадетский корпус (1894), Николаевское инженерное училище (1897), академия Генштаба (1907). Генерал-майор, командир 9-го стрелкового полка. В Северо-Западной армии; осенью 1918 г. участник формирования Северной армии в Пскове; с 12 октября по 16 ноября 1918 г. начальник штаба Отдельного Псковского добровольческого корпуса, до ноября 1918 г. командующий тем же корпусом, с 31 июля по 23 ноября 1919 г. генерал-квартирмейстер штаба командующего Северо-Западной армией. В эмиграции в Латвии (Рига). Умер после 1922 г.

[101] **Симанский Пантелеймон Николаевич,** р. 30 сентября 1866 г. Из дворян Псковской губ. Псковский кадетский корпус (1883), Константиновское военное училище (1885), академия Генштаба (1891). Офицер л. – гв. Павловского полка. Генерал-лейтенант, командир 47-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В Северо-Западной армии; с 25 октября по 22 ноября 1918 г. начальник 1-й стрелковой дивизии Отдельного Псковского добровольческого корпуса в Пскове, с 30 декабря 1918-го по январь 1919 г. командир Либавского отряда. В эмиграции в Польше, военный историк, писатель, председатель Российского Общественного комитета в Польше, член полкового объединения. Умер 22 апреля 1938 г. в Варшаве.

[102] **Фон Валь Вильгельм (Василий) Викторович,** р. 1 ноября 1880 г. в Риге. Из дворян, сын генерала. Пажеский корпус (1900), академия Генштаба (1909). Полковник л. – гв. Конного полка. В Северо-Западной армии; осенью 1918 г. в Отдельном Псковском добровольческом корпусе, командирован в Ревель для переговоров с англичанами, с 10 декабря 1918 г. начальник штаба корпуса, с декабря 1918 г. командир Западного отряда, с декабря 1918 г. командир Отдельного корпуса Северной армии, с января

1919 г. начальник штаба Северного корпуса, затем в распоряжении командира корпуса. В эмиграции в Германии, с середины 1920-х гг. в Бельгии, затем во Франции, к 1933 г. в Ницце. Погиб в конце августа 1944 г. в Тулоне.

[103] **Фон Геннинге Вильгельм Александрович,** р. в 1861 г. В службе с 1880 г., офицером с 1882 г. Генерал-майор. В Северо-Западной армии; с 18 декабря 1918 г. командир Русской Дружины (отряда русской самообороны Эстонского края) в Ревеле.

[104] **Бадендик Карл Генрихович.** Подполковник. В Северо-Западной армии; с декабря 1918 г. командир отряда в Ревеле (впоследствии Ревельский стрелковый полк), с января 1919 г. начальник отряда Северного корпуса, с июня 1919 г. командир Колыванского полка, на 15 октября 1919 г. и в декабре 1919 г. командир 3-го пехотного Колыванского полка. Полковник (с 1 сентября 1919 г.).

[105] 2-й Ревельский полк. Сформирован в Отдельном корпусе Северной армии в начале 1919 г. на базе Русской Дружины. Входил в состав 1-й бригады, с июля 1919 г. – 3-й пехотной дивизии, а к началу октября 1919 г. – 1-й пехотной дивизии Северо-Западной армии. К началу октября 1919 г. имел 700 штыков. В декабре 1919 г. в полку насчитывался 71 офицер. Командиры: полковник К.А. Ижевский (весна – июнь 1919 г.), генерал-майор Э.В. Геннинге (с июня 1919 г.).

[106] **Ананьин Василий Иванович (Акимович),** р. 28 февраля 1865 г. в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище (1886). Подполковник, командир батальона 270-го пехотного полка. В Северо-Западной армии; с 12 октября 1918 г. в Островском добровольческом отряде, с декабря 1918 г. начальник Западного отряда Северного корпуса, с 14 марта 1919 г. командир 2-го Островского стрелкового полка, затем начальник этапной части. В эмиграции в Латвии. Умер 21 июля 1933 г. в Риге.

[107] 12-й Темницкий (гренадерский) полк. Сформирован в Псковском Добровольческом корпусе в октябре 1918 г. как Партизанский отряд поручика Данилова (первоначально входил в состав Островского полка) из добровольцев Островского уезда Псковской губ. В начале 1919 г. входил в состав 1-й бригады, с июля 1919 г. – 2-й пехотной дивизии, а к началу октября 1919 г. (уже как полк) – 3-й пехотной дивизии Северо-Западной армии. К началу октября 1919 г. имел 300 штыков. В декабре 1919 г. в полку насчитывалось 58 офицеров. Командир – поручик (полковник) А.Д. Данилов.

[108] Конно-Егерский полк. Сформирован в Псковском Добровольческом корпусе в октябре 1918 г. в Острове как Конный

отряд полковника Бибикова. В октябре – ноябре 1918 г. насчитывал 150 сабель. В начале 1919 г. входил в состав 1-й бригады, в июне 1919 г. развернут в полк (с присоединением перешедшей от красных конной части) – 1-го армейского (стрелкового) корпуса. К началу октября 1919 г. имел 500 сабель. В декабре 1919 г. в полку насчитывалось 59 офицеров. 25 декабря 1919 г. включен вместе с 1-м Конным (Конный имени Булак-Булаховича) полком в Конную бригаду. Командиры: полковник А.И. Бибиков (октябрь 1918 – май 1919 г.), штабс-ротмистр (полковник) Грюнвальд (май – 8 октября 1919 г.), полковник Бенкендорф (с 8 октября 1919 г.).

[109] **Фон Грюнвальд Георгий Федорович,** р. в Ревеле. Из дворян, сын адвоката. Штабс-ротмистр Кавалергардского полка. В Северо-Западной армии; с декабря 1918 г. командир Конно-егерского эскадрона (затем полка), в мае 1919 г. в конном отряде полковника Бибикова, затем командир того же отряда, с июня 1919 г. подполковник, командир Конно-Егерского полка. Полковник (к сентябрю 1919 г.). Умер 27 сентября 1919 г. в Эстонии.

[110] **Барон Кистер Георгий Александрович.** Николаевское инженерное училище (1914). Капитан 6-го саперного батальона. Георгиевский кавалер. В Северо-Западной армии; с 10 сентября 1918 г. (пробрался из Петрограда) в Талабском батальоне Отдельного Псковского добровольческого корпуса, затем корпусной инженер того же корпуса. В ноябре 1918 г. через Украину и Румынию прибыл в Одессу, где причислен к штабу генерала Шварца. Эвакуировался в Константинополь, затем через Новороссийск прибыл в Екатеринодар, где вступил в 1-й бронепоездной дивизион Кавказской армии. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции в Болгарии, был в составе Офицерской инженерной школы и Николаевского инженерного училища; затем во Франции, к 1969 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер в июле 1972 г. в Ницце (Франция).

[111] Впервые опубликовано: Часовой. Май 1971. № 539.

[112] **Родзянко Александр Павлович,** р. 13 августа 1879 г. Пажеский корпус (1899). Полковник Кавалергардского полка, командир полка Офицерской кавалерийской школы, командующий 1-й бригадой и врид командира 17-й кавалерийской дивизии. В Северо-Западной армии; с 20 ноября 1918 г. в Отдельном Псковском добровольческом корпусе Северной армии, командир формируемых русских частей в Риге, с 23 ноября 1918 г. генерал-майор, с марта 1919 г. начальник Южной группы, с 25 мая 1919 г. командир Северного корпуса, с

19 июня 1919 г. командующий Северо-Западной армией; с октября по 23 ноября 1919 г. помощник Главнокомандующего Северо-Западной армией генерала Юденича. Генерал-лейтенант (к августу 1919 г.). В эмиграции на Восточном побережье США, на ноябрь 1951 г. представитель полкового объединения в США, к февралю 1954 г. председатель отдела Союза Пажей. Умер 6 мая 1970 г. в Нью-Йорке.

[113] Публикуется по изданию: *Родзянко А.П.* Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин, 1920.

[114] Братья **Баннер-Фогг** служили с января 1919 г. в Конном отряде полковника Бибикова, затем, к декабрю 1919 г. – в Конно-Егерском полку и были произведены в ротмистры. Один из них – Олег, жил позже в эмиграции в Дании (полковник), где в 1930-х гг. состоял членом Союза взаимопомощи русских офицеров в Дании.

[115] **Арсеньев Евгений Константинович,** р. 3 ноября 1873 г. Из дворян Санкт-Петербургской губ. 8-я Санкт-Петербургская гимназия, Санкт-Петербургский университет (2 курса), курсы восточных языков, офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище (1895), Офицерская кавалерийская школа. Офицер л. – гв. Уланского Ее Величества полка, командир л. – гв. Кирасирского Ее Величества полка. Генерал-лейтенант, начальник

2-й гвардейской кавалерийской дивизии, командир Гвардейского кавалерийского корпуса. Георгиевский кавалер. Летом 1918 г. в Петрограде, занимался отправкой офицеров в белые армии, с 1918 г. в Финляндии. В Северо-Западной армии; с 1919 г. начальник 1-й дивизии, с 10 июля 1919 г. командир 2-го стрелкового корпуса, с 24 ноября 1919 г. в резерве чинов при штабе армии. В эмиграции в Эстонии, с мая 1920 г. в Берлине, на 1 января 1921 г. в списке л. – гв. Кирасирского Ее Величества полка, основатель и председатель Союза офицеров Российской Армии и Флота; участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г. Затем во Франции, на декабрь 1924 г. председатель объединения л. – гв. Уланского Ее Величества полка, в 1925 —

1930 гг. председатель Союза офицеров – участников Великой войны, с 12 декабря 1934 г. член правления Союза Георгиевских кавалеров. Умер 29 мая 1938 г. в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

[116] **Князь Волконский Владимир Михайлович,** р. 17 сентября 1868 г. В службе и классном чине с 1891 г. Тайный советник, камергер, товарищ министра внутренних дел, товарищ председателя Государственной Думы. С мая 1919 г. в Копенгагене, с сентября 1919 г. намечен председателем Совета

Русской Западной армии, но отказался. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г. В эмиграции во Франции. Умер 24 марта 1953 г. в Ницце.

[117] **Гулевич Арсений Анатольевич,** р. 14 февраля 1866 г. в Москве.

3-й Московский кадетский корпус (1883), Александровское военное училище (1885), академия Генштаба (1892). Офицер л. – гв. Финляндского полка, командир л. – гв. Преображенского полка. Генерал-лейтенант, командир 21-го (37-го) армейского корпуса. Георгиевский кавалер. Остался в Финляндии. С декабря 1918 г. участник организации похода добровольческих формирований из Финляндии на Петроград, представитель Северо-Западной армии в Финляндии, до 1920 г. заведующий учреждениями Красного Креста в Финляндии. В эмиграции во Франции, с 1920 г. в Париже, на декабрь 1924 г. заместитель председателя и председатель исторической комиссии Гвардейского объединения, командор Союза Преображенцев, председатель Союза офицеров – участников войны, председатель Союза Преображенцев, профессор Высших военно-научных курсов в Париже, в

1931 г. член учебного комитета курсов, с октября 1933 г. заместитель председателя Союза Инвалидов, с сентября 1934 г. заместитель, с 1937 г. председатель Гвардейского объединения. Умер 12 апреля 1947 г. в Париже.

[118] Речь идет о Н.Н. Иванове, бывшем позже министром общественных работ правительства Северо-Западной области.

[119] Воспоминания Н.Н. Иванова публикуются ниже.

[120] **Видякин Б.** Поручик. В Северо-Западной армии (зачислен с октября

1918 г.); с октября 1918 г. в Отдельном Псковском добровольческом корпусе (перешел из Красной армии), в начале 1919 г. в отряде Булак-Булаховича, затем начальник штаба Южной группы Северного корпуса, с июня, в сентябре – ноябре 1919 г. ротмистр, и. д. начальника штаба 1-го стрелкового корпуса Северо-Западной армии. Полковник (к ноябрю 1919 г.).

[121] **Фон Крузенштерн Оттон Акселевич,** р. 21 ноября 1880 г. в Селемяках Эстляндской губ. Пажеский корпус (1899), академия Генштаба (1905), Офицерская кавалерийская школа (1906). Офицер л. – гв. Конногренадерского полка. Полковник, и. д. начальника штаба 11-й кавалерийской дивизии. В Северо-Западной армии; обер-квартирмейстер Северного корпуса, с апреля 1919 г. начальник штаба Северного корпуса, с 25 мая

1919 г. Главный начальник тыла, с 31 августа 1919 г. начальник канцелярии военного министра, с 3 декабря 1919 г.

в резерве чинов при штабе армии. Генерал-майор (с 25 мая 1919 г.). В эмиграции в Эстонии, с начала 1930 г. в Бразилии. Умер 9 октября 1935 г. в Сан-Паулу (Бразилия).

[122] **Щуровский Андрей Владимирович.** Штабс-ротмистр (с 1915 г.) 1-го гусарского полка. В Северо-Западной армии (зачислен с 11 ноября

1918 г.); с декабря 1918 г. в частях Отдельного Псковского добровольческого корпуса, затем начальник разведки Южной группы Северного корпуса, в декабре 1919 г. в 6-м пехотном Талабском полку. Ротмистр (с 15 марта

1919 г.). В эмиграции к 1949 г. в Италии. Умер после 1954 г.

[123] **Фон Зейдлиц Карл Карлович.** Полковник кавалерии. В Северо-Западной армии; с мая 1919 г. начальник штаба Северного корпуса, с июня 1919 г. генерал-квартирмейстер штаба Северо-Западной армии, с июля 1919 г. в распоряжении командующего армией.

[124] **Пермикин Петр Сергеевич.** Брат Б.С. Пермикина. Подъесаул. В Северо-Западной армии; с октября 1918 г. в Отдельном Псковском добровольческом корпусе в полку Булаховича (перешел от красных вместе с ним); с ноября 1918 г. полицмейстер Пскова, в начале 1919 г. начальник снабжения в отряде Булаховича Северного корпуса, позже – командир конного полка имени Булаховича. Войсковой старшина.

[125] **Ежевский Казимир Станислав Антонович,** р. 2 марта 1864 г. в Гродненской губ. Санкт-Петербургская военная прогимназия (1881), Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище (1884) (офицером с 1886 г.), Офицерская стрелковая школа (1908). Полковник 91-го пехотного полка. В Северо-Западной армии (зачислен с 22 декабря 1918 г.); осенью 1918 г. участвовал в формировании русских отрядов в Ревеле, в начале 1919 г. командир Ревельского (затем 2-го пехотного Ревельского) полка, с 8 октября 1919 г. командир Отдельной бригады 2-го стрелкового корпуса, с 4 ноября 1919 г. начальник 6-й пехотной дивизии. Генерал-майор (с 20 июня 1919 г.). Умер от тифа в январе 1920 г. в Нарве.

[126] **Георг Федор Александрович,** р. 16 сентября 1871 г. в Эстляндской губ. Сын титулярного советника. Юрьевская гимназия (1889), Виленское пехотное юнкерское училище (1893) (офицером с 1895 г.). Полковник, командир 470-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. С декабря

1918 г. штаб-офицер для поручений при начальнике Отряда русской самозащиты в Ревеле. В Северо-Западной армии (зачислен с 9 февраля 1919 г.); в начале 1919 г. командир 1-й стрелковой бригады Северного корпуса, в декабре 1919 г.

помощник начальника 1-й пехотной дивизии, с 23 ноября 1919 г. командир 2-й бригады той же дивизии. Генерал-майор (с 10 сентября 1919 г.). В эмиграции в Эстонии. Арестован НКВД летом 1940 г. и, видимо, расстрелян.

[127] Балтийский полк. Сформирован в начале 1919 г. в Эстляндии из добровольцев – остзейских немцев. Организационно входил в состав эстонской армии, но с весны 1919 г. действовал вместе с Северо-Западной армией. Имел в своем составе конный эскадрон. С июня до начала октября 1919 г. входил в состав ее 3-й пехотной дивизии, затем действовал в составе 1-го армейского (стрелкового) корпуса. К началу октября 1919 г. имел 400 штыков, 100 сабель, 2 орудия. После заключения Эстонией мира с большевиками был расформирован. Командиры: полковник К.А. фон Вейс, ротмистр фон Цур-Мюлен (врио, май 1919 г.).

[128] **Фон Вейс Константин Александрович,** р. в 1877 г. Пажеский корпус (1897). Полковник л. – гв. 4-го стрелкового полка. Георгиевский кавалер. В Северо-Западной армии; с апреля 1919 г. командир Балтийского полка. В эмиграции на 23 ноября 1938 г. в Эстонии, затем в Германии (1956–1957) в Баварии, председатель полкового объединения. Умер 17 июня 1959 г. в Лугсбурге (Германия).

[129] Впоследствии 1-й Георгиевский полк. Сформирован в Псковском добровольческом корпусе в октябре 1918 г. как отряд внешней охраны Пскова (200 человек). В начале 1919 г. Георгиевский отряд. В апреле – мае 1919 г. формировался в Ревеле как Георгиевский батальон, с мая – полк. С июня 1919 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии Северо-Западной армии. К началу октября 1919 г. имел 1000 штыков. В декабре 1919 г. в полку насчитывалось 83 офицера. Командир – капитан (полковник) А.И. Микоша.

[130] **Ставский Илларион Михайлович.** Капитан. В Северо-Западной армии (зачислен с 15 января 1919 г.); в мае 1919 г. командир конвоя роты штаба Северного корпуса, в июне – декабре 1919 г. командир 3-го батальона 6-го пехотного Талабского полка. Подполковник (с 4 июля 1919 г.).

[131] **Бояринцев Терентий Григорьевич.** Капитан. В Северо-Западной армии (зачислен с 12 марта 1919 г.); в мае 1919 г. командир батальона Талабского полка, в декабре 1919 г. помощник командира 6-го пехотного Талабского полка. Подполковник (с 31 июля 1919 г.).

[132] **Зиновьев Михаил Александрович.** Пажеский корпус (1914). Штабс-ротмистр л. – гв. Конного полка. С 1919 г. в Северном корпусе и Северо-Западной армии. В эмиграции. Умер

после 26 апреля 1931 г.

[133] **Нелидов Дмитрий Дмитриевич,** р. в 1881 г. Морской корпус (1901). Капитан 2-го ранга Балтийского флота. В Северо-Западной армии (зачислен с ноября 1918 г., перешел из Красной армии с судами Чудской флотилии); с осени, в декабре 1918 г. командир Чудской флотилии Отдельного Псковского добровольческого корпуса. В Русской Армии до эвакуации Крыма, с 21 ноября 1920 г. командир транспорта «Шипка». В эмиграции в США. Умер 14 июня 1957 г. в Нью-Йорке.

[134] **Хомутов Александр Дмитриевич.** Офицер с 1908 г. Полковник л. – гв. Измайловского полка. В 1917–1918 гг. руководитель организации по переправке офицеров на Дон. Арестован 14 марта 1918 г. в Петрограде. В Северо-Западной армии с 1918 г.; с мая 1919 г. управляющий гражданской частью Северного корпуса, до 3 июля 1919 г. начальник Военно-гражданского управления, с сентября 1919 г. командир танкового ударного батальона. В эмиграции в Германии. В 20—30-х гг. поддерживал контакты с легитимистскими организациями в Берлине. Умер до 1947 г. в Чехословакии (?).

[135] **Поляков Борис Петрович.** Академия Генштаба. Полковник. В Северо-Западной армии; с мая 1919 г. начальник снабжения Северного корпуса. В эмиграции в Польше. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г., затем во Франции, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба.

[136] **Фон Крузенштерн Константин Акселевич,** р. 15 июля 1883 г. в Селемяках Эстляндской губ. Николаевский кадетский корпус (не окончил), Пажеский корпус (1902), академия Генштаба (1908). Офицер л. – гв. Семеновского полка. Подполковник разведывательного отделения штаба Западного фронта. В Северо-Западной армии; с лета 1919 г. начальник отдела внешних сношений, начальник управления делами МИД. Полковник (с августа 1919 г.). В эмиграции в Германии, к декабрю 1926 г. во Франции, затем в Германии, с 1957 г. в Канаде. Член полкового объединения (возглавлял группу его в Германии). Умер 16 октября 1962 г. в Монреале (Канада).

[137] Полковник л. – гв. Финляндского полка **барон Вольф** с осени 1918 г. был участником формирования Северной армии в Пскове; с 12 октября 1918 г. штаб-офицер для поручений штаба Отдельного Псковского добровольческого корпуса, весной 1919 г. дежурный генерал, с апреля 1919 г. начальник штаба Северного корпуса.

[138] **Костанда Апостол Александрович.** Из дворян, сын офицера. Пажеский корпус (1912) (общие классы). Ротмистр л. –

гв. Драгунского полка. В Северо-Западной армии; весной 1919 г. начальник оперативного отдела штаба Северного корпуса. Подполковник. В эмиграции во Франции (в Париже и его окрестностях, с 1953 г. в Монморанси). Умер 10 сентября 1967 г. в Каннах (Франция).

[139] **Зильберг Александр Александрович,** р. 18 апреля 1869 г. Коммерческое училище в Санкт-Петербурге, в службе с 1890. Произведен в офицеры из вольноопределяющихся в 1892 г. Офицер л. – гв. Семеновского полка. Генерал-майор. В Северо-Западной армии; весной 1919 г. начальник этапнохозяйственной части Северного корпуса, затем начальник гарнизона Нарвы. В эмиграции в Эстонии, служил в эстонской армии, с 15 июня 1925 г. в отставке. Умер около 26 января 1926 г. в Ревеле.

[140] **Столица Петр Константинович,** р. в 1884 г. Морской корпус (1904). Капитан 2-го ранга. В Северо-Западной армии; с октября 1918 г. в Отдельном Псковском добровольческом корпусе, в мае 1919 г. командир комендантской роты Северного корпуса. Убит в 1919 г.

[141] **Сазонов Сергей Дмитриевич,** р. 29 июля 1860 г. Александровский лицей (1883). Министр иностранных дел. Представитель правительства адмирала Колчака, член Особого Совещания ВСЮР. В эмиграции во Франции. Умер 24 декабря 1927 г. в Ницце.

[142] **фон Миних Владимир Сергеевич,** р. в 1884 г. 1-й Московский кадетский корпус, Павловское военное училище (1904). Полковник л. – гв. Семеновского полка. Георгиевский кавалер. В Северо-Западной армии (зачислен с октября 1918 г.); в июне 1919 г. начальник отряда Северного корпуса, с июня 1919 г. и в декабре 1919 г. командир 4-го пехотного Гдовского полка. Генерал-майор. В эмиграции к декабрю 1926 г. в Ревеле (Эстония). Член полкового объединения. Затем в Бельгии, член Русской спортивной дружины в Брюсселе, представитель Главнокомандующего в Бельгии, в 1939 г. и на ноябрь 1951 г. председатель, затем почетный член отдела Гвардейского объединения в Бельгии. Умер 23 ноября 1954 г. в Брюсселе.

[143] **Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич,** р. в 1859 г. В службе с 1876 г., офицером с 1878 г. Офицер л. – гв. Конной артиллерии. Генерал-лейтенант, профессор Военно-юридической академии. В Северо-Западной армии; с июля 1919 г. ведал вопросами агитации и печати в Политическом совещании при генерале Юдениче, редактор газеты «Русская жизнь». В эмиграции во Франции (в Париже). Член Национального комитета. В 1921 г. посетил Галлиполи, после чего сделал доклад в Константинополе «Правда о Галлиполи». В эмиграции во Франции. Умер 17

февраля 1927 г. в Париже.

[144] **Карташев Антон Владимирович,** р. 24 июля 1875 г. Санкт-Петербургская духовная академия. Профессор, министр исповеданий Временного правительства. Летом 1918 г. член Национального Центра в Москве. С 1919 г. заместитель председателя и министр иностранных дел Северо-Западного правительства, с 1920 г. член Русского Совета при Главнокомандующем Русской Армией; в эмиграции председатель РНК в Париже, с 1925 г. профессор духовной академии. Умер 10 сентября 1960 г. в Ментоне.

[145] **Суворов Михаил Николаевич,** р. 15 августа 1877 г. Из дворян Калужской губ. Сын офицера. 2-й Московский кадетский корпус (1894), Московское пехотное юнкерское училище (1896), академия Генштаба (1906). Офицер л. – гв. Егерского полка. Генерал-майор, и. д. начальника штаба Гвардейской стрелковой дивизии, начальник штаба 2-й Латышской стрелковой дивизии, командир 121-го пехотного полка. Взят заложником в сентябре 1918 г. в Петрограде. Работал в подпольной организации. В Северо-Западной армии; с мая по 12 августа 1919 г. член Политического совещания при генерале Юдениче. В эмиграции во Франции, на 10 августа 1928 г. в Париже, член объединения л. – гв. Егерского полка, с 1930 г. член суда чести парижской группы объединения, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба. Умер 1 февраля 1948 г. в Париже.

[146] **Кнюпфер Мориц Георгиевич,** р. в 1882 г. Морской корпус (1903), Офицерский артиллерийский класс (1908), Морская академия (1912). Капитан 1-го ранга Гвардейского экипажа. В Северо-Западной армии; в июне 1919 г. начальник морского штаба Северного корпуса, на связи с Английской миссией. В эмиграции в Англии, к 1930 г. член объединения Гвардейского экипажа. Умер 18 марта 1954 г. в Лондоне.

[147] **Делль Роберт Францевич,** р. 21 июня 1879 г. в Санкт-Петербурге. Из мещан Санкт-Петербургской губ. Училище Св. Анны в Санкт-Петербурге (1899), Алексеевское военное училище (1901). Полковник, командир 96-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. Остался в Петрограде, мобилизован большевиками. В Северо-Западной армии (перешел от красных 13 июня в ходе восстания, зачислен с 23 июля 1919 г.); в июне 1919 г. формировал Красногорский полк, затем помощник начальника 2-й стрелковой дивизии, в декабре 1919 г. командир 2-й бригады 2-й пехотной дивизии.

[148] 7-й Уральский полк. Сформирован в Отдельном корпусе Северной армии в июне 1919 г. из части Островского полка, один из батальонов которого состоял из перешедших от красных к

эстонцам мобилизованных уральцев. С июня 1919 г. входил в состав 2-й пехотной дивизии Северо-Западной армии. К началу октября 1919 г. имел 450 штыков. В декабре 1919 г. в полку насчитывалось 88 офицеров. Командир – подполковник Э.В. фон Рентельн (июнь 1919 г.), полковник В.А. Трусов (до декабря 1919 г.), полковник А.С. Шиманский (декабрь 1919-го – январь 1920 г.).

[149] **Алексеев Василий Алексеевич.** Подполковник. В Северо-Западной армии; в начале 1919 г. командир офицерской роты 1-й стрелковой бригады Северного корпуса, с 10 июня 1919 г., в декабре 1919 г. командир 5-го пехотного Островского полка. Полковник (с 30 марта 1919 г.).

[150] **Фон Рентельн Эвальд Вольдемарович,** р. в 1893 г. в имении Брейнмерфельд около Пайде. Произведен в офицеры из вольноопределяющихся в 1914 (1913) г. Штабс-ротмистр л. – гв. Конного полка. С декабря 1918 г. в офицерской роте Балтийского полка (майор эстонской армии). В Северо-Западной армии; в мае 1919 г. ротмистр, командир 2-го батальона Островского полка, с июня 1919 г. командир 7-го Уральского полка, в декабре 1919 г. в Конно-Егерском полку. Подполковник. В эмиграции в Польше (Лиссе). С 22 августа 1941 г. в германской армии (с 5 ноября 1942 г. командир 360-го казачьего полка, затем – бригады в 15-м казачьем корпусе). С 1945 г. в лагере в Прокопьевске, затем в Новосибирске. Умер после 1946 г. в лагере.

[151] 8-й Семеновский полк. Сформирован в Отдельном корпусе Северной армии в мае 1919 г. из перешедшего от красных Семеновского полка в числе 600 штыков, за месяц потерял 16 офицеров и 300 солдат. С июля 1919 г. входил в состав 2-й пехотной дивизии Северо-Западной армии. К началу октября 1919 г. имел 500 штыков. В декабре 1919 г. в полку насчитывалось 84 офицера. Командир – капитан В.А. Зайцов.

[152] **Зайцов (Зайцев) Всеволод Александрович,** р. 25 сентября 1890 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян, сын статского советника. Николаевский кадетский корпус (1908), Павловское военное училище (1910). Капитан л. – гв. Семеновского полка. В 1918–1919 гг. оставался в полку в Петрограде, вел работу против большевиков. В Северо-Западной армии (перешел от красных 29 мая 1919 г. с Семеновским полком, зачислен с 1 июня 1919 г.); до июля командир Семеновского полка, с 1 сентября 1919 г. подполковник, в декабре 1919 г. помощник командира 8-го пехотного Семеновского полка. В эмиграции к декабрю 1926 г. в Румынии, член полкового объединения, затем в Финляндии, председатель полкового объединения. Полковник. Умер 16 декабря 1978 г. в Гельсингфорсе.

[153] 2-я пехотная дивизия. Сформирована в Северо-Западной армии в июне 1919 г. Входила в состав 1-го армейского (стрелкового) корпуса. Включала Островский, Уральский, Талабский и Семеновский полки и Партизанский отряд поручика Данилова, на начало октября – декабрь 1919 г. – 5-й Островский, 6-й Талабский, 7-й Уральский, 8-й Семеновский полки, 2-й отдельный легкий артиллерийский дивизион (подполковник В.А. Макаров), инженерную роту, запасный батальон (подполковник Покровский) и перевязочный отряд. В декабре 1919 г. в ней числилось 482 офицера. 25 декабря 1919 г. переименована во 1-ю стрелковую с добавлением Деникинского полка. Начальник – полковник М.В. Ярославцев. Начштаба – полковник А.А. Прокопович. Командиры бригад: 1-й – полковник В.А. Трусов (с декабря 1919 г.), 2-й – полковник Р.Ф. Делль.

[154] 3-я пехотная дивизия. Сформирована в Северо-Западной армии в июне 1919 г. Входила в состав 1-го армейского (стрелкового) корпуса. Включала Волынский, Ревельский, Балтийский и Красногорский полки, на начало октября – декабрь 1919 г. – 9-й Волынский, 10-й Красногорский, 11-й Вятский, 12-й Темницкий полки, 3-й отдельный легкий артиллерийский дивизион (полковник А.А. Винокуров), Инженерную роту и Егерский Гатчинский батальон. В декабре 1919 г. в ней числилось 326 офицеров. 25 декабря 1919 г. переименована во 2-ю стрелковую с добавлением Печерского полка. Начальники: полковник (генерал-майор) Д.Р. Ветренко. Начштаба: ротмистр Голубев (июнь 1919 г.), капитан К.С. Власьев (врид, декабрь 1919 г.), подполковник Кусаков (до 25 декабря 1919 г.). Командиры бригад: 1-й – полковник П.И. Иванов, 2-й – полковник А.М. Будзилович.

[155] **Хомяков Иван Петрович,** р. в 1871 г. В службе с 1889 г., офицером с 1891 г. Полковник. В Северо-Западной армии (зачислен с 15 мая 1919 г.), с июня 1919 г. командир Волынского полка Северного корпуса, в декабре 1919 г. командир 53-го пехотного Волынского полка. В эмиграции в Швеции. Умер 27 ноября 1966 г. в Упсале (Швеция).

[156] 10-й Красногорский полк. Сформирован в Отдельном корпусе Северной армии в июне 1919 г. из перешедшего на сторону армии красного гарнизона форта Красная Горка. С июля 1919 г. входил в состав 3-й пехотной дивизии Северо-Западной армии. К началу октября 1919 г. имел 450 штыков. В декабре 1919 г. в полку насчитывалось 38 офицеров. Командиры: полковник Р.Ф. Делль (июнь 1919 г.), полковник М.В. Бельдюгин (с июля 1919 г.).

[157] 1-й армейский (стрелковый) корпус Северо-Западной

армии. Сформирован в июне 1919 г. из 1-й бригады Отдельного корпуса Северной армии. Состоял из 2-й и 3-й пехотных дивизий и Конно-Егерского полка. На начало октября – декабрь 1919 г. в корпус входили 2-я, 3-я и 5-я пехотные дивизии, Конно-Егерский и Балтийский полки. 25 декабря 1919 г. расформирован. Командир – генерал-майор граф А.П. Пален. Начштаба – поручик (полковник) Б. Видякин.

158 1-я пехотная дивизия. Сформирована в Северо-Западной армии в июне 1919 г. Не входила в состав корпусов. Включала Георгиевский, Колыванский и Гдовский полки, на начало октября – декабрь 1919 г. – 1-й Георгиевский, 2-й Ревельский, 3-й Колыванский, 4-й Гдовский полки, 1-й отдельный легкий артиллерийский дивизион (полковник К.К. Смирнов), инженерную роту, 1-й маршевый батальон (полковник Н.В. Российский), Отдельный пограничный батальон, дезинфекционный и перевязочный отряды. В декабре 1919 г. в ней числилось 483 офицера. 25 декабря 1919 г. переименована в резервную дивизию. Начальник – генерал-майор (генерал-лейтенант) А.Ф. Дзерожинский. Начштаба – полковник М.Е. Лотов.

159 3-й Колыванский полк. Сформирован в Северо-Западной армии в июне 1919 г. на основе одной из рот Ревельского полка, мобилизованных и перешедших от большевиков. Входил в состав 1-й пехотной дивизии. К началу октября 1919 г. имел 650 штыков. В декабре 1919 г. в полку насчитывалось 79 офицеров. Командир – полковник К. Г. Бадендык.

160 4-й Гдовский полк. Сформирован в Северо-Западной армии в июне 1919 г. из добровольцев и мобилизованных. Входил в состав 1-й пехотной дивизии. К началу октября 1919 г. имел 900 штыков. В декабре 1919 г. в полку насчитывался 101 офицер. Командир – полковник В.Н. Миних.

161 Воспоминания А.С. Гершельмана публикуются ниже.

162 **Неведомский Владимир Константинович.** Штабс-капитан л. – гв. Конной артиллерии. С 1918 г. член антисоветской монархической организации П.П. Дурново в Петрограде. В Северо-Западной армии (прибыл в мае 1919 г. из Финляндии, зачислен с июня 1919 г.); в декабре 1919 г. и. д. обер-квартирмейстера штаба 1-го армейского корпуса. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Расстрелян большевиками 10 декабря 1920 г. в Феодосии.

163 **Саламанов Николай Николаевич,** р. 12 марта 1883 г. 2-й кадетский корпус (1901), Павловское военное училище (1903). Полковник, начальник хозяйственной части л. – гв. Гренадерского полка, командующий л. – гв. Павловским полком. Георгиевский

кавалер. В Северо-Западной армии с осени 1918 г.; командир батальона в Ревельском полку, в апреле – июне 1919 г. комендант Гдовского уезда, в декабре 1919 г. командир 24-го пехотного Печерского полка. Генерал-майор (с января 1920 г.). В феврале 1921 г. во 2-й дивизии 3-й Русской армии в Польше. В эмиграции в Польше, затем во Франции, возглавлял группу л. – гв. Гренадерского полка в Париже, затем на декабрь 1924 г., на 13 июня 1939 г., на ноябрь 1951 г. председатель объединения л. – гв. Гренадерского полка. Умер 9 ноября 1954 г. в Париже.

[164] 11-й Вятский полк. Сформирован в Северо-Западной армии в июне 1919 г. на базе Врудской комендантской команды. Входил в состав 3-й пехотной дивизии. К началу октября 1919 г. имел 300 штыков. В декабре 1919 г. в полку насчитывалось 46 офицеров. Командир – полковник Э.Э. Бушман.

[165] 2-й армейский (стрелковый) корпус Северо-Западной армии. Сформирован в июне 1919 г. из 2-й бригады (войска Булак-Булаховича) Отдельного корпуса Северной армии. На начало октября 1919 г. в него входили 4-я пехотная дивизия, Отдельная бригада (затем 6-я пехотная дивизия) и Конный имени Булак-Булаховича полк. Командир – генерал-лейтенант Е.К. Арсеньев.

[166] **Александров Константин Александрович,** р. в 1875 г. Мировой судья в Санкт-Петербурге, председатель отдела заготовок Петроградского комитета Земгора. В Северо-Западной армии; с августа 1919 г. главноначальствующий гражданской частью, министр внутренних дел правительства Северо-Западной области. В эмиграции в Финляндии, уполномоченный Земгора. Умер 27–29 декабря 1927 г. в Выборге (Финляндия).

[167] **Граф Беннигсен Мануил Павлович.** Училище правоведения (1896). Действительный статский советник. Член Государственной Думы. Главноуполномоченный Красного Креста при армиях Западного фронта. В Северо-Западной армии; с августа 1919 г. гражданский губернатор Петроградской губ. В эмиграции во Франции, с 1933 г. в Бразилии. Умер в 1955 г.

[168] **Барон фон Крюденер-Струве Александр Амандович.** Член Государственной Думы. В Северо-Западной армии; с 25 ноября 1918 г. гражданский губернатор армейского района Отдельного Псковского добровольческого корпуса, весной 1919 г. в группе русских деятелей по установлению контактов с Германией, с августа 1919 г. Псковский губернатор от Северо-Западной армии. В эмиграции в Германии. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г. В 1945 г. сотрудник Красного Креста в Германии.

[169] **Граф Шувалов Павел Павлович.** Прапорщик. В 1918 г.

в офицерской организации в Петрограде, занимался переправкой офицеров в Финляндию. В Северо-Западной армии в Талабском полку, с августа 1919 г. адъютант полка. Убит в августе 1919 г. под Красным Селом, или умер от ран 26 октября 1919 г. в Эстонии.

[170] **князь Долгоруков Александр Николаевич,** р. 27 декабря 1872 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян Московской губ. Пажеский корпус (1893), Курс восточных языков, академия Генштаба (1905). Офицер Кавалергардского полка. Георгиевский кавалер. Генерал-лейтенант, начальник 3-й Донской казачьей дивизии, командир 1-го кавалерийского корпуса. Летом

1918 г. член антисоветской организации в Петрограде. С октября 1918 г. в гетманской армии, с 18 ноября 1918 г. заместитель, а с 26 ноября 1918 г. Главнокомандующий всеми вооруженными силами на территории Украины. С декабря 1918 г. в Германии, затем в Северо-Западной армии (зачислен с 6 сентября 1919 г.); в распоряжении командира 2-го корпуса, с 16 сентября 1919 г. начальник 4-й дивизии, с 1 декабря 1919 г. в резерве чинов при штабе армии. В эмиграции в Ревеле, член Международной антибольшевистской лиги, затем во Франции (Париж). Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г., с февраля 1924 г. в Бельгийском Конго, с 1929 г. в Марокко, в 1932–1938 гг. начальник отдела РОВС в Марокко. Умер 17 января 1948 г. в Рабате (Марокко).

[171] 4-я пехотная дивизия. Сформирована в Северо-Западной армии летом 1919 г. Входила в состав 2-го армейского (стрелкового) корпуса. На начало октября – декабрь 1919 г. включала 13-й Нарвский, 14-й Литовский, 15-й Вознесенский, 16-й Велико-Островский полки, 4-й отдельный легкий артиллерийский дивизион (полковник В.С. Артюхов), 2-й отдельный гаубичный артиллерийский дивизион, инженерную роту, ударный батальон (капитан Т.И. Жгун), запасный батальон (штабс-ротмистр Гранберг) и перевязочный отряд. В декабре 1919 г. в ней числился 241 офицер. 25 декабря 1919 г. расформирована. Начальники: полковник С.Н. Булак-Булахович, генерал-лейтант князь С.А. Долгорукий (август – ноябрь 1919 г.), полковник Шталь (декабрь 1919 г.). Помощник начальника – полковник Терентьев. Начштаба: полковник Стоякин, полковник Е.И. Липский (с августа 1919 г.).

[172] 5-я пехотная (Ливенская) дивизия. Сформирована в Северо-Западной армии в июле 1919 г. из Ливенского отряда. Входила в состав 1-го армейского (стрелкового) корпуса. На 8 октября 1919 г. насчитывала 2328 человек, вт. ч.: 1-й полк – 460, 2-й – 460, 3-й – 545, Стрелковый дивизион – 134, пулеметная рота

– 33, инженерная рота – 140, легкая батарея – 100, гаубичная батарея – 103, комендантская команда – 60, команда связи – 53, команда разведчиков – 5, авиационный взвод – 59, броневой взвод – 38, управление интенданта – 98, штаб – 40. К декабрю 1919 г. включала 17-й Либавский, 18-й Рижский, 19-й Полтавский, 20-й Чудской полки, Стрелковый дивизион, пулеметную, инженерную и запасную (подполковник Д.Д. Лебедев) роты. В декабре 1919 г. в ней числилось 383 офицера. 25 декабря 1919 г. расформирована. Начальники: ротмистр (полковник) светлейший князь А.П. Ливен, полковник К.И. Дыдоров (июль – 20 ноября 1919 г.), генерал-майор Б.С. Пермикин (с 20 ноября 1919 г.), генерал-майор А.А. Бобошко (ноябрь – декабрь 1919 г.). Начштаба: полковник М.Я. Соболевский (с начала октября 1919 г.), подполковник Е.Н. Решетников (врио, ноябрь 1919 г.).

[173] Впоследствии 6-я пехотная дивизия. Входила в состав 2-го армейского (стрелкового) корпуса. На начало октября 1919 г. включала 21-й Деникинский, 22-й Псковский, 24-й Печерский полки и Качановский батальон, к декабрю 1919 г. преобразована в дивизию, включала также 1-й отдельный легкий артиллерийский дивизион. В декабре 1919 г. в ней числилось 155 офицеров. Начальник – генерал-майор К.А. Ежевский.

[174] **Бенкендорф Андрей Александрович.** Александровский лицей (1903). Офицер с 1904 г. Полковник л. – гв. Конного полка, начальник связи штаба 8-й армии. В Северо-Западной армии; с начала октября 1919 г., в декабре 1919 г. командир Конно-Егерского полка. В эмиграции в Бельгии. Умер 7 октября 1958 г. в Брюсселе.

[175] **Кондзеровский Петр Константинович,** р. 22 июня 1869 г. в Санкт-Петербурге. Сын генерал-майора. 1-й кадетский корпус (1887), Константиновское военное училище (1889), академия Генштаба (1895). Офицер л. – гв. Егерского полка. Генерал-лейтенант, дежурный генерал Верховного Главнокомандующего, член Военного Совета. В Северо-Западной армии (зачислен 26 июля 1919 г.); с начала 1919 г. член военно-политического центра в Финляндии, в мае – июле 1919 г. начальник штаба и помощник Главнокомандующего генерала Юденича, с 2 октября 1919 г. помощник Главнокомандующего по должности военного министра. В эмиграции в Финляндии, с конца 1920 г. во Франции. Начальник канцелярии Великого князя Николая Николаевича и председателя РОВС, на 10 августа 1928 г. в Париже, член объединения л. – гв. Егерского полка. Умер 16–17 августа 1929 г. в Париже.

[176] 24-й Печерский полк. Сформирован в Северо-Западной

армии до октября 1919 г. Входил в состав Отдельной бригады (затем 6-я пехотная дивизия). К началу октября 1919 г. имел 600 штыков. В декабре 1919 г. в полку насчитывалось 44 офицера. В полку служило много морских офицеров; одним из батальонов командовал капитан 1-го ранга П.А. Шишко, а ротами – капитаны 2-го ранга Н. Бабицын, В. Беклемишев, М. Ромашев и Г. Вейгелин.

[177] **Григорьев Владимир Федорович.** Подполковник. В Северо-Западной армии (зачислен с 22 октября 1918 г.); в декабре 1919 г. командир 13-го Нарвского пехотного полка. Полковник (с июля 1919 г.).

[178] **Глазенап Петр Владимир Василий Владимирович,** р. 3 марта 1882 г. в Гжатске. Из дворян Лифляндской губ., сын офицера. 1-й Московский кадетский корпус (1901), Николаевское кавалерийское училище (1903), Офицерская кавалерийская школа (1913). Офицер 13-го драгунского полка. Ротмистр гвардейского запасного кавалерийского полка. Полковник, командир особого ударного отряда своего имени. В Добровольческой армии с декабря 1917 г.; участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир кавалерийского дивизиона, с 25 марта 1918 г. командир 1-го офицерского конного полка, с июня 1918 г. начальник 1-й отдельной Кубанской казачьей бригады, с 9 октября 1918 г. начальник 4-й дивизии, затем Ставропольский военный губернатор, с 23 марта 1919 г. начальник Сводно-Горской конной дивизии, с 27 марта 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР (с 12 ноября 1918 г. генерал-майор), отчислен с 8 октября 1919 г. С лета 1919 г. в Северо-Западной армии; с 18 октября 1919 г. генерал-губернатор Северо-Западной области, помощник Главнокомандующего, с 26 ноября 1919 г. по 22 января 1920 г. командующий Северо-Западной армией. Генерал-лейтенант (24 ноября 1919 г.). Весной 1920 г. формировал и до августа 1920 г. командовал 3-й Русской армией в Польше, затем формировал Русский легион в Венгрии, с 1922 г. в Германии, с 1925 г. в Данциге, с 1939 г. в Варшаве. С 1946 г. организатор и председатель Союза Андреевского флага. Умер 27 мая 1951 г. в Мюнхене.

[179] Впервые опубликовано: Архив русской революции. Т. II. Берлин, 1922.

[180] **Трепов Александр Федорович,** р. в 1863 г. В службе с 1878 г., в классном чине с 1880 г. Тайный советник, член Государственного Совета, шталмейстер, до 27 декабря 1916 г. председатель Совета министров. В 1918 г. член антисоветской организации в Петрограде. В эмиграции в Финляндии, оказывал помощь Северо-Западной армии. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г. Умер в 1928 г. в Ницце (Франция).

[181] **Струве Петр Бернгардович,** р. 26 января 1870 г. в Перми. Из дворян, сын Пермского губернатора. Санкт-Петербургский университет (1885).

Профессор Санкт-Петербургского политехнического института. В 1917–1918 гг. член «Совета общественных деятелей», «Правого центра» в Москве, в 1918–1919 гг. член «Национального центра». Во ВСЮР и Русской Армии; в 1919 г. редактор газеты «Великая Россия», член Особого Совещания, с 29 марта 1920 г. начальник управления внешних сношений правительства генерала Врангеля. В эмиграции в Югославии, преподаватель экономики Высших военно-научных курсов в Белграде, затем во Франции. Умер 22 февраля 1944 г. в Париже.

[182] **Ярославцев Михаил Владимирович,** р. 30 декабря 1884 г. в Тульской губ. Сын капитана. 1-й Московский кадетский корпус (1903), Алексеевское военное училище (1905). Полковник 68-го пехотного полка, командир 301-го пехотного полка. В Северо-Западной армии с 18 ноября

1918 г. (зачислен с мая 1919 г.); помощник командира Псковского полка, помощник начальника Западного отряда, дежурный генерал штаба Северного корпуса, с апреля 1919 г. командир Островского полка, с 30 мая

1919 г., в декабре 1919 г. начальник 2-й пехотной дивизии, с января 1920 г. начальник 3-й дивизии (нового формирования). Генерал-майор (23 июля 1919 г.). В эмиграции с мая 1921 г. в Варшаве, с начала 1920-х гг. во Франции, к 1929 г. в Париже, с 1932 г. в Ницце (Франция). Священник (с 1937 г.), затем архимандрит в Рабате. Умер 28 января 1954 г. в Рабате (Марокко).

[183] Впервые опубликовано: Служба связи Ливенцев и Северозападников. Декабрь 1930. № 3.

[184] **Барон Унгерн фон Штернберг Константин Леонардович.** Штабс-ротмистр л. – гв. Конного полка. В Северо-Западной армии; в мае 1919 г. командир 1-го батальона Островского полка, в декабре 1919 г. подполковник, командир 8-го пехотного Семеновского полка. Полковник (12 октября 1919 г.). В эмиграции. Умер 19 декабря 1929 г. в Тунисе.

[185] **Гершельман Александр Сергеевич** (5-й), р. 12 ноября 1893 г. в Ревеле. Сын генерал-лейтенанта. Пажеский корпус (1913). Офицер 1-й конно-артиллерийской батареи. Штабс-капитан 1-й батареи л. – гв. Конной артиллерии. Георгиевский кавалер. Арестован в ноябре 1918 г. в Москве, с ноября 1918 г. в Финляндии, в мае 1919 г. участвовал в спасении Н.Е. Маркова 2-го. С мая 1919 г. в Северном корпусе и Северо-Западной армии (зачислен с 16 июня 1919 г.); командир артиллерийского взвода

Талабского полка, с июня 1919 г. командир роты 5-й батареи Псковской артиллерийской бригады, с июля 1919 г. командир 1-й батареи во 2-м отдельном легком артдивизионе, осенью 1919 г. командир батареи Темницкого полка, в декабре 1919 г. командир 2-й батареи в 3-м отдельном легком артдивизионе. Ранен. Полковник. В эмиграции в Финляндии, с 1 января 1921 г. в Берлине, с 1925 г., на 1938 г. в Вене. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г. С 1948 г. в Аргентине. Сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 24–25 декабря 1977 г. в Буэнос-Айресе.

186 Печатается по изданию: *Гершельман* А. С. В рядах добровольческой Северо-Западной армии. Вооруженная борьба с III Интернационалом. 1919 год. М., 1997–1998.

187 Унковский Иван Семенович. Учащийся Александровского лицея (3-й класс), Пажеский корпус (1917). Штабс-капитан л. – гв. Конной артиллерии. В Северо-Западной армии с лета 1919 г. из Финляндии; в Конной батарее. В эмиграции в Австрии, в 1931 г. представитель начальника 2-го отдела РОВС в Вене, представитель лицейского объединения в Австрии. Умер 23 ноября 1975 г. в Зальцбурге (Австрия).

188 Навроцкий Георгий (Сергей) Львович. Прапорщик л. – гв. Конной артиллерии в прикомандировании к л. – гв. Семеновскому полку. В 1918 г. член монархической организации П.П. Дурново в Петрограде. В Северо-Западной армии (прибыл в мае 1919 г. из Финляндии) начальник команды разведчиков в Семеновском полку. Штабс-капитан. Убит в конце октября 1919 г. под Царским Селом.

189 Марков Николай Евгеньевич (2-й), р. в 1879 г. Член Государственной Думы. Один из лидеров монархического движения в России. В Северо-Западной армии; с 16 июня 1919 г. обер-офицер для поручений при Военно-гражданском управлении. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г.

190 В Северо-Западной армии Марков 2-й работал под фамилией штабс-капитана Чернякова.

191 Виланд Михаил Михайлович, р. около 1893 г. Николаевское кавалерийское училище (1914). Штабс-ротмистр л. – гв. Конно-гренадерского полка. В 1918 г. член антисоветской монархической организации в Петрограде. В Северо-Западной армии (с 1919 г. через Финляндию) в Конно-Егерском полку. Убит 10 или 16 октября 1919 г. у д. Ложголово под Пулковом.

192 Швабе Николай Адольфович. Офицер с 1914 г. Штабс-ротмистр л. – гв. Кирасирского Ее Величества полка. Взят заложником в сенябре 1918 г. в Петрограде. Член монархической

организации. В Северо-Западной армии (зачислен с 1919 г., из Финляндии). В декабре 1919 г. начальник конной-пулеметной команды Конно-Егерского полка. В эмиграции в Германии, на 1 января 1921 г. член объединения л. – гв. Кирасирского Ее Величества полка в Берлине.

[193] **Гершельман Сергей Сергеевич (3-й).** Пажеский корпус (1910). Офицер 1-й конно-артиллерийской батареи и 1-й батареи л. – гв. Конной артиллерии. С мая 1919 г. в Северном корпусе и Северо-Западной армии; в июне 1919 г. формировал конную батарею в Ямбурге. Полковник. В эмиграции в Австрии, с 1938 г. в Вене, затем в Германии. Умер 27 января 1957 г. в Мюнхене.

[194] **Домогацкий Иван Александрович.** Капитан. В Северо-Западной армии (зачислен с 20 октября 1918 г.); в мае 1919 г. командир 2-го батальона Талабского полка, в декабре 1919 г. начальник хозяйственной части 6-го пехотного Талабского полка. Подполковник (с 4 августа 1919 г.).

[195] **Барон Велио Владимир Иванович,** р. 18 февраля 1877 г. в Санкт-Петербурге. Пажеский корпус (1896), Офицерская кавалерийская школа, Офицерская артиллерийская школа. Генерал-майор, командир л. – гв. Конной артиллерии. В Северо-Западной армии; с 10 июля 1919 г. начальник штаба 2-го стрелкового корпуса, с 25 октября 1919 г. в резерве чинов при штабе армии, с 7 ноября 1919 г. в распоряжении штаба генерал-губернатора генерала Глазенапа. В эмиграции к 1954 г. в Бельгии, затем в США. Умер 4 января 1961 г. в Нью-Йорке.

[196] **Фон Шварц Алексей Владимирович,** р. в 1874 г. Из дворян Екатеринославской губ. Реальное училище (1892), Николаевское инженерное училище (1895), Николаевская инженерная академия (1902). Генерал-лейтенант, и. д. начальника Главного Военно-технического управления. Летом 1918 г. бежал из Красной армии в Киев; в декабре 1918 г. в Одессе; приглашен на должность начальника предполагаемого десантного отряда для захвата Петрограда, с 21 марта 1919 г. командующий русскими войсками в союзной зоне и генерал-губернатор Одессы, в апреле 1919 г. начал формирование Южно-русской армии. В эмиграции в Италии, затем в Аргентине, преподаватель академии Генштаба и Высшей военно-технической школы. Умер 27 сентября 1953 г. в Буэнос-Айресе.

[197] **Петренко Николай Михайлович.** Штабс-капитан. В Северо-Западной армии (зачислен с 22 декабря 1918 г.); в июне 1919 г. командир 4-й батареи Псковской артиллерийской бригады, в декабре 1919 г. командир 3-й батареи в 1-м отдельном легком артдивизионе. Капитан (с 15 октября 1919 г.).

[198] **Бернов Георгий Сергеевич.** Штабс-капитан. В Северо-

Западной армии; в июне 1919 г. старший офицер 4-й батареи Псковской артиллерийской бригады (зачислен с 25 декабря 1919 г.), в декабре 1919 г. в 1-м отдельном легком артдивизионе. Капитан (с 9 сентября 1919 г.).

[199] **Яницкий Даниил Владимирович,** р. 8 декабря 1893 г. в Гродно. Из дворян. Полоцкий кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1914). Штабс-капитан Константиновского артиллерийского училища. В Северо-Западной армии (перешел от красных; зачислен с 6 июня 1919 г.); с июня 1919 г. в артвзводе Талабского полка, затем до августа 1919 г. в 5-й батарее Псковской артиллерийской бригады и в 1-й батарее во 2-м отдельном легком артдивизионе; в декабре 1919 г. заведующий хозяйственной частью в 3-м отдельном легком артдивизионе. В эмиграции в Эстонии. Вернулся и служил в РККА, затем бухгалтер артели «Патент» в Ленинграде. Репрессирован в 1931 г. по делу «Весна» («константиновец»).

[200] **Андреев Борис Александрович.** Прапорщик. В Северо-Западной армии (в мае 1919 г. из Финляндии, зачислен с 15 июня 1919 г.); в артвзводе Талабского полка, в 5-й батарее Псковской артиллерийской бригады и 1-й батарее 2-го отдельного легкого артиллерийского дивизиона; в декабре 1919 г. в 3-м отдельном легком артдивизионе. Ранен.

[201] **Шмеман Дмитрий Николаевич,** р. в 1893 г. Офицер с 1915 г. Штабс-капитан л. – гв. Семеновского полка. В Северо-Западной армии (зачислен с 1 июня 1919 г.), в июне 1919 г. в штабе Семеновского полка, в декабре 1919 г. командир 2-го батальона 8-го пехотного Семеновского полка. Капитан. В эмиграции к декабрю 1926 г. в Эстонии, к октябрю 1928 г. в Югославии. Член полкового объединения, затем во Франции, на ноябрь 1951 г. секретарь объединения л. – гв. Семеновского полка. Умер 20 марта 1958 г. во Франции.

[202] **Эссен Николай Михайлович.** Штабс-капитан. В Северо-Западной армии (зачислен с 1 июня 1919 г.); в июне 1919 г. в штабе Семеновского полка, в декабре 1919 г. адъютант 8-го пехотного Семеновского полка.

[203] **Квятковский Георгий Иосифович.** Из крестьян. Киевский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище. Штабс-капитан. В Северо-Западной армии (перешел от красных; зачислен с 15 июня 1919 г.); командир артиллерийского взвода Ревельского полка, затем старший офицер 1-й батареи во 2-м отдельном легком артдивизионе, в декабре 1919 г. старший офицер 2-й батареи в 3-м отдельном легком артдивизионе.

[204] **Садовский Гавриил Витольдович.** Штабс-капитан. В Северо-Западной армии (зачислен с 18 декабря 1918 г.), в июне

1919 г. в Ревельском полку, в декабре 1919 г. начальник пулеметной команды 2-го пехотного Ревельского полка.

[205] **Свежевский Виктор Иванович.** Капитан, курсовой офицер артиллерийского училища. В Северо-Западной армии (перешел от красных; зачислен с 6 июня 1919 г.); в июне 1919 г. в распоряжении начальника артиллерийского участка, в декабре 1919 г. помощник командира в 3-м отдельном легком артдивизионе.

[206] **Качалов Дмитрий Дмитриевич,** р. в 1896 г. Морской корпус (1915). Мичман. В 1917–1918 гг. член монархической организации П.П. Дурново в Петрограде. В Северо-Западной армии; в июне 1919 г. командир бронепоезда «Адмирал Эссен». Лейтенант. В Русской Западной армии, в контрразведке, с 1919 г. старший лейтенант. В эмиграции в Германии, член Союза взаимопомощи служивших в российском флоте в Берлине, затем во Франции, к 1930 г. в Ницце, с 1931 г. в Алжире.

[207] **Никифораки Петр Николаевич,** р. в 1877 г. Нотариус в Коломне. В 1918 г. член подпольной организации в Петрограде. В Северо-Западной армии (зачислен с 17 июня 1919 г. вольноопределяющимся); в июне 1919 г. в 5-й батарее Псковской артиллерийской бригады, в декабре 1919 г. в 3-м отдельном легком артдивизионе. Прапорщик (с 16 ноября 1919 г.).

[208] **Тихонов Лев Тихонович.** Штабс-капитан артиллерии. Мобилизован большевиками, вел подпольную работу в сформированной им конной батарее. В Северо-Западной армии (перешел от красных); в июне 1919 г. старший офицер Конной батареи. В эмиграции в Германии. Умер 8 марта 1962 г. в Штутгарте (Германия).

[209] **Голенкин Михаил Иванович.** Штабс-капитан, курсовой офицер Михайловского артиллерийского училища. Служил в РККА, с 1918 г. на 1-х артиллерийских курсах. В Северо-Западной армии (перешел от красных); в июне – июле 1919 г. начальник артиллерийского участка, позже – начальник технического отдела управления инспектора артиллерии. Подполковник. Умер 24 февраля 1920 г. в Нарве.

[210] **Тенно Павел.** Штабс-капитан. В Северо-Западной армии (зачислен с 8 ноября 1918 г.); в июне 1919 г. командир 2-й батареи Псковской артиллерийской бригады, в июне – июле 1919 г. начальник артиллерийского участка, с июля, в декабре 1919 г. командир 2-й батареи во 2-м отдельном легком артдивизионе. Капитан (18 июля 1919 г.).

[211] **Лион Николай Георгиевич.** Подпоручик. В Северо-Западной армии (зачислен с 15 июля 1919 г., прибыл из Финляндии). Командир взвода 5-й батареи Псковской

артиллерийской бригады и 1-й батареи 2-го отдельного легкого артдивизиона; в декабре 1919 г. в 3-м отдельном легком артдивизионе. В начале 1920 г. вернулся в Петроград, где в 1921 г. участвовал в деятельности подпольной организации. В эмиграции в Финляндии.

[212] **Неклюдов Н.Н.** Поручик. В Северо-Западной армии (перешел от красных, командир форта Красной Горки); с июля 1919 г. начальник оперативного отдела 3-й пехотной дивизии, в декабре 1919 г. в 1-м запасном артиллерийском дивизионе. Капитан. В эмиграции.

[213] **Иванов Георгий Яковлевич.** Капитан. В Северо-Западной армии (зачислен с 5 июня 1919 г.); с июля 1919 г. командир 3-й батареи 2-го отдельного легкого артдивизиона, в декабре 1919 г. помощник командира 4-го отдельного легкого артдивизиона.

[214] **Жадимеровский Андрей Владимирович.** Из дворян, сын полковника. Поручик л. – гв. 2-й артиллерийской бригады. В Северо-Западной армии; в июле 1919 г. в 1-й батарее 2-го отдельного легкого артдивизиона. Тяжело ранен 23 июля 1919 г.; в декабре 1919 г. в 3-м отдельном легком артдивизионе. Капитан. В эмиграции к 1932 г. в Югославии. Умер 3 сентября 1965 г. в Нью-Йорке.

[215] **Зубов Николай Николаевич.** Учащийся Александровского лицея (3-й класс). Пажеский корпус (1917). Поручик л. – гв. Конной артиллерии. В Северо-Западной армии (с лета 1919 г. из Финляндии) в Конной батарее. В эмиграции к 1929 г. в Элизабетвилле (Конго). Инженер. К 1938 г. в Бельгии, секретарь отдела Союза Пажей. Умер после февраля 1954 г.

[216] **Унковский Иван Семенович.** Учащийся Александровского лицея (3-й класс). Пажеский корпус (1917). Штабс-капитан л. – гв. Конной артиллерии. В Северо-Западной армии с лета 1919 г. из Финляндии; в Конной батарее. В эмиграции в Австрии, в 1931 г. представитель начальника 2-го отдела РОВС в Вене, представитель лицейского объединения в Австрии. Умер 23 ноября 1975 г. в Зальцбурге (Австрия).

[217] **Джавров Николай Соломонович (2-й).** Из дворян, сын полковника. Офицер л. – гв. Петроградского полка. Подполковник. В Северо-Западной армии (зачислен с 19 июля 1919 г.), с 9 ноября 1919 г. командир 1-го батальона, в декабре 1919 г. помощник командира 10-го пехотного Красногорского полка, с февраля 1921 г. командир 5-го стрелкового полка 3-й Русской армии в Польше. Полковник. В эмиграции в Польше, на 1 мая 1939 г. член полкового объединения.

[218] **Полянский Петр Иванович.** Штабс-капитан. Арестован большевиками, провел 6 месяцев в Псковской тюрьме. В Северо-

Западной армии (зачислен с ноября 1918 г.); в декабре 1919 г. командир 9-й роты 53-го пехотного Волынского полка.

[219] **Демидович Иван Иванович.** Михайловское артиллерийское училище (1915). Штабс-капитан. В 1918 г. прибыл из Киева в Псков и участвовал в формировании 53-го пехотного Волынского полка. В Северо-Западной армии (зачислен с 15 октября 1918 г.); с 20 июля 1919 г. в 1-й батарее во 2-м отдельном легком артдивизионе, в декабре 1919 г. в 3-м отдельном легком артдивизионе. Капитан. В эмиграции во Франции. Умер 10 августа 1977 г. в Монтуа (Франция).

[220] **Орлов Александр Васильевич.** Подпоручик. С начала 1919 г. в Ливенском отряде. В Северо-Западной армии (зачислен с 15 июля 1919 г.), с 20 июля в 1-й батарее 2-го отдельного легкого артдивизиона, в декабре 1919 г. в 3-м отдельном легком артдивизионе. Поручик.

[221] **Миронович Георгий Павлович.** Поручик. В Северо-Западной армии (зачислен с ноября 1918 г.); в августе – декабре 1919 г. командир 1-го батальона 53-го пехотного Волынского полка. Штабс-капитан (с 23 июля 1919 г.).

[222] **Будзилович Антон Михайлович.** Подполковник. В Северо-Западной армии (зачислен с 29 сентября 1918 г.); с августа 1919 г. командир 10-го Красногорского полка, в декабре 1919 г. командир 2-й бригады 3-й пехотной дивизии. Полковник (с 16 июня 1919 г.).

[223] **Алексеевский Павел Александрович.** Капитан л. – гв. Егерского полка. В Северо-Западной армии; в августе – декабре 1919 г. во 2-м пехотном Ревельском полку. В эмиграции в Эстонии, на 10 августа 1928 г. в Тарту, член объединения л. – гв. Егерского полка, затем в Германии. Умер в июне 1970 г. в Штутгарте (Германия).

[224] **Калмыков Михаил Иванович.** Штабс-капитан. В Северо-Западной армии (зачислен с 18 ноября 1918 г.); в сентябре – декабре 1919 г. командир 3-й роты 6-го пехотного Талабского полка. Ранен. Капитан (с 9 сентября 1919 г.).

[225] **Трусов Валериан Александрович,** р. 30 сентября 1879 г. в Рязанской губ. Из дворян той же губ. Нижегородский кадетский корпус (1897), Тверское кавалерийское училище (1899), Офицерская кавалерийская школа (1910). Офицер 2-го драгунского полка, 28 августа 1912 г. переведен в гвардию. Полковник, помощник командира стрелкового полка 17-й кавалерийской дивизии, командир Горджинского конного пограничного полка, помощник командира полка Офицерской кавалерийской школы. Георгиевский кавалер. В Северо-Западной армии с начала июня 1919 г. в распоряжении начальника 1-й

дивизии; с 20 августа 1919 г. и в декабре 1919 г. в 7-м пехотном Уральском полку, до декабря 1919 г. командир полка, затем командир 1-й бригады 2-й пехотной дивизии. В августе – сентябре 1920 г. командир Сводной кавалерийской дивизии, осенью 1920 г. начальник 1-й казачьей дивизии в 3-й Русской армии в Польше. Генерал-майор (с 22 января 1920 г.). В эмиграции в Польше, к 1939 г. начальник отдела РОВС в Варшаве. Участник монархического движения. Умер 24 декабря 1957 г. в США.

[226] **Сулковский Андрей Николаевич,** р. в 1879 г. Офицер с 1900 г. Полковник. В Северо-Западной армии (зачислен с 22 января 1919 г.), в сентябре – декабре 1919 г. начальник артиллерии 1-го армейского корпуса.

[227] **Бушей Георгий (Юрий) Владимирович,** р. 26 ноября 1888 г. в Санкт-Петербургской губ. Суворовский кадетский корпус, Киевское военное училище (1909). Подполковник, командир батареи 60-й артиллерийской бригады. С 1918 г. в гетманской армии; войсковой старшина, 30 ноября 1918 г. назначен в 21-й легкий артиллерийский полк. В Северо-Западной армии с сентября 1919 г. командир 2-го артиллерийского дивизиона, командир 1-го гаубичного артдивизиона; в 3-й Русской армии в Польше командир 2-го легкого артдивизиона. Полковник (1919 г.). В эмиграции с февраля 1921 г. в Польше, затем в Данциге и во Франции. Вице-председатель Союза Северо-Западной армии, председатель Союза Ливенцев во Франции (Ванв), председатель Объединения офицеров своих артдивизионов Северо-Западной и 3-й армий, секретарь Общества русских артиллеристов во Франции. Умер 3 января 1934 г. в Курбевуа (Франция).

[228] **Мамонтов (Мамантов) Константин Константинович,** р. 16 октября 1869 г. Из дворян Минской губ., сын офицера, казак ст. Нижне-Чирской Области Войска Донского. Николаевский кадетский корпус (1888), Николаевское кавалерийское училище (1890). Офицер л. – гв. Конно-гренадерского полка. Полковник, командир 6-го Донского казачьего полка. В Донской армии; участник Степного похода, комендант отряда; в марте 1918 г. руководитель восстания во 2-м Донского округе, в апреле 1918 г. командующий войсками 2-го Донского, Усть-Медведицкого и Хоперского округов, в мае 1918 г. начальник самостоятельного отряда и группы. В июле 1918 г. – 23 февраля 1919 г. командующий войсками Чирского и Цимлянского района, командующий Восточным фронтом (с 7 мая 1918 г. генерал-майор), с 23 февраля 1919 г. командующий 1-й Донской армией, командир 2-го сводного казачьего корпуса, в июле 1919-го – феврале 1920 г. командир 4-го Донского отдельного корпуса, в

ноябре 1919 г. командир конной группы. Генерал-лейтенант. Умер от тифа 1 февраля 1920 г. в Екатерине даре.

[229] **Павловский Владимир Карлович.** Штабс-капитан 33-го пехотного полка. В Северо-Западной армии (зачислен с 9 октября 1918 г.); в сентябре – декабре 1919 г. командир 3-го батальона 53-го пехотного Волынского полка. Капитан (с 9 октября 1919 г.). Умер от тифа 17 марта 1920 г. в Нарве.

[230] Воспоминания В.Г. Андреева публикуются ниже.

[231] **Худков Михаил Николаевич,** р. в 1868 г. В службе с 1890 г., офицером с 1893 г. Полковник. В Северо-Западной армии (зачислен с 1 июня 1919 г.); в октябре – декабре 1919 г. помощник командира 11-го пехотного Вятского полка.

[232] **Бушман Эрнест Михаил Эрнестович,** р. в 1873 г. В службе с 1891 г., офицером с 1897 г. Полковник. В Северо-Западной армии (из эстонской армии, куда перешел от красных; зачислен с 25 ноября 1918 г.); в октябре – декабре 1919 г. командир 11-го пехотного Вятского полка. В 1927 г. вернулся в СССР. Расстрелян в 1928 г.

[233] Конный имени Булак-Булаховича полк. Сформирован в Отдельном корпусе Северной армии в начале 1919 г. из чинов Партизанского отряда Булак-Булаховича. Входил в состав 2-й бригады, с июля 1919 г. – 2-го армейского (стрелкового) корпуса Северо-Западной армии. К началу октября 1919 г. имел 500 штыков и 100 сабель. Затем именовался 1-й Конный полк. 25 декабря 1919 г. включен вместе с Конно-Егерским полком в Конную бригаду. Командир – штабс-ротмистр (подполковник) И.Н. Булак-Булахович.

[234] **Князь Оболенский Александр Николаевич,** р. 24 февраля 1872 г. в Санкт-Петербурге. Пажеский корпус (1891). Офицер л. – гв. Преображенского полка. Генерал-майор. В Северо-Западной армии в 1919–1920 гг. В эмиграции во Франции. Умер 14 февраля 1924 г. в Париже.

[235] **Крылов Владимир.** Подпоручик. В Северо-Западной армии (перешел от красных, в октябре – декабре 1919 г. возвращен чин); в октябре – декабре 1919 г. командир роты в 12-м Темницком гренадерском полку.

[236] **Иомерт Жанно-Магнус Матисович.** Поручик. В Северо-Западной армии (зачислен с 15 октября 1918 г.); в октябре – декабре 1919 г. командир 1-й батареи в 3-м отдельном легком артдивизионе. Штабс-капитан (с 9 ноября 1919 г.).

[237] **Винокуров Александр Алексеевич,** р. в 1877 г. Офицер с 1898 г. Полковник артиллерии. В Северо-Западной армии (зачислен с 15 апреля 1919 г.), в октябре – декабре 1919 г. в 1-м отдельном легком артдивизионе, затем командир 3-го отдельного

легкого артдивизиона.

[238] **Усачев Андрей Васильевич.** Поручик. В Северо-Западной армии (зачислен с 19 июля 1919 г.); в октябре – декабре 1919 г. командир роты 10-го пехотного Красногорского полка. Штабс-капитан (с 16 ноября 1919 г.).

[239] **Бельдюгин Михаил Васильевич.** Подполковник. В Северо-Западной армии (зачислен с 19 июля 1919 г.); с июля, в октябре – декабре 1919 г. командир 10-го пехотного Красногорского полка. Полковник (с 25 октября 1919 г.).

[240] **Мосолов Александр Александрович,** р. 19 февраля 1854 г. В службе с 1873 г., офицером с 1875 г. Офицерская кавалерийская школа. Офицер л. – гв. Конного полка. Генерал-лейтенант, начальник канцелярии министерства Двора и уделов. В Вооруженных силах Юга России; подал доклад об организации общества по парцелляции и мелиорации. В эмиграции во Франции. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г., с 1925 г. член руководства Союза объединенных монархистов, в 1931 г. возглавлял группу в Антибе. Умер 1 октября 1939 г. в Софии.

[241] **Колзаков Константин Яковлевич (1-й).** Пажеский корпус (1906). Полковник л. – гв. Конной артиллерии. Георгиевский кавалер. В Северо-Западной армии; в декабре 1919 г. в штабе 1-го армейского корпуса. В эмиграции с 1938 г. в Лифляндии.

[242] **Щербачев Александр Дмитриевич,** р. 20 августа 1899 г. в Санкт-Петербурге. Пажеский корпус (1917). Офицер л. – гв. Конной артиллерии, адъютант начальника штаба Румынского фронта. В Северо-Западной армии. Поручик. В эмиграции в Югославии и к 1938 г. в Чехословакии. Арестован в 1945 г. в Праге и вывезен в СССР. В 1945–1955 гг. в лагере в Воркуте. Умер 30 января 1958 г. в Воркуте.

[243] **Киселевский Владимир Васильевич,** р. около 1898 г. Студент Петроградского университета. Юнкер Михайловского артиллерийского училища, вольноопределяющийся л. – гв. Конной артиллерии. С ноября 1918 г. в юнкерском эскадроне конвоя гетмана и русских добровольческих частях в Киеве. Вывезен в Германию. С 1919 г. в Русской Западной армии, затем в лагере Нью-Маркет в Англии. С осени 1919 г. в артиллерии Северо-Западной армии. Награжден Георгиевским крестом. Прапорщик (с начала января 1920 г.). В эмиграции во Франции. Умер 18 сентября 1983 г. в Париже.

[244] Продолжение воспоминаний светлейшего князя А. Айвена, публикуемых в 1-м разделе.

[245] **Соболевский Михаил Яковлевич** (Хан-Кирант-Мирза

Соболевский), р. в 1883 г. Из рода ногайских ханов. Полоцкий кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1903). Полковник 1-й, затем 6-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. Осенью 1918 г. сформировал и возглавил добровольческий отряд в Полтавской губ. (с 1 декабря 1918 г. – Отдельный Полтавский добровольческий батальон). С мая 1919 г. командир 3-го батальона Ливенского отряда. В Северо-Западной армии; с 6 августа 1919 г. командир 3-го (19-го) Полтавского стрелкового полка 5-й (Ливенской) дивизии, летом – осенью 1919 г. начальник штаба той же дивизии. Генерал-майор (с января 1920 г.). Весной 1920 г. в 3-й Русской армии в Польше. В эмиграции в Данциге, председатель объединения Ливенского отряда. Умер 7 июня 1930 г. там же.

246 17-й Либавский полк. Сформирован к июню 1919 г. в Ливенском отряде как 1-й батальон, затем полк. Насчитывал 800 штыков. В июле (850 штыков) вошел в состав 5-й пехотной дивизии Северо-Западной армии. К началу октября 1919 г. имел 450 штыков. В декабре 1919 г. в полку насчитывалось 78 офицеров. 19 декабря 1919 г. объединен с 18-м Рижским полком в Либавский полк (полковник Бирих). Командиры: подполковник Янович-Канеп (июнь – июль 1919 г.), генерал-майор барон Ф.В. Раден (июль – 25 октября 1919 г.; убит), полковник В.Г. Бирих (с 25 октября 1919 г.).

247 18-й Рижский полк. Сформирован к июню 1919 г. в Ливенском отряде как 2-й батальон, затем полк. Насчитывал 400 штыков. В июле (450 штыков) вошел в состав 5-й пехотной дивизии Северо-Западной армии. К началу октября 1919 г. имел 450 штыков. В декабре 1919 г. в полку насчитывалось 36 офицеров. 19 декабря 1919 г. объединен с 17-м Либавским полком в Либавский полк. Командиры: генерал-майор С.З. Верховский (июнь 1919 г.), полковник Ф.Е. Еремеев (с августа 1919 г.).

248 19-й Полтавский полк. Сформирован к июню 1919 г. в Ливенском отряде как 3-й батальон, затем полк. Его ядро составили чины бывшего Полтавского добровольческого батальона, вывезенные с Украины в Германию (80 человек). Насчитывал 300 штыков. В июле (350 штыков) вошел в состав 5-й пехотной дивизии Северо-Западной армии. К началу октября 1919 г. имел 350 штыков. В декабре 1919 г. в полку насчитывалось 83 офицера. 19 декабря 1919 г. объединен со Стрелковым дивизионом в Полтавский полк (полковник Н.А. Козаков). Командиры: полковник М.Я. Соболевский (июнь – начало октября 1919 г.), полковник Л.А. Бобошко (начало октября – ноябрь 1919 г.).

[249] Стрелковый дивизион. Сформирован к июню 1919 г. в Ливенском отряде. Включал 3 эскадрона и пулеметную команду (полковник Долгов). Насчитывал 250 спешенных кавалеристов. В июле вошел в состав 5-й пехотной дивизии Северо-Западной армии. В декабре 1919 г. в нем насчитывалось 49 офицеров. 19 декабря 1919 г. объединен с 19-м Полтавским полком в Полтавский полк. Командир – подполковник (полковник) Н.А. Козаков. Командиры эскадронов: полковник Синегуб, полковник Ильяшевич, штабс-ротмистр Ильяшевич (убит).

[250] **Енш Анатолий Арнольдович,** р. в 1902 г. С 19 мая 1919 г. вольноопределяющийся Ливенского отряда, затем в 1-м стрелковом (17-м Либавском) полку 5-й (Ливенской) дивизии Северо-Западной армии. Тяжело ранен. Старший унтер-офицер. В эмиграции в Чехословакии, инженер. Умер в январе 1936 г. в Праге.

[251] Впервые опубликовано: Памятка Ливенца. 1919–1929. Рига, 1929.

[252] **Ган Г.** Подпоручик. С начала 1919 г. в Ливенском отряде, к июню 1919 г. в пулеметной роте, затем в 5-й (Ливенской) дивизии Северо-Западной армии. В эмиграции.

[253] Впервые опубликовано: Памятка Ливенца. 1919–1929. Рига, 1929.

[254] **Юргенсон Герман Иванович,** р. в Эстляндской губ. Штабс-капитан. В июне 1919 г. заведующий хозяйством пулеметной роты Ливенского отряда. В Северо-Западной армии (зачислен с 20 июля 1919 г.); в декабре 1919 г. старший офицер пулеметной роты 5-й пехотной (Ливенской) дивизии. В эмиграции председатель Объединения Ливенцев в Данциге.

[255] **Крузе Эдгар Гугович,** р. в Эстляндской губ. Прапорщик. В июне 1919 г. заведующий оружием пулеметной роты Ливенского отряда. В Северо-Западной армии (зачислен с 20 июля 1919 г.), в декабре 1919 г. в пулеметной роте 5-й пехотной дивизии.

[256] **Келлер Карл Федорович.** Подпоручик. В Северо-Западной армии (зачислен с 20 июля 1919 г.); в сентябре – декабре 1919 г. обер-офицер для поручений штаба 5-й пехотной (Ливенской) дивизии. Поручик.

[257] Впервые опубликовано: Памятка Ливенца. 1919–1929. Рига, 1929.

[258] Автор – старший унтер-офицер Стрелкового дивизиона 5-й (Ливенской) дивизии. Имя его (ввиду проживания в приграничной полосе) в источнике не названо.

[259] Впервые опубликовано: Служба связи Ливенцев и Северозападников. Декабрь 1930. № 3.

[260] **Синегуб Валентин Константинович,** р. в 1877 г.

Полтавский кадетский корпус (1895), Николаевское кавалерийское училище (1897). Полковник 10-го уланского полка, командир 10-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. Летом 1918 г. в Ахтырке. В Северо-Западной армии (зачислен с 1 июня 1919 г.), с августа 1919 г. командир 1-го экадрона стрелкового дивизиона 2-го полка Ливенской дивизии, в декабре 1919 г. командир 1-го экадрона Стрелкового дивизиона 5-й пехотной дивизии. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Лазарев». В 1921 г. командир дивизиона Николаевского кавалерийского училища. В эмиграции в Югославии, жил в Земуне, служил в югославской армии. Умер до 1965 г.

261 **Соколов Николай Александрович.** Прапорщик. В Северо-Западной армии (зачислен с 1 июня 1919 г.); в Тульском отряде, с августа 1919 г. в 3-м экадроне стрелкового дивизиона 2-го полка Ливенской дивизии, в декабре 1919 г. в Стрелковом дивизионе 5-й пехотной дивизии.

262 **Сибиркин Дмитрий Васильевич.** Прапорщик. В Северо-Западной армии (зачислен с 1 июня 1919 г.); летом 1919 г. в Тульском отряде, в августе 1919 г. в 3-м экадроне стрелкового дивизиона 2-го полка Ливенской дивизии, с декабря 1919 г. в Стрелковом дивизионе 5-й пехотной дивизии.

263 **Д.И. Котомкин** служил добровольцем в пулеметной роте Ливенского отряда и затем в 1-м полку 5-й пехотной (Ливенской) дивизии Северо-Западной армии.

264 Впервые опубликовано: Памятка Ливенца. 1919–1929. Рига, 1929.

265 Впервые опубликовано: Военная Быль. Ноябрь 1959. № 39.

266 Впервые опубликовано: Памятка Ливенца. 1919–1929. Рига, 1929.

267 **Андреев Владимир Георгиевич.** Поручик. В Северо-Западной армии (зачислен с 15 октября 1918 г.); в сентябре – декабре 1919 г. командир 1-го батальона 12-го Темницкого гренадерского полка. Штабс-капитан (с 24 июля 1919 г.).

268 Впервые опубликовано: Служба связи Ливенцев и Северозападников. Декабрь 1930. № 3.

269 Впервые опубликовано: Памятка Ливенца. 1919–1929. Рига, 1929.

270 Продолжение воспоминаний К.И. Дыдорова, публикуемых в 1-м разделе.

271 Так называли в армии Англию.

272 **Решетников Евгений Николаевич.** Подполковник. С 1918 г. в гетманской армии; войсковой старшина, 30 ноября 1918 г. назначен в 21-й легкий артиллерийский полк. В Северо-

Западной армии (зачислен с 15 июля 1919 г.); в декабре 1919 г. начальник штаба 5-й пехотной дивизии.

[273] Впервые опубликовано: Часовой. Сентябрь – октябрь 1983. № 645.

[274] **Яковлев М.И.** Воронежский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище. Штабс-капитан артиллерии. В Добровольческой армии и ВСЮР; в сентябре – октябре 1919 г. начальник Волчанского отряда, затем на Польском фронте. Летом 1920 г. командир бригады в польской армии и в 3-й Русской армии, заместитель Булак-Булаховича по Русской Народной армии. Есаул. В эмиграции в Литве, до 1927 г. в Вильне, издатель газеты «Новая Россия», затем в Польше, в отряде Булак-Булаховича участвовал в обороне Варшавы. Арестован немцами в 1940 г. Погиб в апреле 1941 г. в концлагере в Аушвице.

[275] **Пермикин Борис Сергеевич,** р. 4 апреля 1890 г. Санкт-Петербургский университет (не окончил). Произведен в офицеры из вольноопределяющихся (1914). Штабс-ротмистр 9-го уланского полка. Георгиевский кавалер. В 1918 г. был на Юге, затем в Петрограде. В Северо-Западной армии; с октября 1918 г. в Отдельном Псковском добровольческом корпусе в полку Булаховича (перешел от красных вместе с ним); с октября 1918 г. ротмистр, командир офицерского отряда, в начале 1919 г. командир Талабского отряда (полка), с 30 мая 1919 г. полковник, с 18 октября 1919 г. генерал-майор, с 26 октября командир ударной группы, с 20 до конца ноября 1919 г. начальник 5-й дивизии. С августа 1920 г. командующий 3-й Русской армией в Польше. Генерал-лейтенант (1920). В эмиграции в Польше, в 1944–1945 гг. в резерве РОА. Умер 11 марта 1971 г. в Зальцбурге (Австрия).

[276] Впервые опубликовано: Часовой. Июнь 1958. № 388.

[277] **Куприн Александр Иванович,** р. 26 августа 1870 г. в Наровчате Пензенской губ. Из дворян, сын чиновника. 2-й Московский кадетский корпус (1888), Александровское военное училище (1890), Гатчинская авиационная школа. Поручик 46-го пехотного полка, в 1914–1915 гг. в Государственном ополчении. Выдающийся русский писатель. В Северо-Западной армии; в октябре 1919 г. редактор армейской газеты «Приневский Край». В эмиграции с лета 1920 г. во Франции (в Париже). В мае 1937 г. вернулся в СССР. Умер 25 августа 1938 г. в Ленинграде.

[278] Впервые опубликовано: Купол Святого Исаакия Далматского. Рига, 1928.

[279] **Краснов Петр Николаевич,** р. 10 сентября 1869 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян ВВД, сын генерала, казак ст.

Каргинской Области Войска Донского. Александровский кадетский корпус (1887), Павловское военное училище (1889), Офицерская кавалерийская школа. Офицер л. – гв. Атаманского полка. Генерал-майор, командир 3-го конного корпуса. Георгиевский кавалер. С 25 октября 1917 г. возглавлял борьбу с большевиками под Петроградом. Зимой 1917/18 г. скрывался в ст. Константиновской. С 3 мая 1918 г. по 2 февраля 1919 г. войсковой атаман ВВД, генерал от кавалерии (26 августа 1918 г.). В Северо-Западной армии с 22 июля 1919 г.; до 9 сентября 1919 г. в резерве чинов при штабе армии, затем начальник отдела пропаганды, с января 1920 г. русский военный представитель в Эстонии, член ликвидационной комиссии Северо-Западной армии. В эмиграции в Германии, с марта 1920 г. под Мюнхеном, к ноябрю 1920 г. в Берлине, с 22 ноября 1921 г. в Сантени (Франция), с апреля 1936 г. в Далевице, под Берлином. На декабрь 1924 г. почетный вице-председатель объединения л. – гв. Атаманского полка. С 31 марта 1944 г. начальник Главного управления казачьих войск при министерстве восточных областей Германии. Выдан англичанами в Лиенце 19 мая 1945 г. и вывезен в СССР. Казнен в Москве 16 января 1947 г.

[280] **Лавров Алексей Семенович.** Поручик. В Северо-Западной армии (зачислен с 14 октября 1918 г.); в октябре – декабре 1919 г. командир 1-го батальона 6-го пехотного Талабского полка. Штабс-капитан (с 28 февраля 1919 г.). Ранен.

[281] **Александра Николаевна Юденич (урожденная Жемчужникова) –** супруга генерала Юденича. В эмиграции во Франции. Умерла 12 марта 1962 г. в Каннах.

[282] Публикуется по изданию: Часовой. Октябрь 1962. № 437.

[283] **Покотило Илья Васильевич.** Сын генерала от инфантерии. Капитан. В Северо-Западной армии; адъютант генерала Юденича. В эмиграции во Франции. Умер в 1963 г. в Ницце.

[284] **Щербачев Дмитрий Григорьевич,** р. *6* февраля 1857 г. Орловская военная гимназия (1873), Михайловское артиллерийское училище (1876), академия Генштаба (1884). Офицер л. – гв. Конной артиллерии, л. – гв. Егерского полка, командир л. – гв. Павловского полка. Генерал от инфантерии, главнокомандующий армиями Румынского фронта. Георгиевский кавалер. С апреля 1918 г. представитель Добровольческой армии в Румынии, с 13 октября

1918 г. представитель при союзном командовании (утвержден 2 февраля

1919 г.), с 30 декабря 1918 г. военный представитель русских армий при союзных правительствах и союзном командовании, с

января 1919 г. по май

1920 г. представитель Верховного правителя адмирала Колчака и начальник управления по снабжению белых армий в Париже. В эмиграции во Франции, с 1931 г. член учебного комитета Высших военно-научных курсов, член полкового объединения л. – гв. Павловского полка. Умер 18 января 1932 г. в Ницце (Франция).

[285] **Пилкин Владимир Константинович,** р. 11 июля 1869 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян Санкт-Петербургской губ., сын адмирала. Морской корпус (1890). Контр-адмирал, командир 1-й бригады крейсеров Балтийского флота. В Северо-Западной армии; с января 1919 г. член Особого комитета в Финляндии, с июля 1919 г. начальник Морского походного штаба, с августа по 3 декабря 1919 г. морской министр правительства Северо-Западной области. В эмиграции во Франции, секретарь кают-компании в Ницце. Умер 6 января 1950 г. в Ницце (Франция).

notes

Примечания

1

Опубликовано в той же Памятке Ливенца (см. комментарий 46).

2

Ошибка. Правильно – Александр.

3

Правильное написание фамилии: Кнорринг.

Булак-Булаховича нередко именовали Балаховичем.

5

Здесь и далее Н.Н. – это Николай Николаевич Юденич. *(Примеч. ред.)*